Л.А. БУЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

[redacted]

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
академик Акад. наук УССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

Пятое, дополненное и переработанное издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
Киев — 1958

Леонид Арсеньевич Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку

Редактор Г. З. Гринштейн
Техн. редактор Л. И. Клименко Корректор Н. Н. Толстой

Сдано в набор 23/III 1957 г. Подписано к печати 2/I 1958 г. Бумага $60 \times 92^1/_{16}$.
Печат. лист 30,5, условн. лист. 30,5, издат. лист. 33,4 Тираж 8.500. БФ 01701.
Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа».
Киев, Ново-Павловская, 2, издат. № 9441.
Цена без переплета 6 руб 70 коп. Переплет 1 руб. 50 коп.

Зак. № 560. Книжная фабрика им. Фрунзе Главиздата Министерства культуры УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

> «...«материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».
>
> Фр. Энгельс, «Анти-Дюринг», 1950, стр. 303.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 4-МУ ИЗДАНИЮ.

Задача предлагаемой части курса и в новом, переработанном, издании та же, что и в предшествующих, когда она представляла собой отдельную книгу,— дать в руки студента филологического факультета дополняющее лекции пособие, которое, во-первых, помогло бы ему сознательно отнестись к языковой стороне изучаемых памятников литературной русской речи, во-вторых, дало бы исторический комментарий к фактам современного литературного языка, вне истории его непонятным, неясным и вообще выигрывающим в перспективности и ясности при привлечении соответствующего исторического материала.

Автор думает, что книга оказалась бы полезной в их работе также и преподавателям языка.

Выходить в комментировании за пределы славянской системы автор считал нежелательным, хотя и не избегал этого в отдельных случаях, этого требовавших.

В качестве материала для суждения о фактах, предшествовавших образованию восточнославянских языков, привлекаются сопоставления, главным образом в фонетике (специально — в области ударения) и морфологии (для синтаксиса это должно было бы вызвать очень значительное увеличение объема книги) из других славянских языков, естественно, больше всего — из старославянского, отражающего в ряде черт, по всем вероятностям, особенности еще более древнего строя. Из других языков индоевропейской системы материал, параллельный славянскому, берется преимущественно в случаях, где он по архаичности тех или других своих черт способен помочь осветить в историческом аспекте соответственные славянские (рус-

ские) факты. Полезен в этом отношении, конечно, и такой живой язык, как литовский, и поэтому чаще, чем к другим, пришлось, особенно в области ударения, обращаться к нему.

Важный момент методологического порядка, проходящий через книгу,— возможно строгое понятие фонетической закономерности, т. е. полноты осуществления явлений фонематического порядка при исторических сменах одних звучаний другими в коллективах — носителях соответствующих языков или диалектов. Это понятие (независимо от тех в большей или меньшей мере существенных ограничений, которые в него необходимо внести, считаясь, напр., с темпом, в котором произносятся определенные слова, в первую очередь, служебного характера, с их эмоционально-волевой окраской и под., с контактом между собою близких по языку коллективов и т. д.) вполне оправдало себя практически применительно к самым различным языкам и, естественно, должно быть применено и к изучению истории родного. Эти сопоставления тем естественнее, что «...нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка» (И. Сталин).

Выбор освещаемых в книге моментов, в отдельных пунктах условный, диктовался преподавательским опытом автора и тем кругом вопросов, с которыми к нему в течение ряда лет обращались преподаватели русского языка и начинающие ученые. Во всем существенном сделанный выбор совпадает с действующей программой по истории русского языка для педагогических институтов и университетов, и это дает право рассчитывать на то, что книга в известной мере обеспечит потребности преподавания данного предмета в высшей школе.

Иллюстративный материал взят главным образом из памятников Московской Руси, как наиболее важных для истории именно русского языка.

Что касается периода восточнославянской письменности от XI до XIV в., изучаемого на филологических факультетах Украины в параллельном курсе истории украинского языка, то автор, считаясь также с необходимостью уложить большой материал в тесные рамки небольшой книги, нашел полезным ограничиться относительно него только общими замечаниями и привлечь из материала памятников этого периода лишь самое необходимое.

Целью книги был прежде всего, как ясно из ее заглавия, исторический комментарий к современному литературному языку. Правописно-палеографической стороны памятников автор прямо не имел в виду и нашел возможным поэтому, считаясь также с большими техническими трудностями точного воспроизведения текстов, трудностями, не окупающимися непосредственной полезностью при учебной работе, цитацию максимально упростить: старинная орфография что касается знаков ъ, ѣ, ѳ заменена новой; старославянское йотированное ѥ заменено буквою є; вместо оу, читавшегося как у, дается у; введена современная пунктуация и т. п. Там, где для сути дела была важна старинная орфография (в фонетике, отчасти в морфологии), при цитации она сохраняется.

Библиографические справки автором ограничены вообще важнейшими книгами и статьями, но в случаях, где его освещение расходится с заслуживающими серьезного внимания другими точками зрения, выдвинутыми в более специальной литературе, он не отказывался от ссылок.

Надо, однако, заметить, что автором отнюдь не имелось в виду уделить внимание научным контроверзам в полной или даже в большой мере. В самом изложении контроверзы затронуты только в минимальной мере; сноски, которыми автор тоже старался не злоупотреблять, отсылают к полезным дополнениям и к иным толкованиям.

Книга построена в расчете, что материал ее будет изучаться студентами уже после серьезного знакомства с фактами, которые они усвоили из курса «Введения в языкознание», и что они твердо овладели материалом и важнейшими приемами сравнительно-исторического изучения старославянского языка. Считаясь с полезностью методологического углубления этой стороны науки, получившей свое особенное значение после указаний И. В. Сталина о пользе и недостатках сравнительно-исторического метода, мы даем особым разделом сжатое изложение принципов сравнительно-исторического исследования.

В методическом плане заметим, что книга отнюдь не самоучитель для студентов и может быть для них до конца полезна только как пособие при лекциях по истории русского языка с соответствующими практическими занятиями по памятникам под руководством преподавателя.

За все обоснованные указания критики и товарищей по специальности автор будет глубоко благодарен в надежде использовать их

для дальнейшего возможного улучшения книги. Уже и теперь долг благодарности обязывает его упомянуть о ряде ценных замечаний к первому изданию, полученных им письменно от покойного академика Б. М. Ляпунова, ко второму изданию — в статье тоже, к сожалению, уже покойного профессора А. М. Селищева, напечатанной в «Ученых записках Моск. Городск. педаг. института, Каф. русск. яз.», вып. I, 1941 г., стр. 175—196, к третьему изданию — от проф. С. Г. Бархударова (письменно) и в обширной и содержательной рецензии профессоров П. С. Кузнецова и В. И. Борковского,— Русский язык в школе, 1951 г., № 2, стр. 66—76, и др.

В статье А. М. Селищева, правда, относительно много утверждений, с которыми автор книги согласиться не мог. Прямые возражения требовали бы относительно много места и отвлекали бы читателя к частностям, не существенным в общем плане книги; поэтому соответствующие спорные вопросы оставлены в новом издании без рассмотрения или, в большинстве случаев, освещены в соответствии с собственными мнениями автора без прямых ссылок на статью Селищева.

Русскому языку первой половины XIX века, затронутому в книге лишь в очень небольшой степени, посвящен отдельный двухтомный труд автора (I том, вышедший в 1941, и II, вышедший в 1948 году).

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящем, переработанном издании «Исторический комментарий к русскому литературному языку» во всем основном сохраняет свой прежний характер. Это пособие для преподавания истории русского языка на филологических факультетах университетов и педагогических институтов, причем не истории русского языка в целом, т. е. не совокупности его говоров, а только той его, правда особенно важной, части, которая относится к устной и письменной речи русского народа. Предмет рассмотрения в книге составляют как факты современного нам литературного языка, получающие свое объяснение в давнем и близком прошлом (это было главной задачей книги), так отчасти и некоторые старинные факты, если пути их развития могут считаться в той или другой мере проливающими свет на важные тенденции развития русского языка вообще (особенно много такого материала включено в отдел «Синтаксис»). Метод

освещения материала в книге — в основном сравнительно-исторический. К сожалению, по условиям издания и по самим установкам использования книги на филологических факультетах не представлялось возможным расширить ее в сторону привлечения возможно богатого материала из других славянских языков, не говоря уже об индоевропейских вообще. Такого рода работа, по-видимому,— дело будущего,— хотелось бы думать, что, с ростом нашей высшей школы, уже недалекого.

Л. Булаховский

ЗНАКИ.

* — реконструируемая (не засвидетельствованная ни в живом языке, ни в памятниках) форма.

o < a и под. — o произошло из a и под.;

a > o и под. — a дало (изменилось в) o и под.

Дужка под гласной — неслогообразующий звук во второй части дифтонга.

Кружок под r, l, m или n — сонорный согласный, образующий слог.

Горизонтальная черта над гласной — долгота.

Крючок под гласной (кроме словенского научного письма) — знак носового резонанса.

Черточка за согласной сверху — смягченность согласного звука.

`` — в сербском письме — знак нисходящей краткой интонации (иначе — «острой») подударного гласного.

⌒ — в сербском и словенском письме знак нисходящедолгой интонации подударного гласного.

´ — в письме болгарском и восточнославянских народов знак ударения; в сербском и словенском — знак подударного гласного с восходящедолгой интонацией; в чешском и словацком — знак долготы гласного; в литовском — знак нисходящедолгой интонации подударного гласного; для древнегреческих слов — знак «острого» ударения.

` — в сербском — знак восходящекраткой интонации подударного гласного: в словенском — знак краткости подударного гласного, то же в литовском.

~ — в литовском — знак восходящедолгой интонации подударного гласного; в древнегреческом — знак «облеченного» ударения.

В примерах из словенского языка — ǫ читается как o с предшествующим слабым призвуком (неслоговым u); ę — как e с предшествующим слабым призвуком i.

В примерах из словенского языка точка под o обозначает очень закрытое произношение этого гласного звука; точка под e — произношение e с особым (неслоговым) i перед ним.

Важнейшие (встречающиеся в приведенных в книге примерах) особенности алфавитов.

Кириллические алфавиты.

Старославянский:

ѫ (юс большой) — буквенный знак носового гласного заднего ряда — носового o.
ѭ (йотированный юс большой) — знак й + носовое o.
ѧ (юс малый) — знак носового гласного переднего ряда — носового e.
ѩ (йотированный юс малый) — знак й + носовое e.

ѣ — (ять) — знак особого гласного звука переднего ряда.
ъ — знак особого редуцированного (глухого) гласного звука заднего ряда.
ь — знак особого редуцированного (глухого) гласного звука переднего ряда.

Болгарский:

ъ — знак особого редуцированного гласного звука заднего ряда.

Белорусский:

і равняется русскому **и**.
— неслоговое у.
— звонкий согласный типа **h**.

Украинский:

и передает звук, близкий к русскому ы (обычно — более передний); **і** — русск. **и**.
е не смягчает предшествующего согласного звука.
ї = йи; є = русск. е.
г — звонкий согласный типа h.
дз — аффриката $\widehat{dz}$; дж — аффриката $\widehat{d\check{z}}$.

Сербский:

е — е, не смягчающее предшествующих согласных.
љ, њ — смягченные **л**, **н**.
ћ — сильно смягченное **т** с легким пришепетыванием (тот же звук, что и пол. ć).
ђ — сильно смягченное д с легким пришепетыванием (тот же звук, что и пол. dź).
џ — аффиката **дж.**
ј — й.

Латинские алфавиты.

Для реконструкций: y — русское **ы**; **i** — русское **и**; **z** — **з**; **c** — **ц**; **ž** — **ж**; **š** — **ш**; **č** — **ч**; **dz** — аффриката — укр. дз; **dž** — аффриката — укр. дж.

Для санскрита, имеющего свое письмо, принята транскрипция:
h за согласным — знак придыхательного произношения согласного звука;
ḥ — h.
ċ — знак звука **ч** (č).
j — знак звука дж (dž).
y — знак звука й (j).

Для греческого, имеющего свое письмо, транскрибируются: υ — через y; υ во второй части дифтонгов — через **u**; ζ — через **z**; ϑ — через **th**.

Для чешского алфавита характерны буквы:
ě — знак гласного е, перед которым смягченно звучат **n**, **d**, **t**. Последние «мягки» и перед **i**. После губных согласных ě звучит как — i̯e.
y — звук, произносимый близко к **i** без смягчения предшествующего согласного.
ů — долгое **u**.
z — русское **з**.
ř — специфически чешский согласный — «мягкое» **r** с пришепетыванием («мягкий» **ж** или **ш**).
ň — нь (ń).
Ď, d' — дь (d').
Ť, t' — ть (t').
l — читается обычно как «среднее» («европейское») **l**.
č — русск. **ч**.
ž — звучит близко к русскому **ж**.
š — звучит близко к русскому **ш**.
c — звучит как русское **ц**, ch — русск. **x**.

В словацком письме употребляются:

ä — знак звука, переходного от a к e (звучит близко к русскому a, смягчающему предшествующий согласный: в *память*, *время*).
ô — звучит как uo͡.
ia, ie, iu обозначают гласные, произносимые как один слог.
e — смягчает предшествующие n, d, t, l.
dz — укр. дз, dž — укр. дж.

В польском письме приняты буквы:

ą — носовое o.
ią — обозначает смягчение предшествующего согласного + носовое o.
ę — носовое e.
ię — обозначает смягчение предшествующего согласного + носовое e.
y близко к русск. ы.
ó — читается u.
ł — «твердое» л.
l — ль (l′) с некоторыми оттенками в зависимости от положения.
w — русское в.
ż — русск. ж.
rz — обозначает обычно звук ж (из былого р); после p, t, k — ш: rzeka — «жэка», rząd — «жонд»; przy «при» — «пшы», trzy «три» — «тшы», krzyczeć «кричать» — «кшычець».
cz — укр. ч (ч «твердое»).
sz — русск. ш.
c — русск. ц.
ch — русск. х.

Смягчение согласных (кроме l) обозначается не перед гласным черточкой над буквою: chodzić «ходить»; mroźny «морозный»; но буквой i перед гласными: pieprz «перец» — «пепш», piechota, czarniuchny «черненький»; niemy «немой» и под.

Для литовского алфавита характерны:

Дифтонги au, ai... (с неслоговыми u, i), ie. Закрытый гласный e обозначается буквой ė.

Согласные: z — з, ž — ж, š — ш, č — ч, c — ц. Есть аффрикаты dz, dž.

Смягчение согласных передается буквой i перед гласными, которые за ними следуют.

Для латышской азбуки:

Слитные гласные — ie, uo; имеют скользящий уклад артикулирующих органов, представляющий незаметную смену ряда укладов на протяжении артикуляции гласного.

ai, ei, au и другие дифтонги произносятся с неслоговым i, u.

l произносится перед гласными переднего ряда («мягкими») как «среднее» («европейское») l; l в других случаях — как русское «твердое» л.

ļ произносится как русское ль (л′).

Сочетания типа ne, ni произносятся с «твердым» согласным. — š — ш; ž — ж, č — ч, dz — укр. дз; dž — укр. дж.

ЗАМЕЧАНИЯ О МЕСТЕ УДАРЕНИЯ

Для языков сербохорватского, чешского (со словацким) и польского могут быть даны общие указания.

В литературном сербохорватском языке ударение, сравнительно с русским, украинским и белорусским языками, обычно на слог ближе к началу слова (конечного ударения, следовательно, не бывает): мѐтла: русск. «метла̂», о̏вца: «овца́»; ма̀лина: «мали́на»: ка̀лина: «кали́на».

В языках *чешском* и *словацком* (слабое) ударение падает иа первый слог слова: skála: русск. «скала́», okno: русск. «окно»; práni «стирка»; padesát «пятьдесят», naliti «налить», таким образом, сильнее других соответственно выделяются слоги: ska-, o-, pra-, pa-, na-.

Общим правилом для *польского* языка является удареиие предпоследнего слога слова: слова cierpieć: русск. «терпе́ть», sierota: русск. «сирота́», wydawać: русск. «выдава́ть» произносятся соответственно с ударением на слогах: cier-, ro-, da-.

I. ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДО КОНЦА XVIII ВЕКА.

§ 1. Литературный язык восточных славян XI и ближайших столетий.

Литературный язык первых веков письменности восточных славян, древнерусский (памятники его восходят ко второй половине XI в.; древнейшие, сохранившиеся в позднейших списках, тексты относятся, однако, к значительно более раннему времени — включенные в начальную летопись договоры киевских князей с греками —911, 944 и 971 гг.), является во всем существенном общим языком предков трех нынешних восточнославянских народов — русских, белорусов и украинцев.

«Русский» литературный язык времени раннего феодализма (XI—XIV вв.) нельзя поэтому охарактеризовать, отмечая только те его особенности, которые с бо́льшим или меньшим правом могут считаться принадлежностью говоров обоих нынешних наречий русского языка. Хотя некоторые фонетические, а отчасти и лексические черты восточнославянских диалектов, таких, например, как новгородский или говоров — предков украинского языка, проявляются и в ранних памятниках с достаточной выразительностью и отражают естественную для феодализма раздробленность средств языкового общения, но в целом письменный язык феодальной Руси даже с чертами диалектов — предков великорусского не есть еще язык, который с достаточным правом можно было бы назвать собственно русским, противопоставляя его, напр., украинскому.

Важно и то, что рядом с восточнославянской основой письменности, главным образом — деловой, обращавшейся на территории феодальной Руси, очень влиятельную роль осуществлял с последней четверти X в. в жанрах, так или иначе связанных с церковностью, обнаруживавший сильную тенденцию подчинять себе и другие виды письменности (напр., летопись) славянский книжный язык, занесенный на Русь извне. И исторические свидетельства и данные самого языка по памятникам не оставляют сомнения в том, что язык этот по своему происхождению литературный болгарский IX в., построенный на основе македонского наречия

Солуни, что и овладение им и пользование были возможны в тех чертах, которые отражены в памятниках, только при очень сильном влиянии школы с учителями-болгарами[1].

Те элементы живой восточнославянской речи, которые легли в основу начальной письменности и которые необходимо должны были проникать также в принесенный извне письменный язык, вопреки, казалось бы, естественному ожиданию, кроме некоторых фонетических черт, не носят на себе отчетливой диалектной окраски. Один из авторитетных знатоков древнерусской литературы и языка акад. В. М. Истрин так характеризует русский язык XI—XIII вв: «Примеров... провинциальных разновидностей общелитературного языка мы... не имеем и говорить о них не можем, исходя лишь из теоретических соображений, подкрепленных историческими фактами...»

«Разумеется, и в разговорном языке каждого местного высшего слоя общества существовали свои провинциализмы, которые могли

[1] Та разновидность старославянского языка, которая была в обращении на Руси, главным образом после 988 года, времени принятия христианства в Киеве, как есть серьезные основания думать, уже в ряде особенностей отошла от языка, легшего в основу первоначальной славянской письменности, связываемой с именами Константина (Кирилла) и Мефодия, ее первых представителей (862 и ближайшие годы). По-видимому, восточные славяне первоначально находились в общении главным образом с восточными болгарами, которые к концу X века уже обладали своей богатой письменностью и выработанной для нее более или менее устоявшейся редакцией книжного языка, не во всем сходного с тем «македонским» (солунского наречия), который лег в основу первоначальных переводов с греческого в богослужебных текстах, вышедших из рук Константина и Мефодия и их ближайших учеников. Вместе с тем, факты ведут нас и к другому очень вероятному предположению, что со времени великого князя Ярослава (великий князь — 1019—1054 гг.) приток церковнославянской литературы восточноболгарской редакции в большой мере уступает место рукописям западноболгарского и сербского происхождения. Приходится во всяком случае считаться с тем, что на восточнославянской почве старославянский язык обращался не в своем чистом, первоначальном, виде, а в уже более или менее уклонившихся от него южнославянских редакциях («изводах»), не говоря уже о том, что сама новая для него, восточнославянская почва должна была налагать и, действительно, налагала на хоть и близкий, но чужой только путем длительного изучения усваиваемый язык и свои определенные фонетические и морфологические особенности.

Аргументация акад. В. И. Ламанского («Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник»,— Журн. мин. нар. просв.,СCCII, 1904, янв., стр. 163—165), дополненная в относительно недавнее время рядом серьезных соображений академика С. П. Обнорского («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946, и предшествующие работы) и др., позволяет относить зарождение деловой русской письменности ко времени, значительно более раннему, чем время дошедших до нас памятников церковного содержания (вторая половина XI в.). Если допускаемое Ламанским наиболее раннее время — исход IX в.— остается сомнительным ввиду слишком большой близости к дате изобретения славянской азбуки для моравян (около 863 г.), особенно если учесть, что «кирилловское» письмо изобретено, повидимому, позже принадлежащего непосредственно Кириллу (Константину) глаголического,— то начало X в. (договор Олега относится к 907 г.) уже достаточно вероятно. «Договоры с греками,— как замечает Ламанский,— с некоторыми лишь болгаризмами писаны чисто русским языком, и официальные переводы их с греческого были сделаны не болгарами, а восточными, русскими славянами».

входить и в письменность, как напр., слово «олонесь» в значении «в прошлом году» в Новгородской летописи (Синод. сп. XIII в.), но таких слов, как доказывают древнейшие памятники, было незначительное число. В общем же книжный литературный язык был один и тот же на всем пространстве Руси»[1].

Констатируемый Истриным факт может толковаться по-разному. Менее всего доказательно то соображение, что в X—XIII вв. восточнославянский язык еще был мало расчленен на диалекты и что единство литературного языка поддерживалось по сути единством самого разговорного языка, более или менее одинакового и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке. Конечно, во время, о котором идет речь, «народный язык» отдельных восточнославянских племен (предков русских, украинцев и белорусов) не мог еще так сильно различаться от диалекта к диалекту, как это имело место с дальнейшим историческим распадом старых племенных, политических и экономических связей; но уже a priori маловероятно, чтобы на огромных пространствах, занятых восточнославянскими племенами, при, естественно, несовершенных путях сообщения, при системе феодального хозяйства, язык не оказался сильно раздробленным. Да если бы было и не так, всё равно искусственный книжный язык Руси XI—XIII вв. мало выигрывал бы от близости или даже единства разговорного языка на другой народной основе. Причины единства древнерусского литературного языка как общевосточнославянского — иные: «Киевские князья, — объясняет Истрин, — посылали по городам или своих сыновей, или посадников, приводивших с собой и дружину, а киевская духовная власть наделяла те же города высшим и низшим духовенством, приносившим с собой разнообразного содержания книги. Те и другие, кладя основание высшему слою общества, сливались с местными уроженцами и создавали тот же книжный литературный язык, который существовал и в Киеве, лишь с очень незначительными местными особенностями. Что же касается словарного материала, то он в сильной степени зависел от вращавшейся в каждой местности письменности, а эта письменность... проявлялась в одно и то вже время всюду — и на юге и на далеком севере... Существенное значение... оказывала книга: провинциальный русский книжник — и в Новгороде, и в Ростове, и во Владимире, и в Галиче — учился по тем же книгам, по которым учились и киевские книжники, из таких же книг почерпал всю свою книжную мудрость, и естественно, что и писать он должен был на том же языке, на котором была написана вся тогдашняя литература»[2].

---

[1] В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы, 1922, стр. 82.— Об *олонесь* см. Б. М. Ляпунов, Этимологические исследования в области др.-русского языка, «Русск. филол. вестн.», 1916. № 4.

[2] Возражения против этого проф. Ф. П. Филина (Очерк истории русского языка до XIV столетия, Учен. зап. Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, XXVII, Каф. русск. яз., 1940, стр. 79—80), будто в древних русских летописях отражены многочисленные диалектные словарные расхождения, не

Не меняется заметно положение и с XIII в.— с запустением Киева и с сосредоточением русской государственности на северо-востоке в иной племенной области. И на новых местах, самые названия которых даются нередко из памяти о юге, культивируется тот же традиционный язык, который принадлежал письменности Киевской Руси: «Язык таких произведений северо-востока XIII в., как «Моление Даниила Заточника»[1], «Послание Симона к Поликарпу», «Поучения Серапиона Владимирского», «Житие Авраамия Смоленского», ничем не отличается от языка таких памятников, как: «Поучения Феодосия», «Поучение Мономаха», «Слова Кирилла Туровского» и т. п.; точно так же, напр., самостоятельная часть «Летописца Переяславля Суздальского» (начала XIII в.) по языку ничем не отличается от «Повести временных лет» как в ее древнейшей части, так и в позднейших» (Истрин, стр. 83).

Язык книги в общем продолжает оставаться традиционным и долгое время спустя не порывающим с установившимся в киевскую пору составом слов и форм, насколько, разумеется, это удается желающим сохранить его именно таким — книжникам, работающим в новых политических и культурных центрах.

Такой блестящий, хотя и уединенный среди дошедшей до нас старины, памятник художественной речи XII в., как «Слово о полку Игореве», позволяет с большой убежденностью говорить о мощной словесной культуре, которая в Киевской Руси не ограничивалась духовной тематикой, но, вбирая в себя многочисленные национальные элементы, охватывала и светские жанры высокого значения и общественного и эстетического.

достаточно убедительны: *вѣверица* «белка» — слово, широко известное не только южнорусским, но и русским памятникам из различных областей (см. материал у Срезн., 1, 477) и многим славянским языкам вообще; *волна* «шерсть» (Срезн. 1, 380)— тоже; с *гать* ср. волог. *загат, загатка* «защита изб соломой на зиму» и серб., словен. и т. д. точные соответствия значению *гать* в летописи.

Несколько других приведенных Филиным будто бы южнорусских слов — обычные церковнославянизмы либо слова, распространенные во многих славянских языках; в существенном то же приходится сказать и о примерах, относимых им к области севернорусской: см. к *вялица* — Срезн., I, 267; к *вятший* (вящий)— Срезн., I, 505—506; к *обилие* ср. хотя бы Lexicon palaeoslov.-gr.-lat. Ф. Миклошича, 464, и т. д. Но немногочисленные диалектные расхождения, по преимуществу относящиеся к конкретным бытовым понятиям, *вьршь* «жито», *звук* «осколки, щебень» и др., конечно, существовали.

Не внесла необходимости иначе смотреть на дело и новая книга того же автора — «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)», Учен. записки Ленингр. гос. педаг. инст. им. А. И. Герцена, т. 80, 1949 г., с трудолюбивой обработкой соответствующего материала, но с серьезными изъянами методологии, подсказанными концепцией Н. Я. Марра.

Ряд замечаний критического характера по этому поводу и подробное изложение вопроса см. в моей книге на украинском языке «Питання походження української мови» («Вопросы происхождения украинского языка»), 1956 г., глава VI, стр. 82—104.

[1] Время составления «Моления Даниила Заточника» некоторыми исследователями считается более ранним.

Но не этой, наиболее совершенной художественной манере суждено было историей дать общий характер древнерусской словесной эстетике. В большинстве произведений, где эстетическая задача выступала с достаточной отчетливостью, стиль национальный отступает перед господствующим византийским. «Первые переводы,— говорит акад. А. С. Орлов[1],— были сделаны у южных славян с таких культовых писаний, подлинники которых повторяют черты высоко-поэтического ориентализма своих источников, с его, так сказать, «вечной» стилистической гармонией языка. Нет сомнения, что древние переводчики-славяне подчинились влиянию этого свойства своих образцов и по их типу сгармонизировали свою речь. К этому надо прибавить влияние эллинистическо-византийское, которое культивировало и декламационную, ораторскую сторону языка, унаследованную и от ориентализма и от античности. Переработка всех этих элементов в византийской, а затем и в болгарской лаборатории X в. дала в результате тот своеобразно-гармонический литературный язык, которому затем подчинилась и Россия, на многие века признав его изысканные, изящные по-своему, основания». Болгарско-византийская стилистическая манера делается основой русской церковно-художественной, рассчитанной главным образом на верхи общества, проповеди (к наиболее высоким образцам относятся: «Слово о законе и благодати» Илариона, первой половины XI в., проповеди Климента Смолятича, которого летопись характеризует: «бысть книжник и философ, так якоже в русской земли не бяшеть», втор. пол. XII в.; Слова Кирилла Туровского, втор. пол. XII в.) и в целом ряде жанров устанавливается как стилистический идеал, как образец для более или менее приближающегося к нему подражания. Закрепленная на восточнославянской почве болгарско-византийская стилистическая манера со всеми типическими особенностями занесенного на Русь чужого языка живет в течение веков.

Наряду с книжным церковнославянским должен был, однако, существовать и выступать в качестве влиятельного близкий или во всяком случае гораздо более близкий к народному, не чуждавшийся областной окраски язык деловых документов и законодательных актов. Еще недавно было распространено мнение, что и для этих произведений древнерусской письменности нужно принять как основу заносный болгарский язык, с которым, однако, в документах такого рода обращение было намного более свободно, так что уже очень рано он выступал в них с очень значительной примесью разговорного русского языка. Этой концепции в последнее время противопоставлена серьезно обоснованная точка зрения акад. С. П. Обнорского[2], который

[1] Русский язык в литературном отношении,— «Родной язык в школе», № 9, 1926, стр. 30.

[2] С. П. Обнорский, «Русская правда» как памятник русского литературного языка», «Изв. Акад. наук СССР», 1934, стр. 749—776; Очерки по истории русского литературного языка, М.-Л, 1946 г.

на основании анализа языка главным образом древнейшего из дошедших до нас списков «Русской правды» приходит к выводу, что уже в XI в. при великом князе Ярославе Владимировиче в употреблении был в документальной письменности язык вполне русский, «русский во всем своем остове».

«Этот русский литературный язык старшей формации», как думает Обнорский, «был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры, но, с другой стороны, ему не были чужды иные воздействия — воздействия, шедшие со стороны германского и западнославянского миров»[1]. Известные вероятности говорят за то, что этот наиболее чистый тип русского делового письменного языка создался первоначально на севере (в Новгороде), тогда как юг (Киев), вероятно, издавна, только менее решительно преодолевал и в письменности этого рода воздействие «образцового» книжного языка на южнославянской основе.

Заметим, что обогащение наших сведений, которое получено в последние годы наукою русского языка благодаря открытию многочисленных новгородских деловых документов, писанных на бересте[2], не внесло, однако, каких-либо серьезных изменений в наши представления об этой стороне дела. Некоторый областной налет в деловой речи Новгорода и устной, и письменной, конечно, был не только в фонетике, и в грамматике, как издавна было известно, но и в словарном составе, и, вместе с тем, этот налет не прокладывал в древнерусской письменной речи граней настолько заметных, что позволял бы на надежных основаниях в речи предков нынешних великорусов различать вполне определенные местные говоры, не говоря уже о «языках». Тщательно обследовавшая лексику берестяных грамот Н. Б. Бахилина констатирует, что «бо́льшую часть лексики новгородских берестяных грамот составляют слова общенародные, общерусские, вошедшие в язык с древнейших времен и употребляемые в русском языке и в настоящее время» (Палеогр. и лингв. анал., стр. 169). Слова более или менее специфические относятся к понятиям узкого экономического и правового значения (денежные единицы, судебная номенклатура и под.). В других памятниках древнерусского языка нет только встречающегося в одной

[1] С выводом об отсутствии «каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры» нельзя согласиться уже хотя бы потому, что само письмо, которым пользовалась старая Русь, одинаково и северная и южная, представляло несомненно продукт болгарско-византийский и притом в «старшей формации» теснейшим образом связанный с культом. Подробный анализ памятника см. в книге Обнорского же «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946, стр. 9—31.

[2] См.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953; А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954; Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, М., 1955.— Рецензия Л. А. Булаховского, Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., том XV, вып. I, 1956, стр. 76—81.

грамоте первой четверти XV века *(в)аци*: «.д. (в) аци солоду», вероятно, в значении меры веса [1].

С другой стороны, письменность религиозная и те немногочисленные виды светской, которые находились с ней в тесной идеологической и стилистической связи, в процессе своего приспособления к русской языковой почве утрачивают чистоту своей южнославянской основы, допускают всё большее и большее проникновение фонетических и лексических восточнорусских элементов, и пути их развития вплоть до конца XIV в. обещают тип литературного языка если не очень сильно, то по крайней мере заметно сближенного с речью феодальной верхушки [2].

Существенное значение в истории русского языка имело, однако, совершавшееся в течение XV в. возвращение литературной речи к южнославянским книжным источникам.

Во многом «обрусевший» к XV в. письменный церковнославянский язык, бывший в обращении на территории Руси, в XV в. переживает сильную реакцию. Он заметно отрывается от сделанных приобретений живой речи, архаизируется, усложняется синтаксически в духе византийского «вития словес» и на письме выступает в оболочке усложненной орфографии с чуждыми его фонетике особенностями южнославянской графики.

Эта реакция совпадает с возобновлением сношений с центрами греко-славянской религиозной образованности, где списываются и откуда присылаются на Русь книги, окруженные ореолом образцовости и в их содержании и в их языке. Как желанные гости и учителя принимаются на Москве южнославянские церковные деятели, влияющие, естественно, в направлении приближения литературного языка к привычным для них и представляющимся им авторитетными южнославянским образцам. Влияние это оказывается настолько сильным и длительным, что, как утверждал акад. И. В. Ягич, «без правильной оценки его становится непонятным то большое количество славянских элементов, слов и оборотов, которое до сих пор существует в русском литературном языке» [3].

Влияние подобной силы не могло, конечно, быть случайным, и корней его нам надо искать не только в авторитетности южнославянских церковных деятелей, приехавших в страну, духовенство которой само чувствовало свою недостаточную образованность в области обслуживаемого им культа, но и в самих тенденциях русского духовенства конца XIV и начала XV в. В борьбе за свое влия-

---

[1] Иначе Н. М. Дилевска, Бълг. език, 1956 г., № 3, стр. 263.

[2] Важен в аспекте обнаружения русской языковой основы в таких памятниках, как сочинения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», анализ их, произведенный С. П. Обнорским в названных «Очерках по истории русского литературного языка», 32—198.

[3] И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, 1889, стр. 152—153. Ср. и А. И. Соболевский, Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, СПБ, 1894.

ние церковники увидели в южных славянах с их языковыми тенденциями желанных союзников. Книжные образцы, привезенные ими, «ответили чаяниям и русского духовенства, жаждавшего реформы, понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника — литературного языка, воплотившего в себе язык церковный...» Реформируя орфографию и язык церкви в направлении их большей усложненности, обособленности от живого и повседневного, духовенство (вернее, те, кто задавал в нем тон) могло «чувствовать себя удовлетворенным: над народной стихией и над светским литературным языком одержана великая победа: церковный язык не смешается с языком подьячего съезжей избы, пишущего грамоты, совершающего сделки на простонародном грубом языке» [1].

Книжное слово служит «важному», требующему для своего выражения особого, приобретенного «наукой» подхода; победу одерживает признание такой его природы и неприкрытое, резко выражаемое стремление отгородиться от манеры говорить «якоже поселяне». Противоположные тенденции — к сближению языка богослужебной книги с русским, т. е. с разговорным языком, рассматривались руководящими кругами духовенства как проявление протестантских, еретических мнений.

Мнение чернеца Нила Курлятева, последователя Максима Грека, шло явно вразрез с господствовавшим в верхах консервативным убеждением в ценности языковой «реформы» XV в.: «А Киприан митрополит...— писал Курлятев,— и нашего языка довольно не знал. Аще и с нами [с ними] един наш язык сиречь славянский, да мы говорим по своему языку чисто и шумно, а оне [нерусские славяне — сербы] говорят моложаво, и в писании речи наши с ними не сходятся. И он мнелся, что поправил псалмов по нашему, а болши неразумие в них написал в речех и в словех... и ныне многыя у нас и в ся время на (sic!) книги пишут, а пишут от неразумия все по сербски, и говорити по письму по нашему языку прямо не умеют и многыя неразумныя смущаются... и сия доселе недостанет нам лето на повествование» [2].

Ценившие пышность культового слова и благоговевшие перед его таинственной непонятностью видели в киприановской реформе осуществление высокой цели, борьба за которую есть священное дело верующих. Выразителем такого убеждения является, напр., в XVI в. инок Зиновий Отенский (ум. в 1568 г.): «Мню же,— пишет он,— и се лукавого умышление в христоборцех или в грубых смыслом, еже уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей, аще же и есть полагати приличнейшим мню от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжныя на-

---

[1] А. А. Шахматов, Курс истории русского языка (литогр.), I, изд. 2, стр. 205—206.

[2] Труды III Археолог. съезда в России, Киев, т. II, 231—232; 1878, Амфилохий.

родными обесчещати»[1], иначе говоря, он полагает, что нужно народный язык поднимать к церковному, а не церковный «вульгаризировать» («обесчещивать»), сближая с народным.

Не всё, однако, возвращенное вспять к старославянским источникам следует отнести в составе русского литературного языка только на счет исправителей XIV—XV вв.

Хотя победу архаизаторских тенденций XV—XVI вв. нужно поставить в связь с упомянутыми устремлениями духовенства, но очень вероятно, что его победа на этом этапе оказалась возможной в значительной мере благодаря соответствию его нормализаторских устремлений общим объединительным устремлениям и «пышности» нарождавшейся в течение XV в. централизованной бюрократической монархии.

Укрепившись в XVI в. и в лице Иоанна IV достигши наиболее яркого выражения, самодержавие смотрит на духовенство как на силу, подлежащую использованию в своих интересах, и, задерживая или истребляя в своей практике то, в чем церковники могли пойти путем, противоречившим этим интересам, по-видимому, и в области языка намерения церковников согласует с духом своей политики. Показательно во всяком случае, что «исправительская» работа в области церковного языка приходится и в XVI в. и после (в XVII в., при царе Алексее) именно на моменты усиления бюрократической монархии.

Типические черты этого эстетически, по понятиям времени, выдержанного литературного языка — обилие искусственных элементов, так или иначе продолжающих работу над пополнением церковно-схоластического словаря, унаследованного от старины; «философская» направленность, сугубая абстрактность привлекаемой книжниками лексики — «высота словес»; синтаксическая пышность широко развернутой, не легкой для произнесения и понимания, но с установкой на своеобразную гармоничность построенной фразы — «извитие словес». В задачи этого слога не входило ни говорить работающей мысли, ни взволновывать направленных на живое чувств — он в его типических формах служил средством передачи застывшей важности идей, представлявшихся раз и навсегда созданными, и одному господствующему настроению — благого-

---

[1] Корни этого высокомерного отношения к народному языку понятны в аспекте психологии времени и классового сознания тех, кто считал себя носителем наиболее высокого в плане идейно-религиозном и с ним стилистическом. Уже знаменитый проповедник — вития своего времени митрополит Иларион (средина XI в.) в своем «Слове о законе и благодати» (дошедшем до нас в списке XVI св.) провозглашает на чистом старославянском языке: «Не к неведущим бо пишем, но преизлиха насыщьшемся сладости книжныя» — «Мы пишем не для непросвещенных, но для тех, кто с избытком насытились сладостью книжною». Митрополит Климент Смолятич, которого летопись характеризует как небывалого на Руси «книжника и философа», в послании к смоленскому пресвитеру Фоме (около середины XII в.), заметившему ему, что язык его [Климента] посланий неразумителен, — отвечает ему презрительной фразой, смысл которой — что писаное им, Климентом, никак не предназначалось для него, Фомы, а для князя.

вейному удивлению пред величественным по его содержанию и выражению. Мысли и чувства иного порядка, сковываемые традициями этого книжного церковного или от церкви зависимого стиля, только относительно редко пробивались наружу через его получившие устойчивое влияние формы, но, как ни важны они в качестве свидетельства о наличии живых элементов, готовых служить или, по крайней мере, стать наряду с традиционными церковными,— взломать последние принципиально им не удается почти до самой середины XVII в.

При всем этом характерно, что поддержание старинного языка в любой книге уже и значительно раньше требовало от того, кто хотел в большей или меньшей степени что-то «сочинять», давать от себя,— слишком много ученого усердия и начитанности.

А. И. Соболевский [Несколько мыслей о древней русской литературе, Изв. II отд. Акад. наук, VIII (1903 г.), кн. 2, стр. 143 и сл.] считает, что XVII в.— время замирания древней русской литературы, и на вопрос о причине этого явления отвечает: «Кажется, дело в языке этой литературы. Как известно, переводы многих произведений греческой литературы, южнославянские и русские, древнейшие (IX—X веков),— не блещут достоинствами; некоторые из них едва ли были понятны даже самим переводчикам. Как также известно, писцы при переписке часто искажали тексты и своими ошибками и описками превращали понятные места в непонятные. Тем не менее многие древние переводные тексты... были достаточно понятны для русского читателя X—XIV веков... В XVI веке, при дальнейшем изменении живого русского языка и ослаблении традиции, московский читатель стал уже затрудняться при чтении многих из тех памятников, переводных и оригинальных, которые были писаны на славянском языке. Отсюда такие заявления, как у Курбского. Последний был почитателем и любителем славянского языка, и тем не менее у него о «Богословии» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха мы читаем, что это произведение «ко выразумению (=пониманию) неудобно и никомуже познаваемо (=ни для кого не понятно)».

§ 2. Древнерусская лексика в памятниках Московской Руси.

В отношении нормы как грамматической, так и лексической московского **языка приказов и делового языка вообще**, значительно более близкого к разговорному, чем тот, который так или иначе был связан с церковностью (теоретические жанры), стоит отметить факт, параллельный констатированному для книжного языка эпохи раннего русского феодализма,— при наличии некоторых фонетических и очень немногих морфологических расхождений вся документальная письменность московского государства по языку едина. Различия, характеризующие докуметы новгородские и рязанские (двух других политических центров старой Рос-

сии) сравнительно с московскими, малосущественны. Так, Б. Унбегаун указывает только некоторые слова, относящиеся к мореплаванию и торговле, которые можно встретить лишь в новгородских документах (германизмы: *шкипер*, *буса* «род корабля», *ласт* «балласт», *берковеск* «берковец» и под.; *зобня*, *коробья*, *оков*, *пошев*, *пуз* — меры); отдельные татаризмы, обычные в московских памятниках и не встречающиеся в новгородских (*алтын*, *армяк*, *кафтан*); тверск. и новгор. *собина* «собственность» (моск. *товар*, *живот*, *рухлядь*) и под.[1]

Для характеристики древнерусской лексики так, как она отразилась в памятниках **Московской Руси**, важно уяснить себе те жанры, в которых она культивировалась в хотя бы относительной независимости от лексики определенно церковной, южнославянской (главным образом болгарской).

Памятниками этой лексики являются прежде всего жанры п р а к т и ч е с к и е (прикладные): грамоты (документы юридического характера, манифесты), законодательные акты сборного рода (судебники), официальные донесения, переписка; из т е о р е т и ч е с к и х, менее чистых по языку: летописи и родственные им типы литературного творчества, произведения с наставительными целями, произведения описательного характера (главным образом описательно-повествовательного).

И з г р а м о т М о с к о в с к о й Р у с и особый интерес представляют, естественно, древнейшие. К ним принадлежат семь завещаний московских князей (древнейшее — Духовная Ивана Калиты, ок. 1327 г.), договоры московских князей с удельными и Литвой и др.

Относительно большими собраниями лексического материала ю р и д и ч е с к о г о х а р а к т е р а являются Судебники 1497 г. (Иоанна III), 1550 г. (Иоанна IV), 1589 г. (Федора) и Уложение 1649 г. (Алексея Мих.).

Среди многочисленных и разнообразных о ф и ц и а л ь н ы х д о н е с е н и й могут быть упомянуты такие, напр., как отчет Я. Молвянинова Иоанну Грозному о посольстве его к папе Григорию XIII (1582 г.), для XVII в.— многочисленные интересные материалы, относящиеся, напр., к восстанию Степана Разина, к делу патриарха Никона и под. и, как выдающийся памятник более художественного, чем собственно делового языка, «История об Азовском осадном сидении донских казаков».

Драгоценными памятниками старинного эпистолярного слога являются, напр., для XVI в. письма вел. кн. Василия Ивановича к его жене, исключительная по представляемому ею интересу переписка Иоанна Грозного с Андр. Курбским, его же грамоты 1572 и 1573 гг. к шведскому королю Иоанну III, послание Грозного игу-

---

[1] B. U n b e g a u n, La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550). I. La flexion des noms, Paris, 1935 (Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad, XVI), стр. 11 и след.

мену Кирилло-Белозерского монастыря; для XVII в.— переписка патриарха Филарета с его женою и под.

Среди литературы путешествий, мемуарной и под. важны, напр., вошедшее в так называемый Софийский временник «Хожение за три моря» тверитина Афанасия Никитина (между 1466—1472 гг.), Отчет посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622 гг.), Хождение на Восток в 1624 г. Ф. А. Котова, и ряд других с характерной лексикой бытовой экзотики; для XVII в.— замечательный мемуарный памятник древнерусского языка — «Житие» протопопа Аввакума.

Чрезвычайно обильны и разнообразны материалы летописного характера, литература назидательно-повествовательная и под.[1].

Словарь понятий бытовых нам открывается из этой литературы по преимуществу в документах административного, в меньшей мере — юридического порядка и в таком, напр., исключительном в этом отношении памятнике, как «Домострой».

Ср. и ценные в этом же отношении описи имущества, напр., патр. Никона («Дело патр. Никона»), кн. Голицыных («Розыскн. дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. III и IV); извлечения из рукописей архива Моск. оружейной палаты в книге П. И. Савваитова — «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия и пр. ...», СПБ, 1865 г., и мног. под.

В отличие от черт, характерных для современности, нам не приходится бытовую лексику изучать по древнерусской беллетристике с надеждами, которые мы вправе возлагать на подобное изучение современной литературы, с ее широким и многосторонним отражением быта. Древнерусская беллетристика в основном или нравоучительна и корнями своего слога уходит в церковность, или, даже когда она носит светско-сюжетный характер и служит занимательности, стилистически еще сильно связана с традицией повествовательно-морализирующего жанра, а сама установка на динамический сюжет, на захватывающую смену событий сказочного рода мало способствует обрисовке реальных повседневных вещей.

То, что применительно к допетровской Руси можно назвать терминологической лексикой, охватывает, если не говорить об обильнее всего представленной терминологии церковно-богословской, такие сферы: у нас есть относительно многочисленные источники старинной грамматической терминологии[2]; кое-что сделано для изучения старинной философ-

[1] Подробные данные и библиографию см. главным образом по художественной литературе в курсах древней русской литературы А. Н. Пыпина (т. I и II), В. А. Кельтуялы (2 изд. 1913 г.), Е. В. Петухова (3 изд. 1916 г.), П. Н. Сакулина (ч. I, 1928 г.), А. С. Орлова (1937, 1939 гг.), Н. К. Гудзия (5 изд. 1953 г.) и др.

[2] Ср. И. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, СПБ, 1895; С. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПБ, 1904; И. Ягич, История славянской филологии, СПб, 1910, гл. II; Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, СПб, 1911, т. I, гл. I.

ской лексики[1]; хорошо представлена терминология экономическая и юридическая[2]; собрана большая медицинская терминология[3]; главным образом в последнее время приведена в известность довольно значительная терминология ряда производств[4]; собраны материалы по исторической лексике книжного дела [5].

См. также терминологический материал, отмеченный в содержательной книге Т. Райнова «Наука в России XI—XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу», 1940 г., в частности по физиологии (стр. 85—86, 95—96, 98—99), по химии (стр. 250—252, 305—309, 319), по математике и механике (стр. 295—301).

Военную терминологию XVII в. дает «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», 1647 г. Особенно важен в этом отношении «Устав ратных, пушечных и других дел», писанный около середины XVII в. и изданный двумя выпусками в 1777 и 1781 гг. Книга Райнова подробно знакомит с ним (стр. 288—371).

Древняя Русь, конечно, знала ряд областей быта и деятельности, номенклатурная (терминологическая) лексика которых позже вышла из употребления и в настоящее время оказывается поэтому понятной далеко не полностью. Ограничимся упоминанием хотя бы номенклатуры соколиной охоты, номенклатуры, относительно хорошо известной, например, из знаменитого «Урядника» времени царя Алексея Михайловича и из писем царя к разным лицам. Вот небольшая выдержка из его письма (Колязин, 11 июня 1650 года) к стольнику Ар. И. Матюшкину: «... да писал ты к нам, что кречеты Булат и Стреляй загрызли в вабилах осорьи, а пускать без нашего

---

[1] Ср., напр., В. П. Зубов, «Физика» Аристотеля в древнерусской книжности,— Изв. АН СССР по Отд. общ. наук, 1934 г., стр. 635—652, в частности — стр. 638—640.

[2] См., напр., А. Н. Андреев (ред.), Терминологический словарь частных актов московского государства, Рос. Акад. наук., П., 1922; Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, 1937, представляющие собой «указатель общественно-политических и экономических терминов, встречающихся в изданных письменных памятниках с древнейших времен до XV века включительно».

[3] См. «Материалы для истории медицины в России», вып. I, XVII в., 1629—1645, СПБ, 1881 г.; вып II, 1645—1674, 1883 г.; вып. III, 1645—1674, 1884 г.; вып. IV, 1676—1682, 1885 г.

[4] См. изданные Институтом истории Академии наук СССР «Материалы для терминологического словаря древней России», 1937.

Из отдельных областей стоит отметить, напр., терминологию рудного дела и металлургии (см. «Материалы по истории экономического развития России», изд. Ист.-археологическим институтом Акад. наук СССР,— «Крепостная мануфактура в России», часть I— «Тульские и каширские железные заводы», 1930; часть II — «Олонецкие медные и железные заводы», 1931); полотняной мануфактуры (часть III — «Дворцовая полотняная мануфактура XVII века», 1932).

[5] П. Симони, Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси. Тексты.— «Памятники древней письменности и искусства», CXXII, СПБ, 1903 г. Его же: «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца» (Материалы для техники книжного дела и иконописи. Тексты). Памятн. древн. письмен. и искусства. CLXI, СПБ, 1906 г.

указу не смеете: и вам бы Булату, Стреляю, Нечаю и вперед живое класть в вабило и пускать, а посколку пускать осорей и сколко коршака пускать, и я вам о том сам приказывал; а будет не помните, и я ныне указываю вам: всякому кречету пустить по четыре осорьи опричь тех осорей, с которыми на земли валятца станут, да коршака по дважды всякому кречету первослепа, а в другой ряд, чтоб ставок пять-шесть зделал, да больши тово до меня не пускать, только вабить, а телоб у кречетов не убавлять, а розметоватца не давать, а доходить сквернами да воденинoю да держаньем...»[1]

Сферы эмоциональной лексики, которые можно различить в древнерусском, не отличаются большим разнообразием: исключительно богата и доминирует над остальными питающаяся соками старинного южнославянского языка синонимика торжественных понятий, с прозрачной эстетической тенденцией — «чем старее, тем выше, торжественнее»; иногда рядом с торжественной, но представляя в известной мере самостоятельный слой, выступает синонимика красивости, подчиненная собственно-эстетическим эмоциям; в полемической литературе известное место занимает лексика бранно-презрительная; тщателен отбор почтительного и уничижительного, с исключительной выразительностью проходящий по линиям классового расслоения и иерархии. Гораздо меньше, чем в народном языке, находит свое выражение, главным образом, впрочем, в словообразовании, эмоция ласковости[2].

Древнерусский литературный язык, как и всякий вообще, в слоге, избиравшемся для отдельных его жанров, проходил через удачи индивидуального творчества, делавшиеся затем предметом подражания и перенимания для других авторов, проходил через отложения устоявшихся и широко развившихся стилистических систем, причем, конечно, те или другие особенности слога определенных жанров не оставались всегда в них замкнутыми, но, понравившись, пролагали себе нередко путь в другие, не всегда даже им родственные. Ив. Пересветов (серед. XVI в.) повторяет, видимо любуясь образом: «И как учали быти в воли в цареве имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывати и *смертною игрою играти* и чести себе добывати». «А кто у царя против недруга крепко стоит, *играет смертною игрою*, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меншаго колена, и он его на величество поднимает, и имя ему велико давает, и жалования ему много прибавливает, ростит сердце воинником своим»[3].

В различных договорных текстах застывшей формулой делается яркий первоначально троп: ...А в тех въвел есми Геронтью свою землю, Лукинскую пустош, по рубеж по Кашинской со всем,

---

[1] Объяснения см. в издании П. Бартенева «Собрание писем царя Алексея Михайловича...», М., 1856 г., стр. 34 и под.

[2] Важнейшие для истории русской лексики памятники см. в «Проекте древнерусского словаря» Б. А. Ларина, 1936 г., стр. 87—173.

[3] *Смертная игра* — «поединок, турнир».

куда ходил плуг и коса и топор (Закладная XV в., Акты юр. II, № 126, III); А что моя отчина, пашенка новая Островское и деревни Седюковского угла, и что к ним исстари потягло, с лесы, и с пустошми, и з бортми, и з бобровыми и с рыбными ловлями и со всякими угодми, и что в тех лесах ухожая бортново, и *куды плуги и сохи, и косы, и топоры ходили*, и с луги, и с пожнями — и яз ту свою отчину ... после своего живота дал к Спасу в Ефимьев монастырь... (Дух. завещ. кн. Андр. Ногтева, 1534 г.); А отдали ему с путики и с ловищи, и с езовищи, и со всем угодием, *куды ходил топор, и соха, и коса*, и что к тому жеребию истарь потягло (Льготная крест. Сид. Демидову, 1604 г.)[1].

С некоторыми вариациями старинные авторы повторяют полюбившуюся им метафору: Ярослав же седе Кыеве, *утер пота* с дружиною своею, показав победу и труд велик (Лавр. сп. лет., под 6527 г.). Володимир сам собою постоя на Дону и *много пота утер* за землю Рускую (Ипат. сп. лет., под 6648 г.); Сии же добрыи Володимер язвен и труден въеха во город свои и *утре мужественаго поту своего* за отчину свою (Ипат. сп. лет., под 6693 г.). Лишь слегка варьируется в разных памятниках старинное выражение радости по поводу окончания писцом книги. В большинстве случаев это только «приличная» застывшая формула, никак не претендующая на оригинальность. Так, например, пятистрочная, засекреченная запись на Шенкурском прологе 1229 года (сгоревшая в Москве в пожаре 1812 года) читалась: «рад быс корабль преплывши пучину морьскую, тако же и писецъ кончавши кънигу сию. аминь»[2], и такие и подобные выражения можно десятками встретить и в других рукописях.

Образные выражения «Слова о полку Игореве»— «Тогда при Ользе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человеком съкратишась» применяет к событиям своего времени автор записи к книге Апостольских чтений 1307 г.: «Сего же лета бысть бой на Руськои земли, Михаил с Юрьемь о княженье новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы[3], и веци скоротишася человеком».

Стилистические приемы народного эпического и лирического творчества живою струею пробиваются вдруг среди летописного «Сказания о Псковском взятии» (ок. 1510 г.), и пафосом глубокой скорби звучит поэтический диалог: «О, славнейший граде Пскове великий! почто бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град

---

[1] Ср. и сходные формулы: «Куда моя рука ходила» для обозначения границ владения и «Куда коса с косою сходилася» — формула для обозначения границ сенного угодья.

Документацию см. в книге Г. Е. Кочина «Материалы для терминологического словаря древней России», 1937, стр. 163.

[2] *См.* Н. Сперанский, Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, Л., 1929, стр. 98.

[3] Слово *крамола* заменено синонимическим *котора*.

Псков: Како ми не сетовати, како ми не плакати и не скорбети своего опустения? Прилетел бо на мя многокрыльный орел, исполнь крыле львовых ногтей, и взят от мене три кедра Ливанова: и красоту мою, и богатество, и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наши...»

Образы и фигуры песенно-былинные, отзвуки, казалось бы, вовсе утраченной к XVII в. поэзии «Слова о полку Игореве» и подражаний ему, с исключительной силой вдруг выступают в не подающем к тому повода по теме донесении азовских казаков о выдержанной ими в 1641 г. осаде («История об Азовском осадном сидении»). Ср., напр.: «Все наши поля чистыя орды ногайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. От силы их многия и от рыскания их конскаго земля у нас под Азовом потряслася и погнулася; из реки у нас, из Дону, вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла». «И давно у нас, в полях наших летаючи, клекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону тихаго; всегда воют звери дикие, волцы серые, по горам у нас брешут лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи» и под.

Очень характерна лексика и весь вообще язык подражающей «Слову о полку Игореве» «Задонщины». Автор этого художественного, одического по его установкам, произведения XV века — «Софоний старец рязанец» даже, явно, не всегда понимает употребляемые им самим красиво-торжественные слова, но, видимо, не только ему самому, но и его читателям они представлялись тою отборной лексикой, которая оставалась нужной для определенно-художественного впечатления. Вдумываться в ее смысл, видимо, не очень стремились, как не смущались и нескладностями композиции частей «писания» или синтаксическими несообразностями вроде «се *аз* князь великы Дмитрии Иванович и брат *его* князь Володимер Ондреевич поостриша (3 лицо множ. числа) сердца свои мужеству...» (по списку XV в., 32—36). Относительно многочисленные списки свидетельствуют, во всяком случае, что «писание» нравилось, т. е. достигало своей литературной цели.

В этом сочетании индивидуальной и коллективной словесной работы выплавляются древнерусские стили, но вообще лишь медленно отлагаются особенности, по которым можно четко отличить их от южнославянского наследства. Для начала XIII в. мы имеем, напр., прекрасный образец древнерусской художественной лексики и синтаксиса в так называемом «Молении Даниила Заточника», обращении жителя Переяславля Суздальского к князю Ярославу Всеволодовичу. «Моление» это отражает, наряду с определенно русскими элементами[1], еще очень выразительный пласт лексики южнославянской. За четыре века, которые отделяют «Моление» от

---

[1] О них см. акад. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, 1946, стр. 121.

такого, напр., тоже светского памятника с художественной словесной установкой, как «Урядник Сокольничья пути», мы видим успехи русской художественной речи, но и тут констатируем, что на общем русском фоне «Урядника», хотя и относительно далеком от того, что нужно предполагать для русской разговорной речи верхних классов второй половины XVII в., традиционно выступает как средство вызывать художественную приподнятость синонимика понятий, корнями своими уходящих в большей или меньшей мере в эмоции церковного лирического слога лишь с относительно небольшой примесью необходимой по характеру содержания — лексики разговорной.

Ср., напр.: «...Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, никто же зазрит, никто же похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин, и образец положен по мере».

«Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет... По сих доброутешна и приветлива правленых ястребов и челигов ястребьих ловля...»

«О славные мои советники, и доброверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитеся, утешайтеся и наслаждайтеся сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущия лета».

«И став на место и поправяся добролично и добровидно, кликнет начального сокольника четвертаго и молвит...»

«...И станет поодаль царя и великаго князя человечно, тихо, бережно, весело, и кречета держит честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и ко красоте кречатьей»[1].

Еще естественнее, чем в лексике художественной, традиционность путей русского литературного словаря а б с т р а к т н ы х понятий.

Богатый словарь абстрактных понятий, громадное наследство

[1] Из наблюдений над особенностями древнерусского художественного слога интересны, напр., те, которые сделал в статье «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в.», «Извест. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», 1908 г., т. XI, кн. 4, 1909, стр. 344—379, А. С. О р л о в. (В этой же статье им указаны выдающиеся работы этого рода предшествующего времени — И. И. С р е з н е в с к о г о — о «Задонщине», Е. В. Б а р с о в а — «Слово о полку Игореве», С. Ф. П л а т о н о в а — «Др. рус. сказания и повести о Смутном времени XVII в.» и др.). Характерно, среди прочего, что повесть XVI—XVII в., культивирующая традиционный пышный риторический слог, «этикетную речь», вбирает в себя в это время роста национального сознания также некоторые элементы, мотивы и образы народной песни. В «Сказании о Казанском взятии» или «Истории о Казанском царстве» (1-я редакция — до 1573 г.), обычны, напр., эпитеты: «Изыде *на чистое поле* на великое», девицы — *красные*, теремы — *златоверхие*, светлицы — *высокие*, и под.

Богатое собрание материала, относящегося к старинной метафоризации, см. в книге В. П. А д р и а н о в о й-П е р е т ц «Очерки поэтического стиля древней Руси», 1947.

греческого философского богатства, перешедшего через византийскую богословскую схоластику в старославянскую письменность древней Руси, был достаточен и сам по себе, чтобы удовлетворить потребности «философской» мысли московских книжников, и имел в себе много такого, что с исключительной легкостью позволяло образовывать слова по типу уже ранее обращавшихся в книге. Не приводя примеров из литературы церковной, где подобной лексикой заполнена чуть ли не каждая строка, ограничимся двумя выдержками из сочинений определенно светских.

Вот, напр., слог характеристики Бориса Годунова в «Гранографе» Сергея Кубасова[1]: «Царь Борис благолепием цветущи и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея, муж зело чюден и сладкоречив, вельми благоверен и нищелюбив, и строителен вельми о державе своей, и многое попечение имея, и многое дивное от себе творяше; едино же имея неисправление и от Бога отлучение: ко врачем [гадальщикам] сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание, и на прежде бывших ему царей ко убиению имея дерзновение; от сего же и возмездие восприят».

Ср. и из «Урядника Сокольничья пути»: «А честь и чин, и образец всякой вещи, большой и малой, учинен по тому: честь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не твердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье...»

Пути образования отвлеченных слов, проторенные и легкие, соблазняли нередко старинных книжников создавать слова, лишенные действительной новой содержательности по отношению к уже существовавшим, но казавшиеся вносящими нечто от торжественности близких к ним по форме понятий и выполняющими таким образом известную эстетическую роль. Ср.: «...Якоже солнце, сияше православие в области и дръжаве вашего отчьства и дедства и прадедства великого твоего господьства и благородия...» (Соб. посл. 1480 г.); «...Великого государя царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Русии... высочайшего нашего царского порога чесные наши степени величества грозное сие повеленье с великосильною заповедью да есть» (Спис. XVII в. с грамоты Иоанна IV шведск. королю, 1572 г.), или, напр., слова, изобретенные для придания своему слогу пышности автором «Сказания о Казанском взятии»: *грямовение*, *грянутие* («от страха силного грянутия»), *убегжество* («умысли убегжеством сохранити живот свой») и под.,— Орлов, ук. соч., 354[2].

---

[1] (Первая четверть XVII в.) «Есть же книги сея [«Хронографа»] слагатай, рода Ярославскаго исходатай», тобольский боярский сын; но автор ее, по-видимому, как установил акад. В. А. Ключевский, кн. Ив. Мих. Катырев-Ростовский.

[2] О родственной особенности слога «Повести о прихождении короля литовского Стефана Батория» А. С. Орлов замечает: «Писатель прямо упивался шумом своей риторики и для вящшего внушения слуху ее красот постоянно ставил

Ближайшее семантическое родство суффиксов абстрактного значения позволяло легко создавать параллельные понятия, синонимы, вряд ли имевшие какое-либо, даже небольшое смысловое различие и в большей мере служившие, если из них не отбирался по тем или другим случайным мотивам определенный вариант, целям собственно-эстетическим. Ср., напр., видимо ритмически пригодившийся дублет в Послании Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря: «...ино подобает вам, нашим государем, и нас, заблудших во тьме гордости и сени смертней прелести тщеславия, *ласкосердства* же и *ласкосердия*, просвещати».

Особенно легко умножались сложные слова, и среди них такие незамысловатые для всякого, кто чувствовал потребность во внешне новом и вместе с тем эмоционально стоящем на путях церковной традиции, как бесконечные сочетания с *благо* — типа *благочестие*, *благочиние* и под.; с *добро* — *доброумие*, *добротворение*, с *зло* — *злодеяние*, *злообразие* и т. д.

Рядом с ними извлекались из унаследованного запаса и «ковались» наново такого же типа прилагательные и наречия, пышные и громоздкие, казавшиеся тоже отражающими работу философствующей мысли, служившие или впечатлению важности ученоторжественного слога или, рядом с этим, специальным эстетическим задачам.

Ср., напр., подобные слова в «Повести о прихождении короля литовского Стефана Батория в лето 1577-е на великий и славный град Псков»: *друголюбие*, *удобьвосходен*, *храбро-добропобедный*, *доброуветливый*, *каменно-дельный -оградный*, *гордо-напорная Литва* и под., или в «Уряднике Сокольничья пути»: «*Красносмотрителен* же... высокаго сокола лет... *Добровидна* же и кобцова добыча... По сих *доброутешна*... ястребов и челигов ястребьих ловля... Поохравяся *добролично* и *добровидно*...»

Эти новообразования продолжают появляться с большой свободой до самой эпохи падения самостоятельной роли церковнославянского языка в жанрах светского характера. Сильвестр Медведев, напр., как образованный книжник, пишущий в конце XVII в. свое «Созерцание краткое» в основном на церковнославянском языке, когда ему кажется нужным «литературно» передать, как униженно в надежде на помилование виновные стрельцы приносили с собою ко дворцу орудия казни, восклицая, что они ее заслужили, — передает это таким витиеватым образом: «...возложа на шеи

рядом однозвучные слова, над чем так смеялся Сервантес: многозельная злая..., многокрепления... крепости..., смиренномудростию умудряшеся..., адаманта тверждае утвердишася..., ко граду градоемного умышления..., злозамышленное их умышление..., мудроумышленного ума..., скорообразным образом...». «Манера выражаться с такой неловкой сложностью и искусственностью расцвела во Временнике дьяка Тимофеева (20-е годы XVII в.)», — ук. соч., стр. 363).

Параллели этому пристрастию древности к игре однозвучными словами нередки и в других памятниках; ср., хотя бы, начало известного «Слова о погибели русскыя земли» (XIII в.): «О светло светлая и украсно украшена земля руськая!».

свои сило, плахи же и топоры в руках держаху; и пришед ко крылцу, вергше плахи на землю, вонзивше в них топоры, главы положа на плахи, немалое время лежаху, вопияху же, яко недостойнии царского величества милости... и достойнии суть смерти *повисътелно* или глав *отсъкателно*» (стр. 177).

Церковнославянская языковая стихия, намеренно включаемая в письменную русскую речь, а за нею практически, вероятно, и в некоторые жанры устной, как известно, не перестает быть влиятельным элементом русского литературного языка не только в течение XIV—XVII веков, но и с большей или меньшей силой значительно позже — примерно, до середины XIX века, когда ее частичное употребление становится уже определенным признаком установочной архаизации.

Заметим, что вопрос о церковнославянской стихии как о книжной примеси исторически должен решаться в отношении древнерусского языка с большим вниманием не только к существовавшим в нем многочисленным (более многочисленным, чем обыкновенно думают) жанровым сферам применения, но и с серьезным учетом индивидуальных пристрастий различных деятелей древнерусской письменности. Литературная практика в этом отношении была, повидимому, относительно мало еще в XVII веке стеснена требованиями какой-либо суровой нормативности, и стилистической инициативе писавших оставлялся, если они того хотели, еще достаточно большой простор при выборе известных им элементов живого русского употребления или, наоборот, усвоенных ими через ту или другую школу чисто-книжных элементов хотя и родственной, но фактически чужой, оторванной от жизни и имевшей свои корни в православной церковной идеологии — искусственной речи[1].

§ 3. Иноязычные элементы в лексике древнерусской и петровского времени.

Если история русского литературного языка есть в большой мере история борьбы южнославянской литературной стихии и живых источников повседневного русского языка, образующих в их сочетании различные письменные и отчасти разговорные стили, то эта история не возможна также, особенно с конца XVI в., без правильного учета иноязычных влияний, кое в чем изменивших физиономию письменной и, надо думать, устной русской речи. Иноземные струи, проникавшие в литературный язык до XVI в.,— двух родов: одни (грецизмы) вошли уже как

[1] Не давая дополнительно к уже отчасти приведенным — примеров жанровых и индивидуальных различий отношения древнерусских писателей к церковнославянскому языку (главным образом — в лексике и синтаксисе), отсылаем хотя бы к недавно посмертно опубликованной содержательной статье профессора Л. П. Якубинского — «Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII века),— Ученые записки, том XV, фак. языка и лит. Ленингр. Гос. педаг. инст., 1956 г., стр. 3—35.

важный фонд новой культуры в лексику и синтаксис самого перенесенного на Русь старославянского языка; другие, проникавшие изустным путем и относящиеся только к лексике (скандинавизмы, тюркизмы), в общем не носили на себе печати стилистической отобранности и входили главным образом в жанры деловые или так или иначе связанные с бытом. К тому же скандинавское влияние было и неглубоким и преходящим, и ко времени выделения московского письменного языка от него остались в письменном (и, вероятно, в устном) употреблении очень немногие слова: *кнут*, *крюк*, *ларь*, *ларец*, *ябеда*, *ябедничество* (см. Судебн. 1497 и 1550 гг.), вероятно, *костер* (др.-русск. значение «куча») и *клеймо* (клейно: «А на дне клейно с финифтом золочоно»— Духовн. кн. Дм. Ив., 1509 г.); «Печати... золоты с царевым клеймом своим» (Ист. об Азовск. сид., 6).

Как старые тюркизмы могут быть из многих названы: *лошадь* (Лавр. и Ипат. сп. лет. под 6619 г. (1102); *ям* — «ямская повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу» (Ярлык Мен. Тим. 1267 г.), откуда позднейшее *ямщик*; *тамга* «вид подати» (Ярлык Мен. Тим. 1267) г., «торговая пошлина» (Дух. Ив. Кал. 1327—1328 гг.), «клеймо, печать» (Ярл. Тайд. 1351 г.), нынешнее *таможня*; *чум* «ковш» (Ипат. лет.; Дух. Ив. Калиты); *алтын* — 6 денег (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив. 1375 г.); происхождение слова бесспорно не объяснено: одни (напр., Богородицкий) сближают его с татар. *алты* — «шесть», другие (напр., Радлов) — с тюрк. *алтын* «золото»; *денга* — по происхождению то же слово, что и *тамга*; впервые встречается в договорной грамоте 1381—1382 гг.; *алачуга*, *олачуга*, *лачуга* (Новг. IV лет.)— тюрк. *алачук*; *башмак* (как прозвище в Соф. врем. под 1447 г.; в настоящем значении в 1642 г. Плат. ц. Евд.); *аргамак* (Дух. Салтык. 1483 г.); *ревень* (1489 г.— Пам. диплом. сношений с Пол.-литовск. гос., Мат. пут. И. Петлина, 29); *калпак*, *колпак* (Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.); *каблук* (Дух. в. кн. Дм. Ив. 1509 г.); *кабала* (напр., Судебник 1550 г., Новг. записн. каб. книги 1591 п посл. годов; более ранние примеры — Срезн., Матер., I, 1169); *набат* (Соф. врем. 1553 г.) «огромной величины медный барабан»; позднее — и в значении «колокола»; *кабак* (Весьегон. грам. 1563 г.); *кушак* (Опис имущ. ц. Ив. Вас., 1582 г.); *чюлѣк* (там же); *колчан* (Оруж. Бор. Год., 1589 г.); *нефть* (Хожд. на Вост. Котова, 97; друг. пам.— Срезн., II, 439). В турецком это слово из греческого; *нашатырь* (Дело Ник., № 100); *чардак* «чердак» (Закладная 1691 г.); *чулан* (Закладная 1691 г.); *каланча*: «...и учинили там сьезным избам вновь воровские свои прозвищи — коланчи» (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медведева), и др., главным образом термины административные, названия одежды, утвари и под.[1].

[1] П. М. Мелиоранский, Заимствоваиные восточные слова в русской письмеиности домонгольского времени.—Изв. II отд. Акад. иаук, X, кн. 4 (1905 г.), стр. 109—134. Специальио о восточных элементах в «Слове о полку Игореве»: П. М. Мелиораиский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»,— Изв. II. Отд. Акад. иаук, VII, ки. 2 (1902 г.), стр. 272—302; Ф. Е. Корш,

Изустным же путем попадали в древнерусский язык некоторые грецизмы; впрочем, число последних, если иметь в виду только слова, получившие широкое распространение, нельзя считать большим; к ним относятся: *аксамит, оксамит* «шелковая ткань вроде бархата» (Ипат. лет., Слово о полку Игор.); *катарга, каторга* «галера» (Хожд. Стеф. Новгор., Никон. лет., 1453 г. и др.); *кукла* (в письменности засвидетельствовано с XV в.); *лента* (древн. письм. *лентии*, ст.-слав. *лєнътиє*); *литавры* (засвидетельствовано с XVI в.); *лохань* (Уст. патр. Алексея XII—XIII в.); вероятно, *москоть* («москотильный товар: краски, клей, масло и т. п.»; *москотилие* — XV века); *оладья* («Проскинитарий» Арс. Суханова, XVII в., Домострой); *охра* (как *вохра* засвидетельствовано с XVII в.); *свекла* (Домостр.); *фитиль* (фетиль) (с XVII в.),— в новогреческом — из арабск., *фонарь* (Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Вас. Ив.) и некот. друг.[1].

Сближение русского литературного языка с европейскими начинается собственно с проникновения в него полонизмов. Борьба русского торгового капитала с польским за Ливонию, стремление Иоанна Грозного найти выход к Балтийскому морю и вернуть земли, захваченные Литвой и Ливонским орденом, приводит с 60-х годов XVI в. к более близкому, чем раньше, соприкосновению русских с поляками. Враждебные отношения ведут сначала к заимствованию из польского языка отдельных понятий военного характера; позже, особенно со времени вооруженной польской интервенции (Лжедимитрий), контакт русской общественной верхушки с представителями польского языка становится очень близким и, несмотря на вскоре последовавшее изменение отношений снова во вражеские, не таким преходящим, как можно было бы думать: в течение всего XVII в. с польского языка много переводится, и

Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского...),— там же, VII, кн. 4 (1903 г.), стр. 1—58; Мелиоранский, Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»,— там же, X, кн. 2 (1905 г.), стр. 66—92; Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского..., — там же, XI, кн. 1 (1906 г.), стр. 259—315; С. Е. Малов, Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве»,— Изв. Отд. лит. и языка Акад. наук СССР, V, вып. 1 (1946 г.), стр. 129—139; Е. К. Бахмутова, Иранские элементы в деловом языке Московского государства,— Учен. записки Казан. педаг. инст., вып. III, 1940 г.

[1] Вообще о греческом влиянии на русский язык ср. общие замечания А. И. Соболевского: «Как известно, греческое влияние на русский язык происходило прежде всего в домонгольский период, потом в период возобновления сношений русских с южным славянством в XIV—XV веках, наконец, во время греко-славянских школ на юге России и в Москве» (Отчет о присужд. премий М. И. Михельсона, 1909 г., стр. 4).

Хотя частично и устарела, во многом сохраняет свое значение книга М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды», III, Греческие заимствования в русском языке», СПб, 1909. Пособне практического значения, без серьезной научной обработки, представляет старая брошюра А. О. Поспишиля «Греческие слова в русском языке», Киев, 1901 г.— Научный анализ грецизмов, поступивших в литературный русский язык, дан в книге проф. В. А. Богородицкого «Общий курс русской грамматики», М., Л., 1935 г., стр. 325—330.

только с начала XVIII в., польское влияние спадает. Л. Баранович в письме к царю (1671 г.) свидетельствует, что «синклит царского пресветлого величества польского языка не гнушается, но чтут книги ляцкие в сладость». Царь Федор Алексеевич и сам владеет польским языком [1].

Говоря о польском влиянии, не следует также упускать из виду, что для XVII в. оно не является имеющим значение только само по себе. За ним в это время стоит вся приманчивость экономических связей с Европой вообще, и малое число прямых заимствований из немецкого свидетельствует, что, напр., такое «окно», как Новгород, для этого времени — менее влиятельный посредник, нежели Польша.

Польша же, перенявшая элементы немецкой технической цивилизации, привлекает к себе в это время как соседка, у которой можно (с известной, правда, осторожностью) перенять кое-что полезное из прикладных умений. Не случайно «делают про царской обиход полотна мастеровые люди немногие, русские и поляки, а иные люди в свое место наймуют делать их же, мастеров» (Котош., 107). Поляки же, и вместе с ними белорусы и украинцы, используются в московском государстве как специалисты по рудному делу, по изготовлению поташа, по строению мельниц и т. д.: ср., напр., отписку приказчика села Павловского Алексея Дементьева боярину Б. И. Морозову 1652 г.: «По твоему государеву указу велено поляков рудников и угольщиков и Торбу отпустить на Нис к рудному делу» (Хоз. Мороз., I, № 96). «Под селом Ворком на Поре на реке мельница, онбар и платина и всякое мельничное строенья, робота польская... Строил тое мельницу польский мельник Витепского уезду Еуплик Янав» (Хоз. Мороз., II, № 3). «Пруд и мельница построено при боярине Борисе Ивановиче Морозове: пруд и платина и мельница строенья польское. На мельнице мельник польской мужик, мельников Егупков сын Янька» (Хоз. Мороз., II, № 3). «А Мартын Пенко у меня для тово здесь и остался и жалованье ему дано, что горазд колес возковых и колымажных делать...» (Хоз. Мороз., I, № 55).

Вот несколько примеров старых полонизмов и европеизмов (латинизмов, германизмов и под.), усвоенных русским языком (иногда отдельными авторами) через польское посредство в допетровское время:

Аптека (ср. Аптекарский приказ — Котош., 109); *арака* (*арак*, Хоз. Мороз., № 29; источник слова в конечном счете арабский); *вахта* (Котош., 90, 91); *галун* (Дело Ник. № 105); *герб* (Котош., 28); *збруя* (Памятн. Смутн. врем., 77, 78: ...И с ними всем Полским и Литве в збруе во всей и со всем оружием; Стар. сборн., 1103); *инбирь* (Дело Ник., № 105); *канцлерия* «канцелярия» (Памятн. Смутн. вр., 90: В канцлерии нашей ей то в веки напишем); *капитан*

[1] Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, I, 1925, стр. 202.

(Кн. о ратн. стр.— Смирн.; Мат. Раз., III, № 7); *карабин* (Котош., 131); *карета* (в коретах, Котош., 61, и др.); *капрал* (*копрал*, Мат. Раз., III, № 59; в Кн. о ратн. стр.— *корпорал*); вероятно, *купорос* (Дело Ник., № 100); *лилея* (Стар. сборн., 1473: Лилея алая, утеха малая); *майор*, *маэор* (Дело Ник., № 94; Котош., 132; слово известно с XVI в.); *музика*, *музыка* (Котош., 13: А иных игр и музик, и танцов на царском веселии не бывает никогда; Стар. сборн., 1129: Замолкла музыка, как червь до языка); *мушкат* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *мушкет* (стрельба мушкетная, Ист. об Аз. сид., 4); *мышкет* (Мат. Раз., III, № 84); *отъютант* (Мат. Раз., III); *пансырь* (Библ., 1499 г.— Срезн.), *панцырь* (За кожею панъцыря нет — Стар. сборн. 1058), Пансыря за кожею не бывает (там же, 1881); *политика* (Котош., 5: ...Иных государств языка и политики не знают); *посторнак* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *поташ* — муж. р., *поташь* — жен. рода (Хоз. Мороз, I, № 156, Котош., 145); *потентат* (Котош., 27: А землею его царь не владеет, толко по его послушенству Грузинским пишется в титле к християнским потентатом, а к бусурманским не пишетца) (ср. 93); *профост* (*профосс*; Кн. о ратн. стр.— Смирн., 248); *процесия* (Котош., 66: Или когда видают царя в процесыях); *рейтар* (Котош., 104, 130 и дал., Мат. Раз. и мн. др.); *рота* (Памятн. Смутн. врем., 78); *рохмистр*, *ротмистр*: Да с них же взяли с пяти монастырей кормы рохмисту Синскому да рохмисту Юшинскому с товарищи всякие столовые и конские кормы... (Грам. Лжедимитрия гетм. Яну Сапеге, 1608 г.). Велел тут выехать за город и рохмистру Доморатскому (Памятн. Смутн. врем., 77), рохмистр Доморатцкой (78). А бывают у рейтар началные люди: полковники и полуполковники, и майоры, и ротмистры и иные чины, розных иноземских государств люди (Котош., 132); *салдат* (солдат; Кн. о ратн. стр.—Смирн.); *селитра* (см., напр., Дело о даче жалованья подьячим, посланным в Козельск для варки селитры, 1629 г., Строев, II); вероятно, *скипидар* (Дело Ник., № 100; ср. пол. spikanard, индейский нард,— Грот); *табак*, *табака* (который пьется: Судн. дело о табаке 1680 г.: А я, сирота твой, табаку не пью...; Стар. сборн., 1165: Испила баба табаки да несет, что от собаки.— В конечном счете источник — испан. tabaco); *танец* (Котош., 13); *фиалка* (фьялки — Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *фактор* (Челоб. иноземцев Андр. Бутенанта и Христ. Марселиса 1683 и 1684 гг.); *фляга* (Домостр., 54); *цукат*: ...Да челом тебе бью бочечку сукату, и ты б кушал на здоровье... (Пис. кн. Фед. Барятинского к гетм. Яну Сапеге, 1608 г.); *шанцы* (Кн. о ратн. стр.— Смирн.; Мат. Раз., III, № 3, 15— из шанец); *шкатуля* (Дело Ник. № 105); *шпага* (Котош., 62, Аввак., 91); вероятно, *ярманка* «ярмарка» (Грам. царя Бориса 1602 г., Судн. дело о табаке 1680 г.), и мн. др.).

Слова, относящиеся к военному делу, в большом числе появились уже с переводом на русский язык книги Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuss» (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.).

Из заимствований, вероятно, непосредственно из немецкого языка, восходящих к XVI—XVII вв., можно назвать только немногие: *стул* (Отч. Я. Молвян., Посл. Иоанна IV в Кир-Белоз. мон.); *тарель* («тарелка», Дух. вел. кн. Дм. Ив. 1509 г., ср: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и *торелки* (там же, № 108). Впрочем, подозрение польского посредства остается не устраненным и для них. Немногие же, вроде слов: *пластырь* (Гр. Назианзин, XI в. и др.), *бархат* (Пут. зап. Игн., 1392 г.,— Срезн.), *мастер* (известно уже в XIII в.), *шапка* (Дух. Ив. Кал., 1327—1328 гг.), относятся к более раннему времени [1].

Главным образом иностранные слова, естественно, относятся, напр., к медикаментам, упоминаемым в «росписи» сиропам, водкам и разным лекарствам, отпущенным боярину Богдану Хитрово (1672—1680 гг.,— Хилк. сборник, № 91).

Любопытно *постила* (Посл. Иоанна Гр. игум. Кир-Белоз. мон., около 1578 г.), восходящее, скорее всего, к итал. pastiglia.

Среди хлынувшей в петровское время волны европейской лексики относительно легко выделить пену — случайные, внесенные в духе моды к иностранному слова, иногда остававшиеся понятными только тому, кто их и употребил впервые в русской речи; слой заимствований относительно широкого употребления, но в существенном не нужных, имевших давние синонимы в русском книжном языке и осужденных поэтому на более или менее преходящую роль,— и такие заимствования, которые соответствовали сдвигам в самом круге понятий, относящихся к новой экономике, быту и политической организации страны. О том, что сам Петр иногда изнемогал от варваристического усердия или неумения своих помощников передать новые впечатления обыкновенными словами, мы можем судить хотя бы по его письму к послу Рудаковскому: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Характерная для петровского времени фигура такого же варваризатора — князь Б. И. Куракин, автор «Гистории царя Петра Алексеевича». Он пишет, напр., в своем дневнике: «В ту свою бытность был инаморат (в) славную хорошеством одною читадинку [горожанку], называлася Signora Francesca Rota, и так был inamorato, что не мог ни часу без нее быти, и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот amor не может выдти и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться». Или в своей «Гистории»: «В то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайную милость и конфиденцию интриг амурных. Помянутой Лефорт был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской. И непрестанно

[1] Из др.-франц. через средневерхненемецкое посредство. Подробности — С. Дложевский, Вопрос о происхождении слова «шапка», Одесса (отт.).

давал у себя в доме обеды, супе и балы». «Царевна София... содержана была по обыкновению со всеми дворцовыми доместики» и мн. др.

Серьезное отношение к содержанию заимствованных слов скоро делается, однако, необходимостью во всем связанном с требованиями практики: в законодательстве, технике, науке и под. Эта сторона дела ясно выступает, напр., в государственных актах, где нередко новые иностранные слова объясняются параллельными русскими; так, напр., в «Генеральном регламенте» (1720 г.) пишется: «Генеральный регламент или устав...», «...и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве)...», «...И вместо генеральной инструкции (наказа)...», «...принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные...», «О ваканциях (или упалых местах) в коллегиях», «...и о том квитанцную (или росписькам) книгу иметь...», и под.

Заимствования петровского времени, относящиеся к понятиям, покрывающимся уже существовавшими русскими, и продержавшиеся в литературном языке относительно недолго, численно не велики; их меньше, чем можно было бы предполагать, исходя из априорных соображений о слепом будто бы характере подражания этого времени. Как такие можно назвать, напр., слова: *виктория* (лат. victoria) «победа», *анштальт* (нем. Anstalt) «мера, устройство», *конкет* (фр. conquête) «завоевание», *резольвовать* (лат. resolvere, вероятно, через польск. rezolwować) «решать», *реконтра* (фр. rencontre) «встреча, схватка», *фацилита* (лат. facilitas, ит. facilità, фр. facilité) «снисходительность», *пест* (нем., фр. peste) «моровая язва», *менаж* (фр. ménage) «бережливость», *трактамент* (пол. < нем. Traktament) «пир, угощенье» и т. д.[1].

Сферы применения заимствований серьезного значения, державшихся долго и в большом числе сохранившихся в том или другом употреблении до самой Великой социалистической революции или до наших дней, сводятся в петровское время главным образом к понятиям а д м и н и с т р а т и в н ы м в широком значении слова (*администратор*, *бухгалтер*, *губернатор*, *инспектор*, *канцлер*, *министр*, *полицеймейстер* и т. д.; *архив*, *губерния*, *инструкция*, *комиссия*, *контора*, *сенат* и под.; *арестовать*, *баллотировать*, *конфисковать*, *штрафовать* и под.; *акт*, *акциз*, *амнистия*, *апелляция*, *аренда*, *ассигнация*, *ваканция*, *медаль*, *облигация*, *ордер*, *проект*, *рапорт*, *тариф*, *формуляр* и под.); к терминологии м о р с к о г о дела (*гавань*, *компас*, *крейсер*, *порт*, *эллинг* и мн. др.[2]); к в о е н-

[1] Ср. и замечания современника — В. Н. Т а т и щ е в а, цитированные В. В. В и н о г р а д о в ы м, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 1934, стр. 55.

[2] Подробности см. в книге И. С м о р г о н с к о г о, «Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения», М.— Л., 1936 г.

Ценные уточнения в вопрос о русской водной терминологии петровского времени внесены работой Б. Л. Б о г о р о д с к о г о — «Старшая система морской терминологии в эпоху Петра I»,— Учен. записки Ленинград. гос. инстит. им. А. И. Герцена, том. 59, 1948, стр. 15—50.

Автор убедительно доказывает, что «не Балтийское море, а Черное в центре

ным терминам (*амуниция*, *армия*, *барьер*, *болверк*, *брешь*, *бруствер*, *гвардия*, *диверзия*, *дивизия*, *инфантерия*, *кавалерия*, *капитуляция*, *корпус*, *лафет*, *фейерверк*, *цейхгауз*; *атаковать*, *вербовать*, *штурмовать*); к терминологии физико-математической (*алгебра*, *оптика*, *квинта*, *терция*); географической (*глобус*, *ландкарта*); медицинской (*апоплексия*, *ганглион*, *ланцет*, *летарг*, *фебра*, *ляпис*, *оподельдок*, *перувианус*, *хине* и т. д.); в области искусств — архитектурной (*архитрав*, *база*, *глиф*, *пьедестал*, *фриз*) и т. д.

Во всех этих областях оказалось, разумеется, немало тоже не выжившего отчасти из-за конкуренции других параллельных языковых влияний, позже усилившихся (напр, немецкого за счет польского), отчасти из-за исторической смены в самом круге вещей и понятий, относящихся к названным сферам.

Заимствуются в петровское время слова для новых административных понятий главным образом из Германии, становившейся в это время во многом образцом полицейского государства. При перенимании их, однако, не прекращается, хотя и слабеет, старая роль Польши, как посредницы между Россией и Западом, чему способствуют, среди прочего, союзные отношения при начале Северной войны и польско-украинские влияния, упрочившиеся в школе, а также латинские элементы самих усваиваемых немецких терминов, легко напоминавшие уже обращавшиеся в школе в полонизированной оболочке родственные образования. Есть основания предполагать, напр., польское посредство у существительных на **-ия**: *акциденция*, *амнистия*, *инструкция*, *нация* и под. и в глаголах на **-овать**: *адресовать*, *аккредитовать*, *претендовать*, *трактовать* и под.

Морской словарь петровского времени одинаково отражает (исторически документированные) пути его из Голландии и Англии. Невелико в нем участие языков немецкого (из более других употребительных слов можно назвать, напр., *лавировать*, *лоцман*, *шлюпка*),

---

внимания Петра в начале его царствования. Не голландцы и англичане занимают его вначале, а скорее итальянцы и южные славяне — сербы и хорваты... Первые годы царствования Петра — годы усвоения итальянской терминологии, позднее — время заимствования англо-голландской системы. Таким образом, уже намечаются три основные линии в морском языке эпохи Петра: во-первых, русская судовая терминология, старинная, с глубокими историческими традициями; во-вторых, итальянская, южная, средиземно-черноморская, постепенно исчезавшая, но очень сильная в начале петровского времени, и, наконец, англо-голландская, балтийская, или северная, вытеснившая средиземно-черноморскую и отчасти русскую систему и окончательно утвердившаяся в течение XVIII в. ... Не следует думать, что русские в эпоху Петра были только учениками Европы. Шел активный процесс усвоения иностранной культуры. Передовая западноевропейская судовая техника могла быть усвоена русскими лишь на базе своей собственной судовой культуры... Русские много усваивали, потом из усвоенного отбирали то, что им нужно было, что требовалось самой жизнью. Шел сложный, противоречивый, многогранный процесс создания морского языка с учетом всей старой, русской, традиционной судовой культуры».

французского (*абордаж, десант*) и итальянского (*андривель, бригантина*).

В области военного дела и его терминологии в первую очередь влияют страны, раньше других заведшие постоянную армию,— Франция и Германия, причем естественно, что влияние последней часто, как и при административной терминологии, вместе с тем сводится к передаче французского, лишь в относительно редких случаях бывшего прямым.

Терминология наук в основном восходила к общеевропейским источникам (латинскому и греческому), в тех или других чертах обнаруживая, что путь ее в Россию шел через Германию и Польшу[1].

Приток заимствованных слов, передававших европейские понятия, значительный в XVII в. уже в период, предшествовавший реформам Петра, в первое время его преобразовательной деятельности может производить впечатление стихийного. В дальнейшем он умеряется, и проявляется забота о серьезном отношении к иностранным словам, как знакам мысли. Характерно, напр., что важный государственный акт — «Генеральный регламент» (1720 г.) сопровождается, кроме объяснения в скобках отдельных иностранных слов в самом тексте, специальным приложением — «Толкованием иностранных речей, которые в сем регламенте», охватывающим 34 понятия[2].

Любопытно, что многие заимствованные слова, например, в «Письмовнике» Курганова выступающие в том же или почти в таком же виде, как и сейчас, «объяснены» в нем русскими, вовсе в настоящее время неупотребительными, а во многих случаях даже малопонятными по своему этимологическому составу. Так, *ареометр* объясняется словом «жидкомер»; *аристократия* — «чиноправление народом»; *арифметика* —«числовник»; *арсенал* —«оружница»; *артикуляция* — «вчленовение»; *арфист* — «гудец»; *архангел* — «начальственик»; *архивариус* — «письмоблюд»; *архитектор* — «сдатель» (т. е. «здатель»), «зотчий (т. е. «зодчий»), будовник»; *ассамблея* — «чинособрание...»; *астрология* — «звездосло-

[1] Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. 88, 1910.

Очень верную характеристику языка петровского времени и самого Петра см. в труде акад. А. Н. Пыпина «История русской литературы», III, изд. 3, 1907 г., стр. 303—304. Обвинение Петра противниками его реформы в том, что эта реформа принесла с собою порчу русского языка — множество иностранных слов, Пыпин считает «несправедливым тем, что преувеличено»... «В конце концов это было временное брожение, крайности которого сгладились уже у первых даровитых писателей, порожденных реформой как, например, у Ломоносова». Из литературы ср. еще — П. О. Потапов, К вопросу о реформе русского литературного языка в I пол. XVIII в.,— Сборн. филолог. фак. Одесск. гос. унив., I, 1910, стр. 29—39.

[2] Истолковываются, напр.: *Прерогативы* — Преимущества; *Интерес* — Прибыток и польза...; *Аппробуется* — За благо приемлется; *Публичные* — Всенародные; *Приватные* — Особые; *Резоны* — Рассуждения; *Резолюция* — Решение; *Криминальное* — Вина, подлежащая смерти, и т. п.

вие» ... *кафедра* — «поучилище»; *клиент* — «любимич»; *князь* — «переклад, первый вельможа»; *колика* — «нутрорез, закрута, резоболь»; *махина* — «орудие великое, хитрость, снасть»; *маскарад* — «хареигрище»; *математика* — «щетомерие» («счетомерие»); *меланхолия* — «черножелчие, уныние, печаль»; *метреса* — «госпожа полюбовница, мастерица»; *мигрена* «полугодовная (по-видимому, опечатка вместо «полуголовная») боль»; *микроскоп* — «мелкозор»; *мина* — «подкоп, взор» (вм. «взорв»?); *минута* — «дробь, малюта»; *солдат* — «воин, полчаник, жолнер, ратырь, батырь»; *станция* — «урочище, начлег» (т. е. «ночлег») и многие др. Ясно, что русских слов для ряда понятий культурного обихода (в широком смысле слова) по сути не было (эквиваленты им в древнем языке не представляли достаточно точного соответствия), их приходилось разыскивать или выдумывать, «ковать», а будучи придумываемыми индивидуально или извлекаемыми из старых книг, они не имели за собою того, что делает слова живыми,— привычки к ним массы. Многие иностранные слова имели перед ними бесспорное преимущество знакомости и распространенности, и история языка показала, что в подавляющем большинстве случаев победило именно живое, независимо от того, как к нему, к этому живому, относились с теоретических позиций.

§ 4. Социальные моменты, определившие пути развития русского литературного языка в XVII—XVIII вв.

Около XVII века совершается процесс образования русской нации, и параллельно этому процессу идет усиление языкового единства тех близких между собою и в предшествующую эпоху элементов, которые в едином общелитературном (книжном) языке получают, наконец, мощное орудие развития производственного, социально-политического и культурного.

По отношению к средним векам, эпохе Московского царства, «...о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении... особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1].

---

[1] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?— Соч., т. I, стр. 137.

На конец XVII и начало XVIII века приходится в истории стилей русского литературного языка заметный перелом. В это время, чем далее всё усиливаясь, совершается в ряде жанров, раньше выступавших в оболочке традиционного сильно церковнославянизированного книжного языка, отход от книжной традиции и сближение письменного языка с живой русской речью. Характерные для этого времени изменения во взаимоотношениях общественных сил позволяют понять причины сопровождающей эти изменения интенсивной работы над новыми языковыми стилями, способными удовлетворить в этой области потребности создающегося нового экономического, политического и бытового уклада.

До конца XVII в. носителями литературного языка в Московской Руси являются: 1) известная часть аристократии[1] и служилых людей, выходцев из разных групп населения, но с оформившимся классовым сознанием; 2) духовенство, уже в силу своих профессиональных функций связанное с книгой и книжной речью, и, вероятно, 3) некоторая часть городской буржуазии (ср. такие замечательные фигуры XV и XVI в., как купцы-путешественники Афанасий Никитин или Трифон Коробейников). Господствующий класс владеет двумя типами письменного слога: отборным — церковным, и практическим, очень близким к разговорному — слогом приказов; в существенном то же надо предполагать для письменной речи представителей буржуазии; духовенство же, как упоминалось, особенно после одержанной им в начале XV в. победы,— в принципе хранитель нормы церковнославянского языка как единственного литературного.

С начала XVI в. экономическая сила духовенства (монастырей) начинает определенно осознаваться как угроза благополучию служилого класса. В середине века Иоанн Грозный с трудом удерживается от прямого покушения на монастырские земли, но уже принимает после собора 1551 г. серьезные меры к ограничению монастырского землевладения.

За век, отделяющий собор 1551 г. от собора 1661—1662 гг., осудившего патриарха Никона, церковь, растеряв в борьбе за свои имущества значительную часть своих привилегий, превратилась в орудие верхов дворянского государства, орудие, подчиненное светской власти, ставшей определенно над нею. В борьбе за интересы классового государства против интересов церковных, поскольку они расходились друг с другом, естественно, заострялось и проти-

[1] Аристократия (боярство и знатнейшее дворянство), хотя уже в Киевской Руси было положено основание ее преимущественному положению относительно школы (летопись упоминает о том, что первый набор учеников, которых князь Владимир поручил обучать прибывшим из Болгарии священникам, составляли дети знати — «нарочитых» людей), в полной мере им никогда не воспользовалась. Из ее среды изредка выходили выдающиеся писатели, вроде, напр., кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского, но и для второй половины XVII в. убийственным осуждением звучит известное место Котошихина: «А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованые...» (24).

вопоставление письменной речи гражданской слогу церковному. Это было тем естественнее, что разговорный язык не только «низов», но и боярско-дворянской верхушки очень резко отличался от книжного с его южнославянской в основном лексикой, рядом неживых форм и искусственным синтаксисом. По свидетельству автора русской грамматики Генриха Лудольфа для конца XVII в.[1], у русских «считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски». «...Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи». У класса, разговорная речь которого резко отличалась от одного из письменных языков, естественно, имелись влиятельные мотивы в пользу некоторого отхода, если не отказа, от классово менее важного, мотивы, властно заявившие о себе, как только историческая ситуация оказалась благоприятной для новых идеологических сдвигов.

В общем, господствующий класс (боярство, дворянство) с теми элементами близких ему классовых прослоек, которые обслуживали его интересы и вместе с ним давали им идеологическое оформление, в истории русского литературного языка подготовлял его сильное сближение с живою разговорною речью Москвы и близких к ней крупных городских центров (ср. канцелярский слог предшествующего времени, «Уложение» царя Алексея 1649 г., «Книгу о ратном строении», 1647 г., и под.)[2]. Наоборот, духовенство очень мало и медленно порывало с традицией чужого занесенного языка, и те литературные жанры, которые оставались его достоянием или культивировались под сильным его влиянием, до самого XVIII в. отражают даже в том, что можно назвать чертами развития, в существенном подражание образцам старины. Особняком стоят в XVII в. писания протопопа Аввакума, который, не порывая с церковным языком, широко и намеренно пользуется разговор-

---

[1] Henrici Wilhelmi Ludolphi, Grammatica russica, 1696.

[2] Скрепление территориально огромного государства требовало хотя относительно единого языка его административного аппарата. Русский язык приказов и вообще актовый язык XVI—XVII вв. во всем существенном хорошо, как, может быть, нигде в Европе, удовлетворял этой потребности. Суровой требовательности ко всему официальному, «царскому» мог претить, однако, диалектный орфографический разнобой, довольно широко практиковавшийся в документах, разнобой, за которым иногда чувствовались, справедливо или несправедливо, остатки былой феодальной раздробленности и с нею центробежные стремления областей скрепляемой монархии. И, вместе с тем, нельзя было не сознавать, при общем уровне грамотности административного аппарата, что строгая орфографическая ориентация на московские навыки письма недостижима. Характерным поэтому является законодательный документ — указ царя Алексея о том, что «будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописания, вместо **о—а** или вместо **а —о**, или вместо **ѣ—ь**, или вместо **ѣ—е**, или вместо **и—i**, или вместо **у—о**, или вместо **о—у**, и иныя в письмах наречия, подобныя тем, по природе тех городов, где кто родился, и по обыклостям своим говорить и писать навык, того в бесчестье не ставить».

ным родным, но они ведь не представляют собою произведений, «литературность» которых ясна из их направленности.

Как верно отмечено В. В. Виноградовым, Больш. советск. энц., том 49 (1941 г.), стр. 761, «расширению живой народной струи в системе литературного языка содействовали новые демократич. стили литературы, возникавшие в среде грамотной посадской массы. В половине 17 в. средние и низшие слои общества (низшее духовенство, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство) пытаются установить свои формы литературного языка, далекие от книжной религиозно-поучительной и научной литературы, свою стилистику, на основе которой реалистически перерабатывают сюжеты старой литературы (ср., напр., повести 17 в.: «Слово о благочестивом царе Михаиле» или «Сказание о древе златом и о золотом попугае и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре»). Эти новые стили литературного языка широко пользуются изобразительными средствами и лексикой устной словесности».

Рост капиталистических элементов в России, с его потребностью в более интенсивном и широком обращении слова, и потому в обращении не в письменном, а в печатном виде, сильно сокращает влиятельность и духовенства вообще, и стилей речи духовенства, абсолютно расходящейся с практическими задачами времени. Школьная рутина еще относительно долгое время не дает возможности полностью осмыслить преимущества в книге разговорного языка или языка к нему близкого, и в слоге так называемого петровского времени церковнославянский язык в тех или других частностях иногда отвоевывает себе даже позиции, утраченные им ранее в речи старинной письменности. Во временном усилении позиций церковнославянского языка известную роль сыграли и развившие на Москве литературную и преподавательскую деятельность украинские ученые, получившие образование в Киевской академии: Симеон Полоцкий (по происхождению белорус), Епифаний Славинецкий, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский. Они поддержали церковнославянский язык на Москве его юго-западной вариацией, отчасти связанной с новыми литературными жанрами, своей новизной и занимательностью располагавшими тем самым и к форме, в которой они давались. Но представители печатного слова всё менее и менее являют собою в первые десятилетия XVIII в. выразителей интересов духовенства, и словесное оформление постепенно, хотя не без колебаний и в некоторых жанрах с грубой пестротою, начинает отображать уже совершившиеся резкие идеологические сдвиги.

Язык петровского времени, при всей неоформленности вошедших в его состав элементов, вполне заметно обнаруживает разницу между слогом деловым — практическим, в который церковнославянизмы попадают по инерции, по неумению заменить их русскими словами, формами и оборотами, и слогом теоретических жанров (включая сюда все соприкасающееся с художественностью, занимательностью и под.), где церковнославянизмы продолжают еще культивироваться как принадлежность

образцового и «высокого», отборочного[1]. Учебная книга, на языке которой лежит след и переводческой традиции, связанной с церковнославянским языком, и живых потребностей в понятности и практичности, больше, чем другие виды литературного слога, отражает всю резкость столкновения старого с новым[2]. Почти полвека спустя Ломоносов своим учением о «трех штилях» для середины XVIII в. отдаст еще дань уверенности, что без церковнославянского наследства «и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может»[3], но о пробившем для утратившей свою мощь классовой

[1] С исключительной выразительностью эта беспомощность сообщить какую-то органичность двум влиятельным стихиям, которые заявляли свои права на то, чтобы на их основе создан был литературный язык, способный удовлетворять разнообразные потребности мысли и жизни, проявляется, например, в заявлении переводчика первой четверти XVIII века Поликарпова в предисловии к его переводу «Географии» Варения. «Моя должность объявити,— пишет он,— яко преводих сию [книгу] не на самый высокий славенский диалект против авторова сочинения [«в соответствии с сочинением автора»] и хранения правил грамматических, но множае гражданскаго посредственнаго употреблял наречия, охраняя сенс [«смысл»]. и речи [«слова́»] оригинала иноязычнаго. Речения же терминальная [«терминологические»] греческая и латинская оставлял не преведена ради лучшаго в деле знання, а ина преведена объявлях («объяснял»], заключая в парафнесн [«скобки»]. Цитировано Г. О. Винокуром в его прекрасном очерке языка Петровского времени в книге «История русской литературы», том III, АН СССР, Институт литературы (Пушкинский дом), М.—Л., 1941 г., стр. 55.— Как видим, в Поликарпове как переводчике борются, с одной стороны, потребность дать перевод действительно вразумительный и потому необходимость в большей или меньшей мере обращаться к общепонятному, разговорному русскому языку, с другой — традиционная потребность обо всем относящемся к науке и серьезной мысли выражаться важно, т. е. на языке церковнославянском, исторически завоевавшем в России еще не поколебленный (в первой четверти XVIII века) наплывом новой жизни, прямо никем не оспариваемый авторитет.

[2] О научном языке, употреблявшемся в петровское время, дает представление хотя бы такой заголовок 20-ой страницы знаменитого Брюсова календаря.

«Сихъ звѣзъ качества идѣйства обрѣтаютъся воиныхъ планетныхъ книгахъ описано суть о звѣздахъ сiхъ здѣже зане пространством оставихомъ описати».

Или заголовки на стр. 28:

«Таблица имѣющимся вовсѣй Россiйской империi всего Государства вгуберняхъ икнимъ приписныхъ городовъ разъстояниемъ верстъ поалфавиту Которые версты выписаны изъ ямской Книги поямамъ» и на 30: «Табълица въ неиже описуется Долгота и Широта пградусамъ градовъ знаменитыхъ наземномъ крузе». Цитирую по позднейшему изданию-перепечатке, Харьков, 1864 г.

[3] Ломоносов различал три вида слога: «высокий», «посредственный» и «низкий». По его учению, «первый составляется из речений славенороссийских, т. е. употребительных в обоих наречиях, из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых». «Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым». «Низкой штиль принимает речения третьего рода, т.е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними...». Высокий стиль— учит Ломоносов — естествен в героической поэме, оде, прозаических речах «о важных материях», средний — в драме, стихотворных дружеских письмах, сатирах, идиллиях и элегиях; «в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных». Сфера приложения низкого — комедии, увеселительные песни, прозаические дружеские письма, описания обыкновенных дел.

Его теоретические высказывания при этом не являются ни реакционными, ни расходящимися с практикой его собственного творчества: как поэт и оратор, он раньше показал на образцах то, чему стал учить позднее как теоретик словесности.

группы часе гибели и ее диалекта уже определенно успеет оповестить сейчас же после петровского времени другой теоретик слова XVIII в.— В. К. Тредиаковский: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную [книгу] неславенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим». Свой выбор Тредиаковский мотивирует среди прочего тем, что «язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская», что он «в нынешнем веке у нас очюнь темен и многие его наши читая неразумеют», и, наконец, тем, что «язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми» (Предисловие к «Езде в остров любви», переводу аллегорической повести Tallemant'a, 1730 г.). В этом же смысле с полной определенностью высказался он в 1744 г., давая пример «Слова», сочиненного «...и для того, дабы самым делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высокого славенского сочинения».

Еще почти целое столетие после этой декларации Тредиаковского сила традиции[1] и инерция условий обучения поместного дворянства, как правило, у местного же духовенства (вспомним хотя бы «сельского дьячка, славнейшего грамотея в околотке», у которого начинает свое учение «Леон»—Карамзин)[2] обеспечивает церковнославянизмам если не приток в литературную речь, то известную к ним терпимость; но передвинувшийся центр интересов правящих кругов всё более ослабляет позиции церковнославянской стихии, тянущей к интересам изжитым, чуждым текущему дню господствующего класса, и она медленно, но вполне определенно сдает позиции, пока, наконец, в первой четверти XIX в. не оказывается вынужденной решительно уступить дорогу во всех видах слога (кроме собственно-церковного и отчасти законодательного) языку, сильно сближенному с разговорным.

Всё говорит за то, что «обрусение» русского литературного языка под пером представителей дворянства и тех выходцев из других классов, главным образом из духовенства, которые были вовлечены в процесс выработки нового литературного языка, совершалось при постоянном контакте с речью крестьянскою (говоров центральной России). Давлению именно крестьянской речи и с нею город-

---

[1] О специальных мотивах, поддерживавших ее, см. в § 7.

[2] Любопытно в этом отношении, что в 1820 году известный писатель П.А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «Сделай милость, пришли мне хорошую русскую азбуку. У меня есть здесь одна, в которой первые слова, по коим начинают учить складам: *пре-по-я-сан*, *утреннюю* и какое-то: *не-пщу-ют*. Есть ли средство набивать голову робёнка такими словами? Вот об этом не думают ваши училищные Правления. После таких азбук удивительно ли, что наши барские дети безграмотны?.. Надобно невежество колотить с ног до головы, от Кутейкиных до Магницких, от азбук до манифестов...» (Остафьевск. архив кн. Вяземских, II, 1899, стр. 103).

ской речи неграмотной массы обязан русский литературный язык в области фонетики, напр., широким переходом к произношению подударного **е** перед твердыми согласными как **ё**.

Никакого не может быть сомнения, что само дворянство не представляло собою по языку вполне однотипной массы: уровень образования его был далеко не одинаков, и, напр., на дворянских уездных съездах второй половины XVIII в. могли как равные разговаривать друг с другом неграмотные помещики типа Скотининых и высококультурные люди — единицы типа Новикова. Многочисленную середину составляли грамотные, но в большинстве малообразованные служилые дворяне с речью, во многом близкой к местным крестьянским говорам. Их речь, видимо, не шаржируя, а отражая с усмешкой типичное, воспроизводят новиковские «Письма к Фалалею» в «Живописце». Слог «Трифона Панкратьевича» и жены его «Акулины Сидоровны» пестрит частицами, не получившими доступа в письменную речь образованного дворянина: «То-то была воля-та». «Нет-ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой». «Хлеб-ат мы и здесь едим». «Норовок-ат у него ... чертовской». «Ех, перевелись-ста старые наши большие бояра» и под. Лексику областного диалекта отражают фразы его и других членов семейства, вроде: «А вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места». «Живут себе да и гадки не мают». «Что ты ето... накудесил?» «У меня образов-то и своих есть сотня места». «Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно жив». «А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую». Ср. и из морфологии: *богати* (им. мн. ч.) и под.; вульгарными же были для XVIII в. впоследствии возобладавшие в произношении: *ведиотся*, *мениотся*, *спасиотся* и под. (=ведётся, минётся и т. д.)[1].

Надо принять при этом во внимание тот факт, что изображение крестьянской речи в художественной литературе XVIII века, как указывают П. Н. Берков, Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, VIII₁, стр. 43 и П. С. Кузнецов, «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 72, не лишено большой степени условности: в речи того самого персонажа иногда объединяются черты различных говоров — северных и южных, например, северная частица *-ат* и аканье.

Речь крестьянства, хотя ее старательно и противопоставляли

[1] К мелкопоместному дворянству, как к малокультурному слою населения, Сумароков относится явно пренебрежительно: то, что говорит Ниса в его комедии «Рогоносец по воображению» (1769 г.), несомненно, выражает оценку самого автора: «...должно еще ожидати такова жениха, которой будет говорить «чаво табе, сердецуско, надать? байста со мной» и другия подобные етому крестьянския речи. Да и сами-то мелкие дворяня несносны: я не о всех говорю; есть довольно хороших между ими людей; а по некоторой части дуются, как лягушки, и думают только о своем благородстве, которое им по одиому имени известно, и чают о своих крестьянах то, что они от бога господам иа поругаиие себе созданы. Нет несносняе той твари, которая одною тенью благороднова имени величается и которая, сидя возле квашии, окружена служителями в лаптях и кушаках и служительиицами босыми и в сарафаиах, боярским возносится титлом».

барской, в период отрешения от церковнославянщины являлась естественным союзником нового литературного языка[1].

Мы не знаем деталей процесса выработки разговорной koinē верхов русского общества послепетровского времени, но совершенно ясно хотя бы из того, как не свободны даже от узких диалектизмов русские писатели до самой второй четверти XIX в., что их живая речь и, конечно, вообще речь их класса не оставалась чуждой влиянию окружающей их в их поместьях речи крестьянской. Не только «Трифон Панкратьевич» и «Акулина Сидоровна» пользуются словами, слышанными от их же крепостных, но даже в стихотворный слог, незаметно для авторов-аристократов, проникают крестьянские слова, явно не прошедшие еще через пользование широкого круга дворянства[2].

Как ни крепки еще материальные и идеологические позиции дворянства в XVIII в., рост капиталистической техники и потребности администрирования принуждают его значительно расширять круг людей, причастных к требующим обладания письменной речью знаниям и умениям[3].

Дворянству в течение XVIII в. становится всё труднее убедительно даже для себя самого обосновывать свое умственное и моральное превосходство над этими выходцами из «подлых» слоев, так как не раз, когда приходится, говоря словами Кантемира, «потереться на оселку», слишком явно бросается в глаза,

---

[1] Не следует, однако, думать, что народная речь оставалась сама всё время свободной от влияния церковнославянизированного языка общественной верхушки. Нет никакого сомнения, что в народную массу просачивались слова и формы, первоначально не бывшие русскими (причастия, церковнославянизмы вроде «*прах* его возьми», *сладкий*, *время* и мн. др.). Их распространенность говорит и о давности подобного влияния, и о его силе.

[2] Ср.: материал, приводимый Е. Ф. Будде, Очерк истории совр. р. лит. яз., стр. 66 и дал., и В. В. Виноградовым, Очерки по истории русск. литер. языка XVII—XIX вв., 1934, стр. 110, и такие примеры, как: Колико мы не нарохтимся один другого выше стать... (И. Долгор., Камин в Пензе); ср. областн. (моск., яросл.) *норохтиться* — «намереваться, порываться».

[3] Вот, напр., любопытные строки из «Инструкции дворецкому Ив. Немчинову о управлении дому и деревень...», в которых отражены и потребность в грамотных людях, и забота помещика, чтоб их не было слишком много и учение их не вышло бы за пределы непосредственной для самого помещика пользы: «...при том же всеми образы надо трудиться, чтоб было в деревнях по нескольку человек умеющих грамоте, в чем состоит крайняя нужда. Того ради конюховых детей вместе всех учить, и естли у конюхов мало, то брать из крестьян сирот; буде же сирот не сыщется, то брать и у отцов, токмо у таких, которые семьянисты, а так бедны, что с нуждою и со скитаньем по миру питаются; изо всех деревень выбери ныне десять человек, чтоб не гораздо малые были, а имянно от осми лет до двенадцати, и раздай священником, и вели учить их грамоте; а понеже им во дьячках не бывать, того ради надобно, чтоб только знали силу складов; для того вели учить прежде по новоизданным азбукам... а потом, не уча часослова, велите учить псалтирь, и когда которой хотя и недоуча всей псалтири, а совершенно познает слог, отдавай в Москве учить хорошим писцам: из сего польза та, понеже у нас в деревнях своих писцов нет, то которые годны будут — отдавать в деревни прикащикам для записок, а протчие годятся учить ремеслу, какое в селе потребно будет».

что величаться-то собственно нечем. Несколько десятилетий в области языка видимость превосходства еще обеспечивается культивированием как специально дворянского языка — французского («Русские аристократы одно время... баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом» — И. В. Сталин)[1], но именно русская литературная речь послепетровского времени — и деловая и художественная — едва ли не в одинаковой мере является достоянием и дворянства и разночинцев, правда, еще слишком от него зависимых идеологически. Писатели, вышедшие из непривилегированных классов, и к ним же относящиеся читатели и зрители, наряду с дворянством, начинают определять в XVIII в. характер развития литературного языка. Сумароков, еще иногда отдававший дань дворянской спеси («Потребен барский ум и барская расправа»), тяготясь гнетом сверху и ища успеха у широкого круга читателей и зрителей, произносит слово «публика». Кого он имеет в виду, не нужно и догадываться, хотя его предисловие к трагедии «Димитрий Самозванец» (1771 г.), где он высказывается по поводу «публики»,— выразительный образец, как еще трудно ему даже на закате дней порвать полностью со взглядами своего класса и как, делая шаг вперед в сторону признания значения этой «публики», он сейчас же вынужден снова отступать назад. «Дворянин! великая важность!»— бросает он и гневно говорит о «несносной дворянской гордости, достойной презрения и поругания»[2]. Защищая, видимо, именно свою «публику», он доказывает, что она не заслуживает названия «подлого народа» («ибо подлой народ суть каторжники и протчие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы»), и, соглашаясь на название ее чернью, решительно протестует однако против «глупого положения», что «разумный священник... естествослов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и пр.... члены черни», так как «истинная чернь суть невежды...»

Своим колебанием между желанием иметь на своей стороне «вкус Княжичей и Господичей московских» и похвалы москов-

---

[1] Вот почему, напр., талантливому мальчику, впоследствии великому артисту М. С. Щепкину дается возможность учиться вообще, но для него решительно заказан класс с французским языком.— С полною классовою прямолинейностью преимущества иностранных языков для дворянина обосновывает для начала XVIII в. «Юности честное зерцало»: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать: ибо каждый купец товар свой похваляя продает как может» (27).

[2] Выпады такого рода в это время еще не кажутся опасными и не преследуются, подобно тому как разрешаются, напр., транспортируемые из Франции либеральные сентенции: «Основатели Империй или Государств должны утверждать власть больше свою на любви своего народа и своих воинов, нежели на любви дворянства» (Энциклопедия 1763 г., перевед. И. Приклонским) и под.

ской «публики» вообще Сумароков, при некоторой расплывчатости своих высказываний, с полной выразительностью обнаруживает совершившуюся смену в потребителе литературы и то направление, к которому эта смена должна была привести, демократизируя язык образованной части дворянства.

Оставаясь всю свою жизнь выразителем дворянских настроений, Сумароков вместе с тем определенно стоит на позициях для своего времени прогрессивных, образующих параллель идеологии дворянских верхов с их культом «просвещенного абсолютизма». Дворянин потому дворянин в понимании Сумарокова, как и в понимании А. Д. Кантемира, что он лучше других — способнее, умнее, обладает «благородством», т. е. суммою определенных высоких черт нравственного порядка («Не в титле — в действии быть должен дворянином»), и тем самым служит не только себе, но и подвластным ему, «опекаемой» им массе. Эта позиция «служения», хотя еще и очень далекая от настроений даже будущего «кающегося дворянина», в области литературной формы в широком смысле позволяет ему иначе смотреть на пышность ломоносовской школы,— в его поле зрения более широкий круг чувствований, охват его «гражданских» настроений шире, и риторичности и искусственному пафосу ломоносовского слога он убежденно противопоставляет возможную «благородную» простоту своего языка. Указывают,— и, по-видимому, справедливо,— что Сумароков, как представитель своей классовой группы — среднепоместного дворянства,— выступил защитником прав личности, прав дворянина развиваться и быть не только тем, чем хотелось видеть его верхам — власти, и в этой борьбе с олигархией верхов за права индивидуальности он, естественно, ища себе союзников в массе, оказался и поборником известных демократических тенденций, хотя, по условиям времени, и невыдержанных и противоречивых. Исторически ему пришлось преодолевать напыщенное и индивидуально-неуклюжее. В борьбе за эстетичное в естественном он отстаивал свое писательское лицо и, вместе с тем, прокладывал путь великим мастерам конца XVIII и начала XIX в. Последние, правда, не могли последовать за Сумароковым в его рассудочном, полемически заостренном отрицании всякой украшенности речи[1]— тенденции, разрушительной для художественности вообще,— но что в преодолении ходульного, «пухлого» в русском слоге XVIII в.

---

[1] Слова «О прекрасные богини, Три прелестные девицы! И меня вы научите Простотою украшаться» (Ода анакреонтическая к Елис. Васил. Хераськовой, 1762 г.) были выражением его поэтической программы. Эта же установка совершенно определенно выражена в его «Епиграмме 41» (IX том «Полного собрания всех сочинений»): «Которыя стихи приятнее текут! Не те ль, которыя приятностью влекут, И шествуя в свободе, В прекрасной простоте, А не в сияющей притворной красоте, Последуя природе, Без бремени одежд в прелестной наготе: Не зная ни пустова звука, Ни не согласна стука? А к етому большой потребен смысл и труд. Иль те которыя хоть разуму и дивны, Но естеству противны? Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут».— Об этом подробно в книге П. Н. Беркова — «Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765», Л., 1936.

именно он сыграл очень большую роль, вряд ли можно сомневаться.

Особое место в истории русского художественного языка занимает его связь с художественным языком устной народной словесности. Известно влияние народной лирической поэзии, напр., на теорию тонического стихосложения Тредиаковского, который, правда, еще считаясь с отношением к крестьянству своих современников, просит читателя: «Не зазрить меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывченков от наших подлых, но коренных стихов», или на Сумарокова, который в своих поисках новых форм охотно подражает образцам народной лирики.

Но привлечение устной народной словесности, как отражение интереса к «коренному», к национальному, которое приходилось искать не в речи верхов, всё время подвергавшейся иностранным влияниям, а в продуктах творчества, приписываемых народной массе, не оказалось ни в это время, ни после влиятельным средством переплавки литературного языка. Язык устной народной словесности был и остался в истории русской литературы жанровым, предметом подражания почти исключительно в тех видах художественного слова, которые тесно соприкасались с самой тематикой исторически отложившегося в виде определенных стилей народного творчества.

Обращая время от времени свой взгляд к крестьянской речи как к источнику, который может помочь в преодолении трудностей создания нового художественного языка, первые деятели послепетровской литературы не могут однако не проявлять заботы о классовых позициях языка, принципиально в это время не претендующего еще, по крайней мере с достаточной определенностью, на роль общенационального. На заре своей деятельности Тредиаковский (речь о чистоте русского языка, читанная в 1735 г.; переиздана с некоторыми изменениями в 1752 г.) вынужден, намечая пути совершенствования языка, указать как на образцы для него — язык двора (Аннинского!) «в слове учтивейшего и великолепнейшего богатством и сиянием», «благоразумнейших... министров и премудрых священноначальников» и «знатнейшего и искуснейшего благородных сословия», так как иного имеющего свой голос «общества» в это время еще нет и художественная литература целиком зависит от вкуса и произвола дворянской верхушки. «Публика» со своими вкусами, о которой упоминает Сумароков в предисловии к «Димитрию Самозванцу», нарождается медленно. Господствующий класс от литературного языка требует в начале XVIII в. главным образом «пышности», и этим его требованиям отвечают и Ломоносов, до конца своих дней видевший в риторике рассудочную опору именно тех приемов, которые ему представлялись направленными к эффекту «пышности», и молодой Сумароков, пересаживая на русскую почву идеи теоретика французских дворянских верхов: «Слова, которые пред обществом

бывают, Хоть их пером, хотя языком предлагают, Гораздо до́лжны быть пышняе сложены, И риторски б красы в них были включены»[1]. Проблема свободного от вульгаризмов литературного языка возникает сейчас же, как появляются в литературе XVIII в. отчасти пересаженные с Запада «высокие» художественные жанры. Боязнь вульгаризации, имеющая свои классовые корни в русской почве и культивируемая под классовым же западноевропейским влиянием, заставляет тщательно взвешивать допустимость тех или других слов в определенных родах литературы (иногда при полной неразборчивости в других), и Сумароков, напр., осуждает в оде Ломоносова *чудился* («И с трепетом Нептун чудился») как «слово самое подлое, и так подло, как *дивовался*». Фигурирующие позднее даже как пример в грамматике Ломоносова «*грамотка*» («Написав я грамотку, посылаю за море») в «Епистоле о русском языке» (1748 г.) Сумарокова характеризуется как слово просто-народное («Письмо, что грамоткой простой народ зовет»); осуждается им у Ломоносова с этой же точки зрения *что* в значении «который» и т. п. Тредиаковский, в теоретических высказываниях о языке первоначально более демократичный, чем Ломоносов, резко, однако, выступает против его во многом открывающего путь народным влияниям слога: «Он красотой зовет, что есть языку вред, Или ямщичий вздор, или мужицкий бред», а в критической статье о Сумарокове (1750 г.) старается доказать низкие качества языка последнего, как открывающего широкий путь просторечию.

§ 5. Роль в обновлении литературного языка в XVIII в. новых литературных жанров.

Начало работы над живым русским х у д о ж е с т в е н н ы м языком хронологически совпадает с отражением впервые на русской почве ф р а н ц у з с к о г о литературного влияния. Конечно, не только причинами биографического характера нужно объяснить выступление Тредиаковского против исключительной роли греческого и латыни и подчеркнутое в нем восхваление французского языка: «Однако и сей [латинский], равным образом, столько ж непристойно величается сим именем[2]: обличает его спесь Английской, показывает чванство его Италиянской, доносит на тщеславие его Немецкой, но сильнее всех доказывает его в том гордость Французской». Выступление Тредиаковского было одним из первых выражений осознанной потребности порвать вообще с источниками образованности схоластической (в том числе, видимо, с традицией латино-польско-украинской, этой западной прививкой к старому идеологическому стволу церковнославянской письменности) и перейти к восприятию других уже заявивших

[1] Епистола о русском языке (1748 г.).
[2] Будто он «есть и начало, и основание, и верьх всех наук и знаний».

свою силу словесных культур: то, что говорилось о правах языков, фактически имело в виду новые литературные жанры[1].

Преодолев прежнее подражание греко-болгарским, после — латино-польским образцам, русская литература и ее язык должны были стать на некоторое время на новый путь подражания. Что этот именно путь был тем, который предстоял «начинателям» (так прямо и говорил о своем поколении Тредиаковский: «Впредь твердо надеюсь, малый, узкий и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную и глубокую реку. Довольно с нас ныне и сея единыя славы, что мы начинаем»[2]), сознавалось с полной определенностью.

Русский язык, по мнению Тредиаковского, как и другие европейские, сумеет доказать свои права сравнительно с классическими, «ежели сперва многие переводы с других языков и начнет, и совершит, и сим образом пословия своего сочинения вычистит, а при всем том, многие и различные вещи именами называя, богатое изобилие слов получит».

Три первых практических деятеля новой художественной литературы (Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков)[3] отдают дань разным иностранным литературно-языковым влияниям.

Принципиального значения не имеет, что наряду с проводниками главным образом французского влияния Тредиаковским и Сумароковым путь новым жанрам прокладывает превосходящий их талантом Ломоносов, тяготеющий к немецкому (в своем художественном творчестве — к поэзии Гюнтера, в теоретических концепциях — к Готтшеду): германское влияние этого времени само по себе является в большой мере передатчиком французского и так же, как и последнее,— и в этом существо дела,— несет с собою новые литературные жанры, как такие, которые требуют культуры иного, не традиционного книжного языка.

§ 6. Работа над художественным русским языком Ломоносова и его современников.

Никакая теория не могла бы конкретно указать в это время, какой именно язык нужен для того исторического сдвига, которого требовала совершавшаяся смена жанров. Гениальная интуиция

[1] «Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве», 1745. — Это обновление жанров не оказалось в дальнейшем, однако, ни резко-новаторским, ни выдержанно-галломанским.— Что литература ближайшего времени еще во многом не порывает с украинско-церковнославянским наследием XVII—XVIII вв., ясно, напр., из того, насколько русская ода 30-х и 40-х годов связана с подобными произведениями украинских писателей XVII в., насколько распространенные стихотворные обработки псалмов и Библии продолжают приемы юго-западной школы и в какой мере в своих шуточных произведениях Сумароков остается зависимым от образцов жанра, культивировавшегося в интермедиях народного театра петровского времени.

[2] Речь «О чистоте российского языка», 1735 г.

[3] А. Д. Кантемир (1709—1744)— хотя и очень яркое литературное явление — писатель, в свое время не печатавшийся и оставшийся без прямого влияния на последующую литературу.

Ломоносова и талант Сумарокова с успехом разрешили поставленную временем задачу. Ломоносов, а за ним и рядом с ним, Сумароков нашли для своего языка живую опору в разговорных элементах столичной дворянской речи и наиболее культурных столичных же людей, обнаружили для своего времени недюжинное чутье в отношении того, что́ является педантством, школярщиной в письменных стилях, через выучку которых им пришлось в свое время пройти, и каждый по-своему дал своей поэтической речи преобладающий русский тон. Характерно, что путь, избранный Ломоносовым практически, по всем данным хронологии (перевод оды Фенелона «На уединение» сделан Ломоносовым в Марбурге в 1738 г., ода «На взятие Хотина» им написана там же в 1739 г.), не мог быть результатом прямых влияний дворянской среды, с которой студент Ломоносов (1731 —1736 гг.; с 1736 по 1741 г. Ломоносов жил за границей) не был ни по своему происхождению, ни по условиям жизни этого времени в близком общении. Имея с детства разговорную основу в родном наречии[1], Ломоносов, видимо, в результате живого контакта с разными городскими слоями Москвы и Петербурга перерабатывал свой язык в направлении городской koiné, но, естественно, осложняемой необходимыми для письменного языка усвоенными им через школу традиционными элементами, относящимися главным образом к специфически культурным понятиям. Важно при этом отметить, что Ломоносов очень рано осмыслил для себя изобранное им практически направление: об этом свидетельствуют и его пометки на принадлежавшем ему экземпляре «Нового и краткого способа к сложению стихов» Тредиаковского (около 1736 г.) и его «Письмо о правилах российского стихотворства» (около 1739 г.) с положением об употреблении «собственного и природного», хотя решительность его практики в этом отношении всё-таки явно опережает значительно более консервативную, очень еще оглядывающуюся на старославянский язык его теорию.

Было бы несправедливо по отношению к Ломоносову в первую очередь, в меньшей мере к Сумарокову — недооценивать идеологических моментов, которые определили выбор ими новой, русской языковой основы художественного слова. Общие высокие моральные свойства натуры Ломоносова и многие черты принципиальности в неуравновешенном и до болезненности самолюбивом Сумарокове позволяют понять, как в этих людях, умевших ценить

---

[1] Специальное описание его см. в труде А. Грандилевского: «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областный крестьянский говор», Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXXIII, 1907.

Замечание П. И. Житецкого, К истории литературной русской речи в XVIII в.,— Изв. Отд. русск. яз. и слов., VIII (1903), кн. 2, стр. 1, что «литературная речь, созданная Ломоносовым, не мыслима без этимологической основы, которая навсегда осталась в ней, как руководящее начало, преобладающее над живыми говорами» в основном, однако, справедливо и сохраняет свое значение важного ограничения к тому, что касается живой стихии языка Ломоносова и его последователей.

полезное и возвышенное в чужом, творческим двигателем оказалась привязанность к родной речи.

Ее права энергично защищает при всех случаях и Тредиаковский. В своей уже упомянутой, напр., речи — в «Слове о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве» 1745 г. он, несомненно с искренним убеждением, заявляет: «Чего ради, понеже все представленное выше за благопотребно рассудилось разуметь в рассуждении нашего наиславнейшего, наипонятнейшего и наихрабрейшего Российского Народа, для чего бы ему следуя смотреть на толь многие и только славные Народы, как древние, так и нынешние, а все премудрые, и к получению пользы, и к прославлению своего имени, и к произведению всех наук, и к восприятию похвал, я прежде всех искренно не советовал? Да приложит токмо труд, увидит, увидит он вскоре, колико его язык, который также есть и мой, и обилия, и сил, и красот, и приятностей имеет».

Замечательно, что Сумароков, много потрудившийся над приобщением русского читателя к жанрам современной французской литературы, является, вместе с тем, автором страстной по чувству и стилю статьи в защиту чистоты русского языка — «О истреблении чужих слов из русского языка». «Восприятие чужих слов,— пишет он,— а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка... Честолюбие [смысл — «чувство чести»] возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения: но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать ево трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться... Греческие слова введены в наш язык по необходимости и делают ему украшение, а Немецкие и Французские нам ненадобны, кроме названия таких животных, плодов и протчего, каких Россия не имеет... Ради необходимости многие Греческие слова стали быть словами всем языкам общими. И тако восприяты Греческие слова присвоены нашему языку достохвально, а Немецкие и Французские язык наш обезображивают». Отдав умеренную дань временной исторической необходимости учиться у другого народа, патриотически настроенный русский человек и чувствовал, и провозглашал в качестве очередной задачи дальнейшее обращение к внутреннему речевому фонду родного языка, мощь и достаточность которого на дальнейших путях культуры он и сознавал, и высоко оценивал. Филологические аргументы Сумарокова (см. и другую его статью — «О коренных словах Русского языка») нередко наивны (их, среди другого, привлек не к пользе защищаемого им дела А. С. Шишков), но здоровое зерно его настроений несомненно, и он сам больше, чем кто-либо другой, показал, как возбуждения, идущие извне, могут быть подчинены живой стихии родного языка.

Художественный слог, над которым работали Ломоносов и его современники, хотя и создавался ими в основном интуитивно,—

уже при первых шагах новых жанров сделался предметом ревнивой, часто несправедливой и личной, но толкавшей в сторону углубления теории, языковедческой критики. Пример Франции с ее Буало, с ее имевшей громадные притязания в области критики и грамматики Академией постоянно являлся перед глазами русских ее учеников, первых в России адептов французского классического стиля, зачастую — в очень еще несовершенной форме. Эти авторы переносили к себе на родину, наряду с примерами прямого подражания художественным образцам, оправдавшее себя во Франции «ухаживание за словом — рассудочно-разборчивое к нему отношение. Нужно отметить как знамение времени, что уже в 1735 г., т. е. хронологически на пороге появления в литературе Ломоносова, при Академии наук возникает «Российское собрание» с задачей заботиться «о дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве».

От времени ожесточенно друг с другом споривших Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова до самой второй четверти XIX в. писателями вырабатывается л е к с и ч е с к а я н о р м а, и с нею рядом, естественно, осуществляется запрет тех или других слов, как диалектных, «неприличных» для авторской речи.

Если в число отвергавшихся, исключаемых из литературного употребления больше всего попадало при этом северных лексических элементов, то, конечно, дело здесь не только в старении наследства ломоносовской речи, диалектная окраска которой возбуждала недовольство уже и его современников, а прежде всего — в ослаблении роли северян в Москве и усилении в ней притока населения с юга.

Многие думают, что частично источником нового художественного языка мог быть уже имевший длительное существование и близкий к разговорному ясный и простой слог учреждений-приказов. Его значение в истории русского литературного языка не следует, однако, преувеличивать: бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек. Его традиция продолжается и дальше, но в той именно сфере, которую он обслуживал искони,— слог канцелярии долгое время остается на его грамматических и стилистических позициях[1], в дальнейшем, впрочем,

---

[1] Ср., напр., слог доклада 1733 г., мало чем отличающийся, если не считать новых названий должностей, от того, как писали в XVII в.: «...А кто потребны будут имены, о том ему, ген.-майору, подать именную роспись. И по силе оного именного ее и. в-ва указа конюшенной канцелярии служители разбираны, из которых по разбору его, ген.-майора и ген.-адьютанта, явилось из канцелярских служителей к делам годных канцеляристов три, подканцелярист один, копиистов восемь, итого двенадцать человек, а прочие, за старостию и за болезньми, а другие за незнанием в делах и за пьянством негодны...».

ухудшаясь: живое в языке приказов времени царей Михаила и Алексея становится в послепетровское время устарелым, культивируемым в духе приемов бюрократизма, уже имеющего, в отличие от предшествующего времени, от кого снизу отделяться письменным языком: грамотеев среди массы становится все больше; к тому же к этим архаизмам присоединяются новые, сознательно вводимые для специализации канцелярского слога (*яко*, *понеже* и под.).

§ 7. Временное усиление церковнославянских элементов в сороковых и пятидесятых годах XVIII в.

Обновление жанров в тридцатых годах XVIII в. и после в целом имело следствием обновление языка художественной литературы (поэзии), приближение его к русскому за счет по крайней мере наиболее обветшавших элементов церковнославянского. Уже, однако, те самые сороковые — пятидесятые годы, когда Ломоносовым создаются блестящие образцы поэтического стиля на русской основе, характеризуются тенденцией вернуть церковнославянскому языку, хотя отчасти, значение, принадлежавшее ему раньше. Полностью о возврате к нему и в это время говорить не приходится, но пиетет по отношению к старинному языку возрождается вместе с национально-окрашенными настроениями, ищущими пищи в идеализируемом прошлом. Защита национального, прямая или прикрытая, становится заметным мотивом у писателей, особенно с пятидесятых годов, когда роль иностранцев на верхах уже встречает известный отпор со стороны представителей русской аристократии, а в области языка национально-окрашенные настроения имеют следствием, наряду с отталкиванием от иностранного (более или менее определенными пуристическими тенденциями)[1], возрождение вкуса к церковнославянскому, как к «своему»[2], удовлетворяющему, по понятиям времени, не только требованию оставаться в пределах «родного», но и классовому стремлению — чтобы это родное вместе с тем не было «подлым», а питало бы «высокие» настроения. Не все, конечно, деятели художественного языка этого времени одинаково отразили на себе

---

[1] Ср. сатирические намеки на немецкую структуру речи Ломоносова и на нерусские обороты Тредиаковского в «Епистоле о русском языке» Сумарокова (1748 г.): «Один, последуя несвойственному складу, Влечет в Германию Российскую Палладу... Другой, не выучась так грамоте, как должно, По-русски, думает, всево сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Язы́ком собственным, достойну только сжечь».

В басне «Порча языка» (1769 г.) Сумароков поучает: «Вовек отеческим язы́ком не гнушайся, И не вводи в него Чужого ничего, Но собственной своей красою украшайся».

[2] Ср. негодующее замечание Сумарокова в «Епистоле о русском языке» (1748 г.): «Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем, Которы мы с тобой не Русскими зовем. Он тотже, а когда б он был иной, как мыслиш, Лишь только от того, что ты ево не смыслиш, Так чтож осталось бы при Русском языке?»

новые тенденции, но навстречу им охотнее пошли те именно (Тредиаковский, Ломоносов), кому в годы своего обучения пришлось пройти через серьезную работу над усвоением церковнославянского.

В «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол» (1750 г.) Тредиаковский, начинавший с отрицания «славенщизны», жестоко критикует Сумарокова за допускаемое им просторечие (ср.: «у Автора и сельское употребление есть правильное и красивое»; он «многие речи составляет подлым употреблением») и корень зла видит в недостаточном знакомстве его с церковнославянским языком: «Толикие недостатки и толь многие как в речах порознь, так и вообще в сочинении, проистекают из первого и главнейшего сего источника, именно же, что не имел в малолетстве своем Автор довольного чтения наших церковных книг, и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собой».

На позиции обязательного знакомства с церковнославянским языком и его использования стоит, впрочем, и А. Н. Сумароков (ср. его «Епистолу о русском языке», 1748 г.), но он настаивает на критическом, рассудительном использовании наследия старины: «Имеем сверьх того духовных много книг. Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг, И бегучи по ней, как в быстром море судно, С конца в конец раз сто промчался безрассудно? Коль *аще*, *точию* обычай истребил, Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил? А что из старины поныне неотменно, То может быть тобой повсюду положе́нно».

С полной определенностью и для своего времени с большою силою через несколько лет (в 1757 г.) М. В. Ломоносов старается обосновать в трактате «О пользе книг церковных в Российском языке» высокое значение церковнославянского языка, особенно для героической поэмы и прозаических речей «о важных материях», проверяя его силою созданных им образцов. В большей или меньшей мере дань этому убеждению, высказанному Ломоносовым, отдают и второстепенные писатели этого и ближайшего времени.

§ 8. Развитие в XVIII в. жанров, сближающих литературный письменный язык с разговорным.

При охране и заботе об отборочном в художественных жанрах, обслуживающих классовые позиции верхов (ода, героическая поэма и под.), лексике бытовой, просторечию и даже выражениям грубым был открыт широкий путь в течение всего XVIII в. в жанрах полемических, юмористических и так или иначе сближавшихся с ними. Эти же жанры сообщали уже в «ломоносовский» период языку ту близость к разговорной речи, которая расшатывала чужеземную рамку его традиционного синтаксиса. Если комедии А. П. Сумарокова в отношении лексики и не представляют

собою важного этапа, как произведения с точки зрения литературной слабые, то намного значительнее в этом отношении роль его «Притчей», оказавших свое влияние, не говоря об А. А. Ржевском и других непосредственных учениках Сумарокова, на таких мастеров басни последующего поколения, как И. И. Хемницер и И. А. Крылов. Чем могла быть русская сатира уже во второй четверти века и что́ несла она с собой для развития лексики, показали замечательные произведения этого рода А. Д. Кантемира, хотя и оставшиеся в свое время достоянием узкого круга, но уже бывшие, несомненно, многообещающим «знамением времени». Шутливые и полемические стихи Ломоносова — крупное явление уже не только в новой лексике, но и в истории выработки нового, освобождающегося от чужеземных влияний синтаксиса. В литературном поколении, пришедшем на смену ломоносовскому, жанры, обещавшие обновление художественного языка, его большее разнообразие и демократизацию, дают и цвет и плод исключительной яркости и сочности. Д. И. Фонвизин создает прозаическую комедию с богатым языком «низких» характеров, В. В. Капнист — стихотворную, местами афористически яркую «Ябеду»[1]; басню представляет остроумный, мастерски владеющий близким к бытовому диалогом И. И. Хемницер; сатира в новой форме оды-сатиры под пером Г. Р. Державина развертывает картинки быта верхов в их повседневности, и лексика ее сближена с кругом бытовых понятий, раньше почти не получавших доступа в книжный язык.

Рядом с этими мастерами важную работу в том же направлении выработки нового языка — гибкого, разнообразного и порывающего со старой напыщенностью — осуществляют сравнительно многочисленные «снижатели», представители жанров шутливых, пародических, забавных. Популярны и в силу своей популярности влиятельны комические оперы (наиболее удачная — «Мельник,— колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова (1779 г.), особенно примечательная попытка использовать для жанровых целей разговорную народную речь[2]); нравится современникам грубоватый, а иногда и просто грубый, «ирои-комический» «Елисей, или раздраженный Вакх» Вас. Майкова (1771 г.)[3];

---

[1] Надо согласиться при этом, что большая доля истины заключается в словах Тредиаковского о том, что нерифмованная комедия, по самой природе ее языка, к действительности ближе, чем стихотворная: «Я, в особенности моей,читая иногда, отдохновений во время, Комедии Французские, больше всегда чувствую сладости... от чтения Арлекина Дикого, нежели от препрославленного Молиерова Тартюфа. Чего ж ради? Тартюф сей в Стихах своих имеет рифмы, и потому от природного течения слова весьма удалялся; а Дикий Арлекин идет Прозою,следовательно сходствует с самым чистым Естеством» («Предъизъясненіе объ ироіческой піимѣ»).

[2] Уступает ей в художественных достоинствах, но не менее примечательна по языку персонажей комическая опера Я. Б. Княжнина — «Сбитенщик» (1789). Ср. и комедию П. А. Плавильщикова — «Мельник и Сбитенщик соперники».

[3] Специальные справки об этом жанре в XVIII в. см., например, в предисловии В. А. Десницкого к изданию «Ирои-комическая поэма», Л., 1933.

исключительным успехом пользуется изящная, многокрасочная, при общем фантастическом тоне, блещущая бытовой наблюдательностью и разнообразием словаря «Душенька» И. Ф. Богдановича (1775 г.)[1].

Из жанров, не относящихся к сатирическим и шутливым, важную роль при выработке нового стихотворного литературного языка играет любовная лирика, уже под пером Ломоносова и Сумарокова представленная образцами легкого, вместе с разнообразием метрических средств совершенствующегося в синтаксической гибкости языка и достигающая исключительного блеска, эмоциональной насыщенности и яркости жизненных красок в творчестве Г. Р. Державина[2].

Кроме комедий Фонвизина и др., сыгравших свою влиятельную роль в истории выработки русского прозаического языка, всё наиболее значительное относится в послеломоносовский период к языку стихотворному. Его успехи очень велики. «Забавный русский слог» Державина, изобразительность его бытовых картин — открытие пути к лексическому богатству позднейшего художественного реализма пушкинского «Евгения Онегина»; игривость строф «Душеньки» Богдановича — предвозвестница освобождения от синтаксической тяжеловесности ироической поэмы и появления «Руслана и Людмилы»; стихи комедии Капниста подготовляют «Горе от ума»; в том же духе — прокладывая путь для «Горя от ума» Грибоедова, создается, начиная XIX в., комедия «Неслыханное диво, или честной секретарь» Н. Р. Судовщикова (1802 г.). Выразительные изломы стиха и богатая лексика басен И. И. Хемницера делают его предтечей И. И. Дмитриева и И. А. Крылова.

В области художественной прозы первые десятилетия второй половины XVIII в. не оставили значительного наследства. Было бы однако несправедливо не учесть важной роли в выработке русского непринужденного описательного стиля — сати-

---

[1] Заостренная направленность «Душеньки» на читаемость и с нею на удовольствие для читателя совершенно определенно указаны в ней самой. От чего установочно отталкивается Богданович, ясно, хотя бы, из строк: «Царевна там еще взяла читать стихи. Но их читаючи, как будто за грехи Узнала в первый раз уполненную скуку... Желала посмотреть царевна переводы Известнейших творцов; Но часто их тогда она не разумела. И для того велела Исправным слогом вновь Амурам перевесть, Чтоб можно было их без тягости прочесть».

[2] В существенном верно заметил уже в свое время К. Н. Батюшков (Речь о влиянии легкой поэзии на язык, 1816 г.): «...Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытуя Русской язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музы. Сей великий образователь нашей Словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и выражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая Поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному... У нас преемник лиры Ломоносова, Державин... и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским» (Сочинения, изд. Academia, 1934, стр. 362—363).

рических журналов, в первую очередь новиковских («Трутень», «Живописец»), которые имели вместе с тем едва ли не большее значение и в истории русского публицистического слога.

Говоря о бытовой лексике, стоит отметить, что комедии XVIII в. и «Живописец» сохранили нам и почти прямые свидетельства (установка на карикатуру не позволяет смотреть на них как на свидетельства прямые) жаргона «общества» — «щеголей» и «щеголих», тех модников, которые сконцентрированно в своей разговорной манере отражали входившие в силу в речи светского обращения их времени. Если оставить в стороне макаронический русско-французский характер речи таких персонажей, как Фирлюфюшков в «Именинах госпожи Ворчалкиной» Екатерины II (ближайший потомок сумароковского Дюлижа из «Чудовищ»), бросается в глаза в этой манере главным образом обилие аффективных слов вроде: *по чести говорю*; *ужесть, ужесть*, как прекрасны твои листы; ведь мнение-то щеголихино ты у меня *потдяпал*; одну из подруг моих *вытащил на театр*; я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*; ты *уморил меня*; *выкинула весь тот из головы вздор* (ср. «Повыкинь вздор из головы» — Фамусова); услужи, *радость*, мне; мы бы тебя *до смерти захвалили*[1] (ср. и: «Щепеткова: Взбесился! Эдакую дрянь кажешь! Это русские. Проторгуев: Вот вам и туринские. Щепеткова: Какая *адская разница*! Эти в тысячу раз хуже»,— в комедии М. Матинского «Санктпетербургской Гостиной двор» 1791 года), и т. п., в немалом числе постепенно укрепившихся и, в определенных жанрах книжного языка, частично доживших как слог фамильярной, буршикозной лексики до нашего времени.

§ 9. Рассудочный и научный слог XVIII в.

Если центр тяжести задач, выпавших на деятелей русского слова в третьем и ближайших десятилетиях XVIII в., сосредоточен главным образом на языке художественном (стихотворном, в меньшей мере — прозаическом), то серьезная, хотя и менее заметная, работа совершается одновременно и в области рассудочного слога и в языке собственно-научном.

Первой и важнейшей проблемой организации научно-публицистической прозы остается проблема обогащения лексики. Стихийные заимствования петровского времени перенасытили русский научный язык иностранными элементами. Остро стоял вопрос, как быть с научной терминологией дальше — оставить ли ее в зависимости от той же стихийности, от случайностей влияния того или другого языка на того или иного ученого переводчика, или отнестись к ней с серьезным отбором и позаботиться о том, чтобы

[1] Из письма Щеголихи в «Живописце».

сообщить ей, насколько возможно, русский характер. Принципы и детали работы над терминологией позже, в конце века, с известной определенностью выяснит Карамзин; в это время работа ведется еще ощупью. Важно, однако, то, что уже определенно заявило о своих правах стремление включить терминологическую лексику в живую ткань русского языка, не всегда, впрочем, в это время еще отчетливо отделяемого от старославянского, и сделать ее естественным орудием русской по форме научной мысли.

По поводу своей работы над «Физикой» Вольфа[1] Ломоносов замечает: «Принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем, через употребление, знакомее будут». Узость ученого круга позволяет Ломоносову действовать еще в большой мере индивидуалистически, но счастливое соединение в лице первого великого русского ученого — естествоиспытателя и человека выдающихся филологических способностей обеспечивает новообразования для его времени приемлемые, хотя и отдающие сильно церковнославянским языком, но в меньшей мере, чем этого можно было бы ожидать от умов менее критических.

Заимствование из иностранных языков только отчасти разрешало те словарные задачи, которые были поставлены жизнью в петровское время. Для большинства случаев чисто стихийно могла вноситься чужеземная терминологическая лексика, так как отсутствие традиции в терминологии производств для целого ряда новых технических умений и понятий позволяло без колебаний пересаживать их европейские наименования (ср. мнение В. Н. Татищева: «Умножение нужное языка есть от приобретения наук и вещей, которые мы от других народов приобрели и приобретаем»); новых наименований требовали учреждения и должности, но с их новизной легко сочетался психологически и заносный характер их названий; в значительной степени, поскольку новая бытовая «утонченность», новое понимание красивого и культурного должны были совпадать с западноевропейскими, лексические потребности этого рода тоже легко удовлетворялись импортом с Запада. Сложнее обстояло дело с лексическим материалом абстрактного характера (отвлеченными именами существительными), который оказался нужным совсем в другом, чем раньше, составе, когда во всем ее значении выступила потребность осмыслить новый порядок, подвести под него рассудочные основания, стать в уровень с политическими и моральными идеями, сопровождавшими подобный строй в Европе.

Абстрактная лексика предшествующих столетий оставила XVIII веку исключительно обильное и, что́ особенно важно, влиятельное наследство, которое легко могло быть использовано для новых

[1] «Вольфиянская экспериментальная физика» (1748 г.).

целей. Кроме «готового», за нею была традиция достаточно широкого и свободного словопроизводства, т. е. то именно, что более всего соответствовало потребностям нового публицистического (философского) слога.

Преимущества легкости выбора словесного выражения для новых понятий, предлагаемых в иностранных книгах, уничтожались однако в значительной мере органическим пороком всякого искусственного языка — назвать было легко, но трудно было рассчитывать на усвоение и фактически добиться надлежащего понимания вновь вводимого слова. «Темнота» переводов политическо-философской литературы петровского времени хорошо сознавалась не только читателями, но и самими переводчиками. Гавриил Бужинский в предисловии к своему переводу книги Пуффендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726 г.) вынужден, напр., приложить перечень трудно переводимых слов: spontaneitas — *самоволие*, imputatio — *вменение*, norma — *правило*, injuria — *бесправие*, или *обида*, hypothetica — *виновныя* и *подпричинныя*, conditio — *прилог*, cognatio — *средство*, agnatio — *свойство* и т. д.

Первые образцы новой абстрактной лексики выступали под пером переводчиков петровского времени и таких писателей, как Посошков и Татищев, в составе слога, очень близкого к церковнославянскому, и этот слог, вероятно, сильно поддерживал впечатление, что в этой сфере особенно серьезного сдвига собственно не совершается и что новый круг понятий есть в существенном прививка к старому дереву богословской этики и философии.

Русской абстрактной лексике в дальнейшем предстоял один путь, который только и мог серьезно изменить ее особенности, слишком роднившие ее и внутренне и внешне с богословской схоластикой,— путь обработки понятий на основах наук, корнями своими связанных с опытом. Проблема новой абстрактной лексики была проблемой освоения и развития на русской почве соответствующих наук и создания научной или психологически родственной ей среды, для которой эти понятия были бы необходимы как орудие постановки и разрешения практически важных вопросов. Такая среда создавалась в России до самого конца XVIII в. медленно и количественно не только значительною, но даже заметною не была. Стоит внимания, что немногие выдающиеся философские умы этого века (наиболее выдающийся из них — Н. И. Новиков), соответственно новым запросам жизни направлявшие свою энергию главным образом на вопросы этические, отдались, вместо влияний научных, в плен западноевропейской мистики. Масонская мистика под их пером легко одевалась в одежды схоластики предшествующего века, и казавшиеся как будто вновь вырабатываемыми понятия на самом деле представляли собою гальванизацию уже лишившихся настоящих сил абстракций церковного наследства. Морфологическая легкость их пополнения оставалась долго соблаз-

нительной, и количественно абстрактная лексика и в XVIII в. и позже никак не может попасть под обвинение в скудости.

Заслуживает упоминания сравнительно с современным языком одна черточка абстрактной лексики едва ли не всего XVIII в.: и в прозе и в поэзии — в нем свободнее абстрактные существительные образуют множественное число, приобретают часто значения персонифицируемых и потому создают впечатление несколько утрачивающих в своей отвлеченности: «...Но приложившего ближе к нему [воплю] свои слухи едваль он в состоянии обольстив оглушить...» (Тредиак.); «Воздыханьи ты преврати мне в смехи» (Сумар.); «Души моей Воображения бессильны...» (Держ.) и мн. др. Для Ломоносова в особенности, с его вкусом к риторической обработке художественной речи, игра персонификацией абстракций — излюбленный прием, органически связанный со всей системой его поэтики.

§ 10. Местоимения, наречия и союзы как внешние приметы изменения слога в конце XVIII в.

Для всех видов лексики отметим, наконец, одну характерную частность, довольно резко отделяющую язык XVIII в., особенно первой его половины, от языка XIX в.— это местоимения, наречия и союзы. По ним заметнее, чем по чему другому, постепенный отход в литературном языке от церковнославянского (реже древнерусского), и главным образом они — характерная примета архаизаторских или, наоборот, новаторских устремлений определенных авторов. Если для позднейшего времени разрыв с традиционным языком находит свое внешнее выражение в отказе от *сей* и *оный*[1], то для времени, близкого к Ломоносову, приходится принимать во внимание значительно большее количество местоименных, наречных и служебных слов (в их составе и в структуре): *кой*, *кая*, *кое*, *откуду*, *отсюду*, *оттуду*, *отъинуда*, *инуда*, *колико*, *толико*, *двожды*, *трожды*, *паки*, *посем*, *весьма* (в значении «вполне»), *инако*, *почто*, *внезапу*, *буде*, *токмо*, *понеже*, *гораздо* «очень» и т. д.— длинный ряд шедших на убыль черт старинного слога.

§ 11. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова.

Язык ломоносовского периода и до некоторой степени и XVIII в. вообще увенчала, наконец, в области его фонетики, морфологии и синтаксиса н о р м а л и з а т о р с к а я работа, совершенная самим Ломоносовым. «Россiйская грамматика», изданая в 1755 (1757) г., как «российская», почти не имела предшественников:

---

[1] Любопытны по этому поводу соображення Пушкнна, склонявшегося, впрочем, для поэзнн, хотя и не особенно решнтельно, к архаизаторскнм позициям. Ср. «Атеней», I, 1924, стр. 8—9.

выпущенная в 1696 г. в Оксфорде на латинском языке Henrici Wilhelmi Ludolphi Grammatica russica — всего только первая попытка «убедить русских, что можно кое-что печатать к украшению и чести русской нации также на народном русском диалекте, если русские попытаются по примеру других народов обработать собственный язык и издать на нем хорошие книги»; приписываемая Адодурову очень маленькая грамматика, изданная в приложении к немецко-русскому словарю Академии наук 1731 г., хотя и заключает в себе элементы русского языка, но еще сильно зависит от церковнославянской грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 г. и послед. издания), влиянию которой практически основание положили работавшие на Москве питомцы Киевской академии, ориентировавшиеся на нее в морфологической стороне своего языка.

На Ломоносова, таким образом, выпала почти полностью задача урегулировать грамматику русского языка, понимая его как язык, отличный от старославянского. Великий ученый сознавал и трудность взятой им на себя задачи, и только предварительный характер ее разрешения: «Я хотя и не совершу однако начну, то будет другим после меня легче делать» (из черновых заметок).

Грамматика построена Ломоносовым не отвлеченно, а на основе многочисленных наблюдений над письменной и устной русской речью его времени. В этом был залог жизненности вошедших в нее предписаний. Заботясь о том, чтобы научить своих читателей «говорить и писать чисто Российским языком по лутчему, рассудительному его употреблению» (§ 86), Ломоносов не рационализировал язык, а критически отобрал то из практики, что имело разумные основания стать нормой. При этом, хотя в методическом отношении сама грамматика — ее цели и возможности — представляются Ломоносову довольно высокими, он смотрит на дело практически трезво, и подход его к ней уже лишен идеализации, характерной для времени Мелетия Смотрицкого, для которого грамматика «славою честна и учением красовита, в устах сладка, и на сердцы чюдна, и на языке светла».

Принципиально важны среди других такие положения, принятые Ломоносовым в его труде: он явно не считает возможным заграждать дорогу в фонетике «просторечию», хотя и вынужден считаться тут с церковнославянской традицией (см. его замечания о ***е*:*ё*** в § 94, о ***го*>*во*** в родительном ед. ч. в § 99 и под.); им узаконяются в произношении преимущества Москвы (в частности — аканье); в ряде случаев четко различается произношение и письмо; грамматические правила связываются с фактическим литературным употреблением (ср. об этом Радищев: «Восхотел он их [правила, языку ствойственные] извлечь из самого слова, не забывая однако же, что обычай первый всегда подает в сочетании слов пример и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными»,— стр. 178); хотя и осторожно, но часто принимается во внимание связь русского языка со старославянским; в ряде случаев при-

знается им возможным употребление параллельных форм и сочетаний, выбор форм — произвольным.

Оценивая его труд в целом, нельзя не признать сильной критической мысли, которою он проникнут, возможной для его времени трезвости в ориентации среди многочисленных трудно поддающихся обоснованию и теперь языковых фактов и методической четкости изложения.

Высокую оценку труда Ломоносова в ближайшем поколении дают среди других замечания Радищева[1].

§ 12. Словарь Академии Российской.

Отчасти опираясь на лексикографические труды предшествующего времени, имевшие дело главным образом с церковнославянским языком, в большей мере — строя заново, Российская академия создала в 1789—1794 гг. шеститомный словарь русского и церковнославянского языков, понимаемых в это время еще как нечто если не единое, то очень близкое[2]. Словарь включал объяснения свыше сорока трех тысяч слов. При всех естественных для времени, когда он явился, филологических его несовершенствах, он должен был иметь и действительно получил свое значение как опора при приведении в систему лексических средств языка великого народа, литература которого еще боролась за свои права и признание аристократической верхушкой даже у себя на родине. Как расценивался этот труд Российской академии наиболее культурными современниками, мы можем судить, напр., по высказыванию Н. М. Карамзина, относящемуся к 1818 г., когда Российская академия работала уже над вторым его изданием (1806—1822 гг.): «Полный Словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не

---

[1] Всё важное для характеристики и понимания труда Ломоносова в историческом аспекте дают объяснительные примечания акад. М. И. Сухомлинова при IV томе «Сочинений М. В. Ломоносова», изд. Акад. наук, 1898. Ср. также Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, Журн. Мин. нар. просв., 1910, отт. стр. 21—30; В. И. Чернышев, Мих. Вас. Ломоносов и его «Российская грамматика»,— Русск. яз. в школе, 1940, № 2, стр. 1—13, и В. В. Виноградов, Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова,— Материалы и исследования по ист. русск. литер. языка, II, 1951, стр. 204—218.

[2] Важно, однако, уже нашедшее свое определенное место признание составителями, что «рассеянное обилие языка Славянороссийского во множестве разных книг как древних, так и новейших писателей было главною доселе причиною трудности в прямом нашем языке употребления. Отсюду введены в него многие речи и расположения оных, свойству его противные; отсюду видим во многих новейших наших писателях и переводчиках слог более свойственный тем языкам, к коим они вящшее значение, нежели к своему собственному, прилагали. Но сие самое обилие, в единый состав приведенное, облегчит каждого труд в познании точного смысла и употребления языка Славянороссийского».

веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря; мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями академий Флорентийской и Парижской».

Сейчас мы не можем не видеть таких ошибок в самих установках его составителей, как пуризм в научной терминологии (*рудословие* — «минералогия», *слушалище* — «аудитория» и под.),— установка, правда, имеющая некоторые свои основания в отталкивании от современного преувеличенного расположения к иностранному; как явное пристрастие к церковнославянизированной лексике, особенно относящейся к торжественному слогу; как охранительное, недружелюбное отношение к «низкому»— просторечному и под. Но всё это — почти неизбежная дань духу времени, не отменяющая общего впечатления большого значения того культурного этапа в истории русского литературного языка, какой знаменовало появление первого большого известного массе авторитетного словаря.

«Словарь Академии Российской», при всей его ценности и грандиозности, не был, однако, и не мог в то время, когда он создавался, быть настоящим орудием нормативной лексики: лексическая норма могла быть убедительно создана на признанных образцах литературного слога, но то относительно немногое, что было таким образцом для времени первого издания (Ломоносов), уже устарело ко второму. Если бы Академический словарь для русских деятелей слова приобрел значение такое же, как соответственный Словарь Французской академии, он, скорее, сделался бы препятствием для развития русской литературы, нежели тою опорой, какой он являлся при осторожном и свободном пользовании им. А всё заставляет думать, что отношение к нему в практике литературной работы было именно только такое.

Справедливо отмечают (Сухомлинов, Пыпин, В. В. Виноградов) ту большую и благодетельную роль, которую в работе над словарем сыграли русские практики-натуралисты, озабоченные задачей создать для своих областей знания наиболее рациональную терминологию. То, что имело свои нормы в народном быту, такие выдающиеся деятели русской науки, как академики И. И. Лепехин (1740—1802) и Н. Я. Озерцковский (1750—1827), стремились узаконить в словесной оболочке, уже известной народу и для него привычной. Здоровая, разумная идея, которою они при этом руководились, очень удачно выражена Лепехиным в замечаниях по поводу собственного его перевода «Histoire naturelle» Бюффона:

«...Но как в следующих частях изобразил он нам самих животных, описывая их род жизни, средства, нужные к снисканию их пропитания, нравы, особенные склонности, образ и время, к размножению своего племени употребляемые, и продолжение ношения самок щенных, все способы для домашнего скотов содержания

нужные, и каковой корм вреден им быть может: всё же сие выражал он речениями, на заводах конских, в скотоводстве, в охоте и в промыслах употребляемыми, имея довольно способов к получению таковых речений и всего, до естества животных касающегося, или от людей, помянутыми упражнениями занимающихся, или воспитывая разных животных в своем поместье и в доме, и делая над ними возможные наблюдения,— то трудившиеся доселе в преложении, лишены будучи таковых пособий, принужденными нашлися удержаться от продолжения начатого ими труда, пока не представится случай собрать всё нужное к окончанию оного... Посему, собрав некоторые речения в природном нашем языке известные, мнил я быть в состоянии начатой продолжать труд, но время показало, что некоторые речения не так выражены, как надлежало. Посему и прошу покорнейше всех любителей российского слова и знающих прямо предлагаемых животных вразумить меня в тех названиях, которые, может быть, неправильно мною употреблены: таковою благосклонностию при втором издании воспользоваться с должной благодарностию не упущу»[1].

§ 13. Характеристика места в истории русского литературного языка слога А. Н. Радищева.

Последнее крупное явление, характеризующее яркую вспышку церковнославянского языка в русской прозе XVIII в.,— «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790 г.). Мера пристрастия Радищева к архаической стихии при первом знакомстве с этим самым революционным произведением XVIII в. просто поражает кажущимся несоответствием между его содержанием и формою. Это несоответствие, однако, только мнимое: церковнославянский язык в частях «Путешествия», насыщенных гражданским пафосом, был для Радищева тем испытанным, отложившимся средством отборочного слога, слога высокого, которым еще не располагал русский язык как таковой. Радищев, как человек XVIII в. и как трибун, ощущал бы снижением глубины и важности развиваемых им идей, если бы они облеклись в формы повседневной или близкой к повседневности речи, речи, которою он

---

[1] Подробности о «Словаре Академии Российской» см. в труде М. И. Сухомлинова — «История Российской Академии», вып. восьмой и посл., СПБ, 1888. Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, XLIII, № 4 и в статье В. В. Виноградова — «Толковые словари русского языка»,—Язык газеты, М.—Л., 1941, стр. 364—369. Ср. также М. И. Рыбникова, Введение в стилистику, стр. 118—126.

О терминологической работе Лепехина см. С. И. Сухомлинов, «История Российской Академии»,— Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XIV, 1875, стр. 196—198, 209, 216—218, 482—514.

Хорошо и полно характер специально просторечной и подобной лексики в этом издании изучен и описан в статье Ю. С. Сорокина — «Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.),— Материалы и исследования по истории русского литературного языка, I, 1949, стр. 95—160.

очень хорошо владеет, когда изображает бытовое, не возбуждающее ни пафоса, ни негодования.

Ставя вопрос отвлеченно, можно было бы взвесить, в какой мере были бы пригодны для литературных целей Радищева и н о с т р а н н ы е с л о в а, относящиеся к кругу «гражданских» понятий; легко, однако, убедиться, что он не только не находит в них, как человек, чувства, нужного ему для того, чтобы перелить в других всё кипящее в нем негодование против жестокости и мерзости существующего строя и весь восторг видящего красоту возможного будущего, но и сознательно избегает их, заменяет русско-церковнославянскими словами. В последних для него аккумулирована энергия высокого, и их он избирает, связывая, как в большинстве люди его времени, идею освобождения крестьянских масс с определенными национально окрашенными настроениями.

Не приходится удивляться исключительному богатству абстрактной лексики Радищева. Философ, он в ней нуждается больше других своих современников. Верный церковнославянской традиции в стиле, писатель, который, отчасти даже вопреки своей идеологической направленности, в своем слоге культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее, Радищев находит в наследстве церковнославянской и церковнославянизированной лексики, в большой мере имея для себя образцом глубоко им в стилистическом именно аспекте ценимого М. В. Ломоносова (ср. его «Слово о Ломоносове»), нужное ему для выражения высоких мыслей и вместе с тем на путях ее попутно обрабатывает то, в чем она оказывается недостаточной. Вот типичные для него сгустки такой лексики: «Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности» (стр. 57) или: «Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию» (стр. 68).

Радищевым заканчивается последний исторический опыт применения церковнославянского языка к принципиально-новым идейным установкам, и в дальнейшем уже не оказывается ничего значительного, для чего бы этот язык оказался использованным вне специальных стилистически-архаизирующих задач.

Эта сторона слога Радищева не исчерпывает, однако, того важного и характерного, чем его стилистическая работа проявилась в истории русского литературного языка. Наряду с своеобразным разрешением задач, относящихся к философско-публицистическому слогу, Радищев своеобразно разрешает и другие. Наблюдательный бытописатель-реалист, он, по-видимому, в основном верно воспроизводит речевую манеру своих собеседников и персонажей, сделавшихся по ходу описываемого предметом его внимания. За

верность его передачи говорит разнообразие, отчетливо выраженная индивидуальность воспроизводимых (не придуманных) разговоров автора с людьми различного общественного положения и разных характеров, так, как они даны в его «Путешествии». Не мала заслуга Радищева в этом отношении быть предшественником Пушкина-прозаика («здесь через голову Карамзина Радищев как бы прямо протягивает руку Пушкину»[1]), хотя — и это очевидно — одного от другого отделяет среди многого иного исключительно важное различие мастера-зарисовщика и мастера-творца. Нельзя не заметить (это хорошо видели уже современники Радищева и резко высказался об этом Пушкин), что слог «Путешествия» не имеет единства и поражает пестрым сочетанием не гармонирующих между собой элементов. Но в этой «rudis indigestaque moles»[2] много таких элементов, которые способны были стать для будущего важными и действенными на службе благодарных задач словесного выражения, и Радищев в целом поэтому в истории русского литературного языка — явление не только примечательное, но и основополагающее[3].

§ 14. Карамзинская реформа слога.

Решающий перелом, разрыв с традицией художественного языка, для которого церковнославянский — если уже не господствующий, то еще очень влиятельный источник, и с традиционным научным и публицистическим, синтаксис которого явно отражает конструкции классической латыни,— связывается, как утверждали уже современники и как обоснованно утверждают позднейшие исследователи, с деятельностью Н. М. Карамзина[4].

П. А. Вяземский в основном справедливо писал в 1823 г. («Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»): «Кажется, что вопрос: кого должны мы утвердительно почесть основателями нынешней прозы и настоящего языка стихотворного? давно уже решен большинством голосов [имеются в виду Карамзин — относительно прозы и Дмитриев — относительно стихотворного языка]. Язык Ломоносова в некотором отношении есть уже мертвый язык. Сумароков подвинул у нас ход и успехи словесности, но не языка...

---

[1] Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, 1946, стр. 368.

[2] Лат. «грубая и неупорядоченная громада» (Овидий).

[3] Исключительно подробно «Общественно-политическую лексику и фразеологию в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева»,—Материалы и исследования по истории русского литературного языка, II, 1951, стр. 5—54, извлекла из этого важнейшего произведения Радищева Н. Ю. Шведова. Важно, что в «Путешествии» последовательно проводится насыщение слова общественным содержанием, и целый ряд понятий из плана психологического, индивидуального переводится в план гражданский, социальный» (стр. 47).

Ср. и статью Е. А. Василевской «Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева»,— Русский язык в школе 1949 г., № 4, стр. 6—18. В ней указана и предшествующая литература.

[4] См. особенно Я. К. Грот, Карамзин в истории русского литературного языка, «Филол. разыскания», I, 1885, изд. 3, стр. 62—132.

В некоторых из стихов и прозаических творений Фонвизина обнаруживается ум открытый и острый; и хотя он первый, может быть, угадал игривость и гибкость языка, но... слог его есть слог умного человека, но не писателя изящного... Все сии писатели и несколько других, здесь не упомянутых, более или менее обогащали постепенно наш язык новыми оборотами и новыми соображениями и расширяли его пределы; но со всем тем признаться должно, что и посредственнейшие из писателей нынешних (разумеется, и здесь найдутся исключения) пишут не языком Княжнина и Эмина, стоящих гораздо выше многих современников наших, если судить о даровании авторском, а не о превосходстве слога» (I, стр.124—125).

В роли именно Карамзина как реформатора русской прозы не было сомнений и у Пушкина, и не сомневался он в том, что́ именно сделало эту реформу жизненной: «Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал Ломоносов свои мысли, дают его прозе ход томительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сделалась необходимостью; к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова»[1].

Карамзинская реформа — сочетание, с одной стороны, сознательного отказа от многого, не оправдавшего себя в историческом опыте выработки нового литературного языка, с другой — талантливого показа, каким именно должен быть художественный и научно-публицистический язык, чтобы доходить до широкого читательского круга и удовлетворять требованиям легкости, приятности и ясности. Настоящих учителей слога, которые удовлетворяли бы его, подобно французским, английским и немецким писателям, Карамзин среди своих предшественников не нашел. Хотелось «писать чище и живее». И та и другая задача совпадали с установкой на приближение к разговорной речи, и Карамзин, учась грамматике из речи живого общения наиболее развитых представителей своего класса, а слогу — у лучших иностранных авторов, практически разрешил обе задачи. Важно при этом отметить, что они у него почти неизменно оставались также и в поле теоретического освещения[2].

[1] И. Дмитриев («Взгляд на мою жизнь») точно указывает, что «Карамзин начал писать языком, подходящим к разговорному образованного общества семидесятых годов, когда еще родители с детьми, русский с русским, не стыдились говорить на природном своем языке».

[2] При этом, конечно, нужно учесть и тот давно установленный факт, что вообще «чем ближе к эпохе Карамзина, тем более сглаживаются разнородные стихии речи, тем яснее выступают черты современного нам литературного языка, который стоит в середине между народным великорусским и книжным. В особенности это нужно сказать о языке всех изданий Новикова... «Стоит составить по годам рациональный каталог всех изданных компанией Новикова трудов, говорит Тимковский [«Москвитянин», 1851, № 9—10, стр. 41], живой свидетель этой эпохи, чтобы увидеть, какое обдуманное движение дано было литературе, слогу и слову. Это настоящая с тем именем эпоха преобразования языка, неведущими относимая на одно лицо Карамзина, который был там молодым сотрудником» (П.И. Житецкий,— Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, VIII (1908), кн 2, стр. 51).

Сделанное Карамзиным в существенном сводилось:

К сознательному отрыву от церковно-славянского языка, за которым им оставлялось его настоящее, достаточно скромное место необходимого средства архаизации, из художественных мотивов, допустимого, однако, только в умеренных дозах[1].

Свою позицию в этом вопросе с полной определенностью Карамзин высказал в известном ироническом замечании о переводе «Клариссы» Ричардсона и о его образцах: «Г. Переводчик хотел здесь последовать моде, введенной в Русский слог големыми претолковниками NN, иже отревают все, еже есть Русское, и блещаются блаженне сиянием славяномудрия» (1791 г.).

К отказу от образцов неживой речи, по выражению самого Карамзина — от «школярщины», которую он, впрочем, понимал не только как педантизм в области слога, искусственно воспитываемого отстающею от жизни школою, но и вообще как привязанность «к древностям и чужестранным вещам, не всякому известным».

К усвоению источников художественной речи, оправдавшей себя стилистическими достижениями. Сюда следует отнести влияния иностранных образцов на французском, немецком и английском языках и отчасти использованное умеренно и со вкусом знакомство с русской народной словесностью. Первым Карамзин обязан значительной помощью (образцами) в разрешении взятой им на себя задачи писать непринужденно, ненадуто, не впадая в вульгарность, нерастянуто и не слишком коротко (линия, которую именно, как удовлетворение ее потребностей в области слога, оценила сложившаяся ко времени Карамзина «публика», широкий слой дворянства и некоторое количество выходцев из других классов). Влиянию народной словесности Карамзин обязан, в отличие от старославянской старины, средствами архаизации не напыщенной, не связанной с религиозно-мистическими настроениями, а рядом таких особенностей слога и в лексике и в синтаксисе, которые оказались пригодными для создания некоторой, впрочем, достаточно условной, «почвенности».

К значительному сближению повествовательного слога с языком живого бытового рассказа.

«Недлинные, неутомительные» предложения «Бедной Лизы»[2],

---

[1] Характерно, что старинные формы склонения встречаются у Карамзина главным образом в его стихах.

[2] Такие, напр., для нас просто уже примитивные, как: «Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь, но скоро по смерти его жена и дочь обеднели. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю в наем, и за весьма небольшие деньги».

хотя в основном подобными владела уже народная повесть XVII—XVIII вв., для изысканного слога оказались тою «благородной простотою», которую надо было открыть, преодолев традицию тяжеловесной переводной литературы.

К словарному обогащению русского языка. В его время еще нельзя считать законченным также решение властно заявлявших о себе задач и в области художественного и в области публицистически-философского слога. Круг новых понятий продолжал еще в значительном числе поступать в молодую русскую литературу, и проблема словарных средств перевода или подражательной передачи оставалась не намного менее острою, чем была она для Ломоносова и Сумарокова. Избранный Карамзиным путь оказался наиболее практичным: он заимствовал, оставляя без перевода, иностранные слова, главным образом терминологического характера[1], и общеевропейские «культурные» слова (Kulturwörter); интенсивно работал, если не находил соответствующих русских, в направлении создания новых кальк с иностранных образцов; к этому типу относятся введенные им (и его ближайшими последователями): *склонность* — фр. inclination, *расстояние* — фр. distance, *развлекать* — фр. distraire, *рассеянный* — нем. zerstreut, *влияние* — фр. influence, *утонченный* — фр. raffiné; создавал новые русские слова в духе многочисленных параллельных понятий, уже бывших в живом обращении его современников; таковы: *будущность*, *оттенок*, *усовершенствовать*, *семейственный*, *влюбленность* и др., среди которых, впрочем, оказалось некоторое число непривившихся или державшихся только недолго: *настоящность*, *намосты* («тротуары»), *младенчественный*; расширял смысл существующих: им употреблено, напр., впервые по отношению к поэзии слово *образ*[2], *положения* в соответствии франц. situations в драме (что является одновременно и калькой) и *общие положения* (dispositions générales) в законодательстве, *выработанный* (о слоге) и под.[3]

С пользой в последнее время проводится детальное обследование отдельных слов и выражений, встречающихся главным образом в публицистической прозе Карамзина и от него получивших дальнейшее распространение. Несомненно, при этом, как особенно показывает знакомство со старинными словарями, что немало из того, что могло представляться прямыми изобретениями Карамзина, поступило к нему из относительно редкого употребления его предшественников и им было только пущено в широкий, более

[1] Подробности см. Я. К. Грот,— «Филол. разыскания», I.

[2] «Впервые»— для его современников, хотя уже за семь веков перед ним к тому же употреблению («творчести образи») пришел переводчик «Георгия Хуровська», вошедшего в Святосл. Изборн. 1073 г. (П. Н. Сакулин, Атеней, 1—2, 1924, стр. 72).

[3] Полное оправдание в этом отношении словесной работы Карамзина, хотя и без упоминания о нем, дают рассуждения В. Г. Белинского в рецензии на «Грамматические разыскания» А. Васильева, 1845 г., Полн. собр. сочин. под ред. С. А. Венгерова, IX, 1910 г., стр. 479—480.

широкий, чем раньше, оборот. Ряд слов, широкая известность которых обыкновенно связывается с литературной деятельностью Карамзина, оказывается иногда восходящим даже к XVII веку, в том числе и его началу, и находится, например, в знаменитом в истории русской лексикографии изданном в Москве «Лексиконе треязычном, сиречь Речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище», 1704 года, Федора Поликарпова. Некоторые из этих слов к самому Ф. Поликарпову попали даже из употребления в церковнославянской и церковнославянизированной письменности первых ее столетий.

Тщательное обследование вопроса дано недавно в статье Герты Гюттль-Уорт (G. Hüttl-Worth) — «Zur russischen Lexik des 18 Jhs.», Zeitschrift für slav. Phil., XXIV, Heft 2 (1950), стр. 251-266 (специально о Карамзине см. стр. 262 и сл.). В ближайшее время должна выйти в свет ее большая работа на эту же тему «Zur Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jh.», основная мысль которой, судя по предварительному сообщению-объявлению, сводится к тому, что «значительная часть новообразований (XVIII века)... «возникла значительно раньше и что значение Карамзина для обогащения языка до сих пор значительно переоценивалось». — В упомянутой статье Г. Гюттль-Уорт обращается, в частности, внимание на то, что вышедшие до 1789 года сочинения Карамзина по их слогу вообще выглядят более старомодными, чем появившиеся несколько раньше или одновременно с ними сочинения Новикова, Фонвизина и Крылова. Нужно заметить, однако, что аргументация автора по этому вопросу (в пределах статьи) далеко не во всем убедительна, так как иногда им противопоставляются вещи неодинакового характера. Ведь молодой Карамзин в стихотворном жанре определенного содержания (религиозно-философского) и в своей прозе такого же характера мог являться и по слогу не тем, чем он старался быть в жанре научно-публицистическом и подобных.

Что касается самой мысли о значительной зависимости неологистической языковой деятельности Карамзина от того, что создали в духе потребностей своего времени уже его выдающиеся и даже второстепенные предшественники, то она не является новой (как известно и самой Г. Гюттль-Уорт, стр. 266, ее очень давно уже с полной определенностью высказывал, например, профессор Харьковского университета академик Николай Александрович Лавровский; это же вполне можно было предполагать на основании историко-биографических данных, отмеченных в свое время уже Н. С. Тихонравовым, Сочинения III, 1898, стр. 337, и другими).

Оценивая значение Карамзина в том положительном, что им создано, нельзя не признать его исключительно большой фигурой в истории русского литературного языка.

Карамзин применил на русской почве, своеобразно отобрав и переплавив, многочисленные приемы выращенного в иностранных европейских литературах и проверенного в его качествах хорошего

слога, который, при всем том, не требовал в подражании ему никакого серьезного отхода от синтагм (оборотов) русской хорошей же разговорной речи. Классовая идеология, отработавшая и утвердившая ряд особенностей этого слога в прогрессивных общественных группах Европы, еще не потрясенной мощными ударами революции, отталкивающихся от застывших форм искусства абсолютизма, но лишенная еще настоящей революционной устремленности, перекликалась с классовыми же требованиями, которые предъявлялись подобному слогу, выращиваемому на первых шагах подражательно среди более других прогрессивного, но еще достаточно осторожного в своих устремлениях слоя русского дворянства. Слог плавный и изящный, нравящийся, но не волнующий, в определенных жанрах трогающий, но не потрясающий, пригодный как орудие резонирования и мало отточенный как орудие ожесточенной идеологической борьбы, на известном этапе истории был отражением идеологии класса, еще не встревоженного в своих основах, в общем еще спокойно пользующегося результатами своего господства.

При всем том, однако, источники русской речи прославленных мастеров XIX в., как ни много обязаны Карамзину старшие из них (Жуковский, Батюшков, А. С. Пушкин и т. д.), существенно отличаются от источников Карамзина, и установки их языка далеко отходят от тех, какими руководился он. Карамзинская установка на «приятность» (которая дольше всего держится у Жуковского) и эстетические устремления Батюшкова и Пушкина в их стихах, а в особенности в прозе, заметно отличны. В прозе Карамзин слишком заботится о напевности своей речи, о ритмическом расположении частей фразы, не чувствуя, в какой мере эта напевность и ритмичность требуют своих жертв — преобладания риторических средств над естественной синтаксической структурой — и, что́ еще более важно, меньшего внимания к содержанию, нежели к его оформлению. Напевный слог по самой своей природе убаюкивает мысль, даже яркую и сильную, заслоняя иногда очень важные ее части и стороны, выдвигая по требованиям ритма многое бессодержательное или, по крайней мере, малосущественное. Слог прозы Карамзина в одних жанрах не имеет, в других — снижает напыщенность ломоносовского слога, но ни теоретическое признание эстетичной просто́ты, ни, тем менее, практическое ее осуществление не принадлежат еще к его достижениям. Гораздо больше может нравиться и сейчас в большинстве образцов стихотворный язык Карамзина, где требования ритмичности принадлежат самой природе формы и где элементы риторичности в стиле соответствуют искусственному характеру содержания и вытекающим из него требованиям его оформления. Но не одна напевность и риторичность карамзинской прозы, как форма, теснейшим образом связанная с несоответствием самого содержания и сопровождающих его эмоций, отличает эту прозу от достижений позднейших мастеров. Отдавая должное Карамзину в том, «что он приблизил

литературу к обществу, как приблизил и язык литературы к живой общественной речи и сообщил ему известное изящество», А. Н. Пыпин вместе с тем справедливо констатирует: «но его влияние как сентиментального писателя было непродолжительно; для ближайшего поколения повести Карамзина стали только историческим воспоминанием, как самый язык в сущности скоро устарел и в следующем литературном поколении считался уже манерным». Карамзин по всем своим установкам и в содержании и в форме был писателем определенно классовым, служившим своему классу и работавшим в духе его потребности перенять литературный язык художественный и публицистический к себе, как свой не только по идеологической направленности, но и по форме. Карамзин удовлетворил эту потребность, но не обеспечил дальнейших путей развития языка, не предусмотрев и не почувствовав, что он в силу давления на него новых элементов самого читающего и пишущего «общества» не останется дальше только дворянским и что разговорный диалект дворянства, да еще очень подчищаемый, приглаживаемый, лишен настоящих источников развития, что он быстро исчерпается, особенно в десятилетия усиленного культивирования в дворянстве французского языка, если не обратиться к источникам народной, не песенно- или сказочнонародной, а разговорной речи центра России. Разрешить эту задачу обогащения прежде всего художественного языка и особенно языка прозы элементами народной лексики и синтаксиса, демократизировать литературный язык, сделав его средством выражения динамики разнообразнейших понятий и эмоций на живой основе, выпало уже на долю литературных внуков Карамзина. Еще для Пушкина такой язык — задача, и если даже, что было б справедливо, признать, что он, говоря об этой задаче, слишком скромно расценивает свою роль в ее практическом расширении,— то все-таки он прав, подчеркивая остроту ее для своего времени.

Важно отметить при этом, что Пушкин не был жертвой ошибки, дань которой отдал в свое время специально интересовавшийся языком В. И. Даль — будто сближение с «простонародным» языком есть именно то, что требуется для создания письменной художественной прозы[1].

Пушкин с характерной для него ясностью различал, что диалекты — диалектами, а язык книги — совсем другое и что сближение с народным языком есть, конечно, сближение слога писателя с языком действительного, в самой жизни происходящего общения

---

[1] Даль предлагал, напр., не одобрившему его устремлений Жуковскому в 1837 г. как образец «народного» слога в соответствии обычному: «Казак оседлал лошадь, как можно поспешнее взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть» такую более экономную, по его мнению, переделку: «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить».

господствующего класса внутри себя и с другими классами, что дело идет не о слоге определенных, хотя бы и «народных» жанров, а о словаре и синтаксисе, которые вообще могут служить средством «простой», естественной передачи любого нового содержания. «Сказка — сказкой,— писал он Далю в 1832 г.,— а язык наш — сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать так, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще». Как показала проза Пушкина, к 30-м годам XIX века это было уже «возможно», но пока еще под пером только первостепенного мастера. Вопрос о том, как эту задачу разрешали дальше,— одна из основных тем развития русского литературного языка в XIX и XX вв.

Художественный показ А. С. Пушкина,— и это тоже в основном относится к прозе,— и в другом, ранее — не лишенном остроты именно для нее, отношении прокладывает к концу первой четверти XIX века грань между тем, что еще трудно давалось XVIII столетию и что в общем успешно преодолел уже Н. М. Карамзин, —Пушкин практически устанавливает то приемлемое для культурных русских людей отношение живых «своих» элементов письменной художественной речи и некоторых заносных элементов, еще бытующих в речевой практике образованных русских дворян и разночинцев, которое уже более или менее четко наметилось к его времени, но не переставало еще нуждаться в авторитетном закреплении. Для Пушкина спор о варваризмах вообще (в духе того, что волновало А. П. Сумарокова и А. С. Шишкова) — спор не живой, а старомодный и ненужный. Он не боится, если в фразу у него или у других время от времени проскользнет тот или другой по своему происхождению галлицизм, ибо исходит он не из педантских теоретических соображений, а только из того, что ему подсказывает его верный вкус и понимание живых потребностей называния вещей и выражения мыслей и чувств, почерпываемого из живого же общения. Русский язык под пером Пушкина — это язык, уже настолько разнообразный и определенный, что не нуждается в теоретическом обосновании своих прав ни в целом, ни в большинстве своих частностей. И, что́ особенно важно, он весь насыщен почерпнутыми из жизни и глубоко входящими в жизнь производительными элементами, способными идти навстречу новым потребностям мысли и чувства, которые заявляют о себе с дальнейшим развитием русского общества и его литературы. Заносное, подражательное к этому времени уже сослужило в языке (и в литературе) свою естественную временную службу[1] и дальше станет, по мере усвоения литературным языком

[1] «Можно принять за правило, по крайней мере для нового времени, что расцвету самостоятельного народного творчества в науке и поэзии [точнее было бы сказать»— «в литературе»— Л. Б.] всегда предшествуют периоды подражательности, предполагающие более или менее теоретическое или практическое, более или менее глубокое и распространенное знание иностранных языков; что,сораз-

новых элементов извне, только одним из дополнительных средств обогащения русской уже очень богатой разговорной и письменной речи, занимающим свое определенное место и не претендующим на то, чтобы их переполнять и угрожать им перевесом своего влияния в самых различных стилистических сферах.

Первая четверть XIX века почти с самого начала его — время установления нового делового языка, языка «высших правительственных мест», главным образом — законодательства. Заметный разрыв с традицией прежнего «подьяческого» языка, слога еще допетровских «приказов» и затем во многом продолжающих его канцелярий времени Петра и всего XVIII века, осложнившегося, впрочем, многочисленными новыми понятиями государственными и правовыми,— исторически связывают с именами выдающихся деятелей министерств времени Александра I и затем Николая I — М. М. Сперанского и Д. В. Дашкова и ряда наиболее культурных, как их называли в свое время, «архивных юношей», молодых литературно одаренных и образованных аристократов, внесших в стиль казенных бумаг, которые они должны были составлять по обязанностям своей «гражданской службы», некоторую возможную, хотя и ограниченную обстоятельствами дела, сближенность с живой речью в ее наиболее культурных формах[1].

мерно с увеличением количества хороших переводов, увеличивается в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве»,— А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, изд. 1905 г., стр. 177.

[1] Некоторые подробности см. в книге Викт. Шкловского «Чулков и Левшин», Л., 1933, стр. 239—241.

II. ФОНЕТИКА.

§ 1. Фонетические особенности русского языка.

Важнейшие фонетические черты русского литературного языка, отличающие его от других славянских (всех или некоторых), сводятся к следующим:

1. Носовые гласные **о**, **е** (старославянск. ѫ, ѧ) в русском языке еще в эпоху до появления памятников изменились соответственно в **у**, **я** (**а** со смягчением предшествующего согласного): ст.-сл. мѫка, рѫка, лѫкъ — русск. *мука*, *рука*, *лук*; ст.-сл. рѧдъ, мѧсо, чѧсть — русск. *ряд*, *мясо*, *часть*. Как явление очень древнее, обе эти рефлексации русский язык разделяет с украинским и белорусским[1].

2. Редуцированные («глухие») звуки ъ в соответствии **u** (у) краткому других индоевропейских языков и ь в соответствии **i** краткому там, где они не выпали (см. § 2), перешли соответственно в **о** и **е**:

ст.-сл. сънъ, мъхъ, ротъ — русск. *сон*, *мох*, *рот*.
ст.-сл. дьнь, льнъ, пьнь — русск. *день*, *лён*, *пень*.

(Подробности см. ниже — в § 2).

3. Звук ѣ в литературном русском имеет под ударением соответствие в виде **е**, не изменяющегося в **ё**: ст.-сл. мѣсто, дѣло, лѣто — русск. *место*, *дело*, *лето* (подробности см. ниже — в § 4).

4. Звук **е** под ударением перед твердым согласным и в конце слова перешел в **ё** (**о** со смягчением предшествующего согласного). Это же произошло с **е** из **ь**: *орёл* из «орьлъ», *затёр* из

[1] Для установления его хронологии важно прежде всего русское название народа *угъре*. В начале IX в. восточные славяне еще произносили в этом слове носовое **у** (ср. греч. uggaroi, лат. Ungari). Ко второй половине X в. в восточнославянском, как показывают названия днепровских порогов в сочинении греческого императора Константина Багрянородного: Neasēt—Неясыть (неѧсыть), Beroutzē — Вьручи (вьрѫшти), носовые уже были заменены чистыми гласными (Собол., Лекц., 4 изд., 20).

«затьрлъ» (подробности см. ниже — в § 5). Явление это обще русскому с белорусским[1].

5. Звуки **а** и **о**, различающиеся под ударением, в литературном языке совпали в одном **а** непосредственно перед ударением и редуцируются в других положениях: *вода* произносится «вадá», *хожу* произносится «хажý», *ворочу* произносится «вəрачý», *мало* произносится «мáлə». Явление это — диалектное в пределах самого русского языка (подробности см. ниже — в § 6).

6. Звук **е** в тех же самых условиях, что и **а, о**, перешел в **е**[и] или **и** (непосредственно перед ударением **е**[и] или **и**, в других положениях возможен редуцированный звук переднего ряда): *село, весло* > «сьило, вьисло», *перевал* > «пьирьивал» и под. Явление это и в пределах русского языка — диалектное (подробности см. ниже — в § 7).

7. Древние славянские группы, с известной вероятностью восстанавливаемые как **tort, tolt, tert, telt** (**ор, ол, ер, ел** между согласными), предполагаемые в тех случаях, где имеем отношение: литовск. (или другие индоевропейские языки) **ar, al** (в других **or, ol**), **er, el** и под., ст.-сл. **ра, ла, рѣ, лѣ**, пол. **ro, ło, rze, le**, — в восточнославянских имеют соответствия в виде **оро, оло, ере, оло** (полногласие): ст.-сл. *градъ, млатъ, младъ, брѣгъ, млѣсти* «доить», пол. ogród (род. ogrodu) «сад», młot, młody, brzeg, mleko — русск. *город, молот, молод, берег, молозиво*. К реконструируемым формам сравн.: лит. gardas «плетень, загородка»; нем. Garten «сад»; лат. martulus «молот» из *malt-tlos; др.-прусск. maldai «молодые»; лат. mollis «мягкий» из *molduis; литов. mélžu «дою» и под.[2]

---

[1] Относительно недавно обнаружены некоторые русские говоры в основном без перехода **е** перед твердыми согласными в **о** с предшествующей мягкостью. Вопрос о говорах этого типа (ср., напр., описание говора западной части Бадского района Пензенской области — А. Н. Гвоздева в Учен. зап., вып. 5, каф. языкозн. Куйбыш. пед. инст., 1942 г.) — не может еще считаться решенным, но не исключенной остается возможность, что переход **е** в **о(ё)** в русских наречиях, действительно, несмотря на свою давность, не охватил полностью всех говоров.

[2] Есть несколько слов, где в русском в соответствии рефлексам telt других славянских языков выступает **еле**. Все относящиеся сюда случаи в том или другом отношении возбуждают сомнение:

Белена, др.-русск. *беленъ*, болг. *блян* (блѣнъ — «мечта, воображенье»), *бленобиле* «зелье, производящее бред», чешск. blín. Слово заимствовано из герм. *beluna или подобных форм, и нет никаких решающих оснований принимать для русской формы исходной группы *telt.

Железа, ст.-слав. *жлѣза*, серб. *жлиjезда* и под.; фонетическая форма *железа* засвидетельствована в белорусском памятнике — «Летописи Аврамки» 1495 г. и в псковских летописях. Укр. *залоза* представляет, видимо, продукт народной этимологии из **жолоза* (ср. *залізо* из **желізо*). Ср. и неясное с фонетической стороны пол. zołzy (мн. ч.) «сап, железница», восходящее, вероятно, к żołzy.

Пелена, пелёнка. Наряду со словенс. plḗna, чешск. pléna, plena, выступают болг. *пелена*, серб. *пелена*. Русская форма родственна не первым, а последним. С **шелест** ср. чешск. šelest, пол. szelest.

Труднее других вопрос о **селезенка** — ст.-слав. *слѣзена*, болг. *слезена* и под.

Хронология этого изменения спорна. Возможно, что оно отделено от эпохи первых памятников временем приблизительно в один — два века. С известной вероятностью об этом говорят литовские заимствования из восточнославянских говоров, лежащих в основе белорусского языка, относящиеся, вероятно, к IX—X вв. Это слова: čẽrpė «черепок», skavardà «сковорода», karvõjus «коровай» с сохранением еще довосточнославянских фонетических групп. Ср. исследование К. Буги «Die litauischweißrussischen Beziehungen und ihr Alter»,— Zeitschr. f. slav. Phil., I, 1925, с. 29.

Древние славянские группы типа *ort, т. е. *or в начале слова в положении перед согласным, изменялись в зависимости от характера принадлежавшей им в прошлом интонации (движения тона)[1]. Напр. *ort, *olt имеют соответствия в виде ro (ро), lo (ло): *робота* (ср. нем. Arbeit), *лодка* (литов. aldijà, норв. olda «корыто») и в виде ra (ра), la (ла): *ратай* (литов. artójas), *лакомый* (лит. álkti «чувствовать голод»)[2].

8. Древние группы *tъrt, *tъlt, *tьrt, *tьlt (ър, ъл, ьр, ьл между согласными), предполагаемые там, где в балтийских языках были группы turt, tult, tirt, tilt и где в ст.-славянском в результате действия специального фонетического закона выступают соответствия ръ, лъ, рь, ль,— в русском являются как ър, ъл, ьр, ъл, откуда нынешние ор, ол, ер, ол; ср.: лит. gùrklys «зоб», др.-прусск. gurkle «горло», ст.-сл. гръло — др.-русск. гърло «мех из шеек куниц», русск. горло; готск. hulma — русск. холм; лит. kirmìs, ст.-сл. чрьвь — русск. червяк; лит. pìrmas «первый», ст.-сл. прьвъ — др.-русск. пьрвый, русск. первый; лит. vilnìs, англо-сакс. wylm, ст.-сл. вльна,— др.-русск. вълна, русск. волна́; лит. vìlna «шерстяной волос», ст.-сл. вльна,— русск. во́лна «шерсть» овечья, козья»; литов. vil̃kas, ст.-сл. вл̣ькъ — русск. волк.

Особенно важен, при этом, переход былого ьl (ьл) в ъl (ъл), параллельный упомянутому переходу el в -оло-, тоже в положении между согласными,— как отражение общей тенденции восточнославянских языков к лабиализации е и ь в положении перед l (л).

Соответствующие изменения — явление общее восточнославянское.

9. Начальное сочетание je (i̯e) в восточнославянских языках изменилось через стадию е в о перед слогом с гласным переднего ряда, если за ним не следовал слог с ударяемым гласным переднего же ряда; так объясняются русск. *озеро*, *осень*, *олень*, *один*, *ожина* и под. в соответствии ст.-сл. єзеро, єсень, єлень, єдинъ, єжь, западнославянским: пол. jezioro, jesień, jelen, jeden, jeż — но: *ежевика*, *ерепениться* и под.

---

[1] Об интонациях древней поры славянских языков см. IV. Ударение.

[2] На основании скандинавских источников можно заключать, что из *Oldoga происходит русское название Ладоги (ср. Aldejgaburg — Старая Ладога).

Редуцированный гласный **ь** оставался без влияния на переход начального е в **о**; поэтому: *еж* (из «єжь»)[1], *ель* и под.

10. Начальное сочетание **ju (ju)** утрачивало **j(i)**: др.-русск. угъ «юг» (см., напр.: «...И придоша к ц(е)ркви и зажгоша двери, єже къ угу устроєнии...» (Лавр. спис. лет., I, 77—77 об.), унъ «юный». Ср. соврем. *ужин* с изменением значения (первоначальное сохранено, напр., в словенском južina «полдник»)[2]. Явление это, ограниченное несколькими словами, в дальнейшем оказалось затертым вследствие церковнославянского влияния, передавшего русскому языку книжные *югъ*, *юнъ*[3].

11. Звук **ы** после **к, г, х** изменился в **и**: ст.-сл. и др.-русск. *кыдати*, *кыселъ*, русск. *кидать*, *кислый*; ст.-сл. и др.-русск. *гыбъкъ*, русск. *гибок*; ст.-сл. и др.-русск. *хытръ*, русск. *хитер* и под. Переход **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** — явление исторической жизни восточнославянских языков. Совершился он, по-видимому, раньше всего в диалектах — предках украинского языка (XII в.), затем, напр., в смоленском говоре (древнейшие примеры в грамоте 1229 г.); в великорусских говорах, насколько позволяют судить памятники, он имел место не раньше XIV в. Возможно, что изменение сначала, как, напр., в польском, охватило только **кы, гы**; по крайней мере, параллельно изменению **ки, ги** в древнейших памятниках **хи** не засвидетельствовано.

12. Древнейшая йотация (положение перед **j** или неслогообразующим **i**) обусловила ряд изменений согласных: появление губных с мягким **л**, известное, кроме восточнославянских языков, еще и южным (в болгарском языке в настоящее время утраченное), переход ***dj** (дj) в **ž** (ж), ***tj** (тj) в **č** (ч) и др. (см. ниже — § 10).

13. Древнейшие группы **kt, gt** (кт, гт) перед **j (i)** и гласными переднего ряда изменились в **č** (ч). *noktь (ср. лат. nox, род. п. noctis) > *ночь*, *pektь > русск. *печь*, *pekti — русск. *печи* и более новое *печь* (инфинитив). Явление это — общевосточнославянское.

14. Древние группы ***tl, *dl** (тл, дл) упростились в **l** (л). Это изменение обще восточным и южным славянским языкам и отно-

---

[1] Случаи др.-русск. **ожь**, по-видимому, нефонетические: **о** в этой форме, вероятно, отражает влияние параллельного **ожикъ** (А. Шахматов, Очерк древнейш. периода ист. русск. яз., 1915, стр. 141).

[2] Уже в др.-русском *ужина* значит обыкновенно «еда после полудня» — ср. Срезн., III, 1166. В сербском — *ужина*, с тем же значением; старую фонетическую форму имеем в диал. (чакавск.) južina.

[3] Это отношение приводило в древнерусской письменности иногда к гиперизмам вроде: *югол* (угол), *юзы* (узы) — см. «Материалы для терминологического словаря древней России», сост. Г. Е. Кочиным, 1937, стр. 400. Ср. также *юродивый* при *урод*: «юрод Ивашко, который... взят от нас к Москве...», «Ржевского уезда, Ниловы пустыни на Ивашку юрода Сенка Медведев, что был старец Селиверст, вроспросе говорил...» (Розыскн. дела о Шакл., I, 805). «...юрод Ивашка... учал у них жить со 191 году; а падучей болезни на нем, Ивашке, они не видели; а бывает он, Ивашка, во иступлении ума почасту...» (там же, стр. 810).

сится еще к эпохе довосточнославянской. Ср. пол. mydło—русск. *мыло*, пол. sadło — русск. *сало*. «Плет-лъ, вед-лъ, мет-лъ» и под. соответственно изменились в *плёл*, *вёл*, *мёл*.

15. Группа **dm** (дм) из ***bdm** во всех восточнославянских языках упростилась в **m** (м): седмь > семь (ср. др.-греч. hébdomos «седьмой»)[1].

16. Группы **kv** (ku̯), **gv** (gu̯) в положении перед гласным **ѣ** из ***oi̯** (*ai̯) изменились в **цв, зв:** *цвѣтъ* — пол. kwiat (<*kuoi̯t), звѣзда — пол. gwiazda (к вокализму ср. литов. žvaigzdė). Переход этот русский язык разделяет с другими восточно- и южнославянскими языками, и относится он, по всей видимости, ко времени довосточнославянскому.

17. **x'** (мягкое x), предполагаемое как звук, сменивший былое **s** (с) после мягких гласных при специальных условиях и в положении перед **ѣ** из ***oi̯**,— как в других восточно- и южнославянских языках, в русском имеет соответствие в виде мягкого **с:** *весь*: ср., напр., в пол. корень vš — wszy-stek, в чеш. vše «все»; *сѣръ* — пол. szary, чеш. šerý: др.-герм. *hair-az[2].

18. Перед гласными **е, и,** независимо от их происхождения, согласные, кроме отвердевших позднее, выступают в русском языке как мягкие: *весело*, *весь*, *лето*, *ветер*, *тихо*, *синий* и под.

Хронология этой черты, повторяющейся в польском и частично в других, напр., в словацком, но отсутствующей в настоящее время из восточнославянских в украинском, спорна. Возможно, что перед **е, и** первоначально согласные были полумягки и что нынешняя их мягкость — результат позднейшего развития.

19. Звуки **ш, ж, ц** в русском отвердели. Явление это в русской языковой области — очень широкое, но не охватившее всей суммы говоров.

Отвердение **ш, ж** свидетельствуется памятниками с XIV в. Отвердение **ц** в памятниках отражается с XVI в.

Таким образом, уже древнейшими диалектными славянскими из указанных черт можно считать: 12-ю, 14-ю, 16-ю, 17-ю; относящимися к эпохе восточнославянского единства (в условном значении этого термина, т. е. к эпохе, когда черты, возникавшие в определенном пункте восточнославянской территории, могли еще получать широкое распространение, делаясь общими восточнославянскими): 1-ю, 2-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю, 11-ю, 12-ю (рефлексацию dj, tj), 13-ю, 15-ю; остальные — позднейшими русскими.

---

[1] *Седьмой* — вероятно, церковнославянизм. Уже в Остр. ев.—*семый*. Кроме слова *седмь*, где dm из *bdm, всякое dm другого происхождения упростилось в m во всех славянских языках: damь < *dad-mь.

[2] И. М. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 122—123.

§ 2. Редуцированные гласные ъ и ь.

За немногими исключениями (предлоги **без, из** и префиксы этого же типа), древнейший славянский язык знал только открытые, т. е. оканчивающиеся гласными звуками, слоги. Среди гласных звуков древнейшего славянского состава имелись не только долгие и краткие, но, как уже упомянуто, и редуцированные (глухие).

Редуцированные звуки древнейшего периода **ъ, ь** на восточнославянской почве подверглись очень важным для всей фонетической системы изменениям: они отпали в конце слова (вм. двусложных *сынъ — сы-нъ, конь — ко-нь* и под. явились односложные *сын, конь*) и выпали в средине слова, если за слогом, который они составляли, в прошлом не было слога со слабыми **ъ, ь**, подлежавшими отпадению или выпадению. Слабыми являлись **ъ, ь** прежде всего, как сказано, на конце слова; в положении перед таким слогом **ъ, ь** усиливались и переходили на восточнославянской почве в **о, е**: *мъхъ, сънъ, льнъ, дьнь* изменились в *мох, сон, льон, дьэнь*. При подобном условии третий от конца **ъ** или **ь** являлся тоже слабым и подлежал выпадению: *жьрьць* переходило в *жрець, пришьльць* — в *пришлець, шьвьць* — в *швець*[1].

Если второй от конца слог не имел за собою слога с **ъ, ь**, то его **ъ, ь** были слабыми и подлежали выпадению. В таком случае сильными становились **ъ, ь** предшествующего слога: *подъ къняземь — подо княземь, жьньця* (род. п. ед.) переходило в *женця, шьвьця* (род. п. ед.) — в *шевця, ръпъта* (род. п. ед.) — в *ропта* и под.[2]. То же имело место и во всякой другой паре рядом стоящих слогов с редуцированными гласными: *въ Дъбрянску*>*во Брянску, въ Мышаньскъ* > *во Мщанескъ, съ мъною — со мною* и под.

Первые надежные случаи перехода русских **ъ, ь** в **о, е** относятся ко второй половине XII в.

Что касается выпадения редуцированных, то, вопреки мнению А. А. Шахматова, что оно раньше свидетельствуется для начальных слогов (XI и XII вв.): написания вроде *князь, всеволодъ* вм. кънязь, вьсеволодъ, и только позже (со второй половины XII в.) — для срединных *пожни, божниця* (вм. пожьни, божьниця), то, по-видимому, следует согласиться с проверочными наблюдениями И. Фалева, О редуцированных гласных в древнерусском языке,— Язык и литература, II, вып. I, Л., 1927 г., стр. 111—122. Как правдоподобно доказывается в этой статье, «сопоставление фактов опущения **ъ, ь** в разных рукописях (рус-

---

[1] Для упрощения набора фонетически передан только последний звук.

[2] В конце XVII в.: «...Говорил, что он и в иных домех детей от притки с шептами лечивал» (Розыски. дела о Фед. Шаклов., II т., X, 22). Областн. *пошепт* — продукт отвлечения из влиятельной формы твор. падежа *пошептом;* так еще, напр., у Пушкина.

ских и старославянских) ведет к предположению о том, что «падение глухих» началось в русском языке (и в старославянском) с некоторых корней, в которых редуцированный звук не играл никакой роли, не поддерживался другими формами с сильным глухим, был, так сказать, «лишним», «пустым» с языковой точки зрения. Ср. постоянное в одних и частое в других рукописях написание *многъ*, *князь*, отчасти *кто* в противопоставлении более частому *зъло* и т. п. ...перед нами имеются несколько корней, «склонных» к употреблению без глухих и ряд других корней, долго удерживавших глухой; ясно и более долгое удержание глухого в префиксе, предлоге, суффиксе» (стр. 120).

Кроме положения перед слогом с **ъ, ь** слабыми, **ъ, ь** были сильными еще под ударением; ср. *дъ́скы*, откуда *доски*, *ть́ща*, откуда *тёща*.

В ряде случаев первоначальные отношения, характерные для рефлексации редуцированных, затерты действием смысловых сближений (ассоциаций). Так, в современном литературном языке выступают *жнеца* вм. «женца» под влиянием именительного ед. ч. *жнец* (из *жьньць*), *чтеца* вм. «четца» под влиянием *чтец* (из *чьтьць*), *ропот* вм. «рпот» (так, напр., в Ев. 1307 г.) — ср. древние фонетические формы косвенных падежей *ропта*, *ропту* и т. д.[1]; в соответствии, например, нынешей нефонетической форме дат. падежа ед. числа *расчёту* (под влиянием именительного-винительного падежа ед. числа) в XIV веке еще — старая фонетическая форма *розочту*: «А прибудет ли, убудет ли, ино *по розочту»;* «...а то ны подъняти то тому же *по розочту*» (Докончание вел. князя Дмитрия Иван. с княз. серпух. и боровским Владимиром Андр., 1389 г.), т. е. «по расчету»: *розъчьтъ: род. пад. *розъчьта* и т. д.: *розчет: *розочьта*; *Смоленск* и длинный ряд других подобных наименований вм. *Смольнеск* (из *Смольньскъ*) и под. под влиянием косвенных падежей (*Смоленска* из *Смольньска* и под.); ср. еще в XVII в.: *Брянескъ*, *Мшанескъ* и под.

Отношения, характерные для редуцированных, отчасти оказались перенесенными на случаи, где раньше были обыкновенные **о, е**: *ров* — *рва* (вм. старых *ровъ* — *рова*, ср. укр. *рів*—*рову*)[2], *лед* — *льда* (вм. стар. *ледъ* — *леда*, ср. укр. *лід*, *льод* — *леду*, *льоду*), *потолок* — *потолка* (вм. ст. *потолок* — *потолока*: «...а подволоки или *потолоков* не будет, то не будет тепла (Инстр. дво-

[1] Что касается древнерусской формы род. падежа от «шесть» — *шти*, широко представленной в памятниках, начиная с XIII в. и до самого XVIII в., то ее не следует рассматривать как продукт аналогии. Ягич, мне кажется, справедливо объяснял ее (Крит. заметки, 66), говоря, что «в шести **ш** поглощает с и образует косвенные падежи **шти** (вм. **шести**)». Он подразумевал при этом, видимо, наряду с моментом ассимиляции, условия специального темпа произношения количественных числительных. Ср. современное произношение «дьисьтьи» (десяти) и др.-русск. *четь* (из косвенных падежей *чти* и под.) «четверть».

[2] Так уже в Лавр. списке летописи: «...на поли потчеся конь въ ръвѣ (под 6523 годом); ...избави мя от рва сего» (под 6576 г.).

рецкому, 18), Иметь для жеребят особливый покой ... и с *потолоком*, однакож наверху *на потолоке* прорубить небольшое окно...» (Регула о лошадях, 6); ср. «руки в боки — глаза в потолоки»), *камень — камня* (вм. ст. *камы — камене*, ср. укр. *камінь, каменя*)[1].

В большинстве подобных случаев (*потолка, камня* и под.) влиятельною оказалась ассоциация с соответствующими суффиксами (**ъкъ — ъка**: *кусок — куска* и под.; вероятно, **ьнь — ьня**: *баловьнь — баловьня, увальнь — увальня* и под.). Ср. еще нефонетическое *заяц* (произносится «заец») — род. п. *зайца* (по аналогии **ец** — род. п. **йца**); *пепел* — род. п. *пепла* (ср. *козел — козла* и под.).

В случае *сот*, род. п. *сота* и т. д. из *сътъ, съта* и т. д.— формы типа *сота* (др.-русск. *ста*) установились, видимо, из-за отталкивания от омонима *ста* и т. д. «сотня».

В других случаях выравнивание в пользу гласного поддерживалось тем, что иначе образовался бы в отношении звукового сходства слишком большой разрыв между формою именительного (ед. или мн. ч.) и другими: *дъска* фонетически изменялось в «дска» и далее в «цка» [форма, хорошо засвидетельствованная в памятниках — см., напр.: ...а с лодьи со цки по алтыну... (Догов. в кн. Юрия Дм. с в. кн. ряз. Ив. Фед., 1434). Ожерелье на цкахъ, на золотых, моск. грам. 1509 г.; ...писаны на одной цке..., писц. книга 1621—1629 гг. по Нижн. Новгор. ...На железных четырех *дсках* написав всю ту грамоту, на том столпе те *дски* со всех четырех стран прибили — «Созерц. краткое» С. Медв.], но потом под влиянием *дъскы* — «доски» восстанавливалось *доска*.

В искусственном употреблении даже еще в XVIII в. можно, напр., встретить: «Подписано *на дске* — крылатой сей Пегас» (Чулков, Плачевн. падение стихотворцев).

К *тьсть* род. п. звучал *тьсти*, откуда далее «тсти» и «цти» (Иофора сти своєго.— Пандекты 1296 г.); Или ми речеши: женися у богатаго цтя... (Слово Дан. Заточ., по сп. втор. полов. XVI в., XXXVII).

Играли роль и мотивы избегания трудных сочетаний: *чернеца, мертвеца* вм. фонетических: «чернца, мертвца», *двери* вм. «дври» (так, напр., в Новг. Кормчей ок. 1282 г.) и под.

В *сосать* из *съсати*, вероятно, имеем влияние *съсъка* > *соска*.

Другие случаи употребления с **о** предлогов и префиксов—*во имя, во веки, совет, совесть* и под., где за **ъ** предлога или префикса не следовало слога с редуцированным же, большею частью представляют собою результат книжного, искусственного чтения писавшегося **ъ**. В отдельных случаях можно думать о сохранении **ъ** > **о** по аналогии.

---

[1] Иначе А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. гор. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941, стр. 180—181.

Группы **ръ, лъ, рь, ль**, по-видимому, в русском переходили независимо от ударяемости и открытости или закрытости слога в **ро, ло, ре, ле**: *крошить* из «кръшити», *бросать* из *«бръсати», *блоха* из «блъха», *глотати* из «глътати», *тревога* из «трьвога», *блестеть* из «бльстѣти» и под.

Из др.-русск. *Пльсковъ* ожидалось бы действительно существовавшее *Плесковъ*. Что касается современного *Псков* (уже в XIV в. *Пьсковъ*), то, по объяснению Шахматова, это «изменение принадлежит к числу тех особенностей, которые ... отличали псковское наречие от севернорусского, сближая его с польским» (Очерк древн. пер., § 374).

В результате утраты **ъ, ь** после **р, л, м, н**, которым предшествовали согласные, имели место следующие изменения:

1. В конце слова **л** фонетически утрачивалось: *моглъ > мог*, *пеклъ > пек* и под. Там, где под влиянием аналогии, напр., в именительном пад. ед. **ч.** и родительном мн. ч., **л** восстанавливалось или удерживалось вопреки фонетической тенденции, перед ним являлось е (так, как будто ему предшествовал **ь**, что и засвидетельствовано в памятниках), а после **к, г, х — о** (так, как будто звуку **л** здесь предшествовал **ъ**, тоже засвидетельствованный в памятниках): *вёсел* из «веслъ», *узел* из «узлъ»[1], *стёкол* из «стьклъ» (род. мн. ч.). При этом есть основания думать, что **ль** в таком положении, переходя до выделения перед собою редуцированного звука в слоговое **л**, фонетически в говорах утрачивало мягкость; ср. в Ипатьевском списке летописи *Теребовль* и *Теребовлъ* — под 6605 годом; а сам пойде к *Теребовлу* — под 6661 г.; *Теребовелъ* — под 6662 г.; опухолъ (Домострой, 23) из «опухль», гибелъ (дважды в грамоте 1605 г.— Строев II, стр. 54)— из *гибль (ср. укр. *гибель* без перехода **е** в **і**); соврем. сев.-русск. диал. *земёл* из «земль» и под. (Морф., § 13).

Для остальных сонорных, кроме утраты, которая не засвидетельствована, рефлексации параллельны: из «вѣтръ» явилось *ветер*, из «сестръ» (род. мн. ч.) — *сестёр*, из «хитръ» — *хитёр*, из «свекръ» — *свёкор*, из «угрь» — *угорь*. *Вихор* (ср. *вихры*) из «вихрь» дает право подозревать переход **рь** в **ър**.

Осмь (род. п. *осми*) > *восемь* (с сохранением мягкости под влиянием косвенных падежей и отношений *семь: семи;* к стадии «осьмь» ср. *восьмой*). *Плѣснь > плесень* (с мягкостью из косвенных падежей). Род. мн. *баснь, пѣснь* изменился фонетически в

[1] Что касается др.-русск. *узолъ* (см., напр.: А хто повезет из Суздаля воск, и им нмати у таможников узолкн, колько крушков, только и узолков,— Уставн. грам. о сборе тамож. пошлнн, 1606—1610 гг.), укр. *вузол*, то слово это в своей рефлексацнн отразило, вероятно, влияние созвучного *угол*. Об этом явленни ср. н А. А. Шахматов, К истории звуков русского языка,— Изв. II Отд. Акад. наук, VIII (1903 г.), кн. 2, стр. 322—323.

Ср. еще: «... а поселской Илеменскои Генадеи тем крестьяном дает узолки за своею печатью...» (Грам. угличск. кн. Андр. Вас. 1487 г.) ...н им имати у таможников узолки... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке,— пнсанн. в 1571 г.).

басен, песен (см. Морф., § 13). Ср. и *огонь* из *огнь* (с мягкостью **н** из косвенных падежей) [1].

В очень значительном числе случаев, относящихся к рассматриваемому положению, в литературном языке приняты книжные нефонетические формы: *кругл, смугл, журавль, мысль, рубль, быстр, остр, вепрь, волн* (род. мн.), *игр* (род. мн.) и под.

2. В средине слова в основном имели место все те же переходы, что и на конце слова, видимо, кроме утраты **л**.

К утрате мягкости ср.: *гуселки* (от «гусли»), сев.-русск. *капелка, басенка, песенка* (см. также Морф., § 13). Ср. и аналогическое *петелка* (при *петелька*) [2].

Связанные с былыми редуцированными гласными явления у предлогов и префиксов.

Старые фонетические отношения при редуцированных гласных во многом определили особенности, наблюдаемые теперь у предлогов и префиксов. В настоящее время мы имеем: *во мне, предо мною, со мною*, но *в тебе, с тобою* и под., отношения, восходящие к былым въ мънѣ, прѣдъ мънoѭ, съ мънoѭ и под., т. е. с выпавшим впоследствии редуцированным гласным, выпадение которых вызвало вокализацию **ъ** в предлоге, и въ тебѣ, съ тобoѭ, где за предлогом не следовал слог с редуцированным. Подобным образом **во, со** перед формами склонения *весь* (из вьсь) и *всякий* (из вьсакъ), *многий* (из мъногъ): *во весь голос, во всех городах, во всяком случае, во многих положениях, со всеми, со многими товарищами*, и в ряде имен существительных типа *во сне, со сна* (ср. др.-русск. сънъ), *во лбу, со лба* (др.-русск. лъбъ), *со зла* (др.-русск. зъло), *во втором, со вторым* (ст.-слав. въторый) и под. Сходные отношения имеем также при предлогах **объ, отъ**.

После утраты редуцированных аналогия распространила указанную вокализацию ъ также на случаи с начальными группами согласных, между которыми в прошлом не было редуцированных: *во власти, во владение, во дворе, со стороны, со страху, со скоростью* и под.

Известную роль сыграл, по-видимому, при этом также момент фоноэстетического порядка — стремление разъединить гласным те же или схожие звуки: предлог **в** вокализируется преимущественно перед **в** и **ф** (ср., в частности, заимствования — *во фраке,*

---

[1] В случае с группой **гн** возможно, впрочем, специальное смягчение; ср.: Л. Л. Васильев, Об одном случае смягчениого звука **n** в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего j, — Русск. филол. вестн., 70 (1913 г.), стр. 71—76; N. van Wijk, Altkirchenslavisch ognь, — Zeitschr. f. slav. Philol., 1932, XI, 1—2, стр. 98—102.

[2] Из литературы — А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1915, § 369, 370, и K. H. Meyer, Zur Entstehung der sekundären Halbvokale im Ostslavischen, — Arch. f. slav. Philol., XXXVIII (1923), стр. 250—257.

во фразе, во Франции), **с** — перед **с, з, ш, щ:** *со смеху, со стариком, со стола, со стипендией, со значением, со звездой, со шрамом, со шнурком, со щеткой, со щукой* и под. В относительно многих случаях возможно параллельное употребление: *со слезами* и *с слезами* и под.

Аналогией **в : во, с : со** захвачены и предлоги, первоначально не оканчивавшиеся на гласный: *изо дня в день, безо всего* и под.

Несколько сложнее отложения былых фонетических отношений у префиксов **в- : во-, с- : со-, об- : обо-, от- : ото-, под- : подо- (пред- : предо)-; без- : безо-, из- : изо-, воз- : возо-, раз- : разо-.**

Фонетическими являются случаи вокализации, вроде: *вобрать, собрать, отобрать, подобрать* (ср. *бьрати*), *сорвать, оторвать* (ср. *ръвати*), *вогнать, согнать, отогнать, подогнать* (ср. *гънати*); под их влиянием и *разобрать, разорвать, разогнать* (**раз-, роз-, из-**; *orz первоначально не имело, как и другие префиксы на **з**, наконечного гласного).

Фонетическими же, вероятно, являются **во, со** и под. в положении перед слогом с **ъ** из былого напряженного редуцированного гласного (см. § 3): *вобью, волью, вошью, собью, солью, сошью, отобью, отолью, изобью, изолью, разобью, разолью* и под.; и в глаголах *войти, сойти, отойти*, где **й** — из первоначального редуцировавшегося **и.**

Продуктами аналогии надо считать префиксы типа **во-, со-, ото-** и т. д. в случаях, где в отглагольной части слова в прошлом не было редуцированного гласного. Обычно такого рода огласовки выступают перед двумя и более согласными только в книжных словах (церковнославянизмах и близких им новообразованиях): *вовлечь, совлечь, совладеть, составить*; хотя с **о** вошло в литературный язык и разговорное *обокрасть*.

Упомянутый фоноэстетический момент заявляет о себе в *вовлечь, составить, состричь*, хотя существует, напр., *исстрадаться* и под.

Влиянию форм совершенного вида обязаны своей огласовкой некоторые формы вида несовершенного, типа: *собирать* (ср. фонетическое *собрать*), *созывать* (ср. *созвать*) и др. Но ср. и *сбирать, сзывать*. При этом только — *срывать, отрывать* (хотя *сорвать*), *сбирать, отдирать* (хотя *содрать, отодрать*).

Вошел, отошел и под. своим **о** обязаны другим формам того же времени женского и среднего рода, а также множественного числа: *вошла, вошло, вошли*.

Чисто книжными по происхождению являются глаголы с префиксом **с- : со-**, где следующий слог начинается одним согласным: *содержать, сожалеть, сочинять* и под. (см. выше — об именах)[1].

---

[1] Об употреблении вариантов **с о** и без него у писателей первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 7—9.

У писателей, особенно поэтов, XVIII и первых десятилетий XIX в. и в предлогах, и в префиксах сравнительно много огласовок, расходящихся с нынешними. Известная часть встречающихся у поэтов должна быть отнесена к более широким, чем теперь, возможностям выбора; ср., напр.: Сова увидела *во зеркале* себя... (Сумар., Сова и зеркало). Бежати в запуски *со зайцем* черепаха... Хотела... (Сумар., Заяц и Черепаха). ...*Со подлинником* та статуя всем равна (Сумар., Статуя). ...*Во сонме* всадников блистал И в смертный черный одр упал (Держ., Водопад). *Во лесах* ли вы тенистых,— И леса дают прохладу... (Держ., К грациям). ...*Со ребр* лиется пот реками... (Держ., Колесница). Наш долг *со Музами* беседу мирну весть (Костров, Ода на день откр. Общ. любит. учености). ...А он тотчас свернулся *во клубок*... (Сумар., Лисица и Еж). ...Изображает ясно То пламень *во крови*... (Сумар., Любовь). ...И потянулася со всем она содомом: *Со брюхом*, *со спиной* и с домом (Сумар., Заяц и Черепаха). Не сыщешь рыбы в луже, Колико *во трудах* прилежен ты не будь (Сумар., Непреодолеваемая природа). Как огнь, *со пламенем* сближаясь, Един составить хочешь луч! (Держ., К Каллиопе). ...*Со брозд* кровава пена клубом И волны от копыт текут (Держ., Колесница). ...Ни злом ни благом не приметный, *Во гробе* погребен живой (Держ., Мой истукан). ...Пред зеркалом их в ряд поставь, *Во знак*, что с сердцем справедливым Не скрыт наш всем и виден нрав (там же).

Важно живое свидетельство XVIII века: Фонвизин в «Опыте российского сословника» пишет: «Некоторые писатели почитают **в** писать перед словом, начинающимся с гласной буквы, например, **в** опасности, **в** естестве, **в** Очакове; а **во** пред словом, начинающимся с согласной, например, **во** Франции, **во** славе, **во** гневе; но мне кажется, что обычай и слух делают такое множество исключений из сего правила, что оного и правилом назвать нельзя.

Смешно было бы говорить и писать: **во** Москве, **во** пороке, **во** глине. Напротив того, в самых важных сочинениях читаем: **во** услышание, **во** Апостолах, **во** Израили и проч.»

ъ в положении перед гласными.

1. После падения редуцированных гласных начальный в слове звук **и** стал изменяться в **ы** в положении после твердого согласного предлога: в ыную землю (Смол. грамота 1230 г.); вызбѣ (Домостр., 58) — в избе, с темъ вечеръ а сынымъ инои вечер (57); в ызбу к царю (Мат. путь Ив. Петлина, 275); и с-ыныхъ посадцкихъ людей (Котош., 88).

Явление это полностью существует и теперь: *сыскать*, *сыграть*, *отыскать*, *отыграться*.

Подобным же образом *в избу*, *с Иваном*, *от Ильи* произно-

сятся *вызбу́*, *сыва́нэм*, *атыль(й)и́* (от Ильи) и даже по аналогии таких сочетаний — *Госиздат* читается «госыздат»[1].

2. В предлогах и префиксах ъ перед следующим о, по свидетельству уже древнейших восточнославянских памятников, переходил в о: изо обою (13 слов Григ. Богосл. XI в.), ся изоостанеть (Мстисл. грам., ок. 1130 г.). Ср. еще даже в XVII веке: Ото осады свободилъ (Мат. Раз., III, № 3), — особенность, находящая соответствие себе также в старославянском: безо о̃ца, изо облака (Зографск. еванг.)[2].

Явление это представляет собою факт очень древней ассимиляции гласных, действовавшей уже после падения глухих только по аналогии установившихся древних отношений.

Представляя редкий в системе русской фонетики случай нового зияния, это явление в дальнейшем вообще не выжило, но в словах чисто литературных (церковнославянизмах) следы его остаются и теперь; ср.: *вообще*, *сообща*, *воображать*, *сооружать*, *воочию*.

Спорные случаи соответствий русских ъ, ь редуцированным старославянским.

Древнерусские ъ, ь исторически восходят, как уже упоминалось, соответственно к вероятным более древним u (*у краткому) и i (*i краткому): лит. budrùs — ст.-сл. и др.-русск. *бъдръ*, лит. duktẽ — ст.-сл. *дъщи*, др.-русск. *дъчи*; лит. lìnas — ст.-сл. и др.-русск. *льнъ*; санскр. vidhávā, лат. vidua, ст.-сл. и др.-русск. *вьдова*.

Но есть несколько спорных случаев, где рефлексы русских редуцированных не соответствуют качеству редуцированных в ста-

[1] Как предполагает А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., Каф. русск. яз., I, том V, 1941 г., стр. 180, сочетания с ы вм. и появлялись «в разное время после утраты конечных редуцированных гласных; при сохранении твердости конечного согласного в слове, объединявшемся в произношении с другим словом, начинавшимся с гласного и, появлялась артикуляция ы, так как в фонетической системе русского языка не было сочетания твердого согласного с гласным и: были ти или ты, — *з братом — ываном*. То же фонетическое явление отражается и на современном языковом материале: *гос-ынспекция*». Такой параллельной возможности, конечно, тоже отклонять не следует.

Что касается другого высказывания Селищева, связываемого им с данным, будто и в древнерусском и действовало на предшествующий ъ так же, как и j, т. е. переходило в ы, подобно тому, что имело место в старославянском (възлюбиты и, вы истинѫ), и затем редуцированный ы ассимилировался с и в один гласный ы: «выстинѫ», — то догадка о существовании подобного промежуточного звена для всего состава древнерусского языка не опирается на какие-либо надежные данные.

[2] Как видим, этой особенности подчиняются и предлоги на з, первоначально употреблявшиеся без конечного редуцированного гласного. Ряд важных и интересных справок об этом явлении — в статье Л. Л. Васильева — «О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог», ИОРЯС, XIII (1908), стр. 181—255.

рославянском и др.-русском. Важнейшие относящиеся сюда факты *довьльнъ* (ст.-сл. и др.-русск.) — русск. *доволен;* ст.-сл. *мъдльнъ*— др.-р. *мьдльнъ* (*мьдьлити*), современ. *медленный*, *медлить*; ст.-сл. *трьсть*—др.-русск. *тръсть*, современ. *трость*; ст.-слав. *тьнъкъ*, пол. cienki — др.-вост.-слав. *тънъкъ*, современ. русск. *тонкий*.

Первый легко объясняется влиянием слова *воля*. В случае *медлить* и под. можно думать, как уже отмечалось в научной литературе, об уже древнейшем славянском варианте низшей ступени чередования **о**—е. Вариант, соответствующий ст.-слав. гласному корня, отражен в др.-русск. *мотчание* «замедление», *мотчать* «замедлить» (в моск. грам. XV—XVI в.) из *мъдъча-.

На вариант **u** — **ju** для *тръсть* — *трьсть* определенно указывает литовск. trušis при triušis «тростник».

В арханг. говоре (онежск.-шенкурск.) до недавнего времени сохранялся соответствующий ь-ю вариант *треста*, *тресть*. Ср. и олон.: Да поженка в Патровском ободе за трестяным болотом... 1684. (Крепостн. мануф. в Росс., II, Олон. медн. и железн. заводы, стр. 159). — Что касается *тонкий*, отношение его к ст.-слав. *тьнъкъ* неясно.

Падение редуцированных гласных происходило, по-видимому, не одновременно в разных говорах русского языка. Еще даже в начале XX века существовали некоторые, правда очень немногочисленные, говоры с сохранением рефлексов былых редуцированных гласных в слабых позициях.

Рефлексы былых редуцированных гласных в слабых положениях иногда сохранялись довольно долго в жанровом — духовно-песенном языке. В таком виде записан, например, «Стих старика за пивомъ» (в списке XV века рукописи, включающей «Задонщину»)[1]. В этом «стихе» читаем, например: «Плакася Адамъ пред раемо сѣдя...»; «мене бо ради сътворенъ еси и Евгы ради затворено бысте»; «Увы мнѣ грѣшному и безаконеному!» и под.

Севернорусский говор с тенденцией в некоторых слабых положениях сохранять рефлексы былого **ь** отражен, вероятно, в грамоте XVII века, опубликованной в «Актах... древней России», I. А. Федотовым-Чеховским под № 65-ым. В этой грамоте часты написания вроде «к рѣчекѣ, отъ рѣчеки» (при «рѣчки» и под.); «Лучека кѣкаревъ» (т. е. Лучка); «розпахивали тое пашеню» (т. е. пашню); «да Красному мошеку» (при «отъ Красного мошку»); «на монастыреской землѣ (при «земля монастырская»).

Если «ищуть на всѣхь старецахъ» и «мошеку» в этой грамоте могут производить впечатление форм, отразивших индукцию именительного падежа ед. числа, то, с другой стороны, надо отме-

[1] См. «Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Росс. академии наук», том С, № 2, П., 1922, Памятники старинного русск. яз. и слов. XV—XVIII столетий... Павел Симони, вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий. Задонщина Вел. князя господ. Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича по Кириллобелозерск. списку 1470 г.

тить в ней же и колебание *старцъ — старецъ* едва ли не как результат утраты в говоре чутья к различению *старца* : «*старева». Ср. и колебание написаний *старожилцы* : *старжилцы* (последнее чаще); написания вроде: *къ вортцамъ, людмъ* и под.

Характерно, что говор — с отражениями так называемого второго полногласия: «а сверехъ правые грамоты», «въ верехъ къ покосомъ»; ср.: «отъ вереховья того врагу» («от верховья того оврага»); ср. там же: «къ верхвію»; «четвереть» (при *четверть*).

§ 3. Напряженные редуцированные гласные.

Специальный вопрос представляют русские соответствия отношениям при **ы** и **и** всех славянских языков в положении перед **j(i̯)**. Эти звуки с большою вероятностью возводят (Шахматов) к первоначальным **ъ** и **ь**, приобретшим иную окраску перед **j** (к так называемым «напряженным редуцированным»); ср.: *новъ+jь, скоръ + jь* > ст.-сл. *новый, скорый; синь+jь, давьнь + jь*>ст.-сл. *синий, давьний*. Другие восточнославянские языки (белорусский и украинский) в рефлексах этих звуков не совпадают с русским, который, как свидетельствуют и памятники и говоры, рефлектирует такой **ъ** (условно его обозначают **ъ̂**) и **ь (ь̂)** соответственно как **о** и **е**: *новой, скорой, синей, давней*. (Литературные написания *новый, скорый, синий, давний* — церковнославянизмы, удержавшиеся из тенденции избегать омограмм *новой, синей* и т. д. род. и твор. ед. ч. жен. р.). Ср.: Да ферези бархатъ червчатъ гладкой да кафтанъ отласъ золотной (Отчет Я. Молв.). Исподъ пластинчатой соболей (Выходы). Хорунжей Григорей Пенской (Мат. Раз. III, 60) ...Одинъ бояринъ исъ первые статьи родовъ третей или четвертой человѣкъ... до околничей, или два, да думной посолской діакъ (Котош., 65). Ломоносов пишет в своей «Росс. грамм.» (§ 156): истинный *или* истинной, но только прежней, божей. — Написания типа *маленькой, великой* и под. встречаются еще до последней четверти XIX века. На **ой** указывает и литературное произношение: робкәй, упругәй, тихәй и под.

Под ударением и на письме выступает **о**; ср.: *молодой, живой;* к **е** ср.: *чужой* из *чужей, большой* из *большей*.

Вероятно, звуки такого же происхождения имелись и в формах типа ст.-сл. *мыѭ, крыѭ, бриѭ, биѭ, лиѭ*; ср. укр. *мию, крию, брию*. В русском, кроме упоминаемых ниже случаев, соответственно выступают *мою, крою, брею*.

В сильном положении, т. е. перед слогом со слабыми редуцированными, рефлексация в виде **о** и е проведена в русском последовательно: *молодой, живой, мой, крой, бей, лей, брей, соловей, гостей* (род. п. мн.), *путей* из молодъ̂ + jь, живъ̂ + jь и (с ослабившимся конечным **и**)... брь̂ји, соловь̂јь, гость̂јь и под. В слабом положении, с одной стороны, имеем *вою, крою, мою, ною, брею*, с другой — *бью, лью, шью*. По-видимому, для слабого

положения имела значение ударяемость или неударяемость предшествующего йоту гласного; так, из м̂ъјѫ, р̂ъјѫ, в̂ъјѫ, бр̂ьјѫ и под. являлись *мо́ю, ро́ю, во́ю, бре́ю* (ср. прош. вр. *мы́ла, ры́ла* и под.), т. е. под ударением напряженные редуцированные сохранялись. В неударяемом положении напряженные редуцированные выпадали: в̂ьјѫ, л̂ьјѫ, п̂ьјѫ (ср. прош. вр. *вила́, лила́* и под.) изменялись во *вью, лью* и под. В диалектах известна и рефлексация *м'ю, ум'ю* «мою, умою»; ср. в «Хожд. на Восток Котова»: «...И перед светом в банях мьются», 111. Сомнительно, чтобы в этих формах была отражена старина. Скорее это аналогические образования.

Формы литературного языка *бью, шью* вместо ожидаемых «бею», «шею» (ср. прош. вр. *би́ла, ши́ла*) тоже аналогического происхождения: возникли они под влиянием других слов — типа *лью* к «лить», *пью* к «пить» и под. Ср. фонетические *ше́я* из ш̂ьја и укр. *ши́ю*, белор. *шы́ю* «шью».

Примечание 1.

Возможно, однако, что аналогическое образование представляет в русском языке только *шью*, а *бью* — форма фонетическая. Так можно думать на том основании, что, как показывает др.-чешский язык, в слове «шить» наст. вр. имело **і** другого происхождения — из **і**, а не из напряженного **ь**; что же касается *бью*, то оно могло занять особое место в системе, как единственный глагол, у которого при исходной ударяемости коренного гласного последнему предшествовал несонорный согласный звук.

К *шея* ср. др.-русск. *шьи* в Новг. I лет. Синод. сп. (старые отношения могли быть им. ед. ч. *шья́*, вин. п. ед. ч. *ше́ю* по аналогии отношений вода́ : во́ду, зима́ : зи́му и под.).

Примечание 2.

Ряд ученых[1] возводит формы типа *кро́ю, мо́ю, бре́ю, бью* и т. д. к изначальным *кры(ю), *мы(ю), *бри(ю), *би(ю), т. е. видят здесь **в ы** и **и** всех славянских языков, кроме русского, старину и, следовательно, рефлекс перед **ј** древнейшего долгого **у** (латин. буквою ū), а в **и** — долгого **і**. В пользу этого мнения говорит, в частности, сохранение ударения на корне (редуцированные гласные, если в противоположном направлении не влияла грамматическая аналогия, на себе ударения не удерживали).

§ 4. Отражения звука ѣ.

Древнему славянскому и древнерусскому звуку **ѣ** в литературном русском соответствует е (с его вторичными изменениями в неударяемом положении): *лѣто, сѣно, дѣло* теперь звучат как *лето, сено, дело*.

---

[1] Ср., напр., А. Шахматов, Очерк древнейшего периода ист. русск. яз., 1915, § 37; А. М. Селищев, Учен. записки Моск. городск. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941 г., стр. 178—180.

Отступления *гнёзда*, *звёзды*, *приобрёл*, *надёванный*, *издёвка*, *прозёванный* и под. из *гнѣзда*, *звѣзды*, *приобрѣлъ* и под. представляют собою продукты грамматической аналогии; ср.: *весло́: вёсла — гнездо́ : x; весна́ : вёсны — звезда́ : x; плела́ : плёл — приобрела́ : x; жева́ть : жёванный — надева́ть : x* и под.

В просторечии таких случаев замены рефлексов старого ятя новым ё больше, чем в строгом, архаизированном нормативном употреблении. Ср. варианты произношения: зев и зёв, издевка и издёвка, слежка и слёжка, отцветший и отцвётший, оседлый и (редко) осёдлый, осекся и осёкся, редко, наряду с правильным опека, — опёка. Еще больше их в севернорусских говорах.[1]

Надо заметить, что в отношении **ѣ : е** уже предреволюционное правописание, хотя и строго держалось этимологии в принципе, далеко не во всех случаях практически соответствовало действительному происхождению слова. Так, через **е** писались *голень*, *песок*, *дремать*, которым в других славянских языках соответствуют рефлексы «ятя»: ст.-слав. голѣнь, серб. голијен, словен. golęn; ст.-слав. пѣсъкъ, укр. пiсок, серб. пијесак, словен. pęsek, пол. piasek; ст.-слав. дрѣмати, укр. дрiмати, серб. дријемати и т. д., и, наоборот, **ѣ** писался иногда в словах, где его исторически не было: сѣкира (др.-русск. секыра), змѣя (ст.-слав. змии), и под.

Возможно, что в некоторых случаях, где произношение **ё** вместо ожидаемого **е** из «ять» представлялось старым грамматикам исключением, оно было закономерно, так как восходило не к старому «ятю», который писался в некоторых словах ошибочно — вопреки этимологии, а к древним, забытым в правописании этих слов, звукам **е** или **ь**. Так, форма *сёдла*, безусловно, закономерна, поскольку, как свидетельствуют старославянское и древнерусское написание *седьло*, сербская краткость в сѐдло, словенская открытость **е** — sédlo, практика позднейшего русского правописания — сѣдло была ошибочна и основывалась на произвольном домысле этимологического характера (сѣл, сѣсть). «Цвёл» фонетически может восходить не к «цвѣлъ», а к «цвьлъ» (ср. ст.-слав. цвьт-нѫ-ти, серб. цват — из *cvьtъ, цватити — из *cvьtiti, *слов., cvésti с рефлексом **ь**, а не ě, устар. укр. *цвисти* из *cvьsti, и под.).

Есть серьезные основания думать, имея в виду факты памятников, свидетельства грамматиков и под.[2], что в Москве произношением ударяемого **ѣ** до самой средины XVIII в. было **i̯e**,

[1] См. С. П. Обиорский, Переход **е в о** в современном русском языке, — Сборник Трудов комиссии по ист. АН СССР, вып. 3, А. А. Шахматов, 1947 г., стр. 295—315.

[2] Викт. Виноградов, Исследоваиия в области фонетики северио-русского иаречия. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. иаук» (1919, XXIV, стр. 188—348).— К приведеииому у иего материалу стоит прибавить еще «Лиродидактическое послаиие ки. Е. Р. Дашковой» Н. Николева («Русская поэзия» С. Венгерова, V, стр. 792 и след.).

а не **е**, как теперь, причем до XV в., по-видимому, не имело значения даже различение ударяемости и неударяемости **ѣ**. Дифтонгическое произношение ударяемого **ѣ**, по всей вероятности, было особенностью только высшего слоя носителей литературного языка, сохранившего его как архаическую черту в конце концов еще старого киевского произношения, поддержанного на новой почве сходными чертами севернорусских говоров. С таким произношением рано начала конкурировать в Москве окончательно победившая только в XVIII в. южнорусская (южновеликорусская) рефлексация **ѣ**>е, носителями которой были широкие городские слои, уже ранее отразившие в своей речи влияние южнорусских говоров.

Особый вопрос представляет судьба **ѣ** после **j** в конечных слогах (положение, которое мы имеем в родительном падеже ед. числа женского рода, в именительном-винительном мн. ч. женского рода и в винительном мн. ч. мужского склонения местоимений и членных прилагательных). Здесь, по-видимому, имело место, как принимал Шахматов, изменение **jѣ** в **je**, откуда под ударением **jo**; ср.: *jejѣ*>*jeje*>*jejo*. Принятию такого перехода, по моему мнению, не противоречит факт, смущавший специально обследовавшего вопрос об **ѣ** В. В. Виноградова,— наличие при окончании **оѣ** замены в грамотах XIV в. ятя буквою е и сохранения ятя (или замены его через **и**) в окончании **иѣ**. В случаях с **оѣ** (из **оjѣ**) в ряде слов произносилось (под ударением) **jo**: *моё*, *самоё* и под., тогда как при **ыѣ**, **иѣ** (из **ыjѣ**, **иjѣ**) подобного перехода не было, так как не было случаев конечной ударяемости.

Специальный вопрос представляет и ранняя (уже с XIV в.) замена **ѣ** звуком **е** в слове *целовать* и дальнейший переход *целовать* в *цоловать*, откуда — почти до конца XIX в. встречавшееся написание *цаловать*. Вполне удовлетворяющего объяснения этих переходов нет; возможна догадка о специальной роли **л**, оказывавшего исстари в русском языке свое влияние в направлении перехода **ь** в **ъ**, **е** в **о**. В данном случае эта тенденция могла осуществиться особенно под влиянием последующего ударяемого **у** (*целую*, *целуешь* и под.).

После звуков **ш**, **ж**, **ч**, **j** — **ѣ** или, вернее, долгое е, из которого этот звук возник, уже в более древнюю пору перешел в **а**; ср. в классе с инфинитивами на **ѣ-ти** (при настоящем времени с приметой **i**) — *слышать*, *дрожать*, *молчать*, *стоять*. Единственное отступление в русском языке представляет глагол *кишеть* (*кышѣти*), принадлежащий только восточнославянским языкам и являющийся в них, видимо, относительно поздним приобретением неизвестного происхождения.

Давним фонетическим ограничением рефлексации **ѣ**>е является переход **ѣ** в **и**.

Переход **ѣ** в **и** перед слогом с ударяемым **и** — явление общевосточнославянское и, возможно, относится уже ко времени до

появления первых восточнославянских памятников. Переход этот мы видим в случаях:

Сидишь, сидит и т. д. из **сѣди́ши, сѣди́тъ** (сѣдитъ) — ср. др.-русск. *сѣдѣти* и параллели в других славянских языках: пол. siedzieć и под.

Вития, др.-русск. **витии** из **вѣтии**[1] (так в старославянском); ср. группу *отъвѣтъ, вѣче* и т. п.

Дитина — пишут, однако, *детина*[2], — (ср. укр. *дитина*, а не «дітина»), откуда и *дитя* при *дѣти*. Ст.-слав. **дѣтѧ**. Ср. подобное правописание в др.-русском: ...А жонка в то время детя выверже... (Пск. судн. грам., 98); ...А останетца дѣтя вотчичь... (Судебн. 1589 г., 35).

Мизинец из **мѣзиньць** (ср. в ст.-сл. и в живых славянских языках: ст.-сл. *мѣзиньць*, серб. *мезимац* «младший сын» и под.). В укр. *мизинець* (Гринч.) и *мізи́нець*, т. е. с отражениями **и** и **ѣ**, что, быть может, стоит в связи с былыми колебаниями ударения; ср. белор. ме́зинец, ме́зенец; но сев.-русск. *мезинец* (М. А. Колосов, Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, № 3, 1877 г., стр. 69).

В др.-русских памятниках, «не знающих перехода **ѣ** в **и** или знающих этот переход в очень ограниченном размере», известны случаи: надиви́чье горѣ (Царств. Лет. XVI в,); ср. другое ударение *дѣ́вица*; сини́ца Алф. (от «сѣнь»; ср, сѣ'ницам — там же, и дольную сѣ'ницу, Сборн. 1647 г.)[3].

Что касается случаев, где ожидаемого перехода нет, то они находят свое более или менее правдоподобное объяснение. Так, слово **зѣница**, во-первых, имело колеблющееся ударение **зѣни́ца** и **зѣ'ница** (ср. серб. *зjѐница*) — Слов. русск. языка Акад. наук, II, вып. 9, стр. 2953, — а во-вторых, вряд ли было исконным словом у восточных славян (ср. *зѣнки*, укр. *зінка*, белор. *зяно́к*).

Пѣви́ца сохранило свое **ѣ** под влиянием *пѣвьць*.

Бѣжишь и т. д., видимо, имело давнюю параллель в системе форм, относившихся к *бѣгу, бѣгут*, инфинитиву *бѣчи* (ср. укр. *бігти* и русск. диалект. *бечь*), т. е. *бѣжеши, *бѣжеть и под.

Формы вроде **грѣши́шь, грѣши́тъ** и т. д., **грѣши́ть, смѣши́шь, смѣши́ть** и т. д., **смѣши́ть**, как производные от *грѣхъ, смѣхъ*, не порвали с ними связи; **спѣши́шь, спѣши́тъ** и т. д., **спѣши́ть** были поддерживаемы такими образованиями, как *спѣшьно* и под.

В инфинитивах, вроде **лѣпи́ть, мѣси́ть, замѣни́ть** и под., и формах повелительного **лѣпи́, лѣпи́те** и под. **ѣ** сохранилось под влиянием форм настоящего времени *лѣплю, лѣ'пишь* и т. д.

---

[1] К этимологии слова ср. теперь E. Lewy u. M. Vasmer, Zeitschr. f. slav. Philol., 1931. VIII, 1—2, 129—130.

[2] Так уже в др.-русском: дѣтина малъ (Судебн., 1497,$_{52}$).

[3] Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков.— Сборн. по русск. яз. и слов. Акад. наук СССР, I, вып. 2, 1929, стр. 101—102.

Слово **снигирь** из **снѣгирь** (чаще писали этимологически; в укр. **снігур**) не представляет примера закона о переходе **ѣ** в **и** перед слогом с ударяемым **и**, так как переход **гы** в **ги**, по всей вероятности,— явление более позднее, чем действие этого закона. Написание **снигирь**, по-видимому,— результат забвения этимологии слова, с одной стороны, а в говорах, где неударяемое **ѣ** отличалось своим отражением от **и**, продолжение старой тенденции — с другой.

Примечание. Совпадение в произношении букв е и ѣ для многих случаев уже с XVIII века представлялось основанием для реформы орфографии — упразднения ятя, как излишней буквы. Все время выдвигались, однако, по этому поводу различные сомнения, решительно откинутые, как известно, только лишь в 1918 году, когда орфографическая реформа была проведена официально.

Из старинных рассуждений об яте специальный интерес представляют соображения Н. Г. Курганова, изложенные в его известном «Письмовнике» (отдел «О различии и происхождении букв», примеч.). «Можно бы,— писал Курганов,— оставя букву **ѣ**, везде писать **е**, да понеже выговором, а паче писанием в надлежащих словах буквы **ѣ** вместо е различаются слова разного знаменования, а сходного звучания, как: *лечу*, *лечить* от *лѣчу*, *лѣтѣть*[1]; пеню имя в винительном от пѣню глагола; плен родит. множест. имени *плѣна*[2] от плѣнъ, то есть полон, и другие многие слова сими двумя буквами различаются как в письмах, так и в произношении, а особливо у малоросов, кои, хотя в том и великие знатоки, однако оную букву **ѣ** гораздо мягче надлежащего произносят, превращая ея в **ье** и в **и**, как мьесто или мисто за мѣсто... Впрочем, предписанное[3] затруднение в различении **е** от **ѣ** кажется совсем излишным и обходимым мудрованием, а сие, как видно, и в славенский язык сначала введено от киевлянских переводчиков, подражая греческому и польскому произношению. Лучше бы остаться при одной букве **е**, уничтожа помянутое различие слов, кое по смыслу речи само собой вразумительно. Сего ради многие наши писцы, несмотря на те правила, всегда одно е употребляют, потому что для себя, а не для иноземцев пишут, которые не за свои деньги сему легко обучаются»[4].

---

[1] В предреволюционной орфографии писалось наоборот: «врачую»—лѣчу..., но «иесусь на крыльях» — лечу.

[2] т. е. пелена в церковнославянизированной огласовке.

[3] т. е. «раньше упомянутое».

[4] Текст Курганова воспроизводится, кроме характерных частностей, по новой орфографии и с нынешней пунктуацией.

§ 5. Отражения *е*.

Из **е**, восходящего одинаково к старым **е** и **ь**, в русском под ударением в положении перед твердым согласным и на конце слова фонетически возникало **ё** (**о** со смягчением предшествующего согласного): *весёлый* (но *веселье*), *мёд*, *лён*, *прочёл*, *бельё*, *моё*.

Чтобы уяснить себе типичные особенности, относящиеся к русскому **е**, нужно принять во внимание еще несколько специальных условий.

Характерны вариации группы **-ер-** (из **-ьр-**) между согласными. В этой группе **е** переходит под ударением в **ё** только тогда, когда за **р** следует твердый зубной, т. е. *твёрдый*, *чёрный*, *мёрзнуть*, *мёртвый*, *зёрна*, но *четверг*, *первый*, *верх*, *церковь*, *верба*, *смерть* (ср. произношение «*вʼэрʼх*, *читвʼэрʼк*, *цэрʼкъфʼ*, *вʼэрʼбə*, *пʼэрʼвый* и под.).

Сумароков, напр., писал: «Лучи светила померькают... И страшны молнии сверькают...»

Заметим, что произношение «читвʼэрʼк, вʼэрʼх» и под. как литературное не узаконено. Ср. Е. Будде, «Очерк истории современного русского языка. XVII—XIX век», 1908 г.: «Ныне мы уже не пишем и не печатаем **ь** после **р** в этих и подобных словах, хотя и произносим **р** мягко, наблюдая в то же время и произношение твердого **р** в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев города Москвы» (стр. 32—33) [1].

Далее, хотя звук **ц** теперь в русском литературном языке (в отличие от украинского) всегда тверд независимо от положения, в прошлом он был мягким и действует на предшествующее **е** именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не «молодёц», *скупец*, а не «скупёц», *сердец* (род. мн.), а не «сердёц» и под.

С другой стороны, тоже бывшие в прошлом мягкими звуками **ш**, **ж**, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (**ши**, **жи**, **шь**, **жь**), влияют на предшествующее **е** как твердые: мы произносим **ё** в *ведёшь*, *вернёшь*, *грабёж*, *лёжа*, *дёшев*. К влиянию диалектного твердого **ш** следует отнести и литературное *тёща*; перед долгим мягким **ш** московского говора, на письме, обозначаемом буквою **щ**, ожидалось бы **е**, но в ряде говоров, где **щ** произносится как долгое твердое **ш**, **ё** вполне естественно; из них-то оно, по-видимому, и заимствовано [2].

---

[1] Ср. и А. Соболевский, «Лекции», 4 изд., стр. 64. Произношение в этих случаях **р** перед задненебными распространеннее, чем перед губными.

[2] Ср. диал. в Пудожской Горе (бывш. Повенецкого уезда) Карело-Финской ССР,— Труды Комис. по диал. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 88,— *дешево*, *тештя*.

Отдельные отступления *чешет*, *тешет*, *брешет* (ср. диалект. *чошет*) могут отражать влияние родственного типа *мечет*, *щебечет*, поддержанное говорами, где **ж**, **ш** отвердели поздно и не влияют, как твердые, на предшествующее е (ср диалект *нʼисʼэ́ш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головешка*.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение **с** здесь — относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *людський, сільський* и под.).

Слоги **ги, ки, хи** влияют на предшествующее подударное **е** как твердые, т. е. соответственно своему древнему произношению **гы, кы; хы**; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтёки, жохи*, где возможно также влияние единственного числа[1].

Нет перехода **е** в **ё** в начальном **не-** в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения с глаголов: *нéмочь, нéхотя, нé дал.*

В случаях вроде *нé дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью.

Нужно также принять во внимание, что в словах *нéнависть, нéдоросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

Древнеболгарский (церковнославянский) язык не знал изменения **е** в **о** с предшествующей мягкостью **(ё)**. Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что **е** смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое **е** произносится близко к **и**. Таковы: *небо, перст* (но *напёрсток*), *дерзкий, серна, пещера, полезный, лев* (но собственное имя онароднилось, ср. вариант — *Лёв*[2]).

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX в.) церковнославянское произношение было в употреблении значительно большем, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) **е**, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим только **ё (о)**: «На холмах пушки, присмирев, Прервали свой голодный рев» («Полтава»). «И ты пришел, сын лени вдохновенный, О Дельвиг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго усыпленный, И бодро я судьбу благословил» (19 окт. 1825 г.). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в стихотворении «В обители ничтожества унылой» на расстоянии нескольких строк рифмы: «*слёз — роз*» и «*небес — слез*»[3].

Довольно консервативными мы остаемся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому; ср. *учебный, вра-*

---

[1] Трудность представляет, однако, *щепки* (щепьки): влияние смягченного **п**? Под влиянием множественного числа —**е**, а не **ё** и в единственном: *щепка*. Объяснение Соболевского — *щепка* — под влиянием *щепь* остается только отдаленной возможностью; другое дело — *щелка* (при *щолка*) — под влиянием *щель*.

[2] Баратынский рифмует «Лев» (имя брата А. С. Пушкина) с «плов».

[3] Вообще о произношении первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 15—17.

чебный, *душевный*, *плачевный*. Правда, акад. А. И. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXVIII, стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым **-ьн-** (стар. *тьмьный*), но широкое распространение произношения *тёмный* (ср. еще, напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведенных им примеров не позволяют считать его мнение бесспорным.

Сказанное об **е** в словах, заимствованных из церковнославянского, относится к заимствованиям из других языков: *пекарь*, *опека* [1], *конверт* (канвʼэрт), *газета* (газʼэтә), *рента* (рʼэнтә), *лента* (лʼэнтә), *момент* (мамʼэнт), *пресса* (прʼэсә), *секция* (сʼэкцыйә), *тема* (тʼэ̄мә), *проблема* (праблʼэмә), *метр* (мʼэтр), *спектр* (спʼэктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдем известное количество случаев, обязанных действию смысловых ассоциаций и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

1. Переход **е** в **ё** (*о*) перед мягким согласным в дательном и местном падеже ед. ч., оканчивающемся на **е**: *обжора* (*обжоре*), *берёза* (*берёзе*), *подоплёка* (*подоплёке*). Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где **е** находилось перед твердым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже ед. ч. женского склонения на **я**: под влиянием «стороною», «рекою» и под. вместо ожидаемых «землею», «свечею», «вожжею» имеем *землёю*, *свечою*, *вожжою*. Ср. фонетические формы *моею*, *твоею*.

3. Под влиянием «несёт», «несём» и под. вместо фонетических «несете», «плетете», «рвете» явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте*, *плетёте*, *рвёте*. Под влиянием «тёр», «тёрла», «тёрло» и во мн. ч. имеем «*тёрли*».

4. Иногда **ё (о)** проникало в близкородственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка*, *горшочек* — под влиянием *горшок*, *мешочек* — под влиянием *мешок*, *околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. «понес околесную») и под.

5. Под влиянием *дёрнуть* явилось нефонетическое *дёргать* [2]. Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдёргивать* и под.

6. Наоборот, отсутствие **ё (о)** в *шест* (вм. ожидаемого «шост») с известной вероятностью объясняется (Зеленин) влиянием род-

[1] Польск. Ср. и *невод* — по-видимому, финское слово.

[2] Фонетическая форма встречается в говорах; ср., напр., Матер. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903.

Ср. и диал. *нáшесть*: «Бабы что куры: ничего им не надо, окромя двора да нашести» (Ф. Гладков, Вольница, изд. 1951 г., стр. 10). В окрестностях Тихвина, Черепов. обл.,— Труды Комисс. по диал. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 78,— *ошосток*, белор. *шост*.

ственного по смыслу слова *насест* (из «насѣстъ»). Фонетическая форма — *шост* засвидетельствована, напр., в брянском говоре (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, LXXVI, № 4, 1904, стр. 94).

Вопрос о рефлексации в древнерусском конечного неударяемого е представляет значительные трудности. По-видимому, в ряде влиятельных в истории литературного языка говоров в положении (ь)йе — е переходило в **а** (или качественно близкий к нему звук); так можно (хотя и не необходимо, см. Морф. § 5) объяснять, напр., формы им. мн. ч. *кóлье>кóлья, гвóздье>гвóздья* и под. В других положениях, по-видимому, как бесспорно свидетельствует произношение *прóсь'итьи, знáитьи*, «просите, знаете», в говорах, легших в основу литературного языка, неударяемое **е** произносилось как звук, близкий к **и**.

В некоторых морфологических категориях, как напр., в им. п. ед. ч. средн. р. *море, поле*, произношение *мóрьә, пóльә*, говорит о промежуточной стадии — «морьо, польо», отражающей влияние параллельного твердого склонения; ср. *дело, сено* и под.

Из частных случаев отметим:

1. Если даже принять вместе с Шахматовым, что старые формы род.-вин. п. ед. ч. **мене, тебе, себе** часто выступали как безударные (ср. случаи вроде «просил меня», «звал тебя»), то, при отсутствии надежных данных в пользу того, что конечное е фонетически отражалось в виде **а(я)**, для данной категории естественно предпочесть другое возможное объяснение.

Меня, тебя, себя — явление общесевернорусское, тогда как переход **е>я** принимается только для части севернорусских говоров. Уже Ягич догадывался о том, что изменение *мене, тебе, себе* в *меня, тебя, себя* — явление, все-таки связанное с действием аналогии: «Тут, мне кажется,— писал он, Крит. зам., стр. 49—50,— втихомолку влияла аналогия не исчезнувшего сразу винительного падежа «мѧ, тѧ», Ср. особенно — сѧ.

2. В светских памятниках, начиная с XIV в., особенно в московских (с конца XIV в.), в употреблении форма 1 л. ед. ч. **есмя**. Но ср. и: «И иных святых мощей много во златых палатах цѣловали же есмя» (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.). Реже (с XVI в.) употребляется форма 2 л. мн. ч. **естя**. Ее мы имеем, например, в Никоновской летописи, где слова нижегородского князя Бориса Константиновича к своим боярам передаются так: «Господіе мои, и братіа, и боаре, и друзи. Помните, господіе, крестное цѣлованіе, как *естя* цѣловали ко мнѣ и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ». В ответе старшего боярина Василия Румянца — более обычное **есмя**: «Вси *есмя* единомыслени къ тебѣ и готови за тя главы своа сложити и кровь изліати» (47).

Обе формы, вероятно, звучали чаще всего как энклитические, безударные.

Теоретически рассуждая, если **есмя** можно было бы рассматривать как архаизм, форму эту естественнее всего было бы

сблизить с др.-греч. окончанием 1 л. мн. ч. — men. **Естя** тогда нужно было бы толковать как результат влияния есмя, причем частые формы **есте** следовало бы в этом случае рассматривать как фонетические, поддерживаемые к тому же многочисленными глаголами других классов с их окончанием -те [1]. Скорее, однако, есмя — искусственный случай передачи болгаризма — *есме* (ср. такую же искусственную форму 1 л. ед. ч. *есми*), может быть, первоначально отразивший чье-либо индивидуальное якающее произношение и традиционно закрепившийся только в канцелярском языке [2].

3. Др.-русск. *крестьяня*, *бояря* и под. — из *крестьяне*, *бояре*; *татаровя*, *бусурмановя* — из *татарове*, *бусурманове*. Эти формы появляются в памятниках с XVI в.; ср., напр., *древяня* (в Лавр. сп. летописи), но характерно, что их недавнее распространение в диалектах было неодинаково: **-аня, -яня**, -яря и под. относились (относятся) едва ли не исключительно к средневеликорусским и южнорусским говорам, а редкие **-овя** — к севернорусским. В первых можно подозревать или узкий фонетический закон — «переход неударяемого е в **я** за ударяемыми **а, я»**, или влияние образований на **-ья** типа *братья*, *друзья* (первоначально собирательных, засвидетельствованных издавна); в *татаровя* и т. п. (ср. и параллельное *татаровья*) — скорее всего — влияние *сыновья* и под. [3].

Неустойчивость употребления отражена в таких, напр., текстах, как: «А которые выборные, столники стряпчие, *дворяня* московские, и жильцы, и городовые *дворяне* же, и дети боярские от всех чинов челобитье доносили...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Не исключена также возможность, что формы на **-аня, -яня, -аря, -яря** и **-овя** вошли в старую письменность как контаминации прежних на **-ане, -аре, -ове** и новых на -ана, **-ара, -ова** и под. Широко представленные в севернорусских диалектах, последние вряд ли, хотя почти и не отражены в древнерусских памятниках [4], уступают по древности формам на **-аня** и т. д.; есть даже основания думать, что они древнее их [5].

---

[1] А. Шахматов, Исследование о двинских грамотах XV в., 1903, стр. 98—99, объясняет отличие *есте* тем, что окончание -те находило себе поддержку в глаголах с подударным этим окончанием.

[2] Пример *есме* см., хотя бы, в грамоте кн. Юрия Дмитриевича вел. князю Василию Васильевичу 1428 г.: «...опрочь тѣх волостей, што ся *есме* ступили своему брату молодшему, князю Костянтину Дмитриевичю».

[3] Как аналогию отметим, что в чешском тоже именно тип на -ané, -ové и под. с долготой подобного конечного е позднейшего происхождения: Moravané, Pražané, národové, stavové — дает повод к догадке о влиянии типа с окончанием ьje и что в словацком вся совокупность относящихся сюда фактов очень напоминает русские отношения: Slovania, Turčania, dedinčania, panovia, kmotrovia «кумовья», synovia под влиянием bratia, zatia.

[4] Из старых примеров см.: «...да яз, Ерема Панкратов сын, и все крестьяна Тавренские волости...» (Заповедная крестьян Тавр. вол., 1598 г.).

[5] Что касается происхождения форм типа *крестьяна*, *бояра*, *сватова* (ср. и литер. *хозяева*), то это продукты влияния собирательных. Ср. с первым: *господин* — *господа*, со *сватова* и под. — *татарва* (литер. *листва*, *плотва*).

§ 6. Аканье и иканье.

Аканье — широко распространенное в русском и белорусском языках явление изменения этимологического **о** в безударном положении — переход его в **а** или близкие к последнему редуцированные гласные звуки. Охватывая белорусские говоры полностью, аканье в русском языке характеризует только литературное произношение, южнорусское наречие и переходные говоры, но отсутствует в севернорусском наречии. По говорам условия проявления аканья не одинаковы и характеризуются довольно значительными различиями. Зарождение этой фонетической особенности следует, по-видимому, относить ко времени, значительно более раннему, чем она обнаруживается в памятниках (средина XIV века). В пользу такого мнения говорит широта распространения и фонетическое разнообразие этой особенности (см. и ниже соображения об иканье и яканье, которые развивались в большей или меньшей мере параллельно с аканьем).

Под московским аканьем в узком смысле термина разумеется явление перехода **о** непосредственно перед ударением в **а**, а в других положениях неударяемости — в редуцированный звук ряда **а**, производящий на слух впечатление звука, близкого к **ы** (**ә**): *парок* (поро́к), *важу* (вожу́), но *кәласок* (колосо́к), *гәласок* (голосо́к), *высокә* (высо́ко), *тихә* (ти́хо) и под.

Первые немногочисленные случаи аканья (спорные) отмечаются (Соболевским) в списанном в Москве с украинского оригинала Сийском ев. 1339 г. Из них наибольшее доверие внушает «въ *апустѣвшии* земли» в записи к нему. Переписчик Пролога Моск. синод. типографии № 172 1383 г., по-видимому, новгородец, название Москвы пишет через **а**, вероятно, так, как он слышал по местному произношению: «того же лѣта взяшь (sic!) тотари *маскву* город на руси».

Случаи вполне надежные, не оставляющие сомнения в своей природе, относятся к Московскому ев. 1393 г.: *прикаснуся, прадающимъ* и под., и ряду памятников более поздних. Косвенные указания на аканье извлекаются и из «духовных» московских великих князей, в которых собственные имена, не имевшие опоры в церковнославянской традиции, обнаруживают или колебание **о — а**, или **о** против этимологии; ср.: *Брошевую* (назв. деревни) в духовной Ивана Калиты, но *Брашевая* в духовных вел. кн. Ивана Ивановича, Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича; *Шагатью* (тв. ед.) и рядом *Шаготью* во второй духовной Дмитрия Донского.

Столкновение аканья с севернорусским оканьем позже отражается в многочисленных памятниках частыми гиперизмами вроде: «князь велики *прикозал*»; «и выб, государи, пожаловали, *покозали* милость» (Наказн. речи, в списке князя Андрея Иоанн. Старицкого, писанн. в 1573 г.).

Одновременно с аканьем, как переходом **о** в **а**, и в говорах и в памятниках выступает переход неударяемых **е, ѣ, я** в **и**: упо-

ваите вм. уповаете, имати вм. имате, радости вашия вм. вашея (Сийск. ев.), послушаите вм. послушаете, бесѣдуить вм. бесѣдуеть, всия земля (род. ед.) вм. всея, и под. (Паремейник 1378 г.).

В говорах представлено еще яканье — возможный переход этих же гласных в том же положении в **а** после мягкого согласного, в некоторых говорах полный, в других (таких большинство) — в зависимости от характера последующих звуков[1].

Несомненно, что в некоторых русских говорах распределение рефлексов гласных звуков, переходящих в **и** и **я** (**а** со смягчением предшествующего согласного), зависело от характера последующего гласного. В частности, для хронологии явления важны показания обоянского говора, в котором, например, как заметил Л. Л. Васильев, Изв. Отд. русск. яз. и слов., том II (1904 г.), кн. I, различно влияют на гласный предшествующего слога подударное **о** из общеславянского **о** и **о** из общеслав. **ъ**: *сяло́, крястóвый, мяст-óв*; но *тилóк* («телёк»), *силóм* (тв. пад.)— др.-русск. селъмь, и под.[2]. Это заставляет думать, что особенности аканья—иканья в данном говоре сложились до того, как **ъ** перешел в **о** в закрытом слоге.

Якающие говоры в истории литературного языка заметной роли не сыграли, хотя отражения яканья в письменности (напр., в грамотах) относительно нередки. И иканье и аканье в южнорусских говорах представлены значительно различающимися типами, но московской письменности, отражающей говор с последовательным иканьем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, и эти вариации, вообще говоря, чужды. Что касается различия в характере неударяемого **е**, отмечаемого (Д. Ушаков) еще для начала двадцатого века в качестве приметы двух поколений (старшее произносило **е**[и], т. е. как закрытое **е**, близкое к **и**, младшее — чистое **и**), то этот факт можно толковать как свидетельство, что московское **е** в таком положении вполне в звук **и** перешло только в самое последнее время и что **и** памятников передает в подобных случаях только акустическое впечатление писцов. Меньше имело бы за себя предположение длительного влияния графики.

Проникновение аканья в письменность, несмотря на традиционность этимологического правописания, сказалось в том, что в дальнейшем установились некоторые неэтимологические написания (главным образом в словах этимологически изолированных и заимствованных):

Барсук — вм. др.-р. *борсукъ*; ср. пол. borsuk, укр. *борсук* из тюркск. barsuk.

Бразды «возжи» (ср. *бразды правления*, выражение, бывшее в употреблении в царской России в торжественном языке и сде-

---

[1] Подробно см. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр. 112—114.

[2] См. и А. А. Шахматов, Очерк древнейш. периода ист. русск. яз., § 509.

лавшееся ироническим уже в средине XIX в.); ст.-сл. *бръзда*, в Погод. Прол. XIV в.: бразды в уста вложеше. Еще Ломоносов пишет (о коне Елисаветы): Крутит главой, звучит браздами, И топчет бурными ногами, Прекрасной всадницей гордясь (Ода 27 авг. 1750 г.). У В. Петрова (К вел. государыне): Сколь твой ни жарок конь, послушен будь брозде.

У Державина колебание: Чтоб конь ... бурно брозды опенял (Изобр. Фел.); Со брозд кровава пена (Колесн.) и Где пламенны меж туч бразды (Конч. Орл.). Бразды держащие в руках (Кол.).

Возможно — *забота* вм. «зобота» к глаголу *зобать* «клевать»[1].

Завтрак — вм. др.-русск. *заутрок* из *заутрькъ*; ср. др.-пол. zajutrek, род. zajutrka (-е- в польском из ъ).

Заря; ср.: *зо́рю*, укр. *зоря*, пол. zorza и под.

Кавычки вм. *ковычки* (изредка пишут и так); ср. *заковыка*.

Калач, при *колач*; ср. сев.-русск. *колач* и параллельные факты в других славянских языках. Родственно со словом *коло* «круг» (ср. *колесо*).

Каракатица — вм. *корокатица* (корень *корок*; ср. болг. *крака* «ноги»). *Корокатица* было рекомендовано как правильная форма Я. К. Гротом.

На карачках и *на корачках*; ср. серб. корак «шаг».

Карман; ср. др.-пол. korman — род верхней одежды, из тюрк. karman.

Более давний источник слова надежно не установлен; ср. Фасмер, REW, I, стр. 534.

Касатка вм. *косатка*; ср. *коса*.

Наименование ласточки от *коса* (орудие) дано ей, как думают, по форме хвоста.

Качан, при *кочан*, ср. *кочень*, др. русск. *кочанъ* «membrum virile», серб. *качањ* и под.

Крапива, при *кропива*; ср. укр. *кропива́*. И то и другое из «коприва» (ст.-сл. *коприва*, болг. *коприва* и т. д.).

— О других родственных словах — Фасмер, REW, I. стр. 655—656.

Лапта; ср. чеш. lopta, хорв. lopta.

Лапша; ср. ук. *локша*, русск. диал. *локша* и *лохша* из тюрк. lakša.

Махровый вм. «мохровый» (ср. *махры* «бахрома, лохмотья по краям одежды», *махорка* «курительный табак низшего сорта»). Корень слова находится в родстве с *мохна* «пучок, клок, кисть» и *мохнатый* и, предположительно, — с *мох*.

Палаты вм. *полаты*; ср. ст.-сл. *полата*, вероятно, из лат. мн. ч. palatia. Возможно, что с этим словом в родстве и *палач*[2].

---

[1] Подробнее — Я. К. Грот, Филолог. разыскания, I, 3 изд., 1885, стр. 590, В. К. Чичагов, Учен. зап. Моск. унив., 137, стр. 116 и след.

[2] Н. М. Каринский, За историзм в науке о языке. «Революция и язык», № 1, 1931, стр. 36—38.

Паром, при *пором*, укр. *порон*, др.-р. *поромъ*; как указывают чешск. prám, пол. prom,— форма с полногласием.

Работа вм. *робота*; ср. сев.-русск. *робота*, укр. *робота* и под.

Ракита вм. *рокита* (из древнейшего *orkyta с циркумфлексовым **or**: укр. *рокита*, чешск. rokyta).

Расти вм. *рости*; ср. *вырос*, *рост* и под.

Славяне вм. *словяне*; др.-русск. *словѣне*[1].

Стакан из *дъстъканъ*; ср. *достоканъ* (Дух. в. кн. Ивана Ивановича); пять достоканцевъ да рюмка, стеклянные (Дело Ник., № 105), но там же: дюжина стакановъ; четыре чашки да пять стакановъ среднихъ. Сев.-русск. *стокан*.

Тараторить; ср. чешск. trátořiti, указывающее на полногласие в русском, т. е. *торотoрить*.

Тарахтеть — укр. *торохтiти*.

Тароватый, при *тороватый*; ср. обл. *тóрово* — «щедро».

В собственных именах: **Авдотья, Алена** вм. древних *Овдотья*, *Олена*; **Вазуза, Масальск** вм. древних *Вoзуза*, *Мосальскъ*.

Некоторые слова, заимствованные из тюркских языков, издавна, вероятно, колебались в произношении и писались двояко: **баранъ — боранъ, казакъ — козакъ**; ср. и **камыш** при укр. *комиш*.

К аканью восходит в своих основах (вопреки утверждению Соболевского, Лекции, 4 изд., стр. 83) и диалектное явление замены старинного а под ударением новым **о** в настоящем времени глаголов: *плотит*, *дорит*, *содит* и под.; ср.: *платит*, *дарит*, *садит* и под. Здесь мы имеем расширенные аналогией отношения типа «нашу́» (пишется *ношу*): *нóсит*. В литературном произношении узаконялось (со времени Грота) «плотит» (еще Буслаев считал, однако, его относящимся к «просторечию») и «пасодит» (Шахм.). Все глаголы, в которых мы наблюдаем эту замену, раньше имели ударение на примете и: ср. укр. (диал.) плати́ть (3 л. ед. ч.), словен. platí и под., русск. же *дари́т*, *сади́тся* и т. д., и соответствующие изменения гласного стоят в связи с аналогическим же изменением места старого ударения. Соответствующие факты в севернорусских говорах (окающих), по всей вероятности, как и само новое в них место ударения, занесены из южнорусского наречия.— Вм. старинного а нефонетически **о** внесено в слово **ласковый** (ср. укр. *ласкáвий*),— под влиянием суффикса **-ов** (ый).

В склонении узаконенной в литературном языке считается замена этимологического а аналогическим **о** только в слове *каймá*: *кóймы* (вм. *каймы*).

Произношение безударного е как **и** закреплено орфографией в слове *свиреп*: ст.-слав. и др.-русск. сверѣпъ.

Отражение произношения **я** как **е** (далее — и) имеем, напр.,

---

[1] Этимология имеии спориа. Наиболее правдоподобио толкование (Розвадовского) — от иазваиия реки Slova. Суффикс — *ѣн* (*-ин*) указывает иа «житель, обитатель» и под. Подробиости VREW, II, стр. 656—657.

в написаниях: *ветчина* из *вядчина* «вяленое, копченое мясо»[1], *десна* из *дясна*, так в др.-русск. (XIV—XV в.); ср. укр. *ясна*; пол. dziąsło; под влиянием отношений *«весна́: вёсны»* и под. возникло и *дёсны*; *ресница* (раньше писали также неправильно *рѣсница*; др.-русск. рясница, ст.-сл. рѧсьница, пол. rzęsa «сережка у растения»); *тетива* (ст.-сл. тѧтива, укр. тятива, пол. cięciwa); *ястреб* (др.-русск. ястрябъ, Русск. правда по сп. около 1282 г. и др., пол. jastrząb).

В отдельных словах **е** вм. **я** своим проникновением обязано еще влиянию схожих суффиксов: др.-русск. Вороняжь (Лавр. сп. лет.) — нынешнее *Воронеж* (ср. суффикс **-еж-**), *колодязь>колодезь* и *колодец* (ср. суффикс **-ец.** род. п. **-ц(а)** из **-ьць, -ьца**). Слово заяц (ст.-сл. заѧць, пол. zając), сколько можно судить по укр. *заєць — зайця*, подвергалось влиянию суффикса **-ьць-, -ьца** в косвенных падежах, может быть, и независимо от перехода **я>е.** Формы типа «заець, заицы» засвидетельствованы: первая — с XV в., вторая — с XVI. У Сумарокова, как отметил Чернышев, в басне «Совет боярской» *заяц* имеет косвенные падежи с сохранением **я,** в соответствии с диалектным употреблением.

Как результат приравнения к «**я>е (и)** без ударения — **е (ё)** под ударением» явились неэтимологические **е** (ё) в случаях *запречь, запрёг* вм. *запрячь, запряг*, устар. *потрёс* вм. *потряс* (ср. у Пушкина: «кобылку бурую запречь» и рифма — «печь»; у Державина: «Магомета ты потрес», рифма «Росс»)[2].

В *метель— мятель* разница написаний стоит в связи с различием этимологии: первое связывается с *мету*, второе — со старинным *мяту* (ср. *мятущаяся душа, сумятица* и под.).

§ 7. Чередования гласных[3].

Унаследованные чередования гласных русского языка, т. е. отношения гласных, которые встречаются в родственных словах или формах, свое осмысление в большинстве получают в явлениях глубокой древности.

Самое распространенное в индоевропейских языках чередование — так называемое к а ч е с т в е н н о е (чередование **е** и **о**) —

---

[1] Подробиые отиосящиеся к слову справки см. в статье Г. А. И л ь и н с к о г о — «Славяиские этимологии»,— Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, XXIV, 1923, стр. 129—133.

[2] Но в *лежу — лягу, сел — сяду*, по-видимому, сохраиеиа стариια: ст.-сл. *лежѫ — лѧгѫ, сѣлъ — сѧдѫ. В формах лѧгѫ, сѧдѫ* иовый гласиый в корие явился из сочетаиия старых е с так иазываемым инфиксальиым (вставиым) **n (н),** выполиявшим морфологическую фуикцию. Последиий хорошо засвидетельствоваи в саискрите, латыии и др. иидоевропейских языках.

[3] Чередоваиия гласиых условио отиосим (по вероятиому их происхождеиию) к фонетике, хотя в иастоящее время во всех иидоевропейских языках оии являются уже только средством характеристики отдельиых слов или морфологических категорий.

признанного объяснения не имеет. Зато в основном ясны другие чередования — количественные (чередования краткости и долготы), которые способны обозначать, например, в глаголах различия длительности действия (видовые различия), — см. «Морфология, § 31.

Приняв во внимание, что долгому **е** других индоевропейских языков соответствует старослав. **ѣ**[1], получаем ряд **е : о: ѣ : а**, засвидетельствованный или полностью: ст.-слав. *текѫ*: *токъ*: *истѣкати*: *растачати* «расточать» — собственно «разливать»), или частично: *скочити* : *скакати*; *лѣзти* : *лазити*; *рѣзати* : *разити*, *сѣсти* : *садити*. В русском, подставляя соответствующие рефлексы, имеем: др.-р. *теку* (совр. произношение «тику»): *ток* : *вытекать* (произносится «вытикатᵇ»); *вскочить* (произносится «фскачитᵇ»): *скакать; сквозь; скважина; сесть : садить; лезть : лазить* и под. Другой тип отношений объясняется для славянских языков, и в их числе для русского, старой системой чередований дифтонгов. Как позволяет отчетливо различить еще, напр., древнегреческий, дифтонги (т. е. сочетания типа ai̯, oi̯, ei̯, au̯, ou̯, eu̯), кроме качественного чередования, чередовались еще со второй своей частью, выступавшей в долготном или краткостном виде, т. е. исходные отношения представляются в виде: 1) **oi̯** : **ei̯** : **ī** : **i**, 2) **ou̯** : **eu̯** : **ū** : **u**. Представляя рефлексы соответствующих звуков[2], получаем для славянских языков 1) **ѣ** : **и** : **и** : **ь**, 2) **у** : **ю** (**у** со смягчением предшествующего согласного) : **ы** : **ъ**.

---

[1] **ѣ** в старославянском письме — знак особого звука. Этому звуку в других языках соответствуют определенные отражения: в литературном русском под ударением **е**, в украинском — **і** и под. Примеры соответствий индоевр. **ē** (долгому **е**) в виде **ѣ**: лат. vērus «истинный», готск. tuz-wērjan «быть недоверчивым» — *вѣра* (русск. *вера*, укр. *віра*); лат. sēmen «семя», литовск sémens «льняное семя» — сѣмѧ (русск. *семя*, укр. сíм'я).

[2] Примеры соответствий: *ō — славянскому *ā; греч. zōstós «подпоясанный» — ст.-слав. *по-ясъ*; греч, dōron—ст.-слав. *даръ*; греч. gi-gnō-skō «знаю», лат. (g)nō-sco — ст.-слав. знати.

***oi̯** — слав. ***ѣ** : греч. lóipos «остальной» — ст.-слав. отълѣкъ «остаток»; греч. oida из «*u̯oi̯da» — ст.-сл. вѣдѣ «я знаю». ***ei̯** — сл. ***i** : греч. steíchō «ступаю» — ст.-сл. *стигати* «достигать»: литовск. šeirȳs «вдовец» — ст.-сл. сиръ.

***ī** — сл. ***ī** : др.-инд. grīvā́ «затылок», латыш. grīvis «высокая трава» — ст.-сл. *грива*; греч. īlýs «ил» — ст.-сл. *илъ*.

***i** — слав. звук **ь** : литовск. švitéti «блестеть», др.-инд. çvitrás «белый» — ст.-сл. свьтѣти: греч. pínūx «балка», «доска», др.-инд. pínākam «ствол» — ст.-сл. пьнь.

***ou̯** — слав. **u** : греч. taũros «бык», лат. taurus — ст.-сл. туръ.
***eu̯** — слав. **'ū** (**u** со смягчением предшествующего согласного): греч. peúthomai «узнаю, осведомляюсь» — ст.-слав. блюдѫ «стерегу, блюду»; греч. a-keú-ō — ст.-сл. *чу-ти*.
***ū** — слав. **у (ы)** : др.-инд. mūš «мышь», греч. mỹs, лат. mūs — ст.-слав. мышь; др.-инд. sūnúš — литовск. sūnùs — ст.-сл. сынъ.
***u** — сл. звук ъ : лит. budrùs «бодрый» — ст.-сл. бъдръ; лат. mus-cus «мох» — ст.-сл. мъхъ.

Примеры: 1. Ст.-сл. *свѣтъ*: *свитати* «рассветать»: *свьтѣти* «светить».

2. Ст.-сл. *боудити* (будити) : *блюсти* : *въз-быдати* «просыпаться» : *бъдѣти* «бодрствовать».

Др.-русск. *соп* «насыпь, вал», *посоп*, *посп* «хлеб зерном» : *сыпать* (ср. и чеш. sutý «насыпанный» с u); *ков-ать* : *кую* (ку-зница).

Первоначальные дифтонгические сочетания **om, on, ol, or**, т. е. сочетания **o** с сонорными, в основном входили в подобные же чередования **«em, en, el, er**: вторая часть их», которая становилась слогообразующей — **m̥, n̥, l̥, r̥** и в славянском отражалась в положении перед гласными или в виде **ъm, ъn, ъl, ъr** в качестве продукта редукции **o** (сокращения, сопровождавшегося качественным изменением), или в виде **ьm, ьn, ьl, ьr** — в качестве продукта редукции **e**.

Перед согласными **om, on, em, en, ъm, ъn, ьm, ьn** превратились в носовые гласные: **ǫ** из тех, которые в первой части имели **o, ъ** и **ę** — из тех, которые в первой части имели **e, ь**. Таким образом, наиболее древние чередования этого типа выступали на славянской почве в виде:

I. **он (ом) : ен (ем) : ън (ъм) : ьн (ьм) : ѫ : ѧ**

II. **ол : ел : ъл : ьл**

ор : ер : ър : ьр

Переводя эти древние отношения на русские рефлексы, получаем:

I. **он (ом) : ен (ем) : ън (ъм) : ьн (ьм)** — перед гласными,

у : я (а со смягчением предшествующего согласного) — перед согласными.

II. **ол : ел : ъл : ьл** — перед гласными,

оло : ъл — перед согласными,

ор : ер : ър : ьр — перед гласными,

оро : ере : ър : ьр — перед согласными.

Из них наиболее редки **ъм, ън, ъл, ър.**

Иллюстрируют эти чередования такие примеры (следует иметь в виду при этом, что обычно один и тот же корень бывает представлен только отдельными — не всеми возможными — рефлексами):

I. *Искони; коньць*[1] — *начѧти из* (*na-ken-ti), русск. *начать* — *начьнѫ*, русск., с выпадением ь, *начну. Жьнѫ*, русск. *жну* — *жѧти*, русск. *жать*; *жьмѫ*, русск. *жму* — *жѧти*, русск. *жать. Възѧти*, русск. *взять* — *възьмѫ*, русск. *возьму. Надменный*, русск. из церк.-слав. *надъменьный* (первоначальное значение — «надутый») — *надѫтисѧ*, русск. *надуться. Гонити*, русск. *гонять* — *женѫ* — *гънати*, русск., с выпадением ъ, *гнать. Трѧсъ*, др.-русск. *трус* («землетрясение») — *трѧсти*, русск. *трясти.*

[1] Значения «начало» и «конец» во многих языках восходят к тому же корню: ср. серб. *начети* «начать» и *дочети* «окончить».

Русск. *помол — молоть — мелю* (ст.-сл. *помолъ — млѣти — мелѭ*). *Полоз* — др.-русск. *пълзти* (ст.-сл. *плазъ — плѣзати — плъзти*). *Воротить — веретено* — др.-русск. *вьртѣти* (ст.-сл. *вратити — врѣтено — врьтѣти*). *Раздор* — др.-русск. *дьрати*, русск. *драть — деру* (ст.-сл. *раздоръ — дьрати — дерѫ*). *Середа* — др.-русск. *сьрдьце*, русск. *сердце* (ст.-сл. *срѣда — срьдьце*).

Колоть — русск. *клык* (из **кълыкъ*) (ст.-сл. *клати*).

В случаях удлинения гласного в морфологических целях — возникают чередования **ь — и** (т. е. ***i : *ī**) и **ъ — ы** (т. е. ***u : *ū**); ср. ст.-сл. *начьнѫ — начинати*, русск. *начну — начинать*; ст.-сл. *бьрати — забирати*, русск. *брать — забирать*; ст.-сл. *ръвати*, русс. *рвать — разрывать*[1].

§ 8. Замечания о некоторых мелких явлениях в области гласных.

1. В соответствии диалектному *робёнок* и др.-русским *робя*, *робенокъ* (уменьшительное от *робъ* «раб»; к семантике ср. др.-русск. *паробок*, укр. *парубок* из «паробок», «парень, молодой человек»; укр. *хлопець* «парень» — пол. chłop и русск. *холоп*, чешск. otrok «раб») литературный язык имеет *ребёнок*. Фонетический ли это факт, сказать определенно трудно. Единственная параллель подобной ассимиляции — *теперь* из *топерь* (ср. др.-русск., Лавр. спис. лет.— топьрьво); диал. *топерь* (без *-ва*) — встречается уже, напр., в Путеш. Даниила игум. (Срезн. III, 979). Как бы ни объяснять последний случай (*теперво* засвидетельствовано уже в Прологе XIII в.)[2], по поводу первого возможна догадка о нефонетическом влиянии слова *жеребёнок*.

2. Русские говоры, наряду с этимологическим **ри**, знают переход его в **ры**: *грыб*, *скрыпка* и под.[3] Видимо, из таких именно говоров в литературный язык попало вместо старинного *крило*

---

[1] Подробную характеристику древнейших славянских чередований см., например, в книге А. Мейе, «Общеславянский язык» (русск. перевод), 1951, стр. 152 — 159.

Из новейшей литературы: André Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I. 1950, стр. 296—308.

Вдумчивый и содержательный очерк чередований гласных, важных специально для русского языка, дает статья П. С. Кузнецова.— «О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке»,— Изв. АН СССР, Отд. литер. и яз., 1952, том XI, вып. I, стр. 73—75.

[2] Возможно, что известное влияние на изменение *топерво* в *теперьво* — «теперь» оказало сходное по значению сочетание в *те поры*, широко распространенное в говорах. К возможной сближенности значения ср., напр.: «Не пригож(е) вамъ в тѣ поры («теперь») прочь от(ъ)ехати, а меня вам, государя, покинути одново в Киеве» (Барсовский список «Сказ. о киевских богатырях» перв. пол. XVII в.). Дело не обходится, однако, без больших трудностей — в украинском, напр., *тепер* (из «те + перь»; ср. *те* из «тоје»).

[3] В одних эта черта проведена последовательно, в других — в отдельных словах, причем условия изменения точно не установлены (ср. Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXXII (1927), стр. 325).

(ср. ст.-сл. *крило*, пол. skrzydło со смягчением r>rz) нынешнее *крыло*. Так уже в старинном языке; ср.: напр.; «*крылы* своими» — в Житии Нифонта 1219 г.; исполнь крылѣ львовыхъ ногтей (Сказ. о Псковск. взят., 12)[1].

Старинному ст.-слав. и древнерусскому *користь* «добыча», с которым этимологически совпадают, напр., чеш. kořist «добыча», пол. korzyść «польза», в современном языке соответствует форма с **-ры-** — *корысть*. Последняя засвидетельствована уже, напр., в XVII в.: «И струги у приезжих у торговых людей для своей *корысти*»... (Челобитье чернослободцев рязан., 1611 г.).

Другие слова с подобным переходом в литературном языке не удержались; напр.: «Уже бо скрыпѣли телѣги» (Задонщ.). Ср. еще у Державина, напр.: «Рев ветров, скрып дерев дебелых» (Водопад), у Пушкина: «И ревом скрыпок заглушен...» (Евг. Онег.), и др. Или у Баратынского — «Подобен он *скрыжали* той...», у Кюхельбекера — «И что ж ? — изгладьте счет с своей *скрыжали*». Употребление с **-ры-** в этом слове известно уже памятникам древнерусского языка; ср.: «Во святѣй же Софьи сохранени быша *скрыжали* Мойсеова закона» (Путеш. Антония конца XII в., по списку XV в.).

Но **барышня** — конечно, не прямо из *барична*, а под влиянием *барыня* (ср. и *сударыня*; суффикс **-ын-и**). В говорах, где *барони*, *сударыни*, там и **барошни** (см., напр., «Матер. для изучения великорусск. говор.», VIII, 1903 г., стр. 97).

Что касается частого в др.-русском (и диалектного теперь) *товарыщ* при *товарищ*: И те сторожи, Обрамко Иванов с товарыщи, сказали... (Пам. Смутн. врем., 185). Стоял он на карауле с товарыщи (Дело Ник., № 36). А с товарыщи, целовальники и сторожи... (Котош., 93), то тут скорее следует думать о влиянии суффикса **ыш** (**щ** произносилось здесь как **ш**), чем о фонетическом диалектном отвердении **р** и переходе **и** в **ы**.

В большинстве случаев положение **-ри-** > **-ры-** наблюдается после **к** или **г**.

3. Русское **серебро** не представляет собою отражения полногласия; ср. ст.-сл. съребро (сьребро). На вариант *сърѣбро*, *сьрѣбро* указывает укр. *срібло* (древнеукр. *срѣбро*). Возможно предположительное объяснение **-ере-** в этом слове как результата влияния на необычную группу многочисленных полногласных форм. Относительно этимологии слова см. Преображенский, Этимол. слов. русск. яз., II, стр. 278 — 279; VREW, II, 613.

4. В литературный язык несколько слов вошло в оболочке так называемого второго полногласия. Второе полногласие, повидимому, явление диалектное (особенность некоторых севернорусских говоров), и заключается оно в том, что рефлексы былого

[1] Ср.: «И тое верблюжью голову перед крилцом перед шахом...подняли...» (Хожд. на Вост. Котова, 108), хотя в другом слове у него же **-ры-**: крычат (100).

tъlt в закрытых словах получают за звуком **л** добавочное **о**: *молонья* (ст.-слав. млънии) «молния»; *посолонь* (ср. ст.-слав. слъньце) «по солнцу, по направлению от востока к западу»; *золовка* (ср. ст.-слав. зълва, впрочем при более новом зълъва); а рефлексы *tьrt при том же условии, за **р** получают е: *веревка* (ст.-слав. врьвь); *черемный* «рыжий» (ст.-сл. чрьмьнъ «красный»); *черен* (ст.-сл. чрьнъ). Ст.-славянским **лъ, рь** в этих случаях фонетически соответствуют древнерусские **ъл, ьр.**

Из относительно многочисленных случаев, встречающихся в сев.-русских памятниках, в нынешнем литературном употреблении остались совсем немногие: *долог*, *золовка*, *по́лон* (при *полн*); может быть, *остолоп* (к *столп*); *веревка*, *сумеречный*. Но *селедка*, при *сельдь*, восходит, вероятно, к *сьльд-(ъка).

§ 9. Отношения задненебных согласных.

Ряд различий в согласных, которые мы встречаем в родственных русских словах и формах, представляет факты уже дорусской древности. Чередования **к** и **ч** определяются древнейшим законом перехода **к** в **ч** перед гласными переднего ряда (палатальными) : *наука* : *учить*, *волк* : *волчий*. Чередование **к (ч)** и **ц** восходит к двум разным законам: а) переходу **к** в **ц** перед **ѣ** или **и** (последнее только в конечных слогах) из ***oi**, ***ai**: др.-русск. местн. пад. ед. ч. *вълцѣ*, имен. пад. мн. ч. *вълци* (ср. греч. οἴκοι «до́ма» : οἶκοι «домá»)[1] или б) переходу **к** в **ц** после гласных переднего ряда, если за ним не следовало гласных звуков **ъ, ы** или согласных: *лик* : *лицо*, др.-русс. *овьця* : *овьчий* (ср. др.-инд. avikā); *крикнуть*.

Параллельно этим выступают чередования **г — ж**: *друг* : *дружина*, др.-русск. *дружьба*; *лгать* : *ложь*; **г — з** (из дз): *луг*: др.-русск. местн. пад. ед. ч. *лузѣ*, им. мн. *лузи*; *друг*: : др.-русск. местн. пад. ед. ч. *друзѣ*, им. мн. *друзи*; *княгиня* (из кънагыни): *князь*; **х — ш**: *слух* : *слышишь*, *ухо* : *уши*; **х — с**: др.-русск. *послухъ* «свидетель»: местн. пад. ед. *послусѣ*, им. п. мн. ч. *послуси*; др.-русск. *духъ* : местн. п. ед. ч. *дусѣ*, им. п. мн. ч. *дуси*, и под.

Примечание 1. Для ряда случаев предполагаются уже древнейшие выравнивания, напр., падежей с разными рефлексами. Так, весьма вероятно, что два родственных суффикса для на-

[1] Различие интонации начального слога здесь указывает, соответственно законам др.-греческого языка, на разный характер количества (долготы) конечного гласного.

Вероятно, **ѣ** в окончании местного падежа единственного числа мужского склонения не первоначально (конечное древнейшее, «индоевропейское», ***oi** фонетически в славянских языках отражалось, по-видимому, только как **i**), а представляет результат очень древнего влияния склонения типа ржка, нога, соха — с местными ржцѣ, нозѣ, сосѣ, где **ѣ** из древнейшего дифтонга ***ai**.

званий растений **-ик(а)**: *земляника, клубника, ежевика* и **-иц(а)** (ср. в «Инструкции дворецкому Ив. Немчинову» XVIII в. «... и чтоб во всяком саду было гряды по три клубники, земляницы и костяницы») представляют в отношении согласных отражения разных положений: *-iку (может быть, также *-iką — винит. падеж ед. ч.), откуда **-iк-** и **-iка**, **-iсě**, откуда **-iс-**. Заметим, что русский язык обобщил преимущественно **-ика**, а украинский **-иця**: *суницi* «земляника», *полуницi* «клубника», *костяниця* и под.

Примечание 2. В слове *нельзя* (ср. вышедшее в литературном языке из употребления *льзя*) корень *-льг-* с переходом **г** после былого **ь-** редуцированного гласного в мягкое **з** (через промежуточную стадию мягкой аффрикаты **дз**). Русск. *польза*, с твердым **з** — церковнославянизм; в говорах есть *пользя*.

Старая огласовка корня отчетливо сохранена в белорусском не́льга. Старую же огласовку корня находим и в русск. *льг-ота*, укр. пiльга. Ср. и русск. XVIII века: «Молебен пет, а *польги* нет» (Кург., стр. 154).

Примечание 3. Др.-русск. и диал. *чепь* при литер. современном *цепь* (из *цѣпь*) в их взаимоотношениях не выяснены. С *чепь* ср. укр. *зачепити*, *чiплятися* и под.

Примечание 4. Остатки старинного изменения велярных в предложном падеже иногда встречаются и в нецерковнославянизированных (и вообще неархаизированных) текстах еще даже в XVI веке. См., напр., судебную грамоту времени Иоанна Грозного — Фед.-Чех., 1, № 45: *к нозѣ, на дорозѣ, в саадацѣ* (хотя ниже — *в саадакѣ*).

§ 10. Роль былого звука *j* (i͡).

Под влиянием последующего **j (i͡)** уже в пору, предшествующую образованию русского языка, произошел ряд изменений согласных. Частично эти изменения до сих пор определяют характер живых чередований русского языка. Сюда относятся:

1. Изменения **к, г, х** в **ч, ж, ш**: *токарь — точу, точить; мокнуть — мочу, мочишь; логовище — положу, положишь; друг — дружу, дружить;* (на)*спех — спешу, спешишь; сухой — сушу, сушишь*, т. е. *точу, мочу, положу, дружу, спешу, сушу* из *tokją, *mokją, *logją, *drugią, *spěchją; ср. **i** как примету класса во 2 л. ед. ч. и далее. Соответственно: *пла́чу* из *plakją, *колышу* из *kolychją и под.

2. **с, з — в ш, ж**: *писать — пишу, опоясать—опояшу, вязать—вяжу, грузить — гружу*. Древние слав. формы: *pisją, *vęzją и под.

3. **р, л, н — в р, л, н мягкие**: *говорю, творю, солю, пилю, женю* (ср. *говоришь, творишь* и под.) — вероятные: *govorją, *tvorją *solją и под.

4. Изменения группы **т + й, д + й** (tj, dj) относятся тоже к дорусскому, и рефлексация их в отдельных славянских языках

разная. В русском языке **т** + **й** дало **ч**, **д** + **й** — **ж**: *свечу—светишь, плачу — платишь, хочу — хотеть, брожу — бродишь, гляжу — глядишь.*

5. В существенном эти же замечания относятся к группам **ск** + **й**, **ст** + **й**, **зг** + **й**, **зд** + **й**. В литературном русском языке их рефлексы — долгое мягкое **ш(щ)** — из **скй**, **стй**, долгое мягкое **ж** — из **згй**, **здй**: *искать — ищу, пустить — пущу, простить — прощу, визг — визжу, ездить — езжу.* (Московское литературное произношение — иш̄ьу, виж̄ьу и под.).

Ср. еще в памятниках: «...Или тот лес обводной ... стоял порозжен...» (Межев. обыск 1606 г.); литер. *празд-ный* в народном русском соответствием должно иметь корень *порозд* — (другое образование — *порожний*). Иногда, видимо, этот самый звук передавался через **жд**, напр.: «А хто приедет *приеждей* человек с каким товаром нибуди...» (Уставн. грам. 1606 — 1610 г.), и под. Встречаются и написания вроде: «...ни конюхи мои с моими конми *не въежжают*» (Грам. в. кн. Марьи Благовещ. Киржацк. монаст. 1453 г.) или: «А волостели мои в околицю в его *не въещають*» (Грам. ряз. в. княг. Анны, между 1464 и 1501 гг.). В одном, например, списке Новгородской 5 летописи пишется: «...но пакы на зиму стоя вся зима пеплом, и *дожжем*, и громом» (под 6669 годом), а в других — «дождем».

В «Сказании о седми русских богатырех» по списку XVIII в. «*перевж(ь?)дают* богатыри Смугру реку...» и «*приеждяет* к нам другой богатырь».

6. Явлением же дорусской древности следует считать изменение групп **стр** + **й**, **зн** + **й** и под. (т. е. зубного + зубной, сонорного + j) (strj, znj) в **штрь**, **жнь** (štŕ, žń) и под.

Отражения этого явления представляет книжное (церк.-слав.) *изощренный, изощрю* и под. из *izostrjenъ, *izostrją и под. Продолжение этой самой тенденции имеем в старинных формах вроде: ...Быти от государя *кажнену* смертью (Наказ ямск. стройщику, 1585 г.). ... тех еси *кажненных* людей. ... о чем передо мною не поставил? (XVI в., Фед.-Чех., 1, № 45). А в котором числе он *кажнен* будет, и тыб отом писал к нам, великому государю (Мат. Раз., 1, № 4). Стенка Разин и с товарыщи пойманы и смертью *кажнены* (Дело Ник., № 94). ...И за то они, по их, великих государей, указу, *кажнены* будут смертию безо всякия пощады (Розыскн. дела о Фед. Шаклов., IV, Дополн., № 20). ... А кто дерзнет оное учинить... шелмован и из числа добрых людей извержен или и смертию *кажнен* будет (Приг. Прав. сената кн. Гагарину, 1721 г.). Ср. русск. диал. и укр. *дражню*. В «Юн. чест. зерцале» (29): ... Их пересмехая, тем *дражнят*.

После выпадения **ъ** вновь образовавшаяся группа **сл** перед **ю**, **є** перешла тоже в **шл**: *слать*, но **шлю**, **шлют** из **сълѭ**, **сълѭтъ** и под. Ср. подобный переход исконного **сл** в книжном слове: «Аще и *помышлю* быти патриархъ...» (Дело Ник., № 19). Совр. *мышление, промышлять* и под.

7. Восточно- и южнославянским является смягчение губных в положении перед **й — j (i)** в виде **бль**, **вль** и т. д.[1].

По аналогии остальных губных это же смягчение распространилось и на звук **ф**, полученный в заимствованных словах; ср.: *люблю*, *леплю*, *ловлю*, *ломлю*, *графлю* к *любишь*, *лепишь*, *ловишь*, *ломишь*, *графишь*.

Специальный вопрос представляет отношение **ск — ст** в нескольких словах: *блеск — блистать*, *пускать — пустить*, *ласка — ластиться* и др.

По-видимому, формы типа ст.-сл. *бльстѣти* — продукты аналогии: этимологическою является группа **ск**; ср. лит. blyškėti; по аналогии отношений **ст — щ** при формах вроде *блищати* (ср. словен. bliščati) возникали новые со **ст**. То же самое имеем в *ластиться*. Отправной пункт аналогии сохранен в белор. *прылашчыцца*. Наоборот, при *пускать — пустить* более первоначально **ст**, так как *пустить* представляет собою отыменное образование к *пуст* «пустой». При *пущать*, др.-русском и преобладающем в народном русском, возникло по аналогии отношений **щ — ск** новое *пускать* (встречается уже в Новгор. лет. по Синод. списку).[2] Ср. подобным образом возникшее при *пужать* к *пудить* «гнать» нефонетическое, вполне установившееся в литературном языке только с XIX века, *пугать*[3]. У писателей XVIII и даже начала XIX в. еще вполне обычны и *пущать* и, реже, *пужать*.

Подобные же отношения существуют между др.-русск. формами *ристати*, *ристаешь* и т. д. и *рищю*, *рищешь* и т. д. — с одной стороны, и *рискати*, *рищю* «бегать, скакать, носиться» — с другой. К первой группе ср. *ристалище*. Не вполне выяснена связь этих слов с *рыскать* и *рысь* (укр. *рись* и *ристь*). Варианты **-ст-:-ск-** известны уже старославянскому, — ср. Miklosich, Lexicon palaeoslov.-graeco-latin., стр. 800.

Не объяснена бесспорно нынешняя русская форма *перчатка*. В основе слова лежит *перст* «палец»[4] — **пьрст-ятъка* > *перщатка*. Ср. др.-русск.: Рукавицы перщетыя вязеныя, шолкъ шемоханской съ золотомъ (Выходы, под 1675 г.). Рукавицы персщатыя съ кистьми серебряными, низаны по мѣстамъ жемчюгомъ, подложены атласом лазоревымъ (Дело Ник., № 105).

---

[1] Полностью ли характеризовал этот переход древнеболгарский язык (в современном он отсутствует вовсе) и не был ли он ограничен специальными условиями, остается до сих пор не вполне решенным.

[2] К неустойчивости употребления ср. в Уложении царя Алексея: «бояром и воеводам ратных людей без государева указу с службы *нероспускати*» (гл. 907) и там же: «будет бояре и воеводы... ратных людей згосударевы службы учнут *роспущати* попоутлом».

[3] Б. Ляпунов, Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПБ, 1909 г.),— Сборн. отчет. о прем. и наград. за 1909 г., 1911, стр. 525—526.

[4] Ср. в «Материалах для терм. слов.», 307: Дати ... тивуну волочьскому рукавице *пьрстаты* готьские (Смоленск. грам. 1229 г.). Рукавичь *перьстатый* готьский (Русско-ливон. акты, 445).

К тому же звуку восходит и известное до сих пор на севере архаич. (б. Пинежск. уезда) *персьцятки* (Труды Комисс. по диалект. русск. яз., вып. II, стр. 15) и (напр., в псковском наречии) *першатки*[1]. Возможно, что в данном случае имела место позднейшая подстановка русского **ч** вместо **щ**, ощущавшегося как книжное. Ср. *падчерица* вм. «падщерица» (падъщерица).

Отсутствуют ожидаемые результаты йотации в причастных формах литературного языка *вонзенный*, *пронзенный* и *(за)клейменный*. Первая представляет только кажущееся отклонение, так как является образованием не от основы глагола *пронзить*, а от вышедшей из употребления формы настоящего-будущего *пронзу*; ср. «Словарь церк.-слав. и русск. яз., составл. Втор. отдел. Акад. наук», т. I и II, 1869 г.: «**Нзать** и **Нзить,** нзу, нзишь, *гл. ср.*, вышедший из употребления...». В др.-русск. ср.: Аг, призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь (Лавр. спис. летоп., 58).

В *заклейменный* обычное отсутствие **л** при **м**, по-видимому, результат диссимиляции с предшествующим **-ле-** в корне.

§ 11. Последствия утраты редуцированных гласных для качества предшествовавших им согласных звуков.

Вследствие о т п а д е н и я редуцированных гласных предшествовавшие им согласные оказались в абсолютном конце слова. Результаты такого положения сказались в следующих явлениях:

1. Конечные звонкие стали звучать в случаях, если за ними не следовали во фразе звонкие же, как глухие: *бобъ* > *боб* > *боп*; *городъ* > *город* > *горот* и под.

В ближайшей связи с этим стоит появление нового звука **ф**: *домовъ* теперь произносится «дамоф», *улов* — теперь «улоф».

П р и м е ч а н и е 1. В отдельных случаях новые фонетические формы с глухим согласным на конце слова узаконились во всей парадигме; ср. *тулуп* из старого «тулуб» — укр *тулуб*, род. *тулуба* «туловище».

П р и м е ч а н и е 2 Под влиянием отношений «звонкий — перед конечным гласным : глухой на конце слова» некоторые заимствованные слова получили в русском звонкость согласного, отсутствующую в слове-источнике; ср франц service — русск *сервиз*, род ед. ч. *сервиза* и т. д.; фр. esquisse — русск *эскиз;* фр caprice — русс. каприз, род ед. ч. *каприза*; греч. tormos «втулка» — русск. *тормоз*, род. ед. ч. *тормоза*.

2. Конечные губные отвердевали во всех случаях, где их не поддерживала аналогия других форм: *дамь* изменилось в *дам*, *ѣмь* в *ем*, *возъмь* (твор. пад. ед. ч.) — в *возом*, *рукавъмь* — в *рукавом* и под.

Как свидетельствуют памятники, явление это относительно

---

[1] В. Ч е р н ы ш е в, Псковское наречие. Труды Комиссии по русскому языку, 1931, т. I, стр. 197.

Ср. и сиб. *перстянки* «перчатки» в «Говоре старожильческого населения северной части Туруханского района», — АН СССР, Инст. языкозн., Доклады и сообщения, IV (1953), стр. 11.

позднее, значительно более позднее, чем отпадение звука **ъ**. В московском говоре оно засвидетельствовано только с XIV в.

Показания памятников убеждают, что и те факты, которые мы констатируем теперь, не представляют собою фонетического явления одной эпохи: отвердение губных наступило как результат своеобразной диссимиляции, раньше после палатальных гласных, чем после гласных велярных, т. е. некоторое время было еще *дамь*, *возомь*, но уже *ѣмъ* (ем), *конемъ*[1].

В единственной большой категории, где теперь литературный язык сохраняет конечные мягкие губные, — им.-винит. падеже ед. ч. образца *кровь*, сохранение мягкости — результат влияния других форм парадигмы (*крови*), с одной стороны, и мягкости окончания в этом типе склонения при других согласных (*плеть*, *грязь*) — с другой.

Что касается наречий типа *вновь*, то в них мягкость конечного согласного — явление, по-видимому, времени после отвердения конечных губных: здесь мягкость — результат редукции конечного гласного полного образования; ср.: ... Чтоб им в своей монастырской вотчине... учинити торг внове [«вновѣ»] (Грамота ц. Бориса на Белоозеро, 1602 г.).

Выпадение редуцированных сопровождалось такими изменениями согласных:

1. Глухие, оказавшись в положении перед звонкими, стали произноситься звонко: *молотьба* стало произноситься с мягким **д**, *косьба* — с мягким **з**, *съдоровъ* — «здароф» и под.

Древнейшие примеры отражения этой ассимиляции в памятниках встречаются с XIII в. Все они относятся к памятникам севернорусским.

2. Звонкие, оказавшись в положении перед глухими, переходили в глухие: *бъчела* (к старинной форме ср.: мед в бчелках, Лавр. спис. 43 об., укр. *бджола*) изменилось в «пчела», *узъко* изменилось в «уско», *коробъка* в «коропка» и под. В памятниках этот переход находит свое отражение несколько позже, чем первый, — с XIV в. Аналогия украинского языка позволяет предполагать, что он и фактически совершался позднее.

В связи с ассимиляцией звонких согласных стоит появление звука **ф**: *ковъка* > кофка, *ловъко* > лофко.

3. Губные и зубные согласные (кроме **л**) отвердевали в положении перед зубными: *ровный* из *ровьн-*, *славный* из *славьн-*, *верный* из *вѣрьн-*, *грязный* из *грязьн-*. Отвердели эти же согласные перед **-(ь)ск, -(ь)ств**: *бабский* (из *бабьск-*), *земский* (из *земьск-*), *земство* (из *земьство*), *родство* (из *родьство*), *женский* (из *женьск-*) и под.[2].

---

[1] **ь** и **ъ** в таких написаниях, конечно, уже только знаки мягкости или твердости согласных.

[2] В сев.-русских говорах (отчасти и в других) изменение этих групп совершилось в другом направлении — они отразились в виде **«ськ», «сьво»**: *женьськой*, *отецесьво*.

4. Согласные, разные в разных диалектах, получили смягчение перед следующими мягкими. Наиболее распространено в таком положении смягчение **с** и **з**: зъдьэлатъ (сделать) из «съдѣлати», съвьэсьитъ (свесить) из «съвѣсити». Перед **j** (**й**) смягчались все согласные, способные выступать как мягкие: абьйавьитъ (пишется *объявить* или *об'явить*), разьйасьньитъ (пишется *разъяснить* или *раз'яснить*), пьйаный (*пьяный*).

5. Звук **к** подвергся диссимиляции в **х** в положении перед **к** и **т**: из *мякъко* получилось «мяхко», из *ногъти* — «нохти», из *къто* — «хто». В памятниках читаем, напр.: А пред ним висит крест злат полутора *лохтий* (Путеш. Ант., стр. 77). ...Лета 7094-го *охтября* в ... день (Наказ новгор. воевод стройщику Вышневолоцк. яма Матв. Крекшину, 1585 г.). Пришедше же к государской грановитой палате *х красному* крыльцу, со оружием стояша много... («Созерц. краткое» С. Медв.)[1].

Контаминацию старого *мягок* и форм типа *мяхко*, старого *ноготь* и форм типа *нохти* представляют mяhok и hohotь.

В литературном языке произношение «хто» почти полностью уступило место орфографическому *кто* (ср., вероятно, более раннее параллельное изменение **гд** в **hд** — kohда, tohда; — группа **гд** существовала уже в ст.-слав.: *къгда*, *тъгда*).

Обращает на себя внимание контаминированное написание: «...в посошных людей имати со всех без омены, чей кхто ни буди» (Дела Тайн. приказа, II, стр. 578, 1602 г.).

6. **ч** перед **т** диссимилировалось в **ш**: *чьто* перешло в «*што*».

7. С XIV—XV вв. памятники свидетельствуют переход **чн** в **шн**: Не люби потаковщика, люби *встрешника* (Стар. сборн. пословиц, XVII в.).

...добрыя кони на *окарашки* падают..., (Барсов. список «Сказ. о киевских богат.», первая пол. XVII в., 464—465) — из *окарачки (ср. нар. *окарачь*).

...опричь душегубства и татьбы и разбою с полиш**н**ым (грам. XVIII в., — Крепост. мануф., III, № 43, IV). Ср. там же: ...а кому у них лучитца выняти полич**н**ое...

Колебание между орфографической и произносимой формой отражается, напр., в том же самом документе — отписке новгор. воеводы 1602 г. (Дела Тайн. приказа, II): «...и верхновному (sic!) человеку проехать *не мочно*» и «...и мосты и по ся места не мощены и проехать ими *не мошно*».

Сохранение в литературном языке **ч** перед **н** находим теперь или в результате действия грамматической аналогии: *начну* —

---

[1] Ср. из старинного языка примеры изменений предлога **к**: ...Две скобы железные лужены к дверем к избным и *х* клетным... (Книги расходн. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г.). ...И ссел с лошади на ступень большие лесницы *х* красному крыльцу. . (Выписки о приезж. на Москву царевичах... с 1552 г. по 1618 г.). ...И та грамота, которая писана *х* королю... (Спис. с грам. к ц. Ивану Вас. от Констант. патр. Иоасафа, 1561 г.).

начинать, ночной — ночь, или как факт книжного влияния: *вечно, млечный* (путь) и под.

В нескольких случаях установлению книжных форм могла способствовать и опасность омонимии: ср. *научный, точно* и под.[1].

В народной речи количество форм с переходом **чн** в **шн** значительно больше[2].

8. Сочетание **чч** диссимилировалось в **тч**: *кабачьчик* изменилось в *кабатчик, потачьчик* — в *потатчик*, причем подобные формы оказались в дальнейшем, за единичными исключениями, узаконенными в письме.

9. **щ** перед согласными изменилось в **ш**: «клещьня» (ср. *клещи*) перешло в *клешня* (у рака); из «пещьня» (ср. *пест*) явилось *пешня* «лом для колки льда»; из «пригорщьня» (ср. *горсть*, пригърꙑщѣ — в Жит. Феод. Печ. по сп. XII в.) — *пригоршня*; из «тъщьно» (ср. *тоска*) — *тошно*; из «плющька» — *плюшка*; из «горщька» (род. ед.) — *горшка*, откуда затем, по аналогии подобных форм, — *горшок* (ср. укр. *горщок*); из «плащьмя» (ср. др.-русск. *плащь* «пластинка») — *плашмя*; к *площька* (напр., в грамоте в. кн. Софьи 1450 г.: «...ни с варниц площок не емлют...») — *плошка*. — Заслуживает внимания, что это единственное фонетическое явление в области согласных, вызвавшее последовательную деэтимологизацию (разрыв старых смысловых связей).

Примечание. *Потчевать* «угощать» восходит к корню «чьсть»; ср.: почщивается (Григ. Богосл. XIV в.), потщиваху (кн. Паралипоменон в перев. с лат.); сев.-русск. *потщую*. Видимо, **чщ** давало подобно **чч**, переходившему в **тч**, — **тщ**. Установление в литературном (народном) языке **ч** отражает, вероятно, или дальнейшую (не общерусскую) диссимиляцию, или русификацию этого слова под влиянием сознаваемого отношения «церковнослав. **щ**: русск. **ч**» (см. в § 10 о слове «перчатка»).

10. Относительно большую категорию представляет упрощение группы **бв** в **в**: объвьртъка > *обертка*, объволочька > *оболочка*.

[1] Вопросу о переходе **чн** в **шн** посвящено специальное исследование С. П. Обнорского — Сочетание **чн** в русском языке. Труды Комиссии по русскому языку Ак. наук СССР, 1931, стр. 93—110. Обнорский думает, что «ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием **чн** фонетически обеспечивала сохранность **ч** в данном положении». Мнение это, однако, не подтверждается фактами: фонетическую форму *ношной* см., напр., в «Делах Тайн. приказа», III, стр. 11, 1669 г.: «177 г. июня в 23 день, и оддачю часов ношных, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович.. изволил витьт (sic!) в монастыри в Знаменской, в Златоустовской... и в Петровскую Богадельню...»; «Ношному шемахинскому асабашею дано пара соболей...» (Дела Тайн. приказа, III, книги перс. товаров, 1663—1665 гг.). «Ношная какушка денную перекоковывает» (Стар. сборн., № 1792). Если теперь у нас обычно *мучной*, то в рукописях И. А. Крылова было *мушной*, укр. *рушниця* «ружье» указывает на стар. «рушный» и под. К *речной* «решной» ср. название речной выдры — *порешня* (Больш. совет. энцикл., I изд., «Выдры». у Даля — *поречня* «норка»).

[2] Характерны в памятниках гиперизмы — употребление **чн** вм. **шн**, где **ч** не существовало и в прошлом; так, пишут, напр.: Купил *порочницу* («порошницу» — от слова «порох») нову на зелья, дано за *порочницу* шесть денег (Книги расходн. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г.).

Ср.: обетшала (Домостр., 58); обетшалые (Ломон.); ...и мне, князю великому, того *обинити*... (Догов. грам. вел. кн. Василия Вас. с галиц. князьями Дмитр. Шемякой и Дмитр. Красным, Юрьев., 1434 г.); ...приговорил истца Семена Маркова *обинить*... (Суд. дело, 1649 г., Фед.-Чех., II, № 118); ...а их Михайила и Федора приговорили по тем же крепостям и досмотрам и сыскам *обинить* делом (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134); «...дабы *обыкали* круче голову держать» (Регула о лошадях, XVIII в.).

11. Не получила в литературном языке значительного распространения довольно широко распространенная в говорах диссимиляция **$\text{н}^{\text{ь}}\text{н} > \text{л}^{\text{ь}}\text{н}$**; см. в грамотах XV—XVII вв. частую замену *жалованная* (грамота) — *жаловальная*, причем, впрочем, не исключена и роль семантического момента (образований на **-альн-**); *священник* из *священник*, *посланник* из *посланник* (в грамотах XVII в.); ...и *десятильники* [десятинники] не судят их ни в чем... (Жалов. грам. ц. Василия, 1606 г.). Изредка, напр., у Пушкина в «Послании Галичу», встречается *песельник* вм. *песенник*; ср. и у Давыдова, Взятие Дрездена, 1836 г.: «Тогда мы подвинулись вперед, и *песельники*, ехавшие впереди Бугского полка, залились...»; *москотильный* (товар) — «красильные и разные аптечные припасы, употребляемые в ремеслах, фабричных и промысловых производствах» (Даль); ср. *москотина* (в грамоте до 1491 г. — москотинник); путь изменения, по-видимому, *москотина (корень — из перс. mušk «мускус») — «москотинный» и под.; **-тельный** — под влиянием известного суффикса. Из *москатильный* «москательный» позже отвлечено имя существительное *москатиль*, *москатель*. А. И. Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 109) диссимиляцию **$\text{н}^{\text{ь}}\text{н} > \text{л}^{\text{ь}}\text{н}$** видит также в *остальной* (ср. диал. *останный*). Возможно, что диссимиляцией **$\text{н}^{\text{ь}}$** и **н** на расстоянии является просторечное *напраслина* из *напраснина.

Кроме тенденции собственно-фонетической, во всех подобных случаях надо принять дополнительное влияние образований вроде: *целовальник*, *гусельник* и под.

12. Слово *назойливый* (из *на-золь-лив-ый, — ср. укр. *назола* «строптивый, непослушный», *назолити* «досадить»[1]) дает основания догадываться о диссимиляции **$\text{л}^{\text{ь}}\text{л}^{\text{ь}} > \text{йл}^{\text{ь}}$**; что касается народн. *гульливый*, *шальливый* (Грот *шалливый* считал литературным), то в них **л**, видимо, восстановлено ассоциацией с соответствующими глаголами. — Иначе Фасмер, REW, II, 1941.

Из случаев **выпадения** согласных (главным образом — зубных), оказавшихся после выпадения редуцированных гласных в положении перед другими согласными, отметим еще такие, которые могут представлять затруднения при истолковании:

[1] Менее вероятна этимология А. Преображенского, Этим. слов. русск. яз., I, 252, под *зиять*: «диал. арх. зой *крик*, *шум*. Сюда же назойливый, назойливость». Ср.: «Продают товар збойством, а купят назойством» (Старин. посл., XVII в.; написано назо'ством).

Берцовый — из «бедрьцовый». Ср. **бе́рце, берцо** «голень»: «... у другова на правой ноге поперег *берца* рубец посечено...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Гончар — из «горньчар»; ср.: у горнчара, в моск. грамоте до 1460 г. В Новгор. зап. кабальн. книге за 1596 г. встречается фамилия *Горончаров*.

Почва. Потебня, К истории звуков, IV, Русск. филолог. вестн., 1883, стр. 82, объяснял это слово как восходящее к подъшьва — «подошва». Семантическую параллель представляет диал. (олонецк.) *подошва* «почва». У Державина: «Быть может, горы провалятся. *На пошве* их моря явятся».

«Пошва» в значении «почва» употребляет и П. А. Вяземский (Остаф. архив, II). Трудность со стороны фонетической (из «подъшьва» закономерно могла возникнуть только форма *подошва*) устраняется догадкой о том, что первоначально соответствующее образование звучало **подъшьвь*, откуда в им. п. ед. ч. должно было явиться **подшевь* >**почевь*, а в косвенных — **подъшьви* > **подошви*. Параллель к русск. *почва* представляют диалектн. чешск. počev, род. ед. ч. počvu, и počva, род. п. ед. ч. počvy «подошва». Форма *пошва*, свидетельствуемая Державиным и Вяземским, может быть, отражает диалектную рефлексацию образовавшейся группы «дш»: «В тот миг, как с *пошвы* до конька... Мое строение слегка С своим обозревая рядом...» (Держ., Ко втор. соседу).

Стакан (др.-русск. *дъстъканъ*); *досканец* — из «дъстъканьць», напр., у Державина, Видение мурзы. На параллелизм форм с **дъ** и без **дъ** указывает текст из «Дела Ник.», № 105: Пять достоканцев да рюмка, стекляные и: Дюжина стаканов, Четыре чашки да пять стаканов среднихъ.

Хорь, хорек — из *дъхорь*; ср. укр. тхір, пол. tchórz и под.

Чан. Первичная форма *дъщачь* от *дъска*. В грамоте XV в. засвидетельствовано тщанъ (Собол.), в «Домострое» — во тчанехъ (60), во тщанехъ, тчаны (Собол.). В № 102 «Дела Ник.» читаем: тщанъ квасной, 2 щана, в № 105 — щанъ елевой тритцать ведръ.

Форма *щан* до сих пор сохраняется в олонецком говоре (Собол.). По-видимому, литературная форма — продукт отвлечения и сочетания *из щана* — «ишчана» — с осмыслением *из чана*.

Очнуться. Слово родственно с *очутиться*, ст.-слав. *оштютити*, пол (o)cucić и восходит к *ot-jьt-nǫti sę (ср. литов at-jus-ti «ощущать, чувствовать»); **t** фонетически выпало перед **n**[1].

Примечание. Славянские языки на древнейшей стадии не имели закрытых слогов. Последние образовались на почве отдельных славянских языков в результате отпадения и выпадения редуцированных гласных. Но предлоги-префиксы типа из-, раз- и под., как свидетельствует еще старославянский, были

[1] А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., каф. русск. языка, вып I, том V, 1941 г., стр. 83. Другие объяснения см.: А. Преображенский, Этим. словарь русск. яз., I, стр. 673.

известны и без редуцированных. Наша орфография узаконила в одном случае старое образование с выпадением **з** при префиксе **раз-** в положении перед корнем, начинающимся с **з**: *разинуть*—ср. болг. (*да*)*зина* «открыть рот», сербск. *зинути* и под.

Что касается слова *разорить*, которое Ломоносов, напр., писал с двумя **з**: «Воззрим на венценосну внуку, Что злых советы *раззоря*, Приемлет скиптр в Геройську руку...» (Ода II) и в параллель которому существует диал. *зорить* «разорять» (ср. у Державина: «... *Зорят* жилища, жгут...», — Умиление), то **з** в корне его не первоначально и явилось в результате народного переосмысления префиксального глагола *разорить*. Правильная этимология слова ясна из ст.-слав. *орити* «ронять, заставить падать», серб. *орити* «разрушать»; литов. ardyti «разделять»: irti. См. еще стр. 130.

Относительно редкие случаи выпадения **й** представляют явившиеся в ускоренном темпе произношения *поди-ка* и *небось* (частица). Параллель к последнему отмечалась (Э. Френкелем) в литовск. nebjok — nebijok.

§ 12. Ассимиляция и диссимиляция согласных; метатеза, выпадение, вставка.

1. **Ассимиляция согласных**[1], непосредственно не соприкасающихся, характерна главным образом для случаев забвения этимологии слова. Сюда относятся немногочисленные слова литературного языка: *чечевица* — из др.-русск. *сочевица; почечуй*—из«почечуй» (Собол.); *шершень* — из «сършень»: ст.-слав. *сръшень* (срьшень); ср. и др.-русск. *серша* «оса», чеш. sršeň, пол. szerszeń и под.; *шершавый* — из «сьршавъ»; ср. *серхъко* (Mikl., Lex. palaeoslov., 877).

Все примеры, относящиеся к литературному языку, представляют, как видим, ассимиляцию зубных (гл. обр. **с**) последующим шипящим.

2. **Диссимиляция** на расстоянии встречается в литературном языке почти только в заимствованных словах и относится главным образом к случаям с плавными не перед подударным гласным: *верблюд* — из ст.-слав. вельблѫдъ (древнейший известный восточнославянский пример в Помянн. Киево-печ. лавры XVI в.); *февраль* — из лат. februarius, новогреч. februarios (засвидетельствовано с XIV в. в южнорусск.); *флюгер* — из швед. flögel. Ср. и случай выпадения **р**: *кочегар* — из «кочергар». Осталось диалектным «пролубь» из *прорубь*, ср.: ... Иные прорубали большие и малые пролуби... (Болотов, письмо 20). Прорубили для сего маленькую пролубочку... (там же).

Перепелица возводят к «пелепелица»; ср. *Пелепелкинъ* в грамоте конца XV в. и *пелепелка* в песнях начала XVII в., записанных для Рич. Джемса; *пелепелица* (так 3 раза) при *перепелицу* в Сбор. XVII в., Бусл. Хрест., 1409 стр., но случай этот спорен, потому что почти во всех славянских языках в начале **р.** — Об ассимиляции соприкасающихся согласных см. § 11.

[1] О диссимиляции гласных см. выше.

В *пожёлкнуть*, *пожёлклый*, из жьлт-, вероятно, осуществилась диалектная диссимиляция непосредственно соприкасающихся согласных в группе **лтн**, **лкн** (зубной согласный среди двух зубных изменился в велярный).

Параллель слову *пожелкнуть* представляет вышедшее из употребления *болкнуть*; ср. у Сумарокова (Мид): «Но чтоб о том болкнуть, Он ямку прокопал И ямке то болкнул!» От *болкнуть* в этой же басне производное *болклив*.

Диал. *досточка* из дъскъчька возникло диссимиляцией двух **к**.

Шерсть из сьрсть (ст.-слав. *срьсть*), вероятно, возникло не диссимиляцией, а в результате влияния *шершавый*[1].

О диссимиляции **кк**, **кт**, **чч** см. § 11.

3. Немногочисленны в русском литературном языке случаи **метатезы** (перестановки), относящиеся главным образом к заимствованиям. Таковы:

Канифоль — из итал. colofonia или нем. Kolophonium. Ср. *колофония* у Ломоносова.

Марганец — нем. Manganerz. Метатезе способствовало осмысление конца слова как суффикса (*-ец*), часто сочетавшегося с суффиксальным элементом *-ан-*(*-анец*).

Мольберт «подставка, на которой помещается холст на подрамнике или доска для работы художника» — нем. Malbrett — собственно — «рисовальная доска». При метатезе в этом слове, возможно, действовал какой-то иностранный образец, даже вовсе не связанный с данным словом по смыслу.

Сниток (снеток, сняток) «небольшая рыбка, водящаяся в северной Европе, озерная корюшка». Ср. нем. Stint, пол. stynka. Первоначальность именно **и** (а не **е** и **я**), как заметил Я. К. Грот, Филол. разыск., 4 изд., 1899, стр. 926, подтверждает старинная форма *снитейный*.

Тарелка — пол. talerz, нем. Teller. Ср.: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и торелка, четыре торелки оловяных (там же), но: на талерке, около своей талерки (Юности честн. зерц., 14).

Футляр — пол. futeral, нем. Futteral. Метатеза, особенно частая вообще при плавных, поддержана в данном случае, видимо, влиянием окончания *яр* (адаптированного в ряде заимствованных слов под суффикс).

Что касается *крокодил* и *мрамор*, то вероятнее, что они уже заимствованы с перестановкой: ср. греч. krokódeilos при средн.-греч. korkódeilos; в др.-русск., впрочем, встречается *коркодилъ*; русскому *мрамор* соответствует греч. mármaros, лат. marmor, но форма *мраморъ* была уже в старославянском. «...Ни расцвечена марморами саду» у Кантемира, вероятно, новый латинизм.

---

[1] Специальная работа о диссимиляции в русском — С. П. Обнорский, Заметки по русской диалектологии, 3, Slavia, XI, 1932.

По-видимому уже с перестановкой заимствовано из украинского *бондарь* (ср. русск. диал. *бодня* «род бочки», пол. bednarz «бондарь» и под.).

Из русских метатезную форму обнаруживают: *жмурить* из *«мьжурити», *ладонь* из «долонь», *сыворотка* из «сыроватка». (О всех их как явлениях народной этимологии см. в § 14). Ср. еще: *твердый* из «терезвый», обычно — *трезвый* (из ст.-слав.); предполагают для этого слова влияние *твёрдый* (характерно в этом отношении псковск. *патверёже* «потверже») и былинное *гусли яровчатые* из «яворчатые» в результате утраты этимологического понимания слова.

4. **Гаплологические** факты, относящиеся к целым слогам, представляют только немногочисленные случаи: *дикобраз* (из «дикообраз»), *радушный* (из «радодушный»), *сиворонок* (из «сивоворонок»), *залихватский* (из «залихохватский»), *курносый* из др.-русск. *корноносый*, ст.-слав. крънонос (ср. *окорнать* «обрезать»), *шиворот* из *шивоворот (с первой частью Соболевский сравнивает в Чудовск. Новом завете XIV в.; жесткошивии — «жестоковыйные»). Ср. и *пряник* из «пьпряникъ» (в корне слова — пьпьръ из греч. péperi «перец»).

Своеобразной гаплологией является заимствованное из греческого слово *литавры*. В греческом оно звучало *polytauréa, откуда tauréa. Из постоянного употребления «бить по политаврам» (ср., напр., в «Хожд. на Восток Котова» начала XVII в., где это сочетание встречается особенно часто, или еще в XVIII в. — у В. Петрова «К вел. государыне»: «... То *в политавры* он, то в барабан ударит») через гаплологию получилось «бить политаврам», откуда «по литаврам» и «литавры»[1].

Слова *минералогия* (собственно «минералология»), *трагикомедия* (ср. «трагико-» и «комедия») в гаплологическом виде существовали уже в языках-передатчиках. *Трагикомедия* в таком виде выступает уже у римского комика III—II в. до нашей эры Плавта.

В условиях ускоренного произношения вместо родительного и других одинаково звучащих падежей от числительного *шесть* в древнерусском и в нынешних говорах явилась форма *шти*. Форма эта в древнерусских текстах господствует. Засвидетельствована она с 1284 г. в «Рязанской кормчей» и, может быть, позднее отмечена еще даже в XVIII в.: «...свеч сальных по шти пуд» (Инстр. дворецкому).

5. К случаям вызванной фонетическими условиями вставки согласных относится появление звуков **т, д** в группах **ср, зр**[2].

---

[1] М. Фасмер, Греко-славянские этюды, III. Греческие заимствования в русском языке, 1909, стр. 115.

[2] «В «встретить» .. (ср. *сретение*), «остров», «струя», «страм»... и т. д. **т** явилось в артикуляции перенимающих потому, что кончик языка, поднимаясь из зазубного положения для с в положение для р, слегка задевает десну и этим производит акустический эффект, несколько похожий на слабый альвеолярный затвор, что могло вызвать у перенимающих полный зубной затвор,

В слове *встреча* **т** вставлено после выпадения редуцированного гласного, находившегося между **с** и **р**; ср. церковнокнижн. сретение (сърѣтениѥ): корень—рѣт (обрѣсти «найти»). Устрѣтоша, устрѣте уже в Прологе 1262 г.

В говорах и мещанской речи распространены в измененном виде церковнославянизмы *ндрав* (*нрав*), *страм* (*срам*). Несколько реже вставка **т**, **д** в русских словах: *стражаться*, *струб* и др. Те и другие отражены в памятниках разного времени. Своеобразный случай вставки **д** имеем в «Сказ. о кѣевск. богатырех» нач. XVII в. — «И всю свою *здбрую* богатырьскую...» (ср. обычное *збруя* — полонизм), где между **з** и **р** находится еще согласный **б**.

§ 13. Звук *h*.

В дореволюционном литературном произношении в нескольких словах был известен звук **h** вне комбинаторных условий[1]. *Бог*, *господин*, *благо*, *богатый* у людей, последовательно произносивших **г** как лат. **g**, звучали с **h** (на конце слова — с **х**). Такое произношение существовало не только в литературном языке[2], но было известно и народным говорам. В этом убеждают, напр., сделанные на севере записи былин, где слова с звуком **h** по преимуществу те именно, которые так произносились и в литературном языке.

В корне «господ-», где **h** начинало слово, оно в диалектах отпадало и заменялось звуком **в**. *Восподи*, *восподин*, напр., в Пермском окр., Уральск. области (раньше — Оханск. уезд, Пермск. губ.), восходят, по всей видимости, к таким именно формам. А. А. Шахматов (Очерк. соврем. русск. литер. языка, изд. 3, стр. 45—46) в звуке **h** указанных слов видит наследие древнекиевского произношения, получившего широкое распространение среди духовенства других восточнославянских областей[3]. Эта

облегчающий артикуляцию» (А. И. Томсон, Общее языковедение, 2-е изд., 1910, стр 266).

Дорусской древности принадлежат такие факты, как *пестрый* из *pьs + r (ст.-слав. пьстръ; корень — *pьs «писать»: ст.-слав. пьсати, пишѫ, собственно — «исчерченный»); *острый* — к корню ср. греч. akis «шип», лат. acer «острый» и под.; *струя* — санскр. sravāti «течет» (того же корня в иной огласовке — *о-стров*: внутренняя форма — «обтекаемый»); *ноздря* (ср. *нос* и литов. nasrai «пасть»); уже в старославянском — *ноздри* (им. п. ед. ч. *ноздрь*). Вставное *d* выступает и в других славянских языках; А. И Соболевским (Лекции, стр. 115) отмечены, впрочем, в Ряз. кормчей 1284 г. и диал. «совремeн.» *нозри*.

[1] О *mohda*, *kohda* и под. см стр. 118.

[2] О нем в настоящее время см. Д Н. Ушаков, «Звук **г** фрикативный в русском литературном языке в настоящее время», Сборн статей в честь акад. А И Соболевского, 1928.

[3] Возможно, что явление того же порядка представляет др.-русск. *княини* («княгини»): «...и яз, *княини* великая, сужу их сама» (Грам. в. кн Марьи Благовещ Киржацк монаст., 1453 г.), — ср там же: «А через сю мою грамоту великие *княгини*...»; но, конечно, при словах этого рода необходимо также считаться со специальною ролью темпа их произношения.

догадка очень правдоподобна (ср. *оспода*, *осподинъ*, *осподарь* и под. в московских и под. памятниках XIV в. и позднейшего времени[1]), хотя приходится также, говоря о звуке h в литературном русском произношении, учитывать и роль высшего духовенства из украинцев, влиявшего в этом же направлении в XVII и XVIII вв.

§ 14. Звук ф.

Звук **ф** (глухой губно-зубной спирант) не принадлежит системе согласных древнейшего славянского языка. В русском, как и во всех славянских языках, в положении перед гласными звуками **ф**, как правило, является в настоящее время соответствием такого же звука (или похожих на него) в тех иностранных языках, из которых заимствовано слово, где он выступает: *физика* (греч.), *фауна* (лат.), *фельетон* (франц.), *фойе* (франц.), *фагот* (итал.), *феномен* (греч.), *фирн* (нем.), *фата* (тюрк.), *фарс* (франц.), *феска* (араб.), *морфология* (греч.), *шафран* (араб.).

В дореволюционном письме для обозначения губно-зубного спиранта в положении перед гласными звуками употреблялись, в зависимости от происхождения этого звука, две разные буквы **ф** и **θ** («фита»). Первая употреблялась в случаях, когда передавался звук **f** или **ph** (аспирированное **p**) соответствующих языков, например: *фонтан* (итал. fontana), *филигрань* (франц. из итал.), *фаворит* (франц.), *фактор* (лат.), *филолог* (греч., в латинской передаче — philologus), *фонетика* (греч.), *филиппики*, *фазан*; вторая — для передачи греческого ϑ (**th** — аспирированного **t**), в позднегреческое время произносившегося также как **ф**. Два разных имени, например, — *Евфимий* (*Ефим*) — греч. Εὐφήμιος — первоначально, вероятно, «произносящий речи с хорошим предзнаменованием» и Εὐθύμιος «доброкадящий; благовонный» и под. на русской почве звучали одинаково. До 1918 года писалось (почти исключительно в собственных именах греческого и в немногих древнееврейского происхождения): Θаддей, Θалалей, Θома, Θракия, Θукидидъ; ГолгоΘа, ГоліаΘъ, ЮдиΘь и под[2]. В первой половине XIX века часто там, где греческое ϑ теперь читается как **т**: теократия, лабиринт и т. д., писалась и произносилась как **ф** — фита.

Очень невелико, можно даже сказать — ничтожно, количество случаев, когда звук **ф** в таком положении (перед гласными) встречается не в иностранных по происхождению словах, а в словах чисто русских, но междометного происхождения — *тьфу!*

---

[1] Любопытно «знаменитое известие новгородской летописи под 1476 годом: «Той же зимы нѣкоторыи философове начаша пѣти: О господи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй» (А. Н. Пыпин, История русской литературы, изд. 4, 1911, том II, стр 64).

[2] Список соответствующих слов см., например, в известном руководстве Я. К. Грота «Русское правописание», девятнадц. изд., СПб, 1910, Справочный указатель, стр. XLII—XLIII.

фыркать, фифи (название птицы); очень редко также — в некоторых словах темного происхождения — *филин* (птица), *дрофа* (дрохва) (птица).

Как звук русской фонетической системы **ф** появился в ряде говоров после утраты (отпадения и выпадения) редуцированных гласных, вследствие чего этимологическое **в**, раньше находившееся в положении перед соответствующими редуцированными гласными, оказывалось или в абсолютном конце слова, или в положении перед глухими согласными в начале и в середине слова: рыбаковъ (род. падеж множ. числа) — рыбаков — рыбакоф, новъ — нов — ноф; любовь — любовь — льубофь; стави — ставь — ставь — стафь; давъка — давка — дафка; *рывъкъмь — рывком — рыфком и под. Такой переход стал стойкой особенностью фонетики и литературного языка.

§ 15. «Народная» этимология

Так называемая народная этимология проявилась, можно предполагать, в таких словах установившихся в качестве литературных:

Белокурый восходит, вероятно, к *белокаурый (ср. *каурый* — «светло-каштановый, желто-рыжий», — масть лошадей), хотя не исключена и возможность, что *кур-* здесь первоначально значило «птица — курица».

Близорукий — из **близорокий*, в свою очередь восходящего к *близозорокий (корень тот же, что и в старославянском зракъ), подвергшемуся действию гаплологии; осмыслилось ассоциацией с *рука*.

В памятниках можно встретить примеры и другого направления в осмыслении слова, напр., в одном из документов Новгородской записной кабальной книги (1603 г.) читаем: «Жона его Улита ростом середняя, рожеем смугла, глаза белы, *призорока*, лет в полтретьяцать».

Веер — нем. Fächer. Под влиянием *веять*.

Верстак — нем. Werkstatt. Осмыслилось сближением с *верстать*.

Всклокоченный (наряду со *всклоченный*). В основе слова лежит понятие о клоке, клочьях; ср.: «И всякой, как дитя, чесать волос не хочет, Пока их всклочет» (Крылов, Гребень). Ассоциировалось с чуждым по смыслу *клокотать*.

Вязига «высушенное сухожилие красной рыбы». Как показывают другие славянские языки: укр. *виз* «белуга», *визина* «осетрина», пол. wyza, wyzina, чеш. vyza, первоначально корню этого слова, заимствованного славянами из нем. Hausen «белуга», др.-верх.-нем. hūso, принадлежало **ы**. *Вязига* (ср. и *визига*) — продукт осмысления при помощи *вязать*.

Гортань вм. гъртань «гортань» под влиянием *горло*. Форма *гъртань* засвидетельствована с XIII в.

Государь, откуда далее **сударь**. Слово восходит к первоначальному *господарь* (ср., например, др.-русск. господарь, осподарь, серб. госпо̏да̄р, болг. господа́р и под.). На русской почве оно, вероятно, как-то ассоциировалось с *суд (судья)* и подверглось соответствующему изменению [1].

Жмурить — из *мьжурити: русск. диалектн. (пермск.) *зажжурить*, чешск. mžourati; др.-русск.: «Он же *сомжаривъ* очи, предаст дух в руцѣ божии» (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом). *Мьжити* ассоциировалось с *жму* («сжимать»; группа *жьм-* широко представлена и в других славянских языках; ср. Преображ., Этим. слов., I, 235).

Зимородок «птица, Alcedo, например, «голубой зимородок — «Alcedo atthis L». С рождением зимою птица не имеет ничего общего. По разъяснению, устно полученному от известного орнитолога профессора Н. В. Шарлеманя, название представляет искажение — осмысление польского названия этой птицы (названия, впрочем, вряд ли широко распространенного) ziemiorodek, т. е. «родящий на земле»; ср.: «Любимые места обитания зимородка — берега речек, ручьев, а также озер и прудов, при наличии обрывистых песчано-глинистых берегов, в которых птичка роет свои норы. Иногда она устраивает их в черноземной или известковой почве» (Животный мир СССР. С. А. Бутурлин, В. Г. Гептнер, Г. П. Дементьев и др. Птицы, М. Л., 1940, стр. 187). Народная этимология возникла, по-видимому, уже на самой польской почве — zimorodek.

Ка́зовый «выставленный напоказ». Это устарелое теперь слово сближено народной этимологией с глаголом «казать». Я. К. Грот рекомендовал произносить и писать *хазовый*. Основное значение — «*хазовый* конец ткани», — по Далю: «заток, который делается почище, и этот конец оставляется сверху, напоказ»; слово — персидского происхождения, усвоенное через татарское посредство; по Гроту, перс. *хез* — «шерстяная или шелковая материя».

Крестьянин; первоначальное значение «христианин» ассоциировалось с *крест*. Ср. в древнерусском: А христианом отказыватися из волости ... за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего (Судебн. 1497 г., 57). А срочные им, хрестьяном, отписывать и безсудные даватı и неволокитно, а от безсудных им у хрестиан не имати ничего (там же, 36).

Любопытно в качестве параллели сообщение об отношении слов *крестьянин и христианин* в болховском говоре недавнего прошлого (А. И. Сахаров, Язык крестьян Ильинск. волости, Болх. уезда, Орл. губ.,— Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, LXVIII, № 5, 1900 г., стр. 3): «Слова крестьянин и христианин всегда смешивают. Скажут: «Становой приказывал похоронить

[1] Иначе (маловероятно) — Ф. Е. Корш и склонный согласиться с ним Э. Бернекер, SEW, I, 235: предполагается иноязычное посредство. Подробно VREW, I, стр. 299—300.

по крестьянскому обряду» и «дала в приданое всё, что полагается по христианскому нашему положению». (Настолько смешивают эти слова, что однодворцев-крестьян,— государственных крестьян, имеющих земли четвертных прав,— называют «беспоминными душами», говоря, что при литургии на великом выходе священник поминает православных крестьян, а однодворцев не поминает)».

Кропива (чаще пишут **крапива**). Южно- и западнославянские языки свидетельствуют о более первоначальном *коприва* (ст.-слав., болг. и др.). Ср. укр. *окріп*, род. ед. ч. *окропу* «кипяток», пол. ukrop «кипяток», okropny «ужасный».

Кустарь. Искажение нем. Künstler «искусник» и под.

Ладонь — из *долонь* (ср. др.-русск.: «А папа в то время, как поклонился Яков, долонью благословил», Отч. Я. Молвян.), укр. *долоня*, ст.-слав. *длань*, болг. *длан*, серб. *длан* и т. д. Перестановка в настоящее время общерусская. Решающею была, вероятно, ассоциация с *ладить* (ср. детск. *ладушки*, диал. *ла́донька* и *ладо́нька*). Считают, что перестановка совершилась раньше осмысления (ср. Слов. русск. яз. Акад. наук, V, I, 1915, стр. 82), но это вряд ли так: судя по материалу этого же словаря (стр. 83), *лодонь* в говорах засвидетельствована очень слабо — приводится только вытегорск. *лодонь* при *ладонь* — и может быть вторичным фактом. В качестве известной параллели заслуживает внимания, при обычном *долоня*, укр. *ладка* «ладонь, ладошка», *плескати в ладки* «бить в ладоши».

Муравей вм. «моровей»; ср. ст.-слав. *мравий* и под. Слово осмыслилось ассоциацией с *мурава*.

Оплеуха, вероятно, вм. «оплевуха». Ассоциировалось с *ухо* (Собол.). Это объяснение подтверждают псковские и тверские *поплевок*, *поплевуха* «оплеуха».

Паутина вм. «паучина»; ср.: диал. *паучина*, укр. (диал.) *павчина* и т. д. Догадка Соболевского о влиянии тут диал. *паут* «овод», имеющего очень узкое распространение и далекого семантически, не убеждает.

Скорее на изменение внешнего обличья слова повлияло, например, существовавшее в древности такое, напоминавшее его по смыслу, как **путина** «пута» (ср. в «Слове о полку Игореве» — «... А самою опустоша,— ошибка вм. «опуташа»,— въ путины желѣзны»). Конечно, и при этом допущении остаются серьезные трудности, связанные с вопросом о широте распространения слова в новой форме (так, *павутина* — и в украинском языке; хотя в говорах сохраняется и более старое *павучина*).

Паучина могло иногда представляться имеющим значение «большой паук». Ср. и диал. название паука *тенетник* к «тенета».

Проныра. Уже в старославянских текстах проныръ, проныривъ и т. д. передают греч. ponērós «злой, лукавый»; ассоциация с *нырять* возникла при этом народноэтимологически. По-

дробнее Б. М. Ляпунов, РФВ, 1916 г., № 4, стр. 21, он же — «О некоторых примерах имен нарицательного значения».

Противень «род большой четырехугольной сковороды». Слово с этим значением известно с XVII в. (см. Дело Ник., стр. 388). Вероятно, искажение нем. Bratpfanne «сковорода».

Прохвост. Заимствовано с XVII в. не непосредственно из нем. Profoss «тюремный унтер-офицер, наблюдающий за арестованными солдатами», а, по-видимому, из голландского или из диалекта, близкого к голландскому, где provoost: «Полковникову профосту, стоварищи и споданными по сту флоринов». Кн. о ратн. строен. (Смирнов, Сб. Ак. наук, 88, стр. 247). Ассоциация с «хвост» чисто внешняя. Ср. и укр. *підчихвіст* «прохвост».

Еще Я. К. Грот допускал в качестве формы, параллельной к *разорять*, — «**раззорять**», хотя и объяснял (Русск. правоп., 13 изд., 1898 г., 77): «Начертание «раззорять» неправильно, как показывает др.-слав. глагол *орити* «разрушать». Форма «раззорять» является продуктом народной этимологии, сближением, вероятно, с *озорной* или под. Из «раззорить» декомпозицией (переразложением) создана широко распространенная в говорах неэтимологическая форма *зорить*. См. и стр. 122.

Свидетель — ст.-слав. и др.-русск. *съвѣдѣтель*. Изменение произошло в результате очень естественного осмысления через *видеть* вместо *вѣдѣти* «знать».

Сердолик «род камня, сардий» — народное переосмысление гр. sardónyx, ст.-слав. сардониксъ. В древнерусском (см. Срезн., Мат., III, стр. 335), наряду с *сердолик*, засвидетельствована еще форма менее искаженная — *сердоничьныи*.

Слюна. Большинство славянских языков, в том числе близкородственный украинский, свидетельствует о первоначальной форме *слина*, засвидетельствованной и в самом древнерусском, напр.: «...дондеже вся злоба изыдет слинами изо уст» (Путеш. архиеп. Антония, стр. 70). Ср. и сев.-русск.-диал. *слини* (Труды Комис. по диал. русск. яз. Акад. наук СССР, вып. 12, 1931, стр. 80).

В этом слове **ю** вм. **и** — из глагола *плюнуть*. Показательны в данном отношении болгарские варианты: *плюнка*, *плюмка*, *слюнка*, при *слина*, *слинка* (в словарях Герова, Вейганда и др.).

Смирный. В др.-русском *съмѣренъ* и *съмиренъ*, ст.-слав. *съмѣрити*. По-видимому, более первоначальные образования от корня «мѣр-а» в смысле «умерять» осмыслены ассоциацией с *мир*.

Создам, создаст и под. Корень *зьд-*; ср. *здание*, ст.-слав. *зьдание*, серб. *зидати* «строить» и под. Слово осмыслилось как «со-с-дать» и перешло в спряжение по образцу *дать*, *дам*. Осмысление относится уже к др.-русск. языку: създаде Адама (Тихонрав. — Преобр.).

Сорокоуст «сорокодневная заупокойная церковная служба» — ср. греч. sarakosté «сорокодневие». Внешняя связь с «уста».

В памятниках встречается рано (ср. Дух. Арт. черн. ок. 1350 г.,— Срезн.).

Шалопай (ср. диалект. *шалопан*). В основе восходит, вероятно, к франц. chenapan «негодяй». Осмыслилось ассоциацией с *шалить*, *шалун* [1].

---

[1] Не останавливаясь на народной этимологии в дальнейшем, отметим здесь попутно случаи еще семантического порядка. Этимологизировались, не изменив своего внешнего вида, такие, например, заимствования:

Колика из лат colica «резь в кишках». Ассоциация с «колоть» чисто внешняя.

Пекло из ст.-слав. *пькло* «ад, преисподняя». Корень тот же, что в лат. pix, греч. pissa «смола».

Сальный «грязный, циничный». Заимствовано из фр. sale. Ассоциируется с «сало». Ср. и выражения вроде: «В этом анекдоте больше сала, чем остроумия».

Другие примеры см.: Мих. Савинов, Народная этимология на почве языка русского,— Русск. филолог. вестн., 1889 г., том XXI, стр. 15—58, Н. С. Державин, Народная этимология,— Русск. яз. в школе, 1939 г., № 2, стр. 39—49.

III. МОРФОЛОГИЯ.

Русский язык выступает на историческую арену в своих памятниках вполне сложившимся почти во всем том, что касается его морфологических категорий, констатируемых для нашей современности. Единственная крупная категория, образование которой относится в нем уже только к позднейшему времени,— деепричастие. Эта сложившаяся морфологическая система русского языка, само собой разумеется, имела свою предысторию, предысторию, восстанавливаемую сличением близких к русскому языков. Реконструкция ее в подробностях не входит в задачи настоящего курса. Мы в существенном удовлетворимся там, где это понадобится, сопоставлением фактов русского языка с древнейшими дошедшими до нас письменными свидетельствами старославянского (древнеболгарского) языка. Что до наиболее древнего состояния, то и морфологическая система русского языка в существенном предполагает путь развития категорий, лишь довольно приблизительно поддающийся восстановлению по тем данным, которые можно извлечь из показаний и живых славянских языков вообще, и их памятников, а также, работая с большой осторожностью и оставаясь в области только более или менее правдоподобных гипотез, построенных на привлечении к сравнению других языков так называемой индоевропейской системы (главным образом санскрита, древнегреческого, латинского и литовского). Есть, например, достаточно серьезные основания думать, что дифференциация имен на имена существительные, прилагательные и числительные, хотя она налицо уже в древнейшем состоянии всех славянских языков и ее же отражают и другие языки индоевропейской системы, представляет собою явление, которому предшествовал единый тип (или типы) имен вообще. Несомненно, что и местоимения и имена искони, т. е. насколько позволяют проникнуть в глубь истории наши приемы сравнительно-исторического анализа, развивались в постоянном взаимодействии (прилагательные — в более тесном, чем имена существительные). Вполне надежно предположение, что флексия глагола отразила в себе былые связи с личными местоимениями,

часто заявлявшие о себе и в позднейшей жизни (подновления под местоимения). Нет никакого сомнения, что наречия явились как продукт определенных перерождений прилагательных или падежей существительных (с предлогами или без них) и т. п.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

§ 1. Склонение имен существительных.

Старославянское склонение имен существительных, в основном близкое, как показывают живые славянские языки и их памятники, к склонению в древнейшем славянском языке, характеризуется наличием трех чисел (единственного, двойственного и множественного), падежными окончаниями именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и местного падежей (последний в отличие от нынешнего «предложного» мог употребляться без предлога) и специальной формой обращения — звательной.

Падежные окончания выступают как различные у разных типов имен существительных. Типы эти со сравнительно-исторической точки зрения позволяют с известной прозрачностью различить основы[1], к которым присоединялись те или другие окончания, причем надо, однако, иметь в виду, что далеко не всегда окончания, присоединявшиеся к разным основам, можно признать одинаковыми даже для глубокой древности, когда фонетические изменения еще не сделали их в ряде случаев трудноопознаваемыми в их составе. Если взять окончания, легко выделяющиеся и теперь, то можно видеть, напр., что слова *влькъ*, *рабъ*, как и ряд подобных, первоначально принадлежали к **о**-основам: ср. ст.-слав. тв. п. ед. ч. *влькомь*, *рабомь*, т. е. влько-мь, рабо-мь; а *медъмь*, *сынъмь* — к **ъ**-основам. Зная, что славянский **ъ** возник в соответствии **u** (короткому **у**) других индоевропейских языков, а, напр., в литовском звук **о** перешел в **а**, легко видеть, что наличие двух славянских склонений мужского рода типа *влькъ* с творит. п. ед. ч. *влькомь* и типа *медъ* с твор. п. ед. ч. *медъмь* восходит к старинному различению двух типов основ, различению, существующему в санскрите, латинском и других языках.

Ср. литовские типы склонения имен мужск. рода: им. п. ед. ч. vilka-s «волк» из *vilko-s и medu-s «мед».

Подобным же образом обнаруживается тип **ь**-основ; ср. ст.-слав. *гость-мь*, *гвоздь-мь* и под., которым по форме соответствует лит. тв. п. ед. ч. vagi-mi от им. п. ед. ч. vagi-s «вор» и под.

---

[1] Т. е. характернзовавшиеся, как определениымн морфологнческими приметамн, раио утратнвшнмн свое грамматическое значеине окоичаниями матернальной частн слова (главным образом — гласные: **a**, **o**, **u**, **i**, **y**, **uu̯**; **j** н гласные за ннм; реже — согласные или сочетания гласных с согласнымн — ***en**, ***ent** н под.).

В склонении на **-а, -я** (а со смягчением предшествующего согласного или с предшествующим **j**) основа определенно выступает в самом именительном пад. ед. ч. То же окончание (только с указанием на долготу) выступает и в родственных языках. Со сравнительно-исторической точки зрения отчетливо можно различить, напр., что нынешний винительный падеж ед. ч. на **-у** восходит к старому окончанию, свидетельствуемому старославянским — **ѫ**: женѫ, водѫ, а последнее в свою очередь восходит к более старой форме **-ām**; ср. — лат. silvam «лес» (им. п. ед. ч. silva из более старого *silvā). Сличая лат. формы винительного падежа ед. ч. servu-m «раба», fructu-m «плод», re-m «дело», silva-m, выделяем **m** как примету винительного падежа ед. числа при различных основах; основа silva (*silvā), таким образом, отслаивается и при этого рода сопоставлении.

Важнейшие типы старославянского и древнерусского склонения даны на стр. 447—454. На основании сравнительно-исторических данных они с известной условностью систематизированы по выделяемым для них древнейшим основам.

Из изменений падежных окончаний, совершившихся на русской почве, специальных замечаний заслуживают главным образом характеризуемые в следующих параграфах.

§ 2. Родительный падеж ед. ч. имен существительных муж. рода на *-у*.

Совершенно ясно, что окончание род. падежа ед. ч. **-у** у большинства имен существительных, при которых оно употребляется в литературном русском языке (всегда наряду с **-а**), проникло из **ъ**-основ, т. е. из старого склонения муж. рода, параллельного **о**-основам,— из парадигмы: им. ед. *сынъ*, род. *сыну*, дат. *сынови* и т. д. Не случаен поэтому факт, что род. пад. ед. ч. типа *снегу* (при *снега*), *духу* (при *духа*), *меду* (при *меда*) образуется только от имен мужского рода, но не известен в литературном языке, при всей близости парадигм, от имен среднего рода. С вопросом о влиянии на родительный падеж ед. ч. мужского склонения **ъ**-основ связаны однако значительные трудности. Не вполне ясна причина, почему в ряде славянских языков относительно малочисленная группа **ъ**-основ[1] образовала, несмотря на наличие одинакового окончания в дательном, для родительного падежа параллельный ряд с семантической дифференциацией сходного направления. Исчерпывающего разрешения относящихся к этому вопросу трудностей в науке еще нет, но в пределах русского языка можно указать на одно обстоятельство, проливающее известный свет на вопрос об образовании данной

[1] Это слова: сынъ, волъ, вьрхъ, домъ, медъ, полъ, ледъ и, вероятно, чинъ, санъ, садъ, ядъ, рѧдъ, разъ, солодъ, пиръ, даръ и, может быть, некоторые др.

морфологической категории. Все типические черты ее употребления (только от неодушевленных и собирательных: *пуху*, *народу*; от названий предметов, употребляющихся по мере и весу при определенном или неопределенном указании на последние: *воску*, *чаю*; от абстрактных: *шуму*, *доходу*; в сочетаниях с предлогами, близящихся к наречиям: *из лесу*, *с краю*) объединяются в одной общей: кроме сочетаний наречного типа, род. падеж ед. ч. на -у образуют главным образом слова, обычно не имеющие множественного числа. Можно, таким образом, предполагать, что утилизация старого семантически не мотивированного параллелизма прошла по линии выделения особой смысловой категории слов, имеющих одно только единственное число. Из вещественных понятий среди ъ-основ, вероятно, оказались особенно влиятельными *меду*, *солоду*[1]. Что касается сочетаний с предлогами, то для них тоже довольно легко указать конкретный путь аналогии: среди старых ъ-основ такие, напр., слова, как *домъ*, *разъ* и *вьрхъ* (ст.-слав. *врьхъ*) в сочетаниях вроде *из дому*[2], *съ разу*, *съ вьрху* могли рано стать образцом для сочетаний наречного типа. Что касается омоморфемности родительного на -у с дательным, то она никакого серьезного отрицательного значения не имела, так как дательный падеж, не управляемый предлогом, у имен абстрактных, собирательных и под. очень редок в фактическом употреблении.

Влияние ъ-основ на о-основы в родительном падеже единственного числа датируется в восточнославянских памятниках очень рано (XI в.). В памятниках говоров, определенно легших в основу великорусского языка,— с XIII: отъ лну (Новг. грам. 1265 г.).

§ 3. Предложный и местный падежи ед. ч. мужского склонения.

Устранение старых форм местного (предложного) падежа на **зѣ, цѣ, сѣ** от основ, оканчивавшихся на **г, к, х** (*друзѣ*, *вълцѣ*, *дусѣ*), шло с древнейшего времени, по-видимому, двумя путями: отчасти так же, как в женском склонении на **а**, являлись формы

---

[1] К значению в древней Руси культуры меда ср. хотя бы «Русск. правду»— статьи «о бърти» и «рѣзѣ» (процентах). Из древнейших примеров распространения влияния *меду* и *солоду* особенно интересны: от воску, от хмѣлю в Полоцкой грамоте ок. 1331 г. Подробнее в статье «Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах»,— «Мовознавство», №8, 1936, стр. 49 и дал.

[2] Как остаток старины и простое *дому* употребляется еще, напр., Ломоносовым и Карамзиным.

Безразличие употребления форм *года — году* приводит к тому, что Афанасий Никитин пишет, например, в своем «Хожении» даже при названии числа: «...а стоял под городом *два году*».

с **г**, **к**, **х**, заимствованными из других форм парадигмы[1], отчасти, как справедливо указывал Шахматов, потребность освободиться от форм с **з**, **ц** и **с** открывала больше, чем в других случаях, дорогу замене их формами на **-у** из **ъ (u)**-основ. Ср. в договоре Новгорода с тверским князем 1265 г. — на Торожку; в Пандектах 1296 г. — на снѣгу; в духовной Ивана Калиты — на шелку, и под.

Форма на **-у** с ударением на нем, отвечающая на вопрос *где?* (местный падеж)[2], представляет приобретение, вероятно, уже эпохи русского языка, предшествующей памятникам. Это окончание усвоено словами, допускающими его из основ на **ъ (u)**, причем первоначально, главным образом, теми, которые имели так называемую циркумфлексовую (долгую нисходящую) интонацию или рефлекс краткости в подударном гласном корня[3]. Последнее обстоятельство, по-видимому, следует поставить в связь с тем, что основы на **ъ(u)**, от которых шла индукция, почти сплошь принадлежали именно к такому интонационному типу. Другая особенность — принадлежность окончания **-у** только «неодушевленным» — объясняется, во-первых, малой употребительностью у «одушевленных» предложного падежа в значении, функционально близком к местному; во-вторых, тем, что два слова среди **ъ(u)**-основ, относившиеся к названиям существ, — ***сынъ и волъ***, — раньше, чем явилась тенденция к образованию новых форм местного падежа, подверглись влиянию **о**-основ и не могли служить образцом для новых форм такого типа.

С. П. Обнорский полагает (Именное склонение в современном русском языке, I, 1927 г., стр. 230—233), что для древнейших отношений не имели значения те черты, которые позднее в литературном языке стали ограничительной приметой местного падежа: не играли сначала роли ни определенные предлоги пространственного значения (**в**, **на**) — формы на **-у** были известны после различных предлогов; ни велярный исход основы (**г**, **к**, **х**); ни наличие или отсутствие между предлогом и именем существительным имени прилагательного. С этими утверждениями вряд ли следует согласиться безоговорочно. Для новгородского

---

[1] Остатки старинного изменения велярных в предложном падеже в склонении былых **а**-основ иногда встречаются, однако, и в нецерковнославянизированных (и вообще неархаизированных) текстах еще даже в XVI веке. См., напр., судебную грамоту времени Иоанна Грозного — Фед.-Чех., I, № 45: к нозѣ, на дорозѣ, в саадацѣ (хотя ниже в саадакѣ).

[2] Обычно от слов, не имеющих в других падежах конечного ударения. Случаи, вроде *в полку*, *в углу*, в древнерусском, по-видимому, не представляли исключения; показания других славянских языков говорят об ударяемости корня у них в ряде падежей.

[3] Циркумфлексовая интонация в формах полногласия отражена в русском в виде ударения о́ро, о́ло, е́ре: *по́рох*, *го́лод*, *бе́рег*.

Рефлексами краткости в древнейшем славянском были звуки **о** и **е**, как восходящие: первый — к **а** и **о** кратким: а) греч. áxōn, лат. axis — *ось;* лат. arare — *орать*; б) греч. dómos, лат. domus — *домъ*; греч. hodós «дорога» — *ходить*; второй — к **е**: греч. méthy, лит. medùs — *медъ*.

говора древнейший материал, приведенный Соболевским, говорит, кроме старых основ на **ъ (u)** — *миръ, пиръ*, как раз о преимущественном появлении форм на **-у** еще у основ на велярные. Далее, древнейшие севернорусские примеры относятся именно к предлогам **в** и **на**, и притом без промежуточных прилагательных. То, что мы найдем в позднейших памятниках [1], уже отражает, по всей видимости, отчасти новые аналогические влияния (род. падежа), отчасти диалектный сдвиг в литературном русском языке в целом — влиятельную примесь стихии южнорусской. Южнорусская стихия определенно только с XVIII в рассматриваемой группе фактов, действительно, под книжным церковнославянским влиянием, как справедливо утверждает Обнорский, отступает снова, и таким образом в литературном языке факты снова вводятся в рамки, отложившиеся в основном в севернорусских говорах [2], но не без значительных отклонений в ту и другую сторону [3].

---

[1] В памятниках XVI—XVII в., а отчасти и в XVIII в., круг форм на **-у** вообще шире, чем теперь в литературном языке. Ср.: а) сохранение окончания старых основ на **ъ (u)**: о святительском и священническом чину (Домостр., 12); А бывает та печать у думного дьяка беспрестанно повешена на вороту и в дому (Котош., 114); б) **-у** у слов с циркумфлексовой (в прошлом) интонацией, теперь выступающих с е; см. *на вороту* в примере из Котошихина, 114; в пороху зельное осмотрение... имети (Пис. и бум. П. I), (ср.: *вóрот, пóрох* и под.); в) при неударяемом окончании: на том починку (при обычном — починкѣ), Лихачев, Сборн. актов, 1529 г.; в списку — обычно в документах XVI в. (реже — в спискѣ). Названия городов на **-скъ**, как правило, имеют в местном падеже **-у**; г) при предлоге **о**: а о возу отмолвити (Памятн. дипломат. сношений Моск. государства с Польско-литовским государством, т. I, 1495 г.); а о мыту отвечяно (там же, 1494 г.); Прежние наши гости о лодыжном мозгу юрта деля своего разбранилися (Памятн. дипломат. сношений Моск. государства с Крымск. и Нагайск. ордами и с Турциею, т. I, 1487 г.); о сыску чести (Котош., 88), о сыску изменников (102). ...Чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). О никаковом миру с шведами слышати не хощет (Ведом. Росс. гос.), просить о корму (Пис. и бум. П. I); д) у слов с исконным конечным ударением: при моем животу (Путеш. Ант., стр. 78), на суду (Судебн. 1589 г., 13), в вышеписанном суду (Указ об учрежд. правит. сената, 1711), и под.

Были, по-видимому, и говоры с особым пристрастием к такому окончанию; ср., напр., формы — «на том же Володкине жеребью», «а в ответу сказал», «выску (в иске) и владенье себе на душу взял» (Челобитная боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

[2] О специальных отклонениях в псковском говоре см. Собол. [4], стр. 172.

Реже случаи окончания **е (ѣ)** там, где теперь установилось **у** вроде: «ни зуба во рте, ни глаза во лбе» (Стар. послов.— XVII в.).

[3] Только диалектно, притом в очень редких случаях, влияние былых **ъ**-основ переходило границы имен существительных мужского рода. Так, в «Старинном сборнике русских пословиц...» читается — «Не изобидь *на делу*, а *после делу* хо[т] все отоними» (№ 1675).

Имена существительные среднего рода, вообще говоря, оказались вне влияния **ъ**-основ, так как в древнейшем периоде в составе последних не было слов этого рода. Отдельные немногочисленные случаи такого влияния отмечались только в говорах.

§ 4. Именительный падеж множ. числа *о*-основ.

Именительный падеж мн. ч. **о**-основ оканчивался исстари на **и**, перед которым, как происшедшим из дифтонга (см. Фонет. § 9), велярные согласные **г, к, х** соответственно изменялись в восточных и южнославянских языках в д͡з, откуда позже **з, ц, с**. В русском языке подобное изменение рано было вытеснено влиянием других падежей. След его сохранился только в формах множественного числа — *друзья, друзей* и т. д. Ср. и укр. **друзі** и т. д.

Употреблявшиеся еще даже в письменности XVII в. формы вроде *священници* «священники», *монаси* «монахи», *послуси* «свидетели» (ед. ч. — *послух*) не более, однако, как искусственно сохраненные архаизмы. К тому, что некоторые из них морфологически иногда уже не осмысливались, ср., напр., в Закладной 1517—1518 г. (Акты юр., II, 126, V): А на то послусь Иван Вяткин Большой.

Старое окончание **-и** сохранилось в литературном языке только в формах *соседи, черти* и архаич. *холопи*, которые, однако, были восприняты как формы мягкого склонения и получили поэтому при себе родит. мн. *соседей, чертей, холопей*, дательн. мн. *соседям, чертям, холопям* и т. д.[1].

Что формы *соседям* и под. — новообразования, а не остатки старины, ясно, кроме всего прочего, из примет фонетических: *соседям*, а не «сосежам» (**дй** отразилось бы в виде **ж**), *чертям*, а не «черчам» (**тй** отразилось бы в виде **ч**), *холопям*, а не «холоплям» (**пй** дало бы **пль**).

Окончание **-и** после **г, к, х** — фонетического происхождения: **ы** после звуков **г, к, х** перешло в русском в **и** и свидетельством сохранения былого **и** не является: *волки, долги, страхи* восходят к прежним формам винительного падежа мн. числа: *вълкы, дългы, страхы* (см. стр. 81).

Вытеснению в подавляющем большинстве слов старого **-и** окончанием винительного **-ы** могли способствовать такие моменты:

1) У слов, основа которых оканчивалась на **г, к, х**, именительный множ. имел согласный, отклонявшийся от остальных

[1] Форма *соседей* свидетельствуется уже, напр., одним из списков «Домостроя». Шахматов в своем литогр. «Курсе истории русск. яз.», III (1910—1911), стр. 414, отмечал, кроме того, ряд других случаев в памятниках, где к старым формам им. пад. мн. ч. этого типа образовывались формы род. п. мн. ч. на **ей**; большинство таких форм относится к XV—XVI вв.

Менее правдоподобно объяснение Соболевского (Лекции[4]), предполагавшего, что соответствующие слова с им. п. мн. ч. на -н принадлежали в прошлом к основам на **-ь**. Из фактов литературного языка так следует объяснить только род. п. мн. ч. *тетеревей*, так как в форме *тетеревь*, засвидетельствованной в вологодском говоре, при отвердении губных, действительно, было благоприятное условие для перехода в другой образец склонения. Унбегаун (ук. соч., 189) приводит из памятников конца XV в. три *тетереви*, и под., из памятника 1495 г., наряду с им. мн. *тетереви*, — род. мн. *тетеревей*.

форм: *вълци, дълзи, страси*. Форма винительного (*вълкы, дългы, страхы*) могла поэтому представляться предпочтительной и быть заведена по аналогии именительного-винительного ед. числа.

2. Сильно влияла в направлении обобщения окончания **-ы** аналогия мн. ч. женского рода: *сестры, избы*.

3) По-видимому, действовала тенденция проводить в «твердом» склонении окончания, не вызывавшие смягчения предшествующих согласных.

Отражено вытеснение форм именительного мн. на **-и** формами винительного на **-ы** в восточнославянских памятниках уже с XI в. (отдельные примеры), но на русской (великорусской) почве оно выступает отчетливо главным образом в севернорусских памятниках,— с XIII в.: Чины раставлены быша (рост. Жит. Нифонта, 1219 г.); Быша ми осьли и рабы (Паремейн. 1271 г.).

Именительный падеж множ. числа мужского рода на **-а** с ударением на нем, хотя отдельные исходные моменты грамматической аналогии, приведшей к его появлению, не возбуждают сомнения, не имеет бесспорного объяснения для всех деталей процесса. Господствующее объяснение сводится к тому, что окончание **-а** в именительном-винительном падеже множ. числа у имен мужского рода, вытеснившее окончание **-ы** (вм. старого **-и**), представляет собою историческое продолжение формы двойственного числа, в период его отмирания у большинства существительных осмыслившейся у названий парных предметов как множественное; ср. *берегá* (первоначально — «оба берега»), *бокá, глазá, поводá, рогá, рукавá, обшлагá*.

Роль двойственного числа можно принять в данном случае за очень вероятную; дело, однако, тут не без серьезных трудностей, и главная из них та, что спорно исходное место ударения именительного-винительного падежа двойственного числа у **о**-основ с подвижным ударением. Доверяя свидетельству словенского языка, единственного из живых славянских сохранившего в полной мере и самую категорию двойственного числа и четкие следы былой акцентологической системы, пришлось бы признать, что ударение именительного-винительного двойственного у **о**-основ с подвижным ударением падало не на окончание, т. е. соответствующие формы звучали *бéрега, *óстрова и под., совпадая с родительным ед. ч. С этим предположением в согласии стояло бы и ударение местоименного слова *óба* (а не *обá), несомненного носителя формы двойственного числа. Если так, то оказывалось бы неясным, как по образцу форм двойственного числа типа *бéрега, глáза* могли возникнуть формы множественного числа, выступающие всегда именно с конечным ударением[1].

---

[1] Подробности — в статье «Интонация и количество форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке»,— Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., V, вып. 4, 1946 г., стр. 301—306.

В таком случае нужно признать еще (вслед за Ягичем), как индуцировавшие отношения, характерные для имен среднего рода: род. ед. и остальные падежи ед. ч.— *по́ля*, *по́лю* и т. д.: им. мн. *поля́; зе̂ркала*, *зе̂ркалу* и т. д.: им. мн. *зеркала́*.

Сравн. и, правда немногочисленные, слова с колебанием рода между мужским и средним: стар. *облак* и *облако*, *колокол* и диал. *колоколо*.

Индукции среднего рода должны были благоприятствовать отношения места ударения в **о**-основах, параллель к которым представляет, напр., украинский язык: *о́строва* (род. ед.) — *острови́* (им.-вин. мн. ч.), *го́лоса* (род. ед.) — *голоси́* (им.-вин. мн.), и под.

Вопрос, однако, об исходном месте ударения в именительном-винительном двойственного числа основ на **о**, как сказано, до сих пор не решен окончательно. Вопреки данным словенского языка многие лингвисты принимают за исходное ударение **о**-основ данного типа в им.-вин. дв. ч.— конечное. Основания для такого предположения они видят в свидетельстве литовского (abù, abúo-du «оба» — имен.-вин. дв. ч.), акцентологически идущего обыкновенно параллельно с фактами славянскими, и в самом русском — в его *два раза́*, *три часа́*, *три ряда́*.

Важнейшее свидетельство славянского *о́ба* отклоняется различными соображениями, из которых наиболее удачным является письменно высказанная догадка И. М. Эндзелина: *о́ба* может, по его мнению, восходить к более старой форме *оба-дъва, в которой побочное ударение, приходившееся на первый слог первой части, затем, при изоляции ее, стало основным.

Если бы совокупность этих догадок в конечном счете могла стать теорией, для объяснения **-а** в именительном множественного числа достаточно было бы признать индукцию одного двойственного.

Но и эти аргументы не устраняют всех сомнений, и даже главнейший из них — указание на *два раза́*, *три часа́*, *три ряда́*, *четыре шага́* — может быть отведен ссылкой на то, что соответствующие факты, весьма возможно, не представляют в исходе **о**-основ, **а** сохранили ударение двойственного числа основ на **-ъ(u)**, к которым, по ряду данных, относились в древнем славянском.

Как бы тут ни обстояло дело с ударением, толчок к тому, чтобы в именительный-винительный множественного проникло окончание **á**, мог действительно идти от форм двойственного числа; далее же ударение могло распределиться по аналогии отношений в словах среднего рода. Слова с конечным ударением, вроде *сноп* — род. ед. *снопа́*, *труд* — род. ед. *труда́*, остались вне действия подобных влияний, вероятно, из-за того, что в среднем роде типа с конечным неподвижным ударением не было, и он в данном случае индукции не осуществлял.

Для старых основ на **-ъ (-u)** ни одно из указанных влияний

действительным не было (не имелось условий для индукции), и потому им. мн. от них звучит *меды́*, *сады́* и под.[1].

Формы имен.-вин. мн. ч. на **-а (-я)** в памятниках появляются с конца XV в. и представлены в них немногочисленными примерами. Старейший — Рукава же риз их широци (рукоп. 1470—1477 гг.) — вероятно, прямое наследие старого двойственного (ср. совр. *рукава́*, единственное слово такого типа с ед. ч., имеющим конечное ударение)[2]. Далее приводились, напр.: жернова новые запасные (Грам. 1568 г.), тагана и решеточки (из Домостр. по сп. XVI в.), те леса (Улож. 1649 г.). В оброчной Двинского уезда 1551 г. имеем: «...дали на оброк в Двинском уезде по морскому берегу *леса* и пожни», но ниже: «а те им *лесы*, которые против пожен и варниц; сечи...»[3]

Слово и форма *глаза* (без параллельной «глазы») довольно часто встречается в новгородских записных кабальных книгах самого начала XVII в. (ср. *глазатый* в Прологе XIII—XIV вв., поясняемое Срезневским, Матер. для словаря др.-русск. яз., I, стр. 518, как «oculos habens»).

Очень последовательно им.-вин. мн. ч. *моста* употребляется, напр., в наказе подьячим 1602 г. (Дела Тайн. прик., II, стр. 575—578), но в отписках этого же года мостовых досмотрщиков и копорских воевод последовательно — *мосты*.

---

[1] Подробности см. в статье «Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах», I,— «Мовознавство», № 8, 1936, стр. 50—51.

Тому факту относительно слова *час*, что в XVIII в. и в начале XIX в. оно у поэтов обычно с ударением на флексии, нельзя придать серьезного значения: такое ударение возникло, видимо, по образцу *два часа́*, *три часа́* и под., т. е. представляет собою явление вторичного порядка. Важнее другое — свидетельство всех славянских языков, способных это обнаружить, что *час* имело корень искони с т. наз. акутовой интонацией (см. главу IV, § 1), Принадлежало оно поэтому к типу с неподвижным ударением, и, таким образом, ударение *два часа́* и под. представляет собою явление, возникшее только уже на русской почве и не показательное для древнейших отношений.

С позиций тех, кто не принимает влияния отношений форм среднего рода, важно еще объяснение Шахматова (литограф. «Курс ист. русск. яз.», III, стр. 505), почему в ряде слов сохранился им. п. мн. ч. на **-ы**: Шахматов указывает, что всё это большею частью слова, не употребительные после числовых наименований и потому бывшие свободными от влияния формы двойственного числа. Любопытно, однако, что это объяснение очень близко соприкасается с предшествующим: понятия, обычно не сочетающиеся с числами, как указывалось выше (§ 2), рано вошли в сферу влияния ъ-основ. Ср. и указанную статью автора, стр. 306.

[2] *Обшлага́* (из нем.) получило свое ударение от него.

[3] Ср.: великие леса темные (Ист. об Азовск. сид., 4). ...И тебе б отнють в мордовские леса не посылать... (Хоз. Мороз., II, Акты, № 11).

С этим фактом интересно сопоставить указание С. П. Обнорского, Именное склонение, вып. 2, 1931 г., стр. 53, на то, что для бывш. Ржевского уезда, Тверской губ., отмечалось, при отсутствии вообще форм на **а**, только *леса́*.— Возможно, что на это слово повлияло созвучное *плесо* с его множ. числом *плеса* (ср. колебание *плес* : *плесо*).

Унбегаун, ук. соч., стр. 212 из грамоты 1529 г. приводит *луга* (при *луги*).

Уже в «Путеш. новгор. архиеп. Антония» конца XII в. (по сп. нач. XV в.): ...а *в колокола* латыни звонят (по изд. Археогр. комис. 1872 г., стр. 84); ...и в полунощи служивыя зазваниша в набатныя *колокола*... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).— Ср. диал. *колоколо*.

В литературном языке первой половины XVIII в., у Кантемира, напр., с **-а** употребляются только им. п. мн. ч., относящиеся к парным предметам: *глаза, брега, рога* (при *роги*); *края* и еще *леса* (ср. укр. *лiсá* при *лiсú*). По Ломоносову (§ 190), только **-а** имеют опять-таки парные — *рога, бока, глаза*, а колеблются: *береги — берега*, тоже название парных предметов, *колоколы — колокола*, известное в московских грамотах с XVI в., как форма к им. ед. ч. средн. рода, *лесы* и *леса*, и кроме того *луги* и *луга*, возможно, со старинным вариантом среднего рода во мн. ч.; ср.: чешск. louky и louka к им. ед. ч. louka ж. р., при м. р. luk, и — с другим согласным — luh; *островы — острова*; ср. ст.-слав. (серб.) — *острово; снеги* и *снега, струги* и *струга*,— т. е. отношения, в основном, похожие на положение в этой категории, например, в украинском (где только *рукáва, вýса*; диал. *берегá* при *берегú*; диал. *лiсá* при *лiсú*; *вiвса* «овсы» и под.) [1].

Относительно недавно вопрос об именительном падеже множ. числа мужского рода с окончанием **-а** пересмотрен Унбегауном, ук. соч., стр. 212 и далее. Унбегаун появление этого окончания приписывает в основном только влиянию среднего рода, осуществившемуся после того, как имена мужского рода получили дательный мн. ч. на **-ам**, местн. мн. ч. на **-ах** и под.

Влияние двойственного числа, хотя он и разделяет мнение об исходном для него ударении **берегá* и под., ему представляется сомнительным по хронологическим основаниям: если двойственное число, судя по памятникам, исчезло в русском в XIII—XIV вв., как могло оно влиять на флексию множ. числа в XVII—XVIII? Различие *труды́, снопы́*, но *городá, годá* и под. он объясняет большей сопротивляемостью в первом случае подударного окончания. Доводы его решающего значения, однако, не имеют: двойственное число, исчезнувшее в литературном языке, могло еще долго в тех или других остатках сохраняться (формой, а не значением) в говорах, позже усилившихся в своем влиянии и наконец отразившихся в письменном языке.

Особый случай представляют примеры с новым **-а, -я** в именительном множественного у названий лиц типа *учителя́, лекаря́*, за которыми пошли многочисленные названия профессий вроде *докторá, профессорá*.

Исходные формы имели, как есть основание думать, старое различие в ударении между единственным и множественным числом: *учи́тель — учителé, лѣ́карь — лѣкарé*. Эта особенность сбли-

---

[1] Подробно в статье «Порівняльно-історичні уваги до українського наголосу», — Збірник Центр. держ. курсів українознавства, Харьков, 1928, стр. 27—28.

зила их с образованиями типа *бе́рега* (род. ед.) — *берега́* (им. множ.), *о́строва* (род. ед.),— *острова́* (имен. мн.). Дальнейшее пополнение этой категории существительных (не прекращавшееся в течение всего XIX в. и не прекращающееся до сих пор) совершалось уже по мотивам семантическим (названия профессионалов); поэтому *профессора́*, *доктора́*, но не «оратора́», «мучителя́» и под. Древнейший случай, если это не опечатка издания,— *мастера* (1509 г. — Унбегаун, ук. соч., стр. 212). Для постепенности охвата окончанием а имен существительных этого рода характерны, напр., у В. Н. Татищева (1768) — «*Доктора́* и *Лекари* в самом том покое присутствуют» (стр. 577).

§ 5. Имен. пад. мн. ч. м. р. на *-ья*.

Не возбуждает никаких сомнений, что касается его происхождения, из этой категории форм только нынешний им. п. мн. ч. *братья*. Это собирательное имя существительное женского рода (ед. ч.), которому в нынешнем литературном языке соответствует церковнославянизм *братия*. По-видимому, влиянию этого слова обязаны своим появлением *мужья*, *князья*[1], сохранившее еще з именительного пад. мн. ч. перед и (друзи) *друзья* (ср. соврем. диалектн. *дружья*) и другие названия лиц. Ударение последних, отступающее от ударения *бра́тья*, объясняется в связи с принадлежавшей их корням особой давней интонацией (так назыв. циркумфлексовой).

Остальные подобные образования спорны: те, кто принимает фонетический закон о переходе конечного неударяемого **е** в **я**, толкуют формы вроде *колосья*, *уголья*, *колья* (*каменья*, *коренья*), как фонетически образовавшиеся из собирательных «коло́сье», «у́голье» и под.[2].

---

[1] Если доверять свидетельству др.-русск. *княжья* (с **ж** из древнейшего г), формы ед. ч., то *князья*, выступавшее так же, как форма ед. ч., могло бы восходить прежде всего к влиянию первой. Подобное образование известно, как указывал Шахматов, также и др.-польск.— księ́za. Древнерусские примеры см. в. Лавр. сп. летоп.: Послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья (11 об.). Не ходили со всею князьею (134 об.). Святослав възвратися г. Кыеву со всею князьею (134 об.). (Карский, Изв. по русск. яз. и слов., II, 1929, стр. 5).

Собирательное *зятья* (ед. число) имеем, например, в духовной в. князя Ивана Иван. около 1358 г.: «А кого ми дасть б(ог)ъ *зятью*, по чепи им зол(о)те да по поясу по зол(о)ту»; «...а в твое есми место велел быти на свадбе казначеем своим... и твоеи шурье» (Грам., в списке, царя Иоанна Вас.,— писан. в 1547 г.). Ср. в Судебн. 1589 г. (54) *дядья* как собирательное: ...И детям их и з дядьею дел [часть] по отце... Другие примеры собирательных *дядья*, *зятья*, *шурья* и под, см. Собол., Лекции[4], стр. 219 и след. Не сохранилось старое *попья* «попы»: «А что моих поясов серебрьных, а то роздадять *по попьям*» (Духовн. моск. кн. Ив. Даниловича, 1327—1328 гг.).

[2] К переходу собирательных в множ. число ср., напр.: А пить в стол носили молоко коровье топлено... а в нем листье, неведомо какие (Мат. пут. Ив. Петлина, 277). ...А у лавок брусье велеть отнять и приделать новые с выемками на подставках... (Грам. архиеп. Волог. Симона, 1676 г.).

Еще проще объясняются отношения, если такой фонетический закон ограничить положением неударяемого е после j; сравн. укр. *зiлля*, *гiлля* из «зелье» (-ьje), «голье» (-ьje), где, однако, ударяемость или неударяемость, по-видимому, роли не играла.

Заслуживает внимания, что все вошедшие в литературный язык такие образования от имен «неодушевленных» имеют ударение на основе, а не на окончании, как большинство названий лиц (ср. диал. даже «братья́» под влиянием таких, как *друзья́*, *мужья́* и т. д.). Это различие в месте ударения указывает, что соответствующие формы у «неодушевленных» появились не под влиянием *мужья*, *друзья* и под., а под другим влиянием. Таким с известной вероятностью можно считать, если сомневаться в фонетическом характере перехода е > **я**, множ. число имен среднего рода типа *крылья*, *перья*, *поленья*, *звенья* и т. д.

В древнерусском собирательные к именам мужского и среднего рода одинаково оканчивались на **-иѥ (-ьje)**: гроздиѥ, клиниѥ, колиѥ, и также: периѥ, полѣниѥ и под. Когда соответствующие образования от слов среднего рода стали осмысливаться как множественное число и усвоили под влиянием такого осмысления типическую примету среднего рода — **я**, т. е. «периѥ» изменилось в *перья*, «полѣниѥ» — в *поленья*, то в параллель им подобным образом могли измениться и образования от слов мужского рода. Ср. древнерусск. примеры с колебанием: ...И пух и перья и *крылье* гусиные прислать все имянно к Москве ж...

Примеры др.-русских собирательных, послужившнх основанием для именительных мн. ч. на -ья: «... И которые стрелцы стоят на вахте на дворе царском, провожают царя нли царицу ... без мушкетов, *с прутьем*» (Котош., 91). «И ты б, староста, бил ево, Ларьку, на сходе перед крестьяны батоги нещадно, чтоб судило *кнутья* за то, что он мой указ забыл» (Хоз. Мороз., I, № 177). «...Дано *за брусье* н *за бревенье* девять алтын три денгн» (Прих.-расх. кн. Болдина-Дорогобужск. мон., 1587 г.). «...И *вотчинное строенья* и крестьянская ссуда по своей сказке...» (Закладная 1648 г., Акты юр., II, 126, VII). «...И в огороде *с яблонным деревьем* н с хмелевыми гнезды» (Закладная 1669 г., Акты юр., II, № 126, X). «...н *старое деревье негодное* вырубить, а вместо того новых насадить...» (Инстр. дворецкому, XVIII в., разд. 20). «Их брони, шлемы позлащенны, Как лесом, *перьем* осененны, Мне тмнли взор...» (Держ., Афннейскому витязю). «...И *перьем* бы твонм постельку их устлать» (Крылов, Добрая Лиснца).

К редким случаям нужно отнести обратное производство — ед. числа из множественного. Так, по-видимому, следует поннмать *ружье*. Слово первоначально являлось собнрательным: «...денежное жалованье и ружье давать жилым козакам» (Акты Моск. гос., I, 162) и звучало, вероятно, *ру́жье* из более древнего *оружье*. *Ру́жье* превратилось затем в *ружья*, к которому образовано во второй половине XVIII в. нынешнее единственное чнсло (Б. Унбегаун, Revue des ét. slaves, XV, 1938, стр. 231—234).

О том, насколько собирательные этого рода в севернорусских и белорусских говорах до снх пор представляют жнвую категорню, соотносительную с именами существительнымн единственного и множественного чнсла, см. В. В. Виноградов, О формах слов. — Изв. Отд. лит. и яз. АН СССР, III, вып. I, 1944, стр. 39 и В И Борковскнй, Сннтакснс древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 29 и дал. (там же указана предшествующая лнтература).

(Хоз. Мороз., I, № 18); И потрохи да и перье, и пух, и *крылья* все прислать имянно (Хоз. Мороз., I, № 17).

Распределение фактов, относящихся к именительному множественному у «неодушевленных» между окончаниями **-а(-ы)** с одной стороны и **-ья** — с другой в существенном (но не без колебаний) проходит по различию семантическому: представления четко обособленных единиц, взятых во множественности, получают окончание **-а**, множественное число к представлениям совокупного характера — **-ья**: *домá*, *городá*, *поясá*, *островá*, *желобá*, но *колья*, *сучья*, *зубья*, *листья*, т. е. в ясном отношении к отсутствию собирательности или ее наличию. Отклонения, вроде *стулья*, *полозья*, вошедшие во вторую группу (ср. диалект. арханг.-шенкурск. *стулье*, *полозье* и под.), немногочисленны.

В XVII веке еще обычна древнейшая форма — стулы: И начальные велят поддатням всех птиц посадить *на стулы*... (Урядник, статья 10).

Окончание **-овья** в современном литературном языке имеем у слов *сыновья* и устарелого *кумовья*. В древнейшее время слово *сынъ*, как **ъ(u)**-основа, выступало в именительном множ. числа в виде *сынове*, подвергшемся, по-видимому, влиянию типа *братья*. За *сыновья* последовало далее, уже по аналогии, *кумовья* и теперь вышедшее из употребления в литературном языке *зятевья*.

§ 6. Имен. пад. мн. ч. среднего рода на *-и (-ы)* и др.

Имен. пад. мн. ч. сред. рода у слов, оканчивающихся на **ко**, звучит, если окончание не под ударением,— **ки**: *окошки*, *веки*, *яблоки* (ср. *войскá*, *облакá*). По существу перед нами факт узаконения в письме произношения, параллельного формам с конечным неударяемым **-ы** (**ки** из **кы**): «сёлы», «вёслы», «кóльцы» и под. [1]. Последние формы обычны в Москве и почти на всей территории русского языка, кроме некоторых северных говоров. Возникли они давно (первый пример Соболевский приводит из начала XV в.). Сюда же, вероятно, следует отнести: чады своя поминающи (Задонщ.); ср. из XVI в.: блюды (Домостр., 48); из XVII в.: селищи и заимища (Акты 1616, 1691 г.), деревьи годны (Купчая 1657 г.) и др. (Обнорск., II, 110) [2]. Форма *яблоки* засвидетельствована уже в «Путеш. архиеп. Новгород. Антония» нач. XII в., по списку нач. XV в.: «Овощь же патриархов всякий, дыню и *яблоки* и груши...» (по изд. Археогр. ком. 1876 г., стр. 106).

Представляют эти формы результат влияний имен мужского и женского рода, вероятно, после того как в среднем и мужском роде установилась во множественном числе (в дательном, твори-

[1] К борьбе с такими формами в письме ср. Ломоносов, Рос. грам., § 115.

[2] Унбегаун, указ. соч., стр. 163—165, анализируя отдельные примеры таких форм на -ы (-и) до XVII в., все их считает по тем или другим основаниям ненадежными.

тельном и предложном падежах) система склонения, параллельного именам женского рода.

Форма *очки* восходит, по-видимому, к тем говорам, где и под ударением **ки**: *озеркй*, *ушкй*. Сходство этих форм с мужским родом привело, между прочим, и к тому, что в родительном множ., наряду с *яблок*, установилось *яблоков*[1], а также *очков*.

Остатками форм двойственного числа являются: *очи*, *плечи*, *уши*, *колени* (из «колѣнѣ»).

Еще в начале XIX века у писателей могла употребляться как архаизм форма двойственного числа *крилѣ*: «И веселью и печали На изменчивой земле Боги праведные дали Одинакие криле» (Баратынский, Наслаждение). Особенно часта она у Жуковского.

§ 7. Родительный пад. мн. ч. мужского склонения.

Род. мн. типа **вълкъ** (ст.-слав. **влькъ**). Распространение в этом склонении окончания **-ов**, заимствованного из основ типа *сынъ*, соответствует тенденции сообщить форме примету, отличающую ее от именительного падежа единственного числа. Появление форм на **-ов** и даже **-ев** (в мягком склонении), при этом в большом числе, свидетельствуется для былых **о**-основ уже памятниками XII в. Старинная форма родительного удерживается в литературном языке только в случаях:

а) Где слово обозначает парный предмет, т. е. употреблялось часто после слова «пара» и относительно мало нуждалось в падежной характеристике: *сапог*, *чулок*. Этому же образцу последовало и *глаз;* ср. стар. и диал. *глазов*.

б) Где слово относится к понятиям меры, веса и под.: *раз*, *аршин*, *грамм:* сколько раз, десять аршин, десять грамм. Еще в начале XIX в. так же употреблялось *пуд:* А в те поры все важны в сорок пуд (Гриб.), хотя и намного раньше было известно также *пудов*:.. с десяти пудов московских... (Уставн. грам., в списке, царя Феод. Иоанн.,— пис. в 1587 г.). (Ср., напр., Хоз. Мороз., I, 17: Сколько... уломано пудов поташу). Востоков, Русская грамматика, § 29, *десять пуд* считал нормативной формой. Изредка эту форму можно встретить и позже (напр., у Гончарова — Взвалил тысячи пуд себе на плечи, Обрыв, I, гл. 18,— Обнор.). В говорах встречается также *два*, *три*, *четыре раз* (см., напр., Материалы для изуч. великорусск. гов., VIII, стр. 154).

В древнерусском число слов, склонявшихся таким образом, было больше; так, в памятниках и у писателей XVIII в. встречаем: *месяц* — И ту же бых 5 месяць... (Хож. Афан. Никит.). И удержали меня в Самборе пять месяц (Пам. Смутн. врем., 24), больши трех месяц (Улож. 1649 г.); *рог* — без рог (Держ.,); *фут* — глубже восми фут, хотя — *по пяти футов* (в языке

[1] *Яблъковъ* уже в Синод. списке Новгор. летописи XIII в.

Петра I,— Обнор.). Возможно, что у Курганова (XVIII в.—) *шаг:* «*Стадія*, мѣра о 125 шаг».

Неясно, почему *фунт* издревле встречается только с окончанием **-ов:** ср. уже у Аф. Никитина: ...по 10 тысяч фунтов золотых (Срезн., III, 1358).

Что касается *часов*, то, вероятно, **-ов** в нем — след диалектной принадлежности в прошлом этого слова к **ъ-(u-)** основам. Это же можно подозревать и для *рядов*.

Отсутствие от *вершок* род. мн. без **-ов** стоит, надо думать, в связи с наличием суффикса, ассоциировавшегося с длинным рядом слов на **-ов** в этой форме. (Особый случай имеем в группе в).

в) В нескольких словах с суффиксом **-ок, -ек** (род. ед. **-к** -а): *зубóк* — род. мн. *зýбок; рожóк* — род. мн. *рóжек; глазóк* — род. мн. *гля́зок; сапожóк* — род. мн. *сапóжек*.— К трем последним ср. а).

Форма род. мн. в этих примерах была достаточно выразительно отличена от именительного единственного числа ударением.

г) В старых названиях частей войск и под.: *гусар, драгун, кирасир, солдат*. Эта группа слов отчасти может рассматриваться как параллельная группе б); сравн. наиболее обычные сочетания: *полк солдат, эскадрон гусар, рота кирасир* и под. Сюда же вошло *партизан*.

Но, кроме того, имеет значение еще тот факт, что по крайней мере слова на **-ар**, вроде старинного *рейтар*, далее — *гусар*, могли подвергнуться аналогии многочисленных слов типа *татары* — род. мн. *татар, болгары* — род. мн. *болгар*, где нераспространение окончания **-ов** имело свое специальное основание (имен. ед. на **-ин**). Форму род. мн. *солдатов* см., напр., в «Делах Тайн. приказа», III, стр. 103, 1672 г.

д) В названиях народов. Тут, конечно, решающим было влияние многочисленных имен, принадлежавших к старинному склонению на согласный основы с единственным числом с приметой **-ин** и с родительным множественного без окончания: *славян*[1], *римлян, египтян, татар, болгар*. Ср. и др.-русск. примеры вроде: Две сотни костромичь дворян и детей боярских (Мат. Раз., III, № 25); ед. ч.— *костромитин*.

е) Род. мн. *волóс*, где ударение отличало именительный ед. ч. от родительного мн. ч. (ср. в). В старинном, как и народном, языке и здесь встречалось *волосов:* Ино силы с пашами под вас прислано больше волосов на главах ваших (Ист. об Азовском сид., 6)[2]. Ср. укр. *чóбiт* «сапог» с родительным мн. ч. *чобíт*.

---

[1] Как поэтическую вольность Ломоносов разрешил себе форму *славенов:* «О чада ревностны, усерды, Славенов в свете славный род» (Ода 18). За ним ее употребили с русской огласовкой суффикса Державин —...«Доколь Славянов род вселенна будет чтить» (Памятник), Дмитриев — «Где ты, Славянов храбрых сила?» (Освобождение Москвы) и Пушкин — «Хмельна для них Славянов кровь» (Бород. годовщ.).— См. Я. К. Г р о т, Сочин. Держ., т. I, 1868, стр. 536.

[2] *Волосов* нередко даже у писателей первых десятилетий XIX в.—Н. Полевого и др.

ж) Род. п. мн. ч. *человек*, выступающий в такой форме только после названий чисел.

з) В некоторых заимствованных словах со старым колебанием в разговорном языке флексии и грамматического рода: *апельсин*, *фрукт*, *мирт* (старинные разговорные — *апельсина*, *фрукта*, *мирта)*; ср. *апельсинов*, *фруктов*, *миртов* и под.

и) Еще в третьей четверти XIX в. иногда, видимо, под влиянием *губ* — *зуб*. Примеры такого употребления встречаются у Пушкина, Л. Толстого, Лескова, Гл. Успенского и др.

к) К фразеологическому употреблению относится, напр., др.-русск. *меж двор* «между дворами, по дворам»: ...и жены и дети скитаются тут же в Агенсеевской вотчине меж двор (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118).

Влиянием твердого мужского склонения не охвачены в литературном языке основы типа *конь*, *пахарь* в родительном множественного числа; ср.: *коней*, *пахарей*, где отражено засвидетельствованное с XIII в. влияние не **о**-основ, а основ на **-ь (-i)**; ср.: ст.-слав. *зятий*, *медвѣдий* и под. Отсутствию влияния здесь в литературном языке **о**-основ с проводимым ими окончанием, перенятым от основ на **-u (-ъ)** *(сыновъ, домовъ)*, способствовали: близость к **-jo** (**je**)-основам ряда окончаний (в том числе таких влиятельных, как именит. ед. ч. и именительный мн.) в **ь**-основах, очень раннее исчезновение **ю** (**ju**)-основ (мѫжевъ), результатом чего было, что окончание **-евъ** в родительном множественного, как оно должно было бы звучать в системе **jo**-основ, не имело непосредственного образца[1].

Влияние твердого склонения охватило только слова с окончанием основы на **-ц** — *молодьць*, *купьць* и на **-й** — *край*. С первого взгляда представляется странным, что именно основы, оканчивающиеся на **ц**, которое отвердело позже, чем **ж**, **ш**[2], усвоили окончание **о**-основ, тогда как основы с конечными **ж**, **ш** подвергались влиянию мягкого склонения *(ножей, ужей, шалашей, малышей)*[3]. По-видимому, причина различия здесь — в узости, конкретности пути влияния **ь**-основ на -jo(je)-основы. Среди **ь**-основ были слова на **-жь**, **-шь**, которым могло уподобиться склонение **jo**-основ вроде *ножь*, *сторожь*, но не было слов на **-ць**. Слова с таким окончанием в **jo**-основах оказывались,

[1] В диалектах, однако, формы на -ев по образцу -ов твердого склонения нередки. В памятниках форму на **-ев** сравнительно часто встречаем при слове *товарищ* (влияние основ на **ш?** — см. выше — Фонет., § 8): И те языки на Москве у товарищев ваших взяты... (Царская грам. на Дон, 1629 г.). Сыскать и товарищев их (Котош., 115). Посылать товарищев своих (Мат. Раз., I, № 22), — но там же: Послать в те места товарищей своих.

[2] Ср. Фонет., § 1.

[3] Так обстоит дело в современном литературном языке. В говорах и древнерусском от слов типа *ерш*, *сторож* род. мн. нередко выступает с окончанием **-ев (-ов)**. Зачастую в том самом памятнике на расстоянии нескольких строк можно встретить, напр., *сторожев* и *сторожей* (ср. Памятн. Смут. врем., 185 и 186, и под.).

таким образом, «выталкиваемыми» в сферу влияния других близких им основ — основ на **-о:** *молодцов, отцов; братцев, горцев* (е вм. **о** графически); ср. в памятниках: *чюдотворцов* (Письмо в. кн. Вас. Ив. 1550—1552 г.), *иноземцов* (Котош., 30), *злочинцов* (Котош., 115)).— В диалектах, однако, известны и формы на *-ц-ей:* Будде, Лекции, 2 изд., 115, приводит, напр., ряз.— скоп. *месяцей.* Такие формы особенно распространены в северных говорах, сохраняющих мягкость в согласном **ц**.

Сказанное относится и к словам типа: край — *краёв*, лентяй — *лентяев*, герой — *героев*, кий — *киёв*, поцелуй — *поцелуев:* **ь**-основ с окончанием **-јь (-й)**, как известно, в древнейшую пору не было.

§ 8. Влияние винительного множ. на имен. мн. в склонении *о*-, *ъ*- и *ь*-основ мужского рода.

Совпадение во множественном числе именительного **о**-основ с винительным, вытеснившим старые формы именительного на **-и**, кроме влияния отношений единственного числа, которые могли в этом случае быть только благоприятствующим обстоятельством, стоит, видимо, в связи с влиянием множественного числа женского рода (имен.-вин. *коровы, травы*). При этом установлению **-ы** в именительном множ. **о**-основ, вероятно, благоприятствовала тенденция в «твердых» основах удержаться во всех падежах в пределах окончаний, не вызывающих смягчения предшествующих согласных.

В основах на велярные (задненебные) такому направлению аналогии способствовало еще стремление освободиться от **ц, з, с** *(вълци, струзи, грѣси)*, чтобы обобщить в парадигме те же **к, г, х**, которые характеризовали основу в других падежах.

В ряде случаев и при проникновении окончания винительного падежа в именительный множественного дифференциация падежей обеспечивалась долгое время разницею в ударении, так как, по-видимому, у слов с односложной основой (или с двусложной полногласной), имевших в древнейшем славянском так называемую циркумфлексовую интонацию или краткость корневого гласного[1], а также у некоторых других многосложных, ударение в винительном падеже переносилось на окончание; ср. укр. им. мн.: *дубú, стогú, голосú, островú, берегú, городú*,— формы, вероятно, являющиеся потомками винительного множ. и относительно ударения.

Самостоятельность старого именительного падежа множ. ч. отражена до сих пор: а) в сохранении форм его *соседи, черти*, стар. *холопи*, получивших при себе во множественном числе остальные формы по мягкому склонению (*соседей, соседям* и т. д.);

[1] Возможность определить древние интонации нам дают главным образом сербский и словенский языки. В формах полногласных ударения **óро, épe, óло** — след былой так называемой циркумфлексовой интонации, **opó, epé, олó** — акутовой (см. главу IV, § 1).

б) в ударении корня в тех словах, обозначающих «одушевленные» предметы с циркумфлектированным или краткостным гласным корня в прошлом, которые фонетически в форме винительного падежа должны были бы перенести его на конечный гласный: *бе́сы, бо́ги, во́лки, во́ры, ду́хи, мо́ты, плу́ты, тру́сы* вместо ожидаемых фонетических «бесы́», «боги́» из «богы́», «волки́» из «вълкы́» и под. (под влиянием старых *бѣси, бози, вълци* и под.). Ясно, что бо́льшая стойкость форм именительного падежа у названий существ сравнительно с названиями предметов стоит в связи с их более частым употреблением в роли подлежащих,— факт, имеющий многочисленные параллели в других языках. Аналогия **о**-основ повела за собою **ъ**-основы: вместо старинных «им. мн. *волове:* вин. мн. *волы*» установилось для обеих форм *волы* (форма винительного падежа позже снова отошла от именительного, см. § 10).

У **ь**-основ им. мн. ч., ст.-сл. *медвѣдие, людие*, тоже подвергся в русском влиянию винительного — *медвѣди, люди*. Тут, как и при **jо**-основах, свою роль сыграл, видимо, параллельный ряд имен женского рода: *кости, мыши* и под. с одинаковыми формами именительного и винительного.

§ 9. Замечания о женском склонении основ на *ja* (*ia*).

Характерную особенность этого склонения, как и принадлежащих к нему слов типа *рабыни* «рабыня», *ладии* «ладья», в древневосточнославянском составляло, сравнительно со старославянским, окончание -ѣ в род. падеже ед. ч. и имен.-винительном множ., окончание, которому в старославянском соответствовало -ѩ, при отвердении шипящих — ѧ, т. е. *землѣ, душѣ* при ст.-слав. *землѩ, душѧ*. Такое же окончание, как в древневосточнославянском, свидетельствуется и западнославянскими языками, т. е. перед нами, по-видимому,— очень давняя диалектная морфологическая особенность этих двух славянских ветвей. По поводу происхождения этого окончания высказан ряд догадок, направленных на устранение большой фонетической трудности: **ѣ** обычного, широко известного происхождения (в соответствии долгому **е** (**ē**) или **oi̯**, **āi̯** и под. других родственных языков) после **j** (**i̯**) не встречается, так как в первом случае этот звук переходил фонетически в долгое **а** (**ā**), а во втором — через стадию **ei̯** — в долгое **i** (**ī**). Как факт, однако, независимо от его истолкования, окончание **-ѣ** в родительном ед. ч. и имен.-винительном мн. ч. этого склонения по отношению к древневосточнославянскому не возбуждает никаких сомнений. Он установлен прочно, и, характеризуя возникновение позднейших русских форм, надо исходить из него.

Род. пад. ед. ч. этого склонения теперь оканчивается на **-и**: *земли, души*. Такие формы в новгородских и киевских памятниках выступают с начала дошедшей до нас письменности; древ-

нейший пример — *из отроковичи* (ср.: отроковицѣ) (Новгор. Минея 1095 г.); проникают они, однако, в письменный язык медленно, и еще в XIV в. старые формы на **-ѣ** в памятниках в широком употреблении. Появление окончания **-и** нужно считать продуктом влияния параллельной формы твердого склонения (основ на **-ā**): *жены, головы*, оканчивавшейся на **-ы** после **г, к, х**, по соответствующему фонетическому закону; около (не раньше) XIV в. это **ы** перешло в **и**: ногы, рукы, снъхы — *ноги, руки, снохи*.

Подобному же влиянию твердого склонения нужно приписать замену старых форм имен.-винительного падежа мн. ч. новыми на **-и**. В памятниках новое окончание встречается у этих форм позже, чем в родительном падеже ед. ч. Соболевский отмечает их с начала XIII в. (Милят. еванг., 1215 г.); старые окончания еще часты в памятниках XVI в.

Украинский язык в своих формах *землі, душі* сохранил до сих пор рефлексацию старого восточнославянского **ѣ** (если бы здесь было старое **и**, то, по законам украинской фонетики, оно должно было бы перейти в **ы** (укр. **и**).

Дат. и местн. п. ед. ч. в типе *земля, душа* имел древнее окончание **-и**. Нынешнее окончание **-е**, восходящее к старому **ѣ**, перешло в мягкое склонение из параллельного твердого: *женѣ, головѣ*. Древнейшие примеры относятся к концу XI в.: въ ветъсѣ одежѣ; святѣи госпожѣ (Минея 1095 г.).

В XVIII и начале XIX в. в слове *земля* еще относительно часто употреблялась старинная форма: Ты сыплешь щедрою рукою Свое богатство по земли (Ломон.). Ты мне все блага на земли (Жуковск., Песня). Мой дар убог и голос мой не громок, Но я живу и на земли мое Кому-нибудь любезно бытие... (Баратынский) ...Я, царь земли, прирос к земли (Тютчев).

Тв. пад. ед. ч. *землёю, душою*, что касается **ё** (**о** со смягчением предшествующего согласного) и **о** после отвердевших шипящих,— формы, обязанные тому же влиянию параллельного твердого склонения, которые мы констатировали в род. и дательном падежах ед. ч. и имен.-винительном множественного. Ср. фонетические формы местоимений в творительном падеже ед. ч.: *моею, твоею*.

§ 10. Винительный = родительному в ед. ч. мужского рода и во множ. ч. мужского и женского.

Именительный и винительный падежи ед. ч. фонетически совпали уже в глубокой древности в **ъ-** и **ь**-основах: им. ед. ч. *sūnus, вин. п. ед. ч. *sūnum превратились одинаково в *сынъ*, им. ед. ч. *ghostis, вин. п. ед. ч. *ghostim — в *гость*. Спорен вопрос о том, фонетически или нефонетически совпали в древнейшем славянском им. п. ед. ч. и винит. п. ед. ч. **о-** и **jo**-основ:

[1] Об интонациях см. IV, Ударение, § 1.

*bhrātros и *bhrātrom — *брат(р)ъ*, konjos и konjom — ***конь***, но, независимо от того или другого объяснения, нет сомнений, что самое совпадение и этих форм — факт уже древнейшего периода. Современное, отличное от древнейшего употребление винительного падежа у имен существительных «одушевленных», притом охватившее и другие славянские языки, — как совпадающего с родительным, свидетельствуется, наряду со старым (винительный = именительному), уже древнейшими нецерковными памятниками. В качестве наиболее влиятельной формы, вызвавшей новые отношения, указывают (Вондрак и др.) на местоименную — **кого**, издревле служившую родительным и винительным и употребляющуюся в роли вопросительной только по отношению к «одушевленным» именам. Эта догадка хорошо объясняет разницу в путях влияния на единственное число и множественное, во многих языках в винительном падеже не совпавшее с родительным: вопрос *кого?* о множественном употребляется гораздо реже, чем об единственном. Что касается самого **кого?** то оно представляет, по-видимому (догадка Мейе), древнейший славянский продукт совпадения родительного ***ко** (из ***ка** под влиянием ***коmu*** и др.) и винительного ***kom** в положениях перед частицею ***go**.

Замена старых форм винительного падежа формами родительного свидетельствуется в русских памятниках для множественного числа редкими примерами; начиная с XIV в. С XV в. такие формы становятся обычными, но до самого XVIII в. под влиянием традиционного книжного языка наряду с ними выступают нередко и формы, совпадающие с именительным.

Колебание в употреблении отражают тексты: «А коли ми будеть слати *свои данщики*...» (Догов. грам. вел. кн. Дмитрия Иван. с кн. серпух. и боров. Влад. Андр., около 1367 г.) и там же: «...тобе послати *своих воевод* с моими воеводами вместе...»

Наиболее долго держатся в литературном языке, отражая не только влияние церковнославянского языка, но, вероятно, и живых говоров (ср. укр. *пасти коні*, *виганяти корови* и под.), формы винительного множественного, совпадающие с именительным, у названий животных: А соломка *под лошади* слати (Домострой, 56). А кормятца зверем, *бьют лоси и олени и козы* (Мат. пут. Ив. Петлина, 272). ...И тут в казмине кормят *шаховы звери — слоны и бабры* [род тигра] (Хожд. на Вост. Ф. Котова, 89). *А досталные лошади* велят им *продавати* (Котош., 92). *Лошади* их *водити* заказано (Котош., 30). А бывает теми птицами потеха *на лебеди*, *на гуси*, *на утки*, *на журавли*, *и на иные птицы*, *и на зайцы* (Котош., 85). И перситцкой шах *те птицы* от царя *принимает* за великие подарки (86). Да на корм тем птицам... *емлют* они, кречетники и помощники, *голуби* во всем Московском государстве (86). А *куры прислать* к Москве *сушеные*... (Хоз. Мороз., I, № 17). А *коковы лошади купишь*..., и то записывать в книги (Хоз. Мороз., I, № 170).

Сюда же — и слово *дети:* А приказываю по своем животе свою жену и *свои дети* своему свату Овдею Кондратову... (Духовная Панкрата Ченея, 1482 г.).

Рядом, однако, в употреблении и формы винительного-родительного: А ловят *тех птиц* под Москвою и в городех и в Сибири (Котош., 86). А на Москве, взяв у них *тех лошадей*, на царском дворе ценят против их тамошней цены (Котош., 92). А *лошадей* бы тебе на золеную воску[1] купить... (Хоз. Мороз., I, № 170).

Условием, благоприятствовавшим сохранению старинного окончания, являлось предложное управление:... имывал у нас даточных людей и лошедей многих *под стрельцы* и *под козаки* (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.). ... и в те походы имал у них даточных людей и *под стрельцы* и *под козаки* лошади многие (там же). ...И стругов подо всякие наши царськие обиходы и *под воеводы* и *под гонцы* и *под стрельцы и под пушкари* и *подо всякие наши служилые люди*... у них не имати (Грам. XVII в.— Крепост. мануф., III, № 43, IV). ...и на всех городцких людей: *на протопопа и на попы, и на слуг шатцких*... (XVI в., Фед.-Чех., I, № 57).

Форма винительного падежа, одинаковая с именительным, сохранена в литературном языке также в специальных сочетаниях при предлоге **в** и винительном множ. числа со значением новой должности, нового состояния и под.: *быть произведенным в лейтенанты, быть принятым в члены партии* и под. Сохранению старых окончаний здесь способствовало постоянное положение формы при предлоге.

Дольше, чем в обычном употреблении, формы, одинаковые с именительным падежом, во множественном числе сохраняются у имен женского рода при числах **двѣ, три, четыре (обѣ)**:... такому дать *две лошади*... (Инструкция дворецкому Ив. Немчинову, XVIII в.). Вдруг На них он выменял *борзые две собаки* (Грибоедов). Ср. и у имен мужского рода: «...да *за два кони* 45 рублев» (Судеб. дело Т. Маркова, 1648 г., Фед.-Чех., II). Далее подобное употребление стало распространяться, медленно пробивая себе дорогу, и на формы мужского рода на а, **я**; ср., напр., у Пушкина (Сказка о царе Салт.): «...Море вдруг Всколыхалося вокруг... И оставило на бреге *Тридцать три богатыря*».

Естественно, что старинное окончание сохранялось и в некоторых фразеологизмах, напр.: ...будет... лучитца для какова празника, или для свадьбы, или родин, или *родители помянути* меду поставити... (Грам. из Ярослав. чети Ж. Микулину, 1611 г.). ...или *родители помянуть* пивца сварити и медку поставити... (Челобитье серпуховитина Т. Семенова, 1611 г.). Но ср.: ...для празника или для родин, или *родителей* помянуть (Челобитье откупщика Т. Шипова, 1611 г.).

---

[1] «Зольную возку» — «возку золы».

Остатки старых именительных-винительных мужского рода ед. ч., из которых современный литературный язык знает только *замуж* и *нá конь*, в древнем языке многочисленнее; ср., напр.: ...и поворотного не дают и *на медведь* не ходят (Грам. дмитровск. кн. Юрия Иоанн., 1509 г.). А целое блюсти про государя и про господарыню и *про гость*[1] (Домострой, 49). ... Да писал ты, господине, ко мне, что сказывал тебе брат мой Михайло Иванович Вельяминов *про кобель борзой*, Литвином зовут, и чтоб его мне к тебе прислать; и яз, господине, тебе, великому пану, за свой живот не постою, не токма что *за кобель*, и послал его к тебе... (Пис. Ив. Годунова к гетм. Яну Сапеге, 1608—1609 г.).

Реже в др.-русском случаи имен.-винительного ед. ч. в беспредложном управлении: Да челом, государь, бью, к тебе, государю, послал *бобр карь* с Степаном с паном Перфлинским... (Пис. окольничего кн. Дан. Долгорукого к гетм. Яну Сапеге, 1608—1609). *Опален бобр* не наси в торг (Старин. посл., XVII в.).

Для довольно долго длившегося возможного колебания в употреблении форм этого склонения, совпадающих в единственном числе с именительным и с родительным, в памятниках русского языка XIII—XV вв. характерны, напр., случаи: А оже убьють *новгородца посла* за морем или *немецкий посол* новегороде то за ту голову 20 гривен серебра (Список с мирной грам. новгородцев с немцами при кн. Яросл. Волод. 1199 г. в догов. грамоте Алекс. Невского и новгор. с немцами 1262—1263 г.).

С развитием категории одушевленности древний русский язык даже обнаруживает иногда тенденцию шире, чем теперь, практиковать одушевленность, приписывая ее некоторым собирательным. Так, например, в одной судебной грамоте времен царя Алексея пишется: «...да и в челобитье своем Михайло и Федор писали Чудова монастыря властей, и писца, и подьячего ворами...»

Расхождение (и очень значительное) в хронологии установления винительного-родительного в ед. ч. и в числе множественном стоит, вероятно, в связи с тем, что во множественном совпадение именительного с винительным в ряде склонений — явление значительно более позднее, чем в единственном числе (*волъ, рабъ, конь, гость* восходят уже к древнейшему времени, а *волы, рабы, кони, гости*, как формы именительного-винительного, возникали на восточнославянской почве).

§ 11. Формы множ. числа на *-ам, -ами, -ах, -ям, -ями, -ях* и *-ьми*.

Формы на **-амъ, -ами, -ахъ** первоначально принадлежали только основам на **ā** (долгое а) и в доисторическое время повлияли на **ы**-основы (тип *свекры*, род. *свекръве*, см. § 12). Перенесение

[1] Так и в собирательном значении: «Ярослав же и тех не пусти, а *гость новъгородьскыи* всь прия» (1-ая Новг. лет., стр. 163).

окончаний **-ам, -ами, -ах** (**а** — из основы, **-мъ, -ми, -хъ** — старинная флексия) в другие типы склонения — явление относительно позднее.

Есть основания думать, что раньше всего дательные на **-амъ, -ямъ** появились в склонении имен среднего рода, где проникновению **-амъ, -ямъ** вместо старинных **-омъ, -емъ** способствовало окончание именительного-винительного мн. ч. Ср. древнейшие примеры из сев.-русских памятников: беззакониям (Парем. 1271 г.), селамъ (Двин. грам. XV в.).

Вероятно, очень близко по времени эти окончания появились у слов склонения типа *боярин* — *бояре*, может быть, раньше всего в говорах, где последняя форма заменилась, под влиянием собирательных, формою *бояра*[1]: египтянам (Парем. 1271 г.), к латинам (Ряз. Кормч. 1284 г.), боярамъ, дворянамъ (Новг. грам. 1371 г.)[2]. Унбегаун предполагает (указ. соч., стр. 202) в первую очередь влияние слов мужского рода женского склонения типа *воеводам*, *слугам*, *судьям*.

Формы на **-ом** изредка встречаются еще и в XVIII в., по-видимому, только в начале его: «Десятским и всем *крестьяном* накрепко приказать...» (Инструкция дворецкому) ...при том же и *крестьяном* позволение дайте подчищать сучья... (там же).

Влияние им.-вин. падежа мн. числа сказалось и в местном (старинные окончания — **-ѣхъ, -ихъ**): на сборищах, на сонмищахъ (Еванг. 1339 г.), в гробищахъ (Нов. Прол. 1356 г.), ловищахъ (в Двин. гр. XV в.), лицах (Лавр. летоп.).

Что касается творительного падежа с его окончанием **-ы (-и)**, совпадавшим у имен мужского рода с винительным (и новым именительным, ср. § 8), то он шел, вероятно, особым путем и окончание **-ами** в нем распространилось независимо от характера основы: съ клобуками (Парем. 1271 г.), хмелниками (Двин. гр. XV в.)[3].

По-видимому, неслучайно параллельно с формами типа *боярам* раньше всего выступают родственные им со смысловой стороны: матигорьцамъ (Парем. 1271 г.), купцамъ (Дог. 1373 г.), княжоостровьчамъ (Двин. рядн. XIV в.), чернцамъ (Двин. купч. XIV в.). Очень немногочисленные случаи других категорий см. у Соболевского, Лекции, 4 изд., 177 и след.

Все старинные формы разбираемых падежей мужского склонения **-омъ (-емъ), -ы (-и), -ѣхъ (-ихъ)** в русской письменности

---

[1] Такие формы в памятниках засвидетельствованы относительно поздно, но могли, не проникая в письменность, существовать в говорах.

[2] Старинное склонение этого типа, сколько можно судить по ст.-слав., имело в дат. мн. **-емъ** (или **-омъ**). тв. **-ы**, местн. **-ехъ**. Нерешенным остается вопрос о формах типа др.-серб.: дубровьчамъ (дат. мн.), др.-чеш.: Dolás (местн. мн.). Их имел и др.-русск., поэтому уже в случаях вроде *египтямъ*, *египтясъ (египтяхъ)* были известные условия для распространения -а (**-я**) в этих типах.

[3] Ср. и свидетельство для конца XVII в. Генр. Вильг. Лудольфа о том, что в разговорном языке у русских в употреблении *городами*, *древами*, но *городом*, *древом*, *городех*, *древех*.

держатся очень долго, заходя даже в начало XVIII в. Еще у Кантемира встречаем: ...везде примечает, что в *домех*, что в улице, в дворе и в приказе Говорят и делают (Сат. III). Искусственный характер таких форм особенно ясен из ошибок, когда подобною флексией снабжаются слова склонения на **-а**, исконно оканчивавшиеся на **-амъ**, **-ами**, **-ахъ**; ср., напр.: ...и ты бы те все денежные доходы прислал к нам в полки к Москве *с старосты* и с *целовальники* тотчас наскоро (Грам. бояр из Владим. чети во Влад. к воеводе, 1611) г.). А подволоки у полатъ выписано травами, красками розными; а украшены полаты *различными краски*... (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Да *своими сабельки вострыми* (Ист. об Азовск. сид., 12). Со всякими угодьи и *съ рыбными ловли* (Дело Ник., № 192). А как де кречатник Данило Григорьев *со птицы* на Донъ приехал... (Мат. Раз., IV, 11). ...и тебе б *нашими государевыми птицы* промышлять и быть к Москве *со птицы* июля к 16 числу (Письмо ц. Алексея 1660 г.); ...что он [князь Ив. Хованский] кинулся *з двемя тысячи* конными... (там же). ...послан Федор Протасьев в Переяславль к наказному гетману к Якиму Самку... *с* его, великого государя, *грамоты* и с милостивым словом и с жалованьем (Стат. список пребывания в Нежине и в Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.). ...и тех ротмистров *с* их *роты* ведати старшему ротмистру... (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). А и буду вас жаловать Златом, серебром Да и *женки прелестными*, А *женки прелестными* — И душами красными девицами (Кирша Данилов, «Во Сиб. во украйне»).

Во всяких торговлехъ (Домострой, 64) вм. «торговлях»; и в поварнех и в хлебнех (57); ср. в заголовке: В поварнях и в хлѣбнях. Нередки и случаи, обнаруживающие, что пишущему явно безразлично, какую форму употребить, напр.: ...Говорилъ, что онъ ево зналъ в *попехъ*, а в *митрополитах* не знаетъ (Дело Ник., № 39). Митрополитъ посылалъ ево к *ключарямъ* (Дело Ник., № 40) и там же: И он де, дьякон Іосифъ, *ключаремъ* говорилъ...

Унбегаун, полагаясь всецело на данные памятников, считает, вопреки мнению Шахматова,— что в языке Москвы творительный стал звучать **-ами** значительно позже, нежели **-а-** проникло в дательный и местный (указ. соч., стр. 203 и след.).

Не исключена, однако, возможность, что господствующий творительный на **-ы** являлся в московской письменности фактом только книжным, поддерживавшимся в этой форме более резким расхождением форм традиционной — книжной и живой, нежели это было у **ом** — **ам**, **ех** — **ах**.

Формами твор. падежа на **-ы (-и)** еще относительно свободно пользуется Ломоносов, но уже у Державина Обнорский нашел только один случай старинного употребления: «И цельты с мидяны, с египтяны попраны».

Из редких случаев в XVIII в. у В. Петрова см., напр.: «Кто

взглянет на таку картину не хуля, Где *с парусы* корабль написан без руля?» (К вел. государыне). Как остаток старины форма твор. пад. мн. ч. на **ы** заходит глубоко в XVIII в. в фразеологизме; ср.: «Один бедняжка искал счастия своего во всем и *всеми образы...*» (Хемн., план басни)[1].

Как характерные для языка приказных, такие формы Н. Р. Судовщиков употребляет в речи своего комического персонажа — Подьячего еще даже в начале XIX в. («Опыт искусства»): Читал я объявленье...: Построил я театр *с партеры, со кулисы:* Потребны мне теперь актеры и актрисы...

Проникновение окончания **-ями** в **ь**-основы женского рода — явление, не закончившееся еще и теперь: *костьми, лошадьми* и под. Наибольшую стойкость здесь обнаружили слова, имевшие **-ми** под ударением. В XVII и XVIII вв. еще пишут: печатьми, пищальми и под. (Улож. 1649 г.), тремя печатьми (Дело Ник., № 41); мозольми (Кант.); свирельми (Лом.) и под., не говоря уже о словах с ударением на **-ми,** ряд которых держался еще в продолжение XIX века. Ср. рѣчми (Дело Ник., № 39).

В древнерусском можно еще заметить довольно отчетливую тенденцию творительный множ. мягкого мужского склонения **(-и)** сближать с **ь**-основами: мечьми булатными (Задонщ.); И покрыты пеленою шитою да соболми (Котош., 7).

В XVIII в. этой тенденции подчиняются главным образом слова на **-тель:** жительми, приятельми (Ломон.), победительми, правительми (Фонв.); реже—другие: коньми, со рыцарьми (Держ.): (ср.— соседьми, Болот., письмо 20).

В XIX в. и здесь окончательно устанавливается **-ями.**

§ 12. Изменения в составе ь-основ.

Состав слов, принадлежащих к склонению на **-ь** (**i**-основы), в исторической жизни русского языка сильно сократился. Прежде всего приходится констатировать почти полный переход в основы на **-je** (**jo**-основы) слов мужского рода, некогда входивших в основы на **-ь.**

Уже внешняя оболочка слов, вроде *медведь, тесть, зять, голубь,* говорит об их непервоначальности в составе основ на **-je (jo):** *медведя, тестя, зятя, голубя,* а не «медвежа», «теща», «зяча», «голубля», как ожидалось бы по закону перехода **дй** в **ж, тй** в **ч, бй** в **бль**. Это соображение о непервоначальности подобных слов в **je**-основах полностью подтверждается и свидетельствами других славянских языков, и данными памятников. Ср., напр., соответствующие ст.-слав. слова, идущие по склонению

---

[1] У Державина встречаем уже совсем непозволительную — неверную архаизацию: «Тогда тебе дщерь тирска длани Прострет *со многоценны дани*» (Песнь брачная): в слове *дань,* жен. рода, подобного окончания никогда не было.

ь-основ, и еще такие, как: *гость* (род. *гости*)[1], *гвоздь*, *лакъть*, *ногъть*, *тать*, *чрьвь* и т. д. К этому же склонению относились *звѣрь*, *огнь*, *жгль*, *печать* (м. р.), *грътань* (м. р.). Единственное слово мужского рода, сохранившееся в литературном языке в составе склонения на **-ь**,— *путь*; в говорах (гл. обр. севернорусских) и оно, однако, уже переходит в другой род *(эта путь)*, или же (гл. обр. в южнорусских говорах) склоняется как **je**-основа: *путя*, *путю* и под.

Трудно ответить определенно на вопрос, почему именно оно не разделило в литературном языке судьбы других слов мужского рода, принадлежавших к тому же склонению. С известной вероятностью тут можно выдвинуть только указание на роль местного падежа у слова со значением «дорога» *(в пути, на пути)*, тогда как все остальные слова мужского рода этого склонения в местном падеже употреблялись только редко или относительно редко. Эта особенность могла препятствовать переходу *путь* в **je**-основы; влияния же женского рода слово могло избежать, как стоявшее особняком по своему ударению; ср. род. *пути́*, дат. *пути́*, но *ко́сти*, *ре́чи* и под.

Слово *дьнь*, первоначально являвшееся основой на согласный (родительный падеж единственного числа *дьне*), затем подверглось на русской почве влиянию **ь-** и **je**-основ. В литературном языке возобладали формы последнего типа: родительный падеж единственного числа *дня*, дательный падеж единственного числа *дню* и т. д. В старинном языке нередки: родительный падеж единств. числа, дательный падеж единств. числа *дни* и под.; ср., напр.: ...часу в пятом дни... (Розыскн. дела о Фед. Шакловит., II, VIII, № 5).

С другой стороны, в состав **ь (i)**-основ женского рода вошли в исторической жизни русского языка некоторые слова, раньше принадлежавшие к основам на **-ы** (инд.-евр. **ū**, долгое **у**) перед гласными **-ъв** (инд.-евр. **uu̯**). Это слова, вроде *кровь*, *любовь*, *свекровь*, восходящие к старинному склонению им. ед. ч. *кры (ср. соврем. словенское kri «кровь»), *любы* (ср., напр., в Лавр. списке летоп., 43 об.: И бѣ миръ межю ими и любы), *свекры*[2], род. ед. *кръве*, *любъве*, *свекръве*, дат. ед. *кръви*, *любъви*, *свекръви*, вин. ед. *кръвь*, *любъвь*, *свекръвь* и т. д.: «Аще который брат в етеро прегрешенье впадаше, утешаху и епитемью [единого разделяху]

---

[1] Ср. напр.: «...то князю явя и людем, взяти своє у гости» (список с мирн. грам. новгородцев с немцами 1199 г. в догов. грамоте Алекс. Невского 1262—1263 гг.), хотя там же: «а в том миру ити гостю домовь».— «А гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа...» (Догов. грам. Новгорода с вел. княз. тверским Ярославом Ярославичем, 1270 г.).

В говорах в качестве остатков старинного склонения отмечались еще род. п. ед. ч. *гуси*, *огни* (Обнор., Именн. склон., I, стр. 81).

[2] Ср. в народной поэзии: А и билася-дралася свекры со снохой (Сборн. Кирши Данилова). Форма *свекры* распространена была до недавнего времени в говорах.

3 ли 4, за великую *любовь:* такова бо бяше *любы* в братьи той...» (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом)[1].

Сближение этих немногочисленных основ с относительно многочисленными словами типа *кость* совершилось очень легко благодаря сходству со склонением **ь**-основ винительного ед., рано (для ряда слов еще до эпохи восточнославянских памятников) вытеснившего именительный ед. ч., и именительного-винительного множ. ч.

Стоит внимания, что некоторые формы множественного (и двойственного) числа **ы**-основ, какими мы их знаем в древнейших старославянских памятниках, открывали довольно легкий путь влиянию очень многочисленных основ на **-ā**; ср. род. мн. *свекръвъ*, дат. мн. *свекръвамъ*, тв. *свекръвами*, мест. *свекръвахъ* и под. Тем не менее русский язык в единственном числе почти не отразил подобного влияния: в древнерусском и в говорах выступает лишь слово *церква* (литер. *церковь*); ср. «ходилъ по соборной церквѣ» (Дело Ник., № 40) и под.[2] (хотя в данном тексте и пишется имен. ед. *церковь*). У протопопа Аввакума встречается контаминированное: *въ церковь* (№ 25, стр. 82).

Формы типа *церковь* устанавливались вместо *цьркы* (црькы) не без колебания; характерна, напр., контаминированная форма *церкви:* «и есть та *церкви* у Понтократаря монастыря» (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.). Ср. там же — *церковь.*

Или: Того же лета свершена бысть *церкви* святая Богородица в Володимире благоверным князем Андреем... (Новгор. 5 летоп., под 6668 годом).

Остаток старинного склонения имеем в литературных архаизированных формах *церквам, церквами, церквах.* Родительный множественного *церквей* отошел от старины под влиянием древнего именительного-винительного *церкви* (ст.-слав. *црькъви*).

§ 13. Родит. пад. мн. ч. от слов на *-ня.*

Родительный падеж множ. ч. от слов на **-ня** с предшествующим согласным имеет обычно окончание **-н:** *басен, песен, спален, боен.*

Существует попытка морфологического объяснения этих форм. С. П. Обнорский (Именное склонение., II, 213 и дал.) указывает на параллельные областн. *спальна, купальна, колокольна,* восходящие к старым образованиям на **-ьна**, и видит в родительном множ. ч. с твердым **н** потомка форм типа *спальнъ, купальнъ* и под.

---

[1] В памятниках нередки случаи род. падежа по старому склонению: «...и для отмщения невинных *крове*...» (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Своеобразно осмысление старого русского **жьрны** «жернов» как множественного числа в говоре Опочки (б. Псковск. губ.); ср. в «Опыте областн. великорусск. словаря», 1852 г.: «**жорны**, *родит.* ж е р ё н и ж е р о н, *дат.* ж е р н á м, *с. ж. мн.* Жернова или ручная мельница П с к о в. *Опоч.*».

[2] Возможно, что частое написание *въ церкве* (там же) представляет собою традиционный факт; ср. ст.-сл. *црькъве* (местн. пад.). Сходные факты — также и у Котошихина и в других памятниках.

Объяснение Обнорского в пределах морфологии дает возможность вполне убедительно истолковать случаи вроде *спаленка*, *купаленка* и под. Неясным остается, однако, при нем, почему замена старого окончания **-на**, идущего от прилагательного, новым **-ня** не захватила только родительного множ. Ср. и польские факты, не подходящие под предлагаемое Обнорским объяснение: wiśnia — род. мн. wisien, suknia — sukien.

Обнорский выдвигает еще и фонетический момент: по его мнению, смягчение суффиксального н было вызвано «ассимилирующим влиянием со стороны непосредственно предшествовавших мягких согласных», влиянием, отсутствовавшим в родительном множественного.

Это дополнение к морфологическому объяснению может быть принято только с серьезными ограничениями. В русских говорах, действительно, встречаются факты смягчения согласных перед гласными заднего ряда после мягких согласных, за которыми выпал былой **ь**, но, кроме широко известного специального смягчения велярных типа *Федькя*, *сверьхю* и под., имеющего свою территорию распространения[1], соответствующий материал относится только к случаям смягчения зубных после **ль**: *льню*, *льдю*[2], *больнё*. Принимая объяснение Обнорского, пришлось бы очень большое количество случаев типа *конюшня*, *вишня*, *песня* и т. д. рассматривать как продукты аналогии к *спальна — спальня*, *колокольна — колокольня* и под. Дело не обходится, однако, без трудностей; мы имеем, напр., в тех же самых говорах,— село Колобово, бывш. Колинского уезда, Вятск. губ. (Матер. для изуч. великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, № 52): *больнё*, но *колокольна*.

Возможна поэтому и другая догадка: исходный пункт изменения можно искать в тех случаях, когда как раз в родительном падеже множ. числа выступало вновь образовавшееся за согласным слоговое мягкое **н**, которое фонетически утрачивало затем свою мягкость: им. ед. ч. *песня* (русское новообразование из «пѣснь»), но род. мн. «*пѣснь*», имен. ед. ч. *басня*, но род. множ. ч. «*баснь*».

Пѣснь, *баснь* затем через форму со слоговым мягким **н** изменилось в духе тенденции мягких слоговых к отвердению в *песнъ, *баснъ и далее уже в *песен*, *басен*. Ср. и *песенка* из «пѣснька», *басенка* из «баснька».

Можно думать, таким образом, что здесь оказались встретившимися: старое морфологическое колебание *спальна — спальня*, *купальна — купальня*[3] в одних словах и фонетические отношения

---

[1] См. ценную книгу Д. К. Зеленина — «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных», С.-П., 1913.— Рецензия А. А. Шахматова, Изв. Отд. русск. яз. и слов., XX, 3 (1916 г.), стр. 332—358.

[2] В этом слове *ль* — вм. старого *ле*.

[3] К связи их с прилагательными ср.: обѣднюю отслужив (Посл. новгородск. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме). Очень характерный материал

пѣсня, *басня*, но род. множ. *пѣснь*, *баснь* — в других. В результате имело место установление в литературном языке нынешней системы форм.

По всей вероятности, факты в том виде, в каком они существуют в литературном языке, восходят к явлениям севернорусских говоров, в которых, как свидетельствует материал, приводимый Обнорским же, есть достаточно ясные следы отвердения и других мягких слоговых сонорных: *кудер*, *ноздер*, *ясел*, *капел*, *земёл*[1]. Ср. и литературные *петел* (устарелое) при *петель*, *вихóр* «клочок торчащих вверх волос» при книжном *вихрь* «порывистое круговое движение ветра»; др.-р. вихърь, вихоръ. Заслуживают по этому поводу внимания и факты, отмеченные Чернышевым (Правильность и чистота русской речи, стр. 44—45). «Иногда, впрочем,— пишет он, и в литературном языке, по влиянию народного, мы слышим произношение с твердым **л**: *капелка* — *капелок* — *капелочка*, *петелка* — *петелок* — *петелочка*, *колыбелка* — *колыбелок* — *колыбелочка*. Формы с твердым **л** не вполне чужды и письменному языку... Род. мн. ч. от *капля*, *петля* в живом языке иногда слышатся с твердым **л**: *капел*, *петел*, но в письме такие формы совсем не допускаются». Исходными в подобных случаях являются, надо думать, только случаи, восходящие к *капля* — *капька* > *каплка, по аналогии которых явились и *колыбелка* и под.

Естественно возникает вопрос о причине сохранения **нь**, **ль** и под. в случаях вроде им. ед. ч. *плесень* из «плѣснь», *опухоль* из «опухль» и под. Он решается, кажется, с большою вероятностью ссылкой на влияние на именительный-винительный остальных форм парадигмы и многочисленного типа *тень* — *тени* и под.

Фонетическую форму *опухол* можно, однако, указать в Домостр.: оток и опухолъ на все оуды (23), хотя там же имеем: кашель[2].

Памятники для род. пад. от слов на **-ня** отражают обычно окончание, соответствующее нынешнему литературному употреблению: земель и пожен (Акты юрид., № 19, 1532 г.). Род. пад. мн. ч. *пожен* выступает, напр., трижды и в оброчной Двинского уезда 1551 г. (им. мн. там же — *пожни*)[3]. Светилен куплено на шесть денег (Кн. расх. Тур. остр. 1622—1623 г.). Три бочки по полуведру вишен в патоке (Дело Ник., № 105); челобитен (Гр. 1681—1689 г.). Но и: Ваших деревен (Акты юрид., № 6 ок.

заключает Хоз. Мороз., I; ср., напр.: И я, холоп твой, велел ему, священику Михаилу, служить у Благовещения богородицы вечерну, и завтрину, и обедну (№ 76). Ехал Дементьев сын Щербачев в деревню брата своего... (№ 93). До твоего государева двора до конюшни (№ 131). Вишны мелки гораздо. Вишны самые мелкие отбираны, и под.; но — 9 вишнянь (дважды) (№ 70).

[1] Факт этого порядка представляет, напр., *конопел*: «Июня в 10 день купили в Николское осмину съ четверикомъ конопелъ на сѣмя...» в Приходорасходн. книг. Болдина-Дорогобужск. мон., 1585 г., стр. 81.

[2] О данном явлении ср. также «Мовознавство», 1936 г., № 7, стр. 75—76.

[3] Случай с **н** коренным, показывающий распространение аналогии.

1490 г.). Реже можно отметить: Да семь пешень (Отп. спис. 1551 г.,— Обнор.), семь пешень (Дело Ник., № 105), с таможень (Котош., 88—91). Ср. и к обычному *царевна*: государынь царевен (Дело Ник., № 41) и там же: государынь царевень.

Остатком старины является ст.-русское, напр.: «...с письма Мирона Хлопова... по 135 году минуло тем крестьяном 12 лет и 5 месяцев и 10 *ден*» (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118), и диал. **ден**. Ср. также: «...и в полдень брать на двор и кормить кошеною травою, а после *полден* паки на корм выводить» (Регула о лошадях, XVIII в.). Эти формы тоже могли оказать свое влияние.

Примечание. К слову *са́жень* современный литературный язык имеет род. пад. мн. ч. *са́жён* и *саже́не́й*. Форма *саженъ*, известная уже из таких памятников, как Дан. иг., Новг. I летоп., наряду с более редкими *сажень* и *сажений* — *саженей* (ср. и выписки Унбегауна, из памятников XVI в., указ. соч., стр. 192), возникла, по-видимому, в параллель отношениям *басни* : *басен* и под.

§ 14. Родительный пад. мн. ч. с именительным мн. ч. на *-ья* у слов мужского и среднего рода.

Специальных замечаний заслуживают еще окончания родительного падежа в образованиях мн. ч. на **-ья** мужского и среднего рода. В мужском роде усвоение в родительном мн. ч. окончания **-ев** в случаях вроде *братьев*[1], *колосьев*, *угольев* объясняется влиянием мужского склонения типа *соловьев*, *муравьев*, причем следует принять во внимание, что в случаях односложных основ с конечной ударяемостью оказалось все-таки предпочтенным окончание **ь (і)**-основ **-ей**: *друзей*, *князей* и под.

Труднее объяснить установившееся в литературной речи различие в среднем роде: ружье — *ружей*, соленье — *солений*, именье — *имений* (т. е. **ий** — ей к образованиям на **-ье**), но крыло — *крыльев*, звено — *звеньев*, дерево — *деревьев* (у имен, не относящихся в ед. числе к основам на **-ье**). По-видимому, причина этого различия в том, что первый тип в большинстве представляет образования книжные, церковнославянского типа и сохраняет более архаическую падежную примету, а второй, как представлявший известный параллелизм с именами мужского рода, у которых тоже был разрыв в способе образования между единственным и множественным числом (*кол* — *колья*, *клин* — *клинья*), подвергся с течением времени влиянию этих последних.

Что касается родительного множ. *сыновей*, то его **-ей** вм. ожидаемого «-ьев», существующего в говорах, следует поставить в связь с группой имен лиц — *друзей*, *зятей* и под. Ср. обратное влияние — диал. *зятевей*.

Род. пад. мн. ч. *полей*, *морей* вм. старинных и диалектных сев.-русских *поль*, *морь* представляет относительно поздний про-

[1] Ср. в старинном языке: ...А братьи де в той пустыне пятнадцать братьев... (Грам. царя Бориса дьяку Дм. Алябьеву, 1600 г.).

дукт, по всей вероятности, южнорусского уподобления слов среднего рода мягкого склонения мягкому склонению мужскому *(коней, людей)*. В различных актах XVI и XVII вв. еще обычно *поль* (ср., напр.: Езжу, государь, я, холоп твой, беспрестанно и посылаю с поль збивать [галок].— Хоз. Мороз., I, № 96). ...лесу непашенного около поль пятнадцать десятин (Купчая, выданн. бояр. Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.). Встречаются еще *морь* и *поль*, напр., у Ломоносова и Державина. Позднее появление форм на **-ей** доказывается, между прочим, и тем фактом, что этой аналогией не были захвачены слова на **-цо** — ср. *яиц*, *лиц* и под. (**ц** в русском отвердело, сколько можно судить по памятникам, в XVI в.).

Родит. пад. мн. ч. на **-ов** у слов *судов*, *облаков* соответствует мужскому роду их в прошлом: др.-русск. *судъ* — «судно», *облакъ*,

Параллельная «*яблок*» форма *яблоков* явилась, вероятно, как уже замечено выше, благодаря переходу им. падежа мн. ч. *яблока* в *яблоки*, т. е. в форму, внешне совпавшую с формами мужского рода. Форма *яблоков* свидетельствуется уже «Путешествием новгор. архиеп. Антония в Царьград в конце XII века», по списку не позднее начала XV ст.: «*Яблоков* златых множество» (изд. П. Савваитова, 1872 г., стр. 73).

§ 15. Основы на *-ен-* среднего рода.

Древнее славянское склонение парадигмы *имѧ*, по-видимому, еще сохранено в старославянском: ед. ч. род.-местн. *имене*, дат. *имени*, твор. *именьмь*, мн. ч. им.-вин. *имена*, род. *именъ*, дат. *именьмъ*, твор. *имены*, местн. *именьхъ*. В проведенных ими нарушениях исходной системы основы на **еп (ен)** (в имен. ед. ч. **ѧ — я**) обнаруживают влияние **ь**-основ муж. рода в ед. ч. и **о**-основ средн. рода — во множественном. Первому влиянию обязаны род.-предл. ед. ч. *имени*, *времени* (вм. старых форм на **-е**), второму — совпадение с поздними отношениями в **о**-основах средн. рода *(именам, временам, именами, временами, об именах, временах)*.

В севернорусских памятниках, начиная с XIV в., часто встречаются формы вроде *сѣмяни* и под.: ...И умолиста сестру свою имянем Аньну (Лавр. спис., летоп. 38); Чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.); знамян (Жалов. грам. 1542 и 1579 г., Арх. Строева. 1); Всему роду моему и племяни (Вкл. 1567 г., Арх. Строева, I, 476); 2 гряды капусного семяни, гряда репного семяни, гряда ретешного семяни (Дело Ник., № 102); месяц времяни (Котош., 92); в скором времяни (100); Имян их не упомнят (Мат. пут. Ив. Петлина, 272); Имян их не написано (Улож. 1649 г.); А иным имян не помнит (Дело Ник., № 40); Пролыгался чужим имянем (там же). Подобным образом склоняют еще в XVIII в.

Современные севернорусские говоры почти полностью устранили склонение на **-ен-**, переведя его в образец *поле*, т. е. в них имеем: полё — *имё*, *времё* (поле — име, време), род. п. поля — *имя*, *время* и под. Там в говорах, где сохраняются формы типа *имя*, *время*, существуют и параллельные древнерусским формы вроде *имяни*, *времяни*, отражающие влияние именительного-винительного падежа ед. ч.

В литературном языке склонение основ на **-ен-** сохраняется главным образом в результате влияния школы, поддерживающей в данном случае традиционные формы. Писатели XVIII и начала XIX вв. относительно свободно употребляли живые народные формы: неблагодарного имя, от того время (Кант.); до высоты темя (Радищ.); чуждого племя, по имю, по времю (Держ.); ...То к темю их прижмет (Крыл.); выше темя гор (Кольцов); Пламя в мертвом сердце нет, ни даже имя своего (Лерм.); ср. и у Л. Толстого — ...с огромным вымем («Война и мир», I, ч. 2, гл. 7) [1].

Специальный вопрос представляет родительный мн. ч. на **-ян** в словах *семян* и *стремян* (наряду со *стремён*) [2], отклоняющийся от других слов такого склонения *(имен, времен)*. Ломоносов (Росс. грамм., § 154) параллельными формами этого падежа считал *сѣменъ* и *сѣмянъ*. Ту и другую форму употребляет, напр., Державин: «...Духи... Суть вечны чады сих семен»; но: «...От брошенных его рукою семян...» (Бессмертие души). У писателей начала XIX в. еще можно встретить и *имян* (Карамзин, Судовщиков [3], Грибоедов), *времян* (Батюшков, Пушкин) и под. Северно-русские формы, поддерживавшие такое употребление у писателей, ввиду ограниченности говоров, где они встречаются, должны были скоро утратить всякую влиятельность в литературном языке, и их, естественно, сменили формы старославянского образца. *Семян* удержалось прочнее других, может быть, как предполагают, по мотивам избегания омонима «Семён». Так как дело идет о регулировании литературного языка, то, вероятно, этот мотив выступал не как факт языкового сознания, а был выдвинут самими грамматиками.

§ 16. Изменения в склонении основ, оканчивавшихся на согласный, мужского и женского рода.

Тип мужского склонения им. ед. *камы*, род. ед. *камене*, дат. ед. *камени*, вин. ед. *камень*, тв. ед. *каменьмь*, местн. ед. *камене*, им. мн. *камене*, род. мн. *каменъ*, дат. мн. *каменьмъ*, вин. мн.

[1] Большая коллекция примеров у Обнорского, Именное склон. I, стр. 302.

[2] *Стремян* может быть остатком старого *стремяно*, слова, отражающего, как естественно у парного предмета, влияние множ. числа (старинного типа на *-яно*). Ударение слова *стремяно*, видимо, падало на второй слог.

[3] Ср. Позабыл я двух — как звали; Средний, помню, Емельян. Как бы их не величали, Дело нам не до *имян* (Три брата-чудака).

камени, твор. мн. *каменьми*, местн. мн. *каменьхъ* (родствен ему представленный словом *дьнь*, род. ед. *дьне* и т. д., и только в творительном мн. ч. *дьны*, при *дьньми*) — стал подвергаться нарушению очень рано: уже в старославянских памятниках не от каждого слова представлена в первоначальном виде вся система старинных форм.

Винительный падеж типа *камень* легко перебрасывал мост между основами на согласные мужского рода и издавна на них влиявшими **ь**-основами, и в дальнейшем эти оба склонения, за исключением родительного множ. ч. у слова *день*, дольше других сохранявшего старину (ср. диал. *дён*, 5 ден и др. в Мат. пут. Ив. Петлина, 280 и др., ...16 денъ в Ист. об Азовск. осадн. сид. 18, и др.), вошли вместе в сферу влияния **jе**-основ: *камня*, *дня*[1] и т. д.

Ряд слов мужского склонения с **-ен-** во второй своей части (*корень*, *олень*, *ремень* и под.) по своему происхождению относится именно к этому склонению.

Вопрос представляет причина перехода нескольких слов типа *камень* в склонение с «беглым» **е**: *камня*, *гребня* и под. На том основании, что такие формы принадлежат южному, а не северному наречию, С. П. Обнорский (I, стр. 243) ставит их в связь с аканьем (редукцией). Известная роль фонетического момента здесь, действительно, вероятна, но существеннее то, что такие отношения могли быть заимствованы от параллельных образований с суффиксом **-ьнь**, род. **-ьня** (ср. укр. *камінь*, род. *каменя*, *ремінь*, род. *ременя*, но *січень*, род. *січня*, *блазень*, род. *блазня* и под.)[2]. К колебанию в языке XVII в. ср.: ...И того Футенского монастыря крестьяне того каменю мимо себя иным никому возить не дают (Челобитная иноземц. Андр. Бутенанта и Хр. Марселиса, 1685 г.), но: ...И того Футенского монастыря крестьяне того камня мимо себя иным никому возить не дают... (Грам. царей Иоанна и Петра по поводу челобит. Бутенанта и Марселиса, 1685 г.)[3].

Слово *корень* еще в XVII веке склоняется, не обнаруживая влияния суффикса **-ень**, род. падеж **-ня** и т. д.: «...две олхи *на одном корени*...» (Фед.-Чех., № 134). ...и у него нашли в коробье

---

[1] Между старинным род. ед. ч. *дьне* и новым *дня* промежуточною формою была возникшая по аналогии **ь**-основ — *дни*; ср.: И они шли Киргискою землею половину дни... (Мат. пут. Ив. Петлина, 285). Ср. и старые формы, вроде: Сделаны из того ж камени кресла изрядные (П. Толстой).

[2] Mutatis mutandis это наблюдаем и в *пепел*, род. *пепла* (ср. ст.-сл. *пепелъ*, род. *пепела*): *козел*, род. *козла*, *котел*, род. *котла* и под. *Заяц*, произносимое как «заец», получило род. *зайца* по аналогии слов с суффиксом **-ец**, род. **-ьца**.

[3] Лишь слабое отражение в письменном (литературном) языке нашли диалектные формы, подвергшиеся влиянию **ь**-основ — род. п. ед. ч. *камени*, *корени* (ст.-слав. кор**ѧ**, род. п. корене); ср: Собака есть, а камени нет (Старин. посл., XVII в.). Да на том же берегу признак — две сосны из одново корени (1645 г., Фед.-Чех. II, № 112) и под. Такие формы отмечены С. П. Обнорским, Имен. склон., I, 82 и у писателей XVIII в. (Ломоносова, Державина).

за замком траву багрову да *три корени...* (Дело о свящ. Иакове, 1626 г.).

Особняком стояли в системе старых склонений два слова женского рода — **мати** и **дъчи** (ст.-сл. *дъшти*), имевшие суффиксальную примету **-ер-**.

Остаток старины см. в языке былин: «Уж ты ой еси, моя дочи любимая!» («Лука Дан., змея и Наст. Салтан.», зап. Ончук.).

Формы *мати*, *дочи* до недавнего времени встречались и в отдельных говорах; см., напр., Мат. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903, № 48, № 52.

В говорах известны также формы им.-вин. ед. ч. *матерь*, *дочерь*. В литературном языке эти слова, после перехода (вероятно, нефонетического) именительного падежа в тип ь-основ — *мать*, *дочь* — кроме суффиксальной приметы, целиком вошли в обычное склонение последних.

Архаическое *матерь*, по происхождению вин. пад. ед. ч., как форма именительного-винительного иногда употребляется в приподнятом стиле:— И вспомнится тогда не матерь санкюлотов, Несущая сама винтовку и плакат... (Безыменский).

Разговорный язык часто слово *дочь* переводит в распространенный тип склонения путем присоединения суффикса **-к-а** — *дочка*; ср. «Капитанская дочка».

И другие, кроме уже упомянутых, типы склонения в тех или других остатках сохранялись до недавнего времени в говорах. Заслуживает упоминания, напр., в сев.-русских говорах им. пад. ед. ч. женского рода на **-ни** (в литературном языке **-ня**): *барони*, *сударони*, *барошни* (Матер. для изуч. великор. говор., VIII, №№ 52, 56) [1].

§ 17. Из словообразования имен существительных.

1. Из огромного количества аффиксов, употребляющихся в русском языке, особый интерес представляет группа суффиксов, связанных с отношениями чисел и особенностями склонения. При помощи их образуются так называемые с и н г у л я т и в ы — выражения единичности. Сюда относятся:

Суффикс **-ин-** к названиям народов, сословий и под., имеющим **-е** в имен. множ.: **-анинъ — -ане, -ѣнинъ — -ѣне (-янинъ — -яне).**

Образование таких сингулятивов — явление уже древнейшего времени; ср. ст.-сл. *граждане — гражданинъ*, *словѣне — словѣнинъ*; ср. еще, вероятно, продукты уже дальнейшего развития: *властелинъ — властеле*, *бояринъ — бояре*, *воинъ — вои* и под. Вы-

[1] Обзор теорий (неполный) и примеры форм склонения из памятников дает статья С. В. Ф р о л о в о й «Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий»,— Учен. зап. Куйбыш. гос. педаг. и учит. инст. им. В. В. Куйбышева, фак. яз. и лит., вып. 9, 1948, стр. 175—194.

сказывавшаяся раньше догадка о том, что это **-ин-** по происхождению родственно с *инъ* «один», не может считаться обоснованной (ср. отмечаемые Вондраком образования типа литов. kaimýnas «сосед», лат. vicīnus)[1].

В древнем языке, наряду с образованиями, принятыми в литературном языке теперь, были в ходу еще, напр.: *тверитинъ* — к *тверичи*, *псковитинъ* — к *псковичи* и под. Ср.: И переняша псковичи полоняную свою весть отъ Филипа отъ Поповича, от купчины, от псковитина (Сказ. о Псковск. взятии, 8). Ср. и *нѣмчинъ* к *нѣмьци* (от *нѣмьць*).

Вся эта категория образований отражала, очевидно, в отличие от обычного отношения единицы к множественности, восприятие известного коллектива как понятия первичного, а индивидуума по отношению к нему как вторичного.

Для влияния в этой категории имен существительных множественного числа на единственное характерно, напр., «печенѣзинъ» (Лавр. спис., 42 об.) вм. «печенѣжинъ» (ср. им. мн. ч. «печенѣзи» из «печенѣѕи»)[2].

-ина к собирательно-материальным; ср.: *горошина* — к «горох», *жемчужина* — к «жемчуг», *изюмина* — к «изюм». Ко многим только **-инка**: песок — *песчинка*, снег — *снежинка*, порох (ср. укр. *порох* «пыль») — *порошинка*, пыль — *пылинка*.

В родстве с этими образованиями сингулятивы к словам **люди, дѣти**. В украинском есть и первое и второе (*людина, дитина*). В русском с суффиксом **-ина** есть только второе — «дитина» (неправильно пишется *детина*)[3], получившее вторичное значение в результате осмысления *-ина* как суффикса увеличительности (ср.: купчина, молодчина, казачина и под.), а первое с суффиксом **-ин** имеем в *простолюдин*, к которому не образовывалось множественного числа иначе, как «простые люди»; позже — *простолюдины*. (В ст.-слав. встречалось и отдельное *людинъ*).

---

[1] В XVIII в. довольно часто встречается вместо слова *простолюдин* — **простолюдим** (ср. нелюдимый) и потому вместо мн. числа «простые люди» — **простолюдимы**. Ср. в «Суворонде» Ир. Завалишина (в «Истор. предуведомлении») — «обольщая умы легковерных простолюдимов».

[2] Эта категория социальных понятий — характерное проявление языковой тенденции.

-ѣнин, -ѣне — факт старославянского языка, **-янин, -яне** — восточнославянских. Некоторые ученые (Шахматов и др.) это различие объясняют фонетическим законом восточнославянских языков — переходом ѣ недифтонгического происхождения (или даже гласного звука, из которого он образовался) в **а** со смягчением предшествующего согласного перед носовым; ср.: ст.-сл. егупьтѣнинъ, ледѣнъ, дрѣвѣнъ, помѣнѫти, прѣмо: русск. *египтянин, ледяной, деревянный, помянуть, прямо.*

Не исключена, однако, возможность, так как при этом законе много фактов представляют значительные трудности, что относящиеся сюда случаи — аналогические образования, рано сделавшиеся особенностью восточнославянской языковой группы Формы на **-янин** могут толковаться как продукты обобщения звуковой группы в положении после шипящих и **j**: *гражданин* (горожанин), *римлянин* и под

[3] «Дѣтина» обычно, однако, и в памятниках.

Древность образования *дитина* свидетельствуется переходом **ѣ** в **и** перед слогом с подударным **и** (ср. укр. *дитина*) и влиянием его на **дитя** вм. *дѣтя*.

Возможна большая древность формы сингулятива *штанина* к *штаны*, имеющейся и в украинском.

~ К собирательному *господа* ср.: (О)же закоупъ бѣжить от гды... (Русск. Пр., 540—541), образовано *господинъ*, к *челядь* — *челядинъ*, к *Русь* — *русинъ*, к *мордва* — *мордвинъ* и под. Ср. старинное употребление: Сентября в 20 день за Свиягою рекою под селцом Куланги дожидались его воровские казаки, Татаровя, и Чюваша, и Черемиса, и Мордва — болши трех тысячь конных и пеших людей... (Мат. Раз., III, № 3), но: Да одного человека Чювашенина приведчи к шерти, велел отпустить для уговору иных Чюваш и Черемисы (там же, III, № 7) [1].

2. Русскую особенность составляют новообразования муж. рода на **-енъкъ**, род. **-енъка** от прежних имен существительных среднего рода типа *козьлѧ*, *телѧ* и т. д., множественное число от которых до сих пор почти в исключительном употреблении в литературном языке: *козлята*, *телята*. Исчезновение форм *козля*, *теля* и косвенных падежей от них (ср. ст.-сл. род. ед. ч. *козьлѧте*, *телѧте*, дат. *козьлѧти*, *телѧти* и т. д.); др.-русск.: «...а живота и хлеба нет ничево, и *курети*, государь, нет» (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.); «...а животины у меня нет никаковы, ни лошади, ни коровы, и *куряти*, государи, нет...» (Челобитная кн. Одоевскому, 1673 г.), допускавшихся еще в XVIII в. (Ломон., Росс. гр., § 154 и 200) в виде *козляти*, *теляти* (род., дат. и предл.), *козлятем*, *телятем* (твор. ед.), — единственный остаток старины — **дитя**, **дитяти** и т. д., — стоит, видимо, в связи с относительной уединенностью их в системе русского склонения и значительным что касается звучания разрывом формы именительного ед. ч. с остальными. Укр. образования вроде *козеня*, *кошеня* и под. помогают установить исходный тип, из которого явились русские формы ед. числа: он развился, видимо, из форм типа *козленя*, осложнившихся уменьшительным суффиксом мужского рода **-ъкъ** в параллель роду слова, от которого образовывалось название детеныша. В дальнейшем распространение **-енок**, род. **-енка** шло уже главным образом по аналогии [2].

---

[1] Из литературы см. O. Grünenthal, Diminutiv und Singulativ,— Arch. f. slav. Phil., XXXVIII (1921), стр. 137—138.

[2] Материалы к характеристике эволюции соответствующих форм дают исторические факты, недавно сообщенные С. И. Котковым в книге «К изучению орловских говоров»,— Орл. гос. педаг. инст., Ученые зап., том VII, Каф. русск. языка, вып. 3-ий, 1952 г., стр. 115—116. В документах второй половины XVII века, относящихся к Ельцу и Чернавску, обобщены формы на **-ен(о)к**; но старое **-ят** стойко держится в форме родительного падежа множ. числа от слова *теля* «теленок», причем все, довольно многочисленные, примеры относятся к положению слова после собирательных числительных (двое, трое...).

Характерно, что в памятниках, хотя тип на **-енок** теперь является общерусским и, вероятно, возник очень давно, форм на **-енъкъ** почти не отмечено: Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 91) упоминает др.-русск. *робенъкъ* без точного указания на памятник и на время; им же приводится в параллель др.-пол. robionek из Шарошпатацкой Библии (XV в.)[1].

Возможно, что именно это слово возникло раньше других подобных и явилось для них образцом.

3. Суффиксы презрительности и уничижительности в современном языке играют относительно небольшую роль. Их роль еще в первые десятилетия XIX в. могла возмущать Белинского, гневно спрашивавшего в письме к Гоголю из Зальцбрунна (1847 г.), есть ли еще язык, где б они в такой мере были принадлежностью собственных имен. Для языка Московской Руси они характернейшая черта ее стиля, выступающая с исключительной рельефностью на фоне подчеркнутого права одних именоваться с «вичем», других — лишенных его и называемых просто по именам, и третьих (самая большая категория даже среди «служилых») — чьи имена могли выступать только в сопровождении суффиксов уничижительности[2].

Ср. и: «Малороссийские фамилии на **-ич** подвергались там [в московских приказах], тоже в виде умаления личности, урезыванию. Так, в московских столбцах, в исходе XVII века, гетмана Самойловича писали только Самойлов; другие малороссийские

---

[1] Б. Унбегаун (ук. соч., стр. 76) обратил внимание на интересный момент — образования типа *теля* в древнерусском встречаются только в названиях детенышей домашних животных; детеныши диких зверей обычно называются общим *щеня* (ср Срезн., Матер., III). Образования на **-енок** он приводит (стр. 185) в двух примерах из «Памятников дипломат. сношений Московского государства с Крымск. и Нагайскою ордами и с Турциею», II: то ся кажут не лисицы,— волченки, 1516; мы пошутили, назвали их волченки (там же). Если слова последнего типа в др.-русских говорах, в отличие от того, что имеем в памятниках, встречались действительно нередко, то это делает понятным, как в результате борьбы между типами: *теля* — мн. *телята* и *волченок* — *волченки* установились нынешние отношения: *теленок* — *телята*, *волченок* — *волчата*.

[2] А. М. Селищев, Учен. записки Моск. город. пед. инстит., Каф. русск. яз., вып I, 1941 г., стр. 190, указывает на довольно многочисленные в русских памятниках «XV—XVII веков» собственные имена с суффиксом **-енок (-енк-)**: *Борзенок*, отчество *Борзенков* (1525 г.), *Вороненок* (1629 г.), *Гусенок* (XVII в.) и под., примеров, однако, более ранних, чем XVII в., им почти не приводится: из XV в.— их нет у него вовсе; есть два — из XVI в. (один — из самого конца, 1595 г.); *Окоренок* (1544 г.) — вероятно, производное от *корень* и никак не свидетельствует о суффиксе **-енок** По-видимому, таким образом, более архаический тип, отраженный и в собственных именах: князь Данило Щеня Васильевич (1476 г.), князь Иван Курля Оболенской (1503 г.), сменялся новым в течение XVI в. Некоторые (очень немногочисленные) собственные имена вроде «князь Борис Михайлович Туреня» (1493 г.) дают Селищеву повод предполагать, что «формы имен уменьшительного значения, образованные с разными суффиксами одинакового значения, употреблялись в одной и той же социальной среде и оказывали влияние одни на другие. В особенности близки не только по значению, но и по виду суффиксальных элементов были имена на **-еня** и на **-ок** (из **-ъкъ**)».

фамилии, например: Мокриевич, Домонтович, Якубович, Михневич обращались под пером московских приказных в Мокриев, Домонтов, Якубов, Михнев и т. д.»[1].

Полное имя, не говоря уже об отчестве с **-вичем**, являлось честью, которую надо было заслужить; так, напр., царь Алексей «жалует» одного из сокольников: «И мы, великий государь за тое службу и потеху, наипаче же за твое к начальству доброе послушание, жалуем тебя Ивана Гаврилова, сына Ярыжкина, сею новою честию, в пятые новые начальные сокольники... И велели тебя писать полным именем...» (Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути 1656, статья 7).

Вот, напр., различения в наименовании бояр и даже наиболее высоко стоящих по своему положению дьяков: «И указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии то все собрати и вдоклад написати бояром князю Никите Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да околничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову» (Улож. ц. Алекс. Мих.).

Большое разнообразие употребительных в XVII в. средств оттенить в именах превосходство одних и низкое служебное положение других отражает, напр., «Урядник Сокольничья Пути» с целою гаммой оттенков называния пишущих лиц при обращении высших к низшим и наоборот. Вот отдельные примеры:

Егда же приспеет час государской милости к нововыборному, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришествию...

...А за ним итти старым сокольникам рядовым, двум человекам, которые с ним были, Микитке Плещееву да Мишке Ерофееву...

А в тое пору явит верховный их соколенный подьячий Василий Ботвиньев и молвит: «Великий князь Алексий Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, нововыборный твой государев сокольник Иван Гаврилов сын Ярыжкин вам, великому государю, челом бьет».

И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, и с товарищи, поклонится государю до земли. И мало понорови, подсокольничий молвит старым рядовым сокольникам, двум человекам, которые с ним были: «Рядовые Никита и Михайло, поставьте нововыборного, Ивана Гаврилова сына Ярыжкина, на полянову». И взяв его те рядовые два сокольника, Никита и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне.

[1] Е. П. Карнович, Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими, СПб., 1886, стр. 33—34.

И пришед, первыя статьи первый поддатень, Кирсанко, скажет подсокольничему: «Нововыборный сокольник Иван Ярыжкин на государской милости челом бьет и идет тотчас».

Ср. также: «...Первый поддатень, Федька Кошелев, держит вабило второй поддатень, Наумко Петров, держит вощагу; третий поддатень, Кирюшко Маслов, держит рог серебряный; четвертый поддатень, Елисейко Батогов, держит полотенца».

Или вот в торжественном документе XV века: «А фонарь великого князя со свечею носить: Володе Васильеву сыну Поплевина — Морозову да Ивану Федорову сыну Поплевина — Морозову да Ивану Федорову сыну Карпова; а над другою свечею фонарь нести Алеше да Васильку Михайловым детям Нагова. А коровай нести великаго князя: князю Игнатью Жулебину, Ивану Михайлову сыну Тютчеву, Василью Волынскому, Михальцу Нагому; а другой коровай нести Василью Михайлову сыну Тютчеву, Семенке Жеребину, Федьке Немому Михайлова сыну Нагова да Юшке княж Иванову сыну Кашину...» (Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Василья Ив., статья 5).

Полной урегулированности, обязательности употребления соответствующих форм не было, но границы колебания в выборе имен и их сочетаний были достаточно узки. Ср.: Се аз, Кирило игумен, черньчищо грешный, пишу сию грамоту при своем животе и в своем смысле (Духовная Кирилла, Белозерск., 1427 г.). ...И всему святому собору чернец Симонище да чернец Илинархище челом бием (Донес. чернецов Симеона и Иринарха Троиц.-Сергиева монаст. архимандр. Кириллу, 1594—1605 г.), или вот, напр., имена в «сказках» неименитых свидетелей по делу патриарха Никона: ...Большаго собора поп Киприан сказал. ...Скаску писал сам я, поп Киприян, своею рукою; ...Большаго собору поп Маркиян сказал: ...К сей скаске поп Маркиян руку приложил; ...Богородицкой дьякон Михайло сказал: ...А скаску писал я, дьякон Михайло, своею рукою; ...Патриарш дьяк Денис Дятловской сказал: ...А меня, Дениска, простил от гневу своего на Воскресенском подворье ...А скаску писал я, Денис, своею рукою; ...Сказал подьякон Петр Федоров сын Новгородец: ...А скаску писал я, Петр, своею рукою; ...Патриарш подьякон Матвеище Кузмин сказал: ...А скаску писал я, подьякон Матвеище, своею рукою[1]; ...Певчей дьяк Нестерко Иванов сказал: ...И я, Нестер, в то время не был у обедни... А сказку писал я, Нестерка, своею рукою; ...Певчей дьяк Исак Андроников сказал: ...К сей сказке Исачко Андроников руку приложил; А скаску писал певчей Игнашка своею рукою;

---

[1] К уничижительности суффикса -ище ср.: Аз же, рабище божие Афонасие, сжалися по вере (Хож. Афан. Никит.). Боже... не отврати лица от рабища своего (там же). Вообще, однако, этот суффикс употребляется как обозначающий уничижительность духовных лиц: У Афанасия Никитина «рабище», как понятие церковной сферы.

...Того ж числа патриарш подьяк Иван Федоров сказал: ...К сей скаски Ивашко Федоров руку приложил; ...Сказал патриарш подьяк Матвей Степанов: ...К сей сказки Матюшка Степанов руку приложил, и т. п. (Дело Ник., № 13).

Стоит заметить, однако, что, как показывает факт довольно свободного употребления вместо пренебрежительных суффиксов — суффиксов просто уменьшительных (иногда даже производящих на нас теперь впечатление ласкательных), требования «этикета» в языке челобитных и под. удовлетворялись уже и одной словесной «уменьшенностью» лица. Ср., напр., в Новгородских записных кабальных книгах конца XVI и начала XVII в. «К сей записке кабальной послух Жданец Пупынин руку приложил». «И губные старосты спрошали того Ондрюши». «...земской дьячок Первуша Борисов принес к записки служывую кабалу на Гришу на Максимова... и его, Гришу, к записки с собою ж привел...» и под.

В обращении к царю общее холопство уравнивает представителя высшей аристократии, который пишет, напр.: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу холоп твой Гришка Ромодановской челом бьет» (Донесение воеводы князя Григория Ромодановского, Мат. Раз., I, № 1, стр. 4), и последнего бесправного человека, способного вообще подать челобитную. Уничижительность стиля требует не только презрительности в именах обращающихся с челобитными лиц, но и всего к ним относящегося. Суффиксы **-ишко** и **-ишка** буквально испещряют речь просителя. Вот, напр., отрывки из прошения села Мещерские Горы попа Ивана: «...А в то, государь, время без меня, богомольца твоего, воровские люди попадьишко мое посадили в тюрму и с детишками... А ныне, государь, попадьишко мое с детишками сама сема в Гороховце скитаются по миру и помирают голодом... И о том моем мучении и раденьишке и конечном разорении дати мне отписку, чтоб мне, богомольцу твоему, с попадьишкою и с детишками голодом не умереть и в конец не погибнуть...» (Мат. Раз., III, № 35).

Или из челобитной боярину Б. И. Морозову братьев Чеглоковых: Государю Борису Ивановичу бьют челом Фектистко да Петрушко Чоглок(о)вы. Деревнишко, государь, у нас подмоск(ов)ное блиско твоей боярской вотчины села Павловсково. Людишка, государь, наши и крестьянишка ездят к нам з запасишком и с сенишком и з дрови(шка)ми. Умилосердись, государь Борис Ивановичь, п(ожа)луй нас, бедных, не вели, государь, мостов(щи)ны имать с людишек наших и с крестьянишек (Хоз. Мороз., I, № 42).

К разнообразию форм ср. еще: Государю Борису Ивановичу бьет челом твоей государевы арзамаския вотчины села Екшени последний сирота твой крестьянинец Терешко Осипов (Хоз. Мороз., I, № 26). А я, холоп, твой человеченка, у тебя, государя,

новой, не отписать к тебе, государю, о таком деле не посмел (Хоз. Мороз., I, № 152)[1].

Напомним попутно и относящуюся к фамилиям особенность, характерную специально для собственного величания духовенства. Как отметил А. М. Селищев в своей книге «Полог и его болгарское население», София, 1929 г., стр. 393, среди великорусского духовенства XVIII и начала XIX века «была весьма распространена манера образовывать фамилии не по-народному на **-ов** или **-ин**, а на **-ский**, с ударением на предпоследнем слоге, по образцу книжному и западнорусскому (русско-польскому): Ивано́вский (а не Ива́новский или Иванов), Сокольский, Бенеманский, Сухопрутский, Коринфский, Диамантский, Иорданский, Писаревский, Дмитриевский и длиннейший ряд других фамилий на **-ский**»[2].

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 18. Местоименное склонение.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица. С XV в. древнейшие славянские формы личных и возвратного местоимений родительного-винительного падежа ед. ч. *мене*, *тебе*, *себе* и русские новообразования *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ* сменяются формами *меня*, *тебя*, *себя*, характерными теперь для севернорусского наречия и литературного языка. Их обычно толкуют или как фонетические (принимая переход конечного **е** в **я**),— так, напр., понимает их Шахматов (о сомнительности такого объяснения см. Фонет., § 5),— или как результат влияния именного мужского склонения (*коня* и под.),— напр., Соболевский; при второй догадке (Соболевского) можно было бы принять, что известное значение принадлежало при этом переходу имен с родительным на **-е** в склонение с окончанием на **-я** (ср. Морфол. § 16). Более вероятна, однако, по нашему мнению, третья догадка, в несколько нерешительной форме (ср. Фонет., § 5) высказанная уже Ягичем, а именно — что формы *меня*, *тебя*, *себя* возникли под влиянием параллельных форм винительного ед. ч. *мя*, *тя*, *ся*. Ср. употребляющиеся до сих пор диалект. *у мя*, *у тя* и былинн.: «...Я ушол от тя к Салтану вместо сына же» («Лука Дан., змея и Наст. Салтан.», зап. Ончукова на Печоре). Эти формы очень часты в поэзии Сумарокова: «Но ты отечество толико прославляешь, Что *мя* в безмолвии восхитив оставляешь» (Стихи гр. П. А. Румянцову) и под.

---

[1] Такого рода иллюстративный материал см. также у А. А. Потебни, Из записок по русской грамматике, III, 1899 г., стр. 92—93.

[2] Добавим к этому, что едва ли не большинство духовных фамилий на **-ский** оставалось, однако, связанными с церковностью — названиями церквей по соответствующим праздникам и святым (Богоявленский, Преображенский, Богородицкий, Георгиевский и под.) и в этом случае не обнаруживало тенденции усваивать западнорусское ударение на втором слоге от конца слова. Русскому типу образований оставались верными «профессиональные» типы духовных фамилий — Попов, Протопопов, Дьяконов, Пономарев.

Особенно, конечно, легко принять в данном случае влияние *ся*. В пользу подобной догадки очень сильно говорит аналогия словацких фактов, где имеем сходные формы род.-вин. mňa, mä, tebä, t'a, sebä, sa[1].

Формы типа *тобе*, *собе*, *тобя*, *собя*, конкурировавшие с *тебя*, себя, — продукт влияния дат.-предл. *тобѣ*, *собѣ* и творительного *тобою*, *собою*.

К неустойчивости употребления см., напр.: «А мнѣ *тебе*, своего господина, великого князя держати собѣ братом старешим» и «А чѣмъ, господине, князь велики, благословилъ *тобе* отець твои...» (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с княз. верейским и белозер. Мих. Андр., 1450 г.). «А похочеш нам служити, и мы *тебя* жаловати хотим; а не похочеш у нас быти ... и мы *тобя* отпустим добровольно, не издержав» (Грам. вел. кн. Иоанна Вас. 1484 г. в Кафу Захарью Скаре).

В дательном-предложном литературные *тебе*, *себе* из *тебѣ*, *себѣ* установились после продолжительного колебания между ними и параллельными *тобѣ*, *собѣ*, отражающими давнее влияние *тобою*, *собою*. Окончательное установление в литературном языке форм *тебѣ*, *себѣ* > *тебе*, *себе*, может быть, не без поддержки старославянского языка, было облегчено наличием окончания **-я**, а не **-е** в родительном-винительном, исключавшим совпадение форм[2].

---

[1] Иначе, но малоубедительно — А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941, стр. 182.

В древнейшей славянской системе личных (1 и 2 лица) и возвратного местоимений различались (не во всех, однако, падежах) формы полные и краткие (энклитические). С особенной отчетливостью это различение выступает в древнерусском в формах дательного падежа всех чисел: **мънѣ**, **тебѣ (тобѣ)**, **себѣ (собѣ)**: **ми**, **ти**, **си** — ед. ч.; **намъ**, **вамъ** : **ны**, **вы** — мн. ч.; нама, **вама** : **нава** — двойств. Для краткой (энклитической) формы винительного падежа ед. ч. **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** (русск. **мя**, **тя**, **ся**) с большой вероятностью принимается, что это по происхождению — основные формы винительного падежа, получившие функцию кратких при *мене*, *тебе*, *себе* — формах родительного падежа, которые стали употребляться также в значении винительного.

Нынешний литературный язык не сохранил различия полных и кратких форм, кроме ставшего важным в морфологической системе употребления **-ся** как приметы возвратных глаголов. В говорах, наряду с последним, большую роль играет остаток дательного падежа **си** (ср. в других славянских языках глаголы типа болг. играя си «играю», чеш. zapamatovati si «запомнить»); довольно часто встречается также **ти**.

Старинный русский язык энклитические формы употребляет как вполне живые: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? (Слово о полку Иг.). Что волости (sic!) новгородьскыхъ тѣхъ ти волостий, княже, тобѣ своими мужи не держати... (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александром Мих., 1325—1326 гг.). А... ци имуть искати татарове которых волостий, а отоимуться, вамъ, сыномъ, моимъ и княгини моей, подѣлити вы ся опять тѣми волостми на то мѣсто (Дух. моск. кн. Ив. Дан., 1327—1328 гг.). Формы **мя**, **тя**, **ся** нередки у поэтов XVIII в., особенно первой его половины. Реже краткие формы дательного падежа.

[2] Вопрос об отношении форм дательного-предложного падежа **тобѣ**, **собѣ** к позже прочно установившимся в литературном русском языке **тебѣ**, **себѣ** недавно внимательно пересмотрен в статье М. А. Гадолиной, — «Труды

Личное местоимение 3-го лица, по происхождению анафорическое (отсылающее к предыдущему) местоимение-прилагательное, представляло в своем склонении уже в древнерусском т. наз. супплетивную (составную) систему: именительные падежи в единственном и множественном числе образовывались от основы **он-** (**оn-**), в остальных падежах — от основы **je-** (с ее усложнениями).

Супплетивность для личных местоимений — явление уже глубокой старины, оказавшееся в истории языка очень стойким (ср. *я*, *мене*, *мы*, *насъ*; *ты*, *тебе*, *вы*), и перенесение этой особенности на старые основы с анафорическим значением, семантически вошедшие в систему личных, не представляло ничего принципиально невозможного.

О причинах вытеснения старых именительных возможны такие догадки:

Имен. ед. звучал: **и** (**jь**) — м. р., **я** — ж. р., **є** — ср. р.; имен. множ.: **и** — м. р., **ѣ** — ж. р., **я** — ср. р., имен. дв.: **я** — м. р., **и** — ж. и ср. Неудобны были главным образом совпадение единственного и множественного числа — **и** и омонимность его к очень употребительному союзу. Это приводило к частым заменам данной формы (**и**) синонимическою — **онъ**. Последнее употребление благоприятствовало такой же замене и других форм, особенно **я**, хотя принципиально и не отличавшегося флексией от других местоимений, но достаточно многозначного и потому легко уступившего место новым влияниям.

Кроме того, в языках нередко дает о себе знать тенденция избегать для полнозначных слов слишком коротких форм. Роль этого мотива (отнюдь не абсолютного значения — ср., напр., *я* в 1 л. ед. ч. при старом *азъ*) ясна в данном случае из параллельного употребления относительных **иже**, **яже**, **єже** и употребления **и** (вин. ед.) в роли энклитики — *погубитъ и* «погубит его» или после предлогов; ср. ст.-слав. *вънь* — «в него».

Института языкознания АН СССР», V (1954), стр. 61—70. Автор поддерживает давно уже высказанное Б. М. Ляпуновым и С. П. Обнорским мнение, что формы **тобѣ**, **собѣ** являются по своему происхождению общерусскими, а **тебѣ**, **себѣ** представляют собою преимущественно книжные, занесенные из старославянского языка. В пользу такого понимания фактов говорит старинное употребление: в относительно большом количестве памятников формы **тобѣ**, **собѣ** находим в текстах бытового или близкого к бытовому содержания, а **тебѣ**, **себѣ** — в окрашенных отборочно-торжественно и под.

При этом серьезными остаются, однако, сомнения, в какой мере для таких широкоупотребительных и в народной речи форм, как **тебѣ**, **себѣ**, можно допустить их книжное происхождение без какого-либо благоприятствовавшего их распространению специального условия. Следует поэтому серьезно принять во внимание возможность, на которую указывал в свое время Б. М. Ляпунов,— что изменение **тобѣ**, **собѣ** в **тебѣ**, **собѣ** обязано (в первую очередь?) индукции форм родительного-местного падежей *тебе*, *себе*, причем тут могла действовать еще и ассимилятивная тенденция.

Что касается вопроса об употреблении форм **тобѣ**, **собѣ** преимущественно в древнейших южнорусских памятниках — см. в моей книге «Питання походження української мови», 1956, стр. 68—69.

Заслуживает внимания и такое объяснение, предложенное акад. Шахматовым в его литограф. «Курсе истории русского языка», часть III, 1910—1911 г.: «По-видимому,— говорит он (стр. 240), — ...исчезла связь между формами именительного падежа и формами косвенных падежей потому, что последние стали употребляться только постпозитивно (за другими словами, не впереди предложения), между тем как формы именительного падежа по самому значению своему употреблялись антепозитивно; утрата связи между формами косвенных падежей и формами именительного падежа повела к полной утрате последних».

В общей системе склонения обращает на себя внимание вин. пад. ед. ч. среднего рода **его**, совпадающий с родительным ед. ч., а не с именительным, как в других случаях у форм среднего рода. Причина здесь, видимо, в общей супплетивности косвенных падежей местоимения 3 лица, подчинившей себе отдельную форму, которая нарушала бы специальную особенность вновь образовавшихся отношений.

Из форм **косвенных падежей местоимений-прилагательных** и родственных им внимания заслуживают особенно такие:

Форма родительного ед. ч. мужского и среднего рода имела у ряда местоимений в древности окончание **-go (-го)**, хорошо сохранившееся в некоторых славянских языках. По своему происхождению это, скорее всего, частица, родственная с *že* (из *ge). В родстве с обеими частицами, как предполагают, состоят др.-инд. gha, ha и греч ge (ср. emé-ge, гот. mi-k). Влиянию этого окончания **-go (-го)** подверглось особняком стоявшее в системе **-so (-со)** родительного единственного от **чьто—чесо** (ср. греч. τέο из *kuesi̯o), позже замененное формой **чего.** Диалекты русского языка знают формы на **-го** и в большем числе или на **-ho, -оо** (главным образом, южнорусские), или на **-во** (севернорусские). Попытки в последних **(-ho** и **-во)** в соответствии с особой консервативностью местоимений видеть остатки глубокой старины оказались малоубедительными. Значительно больше имеют за себя объяснения их как новообразований на русской почве из go- **(-го).** З. К. Плотникова (К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. м., ж. и средн. рода местоимений и сложных прилагательных,—Изв. по русск. яз. и слов. Акад. наук, XXIV, I, 1919, 285—304), тщательно обследовав севернорусский материал (говоры Заонежья, Муромльский и др.), показала, что переход **ого>oho>оо>ово** — явление, в них совершающееся еще и теперь, и что нет оснований искать здесь особого, как думали, исходя из аналогии кашубского языка, уже древнейшего славянского звукового варианта. Еще раньше эту мысль на основании аналогий греческого, германских и кельтских языков защищал Мейе[1], правдоподобно объяснявший специфический переход **g** в **h** слабой ударяемостью соответствующих место-

[1] Sur la prononciation du génitif *togo* en russe.—Mémoires de la Soc. de ling., XIX (1914).

именных форм. Этой же слабой ударяемостью и темпом произношения подобных слов объясняется в дальнейшем выпадение **h** (ср. укр. произношение *у коо* вм. *у кого*), причем образовавшееся зияние позднее устранялось «вставным» **u̯** и затем **в (v)**.

Путь развития замены **г** через **в** отражают, вероятно, те говоры, в которых **в** выступает в прилагательных, но сохраняется в местоимениях *того* и под.

Примеры **-во** вм. **-го** в памятниках встречаются, только начиная с XV в. В памятниках XVI в. число их делается очень заметным. В XVII в. их свободно употребляют наряду с поддерживаемыми церковнославянским языком формами на **-го.**

Родительный и винительный падежи женского рода. Русский язык восходит вместе с другими восточными (украинским и белорусским) и западными (чешским, польским и т. д.) к тем древнейшим говорам, которые, в соответствии падежным окончаниям **ѩ** мягкого склонения в южнославянских языках, имеют рефлексы **ѣ** невыясненного происхождения. Свидетельствуемые восточнославянскими памятниками XII в. формы **тоѣ, єѣ** и под. (ст.-сл. *тоѩ, єѩ*) в дальнейшем не остались неизменными, и в истории их есть спорные моменты.

В литературном и разговорном **её** (писавшееся для родительного падежа до реформы 1917 г. **ея** было чисто искусственной формой — русской передачей старославянского **єѩ**) [1] нуждается в объяснении **ё** из **ѣ**. Наиболее правдоподобно понимание (Шахматова) этого **ё** как (диалектного?) фонетического рефлекса **jѣ**. Сочетание **jѣ**, существовавшее в очень немногих морфологических категориях и стоявшее особняком в русской звуковой системе (древнейшее *jě из *jē̆ перешло в **jā**: *stojěti перешло в *стоять*, *bojěti sę — в *бояться*), было маложизнеспособно и изменилось в **je**, откуда, по известному закону о подударном **е**, переход в **jo (ё)**. Примеры из памятников, подтверждающие такую догадку (памятники относятся к не смешивающим **ѣ** и е): єдиноє, одиноє — род. ед., различьныє — вин. мн., Чудов. Псалт. XI в., в алѣлоугиє мѣсто — «вместо аллилуи», Типогр. Уст., № 142, XI—XII в., еуфимиє, Мин. 1095 г., и др.

В дальнейшем форма род. ед. ч. **её** стала функционировать и как винительный ед. ч. Древнейший восточнославянский пример **єѣ** в функции винительного падежа — «Умысли съзьдати цьркъвь и създавъ єѣ» (Сказ. о Борисе и Глебе по сп. XII в.). По-видимому, в этом отношении решающую роль сыграла аналогия *кого?* (родительный-винительный для муж. и женского рода), т. е. сначала такое употребление должно было распространиться по отношению к названиям существ, а далее — и ко всем остальным. Ср. и **самоё**, ограниченное в фактическом употреблении катего-

---

[1] В некоторых говорах фонетические соответствия им, впрочем, сохраняются и теперь (К у з н е ц о в, Истор. грамматика, стр. 136).

рией «одушевленности» («встретил ее самое», но «взлез на самую верхушку скалы»). В диалектах имеем и **тоё, всеё, одноё,** уже, повидимому, что касается функции винительного падежа, под влиянием **её.**

Утрате старой формы винительного **ю,** с XVI в. в памятниках уже не встречающейся, могла способствовать ее малая фонетическая «весомость» (ср. выше замечания об утрате форм ***jь**, ***ja**, ***je**). В языке былин и в говорах она, однако, встречалась еще в недавнее время[1].

В памятниках засвидетельствованы: старославянские формы типа род. п. єѩ: А кто ея хощеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть (Хож. Аф. Никит.); под влиянием русских отношений: в значении винительного: наказавъ єя, бивъ єя (Сборн. XIV в. Рум. муз., № 1548); Елини имяхуть ея [ехидну] аки богыню (Сборн. 1490 г. Уваров., № 613); А згонитце собака зьедиста на дорогу за человѣкомъ, и хто ея ушибетъ и на смерть, тому вины нетъ. (Судебн. 1589 г., 53). ...А пистоль не стрѣлила. Онъ же бросил ея на землю и из другія запалилъ паки (Аввак., № 25, 78); Далъ намъ четыре мешка ржи за нея (там же, 87).

В значении винительного падежа **ея** встречаем, например, у Сумарокова: «Вульф бросился на Смерть и поразил *ея*» (Стихи г. Хирургу Вульфу). — «**М.** А какая есть славнейшая добродетель? **К.** Военная храбрость. **М.** Но твердость мирного союза *ея превосходит*» (Кург., стр. 291).

єѣ: Колко воды ни пить, а пьяну с неѣ не быть (Стар. сборн., 1363). — И змея де лежитъ на дороге и через єѣ перешелъ возъ, и тут єѣ затерло... На єѣ возложила... (Лечебн., Синод. рук., № 480).

Позднейшее изменение в роли родительного — **ее (её):** на ее имя (Домостр., 16); у ее слуг (Домостр., 49); как пошелъ отъ нее (Дело Ник., № 65), и винительного: ...И тыбъ ту запись прочла и держала ее у себя (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1526—1530 г.); ино мужу на нее бранити (Домостр., 51); ино ее надѣлкомъ поминаютъ (Домостр., 16).

Под влиянием склонения членных прилагательных, заменивших в неударяемом положении **ѣ** родительного падежа ед. ч. женского рода на **и**>**й** [*новыѣ, утрьнѧѣ* сменились в отдельных диалектах др.-русского языка формами *новоѣ, утрьнеѣ*: коньць утрьнеѣ (Минея 1097 г.), съмьрти тоѣ пагубноѣ, на мѣстѣ ветъхоѣ деревяноѣ (церкви) (Успен. Сборн. XII в.)], рядом с тоѣ, **тоё** и под.[2] явилось **той** и под. в родительном ед. ч. Ср.: И всѣ

---

[1] Ср. и диал. вин. п. **ед. ч. яю** (напр., в говорах б. Тихвинского уезда,— «Труды Ком. по диал. русск. яз.», вып. 12, 1931 г., № 131а). Др.- русск.: «...Другая полоса земли в лесном же поли, выменял *ею* в Селюши в Павлова...» (Дух. двинская, Сергея Мануилова сына, серед. XV в.).

[2] Ср. и искусственное, книжное **тоя**: «...и тем птиц оттоя привады отгонит» (Улож. 1649 г.). Один из наиболее поздних примеров — «То высунет из вод Нерея с кочергой, То с изумрудною жену его серьгой; Поставит имяние и вес *тоя* и цену...» (В. Петров, К вел. государыне).

наши громадныя крѣпости потряслися от стрѣльбы ихъ *той* (Ист. об Азовск. сид., 4); А *у тое* де мы у великіе реки вершины и устья не вѣдаемъ (Мат. пут. Ив. Петлина, 295), и там же: А *изъ за той* де великіе реки пріѣзжають къ намъ манцы со всякимъ товаромъ. — А *отъ тое* березы стоитъ столбъ противъ сосны на лѣвой сторонѣ (Межев. выпись на помест. казанск. жителя Девятого-Змеева, 1631 г.— Бусл.) и там же: А *отъ той* березы отъ ивова куста прямо на березу на безверховую. — А доходовъ *съ тое* Малые Росиі не бываетъ ничего (Котош., III), и там же: И *исъ той* Малой Росиі для всякихъ дѣлъ присылаются посланцы[1].

В роли винительного ед. ч. в XVII в. преобладает **тое** (нередко наряду с **ту**): ...И *тоѣ таможенную пошлину* збирали с великим радѣньемъ (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.). Что к нам писали братья наша, и мы *тое грамотку* къ вамъ послали... (Воззв. москов. людей). Да *тоѣ судовую снасть* велеть отдать Андрею жъ и Василью (Мат. пут. Ив. Петлина, 267). ... И *на тоѣ гору* восходу нѣтъ никому (Хожд. на Вост. Котова, 116—117). Но у него же: ...А шахъ велитъ *на ту тешь* [забаву] всѣмъ людемъ быти в лутчем платье (105). — И *в тое пору* сѣверные двери отворились съ великимъ громомъ... (Дело Ник., № 36). ... А *в тое пору* явитъ верховный ихъ соколенный подьячій Василій Ботвиньевъ... (Урядн.). Ср. и в начале XVIII в.: ... И *тое крѣпость* на свое государское имянованіе, прозваніем Питербургомъ, обновити указалъ (Ведом. 1703 г.). Тут же рядом в употреблении и **ту:** ...Покаместъ *ту крѣпость* овладѣютъ. — Подобная неустойчивость употребления в некоторых говорах встречается и в новейшее время; ср., напр., Труды Комисс. по диалект. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 12.

Специальный вопрос представляет вариант, встречающийся в литературном языке почти исключительно при предлоге **у** — **у ней** (изредка — при **для**). Ср.: И то *у ней* на домашней обиходъ перекроено (Домостр., 30). И сама бы хмелново питья отнюдь не любила и дѣти и слуги *у ней* того не любили же (Домостр., 64). Благоприятным условием для утраты флективной приметы здесь было, конечно, употребление после предлога. Образцом могли служить местоименные прилагательные, у которых совпали в ед. ч. женского рода дательный и предложный.

Ср. в древнем языке также **от ней,** теперь встречающееся только в говорах и в просторечии: ...*От ней* преждѣ выступить не хотятъ, покамѣста имъ укажутъ иное жилище... (Куранты, 2).

У Ломоносова и др. встречается и **без ней:** Дураки, враги, пролазы Были бы без ней безглазы (Гимн бороде), и под.

[1] Ввиду колебания *тое—той* в род. ед. ч. *тое* по аналогии изредка выступает как форма дательного ед. ч.: «...А велено по *тое* твоей, государь, грамоте крестьяннну Антропу Леонтьеву и детям его сказать...» (Хоз. Мороз., II, Акты, № 21).

Ср. и при предлоге-наречии: Вместо того, чтоб по намерению моему ударить *подле* самой *ей* и в пустое место, попади я прямо в нее... (Болотов).

Вообще надо заметить, что у авторов XVIII и первой половины XIX в. такие формы, отошедшие теперь к просторечию, встречаются еще и при большем количестве предлогов. Из представителей стихотворного языка XIX в. свободнее других их употребляли Крылов, Грибоедов, Мятлев, Баратынский. Кроме последнего, как видно, всё это авторы с речью, близкой к разговорной.

Любопытна как факт истории языка, и, по-видимому, не только графический, каким он может представляться с первого взгляда, широко известная в ранней письменности московского периода форма **ини** «и они»: ...и нам отослали своих бояр, *ини*, съехався, учинят исправу (Догов. грамота вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. кн. рязанским Ив. Фед., 1434 г.). Ср. там же: ...и нам отослали на то своих бояр, *и они*, съехався, учинят исправу.— А ясти же садятся, *ини* омываютъ руки да и ноги... (Хожение Афан. Никит., по Троицк. списку XVI в.). А на Турськаго послал рати своей 40 тысячь, *ины* [т. е. «и оны] Севасть взяли...» (Хож. Афан. Никит.); «...много раздаша брынцу, да перцу, да хлебы ефиопом, *ины* судна не пограбили (там же).

Через значительные колебания прошла в литературном языке форма родительного и винительного ед. ч. от местоимения *сама*. Ломоносов (Рос. грамм., § 431) для родительного принимал за нормативную форму **самыя**, явно церковнославянизированную, а для винительного — **самую**, контаминацию *саму́* и окончания членных прилагательных, воспринимавшуюся тоже как церковнославянизм (ср. Востоков, Русская грамматика, 12 изд., 1874 г., § 53, пункт 4). Востоков, узаконяя в качестве нормы винительного падежа **самоё** и родительного **самой**, по поводу первой формы еще замечает: «Сие окончание, принадлежащее просторечию, заменяется в церковнославянском языке окончанием *саму́ю*».

Н. Греч (Практическая русская грамматика, 1827 г., § 139) в парадигму вводит «**саму** (или **самоё**)», употребление, далее уже удержавшееся до наших дней. Форма **самоё**,—несомненно, результат приравнения к *её*, слову, с которым она обычно и употребляется. В говорах подобные образования представляют еще *тоё*, *всеё*, *одноё*.

Ср. у Державина: И просветит *всее*, как света бог, Россию (Прор. Сим.); у Крылова: ... *Тое* ж Лису-злодейку.

По аналогии *мою*, *твою*, *свою* с окончанием, не выпадающим из системы склоняемых прилагательных, в говорах явились и *ею*, *всею*, *тою* и под. (первые примеры в памятниках XV в. Двинск.: вымѣнялъ *ею*).

Ср. у Л. Толстого пример в «Анне Карениной»: Неловко за самою себя.— В первой половине XIX в. подобные формы нередки.

Творительный пад. ед. ч. от местоимения **къто** звучал в древнейшем славянском (как и в старославянском) *цѣмь* (по происхож-

дению *koimь с переходом **к** в **ц** (с) перед **ѣ** из дифтонга *oi*). Согласный **ц** в дальнейшей истории языка, как выпадавший из системы, устранен и заменен звуком **к**, заимствованным из остальных форм. Замена эта датируется впервые в памятниках XIV в.: ни над кѣмь же (Лѣствица, 1334 г.) и характерна как явление морфологическое (вместе с формами именного склонения типа *рукѣ, на облакѣ*), переступившее границы унаследованной фонетической системы: сочетаний **ке, кѣ** вне морфологических категорий такого происхождения русский язык искони не знал, так как уже в древнейшее время, как упомянуто, ***ке** переходило в ***če**; ср. уже др.-русск. зват. форму *вълче*; ***kē** с **ě** из древнейшего долгого **е** в ***ča**: mьlkěti > мълчати, а ***kē** с **ě** из ***oi**, ***ai** — в ***cě**.

Характерно, что потребность устранить выпадавшую из системы данной парадигмы форму привела в говорах к другому пути аналогии — в качестве формы творительного падежа от *къто* в памятниках XIII в. употребляется **кымь**: повѣжь сь *кымь* бесѣдовав (Ростовское житие Нифонта, 1219 г.), съ *кымь* бесѣдуєши (Новгородский Пролог; 1262 г.) и под. Ср. и позднейшее **ни кимь** (с переходом **кы** в **ки**) в первой духовной Ивана Калиты. Вместо *чимь* (от *чьто*) по аналогии *кѣмь* установились **чѣмь — чем.** В памятниках, как отметил Соболевский, Лекции[4], стр. 187 — 188, в духовной Семена Гордого и первой духовной Дмитрия Донского — **чимъ**, во второй духовной Дмитрия Донского уже **чѣмъ**; ср. позже: «А через сю мою грамоту . . . хто что у кого возмет или *чим* изобидит, быти от мене в казни» (Грам. в. кн. Софьи, 1450 г.); но — «...и сей у них грамоты рушити не велел никому *ничем*» (Грам. в. кн. Марьи, 1453 г.).

Именительный множ. числа. Формы **те, все (тѣ, всѣ),** соответствующие старославянским и древнейшим формам мужского рода *ти, вьси*, — продукт уподобления остальным формам парадигмы множ. числа: *тѣхъ, тѣмъ, тѣми, о тѣхъ* (ср. и жен.-ср. р. дв. ч. *тѣ*), *вьсѣхъ, вьсѣмъ* и т. д.

Влияние форм косвенных падежей на именительный, оказавшееся в конечном счете победившим, объясняется в случае **всѣ** еще и поддержкой женского рода (др.-русск. *вьсѣ* в соответствии старославянскому вьсѧ).

Появление новой формы **тѣ** свидетельствуется отдельными примерами в памятниках XIII в. и нередкими в памятниках XIV в. (Новг. Кормчая ок. 1282 г., Духовная вел. кн. Семена Иван. и др.). Первоначальное расхождение путем аналогии **тѣ—тѣхъ,** но **всихъ, всимъ** и т. д. в древнейших московских памятниках основание имеет, по-видимому, в восприятии старинным языковым сознанием **ѣ** как приметы «твердых» склонений, а **и** — «мягких»; ср. единственное число основы **вьс-**, шедшей по мягкому склонению.

В отличие от нынешнего **сами** (ср. и новые формы косвенных падежей **самих, самим** и т. д.), в памятниках находим и **самѣ** (Пролог 1356 г.). Ср. и косвенные падежи: И впредь бы вамъ са-

мѣмъ Ноугородцкого государства въ землю не вступатца... (Грам. Новгор. государства воевод каргопольцам, 1612 г.). Установились в литературном языке также формы именительного множ. числа **одни** (ср. и **одних, одним** и т. д.) и **они.**

Что касается последней, то она непосредственно не поддерживалась влиянием косвенных падежей с приметой **ѣ** и потому могла измениться в **онѣ** только уже в результате уподобления формам *тѣ, всѣ* и не иметь равной им стойкости.

Одни могло пойти своим путем сравнительно с другими словами местоименного склонения ввиду звуковой его близости с **они.**

Сами могло утратить **ѣ** фонетически в неударяемом положении в конце слова (ср. **эти,** по происхождению указательная частица **э** и **тѣ**) и повести за собою остальные падежи, которые легко могли этому подчиниться, так как были под сильным влиянием *их, им* и т. д. (ср. *самоё* под несомненным влиянием *её*).

Существовавшее в грамматиках до 1917 года различение: **они**, **одни** — имен. мн. ч. мужского и среднего рода, **онѣ, однѣ (однѣхъ, однѣмъ** и т. д.) — женского, — как и более ранее **они**—мужского, **онѣ**—женского и среднего, явилось чисто искусственно и никогда не имело опоры в живом языке [1]. В говорах (об этом же говорят и памятники) было и есть или **онѣ, однѣ** для всех родов, или для всех же родов — **они, одни.**

Утрата старого различия рода во множественном числе прилагательных [в старославянском муж. р. — **ти,** женск. — **ты,** средн. — **та,** соответственно в мягком склонении—м. р. **вьси,** ж. р. **вьсѧ** (др.-русск. **вьсѣ**), ср. р. **вьса, вься**] — результат общей тенденции к утрате рода у прилагательных, не нуждавшихся в дополнительной характеристике при своем согласовании с существительными, тенденции, широко распространенной и в других языках.

Косвенные падежи множественного числа. Кроме замечаний, сделанных попутно по поводу форм именительного множ. ч., отметить еще следует немногое. Вероятно, влияние склонения прилагательных (членных) приводило в говорах к формам вроде *тыми* — Дух. Ив. Калиты, *ис тыхъ селъ* — Дух. в. кн. Ив. Иван. (если последние не являются остатками местоимения *той, тая, тое*). Тесная ассоциация *сей* и *тот* вызывала, напр., *до сѣхъ мѣстъ* (в моск. грамотах XV—XVI вв.; ср. *до тѣхъ мѣстъ*): ...А на болшое утверженье и крестъ есмя цѣловали, что инако мимо *сѣхъ* нашихъ договорныхъ записей до того сроку не быти (Договорн. запись о перемирии со шведами, 1585 г.). К *семъ* обыскънымъ рѣчемъ ... Яковъ Григоревъ сын Ондрѣева руку приложилъ (Суд. дело 1643 г., Фед.-Чех., II, № 116).

В говорах подобные формы известны до сих пор, но в литературном языке они были явлением преходящим. Ср., впрочем, рече-

[1] Ср. замечание в «Российской грамматике» Ломоносова: «Различіе рода во множественном не весьма чувствительно, так что без разбору один вмѣсто другаго употребляются; однако лутче в среднем и женском *онѣ,* а в мужеском *они*» (§ 431).

ние *(оказаться) ни в сех — ни в тех* — «ни при чем», употребляемое иронически и заимствованное, как можно предполагать, из диалекта.

Приставное -н- у местоимения 3-го лица. Появление в косвенных падежах форм местоимения **и, я, є** после предлогов начального **н** — явление уже древнейшего времени. Возникло оно на фоне отношений звукового характера как результат так называемого переразложения. Как есть основание думать, некоторые предлоги, а именно соответствующие нынешним **в, с, к,** первоначально звучали **вън, сън, кън** (ср. гр. en; лат. in; др.-инд. sam; др.-инд. kam). В положении перед согласными (кроме j) **н** фонетически утрачивалось, поэтому в случаях вроде, *вън — jемь, сън — jимь, кън — jему*, где все сочетание звучало «вънемь, сънимь, кънему» (с мягким **н**), предложная часть легко осмыслилась как **въ, съ, къ,** а местоименная стала пониматься как *немь, нимь, нему* и под. В дальнейшем это так называемое приставное (эпентетическое) **н** стало особенностью сочетаний местоимения **и, я, є** со всеми предлогами и позже распространилось и на наречия-предлоги (ср. *кроме их — кроме них* и под.). В начале XIX в. еще, например, пишут *между ими, между их*[1].

Кроме косвенных падежей местоимения третьего лица, это приставное **н** оставило след в словах: *недра* (из ст.- слав. *нѣдра*), ср. гр. ἔtron «чрево» и *нутро*, ср. *утроба*. Оба слова искони особенно часто сочетались с предлогом **въ(н)**—ср. *внутрь, внутри*. Как на аналогию стоит еще указать на серб. *нугао* «угол» (ср. частое сочетание «в углу»).

След былого **-н-** при предлогах имеем и в префиксах глаголов: *занять* (ст.-слав. ѩти) — ср. *взять* (ст.-слав. въз-ѧ-ти), *зануздать* (ср. *узда*), *внушить* (ср. *ухо*) — из ст.-слав. вънушити, *снискать* (ср. *искать*). В XVIII и в начале XIX века в ходу был глагол *снѣдать* — (о тоске, грусти); ср. устар. *снедь* «еда». Ср. и ст.-слав. вънити «войти»[2].

При именительном и винительном **сколько, столько, несколько** и косвенных падежах старого именного склонения — род. п. *(до) сколька*, дат. п. *(по) скольку* — теперь обычны в косвенных падежах окончания членного склонения прилагательных множествен-

---

[1] Изредка эпентетическое н может переходить границы своего нормального употребления, появляясь за предлогом, от которого не зависит, например, в сочетании *в него место*: «Седящю Святополку *в него место* Новегороде...» (Лавр. спис. летоп., под 6586 годом), — «в его место»; ср. нынешние «вместо его» и «вместо него».

[2] В старославянском приставное н у глаголов ограничено префиксами **въ, съ,** т. е. теми именно, которые первоначально в своем древнейшем виде оканчивались на н. — *Вън уши* выступает как простое сочетание предлога с винительным падежом двойственного числа.

Диалектно из образований вроде *занять, принять* извлекается в роли основной (беспрефиксной) формы *нять*: «...да Сидору с того жеребья яровой хлеб нять полевой, да гряда капусты» (Передат. запись крест. С. Демидова, 1604 г.).

ного числа. Совершившийся, таким образом, разрыв между формою именительного (винительного) падежа и остальными является результатом различия в частости употребления: несравненно чаще нам приходится пользоваться при слове **сколько** его формою именительного-винительного, чем всеми остальными, вообще говоря, практически редкими. Влияние склонения членных прилагательных на косвенные падежи объясняется, вероятно, содействием в этом отношении склонения первых чисел: *двух, двум, трёх, трём, четырёх, четырём.*

С отношениями **сколько : скольких** ср. **много : многих** (с дифференциациею значения — «многие»).

§ 19. Из словообразования местоимений.

Тот представляет собою удвоенное **тъ—тътъ.** Так уже с XIII в. Потребность в таком образовании возникла в результате фонетического совпадения **тъ** с **то** среднего рода. Ср. параллельное древнерусское образование **сесь** из *«сьсь»*: Передо князем Данилом Васильевичем судьи ... *сесь* список положили... (Прав. грам., между 1485—1505 г.). ...Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии ... *сесь* Судебник уложил (Судебн. 1550 г.)[1].

Местоимения **кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-где** и под. образовались присоединением спереди к основной части — именительного падежа средн. рода от вопросительного (относительного) местоимения *кой*. Независимость частей еще проявляется при управлении предлогами: *кое о ком, кое о чем, кое у кого.*

Ни со значением отрицания представляет препозитивный элемент в местоименных словах *никто, ничто, никакой, нигде*... и в устаревшем *никоторый*. Предлоги отделяют это **ни** от местоименной части: *ни о ком, ни о каком, ни к чему* и под. Ср. и старинное правописание: «А клепати ему татю не велѣти ни кого» (Судебн. 1497 г., 34).

Нѣ со значением неопределенности входит в состав нескольких книжных, заимствованных из старославянского местоимений: *некто, нечто, некоторый, некий, несколько.* Этимология этого **нѣ** — спорна. К. Бругман, — и такая догадка со стороны фонетической правдоподобна, — сближает это **нѣ** с лат. nē, видя в нем первоначальное отрицание, приобревшее затем значение неопределенности[2].

В старинном языке это **нѣ** еще сохраняет свою обособленность, обнаруживающуюся при числительных в самостоятельном его употреблении в значении «около»: И бѣ у неи людій нѣ 300 (Лавр. лет. — Бусл.) и в сочетаниях с предлогами; ср.: Монахъ Филагрій сказалъ: нѣвкоторое де время ... случилось ему быть и

[1] О диалектной принадлежности *сесь* см. И. Ягич, Критические заметки, стр. 27, 124. Б. Ляпунов, Отз. о соч. Н. Каринского, 531.

[2] Подробнее см. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I, 620; VREW, II, **некий**, стр. 209.

обѣдать у еромонаха Дороѳея... (Дело Ник., № 84). Кто похочетъ чего вѣдать от тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по сколько денегъ (П. А. Толст.). Ср. и в народной речи — «не в котором государстве»[1]. В современном литературном языке **не** (из **нѣ**)[2] отделяется предлогом только у слов, где оно имеет значение сказуемого «нет»: *не у кого, не за кем, не для чего* и под., но это **не** стоит с первым, если принять толкование Бругмана, только в отдаленном родстве: восходит оно к старому сочетанию *не е* (ср. *нѣту* из «не е» + «ту» = тут; *нѣтути* из «не е ту»+«ти»= тебе; *нѣт* из *нѣту* или *нѣ* и усилительной частицы *тъ*).

-либо; *кто-либо, что-либо.* Этот суффикс возводят с большою вероятностью к союзам-частицам *ли + бо* (к последнему ср. ст.-сл. *небо* «потому что»). Издавна сходство его со словом **любо** приводило к переосмыслению его как *любо... любо...*, т. е. «хочешь... хочешь...»; ср. в Русск. правде (8—10): Мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо браточаду, любо братню сынови; в Пск. судн. грамоте (107): А кто коли заклад положит в пенезех, что любо... (Другие многочисленные примеры у Срезн., II, 84).— Несколько иначе VREW, II, стр. 39.

-нибудь: *кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, где-нибудь* и под. Этот суффикс восходит к сочетанию **...ни буди,** не примыкающему в древнерусском языке обязательно к местоимению: ...мастеры, каковы ни буди (Ярлык хана Узбека 1315 г.). А которого татя поимают с какою татбою нибуди впервые... (Судебн. 1497 г., 10). А которого татя дадут на поруку, в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити... (там же, 36). А ищея пошлется на послуси в заемном деле без кабалы или в какове деле ни буди... (Судебн. 1550 г., 15). Или какое платно ни буди (Домостр., 29). К переходу **буди в будь** ср.: Или порядня домовитая *какая ни буди* дворовая (Домостр., 56) и там же: Где *што ни будь* попортилося.

Глагольного же происхождения более или менее близящиеся к роли формальных элементов сочетания: *кто бы (то) ни был, что бы (то) ни было, какой ни есть, какой на на есть* и под.

Что касается последнего, то его **на,** скорее всего, представляет собою **най** («най есть»), префикс превосходной степени «какой ни най есть лучший» и под.

Очень прозрачно происхождение частицы **то** в *кто-то, что-то, какой-то, где-то,* представлявшей собою первоначально указательное местоимение. Семантический сдвиг — в духе распространенной языковой тенденции к переходу определенности в неопределенность, здесь имевшей еще особенно благоприятствующее условие в вопросительных предложениях.

[1] Другие примеры — В. И. Чернышев, Отрицание «не» в русском языке, Л., 1927, стр. 97.

[2] Ср. древнерусск.: ...И над воровскими... людми у-засѣкъ тѣми пѣшими людми промышлять вскорѣ нѣкимъ (Мат. Раз., III, № 58). ... Росправы промежъ нами чинить нѣкому (Мат. Раз., III, № 47).

Тяготеющей к сращению частицей является **за** при **что**: *что за человек* и под. Как ни разителен параллелизм этого сочетания с немецким was für ein, о заимствовании тут, как и в других славянских языках, трудно думать. Правдоподобнее, что исходный момент этого оборота — сказуемое с **за** в значении «в качестве чего-нибудь»: *что за диво*, напр., могло сначала значить — «что такого, что идет за диво, принимается за диво», а после переосмыслиться в духе нынешнего значения, причем **за** стало сочетаться в других подобных фразах и с именительным падежом лиц. В пользу того, что это факт вторичный, говорит употребление только *что за* и никогда не «кто за».

Официальный (законодательный, судебный) язык пользуется нередко формами, не имевшими, по-видимому, оснований в живом, разговорном употреблении и вошедшими в официальную практику по более или менее случайным поводам.

Так, вместо формы мужского рода *сей*, в судебных грамотах иногда употребляется форма **си**; ср., например: «По великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси *си* суд судил великого князя писец белозерской Василей Григорьевичь Наумов с товарищы» (Суд. грамота № 19 в «Актах», изд. А. Федотовым-Чеховским); «По государеве великого князя Василья Ивановича всея Русии грамоте *си* суд судил Михайло Губа Микулин сын Стогинина» (там же, № 20). Родительный падеж ед. числа женского рода часто выступает в виде **всеа** (позднее церковнославянское написание) в формуле «всеа Русии»

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

§ 20. Склонение членных прилагательных.

Уже в древнейшее время в славянском образовалось два рода прилагательных: одни—нечленные (именные), склонявшиеся так же, как соответствующие имена существительные (ср. старослав. *новъ*, *нова*, *ново*, *синь*, *синя*, *синє*), другие — членные (местоименные), образовавшиеся сочетанием первых с местоимением jь, ja, je = «тот, та, то» *(новый*, *новая*, *новоє*, *синий*, *синяя*, *синєє)*. Даже древнейшие памятники старославянского языка в системе склонения членных прилагательных отражают уже нарушение старого принципа их образования: падежи твор. ед. муж.-средн. рода *новымь*, дат. мн. *новымъ*, твор. мн. *новыми*, местн. мн. *новыхъ*, дат.-тв. дв. ч. *новыма* не сохраняют в целости первой части образования **(-омь, -омъ, -амъ, -ами, -ома, -ама, ѣхъ, -ахъ)** и заменили его заимствованной из других падежей приметой **ы**.

Как видим, все эти упрощения представляют факты гаплологические — выпали звуки, имевшие более или менее схожие соответствия во вновь присоединившихся окончаниях: тв. ед. муж. и ср. р. **-омь**, **-имь**, дат. п. мн. ч. м. и ср. р. **-омъ**, **-имъ**,

твор. п. жен. р. мн. ч. **-ами, -ими,** местн. мн. ч. муж. и ср. р. **-ѣхъ, -ихъ** и под. Ср. и ж. р. твор. пад. ед. ч. **-ѡѭ-єѭ > ѡѭ.**

В других формах утрачена первая часть соответствующих форм местоимения: ст.-слав. *новыѩ* (из *новы-*єѩ), *новѣи* (из *новѣи-*єи) и под. Указанные изменения — явление уже дорусское.

В восточнославянском процесс затемнения старых отношений пошел еще далее.

Окончания род. п. мужского-среднего рода ед. ч. **-аєго, -яєго** сменились под влиянием местоимений новыми — **-ого, -єго.** Древнейшие примеры указаны в Смолен. грам. 1229 г. См. и *бѣлогородського, чужего* в «Русской правде» по сп. 1282 г.

Параллельно — **-уєму (-ууму), -юєму** в дат. пад. муж.-ср. р. заменились на **-ому, -єму.** Засвидетельствованы эти окончания уже в церковных памятниках XI в.

Местн. пад. муж.-средн. р. заменил **-ѣємь, -иємь** на **-омь, -ємь.** Древнейшие примеры в Смол. гр. 1229 г.

Род. ед. жен. р. в соответствии старым ст.-сл. **-ыѩ** (русск. **-ыѣ**), ст.-сл. **-єѩ** (русск. **-єѣ**) стал звучать **-оѣ, -єѣ.** В восточнославянских памятниках — с конца XI в. (Арханг. ев.).

Дат.-местн. ед. ч. ж. р. вм. **-ѣй, -ий** получил окончания **-ой, -ей.** Древнейшие примеры — в грамоте 1229 г., — и под.

Формы типа **-ы-ихъ, -ы-имъ, -ы-ими, -и-ихъ, -и-имъ, -и-ими** стянулись в **-ыхъ, -ымъ, -ыми, -ихъ, -имъ, -ими.**

Наиболее долго нестяженные формы имен прилагательных сохраняются в народной поэзии, где они в ряде случаев были связаны в дошедших из старины песнях с размером стиха: Поехал Вольга сударь Всеславьевич Ко стольному городу ко Киеву Со своей дружиной со хороброей. У ласкова князя у Владимира Было пированьице — почестен пир На многих князей, на бояр, На русских могучих богатырей. ... Не честь мне хвала молодецкая Ехать той дорожкой окольноей, и под.— До недавнего времени встречались они и в диалектах.

Не исключена, однако, и возможность (на ней настаивает особенно энергично А. М. Селищев, Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., Каф. русск. яз., вып. I, т. V, 1941 г., стр. 193), что это формы поздней формации. Из диалектного материала (Горьк. обл.) непесенного им приводятся: он был воротилою страшныјем; обнесли забором высокијем, в глухојем углу. Однако то обстоятельство, что «элементы этих форм такие, которых не было в давних сложных формах прилагательных», никак не решает вопроса в пользу образования форм творительного падежа не из былых нестяженных путем изменения второй части, а непременно снова из стяженных.

До реформы 1917 г. в родительном ед. ч. не под ударением писали **-аго, -яго** (приблизительно до третьей четверти XIX в. писали также *нѣмаго, глухаго, чужаго* и под.), следуя за церковнославянскими образцами.

Другое внесенное реформой 1917 г. изменение — отказ от

старого различения форм именительного падежа множ. ч. *новые*, *синіе* (м. р.), *новыя*, *синія* (жен. и средн.). Формы типа *новые*, *живые* восходят к старому винительному падежу мн. ч. мужского и женского рода — *новыјѣ*, *живыјѣ*, где *јѣ* фонетически перешло в *је* (ср. *ее* из *єјѣ*); *синие*, *дальние* — продукт аналогии к твердому склонению. Окончание **-я** в *новыя*, *синия* представляет русскую передачу ст.-славянского **ꙗ**, т. е. соответствует той же самой форме, искусственно расчлененной (**ые**, **іе** — мужской род; **ыя**, **ія** — женский). Ломоносов (§ 156) во множественном числе приводит как параллельные формы (без различения рода) *истинные* и *истинныя*, *прежніе* и *прежнія*. Востоков (§ 40) считает уже обязательной дифференциацию, которую Ломоносов только намечал очень осторожно: «Сие различие букв **е** и **я** в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно обоих букв **е** и **я**, во всех родах, употребление позволяется; хотя мне и кажется, что **е** приличнее в мужеских, а **я** в женских и средних» (§ 112)[1].

Очень распространено в XVIII в. и заходит в XIX в. (Жуковский, Крылов и др.) употребление, главным образом в поэзии, формы родительного пад. ед. ч. женского рода на **-ыя**, **-ия**, представляющей русифицированную в фонетическом отношении церковнославянскую форму. Ср.: ...Веселясь бы не встречала Полуночныя звезды (Дмитр.). Досталось мне пасти иное стадо На пажитях кровавыя войны (Жуковск.)[2].

---

[1] К истории вопроса см. «Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. Сухомлинова», т. IV, 1898, стр. 1—4 и 3—26.

[2] В памятниках такие формы, хотя подобные (на **-ые**,**-ие**) до недавнего времени были известны и некоторым говорам, в большинстве случаев, вероятно, церковнославянизмы. Для того, что за ними фактически скрывалось чтение **-ой**, **-ей**, показательны гиперизмы (мнимо правильные формы), вроде, например: Велено, государь, мне, холопу твоему ... быти на Московские дороге (Отписка стройщика Хотельского яма Конст. Загоскина, 1585 г.), т. е. формой на **-ие** заменено окончание предложного падежа. ... и таможником у нх имати с стяга *по денге новгородския* (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке,— писанн. в 1571 г.). ...а поверил вашеи *безъверные веры* и вашему крестному целованю... (Вымышл. статейный список посольства Андр. Ищеина 1750 г.). ... и о том государь был *в великие кручины*... (там же).

В том же самом документе пишется, например: «...А з гостьми и гостиные и суконные сотни с торговыми людьми впредь никаких им служеб московских и отъезжих не служить» и: «... И им перекупной пошлины в померной избе и в таможне ѝ в мытне не давать» (Грам. XVII в.,— Крепост. мануф., III, № 43, IV); «А для той меры и описи взять ему с собою Кадашевские слободы старост...» и: «...меж Кузмодем[ьянской] и Якиманской улиц против Красной церкви...» (там же, № 83).

Характерны и гиперизмы, встречающиеся в былинах, — замена формами на **-ыя** и под. не только дательного и предложного падежей ед. ч. женск. рода: Уезжал Сухмантий ко синю морю, *Ко тоя ко тихия ко заводи*. Как приехал *ко первыя тихия* заводи,— Не плавают ни гуси, ни лебеди... (Сухман). ... Да ложилась спати *во ложне теплыя* (Смерть Чурила). *На* мягкой *перине на пуховыя* (там же), но даже именительного (звательного) ед. ч. муж. рода: Говорил ему *родитель* да *рожденыя* (Исцеление Ильи), Тутко о путь *камень* есть *неподвижныя*.

Склонение *нечленное* в современном русском языке, кроме некоторых притяжательных прилагательных, вымерло. Во множественном числе косвенные падежи полностью перешли в обычное склонение (членное): *отцовых*, *отцовым* и т. д., *сестриных*, *сестриным* и т. д., а в единственном — из старинного склонения сохранились только родительный и дательный падежи мужского рода и винительный падеж женского *отцова, отцову; отцову*.

Процесс утраты остатков совершается на наших глазах. Ср. у писателей: В первые два дня Петькиного пребывания на даче... (Л. Андреев). Левинсон распорядился, чтобы к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом (Фадеев).

Лучше других сохраняет старину винительный падеж женского рода, еще не подчиняющийся каким-либо аналогическим влияниям.

Древние формы предложного падежа ед. ч. на **ѣ** и родительного женского рода на **ы** обычны в старой письменности: А на Микифоровѣ наволокѣ на берегу близко воды поставлен вновь столб дубовый для признаки (Суд. дело 1645 г., Фед.-Чех., II, № 112). А он, Терюшной, ...против Семеновы исковыя челобитныя в его, Семеновѣ, в явном иску келаря старца Тихона тѣм своим приговором винит не дѣлом (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118), и рекомендуются грамматикой приблизительно до середины XIX в. (Востоковым и др.).

Естествен вопрос о причине, почему раньше всего утрачены в именном склонении формы твор. пад. ед. ч. муж. и средн. рода и дательный-местный ед. ч. женского,— утрата, о которой свидетельствуют уже грамоты XIII—XIV вв. В качестве догадок тут возможны такие. Повод избегать форм тв. ед. ч. типа *новомь*, *синемь* давало их совпадение с предложным ед. ч. прилагательных членных. Раннее отмирание нечленных форм дат.-предл. падежа жен. род. могло начаться прежде всего у тех, которые меняли **к, г, х** на **ц, з, с** (*льгъка, нага, лиха — льгъцѣ, назѣ, лисѣ*), и потом распространиться и на все другие.

Утрата косвенных падежей множественного числа стоит в связи с широко распространенной в языках тенденцией ограничивать для него выбор форм минимальным числом. Последняя особенность в свою очередь связана с значительно меньшей сравнительно с единственным числом употребительностью множественного.

В качестве форм именительного падежа множественного числа нечленных для всех родов употребляются вместо старых — муж. рода *нови*, женского *новы*, среднего *нова* — или **-и** (так в некоторых памятниках, начиная с XIII в.; ср. и современные формы прошедшего времени — *знали*, *вели* и под.), или **-ы**.

В современном литературном языке в употреблении от основ на твердый согласный только формы на **-ы**. У писателей XIX в. иногда еще встречалась форма *ради:* Это кресло у меня уже

ассигновано для гостя; *ради* или не *ради*, но должны сесть (Гоголь, Мертв. души),— архаизм, выживший так долго благодаря тому, что слово *рад*, если не считать малоупотребительного *горазд*[1],— единственное в русском (и в некоторых других славянских), выступающее только в нечленной форме. Относительно нечастые (кроме слова *ради*)[2] уже в документном языке XVI и XVII вв. формы на **-и:** А наши послы *не виновати* ни в чем... (Спис. с грам. Иоанна Гр. шведскому кор., 1573 г.). ...А сказывают, что *голодни* и лошадей у них нет (Грам. из Новгор. Чети 1602 г.). ...а остались немногие людишка, и те наги, и *боси*, и голодны (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.), ... на бой и на кораулы ходим, а *голодни*... (Челобитье казаков приказа С. Караулова, 1611 г.). А с того погрому мы, холопи твои, стали наги, и *боси*, и пеши (Челоб. атамана Ив. Толстого, 1614 г.). Том-де [sic!] они перед великим государем *виновати* (Дело Ник., № 36). Да они ж *повинни* работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно (Котош., 88). ...Еще не совершенно *богати* (там же, 101). И они, стрелци, *повинни* ходить все на пожар (91). Да на святой, государь, неделе в понедельник, напився *пьяни*..., бились кулачки... (Хоз. Мороз., I, № 67). ...От тово оне *сыти* и *богати* были (Хоз. Мороз., I, № 181). ...и к посылкам будут готовы и *поспешни*... (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). Волки бы *сыти*, а овцы бы целы (Стар. сборн., 442), — являются, вероятно, продуктами диалектного влияния (ср. южнорусск. *молоди*, *сыти*, *богати*, *ради*, *пьяни*, *голодни*, Орл., Тул., Ряз.,— Будде). Пословица: *Чем богати*, *тем и ради* восходит к подобным диалектам. К ним же — встречающееся у Крылова (Пир) *сыти:* «Вы *сыти* будете...» Ср. еще у К а н т е м и р а (Сатира V): «...Ниже брак хулю честный, его же любови Пламень, нрав сходство вина; но сии *готови* Неизвестну с край света в жены себе взяти, Лишь бы в редкой росписи было что читати». В «Письмовнике» Курганова, стр. 191, еще встречается *прости* — «мы прости...» в значении «квиты». Музыкант жаловался на игрослушателя, который обещал, а ничего ему за то не дал. Но тот сказал: мы *прости* («=квиты»); ибо ты утешал мой слух приятным звуком, а я тебя моим обещанием (Кург., стр. 191).

Характерно, как отмечено Унбегауном, что прилагательные, сохранившие именительный падеж множ. числа на **-и**, почти сплошь принадлежат к сочетающимся с названиями лиц (существ).

Писатели XVIII в. (особенно поэты) свободно пользуются нечленными формами и в функции атрибутивной.

---

[1] Как и естественно, во множ. числе в древнерусском в употреблении *горазди:* ...А 2, государь, у нево сына грамоте умеют по книгам и петь *горазди* (Хоз. Мороз., 1, № 84).

[2] См. напр: ...И мы своего государя *ради* всем сердцем, что нас не погубил до конца (Сказ. о Псковск взят., 10). И приезду есмя твоему добре *ради* (Отч. Я. Молв.). *Ради* там все концу нашему (Ист. об. Азовск. сид., 10).

§ 21. Из словообразования имен прилагательных.

1. Как известно, имена прилагательные с суффиксом **-ян-** в настоящее время выступают в большинстве слов без удвоения **н** основы. Исключение представляют *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*, *жестянный* (напр., мастер) (при *жестяной* «сделанный из жести»), причем, как отмечено Д. Н. Ушаковым («Родн. яз. в школе», 1926, № 10, стр. 64), под их влиянием в произношении встречаются и «песчанный» и под. (формы с ударением на суффиксе).

У нас нет оснований думать, что эти исключения установлены произвольно в новое время: орфография светских документов XVI—XVII вв., во многих отношениях фонетическая, выдерживает их с довольно большою для нее последовательностью.

Удовлетворительного объяснения упомянутого распределения фактов нет, но условия специального положения слов с двумя **н** могут быть указаны: *деревянный и оловянный*, трехсложные по основе слова, стоят среди других особняком в том отношении, что они фонетически имели в древнем языке ударение на флексии: «деревянóй» «оловянóй»[1] (из первоначальных *дéревян-, *óловян-; ср. *дéрево*, *óлово*), а затем, когда по неизвестной причине (может быть, благодаря длине слова) ударение в них оказалось оттянутым на суффикс **-ян-**, этот процесс был осуществлен так, что его сопровождало приобретение дополнительного суффикса **-ьн-:** *деревяньный*, *оловяньный*, откуда — *деревянный*, *оловянный*.

Характерно, между прочим, что подобную оттяжку ударения обнаруживает и украинский: *дерев'я́ний* (при, видимо, более старом *дерев'яни́й*,— ср. «Словарь укр. языка» Б. Гринченка), *олов'я́ний*.

Что касается *стеклянный*, то в этом слове приобретение суффикса **-ьн-** тоже связано, как есть основания думать, с изменением места ударения. Старая основа *стькл-ян-* в соответствующих формах членного прилагательного фонетически звучала без гласного в корне и с ударением на флексии, т. е. *склянóй;* ср. укр. *скляни́й;* в др.- русском встречаем, напр.: ...И во всякои клетки поставленои по стопке склянои (Хожд. на Вост. Котова, 95). Под влиянием имени существительного *стеклó* возникла форма *стекля́нный* с новым ударением и с дополнительным суффиксом, как в случаях *деревя́нный*, *оловя́нный*. К фонетичности образования с ударением на флексии при корне с редуцированным ср.: *льнянóй* (имя существительное в древнем языке — *льнъ*, род п. *льна*).

---

[1] Определенное свидетельство такого ударения имеем в разных списках «Домостроя»; ср. «Домострой по Коншинскому списку и подобным», А. Орлова, 1908 г., стр. 148, где приводятся встречающиеся в них формы типа *деревянóе*, *деревяны́е*, и *деревя́нное*, *деревя́нные*, и стр. 157: *оловянóй*, *оловянóе* при *оловя́нной*, *оловя́нное;* «котóрые дéнежные мáстеры у́чнут делати вóровски мéдныя, или оловяны́я или уклáдныя денги» (Улож. 1649 г.,— печатн. изд. 1649 г.).— О движении ударения в членных прилагательных см. в главе IV, стр. 246.

В пределах тех же тенденций к появлению второго **н** при новом ударении находится, вероятно, и факт, наблюдаемый в случае *жестяной* и — с дифференциацией значения — *жестя́нный* (напр., мастер).

2. Различие окончаний **-ный, -ная, -ное** и **-ний, -няя, -нее,** наблюдаемое в современном литературном языке: *полный, полная, полное, верный, верная, верное,* но *летний, летняя, летнее, давний, давняя, давнее* (временнóе значение), *дальний, дальняя, дальнее, здешний, здешняя, здешнее* (пространственное значение) — в своей основе, как ясно из сопоставления с другими славянскими языками, является фактом глубокой древности.

В меньшем употреблении в наше время третья категория образований на **-ний, -няя, -нее** — производные от названий родства, свойства́ и под. *Мужний, дружний* «принадлежащий другу», *сыновний* звучат теперь архаично; чаще других, без налета архаизации, употребляется *соседний*. В XVIII и в первой половине XIX в. всё это еще довольно обычные слова. Ср.: «*Супружню*, Ольга, смерть отмщая, Казнишь изкусством Искорест» (Ломон., Ода II). Любовь еiо *супружня* мучит (Аблесимов, Быль 4). ...И сердце *матерне* себя тем утешает (Ломон., Ода 13).

Вместе с тем, надо отметить, что само различение **-ний...**: **-ный...** под влиянием школы в настоящее время строже, нежели в древности и даже в первой половине XIX в. В памятниках и у старых авторов читаем: ...с Николина дни *вешнаго* 112 году да до Николина ж дни *вешнаго* 114 году (Льготная крест. Демидову, 1604 г.). Ср. в передаточной записи этого же крестьянина того же года «вешняго».—...*нынешнаго* де 112-го году... (Дозорн. память на посадск. челов. С. Поздеева и дьяк. С. Бабина, 1604 г.). ...а сее *прежную* жаловальную грамоту ... указали отдать Вяжицкого монастыря игумену Генадию з братьею (Жалов. грам. ц. Василия, 1606 г). ...взяв с собою *тутошних сторонных* попов и дьяконов... (Межев. обыск 1606 г.), но ниже: И мы ... с *тутошними сторонними* людьми и старожильцы... тех межей ... и граней досматривали; ...и *тамошним* жителем тот платеж перед московским отвозом и платежем будет легче (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.), ниже: ...а *тамошным* жителем от неприятельских приходов будет надежность и безопаство...; ...истец уличал *прежными* уловками (Челоб., поданная бояр. Ф. И. Шереметеву, 1639 г.); ...для своего *многолетнова* здравия... (Челоб. из Покров. волости к кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.). Что вы, о *позные* потомки, Помыслите о наших днях? (Ломон., Ода 6). Исполни то над *поздным* светом... (Ломон., Ода 12). Приди, мой благодетель *давный*... (Держ., Приглаш. к обеду). И ты, наш Нестор *долголетный*... (рифма — «неприметны»,— Держ., На конч. благотворителя). ... Блажат свой *внутренный* покой (Ломон., Ода 14)[1].

[1] Материал, относящийся к первой половине XIX в., см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 91—93.

Два замечания о частностях:

Слово *искренний* принадлежит к прилагательным мягкого окончания не по своему нынешнему, а по старинному значению — «ближний».

Дневной, *ночной;* диал. *денный;* *восточный*, *западный*, *северный*, *южный*, архаич. *полночный*, *полуденный* — в большинстве представляют отклонения уже дорусской эпохи. *Восточный* и *западный*, по всей вероятности, свой суффикс получили в этом виде под влиянием господствующего типа префиксальных образований вообще и могли далее уже по смысловой ассоциации уподобить себе *северный* и *южный*.

3. Обращает на себя внимание довольно широкое распространение в древнерусском языке членных имен прилагательных с суффиксом **-ьн-**, заменяющих нынешние наши причастные формы, т. е. там, где мы теперь употребили бы соответствующую форму с признаком времени, вида и залога, древнерусский человек прибегал к привычным для него образованиям прилагательных.

Развернутое толкование такого прилагательного при помощи параллельной причастной формы имеем, напр., в фразе: А которого человека приведут истцы без пристава с поличным же, а тот *приводной* человек, которой приведен с поличным, учнет битичелом... (Улож. 1649 г., гл. 21, § 54). А которые *объискные* люди... в объиску скажут, что у них разбойников и татей нет... (Улож. 1649 г., гл. 21, § 61), т. е. «обыскиваемые», «подвергающиеся обыску»; ...и счетныя списки — что по тем счетным спискам доведется взять *недоборных* денег — и то все присылать к Москве (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). А как по преставлении... В. Г. Св. П. Филарета Никитича... переписываны Судной и Дворцовой приказы, и те *переписные* [«переписанные»] росписи из Судного и из Дворцового приказов взяты в Приказ Большого дворца (XVII в., Фед.-Чех. I, № 122).

Несколько реже случаи образования прилагательных, заменяющих наши активные причастия. К таким случаям относятся, напр.: А которых людей разбойники розобьют или тати покрадут, и за теми розбойники и за татьми истцы собрався следом придут в село или в деревню, и те люди, к которым следом придут, следу от себя не отведут, и про то объискати, и *погонных* [т. е. «гонящихся»] людей роспросити (Улож. 1649 г., 21, § 60). А на дачю им хлеб имать в тех же городех с помещиков и вотчинников вместо *недостаточного* хлеба... (Из актов при «Созерц. кратк.» С. Медв.), т. е. «недостающего».

§ 22. Сравнительная степень.

Сравнительная степень прилагательных рано утратила свою флексию (см. Синт., § 8) и приобрела функции наречий. С точки зрения словообразовательной нуждаются в замечаниях такие установившиеся в литературном языке формы сравнительной степени:

Окончание **-е** (исторически им. пад. ед. ч. средн. р.), обычное после **д, т, г, к, х** непроизводной (несуффиксальной) основы, как восходящее к старому сочетанию **je**, вызывает переход **д** в **ж, т** в **ч, ст** в **щ; г** изменяется в **ж, к** в **ч, х** в **ш:** *тверже, моложе, круче, проще, гуще, дороже, мягче, тише*[1].

Из основ, оканчивающихся на губной, слово *дешевый* образует сравнительную степень *дешевле* по образцу **вл** перед былым **je.**

От старых прилагательных на **-к(ий)** с предшествующими зубными — **д, т, з** — сравнительная степень образуется непосредственно от корня с рефлексацией соответствующих зубных перед **j:** гладкий — *глаже*, гадкий — *гаже*, короткий — *короче*, близкий — *ближе*, узкий — *ýже*. Причина того, что суффикс сравнительной степени в этих образованиях присоединяется непосредственно к корню, а не к суффиксальному **к,** лежит в том, что старые слова с суффиксальным **к (-ък-)** получили последнее, когда уже образования сравнительной степени существовали в языке. Надо однако иметь в виду, что эти отношения — факт очень давний, ибо формы с **-ък-** образовались уже в древнейшую пору. К характеристике предшествовавших им ср.: лит. glōdùs — ст.-слав. *гладъкъ*, санскр. ạhúš — ст.-слав. *жзъкъ*, готск. hardus, лит. kartùs — ст.-слав. *кратъкъ*.

Подобным образом *высокий* и *широкий* с суффиксом **-ок-** образуют сравнительную степень в виде *выше, шире*. Но от *глубокий* не «*глубле*», как ожидалось бы (ср. *дешевле*), а *глубже*, быть может, под влиянием слов с пространственным значением *ниже, ближе*. От слова *сладкий* (в русском языке церковнославянизм) сравнительная степень наряду с диалектным *слаже* звучит *слаще*, что восходит к «слажче» (контаминации *слаже* и *сладче*)[2].

Больше, горше, дальше, дольше, меньше, старше, тоньше имеют суффикс в форме имен. мн. ч. муж. р. (или ед. ч. среднего рода аналогического происхождения); ср. ст.-слав. склоне-

---

[1] Высказанное А. М. Селищевым мнение (Учен. зап. Моск. гор. пед. инст., каф. русск. яз., вып. I, том V, 1941 г., стр. 188—189), по-видимому, принимаемое и В. В. Виноградовым (Докл. и сообщ. филол. фак. Моск. унив., вып. 4, 1947, стр. 41), — будто «анализ форм сравнительной степени в истории славянских языков обнаруживает, что суффикс -jes (-jьs) применяется в корневых бессуффиксных прилагательных, предлогах (perd-—-jes), наречиях (pak-jes) с нисходящей интонацией. Во всех прочих случаях суффиксом служил -ějes (-ějьs)» (сделана ссылка на предполагавшийся к изданию «Старославянский язык»), — мне не представляется доказанным, хотя, действительно, среди старославянских образований на -ѣй- преобладают такие, у которых гласный корня — акутированный или подударной была флексия (о древнейших славянских интонациях см. в главе IV, § 1). Русские образования, во всяком случае, прямой связи с такой приметой теперь не имеют; ср.: серб. чи̏ст: русск. сравн. степень — *чище;* серб. ти̏х.: русс. *тише;* серб. пáче, па̏че: русск. устар. *паче;* с другой стороны: серб. гру̑б: *грубее;* кри̑в: *кривее;* ску̑п: *скупее* и под.

[2] Ср.: ...Да накаплють ти слажше меду словеса уст моих (Слово Дан. Заточн. по Акад. списку, XXIX). ...сладчая меду (Памятн. Смутн. врем., 764).

ние м. р. им. п. ед. ч. *мьный*, род. ед. ч. *мьньша* и т. д., ж. р. им. п. ед. ч. *мьньши*, род. пад. *мьньшѧ* и т. д., ср. р. им. п. ед. ч. *мьнє*, род. п. *мьньша* и т. д., им. п. мн. ч. муж. р. *мьньше*, род. п. *мьньшь* и т. д. Параллельные архаизмы *болѣ*, *далѣ*, *тяжелѣ*, — вероятно, неправильные под влиянием форм на **-ѣе**, написания вместо *боле* и под., представляющих по происхождению им. пад. сред. род. ед. ч. Ср. приводимые А. И. Соболевским (Лекции, стр. 227) формы из Чудовского нового завета: «нѣсть ученикъ *боле* учителя», «еда ты *боле* еси отца» и под.

В других случаях выступают образования **-ѣе**, **-ѣй:** *новее (новѣе)*, *новей (новѣй)* и под. Первые формы восходят к именительному падежу ед. ч. среднего рода основы на *ēį, вторые — к именительному же падежу ед. ч. мужского рода или к той же форме средн. рода, утратившей конечный гласный в духе обычной деформации наречий.

Нынешнее литературное произношение форм сравнительной степени: *сильнее*, *светлее* с редуцированным гласным на конце позволяет возводить их к старейшим формам *сильнея*, *светлея* (ср. Фонетика, § 5).

В памятниках засвидетельствованы с окончанием **я** главным образом формы, где этому окончанию предшествовало **я (а)**. Соболевский высказывал поэтому догадку, что «современ. великорусск. крепчая, сильняя, красняя, сильнея, краснея — едва ли не есть результат ассимиляции конечного **е** с предшествующим а (легчая) и последовавшего затем действия аналогии...»

После **ж, ч, ш** — **ѣ** фонетически должно было перейти в **а** (ср. *ближайший*, *величайший*, *тишайший*[1]), но в литературный язык вошли аналогические формы — *свежее*, *ловчее*, *звончее* и под. В севернорусском наречии им соответствуют фонетические формы на **-ае**, **-яе**, которым, наоборот, уподобились остальные: *сильняе*, *добряе*. Последние были в употреблении и в литературном языке почти до конца XVIII в. Ср. из др.-русского: Выше станут потому: Воротынский церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепчае (Посл. Ив. Гроз. игум. Кир.-Белоз. мон., 6). Суд о них Ломоносова (Рос. грам., § 213) констатирует их отмирание даже на последних позициях: «Не рѣдко ради двухъ или трехъ **е**, первые склады составляющихъ, вмѣсто **ѣе** употребляется **яе:** *блекляе*, *свѣтляе*. Однако и *блеклѣе*, *свѣтлѣе* равное или лутчее достоинство имѣютъ». Из конца века: скоряе (Эмин, 1792 г.). Из относительно поздних примеров — А *дурняй* всего есть красть (Аблесимов, Быль, 6).

В ряде случаев в литературном употреблении долго конкурировали от многих прилагательных параллельные формы сравнительной степени; ср.: *твердѣе*, *громчае* (Ломоносов), *богатѣе*, *простѣе* (Карамз.) и под.

---

[1] У Болотова, Письмо 20, интересна форма: Время было тогда *наилутчайшее* в году.

Утвердившееся в нынешнем литературном языке образование сравнительной степени *младший* (церковнославянизм) при *моложе* (образование наречного типа) представляет собою продукт относительно позднего отбора из предшествовавших вариантов. Так, например, в «Челобитье старицкого князя Андрея. Ив. в. князю Вас. Ивановичу», 1533 года, читаем: «Бил челом великому князю Василию Ивановичу всеа Русии *моложий* брат его Андрей Иванович... И великий князь, выслушав речи, велел *моложему* брату своему князю Андрею Ивановичу искать себе девку».

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 23. Склонение наименований чисел.

Замечания о склонении **один** сделаны выше (§ 18). **Дъва** и местоимение **оба** искони тоже склонялись, как местоимения типа **тъ, та, то,** т. е. так как **дъва** и **оба** по значению могли принадлежать только к двойственному числу, им. пад. м. р. звучал **дъва**, женск. и средн. — **дъвѣ**, род.-местн. — **дъвою**, твор.-дат. — **дъвѣма:** параллельно — числит.-местоимение им. м. р. — **оба**, жен. и средн. — **обѣ** и т. д.

Усвоение средним родом формы муж. рода явилось как естественный результат близости вообще склонения имен среднего рода к мужскому.

Замена старого род.-местн. *дъвою*[1] формою **дву** отражает влияние флексии имен; ср. др.-р. *вълку*, *жену* (род.-местн. дв. ч.). Это **дву** держится в письменности очень долго. В XVII в. оно еще довольно часто: в *дву* закромах (Дело Ник., № 103); олова в *дву* бочках (там же, № 105); в *дву* лукошках (там же); *дву* камок вишневых четырнатцать аршин (там же); сотни случаев в Мат. Раз.; — Ср. и в XVIII в.: ...Послать ис Колегии канцеляриста (имя) и с ним дву человек салдат с ынструкциею (Указ Мануфактур-коллегии 1752 г.). *Между дву* Наголе (Кург., стр. 155). Но появление в живой речи **двух** свидетельствуется уже, напр., списками П. и И. «Домостроя»: в *двух сих* главизнах (см. Орлов, 124). И взять у властей *двух старцов* искусных и добрых (Дело Ник., № 94). Писал ко мне... полковник Федор Зыков и прислал *двух мужиков* (Мат. Раз., III, № 58). Прошу его королевского величества милости о том, чтобы мне господа была отведена на *дву* Маскалей и на *двух* хлопца и челядника моих (Котош., XXV). И медведей *двух* великих отнял (Аввак., № 25, стр. 79). Унбегаун (ук. соч., стр. 412) приводит единичные

[1] Из поздних примеров, см., напр.: ...Да пять бревен сосновых *двою* сажен к воротам же (Прих.- расх. кн. Болдина-Дорогобужск. мон. за 1585 г.). ...Или всего иного товару без весу на два рубля или больше *двою* рублей... (Уставн. грам. о сборе таможен. пошлин в Суздале, между 1606—1610 гг.). Ср. и редкую форму **двую**, контаминацию *двою* и *дву*, встречающуюся в одном из «Розыскн. дел о Фед. Шакловитом» (II, VIII, 4).

случаи формы **двухъ** из дипломатических документов конца XV и начала XVI в.: тѣхъ *двухъ* полоняниковъ (1490 г.), и под.

Сохраняется **дву** до сих пор в сложных словах типа *двудольный*, *двужильный*, при более новом **двух** — в случаях вроде: *двухэтажный*, *двухлетний*.

Остаток более давней старины имеем в *двоюродный*.

Нынешняя форма род.-предл. **двух** представляет, с укреплением в литературном и разговорном языке в роли определений членных прилагательных *(сильных, тихих)*, продукт уподобления склонению их, причем форма эта осталась контаминационной — **дву-х** (из род.-предл. прилагательных). Правдоподобно, что решающая роль тут принадлежала ближайше родственным семантически формам *трьхъ* (трех) и *четырьхъ* (четырех).

Не лишен примечательности случай контаминации **двух** и **двоих**, который встретился в «Отписной книге села Федоровского» 1615 года: «В. Василей Ондреев да Митя Степанов, на *двуих* две девятых...»

Дат. **двум**, отражающий такое же влияние, прошел, кроме того, через влияние родительного-местного, откуда его **-у-** (ср. и *трем* из древнего **трьмъ**). Древнейшая форма — **двѣма**; ср., напр.: А будетъ людямъ добрымъ двѣма или трем вѣдомо (Судебн. 1497 г., 46). Под влиянием *трем* иногда возникало и *двем* (двѣмъ): ...И изошло дорогою до монастыря денегъ себе да слугам двѣмъ ...десять алтынъ и три денги (Прих.-расх. книги Болдина-Дорогобужск. мон. за 1585 г.).

Дат.-твор. **двумя** вместо **двѣмя** (ср. и **двѣма**): ...а одному, и *двемя*, или тремя целовальником в ларцы не ходити, и денег не печатати...— Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писана в 1571 г. И собрався пошли с Олаторя подъ Саранскъ декабря въ 11 день *двѣмя* дорогами (Мат. Раз., III, № 32). ...И без меня снаху мою из дворишка взял з *д(в)емя* сыны... (Хоз. Мороз., I, № 27), что касается его **-мя**, теперь почти повсеместного в севернорусском наречии и переходных говорах (**-у-** тут тоже из родительного-местного), обычно толкуют вслед за Авг. Лескиным как контаминацию окончаний **-ма** (дв. ч.) и **-ми** (тв. мн.) [1].

---

[1] Унбегаун (ук. соч., стр. 145) вносит существенную поправку в предполагавшуюся Лескином последовательность явлений (**двума* > *двумя* под влиянием *тремя*, *четырмя*, у которых -мя из *-ма*, отразившего флексию слова *два* и подвергшегося воздействию тв. п. **-ми**): для литературного (московского) языка он по памятникам намечает такую: тв. п. *треми*, *четырьми*, затем — *трема*, *четырма* (под влиянием двойственного числа) и, наконец, *тремя*, *четырмя*,— старейший отмеченный им пример относится к 1571 г. Но основной мысли Лескина о влиянии окончания -ми на -ма он совсем не отбрасывает, предполагая, по-видимому, при возникновении форм на -мя некоторую довольно отдаленную аналогию отношений у имен существительных и прилагательных [«On a là probabl ment l'extension de l'alternance consonantique m/m' qui est par ailleurs caractéristique pour le rapport existant entre le datif (finale — мъ) et l'instrumental pluriel (finale — ми)...»]. Здесь, как и в других случаях, Унбегаун слишком прямолинейно представляет себе смену фактов

Древнейшие примеры форм на **-мя** от **три** и **четыре** в памятниках (XIV—XV вв.) тоже одинаково относятся к творительному и дательному: тремя имены (Ипат. сп. лет.), прешедшимъ четырьмя лѣтом (Жит. Мих. Клопского по Синод. сп. Макар. Миней, янв.), и под.

В говорах бывших Вологодской, Пермской и Вятской губ. это **-мя** является приметой творительного и — реже — дательного падежей склонения местоимений и прилагательных: *имя, всемя, темя, своимя, добрымя*.

Что формы на **-мя** остались в литературном языке приметой творительного, а дательный пошел путем уподобления прилагательным, это, вероятно, следует объяснить бо́льшим сходством с **-ма** окончания тв. пад. **-ми**, нежели окончания дательного м. Ср. укр. *очима, дверима* и под. только в функции творительного, тогда как первоначально окончание **-ма** было приметой творительного и дательного.

Оба — муж. и средн., **обѣ** — жен. в род.-местн., как и *два, двѣ*, наряду со старым **обою**, получили новую форму **обу**. Но рано в памятниках появляется и другая, отражающая влияние именительного падежа — **обѣю**: Изъ обѣю очью яко слезы течаху (Новг. I л. 6847 г. по Арх. сп.— Срезн.), по-видимому, еще при поддержке старой формы дат.-твор.— *обѣма*.

В дальнейшем эта форма подвергается влиянию прилагательных и сменяется новообразованием **обѣих**: И того жъ дни или на иной день обѣихъ, мужика и жонку..., бьютъ кнутомъ (Котош., 116).

В XVIII в. узаконяются как параллельные **обоихъ** (собственно от «обое» или «обои») и **обѣихъ** (ср. «Рос. грам.» Ломоносова, § 258), а в XIX в. Н. Греч произвольно устанавливает (Русск. грамм., 1827 г., § 128), что первое соответствует мужскому и среднему, а второе — женскому роду,—употребление, дожившее до наших дней[1].

С историей родительного-предложного (местного) параллельна история дательного и творительного. Ср.: I въ приказѣ по исцѣ и по отвѣтчикѣ соберутъ поручные записи, что имъ к суду обѣимъ стать на указной срокъ (Котош., 118). И черной дьяконъ Варламъ имъ, ключаремъ обѣимъ, нигдѣ не говаривалъ... (Дело Ник., № 40).

На вопрос о том, чем был вызван разрыв в дальнейшей судьбе между **два, двѣ**, с одной стороны, и **оба, обѣ** — с другой, можно

в литературном языке, не считаясь с тем, что новые формы могут не быть продуктом непосредственного развития на данной языковой почве, а притекать в литературный язык уже готовыми, сложившись другим путем из усилившихся в своем влиянии говоров, ранее не отраженных в литературном языке.

[1] Продукт контаминации старейшего *обѣю* со склонением членных прилагательных представляет др.-русск. диал *обѣюхъ:* у в-обеюх рук мизинцы кривы (Новг. записн. кабальн. кн. по Бежецк. пят., 1603 г.); ...ус высидает у в-обеюх (там же).

ответить, кажется, только соображением о том, что **оба, обѣ** были свободнее от влияния чисел (*трьхъ, четырьхъ*) и по значению и по употреблению («они оба», «их...», «им...») входили в сферу влияния местоимения «они».

К склоняемым прилагательным в прошлом принадлежали **и трьє** (м. р.), **три** (жен. и ср.), **четыре** (м. р.), **четыри** (ж. и ср.), но в русских памятниках нецерковных не отражены ни древнейшее различие родов, ни формы род. мн. *трьй* (трей)[1], *четырь* (четырь).

Формы род. п. **трехъ, четырехъ** установились как заимствованные из местного падежа (ст.-сл. *трьхъ, четырьхъ*), но (вероятно, в отдельных говорах) некоторое время выступала еще и другая форма — **трею** (трею ангелъ,— Чудов. Нов. Зав. XIV в., трею,— Мстижское ев. XIV в., трею сотъ,— Посл. арх. Новг. Геннадия 1489 г.)[2], явный продукт влияния склонения *два*.

Творительный падеж **тремя, четырьмя** вм. старых *трьми, четырьми*[3] тоже отражает влияние флексии двойственного числа (с усложнением, о котором упоминалось при *двумя*), причем, как и при *двумя*, первоначально и дательный и творительный, видимо, в говорах совпадали (ср. дат. п. *чотырма человеком* в моск. грамоте ок. 1575 г. и примеры, приведенные при «двумя»[4]). Изредка встречается в др.-русском **треими** (Бусл.) — вероятно, под влиянием *обѣими*. Вполне прозрачно воздействие *пятью, шестью* и под. на форму *четырью*, которую еще Буслаев считал принадлежащей литературному языку его времени. Державин употребляет форму *четыремя* (Алмазна сыплется гора С высот четыремя скалами), отражающую влияние остальных падежных форм.

Числа **пять, шесть...** склонялись, как имена существительные женского склонения на **ь**, и такое склонение сохранили до сих пор. Ср. и согласование: ...и дати ему вязебную 10 кун (Русская правда пространной редакции), т. е. дать ему («отроку, который свяжет задерживаемого хозяином холопа») десять «вязебных» кун, десять кун «вязебного». У патриарха посол *в ту пять* дней по упросу трижда ел (Вымышл. статейный список посольства Андр. Ищеина 1570 г.). ...и *на другую пять* человек велети дати на сенокос луг... (Царск. грам. по челоб. охотников Пчевского яма, 1601 г.). ...и вино курили и на винокурнях *во всю в 5 лет*... (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.).

---

[1] В Новг. I лет.— безъ трiи мѣсяць, 8 (Бусл.), следует, по-видимому, *трiи* считать церковнославянизмом.

[2] См. А. Соболевский, Русск. Фил. Вестн., LXIV (1910), стр. 129. Ср. и пример Унбегауна (указ. соч., 416) из угличского акта 1572 г.— храм трею святителей.

[3] Ср. еще в XVII в.: А по роспросу де унжан посадских людей, с тем вором Илюшкою под четырми знамены было воров человек с четыреста... (Мат. Раз., III, № 84).

[4] У Унбегауна (указ. соч., стр. 413—414) подобные примеры — из грамот начала XVI в.

Из исторических отклонений характерно частое употребление, очевидно, по аналогии *трех, четырех*, вин. падежа при названиях лиц в форме, совпадающей с родительным, у **пяти, шести** и под.: Да мы же, государь, кормим переяславцав детей боярских, Ивана Коздавлева да Володимира Савлукова с товарыщи, *десети человек* (Челобитн. Лжедимитрию старосты и крестьян Закубежск. волости, 1608—1610 гг.). Да убили у них с города *добрых семи панов*... (Отписка кн. Гр. Долгорукова и Алексея Голохвастова царю Вас. Шуйск., 1609 г.). Послал де он к великому государю бити челом товарыщей своих казаков *семи человек* (Мат. Раз., II, № 26). ...И велел ему прислать в Дербень для пропитанья Астраханского листа подъячего и для проведыванья вестей прапорщика да *осми человек* солдат (там же, № 30). ...И живых воровских людей на том бою взяли *пяти человек*... (там же, III, № 28). На нынешних неделях призывали они нас к себе в дом *девяти* человек пехотного чина да *пяти* человек посацких людей... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Ср. современное диал. «убил пети уток» (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XCIX, № 5, 1922, стр. 40, 49). Но ср. и: ...Кизылбашской шах сбирает своих ратных людей двенадцать тысячь (там же, II, 30). А в языцех взял двадцать человек (там же, III, № 5).

Под влиянием *двумя* и под. в говорах появлялись: А в суде велети с собою быти тех погостов старостам и целовальником, и волостным лутчим людем, человеком пятмя или шестьмя (Отрыв. наказа управителю заонежск. погостов между 1598—1605 г.).

Более архаичны: ...даны им было пожни *пятьма* человеком блиско двора... (Царск. грам. по челоб. охотников Пчевского яма, 1601 г.). А земли де им всем *десетма* человеком дано... (там же).

Под влиянием склонения *двадцать* форму двойственного числа в склонении усваивало иногда и *тридцать:* А охотников, государь, яз с теми лошаденками, с тритцатьма поставил на яму...

(Отписка стройщ. Хотеловск. яма Конст. Загоскина, сентябрь 1585 г.). А поставил, государь, яз охотников на яму с теми с тритцатьма мерины... (его же отписка 5 октября 1585 г.).

О род. п. мн. ч. **-десят** см. в «Замечаниях о словообразовании».

В системе чисел восточнославянских языков особняком стоит название четырех десятков **сорок.**

Нет серьезных оснований сомневаться в том, что это первоначально имя существительное с материальным значением «рубаха»; в «сорок» или «сорочок» вкладывалось 40 шкур соболей на полную шубу. Аналогии подобного перехода счета конкретного в абстрактный — в языках не редкость: датск. ol—80, собств. «шест, жердь», по числу носимых на шесте рыб, словац. meru — 40, заимствованное из венг. méro — мера зерна, состоявшая из сорока более мелких единиц (Грюненталь), и под. Древнейшие тексты еще вполне отражают старинный характер слова: Се за-

ложи Уласеи ... пол села ... в десяти рублех ... да в трех сорокех белки (Закл. Вл. Степ. 1349 г.). А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран, а межы сел межа тридцать бел, а княжа межа три сороки бел (Уст. Дв. гр. 1397 г.). А дал... на тих трех селех полшестадесять сороков белки, а пополонка конь ворон в пять сороков (Новг. купч. XIV—XV вв.). ...В Мореве сорок кунichь да два сорока бел да петровыцине рубль... (Догов. в. кн. Литовск. Казимира с Вел. Новгор., XV в.). Сорок соболей, цена сто пятдесят рублев, а послан тот сорок в Литву (Расходн. кн. 1584—1585 г.), и под. (Ср. Срезн., II, 465—466) [1].

В XVII в. мы имеем колебание между склоняемостью и установлением в косвенных падежах (кроме винительного) единой формы **сорока:** Сотникомъ по *сороку* и по 8 рублевъ (Котош., 90). ...въ *сорока* алтынахъ (Дело Ник., № 105). А то де село отъ Шатцкого въ *сорока* верстахъ (Мат. Раз., III, № 67), но: ...И учали сбираться в селѣ Мамлѣевѣ, от Арзамаса в *сорокѣ* верстахъ (Мат. Раз., III, № 22). В селѣ Борках, от Шатцкаго въ *сорокѣ* верстахъ (Мат. Раз., III, № 67). Возможна в старинном народном языке даже форма винительного падежа ед. числа от слова **сорок** при одушевленном имени существительном в виде **сорока:** «...и вьсю силу татарскую побили и *тех сорока богатырей побили...*» (Барсов. список «Сказ. о кеевских богат.», первой пол. XVII в., 504—505) [2].

В XVIII в. Ломоносов узаконяет склонение со старинным этимологическим ударением: род. **со́рока**, дат. **со́року, тв. со́рокомъ,** предл. **о со́рокѣ;** мн. ч. **со́роки, со́роковъ** и т. д. (§ 255), но не точно; это правило, соответственно фактическому употреблению форм, уточняется Востоковым (Русск. грам., § 44) в том смысле, что такое склонение (он дает, однако, ударение уже современное), как — **сорока́, сороку́** и т. д., имеет место лишь при независимом употреблении слова. При сочетании с именем существительным родительный, дательный и творительный звучат одинаково **сорока:** *сорока человѣк*, *сорока человѣкам* и т. д., но *о со́рокѣ*

---

[1] Нужно ли при этом предполагать заимствование слова из др. сев.-герм. serkr (Педерсен) или русск. *сорок* — слово, восходящее к давнему славянскому корню,— в данном случае не имеет значения.

Решающие аргументы против заимствования слова из греческого приведены М. Фасмером в Roczn. slaw., V, 1912 г., 121—122. Со средн.-греч. σαράχοντα «сорок» его во всяком случае сближать нельзя: совпадение первой части случайное, а отсутствие второй и различие в месте ударения говорят против такой догадки. К литературе, указанной в «Этим. словаре» Преображенского, теперь можно прибавить еще заметку Грюнենталя в Arch. f. sl. Phil., XLII (1929), 318. Многочисленные другие примеры см в «Материалах для терминологического словаря древней России», сост. Г. Е. Кочиным, 1937, стр. 334, ср. и VREW, II, 698—699.

[2] К склонению слова **сорок** см., в частности, в Барсов. списке «Сказ. о кеевских богат.» (первой пол. XVII века): «...и как съє^{з}жаю^{т}ца злыми полки тата^{р}скими і с *сороки дву͡ богатыри* ц$^{\frown}$регра^{д}цкими (456—459).

человѣках; в составе сложных чисел и в этом падеже выступает *сорока: въ ста сорока пяти рубляхъ*. Как отступление у Востокова отмечается при этом сочетание на вопрос *по скольку? — пó сороку человѣкъ*. Эти достаточно пестрые отношения упрощаются и в фактическом употреблении и в грамматиках приблизительно только к средине XIX в. Множ. число от **сорок** встречаем только в архаизме *сорок сороков;* специальное употребление с **по** сменяется сочетанием с винительным: *по сорок рублей* (ср. и *по пять рублей* при *по пяти рублей*); предложный утрачивает свою обособленность. Причину установления именно формы родительного следует искать в аналогии *девяти*, *десяти*, повлиявших, между прочим, и на изменение места ударения; ср.: дéвять—девятú, дéсять — десятú.

Съто в старославянском не имело никаких отличий от обычного склонения **о**-основ среднего рода.

С XVI в. в русском известны примеры нарушения этого склонения: *сту* саженми (великор. грам. 1588 г.).

Примеры правильного склонения: полуполковникомъ рублевъ по сту (Котош., 90), человѣк по сту (131), по сту рублевъ (Котош., XXIII), во стѣ пудахъ мѣди (Дело Ник., № 42), а отъ Темникова во стѣ в двадцати верстахъ (Мат. Раз., III, № 64). Да съ нимъ же, Михайломъ, быть служилымъ людемъ сту человѣкомъ (там же, № 450). А на тѣхъ засѣкахъ стоятъ человѣкъ по сту (там же, № 59), ...от Вологды в девяностѣ, отъ Бѣлаозера во стѣ в дватцети верстахъ... (Царск. грам. пошехонск. воеводе Ем. Лутохину, 1676 г.). Азовъ не о сте глазовъ... (Стар. сборн. XVII в., 30). Еще Державин склоняет: «Били тысячи вы стом» (Пот. празд.).

С предлогом у Крылова — «К ним на день ходит по сту раз» (Дикие козы).

В истории литературного языка XVIII и XIX вв. **сто** идет параллельно склонению *сорок*. Это же замечание относится и **к девяносто.**

Собирательные **двое, трое, четверо** и т. д. представляют собою средний род в прошлом склонявшихся в согласовании с существительными прилагательных **дъвои, дъвоя, дъвоѥ ... четверъ, четвера, четверо.** Средний род в именительном падеже установился, вероятно, под влиянием *сколько*. Склонение косвенных падежей подверглось влиянию членного склонения прилагательных во множественном числе. С *двое*, которое в древнем языке имело и склонение по единственному числу, ср. и вышедшее из употребления **обое** (сохраняется теперь только в поговорке: *обое рябое* и в выражении *обоего пола*).

Древнерусские формы типа **двои, трои, четверы** и т. д., как количественные числительные при именах существительных, названия которых употребляются во множественном числе (ср. Синт., § 9),— по происхождению прилагательные. В косвенных падежах от склонения *двое ... четверо* они отличались только местом уда-

рения: *двóих*, *двóим* и т. д., *чётверы*, *чётверых*, *чётверым* и т. д. (Восток., § 44).

Параллельное им **обои**, напр., *обои очки*, *обои ножницы* (Восток., § 53), в косвенных падежах отличалось от *оба* тоже только ударением: *óбоих*, *óбоим* (от *оба* во время Востокова литературным ударением в дательном и творительном было *обоúм*, *обоúми*, существующее теперь только как диалектное).

§ 24. К словообразованию числительных.

Русск. **один** из **jед-инъ* — новообразование, заменившее старое **jед-ьнъ* под влиянием параллельного **инъ** «один» (ср. *инорог* «единорог»). Первая часть — *jед-* имеет значение «только». Форма им. п. ед. ч. муж. рода подвергалась влиянию **инъ**, тогда как другая осталась вне его благодаря отличию по ударению. К параллелизму ср. серб. jѐдан (из *jедьнъ), jѐдин[1].

В др.-русском можно встретить, под влиянием именительного падежа ед. ч. мужск. рода, и формы вроде: ...Ови бо попове *одиною* женою оженѣвъся служать... (Лавр. спис. летоп., 39). В московских грамотах очень часто встречается выражение в значении «вместе» — **с одиного.**

Аналогическую или контаминированную форму представляют **одино** и под., например, в Новгородской 5 летописи и многих других подобных памятниках: «Еще же ... не то *одино* зло уставися...» (под 6669 годом); ср. в других списках — «одно зло».

Числа **одиннадцать, двенадцать** и под. исторически представляют собою сочетания **одинъ, дъва** и под. с предлогом **на** и соответствующим видоизменением *десять* (ср. ст.-славянск. на десѧте — местн. пад.), совершившимся, по-видимому, в условиях специального темпа произнесения числительных уже на восточнославянской почве.

Сознание некоторой обособленности частей отражалось еще в XVII в. во встречавшихся случаях склонения первой части: ...дочь его Овдотьеца, прозвище Досатка, *трехнацати* лет... (Новг. каб. кн., 1602 г.). Максимко *трехнацати* лет (там же). А рядили охотники у казначея у старца Еустратия с монастырские вотчины на ямскую гоньбу, на год, и на лошади по *пятинатцати* рублев денег (Поручная костромских посадск. людей, 1604 г); по *девятинадцати* алтын (Моск. грам. 1621 г.); *в трехнадцати* семьях (Грам. 1637 г.); ...будут лет *пятинадцати* или *семинадцати* (Котош., 33); ...служилых людей на лицо нет *пятинадцати* человек (Мат. Раз., II, № 24); ...и секли их, воров, на *пятинадцати* верстах (там же, III, № 32); ...а грузом, государь, то его Антропово вешнее судно из Астрахани шло *трехнадцати* пядей с лишком... (Хоз. Мороз., II, № 21).

---

[1] Важнейшая литература вопроса: Б. М. Ляпунов, Исслед. об языке Синод. сп. I Новгор. лет., 1900, стр. 286—287; E. Berneker, Slav. etymol. Wörterbuch, I, 262 и N. van Wijk, Indogerm. Forsch., XXX (1912), стр. 382—388.

Названия десятков первоначально представляли сочетания склонявшихся **два, три** и т. д. со склонявшимся же как основы на согласный числительным *десять* мужского рода. К происхождению последнего ср. литовск. род. мн. dešimtų с явным следом твердого склонения на согласный.

Первоначально эти сочетания звучали: *два десяти* (дв. ч. им. п.), *три десяте* (мн. ч. им. п.), *пять десятъ* (род. п. мн. ч.). Два первых, стоявших особняком (старое название четырех десятков вообще вышло из употребления), изменили трехсложную вторую часть с окончанием на мягкий согласный в **-дцать**, не без влияния, вероятно, чисел *одиннадцать*, *двенадцать* и под. *Пять десятъ* и под. сохранились и сохранили независимость склонения частей, но в косвенных падежах вторая часть утратила характер управляемой формы родительного падежа множ. числа и стала склоняться по типу *двадцать*, род. *двадцати* и под. В XVII в. еще сохраняется старина; ср.: в семидесят судех (Мат. Раз., II, № 21). Стоит в обозе от Арзамасу во штидесят верстах (там же, III, № 16). Более древний пример—хотя бы: А свиньи ти, княже, гонити за шестьдесят верст около города; а *в той шьстидесят* новгородьцю гонити... (Договор. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.).

Вопрос о **девяносто**, засвидетельствованном в восточнославянских памятниках с XIV в., остается до сих пор не решенным. Остроумна догадка Ф. Ржиги о том, что оно восходит к «девять-до-ста» (и могло быть продуктом диссимиляции зубных, поддержанной влиянием *девятнадцать* и под.). Ф. Прусик, указывая на параллель греч. enenḗkonta (из *neu̯enē-k̑onta), лат. nōnāginta, возводит «девяносто» к древнейшему *neu̯eno-(d)k̑mto. Если так, то из всех славянских языков только восточнославянские оказались бы сохранившими глубокую старину, причем архаическая форма лишь относительно поздно проникла в письменность [1]). [2]).

[1] Более убедительным вариантом этимологии Ржиги является гипотеза акад. И. М. Эндзелина, сообщенная автору письменно: «форма *деся (= лит, dešim(t)s) +до-с(ъ)та (ср. лат. undeviginti «19») путем диссимиляции изменилась в *десяносто, и так как эта форма была уже этимологически непонятна, то она затем изменилась в теперешнее *девяносто*». Эта этимология недавно опубликована Эндзелином в «Lingua Posnaniensis», 1949.

Иначе А. А. Потебня, Из зап., IV, стр. 250, предполагавший за -о-значение префикса вычитания (*от?*): «Счет: без- — undeviginti; девян-о-сто = 9 (десятков) от ста».

[2] Справки о старинном счете по 90 и фольклорном *тридевять* см. в статье С. П. Обнорского, Заметки по русским числительным, стр. 330,— Ак. наук СССР ак. Н. Я. Марру, 1935 г.

Ср. и примеры *тридевять* из грамот XVI в., приводимые Унбегауном, указ. соч., 418: И ты бы мне прислал тридевять кречетов молодиков (1515 г.); Да та тридевять поминков запросиных чтоб было узорочье (1517 г.). Примеры относятся, по его объяснению, к документам сношений с крымскими татарами, у которых *девять* являлось «круглым» и притом «счастливым» числом; ср. слова крымского хана послу И. Мамонову: «И нечто [если] к тебе приедет, и ты б его умел гораздо потчивати, а по нашему хотя бы у него девять ног было, а не ведаю, к тебе и одною ступит ли» (1516 г.).

Двести восходит к старому **дъвѣ сътѣ**, вероятно, с фонетическим изменением конечного неударяемого **ѣ**. **Триста, четыреста, пятьсот** и под., как свидетельствует склоняемость первой части,— старые сочетания *три съта* и под. **Пятьсот** и под. в косвенных падежах, как и *пятьдесят* и под., утратило старую управляемость второй части.

Полтора восходит к «полъ втора» (половина второго). Первая часть склоняется как старая **ъ**-основа *полу* (род. ед.), эта форма закрепилась и за остальными падежами. Вторая часть слова изменяется соответственно роду — *полторы* (жен. рода). В начале XIX в. еще склоняли: м. р.: род. *полутора*, дат. *полутору*, тв. *полуторым*, пр. *в полуторе;* ж. р.: род. *полуторы*, дат. *полуторе*, тв. *полуторыми*, пр. *в полуторе*.

Еще в XVII и отчасти в XVIII в. в широком употреблении образования типа *полтретья ведра*, *полтретьи версты* ($2^1/_2$), *полпята*, *полпяты* ($4^1/_2$) и под.: Противо дверей седят три болвана великие женскои по сажени по полутретье (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Ср. еще, напр., *съ полъ-30* (Больш. Черт.) = 25 (20 и половина третьего десятка). Изменялись они подобно *полтора*, *полторы*.

Ср. др.-русск.: И посечено от безбожного Мамая полтретья ста тысяч и три тысячи (Задонщ.); ...ино по полутретья алтына на день харчу идет (Хож. Аф. Ник.). К уже старинной тенденции утрачивать склонение ср.: ...И жили в Шемахе полпять недели (Мат. Раз., II, № 31).

ГЛАГОЛЫ.

§ 25. Глагольная флексия (в связи с основами).

1. Русский язык, сравнительно с древнейшим славянским состоянием, претерпел очень значительные изменения в составе своих глагольных форм. Им утрачены из старых синтетических (цельных) формы преходящего, или имперфекта (прошедшего времени, описывающего со значением повторного действия или действия длившегося), аориста (прошедшего, описывающего со значением момента совершения действия вне отношения к длительности), и значение прошедшего приобрела причастная часть старой аналитической (сложной) формы перфекта (результативного настоящего). Формы констатации факта совершения действия: *(при)шьлъ, -а, -о есмь*, *(при)шьлъ, -а, -о еси* и т. д. *(при)шьли, -ы, -а суть*, утратив вспомогательный глагол, перешли в современный язык в виде *(при)шел*, *(при)шла* и т. д.

В диалектной речи отмечены (в северных говорах) редкие случаи сохранения при этих формах вспомогательного глагола *(е, есь)*[1].

[1] Подробности в статье В. И. Чернышева — «Описательные формы наклонений и времен в русском языке»,— Труды Инст. русск. яз. Акад. наук СССР, I, стр. 215—216.

Утрачены в русском языке также другие сложные формы этого типа со вспомогательными глаголами, вместе с ними выражавшие значения предшествующего прошедшего (с **бяхъ, бяше** и т. д., с **быхъ, бы** и т. д. или с **єсмь** и т. д. **былъ** и т. д.: *бяхъ велъ, бяше вела* и под.; *єсмь былъ велъ, єси былъ велъ* и под.): ...тъи бо ѣздѣлъ бяшеть ко Львови и вѣдаеть вси рѣчи (Ипат. спис. летоп., под 6797 годом); предшествующего будущего (обыкновенно с оттенком условности): ...а не на мнѣ та кровь будеть, но на виноватомъ, кто будеть криво учинилъ (Ипат. спис. летоп., под. 6797 годом); формы условного (сослагательного) наклонения со спрягаемым вспомогательным глаголом — **быхъ, бы** и т. д., сменившим еще засвидетельствованные в старославянском языке специальные вспомогательные формы условности — **бимь, би** и т. д.: летоп. аще быхъ вѣдѣлъ, не ѣхалъ быхъ.

Русский язык в данном отношении пошел путем, близким к тому, который мы находим в ряде других славянских языков — напр., в чешском, польском, словенском, утративших старые синтетические формы прошедшего времени и выдвинувших за их счет, с теми или другими изменениями, аналитические формы перфекта. Причем в русском соответствующие изменения пошли, сравнительно с другими славянскими языками, дальше, так как в нем в конечном счете утратились и спрягаемые вспомогательные части прежних составных форм [1].

Распространенность схожих тенденций говорит за относительно устойчивые мотивы, определившие данные изменения. В качестве таковых можно выдвинуть следующие: значение флективных примет в аористе и преходящем в конечном счете при основах совершенного и несовершенного вида или приводило, при расхождении со значениями основ, к малосущественным (слишком тонким) оттенкам видовых значений, или, при совпадении с ними (приближении к ним), дублировало то, о чем говорила уже сама основа.

При общей тенденции языка освобождаться от несущественных формальных значений формы перфекта имели то преимущество перед синтетическими, что при единстве окончания для обоих видов давали возможность различить их одною основою: *поводил* и *повел*, *убил* и *бил*, *видел* и *завидел* и под. В памятниках светской письменности мы находим поэтому очень рано утрату аориста и преходящего и замену их формами перфекта. Уже в ряде древнейших восточнославянских памятников аорист и преходящее как живые формы не употребляются.

---

[1] См. и ниже — стр. 232. Подробный анализ значений древнерусских аналитических (составных) форм дан А. А. Потебнею — «Из записок по русской грамматике», II, 2 изд.. 1888 г., стр. 126—298. О значении перфекта сравнительно с аористом в старославянском см., напр., А. Вайян (Vaillant) — «Manuel du vieux slave», 1948, § 249b (стр. 330), русский перевод — 1952 г., стр. 381—382.

Раньше всего утрата вспомогательного глагола в прошедшем времени совершилась в 3 л. всех чисел. Такого рода явление наблюдается не только в древнейших русских памятниках делового характера, но известно уже и памятникам старославянским.

Возможно, если судить по интересным аналогиям материала, собранного С. Слонским[1] и друг., что и в русском борьба между синтетическими и аналитическими формами прошедшего времени проходила еще при влиянии известного отталкивания от морфологической омонимии: раньше свое место уступили аналитическим формам второе и третье лицо единственного числа аористов и преходящих, где формально лицо 2-е и 3-ье совпадали: *несе*— «ты понес» и «он понес», *несљаше (несяше)* «ты нес» и «он нес», *видљ* — «ты увидел» и «он увидел», *видљаше* (видяше) — «ты видел» и «он видел», и только позже их судьбу разделили и остальные формы.

Не может быть сомнения, что исчезновение аориста и преходящего, если даже их раннее отсутствие в актовом языке толковать только как отсутствие повода употреблять их по характеру самых текстов[2], к средине XV в. представляло во всяком случае совершившийся факт[3].

---

[1] St. Słon'ski, Tak zwane perfektum w językach słow., — Prace filolog. X (23), 1—33. В. Погорелов, Употребление форм прошедшего сложного в тексте Еванг.— Sb. fil. fak Univ. Komen., Bratisl., III (1925), стр. 217—224. Ср. Н. Ван-Вейк, Slavia, V, 2 (1926), стр. 348—350.

[2] Ср. повествовательный характер аориста и преходящего при констатирующем — перфекта Подробно вопрос рассматривается Е. С. Истриной — «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи», «Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXIV, 2(1923), стр. 97—125. У нее же ссылки на предшествующую литературу. Ср. еще А. А. Потебня, Из записок по рус. грамм., II[2] (1888), стр. 231 и дал.

Процесс утраты, как можно судить, напр., по аналогиям сербского языка, до сих пор сохраняющего старые аналитические формы, но при известных оттенках в значении допускающего отсутствие вспомогательного глагола (чаще всего — в 3 лице ед. ч.), был, вероятно, постепенным и совершавшимся с теми или другими частными ограничительными условиями. О сербских фактах см. замечания Люб. Стояновича — «Реченичне конструкциjе без verbum-a finitum-a»,— Јужнословенски филолог, III(1922—1923), стр. 7—10.

[3] Ср. в XVI в. такой, напр., случай непонимания аориста: Послах де есми по всем градом на еретики грамоты (Посл. новгор. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме).

Люди, пишущие еще с установкой на церковнославянский язык, естественно, и в XVII в. употребляют формы преходящего и аориста, но характерно, что даже такой по своему времени образованный человек, как Сильвестр Медведев, пишет, не представляя себе точно уже самой природы аориста: «И тогда паки благородная царевна София Алексеевна глагола им «Добре *есте* диесь *соделасте*, яко покорно приидосте...» (Созерц. краткое»).

Дольше всего в древней письменности и у писателей XVIII в. держится в употреблении аорист 3 л. ед. ч. от глагола «умереть» — *умре*, очевидно, с оттенком известной благоговейности.

Не что иное как переключенную в стих цитацию из Евангелия представляет: «Ты вечен; — но твой *издше* дух» у Державина (Христос).

В шутливом стиле возможны: «Охотно мучатся, но естьли ночь *наста*, Тогда и их раздор, как прочих брань, *преста*» (Чулков, Стихи на качели). Ср и в эпиграмме Пушкина на Булгарина: «Фаддей *роди* Ивана, Иван *роди* Петра. От дедушки болвана Какого ждать добра?»

Отмечалось (ср., например, Е. Будде, Лекции по ист. русск. яз., изд. 2, 1914, стр. 286—287), что в светских памятниках аорист употребляется намного дольше, чем преходящее.

2. Изменения внешнего вида унаследованных форм глагола отчасти — фонетического, отчасти — аналогического происхождения.

В 1-ом **(-е-)** и 2-ом **(-не-)** классах фонетическим отражением является в настоящем времени **-у** в 1 л. ед. из старого носового **о:** *несу, веду, двину;* соответственно — в 3-ем и 4-ом — **ю;** фонетическое же отражение старых *несемъ, ведемъ, тълкнемъ* имеем в *несём, ведём, толкнём* (ср. Фонет., § 5).

Никаких сомнений не возбуждает как аналогическая форма **2 л. мн. ч.:** вместо известных из говоров фонетических *несете, ведете, толкнете* литературный язык знает только *несёте, ведёте, толкнёте*, обязанные своим возникновением влиянию *несёшь, ведёшь, толкнёшь, несём, ведём, толкнём.*

2 л. ед. ч. не объяснено бесспорно: древнеболгарские (старославянские) памятники имеют сплошь окончание **-ши,** в древнерусских памятниках XII—XIII вв. с сильным церковнокнижным влиянием тоже господствует **-ши,** в светских XIII в. — **-шь;** о последнем окончании свидетельствуют также живые славянские языки и древнейшие их памятники. Относить, однако, последнее окончание к древнейшему времени как параллельное окончанию **-ши** уверенно нельзя ввиду того, что **-шь** может быть продуктом особной жизни славянских языков, и думать так можно по следующим основаниям:

1) хотя в древнеболгарском сплошь имеем **-ши,** в современном болгарском выступает только окончание **-ш,** которое могло явиться из **-ши** в результате уже отмечавшейся выше тенденции сокращать окончания, обеспечивающие и- в сокращенном виде нужную морфологическую очерченность;

2) близко родственный русскому языку украинский одинаково имеет окончание **-ш,** но без перехода предшествующего **е** в **і,** хотя при исконности **-шь** такой переход должен был бы иметь место (ср. фонетически схожие формы: *вів, віз, грабіж* и под. из *велъ, везъ, грабежь).*

Переход *несешь* в *несёшь* и под.— чисто фонетический (е перешло в **о** со смягчением предшествующего согласного перед отвердевшим **ш;** см. Фонет., § 5).

Старинное окончание 2 лица ед. числа **-си** у трех глаголов атематического класса [с основой (корнем), оканчивавшейся еще в дославянский период на **d**] заменено новым, перенятым из тематических классов — **-шь**[1].

[1] Объяснение отношения между собою обоих, несомненно родственных, окончаний, которые с полной определенностью (если не считать вопроса о **-ši-(šь),** — см. выше) должны быть приписаны уже древнейшему славянскому языку,—в аспекте сравнительно-историческом не представляет больших трудностей. Согласный звук первого окончания должен был иметь своим предшественником звук **ch**, а этот звук—**s** в положении за **i**. Следовательно, дан-

Наиболее спорным является вопрос о **3 л. ед. ч.**

Сопоставление фактов старославянского языка и живых славянских склоняет к мысли, что древнейшие отношения, из которых развились современные, близко соответствовали тому, что мы в настоящее время имеем в литературном украинском: в I, II и III классах (т. е. классах с приметами **-е-**, **-не-** и **-j (i̯) -е-** — отсутствие окончания (чистая тема), в IV (**-и-**) и V (на согласный) **-ть** в соответствии древнейшему *ti*: **несе*, **веде*, **мокне*, **тълкне*, **чеше*, **рѣже*, но *носить*, *водить*, *дасть*, *ѣсть*. Позже окончание **-ть** в большинстве русских говоров распространилось и в классах I, II и III.

В объяснении нуждается следующее. До второй половины XIV в. в памятниках, отражающих русский язык, пишется 3-е лицо ед. ч. исключительно с **-ть**, а не с **тъ** (которое, кстати сказать, подкреплять могли бы и влияния церковнославянского языка); **-тъ** появляется впервые как бесспорный факт в Духовной Дмитрия Донского: вѣдаетъ, перемѣнитъ[1].

Некоторые склонны изменение **-тᵇ** в **-т** толковать как фонетическое, совершавшееся параллельно в 3 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч., где вместо, как можно догадываться, исходных nesǭ, vedǭ, tъlknǭ, češǭ, režǭ, nosętь, vodętь, dadętь обобщилось **-ть**, выступающее затем в виде **-тъ** в то же самое время и в тех самых памятниках, что и **-тъ** 3 л. един. ч. Ср. в Дух. Дмитр. Донск.: имутъ, потянутъ.

Фонетическое объяснение сталкивается со значительными трудностями: если отсутствие отвердения в *кость*, *грудь* и под. можно объяснять влиянием всей системы склонения основ на **-ь**, то совсем трудно понять отсутствие отвердения в морфологически изолированных наречиях *вспять*, *опять* или в слове *есть* —«имеется»[2]. С этой же точки зрения привлекают к себе внимание и факты некоторых говоров бывш. Олонецкой губернии и немногих других: *идуть*, *несуть*, *глядять* и под. при *идет*, *несет*, *глядит* и под.[3]

ное окончание в его нынешнем виде, по всей видимости, первоначально должно было возникнуть у глаголов только одного класса—с приметой **-i-**, а на остальные могло распространиться уже только аналогически.

[1] А. А. Шахматов (Очерк древнейшего периода истории русск. яз., 1915, 486) приводит несколько отдельных примеров **-тъ** из новгородских памятников XIII в.

[2] Об отталкивании от омонима *ест* не приходится думать, поскольку то же самое мы имеем в говорах, где *ѣст* > *ист*.— Что касается др.-русского *назадь* («...и он отдасть назадь все», «...и им так же тот грабежь весь отдати назадь»,— Догов грам. вел. кн. Вас. Вас. с княз. галиц. Дмитр. Юрьев., 1436 г.), к которому может восходить позднейшее *назад*, то это случай ненадежный: *назад* и *назадь* могут быть по происхождению различными образованиями.

[3] На фонетическом объяснении перехода **ть** в **т** вновь энергично в недавнее время настаивал А. М. Селищев (Учен. зап. Моск. городск. педаг. инст., вып. I, том V, 1941, стр. 182), не внесший, однако, в вопрос новых решающих аргументов.

Даже наречия, оканчивающиеся на губные, не обнаруживают в северно-русских говорах тенденции к отвердению; там, где говорят *вновь*, *впрямь* и под., вряд ли действовала тенденция *ведеть* и под. изменять в *ведет*. Аналогии болгарского и чешского языков (добавлю и указание на диалектное отверде-

Более вероятно поэтому морфологическое объяснение: -тъ, вероятно, существовало в отдельных северных говорах как наследие уже древнейшего славянского диалектного дробления, и только относительно поздно такие говоры, далее усилившиеся вообще в своем значении, проникли в письменность. Как и старославянское -тъ в 3 л. ед. ч., русское т-, может быть, восходит к очень древнему влиянию 3 л. ед. ч. аористов типа *питъ* (ср. *пи*), *умрѣтъ* (ср. *умрѣ*), в которых тъ по происхождению параллельно др.-прусским формам 3 л. ед. ч. на -ts из -tas (dinkauts и под.), в свою очередь представляющего указательное местоимение (Фортунатов)[1]. Не исключена также (но никак не больше) возможность, как допускал В. А. Богородицкий (Очерки по языковед. и русск. языку, 3 изд., стр. 431), что в данном случае отразилось в древнейшем славянском языке влияние окончания 3 л. ед. ч. повел. наклон.: санскр. bhára-tu. Под влиянием форм 3 л. ед. ч. изменилось и окончание 3 л. мн. ч., и только отдельные архаические говоры, о которых упоминалось выше, может быть, сохраняют еще следы первоначальных отношений.

Возможна и догадка, что отвердение -ть совершалось в севернорусских говорах только в положении перед твердым согласным следующего за глаголом слова (*несеть дрова, ходить по полю* изменялись *в несет..., ходит...*). В дальнейшем формы на -т обобщались, причем *несет* и под. в соответствии со старой фонетической тенденцией изменилось в *несёт* и под. Приведенные факты различной судьбы окончания единственного и множественного числа в олонецких и других говорах пришлось бы при этом объяснять как семантическую утилизацию вариантов.

Возможно, наконец, и такое объяснение: тенденция к отвердению т перед твердыми согласными следующего слова могла оказаться тем более естественной, что теоретически вероятен еще и специальный момент в развитии формы 3 л. ед. ч.: когда под влиянием совершавшегося в XIV в. отвердения ш во 2 л. ед. ч. образовались формы на -ёш, из них «ё» стало переноситься в 3 л. ед. ч.; сочетание -ёть, как чуждое отношениям русской фонетической системы, в северных говорах стало обнаруживать стремление к замене конечного мягкого согласного твердым. Затем из форм вроде *идёт, ведёт* т было усвоено глаголами с накоренным местом ударения: *режет, знает* и такими, как *носит, ходит* и под.

С. П. Обнорским относительно недавно (Изв. Отд. литер. и яз., 1941, № 3) в статье «Образование глагольных форм 3 ли-

ние ть в т в украинском) мало что доказывают, ибо болгарский и украинский языки обнаруживают специальные тенденции к отвердению согласных, а чешские инфинитивы, на отвердение в которых конечного *t* указывает Селищев, могли находиться под влиянием супинов с их твердым *t*.

[1] Старославянское тъ в третьем лице глаголов, Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XIII_2, стр. 1—44.

Ранее гипотезу о влиянии местоимения тъ поддерживал Р. Ф. Брандт в «Грамматических заметках», II, 2 изд. 1886 г.

ца настоящего времени в русском языке» (стр. 29—48) высказано предположение, что оба окончания — **ть** и **тъ** — реликты былых указательных местоимений, присоединенных к соответствующим формам глагола. В **тъ**, по его предположению, можно было бы видеть окаменевшую форму им. падежа ед. ч. муж. рода, или подвергшуюся редукции форму того же падежа жен. рода (**та**), или же даже ту или другую форму множ. числа женск. и средн. рода (**ты, та**); подобным образом в **-ть** могла бы усматриваться испытавшая редукцию форма местоимения в им. мн. ч. мужского рода (первоначально **ти**). Подтверждение своей догадки он видит в отмеченном выше диалектном распределении фактов — **-т** — в 3 л. ед. ч., **-ть** — в 3 л. мн. ч. Высказанные акад. С. П. Обнорским предположения мало убеждают, однако, уже по одному тому, что вопрос о русских формах без окончания и с окончаниями **-ть** — **-т** им отрывается от ближайше родственных — в других славянских языках и далее. Древность, таким образом, о которой надо вести речь, значительно глубже той, которую он имеет в виду. Не подкреплены аналогиями и отдельные принимаемые им вариации (деформации) окончаний. При всем этом, конечно, остается правдоподобным, как думают и некоторые другие лингвисты, что, действительно, глагольная флексия вообще возникла в связи с местоименными элементами[1].

В памятниках иногда встречаются теперь только диалектные глагольные формы изъявительного наклонения, главным образом I класса, без окончания (на **-е**). В литературном языке след их остался только в уже тоже теперь вышедшем из употребления союзе **буде** «если». А. А. Шахматов в «Исследовании о двинских грамотах XV в.», 1903, стр. 117, отметил, что все попадающиеся в последних случаи находятся только в придаточных — условных предложениях. Обнорский дополнительно к этому наблюдению обратил внимание на то, что, начиная со старейших русских памятников, глаголы без **т** употребляются часто в безличных конструкциях: *достои*, *подобаѥ* (много примеров в южнорусских «Пандектах Никона Черногорца», XII — XIII вв.).

Вполне удовлетворительно ни тот ни другой факт не объяснен. Обнорский думает, что «в этой функции, в безличном употреблении соответственный предикат должен был обслуживаться глагольною формою без -**t**-, так как в соответственных конструкциях предложений не мыслилось связи предиката с каким-либо субъектом» (стр. 45). Шахматов свое наблюдение не сопровождает каким-либо объяснением, а Обнорский по поводу него думает, что суть дела заключается в сочетании глагола с субъектом, выраженным неопределенным местоимением *кто*, а в одном случае соответствующая форма употреблена в предложении бессубъектного типа, и, кроме того, почти во всех предложениях с лич-

[1] Обширные диалектологические справки и более подробное развитие этой мысли см. и в его книге «Очерки по морфологии русского глагола», М., 1953, стр. 118 и дал.

ными конструкциями подлежащее и сказуемое стоят в непосредственной близости друг к другу (там же).

Факты допускают, однако, и другое понимание. **Буде**, особенно в функции, близкой к союзу, легче других форм могло деформироваться (ср. семантически родственное ему **є** «есть»). В большинстве примеров из двинских грамот соответствующие глагольные формы стоят перед словами, начинающимися с зубных согласных: «а изоиде та 5 лет...», и под., т. е. может быть, перед нами здесь только фонетико-графический факт — «изоиде(т) та...», и под.

Достои, подобаѥ легче других глаголов могли утратить свое окончание в обычных именно для них сочетаниях *достоить ти, подобаєть ти*.

Нескольких дополнительных замечаний требует V (атематический) класс: кроме *есть* (3 л. ед. ч.), к нему относятся в русском литературном языке в настоящее время только два глагола: **дам** и **ем**. Изменения, которым они подвергались исторически,— главным образом аналогического порядка; фонетическим является только переход конечного **мь** в **м** (отвердение) в 1 л. ед. ч.: *дамь, ѣмь > дам, ем*. Последнее изменение привело к настойчивой потребности устранить совпавшие таким образом с 1 л. ед. ч. формы 1 л. мн. ч. (*дамъ, ѣмъ*). Это устранение в русском языке совершилось сравнительно с другими славянскими языками своеобразно: как формы 1 л. мн. ч. настоящего времени стали употребляться формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения — *дадимъ, ѣдимъ*, откуда современные **дадим, едим**. Хотя такое изменение мы видим только в русском языке (и в одном говоре болгарского языка — у банатских болгар), смысловые основания для него, рассуждая теоретически, были вообще благоприятны: глагол **дамъ** искони имел значение будущего времени, значение, близко соприкасавшееся с адгортативным (пригласительно-побудительным) 1 лица мн. ч. повелительного наклонения. Что касается *ѣдимъ*, то путь для его проникновения в настоящее время зависел уже от влияния сходного принадлежностью к тому же классу *дадимъ*.

Замена старых **дамъ, ѣмъ** новыми формами настоящего времени — *дадимъ, ѣдимъ* благоприятствовала далее усвоению и 2-го лица повелительного наклонения **дадите, ѣдите** в роли настоящего времени. Стало это тем легче, что вместо формы *дадите* рано в той же функции повелительного наклонения начали употреблять образования от параллельной основы: *дай, дайте*, и форма *дадите* тем самым оказалась поддающейся использованию для новой морфологической роли[1]. Что именно таков был путь

[1] Благоприятствовала ли еще усвоению форм *дадим, дадите* форма 3 л. мн. ч. *дадять* (ср. *простим, простите: простят* и под.), нельзя сказать определенно, так как данные памятников не позволяют решить вопроса, что́ установилось раньше — *дадите* и *дадим* при *дадять*, или *дадуть* (см. ниже) еще при *дамъ, дасте*. Теоретические соображения, однако (о которых ниже), скорее ведут к последнему предположению.

аналогии (сначала в значении будущего времени изъявительного наклонения стала выступать форма 1 л. мн. ч. повелительного наклонения, а затем и 2 л. мн. ч.), об этом говорят и факты белорусских говоров, отражающие подобный процесс вытеснения в первую очередь старой формы 1 л. мн. ч. «*дадзём, ядзём*» (с приравнением к I классу) при сохранении 2 л. мн. ч. *дасьцё, ясьцё*.

Хронологические данные, которые извлекаются из памятников, в общем согласуются с высказанными предположениями.

Отвердение конечных губных свидетельствуется определенно в новгородском и московском говорах с XIV в., причем раньше после слогов палатальных, чем непалатальных. Первые случаи появления основы *дад-* в роли будущего времени встречаем с XIV же века: не выдадите (Новгор. летопись).

Старинное окончание 2 лица ед. числа **-си** у трех глаголов атематического класса [с основой (корнем), оканчивавшейся еще в дославянский период на **d**] заменено новым, перенятым из тематических классов — **-шь**: т. е. вместо *даси, яси*, (*вѣси*) позже стали выступать формы **дашь, ешь, (вешь)**. Старое **-си** дольше всего держалось во вспомогательном глаголе архаического употребления — **еси**, слившись с **-с-** основы (es-); ср. в фольклорном употреблении — «Ох ты гой *еси*, добрый молодец». Формы **даси** и **еси** в наше время еще встречаются в очень немногих говорах, почти исключительно северных.

Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 251) толкует новые формы на **-шь** как переосмысление старых форм повелительного наклонения **дажь** — дашь, **ѣжь** — ешь. Роль форм повелительного наклонения тут, действительно, вероятна (ср. усвоение русским языком форм 1 и 2 л. множественного числа повелительного наклонения в качестве форм изъявительного), хотя в ряде славянских языков распространение окончания **-ш** у этих глаголов совершилось и без подобной поддержки.

В форме 3 л. ед. ч. в севернорусских говорах произошла замена старого **-ть** новым **-т**, заимствованным из других классов: **даст, ест**.

Окончание **ть** у этих глаголов держится дольше, чем у других.

Обращают на себя, напр., внимание формы «а отводу не дасть» (39); «А у кого во дворе или под окном на улице и в ызбе собака изъесть стороннаго человека» в «Судебнике» 1589 г. (53) (список конца XVI — начала XVII в., так наз. Барсовский) [при очень многочисленных формах на **-т** других классов. Единственное отступление — «А крестьянин у крестьянина на однои деревне межу перекосит или переореть... (26)], или *дасть* при формах «построит», «розчистит» и под. в Закладной 1648 г. (Акты юр., II, № 126, VII). Все это, по-видимому, в тех или других гово-

рах сохранившиеся и отражавшиеся в письменном языке черты старины[1].

Наименее ясны условия, вызвавшие замену в 3 л. мн. ч. старого **дадять** (**я** из носового **е**) новым **дадуть** (*дадутъ*)[2]. Предложенные объяснения не устраняют трудностей: так, указывалось (Вондрак) на возможность влияния *будут*,— такая догадка хорошо бы объясняла различие *дадут*, но *едят*, так как значение будущего времени принадлежит только первому, но при ней остается сомнительным влияние слова с другим местом ударения (бу́дуть — дадя́ть).

Высказывавшаяся догадка о влиянии причастий настоящего времени (ср. ст.-слав. им. ед. ч. муж. р. *дады*, род. *даджшта*, им. ед. ч. жен. *даджшти*, род. ед. ч. жен. р. *даджштѧ* и т. д., чему соответствуют русск. формы — *дадуча*, *дадучи*, *дадучь* и под.) убеждает еще меньше ввиду малой употребительности этого причастия именно от данной основы.

Замена в литературном языке и в говорах формы *дадять* господствующею теперь *дадут* совершилась, вероятно, еще до проникновения в парадигму форм *дадим*, *дадите*, которые поддерживали бы старинное окончание **-ят** по аналогии IV класса (*хвалим*, *хвалите*, *хвалят* и под.), и с таким предположением в согласии стоит укр. *дадуть* при *дамо*, *дасте*.

Смена старой формы **дадять** новою литературною **дадуть** отражена, например, в «Уставе князя Ярослава Владимировича вост.-русской редакции» (Пам. русского права, вып. первый, М., 1952). Так, в статье 31-ой еще пишется: «Аже девка всхочеть замужь, а отець и мати *не дадят*...», а в статье 22-ой уже «Аже девка не всхочеть замужь, а отець и мати силою *дадуть*...»

Слабая убедительность догадок о форме 3 л. мн. ч. *дадуть*, *дадут* как обязанной своим появлением позднейшим морфологическим влияниям заставляет серьезно считаться с другой возможностью. Такого рода формы в настоящее время полностью охватили все восточнославянские языки, болгарский и сербохорватский[3], в которых на существование форм дадѧтъ, дадѧть указывают только древнейшие памятники. Факты, сохраненные санскритом,— 3 л. мн. ч. dád-ati «дают», но ad-ánti «едят», свидетельствуют о старинном морфологическом различии в 3 л. мн. ч. наст. вр. между корнем со значением «дать» и корнем со значением «есть». Не вдаваясь в сложные детали вопроса, такие, напр., как

[1] В севернорусских говорах известно употребление *даст* также в значении настоящего времени. Ср. такое употребление и в памятниках; напр., в «Хожении» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.): «...ветр нас встречает и не даст нам по морю ходити» (стр. 50). «... в(зял у ме)ня на перехватку 2 рубля денег ... и мерина ... моево и дву рублев ден(ег и по)ся места не оддаст» (Челоб. посадск. человека С. Перекислова, 1611 г.).

[2] В приписке, напр., к духовной грамоте моск. князя Ивана Даниловича Калиты (1327—1328 гг.) еще пишется: «а то раздадять по попьям», «а то роздадять по цьрквем» (в значении повелительного наклонения).

[3] В словенском dadǫ́ и dadę́, jedǫ́ и jedę́.

славянская рефлексация слоговых носовых, можно предполагать, что современное русское отношение — *дадут*, но *едят* — принципиально восходит к глубокой старине, причем наряду с *дадѫть существовал параллельный ѣдѧть дублет дадѧть, раньше проникший в памятники, но в подавляющем большинстве восточно- и южнославянских говоров вытесненный более в них издавна распространенным дадѫть.

О чисто книжных формах 1 л. ед. ч. **есми** и 1 л. мн. ч. **есмя** см. выше (Фонетика, § 5). Непонимание искусственной формы *есми* в XVII в. выступает, напр., в случаях смешения ее с формой 1 л. мн.: ...Заняли *есми*... Николских казенных монастырских двадцать рублев денег Московских ... а в тех *есми* деньгах мы заимшики... (Закладная 1668 г., Акты юр., II, № 126, IX); ср. и № 126, X (1669 г.), № 127, I (1606 г.), III (1622 г.), или, наоборот,— «Се яз ... отступился *есмя* ... великого князя земли, а своего посилья...» (Н. С. Чаев, Северн. грам. XV в., 159). Се яз, Никифор Борисов сын Попов, ...занял *есмя* у Матфея Федорова сына Левского денег 3 рубли московскую... (Новгор. зап кабальн. книга, 1596 г.). «...да приехал *есмя* ... с тем Софоном, да и с теми понятыми в монастырскую деревню на Наумково; аж ... монастырской человек Иванко лежит мертв (XVI в., Фед.-Чех., I, № 45). К колебанию ср. также: «Се яз кияз великий Иван Васильевич дал *есмь* Илемну...» и «А дал *есми* Илемну манастырю...» (Грам. в. кн. Ив. Васильевича, 1467); во множ. числе: Сами *есми* себе два брата, а внукы *есмя* Едимантовы... (Задонщ., 217 об.)[1].

Превратившееся теперь в сказуемое неизменяемое слово *нет* (по старой орфографии — нѣтъ) представляет исторически продукт стяжения — *не е* (3 л. ед. ч., параллельное *есть*), осложненный приставным *ту* «тут»: *нету*, откуда позже, с утратой конечного гласного,— нынешнее окончание. В говорах *нету* усложнилось еще добавочной частицей *ти* — *нетути* — из энклитического местоимения 2 л. ед. ч. (дат. п.). Из *нетути* издавна возникла сокращенная форма *нетуть*. В памятниках, уже таких, как «Русская правда», засвидетельствованы *нѣту* и *нѣтуть*; *нѣтъ* см. в «Повести врем. лет» и в других. Точно соответствующие русским образованиям nietu и niet, ныне вымершие, часто употреблялись и в польском языке в XV и XVI вв. (см. A. Brückner, Słown. etymol. jęz. polsk., стр. 359); в словацком и сейчас имеем niet, nieto.

---

[1] Обращает на себя внимание в юго-западных и русских грамотах относительно частое употребление *есмь*, *есмя* и под. при формах деепричастий прошедшего времени, являвшееся, по-видимому, одной из грамматических фикций торжественности канцелярского языка. См., напр.: «...яз князь великии Олег Ивановичь, сгадав *есмь* с своимь отцемь с владыкою с Васильемь и с своими бояры ... дал есмь...» (Грам. в. кн. Олега Ив. Рязанск., 1356 г.).

Ср. употребление, видимо, в живом языке: «...а вина *есми* не пивал, ни сыты» (Хож. Афан. Никит.).

Нѣсмь (из не есмь), **нѣси** (из не еси) и под., по-видимому, только книжные формы.

Форма 3 л. мн. ч. **суть** может считаться живою только в древнейших памятниках русского языка, напр., в «Русской правде»: «А оже будуть холопи татье, любо княжи, любо боярьстии, любо черньчи, их же князь продажею казнить. Зане *суть* не свободьни, то двоици платити истьчю за обиду» (436—443).

Позже *суть* в его точном грамматическом значении не всем понятно:

Тыже, буи сыи, а утроба буяго яко изгнившiи сосуд; ничто же удержано им *суть* (Посл. царя Иоанна Вас. князю Андр. Курбскому). ...а то *суть* обыкность курсаров турецких, когда не смеют с кем биться, тогда выставливают бандеры, или знамена христианских знаков (Путеш. П. Толст.). А тот вышепомяненный капитан Виценций служит в Венецкой Речи Посполитой из платы, а служба его *суть* такая (там же). У П. А. Толстого такое употребление особенно часто: ...Пред Ним лишь преклоняйте И дух ваш и главы; Но суетны *суть* вы! (Держ., Умиление).

Распределение форм настоящего времени по классам в существенном в русском языке продолжает отношения, унаследованные из древности. Обращает на себя внимание сравнительно с другими языками относительно немногое:

1) **Хочу, хочешь, хочет** (III класс), **хотим, хотите, хотят** (IV класс), при инфинитиве **хотеть**, предполагающем образования IV класса. В подавляющем большинстве славянские языки свидетельствуют о том, что настоящее время этого глагола шло по спряжению III класса и только 3 л. мн. ч. выступало в форме IV класса; ср. ст.-слав. *хотѧтъ* при остальных формах с основой *хоште* — из *chotje — и укр. *хоче* и т. д., *хочуть* при *хотять, хтять*. Такое смешение обоих классов — явление уже глубокой древности. По-видимому, в русском языке влиянию именно 3 л. мн. ч. обязаны своим появлением **хотим, хотите**,— факт, аналогичный которому находим, напр., в болгарском говоре Ахръчелеби (в Родопских горах). Высказывалось мнение (Вондрак, Vergleich. slav. Gramm.², II, 120), что первоначальны именно отношения русского литературного языка, но такая догадка имеет против себя слишком много показаний других славянских языков.

Нынешний супплетивизм в спряжении глагола «хотеть» — факт, хорошо засвидетельствованный в древнерусском; см., напр.: ...Да и то нам говорил, что *хочеш* быти неприятелем нашим, Казимеровым детем королевым, неприятель: и мы с божиею волею *хотим* то дело делати, как бог *захочет*, так то дело будет (Статейный список сношений в. князя Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). ...*Хотят* ли опять к нему или не *хотят* (там же).

Ср. с этим «...а в которой день *похочете* в которое поле ехать

для гаю, и вам в тот день заказать в той украйне охотником, чтоб не ездили...» (Письмо ц. Алексея 1650 г.), и под.

2) **Бегу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бегут.**

К инфинитиву **бежать** и в соответствии формам 2 л. ед. ч. и под. ожидалось бы 1 л. ед. ч. «бежу» и 3-е л. мн. ч. «бежат», известные в старославянском и в диалектах. Ср. и в памятниках: И от великого князя Дмитрія Ивановича стязи ревут, а поганые *бєжат* (Задонщ.). ...И все люди с того места скоро поедут и пешие *побежат* (Хожд. на Вост. Котова, 107).

По-видимому, парадигма настоящего времени в том виде, в котором мы ее теперь имеем в литературном языке, представляет продукт спайки двух разных: на спряжение типа **бегу, бегут** указывает, напр., украинский инфинитив *бігти*, которому соответствует русск. диал. *(по)бечь*. Ср. из литературного языка XVIII в.: Так должны ямщики тогда все были бечь (Вас. Майков, Елис.). У В. Петрова — «Румянцов гром занес — враг должен пасть иль бечь». Формы *бежешь, бежет*, и под., однако, фактически не засвидетельствованы и предполагаемую контаминацию можно принять только как явление очень раннее.

Параллель к супплетивизму русских литературных форм представляют в украинском угрорусском говоре села Убли: *бішті: бігу, біжу: біжиш* и т. д.: *бігуть, біжуть* и *біжять* (Исследования по русск. яз., т. II, вып. I, изд. Отд. русск. яз. и слов. АН, 1900, стр. 117). Ср. и лит.-укр. *бігти: біжиш* и т. д.

3) **Чту, чтишь, чтит, чтим, чтите, чтут.**

Чтишь и под. представляют собою образования к **чтить.** Формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. заимствованы из другой парадигмы; ср. **про-чту, про-чтут (про-чтет, про-чтем...)** к инфинитиву **прочесть.** Известная роль при отклонении могла принадлежать тому обстоятельству, что фонетически возникшее «ччу»[1] было воспринято как необычное в общей системе языка (ср. не вошедшие в употребление формы *тчешь, тчет* и под. к *тку*, которые фактически звучали бы как «ччош» и под.). Вслед за **чту** в употребление вошло и **чтут** благодаря обычному сходству 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.: *берегу — берегут, толку — толкут* и под.

4) Формы настоящего времени к **дышу** — инфин. **дышать** — относятся исторически к IV классу, т. е. звучали *дышишь, дышитъ* и т. д. с ударением этого класса у глаголов, имевших инфини-

[1] О такой украинской форме упоминает Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4 изд., стр. 108.

В говорах встречаются формы, в которых звуковая трудность обойдена иначе: *точёт* и под. (ср., напр., говор с. Арати, б. Нижегородск. губ., Арзам. уезда.— Труды Комисс. по диалектол. русск. яз., вып. 12, 1931 г., стр. 5); ср. и др.-русск.: «Работаем мы, холопи твои, тебе, великому государю, на хамовном дворе точем всякие твои государские полотна денно и нощно беспрестанно...» (челоб. XVII в.— Крепост. мануф., III, № 88),— рядом с более частым *точет — ткет* (говор сел Крутой-Майдан и Салалей того же района, стр. 7 и др.). Но есть и такие, где имеем фонетическое *тчет* (ср. говор дер. Ратманово того же района, стр. 19).

тивы на ěti, после шипящих — ati: дыши́шь и т. д. Такое ударение действительно засвидетельствовано у поэтов XVIII в. (В. Майкова, Державина). Параллельно существовали формы III спряжения: **дышу, дышешь, дышет..., дышут** к инфин. **дыхать** (ср. укр. ди́хати — ди́шу, ди́шеш). В результате слияния двух спряжений установился инфинитив **дышать,** но со спряжением настоящего времени по III классу.

5) Два спряжения: **гудеть, гудишь** и т. д. — **густи, гуду, гудешь** с фактической утратой инфинитива *густи* слились теперь в одно; *гудеть* является инфинитивом к обоим типам; *гуду* и т. д., впрочем, тоже вымирает.

6) К инфинитиву **гнать** вместо принадлежавшей ему системы форм настоящего времени первого класса (ср. укр. *жену, женеш* и т. д.) установились формы **гоню, гонишь,** в прошлом соотносительные с инфинитивом *гонити* (ср. укр. *гонити*), ср.: И сентября, государь, в 29 день гонил из Новагорода назад к Москве князь Федор Туренин... (Дело Тайного приказа, II, Ямск. дела, № 45, 1575 г.). Ближайшая причина утраты форм типа *жену, женешь* и т. д. — вероятно, их звуковая отдаленность от *гнать* и вызванный этим разрыв былой ассоциации.

7) К инфинитиву **реветь** настоящее время — **реву, ревешь..., ревут,** а не «ревлю», «ревишь» и т. д. Как показывают другие славянские языки, флексия настоящего времени соответствует старине, а нов в русском языке инфинитив, вытеснивший старое *рюти*. Ср. новообразования и в украинском языке, — *ревти* и *ревiти*, в белорусском *раўцi*.

8) К инфинитиву **ушибить** будущее — **ушибу, ушибешь..., ушибут.** Нов, видимо, инфинитив, заменивший прямое соответствие *шиб-ти, которое фонетически совпало бы с «шити».

Из старинных форм заслуживают внимания: вместо современного *зашиблено* (от *зашибить*) — «...на левой стороне на лбу знамечко невелико, зашибено» (Новгор. записн. кабальн. кн., 1597 г., стр. 444). ...на левой стороне бывало зашибено (там же).

9) **Живу, живешь** и т. д. при **жить.** Звук *в* здесь, как в ряде других языков, из прилагательного *жив*.

10) **Даю, даешь...** при инфинитиве **давать** и повелительном **давай.** Старославянский язык имеет *даяти* и *раз-давати* и под., при настоящем времени *даєши* и *роздаваєши* и под. И в древнерусском и в говорах нередки формы настоящего времени типа *даваю*.

Формы повелительного наклонения **давай, давайте** своим появлением обязаны были тому, что *дай, дайте* оказались уже использованными в значении совершенного вида.

Даю при **давать** — нередкое в истории языков супплетивное разрешение былого параллелизма форм.

Подобные отношения имеем и при **вставать** и **встаю** и других образованиях этого корня; ср. др.-русск. и диал. *вставаю:* ...Не из Риги, из иного места, где корабли приставают... (Статейн.

список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). ...И те де надорожные волости от той новой дороги от гоньбы ставают впусте... (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1601 г.) ...И против его царского величества имени и поклона вставают... (Статейн. список посольства в Бухарию двор. Ивана Хохлова, 1620—1622 г.,— Сборн. Хилкова, 400).

Русский язык изменил старые отношения в корневой части форм: **плути: пловѫ, пловеши...** и т. д., **слути: словѫ, словеши** и т. д. В настоящее время вместо них выступают **плыть: плыву, плывешь...** и т. д., **слыть: слыву, слывешь** и т. д. Звук **ы** проникает у этого слова в систему инфинитива раньше, чем в формы настоящего времени; ср., например, судебную грамоту № 55, воспроизведенную в Актах, изданных А. Федотовым-Чеховским, стр. 83: «...что старцы называют Холмом деревни, и то не Холмом, то *словет* Михайловское Ново...; а тот лес *слыл* Михайла Гневашова по Середней ручей...», или в том же издании № 96: «...сказал, что та треть вотчины Сурвоцкого, ... *словет* Самсоновская ... а прозвищем та треть *слыла* Володимеровская...»

Появление **ы** для системы инфинитива глагола *plu- характерно также и для двух других восточнославянских языков — укр. *плисти*, белор. *плыць*. По-видимому, это же имело в них место и для slu- (ср. укр. *сливе* «почти» — вероятно, из *слив-с **и**, заимствованным из системы инфинитива). Можно думать, судя прежде всего по украинскому *плинути* (ср. пол. płynąć), что **-ы-** проникло из этой параллельной формы. Другой образец указать трудно: отношение *крыть: кровля* вряд ли могло стать исходным для отношения *плову: плыть*.

§ 26. Повелительное наклонение.

Сравнительно с древним состоянием русский литературный язык отражает ряд упрощений (выравниваний).

Мена велярных согласных типа *пьци*, *тьци*, *жьѕи* в языке исчезла, и современные формы звучат **пеки, теки, жги.**

В формах 2 лица мн. ч. **-ѣ-** составлявшее особенность I и II классов, вытеснено окончаниями 2 л. ед. ч. в параллель отношениям в III и IV классе: **несите, ведите, толкните** вместо старых *несѣте*, *ведѣте*, *тълкнѣте*.

Глаголы, имевшие в соответствии **-е-** корня настоящего времени перед **к**,— в повелительном наклонении **ь** перед **ц**, теперь звучат с -е- и в этом последнем: **пеки, теки** вместо старых **пьци, тьци.**

Отражение старинной огласовки корня представляет, напр., *со-рките* «выговорите» в грамоте в. кн. Василия Васильевича И. Сыроедову (середины XV в.): «А каково слово вам о каком будет деле, и о том вы себе срок *сорките* волной перед Федора».

В IV классе вместо старых отношений *ѣжь — ѣдите* установилось **ешь** (фонетически вместо «ежь»), **ешьте.** К основе **дад-** установилось повелительное наклонение от основы *дай* — **дай, дайте.** Ср. уже в записях к Остром. и Мстислав. ев.: в первом: *даи* ему господь богъ; во втором: *даи* же ему господь богъ[1]. Ак то давалъ куны на сия книги, *дай* богъ єму здоровья (Пролог Моск. Син. тип., 1383 г.).

К колебанию между формами старою *дадите* и новою ср., напр.: ...И пакы *продаите* именья ваша и *дадите* нищим (Лавр. список, 43).

Колебание при установлении в качестве нормативной нынешней формы повелительного наклонения множ. числа между нею (от основы глагола *даю, дашь*) и старою (от основы *дад-*) отражает, например, и употребление в новгородской «Духовной» Климента середины или второй половины XIII века (издана в последний раз М. Н. Тихомировым и М. В. Щепкиной — «Два памятника новгородской письменности», М., 1952 г.). В ней, этой духовной грамоте, читаем: «а жена моя... стрижеться в чернице, то вы даите єи ...» (27—28), но ниже: «а нѣчто мѣншее дадите єи...» (29—30).

К явлениям фонетико-морфологического порядка относится имеющее многочисленные параллели в других славянских языках историческое отпадение в классах I, II и III конечного **и** во 2 л. ед. ч. и выпадение старого **и** или **и** вместо **ѣ** в форме 2 л. мн. ч., если ударение искони падало не на них, а на корневой слог: **будь, будьте, стань, станьте, режь, режьте,** из древнейших *бýди, бýдѣте, стáни, стáнѣте, рѣ́жи, рѣ́жите*[2,3].

Распространенность этого явления в славянских языках, и среди них — в русском, объясняется тем, что формы повелительного наклонения вообще в силу своей специфической аффективности легко подвергаются изменениям, не идущим линиею фонетических законов, действующих по отношению к другим словам; в частности, среди тенденций, свойственных этим формам, очень характерно частое изменение интонаций сравнительно с этимологическими (исходными)[4] и сокращения вроде констатированного.

---

[1] А. Соболевский, рец. на «Критич. заметки по ист. русск. языка» И. Ягича, Русск. филолог. вестн. XXII, 1889 г., стр. 304.

См., однако, и случаи этимологического написания вроде: «Ори до тины, а ежь мякины» (Старин. посл., XVII в.), «Хлеб соль ежь, а правду говори» (там же).

[2] Ср. и диал. *полóжь*, в литературном языке известное в фразеологизме «вынь да положь»; из говоров с ударением «полóжить».

А. М. Селищев (Учен. зап. Моск. гор. пед. инстит., Каф. русского языка, вып. I, том V, 1941, стр. 186) толкует форму множ. числа как вновь образованную к единственному.

[3] В XVIII в. в поэзии довольно свободно употреблялись формы с опущенным конечным гласным и в тех случаях, где возникают сочетания согласных, воспринимающиеся теперь как необычные: «*Наполнь* одним Европу чувством...» (Держ.).

[4] О последних см. гл. IV, § I.

Особняком стоящие в системе русских глаголов формы повелительного наклонения **ляг, лягте** объясняются как результат действия последовательно проведенной аналогии настоящего времени (1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) — *лягу, лягут*, звук **г** которых вытеснил **дз (s)** повелительного наклонения; ср.: *береги, стереги* и под. вместо старых форм типа *березн, стерезн*,— и отпадения **и**, не находившегося под ударением.

Подобно *береги, стереги* явились и **беги, бегите** к *бегу, бегут*. Наряду с ними, однако, в говорах широко распространены отражающие влияние настоящего времени *бежишь, бежит*... и инфинитива *бежать* формы «бежи, бежите». Ср. и в древнерусском: Побежи ты, поганый Мамай, от нас (Задонщ.).

В глаголах на **-аю, -ею, -ую** и в таких, где окончание **и** приходилось после гласного основы или **й**, **и** фонетически изменилось в **й: давай, давайте, умей, умейте, толкуй, толкуйте, бей, бейте, пей, пейте, мой, мойте** из древнейших *даваи, даваите, умѣи, умѣите* и под.

В глаголах IV класса **(-i-)** характерно различие между повелительными формами от глаголов с основой на **о**, имеющих инфинитивы на **-ять**, и теми, которые имеют инфинитивы на **-ить:** стоять — **стой, стойте**, бояться — **бойся**, но доить — **дои**, кроить — **крои**, где, по-видимому, известная роль принадлежала влиянию ударяемого **и** в инфинитиве. Впрочем, в просторечии и *дои, крои* часто произносятся уже с **й**.

Утрата формы повелительного наклонения от *поѣду*, бывшей в употреблении еще в литературном языке XVII в.: И он мне сказал: *поедь* де с великим государевым делом (Дело Ник., № 41), И *поедь* прямо в церковь соборную (там же), «...а в грамотках пишет строитель Мисаил к нему Семену: «Пожалуй, Семен Александрович, *приедь* в дом Великаго Чудотворца Алексея Митрополита помолиться...» (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II). «...да и сам *приедь* ко мне с голубми теми на день на другой...» (письмо ц. Алексея 1663 г.) и замена ее соответствующею от «поѣзжать» — **поезжай** вызвана специальным мотивом. В говорах формы типа *поедь* нередки.

Важный для морфологии и с нею для синтаксиса факт представляет историческое перерождение формы 2-ого лица ед. числа повелительного наклонения глагола *пустить*. Вместо сохраняющейся и сейчас в собственном значении формы единственного числа повелительного наклонения *пусти* функцию частицы повелительного наклонения в соединении с 3 лицом обоих чисел настоящего или будущего времени приобрело **пусть** (из *пусти, вероятно, под влиянием ударения будущего времени пу́стишь). Процесс перерождения можно себе представить в виде, например: «Пусти его делать, как (он) хочет», «Пусти их делать, как (они) хотят»→«Пусть его делает, как хочет», «Пусть **их** делают, как хотят» и под. Замена инфинитива настоящим или будущим временем полнозначного глагола предполагает имевшую место

некоторое время независимость и с нею паузу при употреблении *пусти*, перерождавшегося в п у с т ь.

Пригласительная форма («адгортатив»), одновременно являющаяся и «инклюзивом» (включительной формой — со значением «я, мы» и «вы») образуется с окончанием **-мте** обыкновенно только от немногих глаголов, чаще всего — движения: *идемте, едемте*. Это форма специально-русская, и притом только разговорная. Не все ее происхождение толкуют одинаково. Всего естественнее видеть в окончании **-мте** соответственно его инклюзивному значению относительно позднее сочетание окончаний 1-ого лица множ. числа (**-м**) и 2-ого этого же числа (**-те**). Обращает, однако, на себя внимание,— надо заметить,— что такого рода сочетание двух глагольных окончаний представляет собою в индоевропейской системе вообще исключительное явление [1]. Позволительно поэтому догадываться и о возможности другого происхождения этого окончания: вполне вероятно, что **-те** — слившаяся с формой 1-ого лица множ. числа частица, возникшая, например, из **-тѣ** (тебѣ), **-ти**, дательного падежа ед. числа местоимения 2-ого лица. Любопытно, что, хотя и очень редко, в языке фольклора может быть отмечено употребление в этой форме **-те** после вставленной частицы **-ка.**

В повелительном наклонении, как указывалось, напр., Д. В. Б у б р и х о м (Zeitschr. f. slav. Phil., III, 1926, стр. 479), **-те** в русском народном языке сочетается с основой слова относительно свободно (ср. просторечн. «*вали*, ребята!» и под.).

Для ощущения промежуточного характера формы показательно, напр., «Уж *вы поедемте*, дружина моя хоробрая...» в былине «Глеб Володоевич».

§ 27. Формы прошедшего времени.

Нуждающиеся в объяснении факты структуры нынешних форм прошедшего времени (по происхождению причастий) немногочисленны. В важнейшем они — фонетического характера. Сюда относятся: отпадение **л** после согласных (кроме **т, д**) на конце слова (в форме мужского рода ед. ч.): *мог* из «моглъ», *пек* из «пеклъ», *вез* из «везлъ», *греб* из «греблъ», *умер* из «умьрлъ» и под.; упрощение групп **тл, дл** в **л:** *шел, шла* из «шьдлъ, шьдла», *плел, плела* — из «плетлъ, плетла»,— явление очень давнее, общее восточнославянским языкам с южнославянскими и хронологически во всяком случае довосточнославянское. Отношение форм *запер, умер, вытер* и под. из «запьрлъ, умьрлъ, вытьрлъ» и под.

---

[1] «За исключением сложных слов каждое слово может включать только один корень и только одно окончание; если такая форма, как русское *пойдемте*, исключительная даже и в русском языке, как бы содержит два окончания ..., то это новообразование странного и неожиданного характера»,— А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевроп. языков,— русский перевод 1938 г., стр. 172.

к инфинитивам *запереть*, *умереть*, *вытереть* и под. (древнейшие *-per-ti, *-mer-ti, *-ter-ti) отражает факты уже старейших чередований (см. Фонет., § 7).

Сочетание форм прошедшего времени на **л** с формами вспомогательного глагола **был** имели значение давнопрошедшего времени или обозначили прерванное начало действия. Формы такого типа и сейчас живы, например, в украинском языке, отчасти в русском языке: «... и иноземца... Федора Скоростинского ссекли казаки в Белоозерском уезде, а *приехал был* с Вологды... в свое поместье на время...» (Отписка Белоозерского воев. Чихачева, 1614 г.).

В соответствии с производным характером II глагольного класса с приметой **-ну-(-нѫ-)** в инфинитиве (с относительной продуктивностью приметы), в формах прошедшего времени определенного типа она может отсутствовать. Древность этого явления подтверждается и украинским, где, однако, чаще, чем в русском, формы прошедшего времени влияют на инфинитив: *замерзти*, *охляти* и под. (прош. вр. *замерз*, *схляв*).

В русском подобными случаями являются: *достигну : достиг : достичь*, *стыну : стыл : стыть*.

Со сравнительно-исторической точки зрения **-ну-** (из **-нѫ-**) в инфинитиве и прошедшем времени должны рассматриваться как новообразования уже древнейшего времени. Факты других индоевропейских языков указывают, что подобные суффиксы первоначально с определенными оттенками значения характеризовали только настоящее время. Древнейшее состояние на славянской почве сохраняет глагол *стану* (со значением будущего времени): суффикс **-нѫ-** — **-не-** у него одного остался вовсе не вовлеченным в систему инфинитива — прошедшего времени: *стати (стать)*. В русском языке подобное отношение представляет собой еще *дену: деть*. У других глаголов из настоящего времени его усвоили уже в глубокой древности инфинитив и прошедшее время, причем в последнем он оказался, однако, обусловленным рядом ограничительных моментов.

Отсутствует **-ну-** только в случаях, когда оно не стоит под ударением и имеет или имело перед собой согласный и когда соответствующий глагол не обозначает мгновенного действия: *мёрз*, *мок*, *сох*, *увял*, *погиб*. Почти до самой середины XIX в. нередко употреблялись формы с **-ну-**, где теперь мы это **-ну-** опускаем.

§ 28. Условное и сослагательное (желательное) наклонения.

Формы прошедшего времени (предварительного прошедшего) условного наклонения выражались сочетанием причастий на **-л** и изъявительного наклонения — будет и под.: «А рубеж отчине моего господина деда, великого

князя Витовта, по старине, а которыи места порубежныи *потягли будут* к Литве или к Смоленьску, а подать *будут давали* ко Тфери, ино им и ныннечя тягнути подавному, а подать давати подавному. А которы места порубежныи *потягли будут* ко Тфери, а подать *будуть давали* (к Литве) или к Смоленьску, ино им ныннечя тягнути подавному, а подать давати подавному» (Договор в. кн. Тверск. Бориса Александр. с в. кн. Литовским Витовтом 1492 г.).

Сходны по образованию и возможные формы предположительного условного: «А кто *будет учинилося* («учинится») в нашей любви и в наших перемирьях, тому всему суд и исправа без перевода» (там же).

Формы условного и желательного наклонения, выражавшегося в древнейших старославянских памятниках сочетанием причастий прошедшего времени на **л** и особых форм **бимь** (1 л. ед. ч.), **би** (2—3 ед. ч.), **бимъ** (1 л. мн.), **бисте** (2 л. мн.), **бишѧ** (3 л. мн. ч.), в русском языке не засвидетельствованы: они в нем вышли из употребления еще до появления первых памятников. Что привело к исчезновению во всех славянских языках вообще и в русском в частности именно их, трудно сказать, но вытеснившие их параллельные формы — причастий на **л** и **бызъ, бы, бы, быхомъ, бысте, бышѧ** — уже в древнейших памятниках выражают те самые значения, и ясно, что в языке должно было выжить только или то, или другое употребление.

Предшественниками нынешних форм условного наклонения с частицею **бы** являются, таким образом, в древнерусском языке старинные аналитические формы, состоявшие из причастий прошедшего времени на **л (лъ, ла...)** и форм аористного типа от глагола **быти — бых(ъ)** — 1 л. ед. числа, **бы (бысть)** 2 и 3 л. ед. числа и так далее; ср.: «*Аще ли быста ведала* (они оба, два волхва), *то не быста пришла* на место се, идеже ятома има быти» (Лавр. список лет. под 6579—1071 г.) = «Если бы они (оба) знали, то не пришли бы на это место, где им суждено было (должно было) оказаться захваченными»[1].

Восточнославянские памятники до XIV в. включительно пользуются формами такого типа, но в некоторых из них уже проявляется своеобразная «рационализация», с течением времени охватившая весь русский язык: согласование с подлежащими собственно глагольной части утрачивается, центром глагольности становится бывшая причастная часть, а из всей системы форм вспомогательного глагола удерживается только 2—3 л. ед. ч. **бы**, превращающееся для всех лиц и чисел в тяготеющую к союзам формальную частицу, носительницу модального значения. Первые примеры новой структуры формы Соболевский указывает в Новгородском Милятином ев. 1215 г.: Аще бы в Турѣ быша силы

---

[1] Подробности см.: А. А. Потебня, Из записок по русск. грам. [2], II, стр. 269 и след.

былы,— где **бы** при *быша* свидетельствует об искусственности употребления последнего, и в Московском ев. 1339 г.: Аще бы слѣпи были (при искусственном сочетании, параллельно приведенному из Милят. ев.: Аще бы мя быстe вѣдали, и др.). Лихихъ бы есте люди не слушали (Дух. в. кн. Сем. Ив., 1353 г.).

Наряду с употребительной и сейчас формой сослагательного наклонения, древнерусскому в более редких случаях было известно употребление в той же роли в безличных предложениях при *мочно* — «можно», *пригоже*, *пригож* — «уместно, полезно» и под., *довелось* и под. слова **было**, функционально равного частице **бы**: ...и говоря то, проливает многие слезы. А и то *было* тебе, милостивый королю, *мочно* разумети: как толке твой холоп тобя, или брата твоего, или сына у тобя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры будет? (Памятн. Смутн. врем., 23). А и то *было вам пригоже знати*, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам... (там же, 45). А судныя дела по смерть его не вершены, а по тем судным делам *довелося было* его обвинити и истцом по тем делам велети... (Улож. 1649 г.). ... и по такой глухой челобитной и суда *было* ему, Семену, на келаря старца Тихона с братиею в тех крестьянех давать *не довелось* (Суд. дело, Фед.-Чех., II, № 118). А гостя, которого дом разграбили, пожаловал царь, не велел с него имать пятые денги, а *довелось было* с него взять болши 15 000 рублев (Котош., 104). А ныне, оставя паству свою, *не довелось было* ему о таких делах и поминати (Дело Ник., № 5). И Стенка де ему, Леонтью, говорил: которыя де знамена и пушки отдал он и в Астрахани, и те отдать *было не довелось*: по грамоте де великого государя милостивой велено им, казаком, идти на Дон, а об отдаче де знамен и пушек ничего не написано (Мат. Раз., II, № 24). Невежди же зело ему в церкви досождали всякими словесы, чесого *было* им и мыслити *не довелося* («Созерц. краткое» С. Медв.). А они, воры, то наше, великих государей, жалованье имали с великою наглостию по своим скаскам, кому *было* и *не довелося* (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). Ср.: «И тем челобитчиком сказано, что тех, пятисотного и пристава, им отдати *не довелося*, а будет им их, великих государей, указ по сыскному делу» (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).— И того *было* им без их, великих государей, указу и без повеления их царского величества делать *не годилось* (Из актов при «Созерц. кратк.» С. Медв.). — Тебя *было* в совет и принимать *не надлежало* (Сумар., Чудовищи)[1].

Возможно, что такое **было** = «бы» представляло собою своеобразную гаплологию из обычного **было бы**, но не исключена и другая возможность, что в данном случае имеем остаток мо-

[1] Сюда же, по-видимому, относится и пример, неверно понимаемый Будде (Очерк истории, стр. 104) как редкий для XVIII в. случай плюсквамперфекта— давнопрошедшего: «Ему *надлежало было*, ее сначала на берегу положив, надеть свою епанчу» (СПБ. Вести, 1778 г.).

дального употребления форм на **л**,— употребления, относительно широко известного и другим славянским языкам. Ср. и *пойти было* и под. с тем же значением *было* = *бы* при инфинитиве.

Наряду с формами, из которых в настоящее время образовались сослагательные с частицею **бы**, существовали в старославянском и в древнерусском еще употреблявшиеся обыкновенно в значении условного наклонения (с союзами условия и без них) аналитические формы будущего времени, состоявшие из **буду**, **будешь** и т. д. и причастия, чаще всего — совершенного вида, на **-л**, **-ла** и т. д.[1] Употреблялись эти формы, соответственно такому своему значению, не самостоятельно, а в сочетаниях предложений. Примеры: *Будеть* ли *стал* на разбои без всякоя свады, то за разбоиника людьє не платять ... (Русск. пр., 83—87). А кто *будет купил* села в всей волости в Новгородьской ... кто *будеть* даромь *отъял*, или сильно,— а то поидеть бес кун к Новугороду; а кто *купил будеть* в Новгородьской волости, знати им своего истьца (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 гг.).

Около середины XVII в. (ср. Котош., 114: И кто *будет был* на разбое и *учинил* убийство, или пожог и татбу, а товарищи их разбежались и не поиманы, и таких злочинцов в празники и в-ыные дни пытают и мучат без милосердия...) эта форма окончательно выходит из употребления.

§ 29. Инфинитив и супин.

Строением основы инфинитивы в русском, как и в других славянских языках, обычно совпадают с формами основ причастий прошедшего времени, получивших на русской почве значение глаголов (см. § 25), без их специфической приметы л.

Внешний вид инфинитивов, имеющих окончание **-ти**, с переходом его без ударения в **-ть** (явление, датирующееся уже XI в. и объясняющееся как утрата в конце слова приметы, не существенной в качестве морфологической характеристики)[2], в ряде случаев представляет результат действия известных фонетических законов: **д**, **т** перед **т** > **с**: *вед-ти* > *вести*, *прѧд-ти* > *прясти* — *прясть*, *плет-ти* > *плести*, **гти**, **кти** > **чи**: *мог-ти* > *мочи* — *мочь*, *пек-ти* > *печи* — *печь*. Ср.: «Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник...» (Крылов). — «Какие же там калачи! Уж немцам так не *испечи!*» (Измайлов, На отъезд приятеля в Москву).

[1] А. Потебня (Из зап. по русск. гр., 2, II, стр. 291 и след.) приводит случаи, где эта форма, по его мнению, выступает «без союза условного и без оттенка какой-либо условности». Последнее утверждение вряд ли справедливо: почти все приведенные им примеры имеют оттенок условности типа: «а если кто-нибудь...» и под.

[2] Условность в выборе формы отражают, например, сочетания: «...в ысковых делех самим им, кадашовцом, креста не ставить и не *целовать*, а *целовати* крест и ставить в их место людям их (Грам. XVII в., — Крепост. мануф. III, № 43, IV). Ср. и стр. 211.

Формы на **-чи,** естественно, часты в памятниках: «А хто учнет тот лес *сечи* через сию заповед...» (Грам. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.).

Специальных замечаний требует инфинитив **итти.**

Нынешнее правописание *идти (итти)* отражает влияние на старый инфинитив **и-ти** настоящего времени: **ид-у, иде-шь**[1]. Что формы **идти, итти** не исконны, ясно из того, что группа **дт** фонетически должна была бы уже в древнейшую эпоху измениться в *ст* (ср. *прясть — пряду, класть — кладу* и под.). Как живое произношение с долгим **т** хорошо засвидетельствовано в говорах. В памятниках великорусского происхождения **дт** свидетельствуется с XIV в. После предлогов, оканчивающихся на гласный, в языке и на письме: *найти, пройти, выйти* и под.

Под влиянием *найти, пойти* и под. в говорах возникала форма **йити.** Ее Соболевский нашел в Прологе 1432 г., и встречается она, как отметил он же, и позже в литературе XVIII в. Ср.: «Хранит смиренного владыко, Куда б ни восхотел йити» (Сумар.).

Формы **итить, иттить** и под. представляют случаи нового усвоения окончания **-ть** в силу затемнения этимологического состава слова — осознания **ити** частью корня. Ср., напр., Дело Ник., № 40: И патриарх велел ему итить, Чтоб к нему иттить на совет, и под.; розыйтиться (там же, № 41), войтить (там же, № 40), притить ему во смирении (там же, № 41).

Характерны они главным образом для языка грамот XVII в., где употребляются нередко вперемешку с формами без **-ть**. Встречаем их в сочетании с **-ся** еще у писателей первых десятилетий XIX в.: Не разойтиться ль полюбовно? (Пушкин, Евг. Онегин). ...Им не сойтиться никогда (Лерм.).

В четырех образованиях — *умереть, переть, тереть, простереть* — сравнительно с прошедшим временем (*умер, пер, простер, тер*) различие в структуре основы уже древнейшее; ср. ст.-слав.: *умрьлъ* и под. — *умрѣти* и под.

В нескольких случаях в др.-русском обычное отношение прошедшего времени к инфинитивам проявлялось в перенесении основы прошедшего времени в инфинитивы: *вытерть* (Домостр., 33), *перетерть* (там же, 49), однако такого рода выравнивание, нередкое и в языке XVIII в. (см., напр.: Зияет время славу *стерть*, Держ., На смерть кн. Мещерск.), фактом современного литературного языка не стало.

Нефонетическими являются современные инфинитивы *грести* (ср. ст.-слав. *погрети* «похоронить» с выпадением *б*), *клясть* вместо *клять*, отразившие влияние инфинитивов с основой на **д, т.**

---

[1] В настоящем времени **д** — остаток представленного древними языками глагольного суффикса. Кроме **иду**, суффикс этот с утратой былой значимости сохранился в **кладу:** лит. klóju и под. Ср. и «Мовознавство», 1936, № 7, стр. 79.

В случаях вроде *глотнуть* подлежавший выпадению согласный восстановлен под влиянием параллельных форм — *глотать, глотаю* и т. д.

Мотивы избегания омонимии вызвали к жизни инфинитив *ошибиться* к *ошибусь, ошибешься*. «Ошибтися», как звучал бы правильный инфинитив, должно было фонетически дать «ошитися», которое напоминало бы образование от корня *«ши»* — «шить». Ср. ст.-слав. *ошити сѧ* «удерживаться» к 1 л. ед. ч. изъяв. накл. *ошибѫ сѧ*.

Переход окончания инфинитива **-ти** в **-ть** — явление очень давнее[1], но, по-видимому, охватившее не все говоры древнерусского языка. Известно **-ти** и до сих пор ряду севернорусских говоров. В памятниках **-ти** господствует до XV в., когда наряду с ним чаще начинает выступать **-ть**[2]. К колебанию между формами на **-ти** и **-ть** ср., напр.: А в прибавку с сох к ямским подводам до указу *послати збирать* не смеем (Отписка новгор. воеводы, 1602 г.). И царевич де ему велел *сести* и велел поставити *есть;* а *ести* поставили по лепешке, да по полудыне перед человека, да рыбы сазан жареной... (Статейн. список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 г.).

Распространение окончания **-ть** на случаи с исходным конечным ударением свидетельствуется московскими памятниками XVI—XVII вв. для префиксальных образований, вроде *донесть, довесть* (ср., напр., Дело Ник., № 140, стр. 166).

Явление это, по-видимому, следует понимать как результат влияния форм прошедшего времени муж. р.: *донёс* — «донéсти» — *донесть* и под. В качестве аналогии к тому, что префиксальные инфинитивы легче подвергаются влиянию ударения форм изъявительного наклонения, чем непрефиксальные, можно сослаться, напр., на укр. *прихóдити, привóзити* при *ходúти, возúти* (ср. *прихóдиш, привóзиш*, наряду с таким же ударением в *хóдиш, вóзиш*).

Различие в некоторых говорах и в литературном языке между *печь, течь* из *печú, течú* и *нестú, вестú* стоит в связи с большей стойкостью конечных гласных после групп согласных.

Не получившие в литературном языке широкого распространения формы типа *несть, везть* отражают, по-видимому, влияние подавляющего большинства глаголов, в которых **-ть** из **-ти** фонетически выступает после гласных.

Довольно свободно формы на **-ть** употребляются в поэзии XVIII в.: Что мне мешает *ползть* смиренной черепахой? (В. Пе-

---

[1] Вопреки мнению некоторых исследователей, считать его уже издавна диалектным нет убедительных оснований; польские формы типа brać, nieść, как видно из данных памятников,— продукт исторического развития, а не исконные факты (Улашин).

[2] По-видимому, живой факт языка и в положении без ударения представляет, напр., в общем хорошо выдержанное в нескольких севернорусских грамотах XVII века (например, в челобитных из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским) различие *пить*, но *ести* — в формуле «пить, ести нечево».

тров, К вел. государыне). Чтоб нежность всю *соблюсть*, и Рифме быть богатой... (там же), и под.

В древности существовала особая форма, параллельная инфинитиву,— так называемый **супин** (достигательная форма). Если инфинитив по происхождению представлял собою[1] местный падеж отглагольных существительных основ на *-ti*, то супин был по происхождению винительным цели от основ на *-tu* сходного значения, и фонетически и семантически первоначально совпадал с хорошо известною, напр., из латинского языка формою супина (инфинитива цели после глаголов движения) на *-tum*. Формы супина в славянских языках образовывались, вообще говоря, от основ несовершенного вида и управляли родительным падежом в тех случаях, где соответствующий инфинитив требовал винительного: *Идѫ ловитъ рыбы* — иду ловить рыбу. Как формы, легко заменимые инфинитивами в своей специальной роли (в значении цели), притом встречавшие в последних соперников в образованиях совершенного вида, синтаксически отличавшиеся еще от общей системы глаголов и управлением, они вымерли в большинстве славянских языков, в том или другом виде совпав с инфинитивами (иногда при этом оказав влияние на форму последних). Исчезать супины начинают в русском, по свидетельству памятников, уже с XI в. (Остр. ев.), но даже в грамотах они еще встречаются до XIV в.

Многочисленные в памятниках этого времени случаи форм на **-ть** вместо **-ти**: Володимер же посла Дуная возводить Литвы (Ипат. спис. лет. под 6790 г.) = «Владимир же послал Дуная поднимать Литву» (*возводить* — несовершенный вид; значение намерения и управление родительным падежом заставляют предполагать былой супин); Телебуга же еха обьзирать города Володимера (под 6791 г.),— по-видимому, представляют в значительной своей части уподобившиеся инфинитивам по мягкости конечного согласного супины. Ср. в списке договора Руси с Византией 911 года: «Посла Олег мужи свои *построити* мира и *положити* ряд межи Грекы и Русью...». Формы супина не употреблены здесь, так как соответствующие глаголы — совершенного вида. Но ассоциированность выдает себя тем, что первый в предложении инфинитив управляет не винительным, а, как супины, родительным падежом — *мира*.

Примеры супинов: Русину не звати латина на поле *битъ ся* (Догов. грам. смол. князя Мстислава Давид. с Ригою и Готским берегом, 1229 г.). В лето 6643 ходи Мирослав посадник из Нов-

[1] К его происхождению ср. многочисленные отглагольные образования абстрактного значения с суффиксом -ti- — в других индоевропейских языках: др.-инд. dāti — «даяние, дар», гр. dōtinē, лит. duotis с тем же значением; др.-инд. matiš, mátíš «мышление, мысль», лит. at-mintis «память», и под. Происхождение славянского инфинитива из местного падежа **i** (**ь**)-основ предполагается по акцентологическим основаниям, в рассмотрение которых здесь не входим.

города *мирит* кыян с церниговцы... (1-ая Новгор. лет. по Синод. списку). А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму... а лете на Озвад зверий *гонит* (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.). Ср. и в записи к Скитскому патерику 1296 г.: «Мнози худии идяху в Новгородьскую волость *кормитъся*».

Диалектно супин употреблялся, по-видимому, и позже, как свидетельствует хотя бы указанный А. А. Кочубинским список второй половины XV в. Новгородской 4-ой летописи XV в. Вероятные остатки супина отмечались диалектологами в некоторых северных говорах даже в XIX в. и позже.

§ 30. Возвратные формы глагола.

Восточнославянские языки одни среди всех славянских имеют синтетические формы возвратного и родственных ему залогов: *одеваться*, *ложиться*, *торопиться*, *биться*, *лениться*. Такого рода прочные сращения глаголов с возвратным (по происхождению) местоимением *сѧ*, русск. *ся* — продукты исторического развития восточнославянских языков.

С точки зрения исторической заслуживает быть отмеченным, что балтийские и славянские языки (и это, по-видимому, указывает на большую древность данного явления) одинаково утратили при 1 и 2 лицах соответствовавшие им местоимения винительного или дательного падежа; ср.: *одеваю-сь*, *одеваешь-ся*, *одеваем-ся*, *одеваете-сь*, так же как *одевает-ся*, *одевают-ся;* литовск. daryti «делать, действовать» — darytis (daryti-s) «одеваться»; darau-s — 1 л. ед. ч., darai-s — 2 л. ед. ч. и под.

Параллельные отношения имеем в выражениях вроде *называю себя*, *называешь себя* (не «меня, тебя»).

Уже в древнейшую эпоху *сѧ* не представляло возвратного местоимения в строгом смысле слова, а скорее — частицу, выполнявшую определенные формальные функции: по крайней мере, во всех славянских языках мы найдем образования типа *боюсь*, *молюсь*, *надеюсь* и под., где *-ся*, *-сь* не равняется «себя», а образует с глаголом нерасторжимое смысловое единство или же модифицирует значение глагола, который может быть и самостоятельным, в том или другом значении формально-залоговом. Чисто формальный характер этого *сѧ* объясняет факт, что такому типу глаголов в исторической жизни ассимилировались немногочисленные сочетания, вроде *си жалити (жалити си)*, *си просити (просити си)* и др.

По-видимому, первоначально место употребления *сѧ* зависело от старого принципа славянских языков, согласно которому частицы употреблялись чаще всего после первого полнозначного слова ритмического отрезка. Такие примеры имеем в древнейших памятниках восточнославянских языков, вроде: Донелѣже *ся* миръ *състоить;* Кто *ся изоостанеть* в манастыри (Мстисл. грам.,

1130 г.). И реша унейшии Урособе; аще ты боишися Руси, но мы *ся не боим* (Лавр. сп. летописи, под 6611 г.).

Ср. из более позднего времени: ...А о што *ся сопрут* судьи, ино положити им на моего господина деда, великого князя Витовта (Догов. вел. кн. тверского Бориса Александр. с вел. кн. лит. Витовтом, 1422 г.). ...чтобы *ся* у их у Троецкого соловара *не наймовал* нихто на дрова... (Грам. царя Ив. Вас. Ф. Корове, 1474 г.) ...А после грамот месяць не воеватся. А как месяц изоидет, то же *ся воевати* (Догов. в. кн. лит. Казимира с Новгор., XV в.). ...А ездоки *ся* у них в том селе и в деревнях у их людей *не ставят*... (Жалов. грамота в. кн. Вас. Вас., 1456 г.). ...а слухом слыхали, что *ся* они о починкех *тянут*» (XVI в., Фед.-Чех., 1, № 55); «...дайте вы нам Третьяка или его человека Кирилка, которой *ся ставил* за списком у докладу» (там же). ...а в ответчиково в Третьяково место стали люди его — Кирилко Семенов, которой *ся ставил* у докладу за списком, да Фомка Немиров» (XVI в., Фед.-Чех., I, № 55). ...г(с)дари мо ( ) товарыщи ср^д^це *ся* у меня *ужаснуло* (Барсов. список «Сказания о кеевских богат.», перв. пол. XVII века, 473—474).

Сколько в подобном употреблении живого и сколько традиционного, нельзя сказать определенно. Скорее, однако, это живые факты. Сомнение в значении подобных примеров возникает только применительно к памятникам более поздним, когда искусственность *ся* на втором месте отрезка выступает на фоне глагола с *ся*, примкнувшим к нему. Такие случаи отмечаются Соболевским с XV—XVI вв.: христиана *ся нарицаешися* (Погод. сборник XV—XVI вв., 853), на розъезжчика *ся*, господине, ...не *шлюся* (Великор. грам. 1518 г.); ср. еще: А как *ся* у них *делалось* в Риме и у цесаря... А се список, как *ся* у них государево дело *делалось* (Отчет Я. Молв.). ... и в том *ся* при понятых *повинил*... (Дозорная память и приговор по челоб. 1604 г.).

Характерно и параллельное употребление: Во Индейской же земли кони *ся* у них *не родят*; в их земли *родятся* волы да буйволы (Хож. Аф. Ник.).

Но даже в древнейших восточнославянских памятниках, наряду со случаями *ся* на втором месте ритмического отрезка фразы, решительно преобладают случаи постановки *ся* за глаголом, и чем далее, число таких примеров возрастает всё больше [1].

---

[1] Вопрос о месте **ся** в древнерусском языке в последнее десятилетие был несколько раз предметом специального нзучения (Б. Гавранек, Г. Гуннарссон и др.). В общем убеднтельны уточнения, которые в качестве итога исследованнй считает возможным предложнть Ф. Славский в рецензии на труд Гуннарссона «Studien über die Stellung des Reflexivs im Russischen», Уппсала, 1935,— Roczn. slaw., XXV, 1939, стр. 78—79. В летопнсях проявляется всё усиливающаяся тенденция к фиксации энклитик. Если случаям свободного употребления **ся** в древнейших памятниках — в памятниках более поздних соответствует контактное положенне (прнкрепление к глаголу), то противоположного не наблюдается. Середнна пятнадцатого века является временем, после которого свободное **ся** может встречаться только в качестве нсключения. В XIV и XV вв.,

Изменение *-ся* в *-сь* после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV в.: учинилось (Новгор. грам. 1373 г.); проситись на извод (Грам. 1399 г.— Срезн.. I, 1568 г.) и под.[1].

Нынешнее литературное произношение *-ся* как *-са* представляет собою распространение явления, относительно широко известного в диалектах (во владимирских и поволжских говорах), и возникло в таком виде, по всей вероятности, из форм на *-тся,-ться*, где получалось *-ца*, и *-лся*, где *с* ассимилировалось предшествующему *л* (ср. северн. говоры с *-лса*, но мягким **с** в других формах прошедшего времени).

§ 31. К образованиям несовершенного вида.

В качестве великорусской особенности издавна (ср., напр., *прикладываєть, складывати* в «Русской правде» по сп. 1282 г.) выступает, вместо более старого **-ова-**, суффикс несовершенного вида **-ыва-**, усвоенный, вероятно, в первую очередь, при поддержке глаголов на **-и-вать** (*похваливать* и под.), под влиянием глагола *бывать*, несмотря даже на различие в месте ударения. Былое **-ова-** в безударном положении в современном литературном произношении обнаруживается только в случаях с окончанием корня на **к, г, х**: *отталкивать, отпугивать, стряхивать* (орфоэпически произносятся: атталкъватъ, атпугъватъ, стрьахъватъ)[2]; но формы

как указано, однако, выше, иногда и в XVI в. встречаются примеры двойного рефлексива (т. е. одновременно —закрепленного за глаголом и энклитического **ся**), свидетельствующие о наступлении в XV в. соответствующего перелома.— По вопросу об ударении рефлексов в прошедшем времени глаголов см. Ударение, § 3, стр. 275.

[1] Наиболее поздняя категория, в которой **-ся** перешло в **-сь**,— деепричастия: Греч еще поучал (§ 247), что «в глаголах... кончающихся на **ся**, деепричастия прошедшего времени употребляются только в полном окончании; например: *мывшися, делавшися, сражавшися* и пр.».

Причастия и сейчас сохраняют **-ся** без изменения. Лишь отдельные случаи перехода его в **-сь** могут быть отмечены у поэтов первой половины XIX в.: У нас в земле найдут могилу Враги, гордившиесь над ней (Катенин, Мстислав Мст., 1819). Глазами молча провожала Среди блистательного зала Пред нею вьющиесь четы (Барат., Цыганка, 1842), и под. Другие примеры см. РЛЯ пп. XIX, II, стр. 124. Один из наиболее поздних примеров — в «Дон-Жуане» А. К. Толстого. Ср. и стр. 235.

[2] Соответствия старейшим формам на **-овать** имеем, напр., в письме царя Алексея 11 апр. (1663 г.): «...ане вабили с верьвью, а без верви отиудь у них [«сокола»] не летавали ни поварачивали; так мы поехали отведавать на Васильев пруд...».

Что касается указываемых Н. С. Авиловою (К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола в XVIII в.,— Материалы и исследования по истории русск. литер. яз., II, 1951, стр. 275) из «Нем -русского и латин. лексикона (Вейсмана) 1731 г. форм *наказовати, воспитовати, обязовати* (к наст. вр. изъяв. накл. *наказую, обязую* и под.), и под., то это не что иное, как церковнославянизмы. Для первой половины XIX века принимать прямое отношение их к формам типа *указу́ю* и под., как это делает она, нет оснований: архаические формы этой системы могли в определенной стилистической функции еще употребляться в настоящем времени изъявительного наклонения, а в системе инфинитива здесь уже вполне возобладали русские на -ыва-.

основы настоящего времени к этим глаголам образуются подобным же образом (не на **-ую, -уешь** и т. д., как у *толковать : толкую*, *тосковать : тоскую* и под.). Вероятно, установлению форм типа *прикладывать* в соответствующих говорах предшествовало обобщение форм системы настоящего времени типа *«прикладоваю, *угадоваю» к инфинитивам *«прикладовать, *угадовать».

Русскою же (великорусскою) особенностью является при образованиях на **-ыва-, -ива-** очень распространенная в памятниках XIV в. и позднейшего времени мена гласного в корне **-о-** на **а** под ударением: колоть: раска́лывать, пороть: распа́рывать, ходить: ха́живать, спросить: спра́шивать и под. Ср. в московских грамотах XIV века: А тобе, господине князь великий, без нас *не доканчивати* ни с ким (догов. грам. вел. кн. Семена Ив. с князьями Ив. Ив. и Андр. Ив., около 1330 г.). Так жо ми *не канчивати* с твоим братыничем, со князем Васильем... (Догов. в. кн. Юрия Дм. с в. кн. ряз. Ив. Фед. 1434). Эта особенность не известна, например, украинскому языку, в котором к *колоти* соответствующее образование — **розколювати,** к *пороти* — **розпорювати,** к *просити* — **запрошувати** и под.

В ряде слов эта мена осуществлялась в течение последней четверти XIX в.: *удостаивать*, *удваивать* и др. Еще Я. К. Грот в своем «Русском правописании» (13 изд., 1898 г., стр. XXXIV) давал, напр., только *усвоивать* (ср. нынешнее *усваивать* при устарелом *усвоивать*), а к колеблющимся случаям относил *успокоивать* и *успокаивать*. К вовсе недопустимым колебаниям он относил случаи замены **о** звуком **а** только в образованиях, заменявших *озабочивать*, *рассрочивать*, *уполномочивать* (в последнем случае теперь, однако, в разговорном языке тоже возобладало **а**).

Мена **о : а** в образованиях, о которых идет речь, проникла в них, вероятно, из форм глаголов на **-ати** со старым чередованием **о : а**, восходящим к былым отношениям «**о** : долгое **о**», символизировавшим во втором случае длительность (повторяемость) действия: колоти : закала́ти «закалывать»; покорити ся : покаря́ти ся; ложити : полага́ти; гонити : изганя́ти; просити : праша́ти.

Это особенность, которую со старинным русским языком, а отчасти даже и с орфографией конца XIX века, до сих пор частично разделяет украинский язык: *ганяти*, *помагати*.

Еще в конце XIX века русской орфографии были известны, например, написания типа *сгарать*.

Чередования **о : а** характеризуется в образованиях последнего рода безударным положением корня, но получило в глаголах на **-ыва-, -ива-** распространение именно в подударном положении, вероятно, первоначально в образованиях типа *удво́ивати, *устро́ивати и под. к удво́ить, устро́ить и под.

Практика русского литературного языка в различные периоды в отношении тех или других не одинакова. Мы имеем, напр.: ...а на Русь нам уже ратью *не хожівати*, а выхода нам у руских князей *не прашівати* (Задонщ., 73 об.); в конце XVII в.:

А впредь надворные пехоты и в салдацких полкех пушечные станки и колеса *скавывать*...» (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.); «...того ради многим *граживали* смертию и копиями» (там же). «...а Семен де Хлопов те воровские грани *понавливал*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Заметим, что связь образований на **-ива-** с глаголами на *-ja- очень ясно опознается по мене конечных согласных корня вроде заходить : *захаживать*, крутить : *покручивать*, просить : *расспрашивать* и под.[1]

§ 32. Причастия.

Употребляемые в русском литературном языке склоняемые причастия, т. е. глагольные прилагательные, характеризующиеся специальными синтаксическими отношениями, едва ли не сплошь представляют заимствования из церковнославянского языка. О том, что они чужды обычной разговорной речи, определенно знал уже Ломоносов; ср. у него: «Сколько в высокой Поэзии служат однем речением Славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном Российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы» (О пользе книг церк.). Стоит вспомнить и замечание Пушкина: «Причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: который скачет, который метет и пр.— заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом». (См. «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 6—7).

Формы причастия настоящего времени действительного залога на **-щий, -щая, -щее** не оставляют сомнения в том, что они заимствованы, самой фонетической стороною: в соответствии основе, представленной другими индоевропейскими языками, ср.: лат. ferens, род. пад. ferent-is, греч. phérōn, род. пад. phérontos — группа «**t**+, как и в балтийских языках, выступающий здесь **j**» должна была в русском отразиться в виде **č** (**ч**). Ср. отглагольные прилагательные, представляющие собой продолжателей старых русских причастных форм: *зрячий*, *горячий*, *стоячий*, *могучий*, *жгучий*, *летучий*.

Еще в 30-х годах XIX в. формы причастия прошедшего времени на **-ший, -вший** воспринимались как церковнославянизмы[2].

---

[1] Ряд подробиостей, отиосящихся к различиым образоваииям иесовершеииого вида, в русском языке затроиут в рецеизии П. С. Кузиецова иа киигу С. П. Обиорского «Очерки по морфологии русского глагола», 1953 г.,— Вопросы языкози., 1955 г., № 2, стр. 114—116.

[2] Одиа частиость образоваиия: к инфинитиву *приобрести* и к формам изъявительного иаклоиения *приобрету* и т. д. причастие иа **-ший** образуется двояко: *приобретший*,— форма как едииствеиио литературиая называется, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, и *приобрёвший*, — форма, как более иовая, сравиительио с допускаемой — *приобретший*, рекомеидуемая «Тол-

Это же ясно, что касается форм страдательных на **-имый, -омый, -аемый**, из характера их употребления, их относительной редкости и семантической окраски.

В формах на **-ся** в современном языке не допускаются и после гласных сокращения в **-сь**. XVIII в. свободно употреблял такие формы: Томящаясь Москва в унынии дрожит (Сумар.). ...Но самое тогда случившесь бытие (Сумар.). Когда бы стали все судящиесь мириться, На что б казне тогда другим судам платиться? (Капнист, Ябеда). ...Чтоб увяли алы розы, Распустившиесь в весну (Иппокрена, 1799 г.). Как архаизм такая форма выступает неожиданно в «Дон-Жуане» А. К. Толстого: «...Струящаясь ...сила борется со тьмой».

В страдательных причастиях прошедшего времени останавливает на себе внимание употребление в членной форме друх **н**: *посланный, принужденный, заработанный* и под. Это удвоение **н** существует и в произношении, не с тою, однако, последовательностью, с какою его приводит наша орфография. Так, по наблюдению А. И. Соболевского, «обыкновенно, когда ударение находится в 3-м слоге от конца, нами предпочитаются формы с одним **н**: пи́саный, бро́шеный, вя́заный, а когда ударение стоит на втором слоге от конца, мы употребляем чаще формы с двумя **н**: принесённый, приведённый, спасённый, почте́нный».

По своему происхождению формы с удвоенным **н** — продукт влияния отлагольных прилагательных; ср. ст.-слав. повелѣньная (Савв. кн.), неизглаголаненъ, неисписаненъ, осѫжденьна (Син. требник), укр. *невблага́нний* и под. По свидетельству памятников, таким влиянием были охвачены причастия и в др.-украинской и белорусской области, но прочные результаты отложились в живой речи только русской. Древнерусское правописание, хотя и непоследовательно, с частыми отклонениями, отражает для всех положений произношение с удвоенным **н**: закълюченных (Домостр., 6); по преже писанному (там же, 33) и там же: по преже писаному; зграбленными животами (Мат. Раз., I, № 8), убiенного (8 раз там же), грабленные товары (Мат. Раз., II, № 24), десять струговъ цѣлых и испорченныхъ (там же). ...Сделано на его государевых заводах в Приказ Тайных Дел 1.000 досок железных кованных... (Память из приказа Больш. дворца 1676 г.), но там же: ...Грановитую палату покрыть таким же кованым дощатым железом...

Более других разговорный характер обнаруживает только небольшая группа на **-тый, -тая, -тое**: *битый, шитый, взятый* и под.

XVIII век, усугубляя книжность причастий, допускал даже в атрибутивной их функции краткие (нечленные) формы на **-яй**[1],

---

ковым словарем» под редакцией Д. Н. Ушакова. *Приобрёвший* представляет новообразование от форм прошедшего времени глагола: *приобрёл, приобрела* и т. д., в которых **т** фонетически утрачено перед **л**.

[1] Характерно при этом, что, например, Радищев, пользуясь формой на **-яй** (муж. р. ед. ч.), понимает ее, по-видимому, как деепричастие: «Седя́й во власти, да смятутся От гласа твоего цари».

-щ, -ща, -ще, -ши и **-вш, -вша, -вше, -вши:** Не писав, летящи дни века проводити Можно... (Кант.), И ломит так, как ветр, Бунтующ многи дни, Возшед из земных недр (Сумар.). Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ... (Сумар.). Герои Севера, виновники сих бед, Как претерпевши вред, Как побежденны, стонут (Петров).

С XIX в. такие формы, о которых уже Ломоносов (Рос. грам., § 447) говорил как о «слуху досадных», не имея никакой опоры в живой речи, совершенно исчезают из употребления.

Краткие формы страдательных причастий, не имевшие в функции сказуемных определений соперников в деепричастиях, удержались, оставшись, однако, в XIX в. особенностью торжественного и архаизирующего слога: Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга (Пушк.). За мглой ветвей синеют неба своды, Как дымкою подернуты слегка (Фет).

В роли сказуемых нечленная форма страдательных причастий на **-но** и **-то**, по-видимому, как факт живого русского языка издавна известна в безличных предложениях: *сказано—сделано, взято* и под., и притом не только от основ совершенного вида, но и несовершенного: *говорено, смолоду бито-граблено;* от основ многократного вида — в соединении с отрицанием: *не видывано, не слыхивано.*

Старинный язык допускал подобные образования не только от глаголов, управляющих винительным падежом, но и от непереходных, и даже от возвратных.

Вот несколько древнерусских примеров: А ведаеш и сам, что не богатством *жито* з добрыми людми (Домострой, 64). И со всеми теми мастеры в сорок лет ... *разлезенося* без остуды... (там же). Ни кому ни в чем не *сьлыгивано*, ни *манено*, ни *пересрочено* (там же). А у меня де уже *говорено* з Григорием с Микулиным (Памятн. Смутн. врем., 78—79). А с калмыками де у них *помиренось* же (Мат. Раз., IV, № 22). И на судах (= сосудах) твоих *подписывано* также (Дело Ник., № 94).

Ср. в былинном языке: ...*Розорено*-де все да *надруганось* («Данило Борис.», зап. Ончуковым на Печоре). Да у моего родимого у брателка Да конями с Чурилом-то *поменяното*, Да цветным-то платьем *побратанося* (Смерть Чурила).

Характерно, что, в отличие от современного русского литературного языка, древнерусский, в параллель украинскому, допускал при безличных оборотах на **-но, -то** винительный объекта: ...и *учинено* сквозѣ мрамор проходи (Путешествие Антония конца XII в. по списку XV в.). ...И скорбново словом *ползовано* (Домострой, 64). ...А остатки *сверчено* и *связано* (30). И огурцы и лимоны и сливы так же бы *очищено* и *перебрано* (49). ...То бы было все у ключника в мере и *запиано* [sic!], а хмель, и мед, и масло, и соль *вешено* (там же, 52). И домы их будут *раззорены* и имения их *пограблено* будет (Памятн. Смутн. вр.,

790). А подволоки у полат *выписано* травами (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). А *вырезано* на той печати инорог зверь (Котош., 89). И по отписке и по росписи Микифора ж и Петра те деньги на 123-й год *взято* сполна (Прих.-расх. кн. золотых, 1616 г.). ...чертеж и роспись у крестьян *принято*... (Письмо кн. Я. Н. Одоевского, 1684 г.). ...у другова на правой ноге поперег берца рубец *посечено*... (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.)[1].

Впечатление живых конструкций производят также древнерусские сочетания именительного падежа существительных со страдательными причастиями несовершенного вида на **н**, **т** в функции сказуемых (обычно без вспомогательных глаголов): В прошлом 167 году апреля в 1 день... *посылан* я да думной дьяк Алмаз Иванов к святейшему Никону патриарху (Дело Ник., № 5). Микита ж *допрашиван* (там же, № 4). А которыя лошади *иманы* из монастырей, то все роздать по тем же монастырям с росписками (там же, № 94). И на домовой обиход всякой лес *вожен* (там же, № 114). А что ты ко мне писал, что на мой обиход покупал лошади, кони и мерины, и в какову цены *покупаны*, и про то мне ведомо (Хоз. Мороз., II, Акты, № 20). ...А которые товары привезены, а не проданы, или тут на торжку *покупаны* будут, и с тех непроданых и с покупных товаров таможенных пошлин им в монастырь не сбирать... (Царск. грамота пошехонск. воеводе Лутохину, 1676 г.).

Сравнительно с древнерусским современный литературный язык, как мы знаем, помимо сдвигов синтаксического характера, отличается еще со стороны морфологической значительным сужением способности образовывать страдательные причастия несовершенного вида. Характерно, что особенно редки и в роли атрибутивной членной формы и в роли сказуемых причастия с т р а д а т е л ь н ы е н е с о в е р ш е н н о г о в и д а н а **н**, и им предпочитаются даже, не говоря о глагольных и причастных формах на **-ся**, формы на -м; ср.: *Продукты посылались почтою*, книжное и тяжелое — *Продукты были посылаемы почтою* и совсем невозможное — «Продукты были посыланы почтою». Однако и среди самих страдательных причастий на **-н** не все одинаково вышли вовсе из употребления: хотя малоупотребительны, но возможны образования: *несен*, *веден*, *копан*, *колочен* и под.; не образуются же соответствующие формы от тех глаголов, у которых примета вида отличается в корне: *посылать*, *призывать*, *отрывать*, *заби-*

---

[1] Высказано мнение (П. С. К у з н е ц о в, Русск. яз. в школе, 1951, № 2, стр. 71), что этот оборот свойствен едва ли не исключительно тем московским памятникам, которые испытали на себе польское влияние. Доказанным его, однако, считать нельзя.

В нынешних говорах, почти исключительно севернорусских, встречаются также сочетания таких форм в безличной функции с творительным падежом действующего лица — архаический тип здесь *волками хожено*; ср. Ф. П. Ф и л и н,— «Бюллетень диалектолог. сектора Инст. русск. языка», вып. 4, М.—Л., 1948, стр. 40—47.

рать, *затирать* (ср. *послать*, *призвать*, *оторвать*, *забрать*, *затереть*).

По-видимому, в ряде говоров русского языка, влиявших на развитие литературного, страдательные причастия на **-н** и в тех функциях, в которых они были живой категорией, свелись только к образованию совершенного вида, — явление, параллели которому известны из многих языков (ср. страдательные причастия латинские, немецкие и др.). Когда, отчасти под иностранными влияниями, явилась тенденция воскресить систему страдательных оборотов, относительно легко восстановленными оказались формы, структурно близкие к причастиям совершенного вида; формы же, от них отличавшиеся самой основой, оказались восстановленными по старославянским образцам: (был) *посылаем*, *забираем*, *призываем* и под. и нашли себе сильных соперников в более близких разговорной речи *посылался* (посылается), *забирался*, *призывался* и под.

В целом для истории причастий на русской почве большой интерес представляют замечания Ломоносова (Рос. грам., §§ 435, 437, 439, 442), упорно подчеркивающего их непродуктивность. Как пример «весьма непристойных Российских, которые у Славян неизвестны», у него фигурируют *говорящий*, *чавкающий; брякнувший*, *нырнувший* он характеризует как «весьма противные», а *трогаемый*, *качаемый*, *мараемый*, по его мнению, даже «весьма дики и слуху несносны». Как видим, вся эта извне занесенная в русский язык морфологическая категория, вопреки отношению к ней авторитетнейшего грамматика XVIII в., не только выжила, но и, за некоторыми исключениями, развилась на русской литературной почве, оказавшись полезной хотя бы как способ сжатия придаточных продложений.

§ 33. Деепричастия.

Деепричастия настоящего времени.

И формально и синтаксически русские деепричастия восходят к старым формам причастий (см. Синт., § 15). Последние в именительном падеже в настоящем времени имели окончание: **-а** в I (**-е-**) и V (атематическом) классах для ед. ч. мужского и среднего рода: *зова*, *мога*, *дада*, *ѣда;* **-учи** — для женского: *зовучи*, *могучи*, *дадучи*, *ѣдучи;* **-уче** — для множ. ч. мужского рода: *зовуче*, *могуче*, *дадуче*, *ѣдуче*.

Окончания от основ III (**-je-**) и IV (**-i-**) класса звучали: **я** (из **ѧ**, **jѧ**) в ед. ч. муж. рода; **-ючи** (III кл.), **-ячи** (IV кл.) — в им. пад. ед. ч. жен. рода; **-ючи**, **-яче** — в им. п. мн. ч. м. р.: *зная*, *знаючи*, *знаюче; пытая*, *пытаючи*, *пытаюче; хваля*, *хвалячи*, *хваляче; лазя*, *лазячи*, *лазяче*.

Перерождение причастий, тяготевших к глаголам, в деепричастия (глагольные наречия) свидетельствуется утратой былого

согласования; ср., напр.: ...Се *слышавше*, Торци убояшася, пробѣгоша и до сего дне и помроша *бѣгаючи* (Лавр. список летоп., 55). ...И не всхотѣша Половци мира и ступиша Половци *воюючи* (Лавр. список лет., 72 об.).

В древнерусском влиятельными оказались, частично сохранившиеся в диалектах, формы ед. ч. женского рода; в современном литературном — в употреблении почти исключительно формы, восходящие к окончанию **-я**.

Свобода в выборе форм на **-чи** и без него отражена, напр., в «Уложении» царя Алексея, где можно в том же параграфе встретить: «а которые сторонние люди *слышачи* крик и воп разбитых людей ...и те люди на крик и воп не пойдут...» и «...да будет на них в сыску скажут, что *слыша* крик разбитых людей на пособ к ним не пошли...» (гл. 21, § 59).

В XVIII в. формы на **-учи**, **-ючи** от основ несовершенного вида еще в широком употреблении; ср.: Набегли тучи, Воду *несучи*... (Тредиак.). *Имеючи* отца, хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного... (Ломон.), и мн. др.

В древнерусском некоторое время с формою на **-чи** (по происхождению им. п. ед. ч. жен. рода) соперничала форма на **-че** (множ. ч. муж. рода); ср.: Фоминѣ недѣлѣ *исходяче*... (1-ая Новг. лет.). Тѣм поудъ *изверяче* учинити... (Смолен. грам. 1330 г.), — ...Бѣ бо въздано єя [церковь] при немь [Мстиславе] възвыше яко на кони *стояще* досящи (Лавр. спис. лет., 51).

С XIX в. устанавливается то употребление деепричастных форм, которое мы имеем в настоящее время. Исключительное распространение получают формы на **-я (-а)**, причем вообще от ряда глаголов деепричастия не образуются: не образуют их основы на велярный (задненебный) согласный, где **г, к** оказались бы перед **я** (сочетания, несвойственные русскому языку)[1], и ряд таких глаголов, в которых основа настоящего времени отличалась от инфинитива; ср. *пишу — писать*, *режу — резать*, *тру — тереть*, *жну — жать*, *мну — мять* и под. Отсутствуют также формы деепричастия наст. вр. от глаголов типа *гибну*, *тяну* и под.

Вытеснение окончанием **-я** старого **-а** свидетельствуется уже отдельными случаями в церковных памятниках XII в.: *идя*, *чьтяй* (Устав Петр. б-ки, сев.-русс. список с южнорусского оригинала), но представляло, — судя по формам, в большом числе встречающимся в памятниках русского языка последующих столетий,— явление областного распространения. Победа подобных форм в литературном языке и вытеснение ими и форм на **-учи** обязаны, по-видимому, преимуществам более единообразного и ко-

---

[1] В др.-русском, однако, они по диалектам возникали: рекя (Новг. лет.), повьргя (новг. грам. 1305 г.), как могя (Закладн. кабала XIII или XIV в., сев.-русск., Акты юрид., II, № 126), ркя (двин. гр.).

роткого окончания. Нужно, однако, принять во внимание, что, как уже было отмечено в науке, формы на **-чи** вообще в великорусском в новое время сравнительно редки. Характерно, что в первой четверти XIX в., когда формы на **-учи, -ючи** еще допускались в литературном языке, их однако уже не рекомендовали; Греч (§ 247), упоминая их, отводил им место только в просторечии и считал их «неупотребительными на письме и в возвышенном слоге».

Употребление их относилось по преимуществу к отдельным словам: *живучи*, *ездячи*, *смеючись*. Ср. из языка XVIII в.: В немецком языке, *живучи* и в сей раз в Петербурге, я ничего не поправился... (Болотов), ...*ездючи* с зятем в маленьких санях по тонкому и трещащему еще льду... (Болот.)[1].

Неясной остается причина избегания форм деепричастий на **-я (-а)** в случаях расхождения между основою настоящего времени и инфинитива (*пишу — писать* и под.). Суть дела тут, кажется, с одной стороны, в механическом обобщении запрета на формы типа **-учи** как простонародные (отсюда отказ, напр., от «пишучи») и, с другой — в подсказанной школьными влияниями осторожности при производстве многих форм, фактически не осуществлявшихся в практике предшествующего времени. В классе **-не-** | **-ну-** (II) деепричастия настоящего времени не образовывались, так как состав его почти сплошь охватывал только глаголы совершенного вида.

Деепричастия прошедшего времени.

Причастия прошедшего времени действительного залога, из которых получились впоследствии деепричастия прошедшего времени, имели в основах на согласный, включая и носовые, **ъ** в им. ед. ч. м. р. и ср. р., **-ъш-и** — в им. ед. ж. р., **-ъш-е** — в им. мн. м. р., **-ъш-ѣ** (ст.-слав. **-ъшѧ**) — в им. мн. ж. р. В основах на гласный и **л** между ними и окончанием вставлялось еще **в**. В дальнейшем относящиеся сюда факты распределились следующим образом: вм. старых *възем*ъ из *възьмъ*, *сънемъ*, *приимъ* с XVII в., судя по Котошихину, в употребление входят **взяв, сняв, приняв,** образуемые от основ инфинитива (прош. время). Ср. также современные **прокляв, начав** вм. старых *проклънъ*, *проклънъши*, *начьнъ — прокленъ*, *прокленши*, *наченъ*.

Еще в XVII в. от других основ на согласный в употреблении формы на **-ъ** (т. е. фонетически без окончания): ...Атаман Корней Яковлев, *прочет* твою ... грамоту в кругу донским казаком, говорил... (Мат. Раз., IV, № 7). ...Те казаки, *пришод* на Волгу, погребли на низ (там же, II, № 12). А *пришед* к царю на двор силно, и привели того Шоринова сына перед царя (Котош., 103).

[1] Об их употреблении в первой половине XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., т. II, стр. 126—127.

Рядом, однако, встречаются и формы на **-ши**, реже на **-ше**: ...деньги *счетиши* (Домостр., 35). *Складиши* и свертев хорошенько положити (там же, 38). И ты *пришедши* да неподельно на наших послов грабеж и бесчестье и соромоту учинил, по лживому посланью брата твоего и всех Свейских людей, оманкою *заведши* наших послов да мучити... (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.). И *вывезиши* на площади, подьячие роздают милостыню нищим (Котош.). И *слезиши* с лошадей, послы и их дворяне шпаги с себя снимут (89 об.). И, *озябше*, встав еще попойду (Аввак., 114).

Еще чаще в XVII в. употребляются от основ на **д, т** формы на **-чи**. Последние, по-видимому, представляют фонетический продукт слияния **т** основы с **ш** окончания, причем и в письме и в произношении корневая часть так или иначе восстанавливалась, не без влияния, вероятно, окончания деепричастий настоящего времени:

И тое прибыль, *счотчи* против иных городов прибылей, берут на них самих (Котош., 140). *Вшедчи* в церковь, того мы не застали (Дело Ник., № 36). И оне, *съедчи*, опять лямку потянут (Аввак., 87). И *етчи* и пив за здоровья их государские, того дня бояре и все чины розъедутца по домом (Котош., 13). Поп да петух *едчи* поют и не *едчи* поют (Старин. посл., XVII в.). И *покрадчи* и пограбя бояр своих, уходят на Дон (Котош., 135). И *приведчи* в город, собралося их, воров, болши 5000 человек (Котош., 103). И *вычетчи* великого государя грамоту, великому государю атаманы и казаки ... челом ударили (Мат. Раз., IV, № 4). А *вшодчи* ... в город... (там же, III, № 61). И послал под Шатцкой к атаману к Максимку Дмитриеву не *четчи* (там же, III, № 44). Ожил Федос, *забриодчи* в овиос (Стар. сборн., XVII в.). К колебанию ср.: ...Мы де, *прошед* таборы, да постоим и к тебе, постояв, все воротимся. И *прошедчи* оне таборы и постояв в лесу, и пошли дорогою к большим таборам... (Отписка кн. Гр. Долгорукова и Алексея Голохвастова царю Вас. Шуйск., 1609 г.).

Так как основы на **д (т)** в причастиях прошедшего времени на **л** их утрачивали и в виде основы выступала часть, оканчивавшаяся на гласный,—*се-л*, *е-л* и под., то к этим влиятельным формам стали образовываться деепричастия и типа основ на гласные; ср.: И *евши* и пив, царь царевну отпустит к сестрам своим (Котош., 7). Ср. совр.: *сев*, *поев*, *украв*.

К инфинитивам с гласной приметой образуются, как и теперь, деепричастия на **-в**: *замкнув* двери (Дело Ник., № 94); *взяв*... четыре лошади (Мат. Раз., II, № 5). *Приехав* те донские казаки в Астрахань, сказали... (там же, № 8). И атаман де Корнило с казаками, *выняв* из Дону жильца Герасимова тело, погребли у себя в Черкасском городке... (там же, IV, № 4).

Реже встречаем окончания **-вши**: А послухом не видев не послушествовати, а *видевши* сказати правду (Судебн. 1497 г., 67).

И пошли есмя в Дербент *заплакавши* (Хож. Аф. Никит.,— Кудр.), ...*остряпавши* дело (Домостр., 35), и **-вше:** *Видевше* же то боярин князь Василей Ивановичь... и боярин князь Василей Ивановичь склонился на их моление (Памятн. Смутн. врем. 833). *Усмотривше* времени час, упоиша его отравами (Котош., 4).

Влияние деепричастного окончания настоящего времени IV класса **-я** в старинном языке было больше, чем теперь: наряду с употребительными и теперь или близкими к нам формами, вроде: А кельи ево в Ферапонтове монастыре, *осмотря* все и из внутри *укрепя*..., запечатать (Дело Ник., № 94) ...всех *порубя* (Мат. Раз., № 4).— И *разграбя*, поехали на низ Волгою (там же, № 7) ...*встретесь* в дороге (там же, III, № 69). И *отпустя* я, холоп твой, обоз... (там же, III, № 7). И *розъездясь* я, холоп твой, и *разсмотря* места, велел пешим полкам и приказом с обозом со всем двором и с пушками на них наступать (там же, III, № 6)[1]. И они, *покиня* свои таборы, побежали к своим кораблям и каторгам (Ист. об Азовск. сид., 27). *Скиня* с себя доброе платье, вздел крестьянское (Котош., 102). И, *покиня* обозы свои, прибежали в Муром (Мат. Раз., № 22). ...Острог *покиня*, побежал в рубленой город (там же, III, № 16). Она, *вздохня*, отвещала (Аввакум, 89). Сам у него, *протяня* руку, ис кореты доставал (там же, 95)[2].

Интересны оригинальные формы: *соимя*: соимя колпак (Домострой, 3), соимя рубашка (37); *взя*, продукт новой этимологизации: И государеву грамоту ему подал, он взя, чет, поворотился в вотчину свою Толмачеву (Мат. Раз., III, № 77); ср. *взяв* (там же, № 49) и *выня:* Конюшей ездит ... *выня* мечь наголо (Котош., 11); *выняв* цитировано выше.

Характерно также для старинного языка, что деепричастия прошедшего времени от возвратных глаголов оканчиваются, главным образом, на **-вся**, а не на *-вшись*, как теперь:

А которые немногия передние люди *оторвавъся* да так учинили... (Спис. с грамоты Иоанна Гр. к шведск. королю, 1572 г.). Взял-де *забывся* (Дело Ник., № 36). Царица, от великого страху *испужався*, лежала в болезни болши году (Котош., 105). И так те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людьми, которые шли к царю с Шориновым сыном, *собрався* вместе, пошли к царю (Котош., 103). *Недождався* его Василья, с Унжи ... побежали на утек на спех (Мат. Раз., III, № 84). И они, *испужався*, из под Синбирска побежали (там же, IV, № 16).

---

[1] Колебание в выборе форм на **-ив** и **-я** возможно для одного и того же лица; напр.: «...взяти по них поручные записки в том, что они, *не намостя* мостов, не збегут...» и «...а *не намостив* мостов, посошных, не отпущати» (Дела Тайн. прик., II, Отписка мостов дозорщиков, 1602 г.) И те де ... драгуны, *уведая*, твой, великого государя, указ, из полку его многие розбежались (Мат. Раз., III, № 69). ...*уведав* (там же, № 47).

[2] Из наиболее поздних примеров: К р и в о с у д о в (*разверня*): О, о — да это, брат, исправной документ (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

Реже: Борзее *отделавшися*, да домой (Домострой, 35) и под.

В XVIII в. устанавливается для возвратных глаголов (глаголов на **-ся**) в форме прошедшего времени окончание **-вшись;** для глаголов без **-ся** возможны формы на согласный и на **-ши, -вши** (первые решительно преобладают).

Случайность выбора тех или других видна, напр., из примеров параллельного употребления: *Подошед*, медведь долго обнюхивал мнимо умершего и, убедившись в его смерти, ушел. Тогда друг, *сошедши* с дерева, спросил с шутливостью товарища... (Фонвизин, Два друга и Медв.).

Соображения о причинах распространения за счет форм, восходящих к причастиям прошедшего времени, форм с окончаниями настоящего **(-я)**, выдвинутые Кудрявским [1], во всем существенном убедительны. Указывая на то, что суффиксу причастий прошедшего времени принадлежало, по-видимому, значение завершения действия, выражаемого глагольной основой, он для случаев, как, напр., «Услышавше половци, яко умерл есть Володимер князь, *присунувшася* вборзе» (Лавр. 280, 17), подчеркивает дублированье того самого значения как глагольною основою, так и формою причастия и заключает: «Такая роскошь является, конечно, излишнею, и ничего нет удивительного в том, что уже в древнерусском языке появляются случаи употребления причастия настоящего времени от основ совершенного вида в значении завершения действия до наступления действия, обозначаемого сказуемым», употребление, «которое становится все чаще и чаще и доходит до современного языка в виде таких деепричастий, как «увидя, отойдя, взгромоздясь» и т. п.» (стр. 71).

От такой же «роскоши» язык освобождается, ликвидируя в течение XIX в. (главным образом во второй его половине) деепричастия прошедшего времени несовершенного вида и заменяя их формами деепричастий «настоящего времени», точнее, деепричастиями со значением одновременности сказуемому; ср. теперь уже не употребляющиеся сочетания вроде: Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер, Который пел, не *знав* галиматии мер (Сумар.). Как! *быв* честным котом до этих пор, Бывало за пример тебя смиренства кажут... (Крылов). Но Ленский, не *имев*, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свесть (Пушкин). *Способствовав* временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические (Достоевский) [2].

---

[1] Д. Н. Кудрявский, К истории русских деепричастий. Вып. 1, Деепричастия прош. вр. Ученые записки Юрьевск. универс., 1916 г., № 10, стр. 78.

[2] В отдельных случаях такие формы, как иногда в современном украинском, могли употребляться даже в значении настоящего времени: И, дерево теперь, *стоявши* на вершине, Трепещет о своей судьбине (Хемн.). Крестьянин, ни-

Современное распределение форм деепричастий прошедшего времени, кроме случаев с окончанием **-я**,— окончание **-ши** в основах на согласный *(рассекши, сберегши)*[1], окончание **-в** в глаголах невозвратных *(сказав, заметив, выстрелив, толкнув)* и **-вшись** — в возвратных *(укутавшись, встретившись, столкнувшись)*,— представляет, по-видимому, своеобразный компромисс между вариантами **-в** и **-вши**. Если «с формою на **-в** мы соединяем представление большей книжности, литературности», то «форма на **-(в)ши** считается более народною и разговорною» (Кудрявский, стр. 14). Последняя и сохранилась в возвратных глаголах, будучи защищена аффиксом **-сь**. Что касается первой, то, вероятно, она возобладала в литературном языке ввиду преимущества своей краткости, хотя это и привело к нарушению единства окончания в родственных случаях[2].

чего не *думавши*, идет (Хемн.). И подстрекаем *быв*, бодрится (Держ.). Возсядь — и в гуле гор игривом На арфе древние следы Из праха *извлекав* забвенья... Грянь... (Держ., Новгородский волхв Злогор). Волк *евши* никогда костей не разбирает (Крылов).

Большее количество в памятниках XVII в. форм на **-я**, соответствующих тем, где у нас возможны еще или исключительно в употреблении формы на **-в (-вши)**, объясняется, вероятно, прежде всего тем, что современный письменный язык менее свободно в данном случае выражает факты живых говоров, нашедшие себе выражение уже в ранних памятниках восточнославянской письменности (ср. в Мирн. грам. новгородцев 1195 г.: Оже не правять, то князю явяи людем взяти свое у гости; в Русск. правде: Да аще будя [будеть] обидя...) и перешедшие в позднейшую письменность как литературные.

Примеры вроде *скиня* не выжили из-за отсутствия поддержки в параллельных формах несовершенного вида.

Случаи типа *уведая, прочитая*, первые ласточки тенденции и в III классе провести черту, получившую свое развитие в IV классе, немногочисленные и в XVII в. (ср. колебание *уведая — уведав*): А прочитая сее нашу царскую грамоту... отдавати им назад (Грам. царя Феодора Иоанн. князю Вымской земли Лугую, в списке,— пис. в 1586 г.), не распространились. Иногда они встречаются в XVIII и еще реже в XIX в.: На ту беду у них был в доме дворный пес, Который обоих хозяев *не узная*, Вдруг бросился на них, как Цербер адский лая (В. Майков, Елис.). Ах! многим бы желал то правило приинять, Чтоб, вес *узная* свой, высоко не летать (Судовщиков, Опыт искусства). Покуда, страсть *уразумея* Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взором Галатея Не увлечет... К победе неги мудреца (Барат.). Известны такие параллельные образования от форм будущего времени изъяв. наклонения других глаголов; ср., напр.: А уду червяком *прикроя*, Поймаешь лучшего из рыб героя (В. Майков, Рыбак и Щука). Лиса глядь, глядь, туда, сюда, Как будто совести *почувствуя* улику... (Дмитр., Лиса-пропов.). Примеры из писателей первой половины XIX в.— РЛЯ пп. XIX в., 1954, стр. 135.

О распределении деепричастных форм прошедшего времени в литературном языке первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., стр. 133—134.

[1] Основы на **д, т** здесь совпали с основами на гласный, так как **д, т** выпало перед **л** прошедшего времени: *сел, прял — сев(ши), напряв(ши)*.

[2] Считаю прогноз Кудрявского «...живою формою следует считать форму на **-в(ши)**, которая, быть может, и станет впоследствии единственной формой деепричастия прошедшего времени» — решительно расходящимся с фактами. Господство форм на **-в** уже для конца XIX в.— факт, не возбуждающий никаких сомнений.

§ 34. Замечания о префиксах.

1. С точки зрения сравнительно-исторической некоторые русские префиксы вообще представляют любопытный факт. По происхождению и в основном по употреблению именными являются **па-**, **пра-**, отчасти **су-** (sǫ-): *память, падчерица, прадед, праотцы, супруга, сутки* (*sǫ-tъ-ку) и под. Их соответствия в системе глагола выступают как **по-**, **про-**, **съ-** (из *sъn-). Имена с **по-**, **про-**, **с-** представляют уже производные от глаголов, т. е. в аспекте сравнительно-историческом — относительно новый слой префиксальных образований. С точки зрения происхождения соответствующих гласных звуков (см. «Фонетика», § 7) различие между первою и второю группою префиксов количественное: первые восходят к дославянским *pō-, *prō-, sōn-, вторые — к *po-, *pro-, *sm̥ (s + слоговое m). В славянских языках, до сих пор сохраняющих количественные различия гласных, например, в чешском или в сербском, противопоставление долготности именных префиксов сокращению их гласных в системе глагола проведено вообще с большой последовательностью[1].

2. **Оби-.** Вопрос об этой форме префикса естественно встает в связи со словом *обиход*. Относительно недавно он был рассмотрен В. И. Чернышевым в статье «О некоторых русских префиксах и предлогах»,— Язык и мышление, XI, 1948, стр. 376 и сл., но, несмотря на привлеченный автором богатый материал, главным образом диалектный,— без этимологических результатов. Хотя этот префикс может быть отмечен и вне восточнославянских языков,— серб. *обилазити* «ходить кругом; обходить», свой вид он, вероятно, приобрел на восточнославянской почве. По-видимому, это — аналогическое образование, возникшее так или иначе в связи с *ити* «идти»: *об-йти, с дальнейшим переразложением *оби-йти. Прежде всего по этому образцу возникло *обиходити (обишьлъ* и под.), относительно широко распространенное в разных говорах и засвидетельствованное в памятниках; за ним последовал ряд других глаголов со значениями той же смысловой сферы; в памятниках: *обистояти* «окружать; осиливать»; *обисѣсти, обисяду* «окружить, обойти»; *обитекати* «обходить» (в «Житии Феодора Студийского», XIII в.); *обиступати, обиступити* «обступать, обступить». Что касается *обизаряти* «озарять», то эта форма отмечена в южных «Пандектах Антиоха», а *оби-*

[1] Подробности см. в статье автора — «Отношения глагольных и именных образований в чешском языке»,— Филол. сборник, № 3, 1951 г., Киев, унив. им. Т. Г. Шевченко, стр. 47 и сл.

Новые серьезные соображения об этимологическом отношении **съ-** и **сѫ-** недавно высказаны в труде известного польского ученого Е. (Jerzy) Курыловича — «L'apophonie en indo-européen» (на французском языке). Wrocław, 1956, § 26, стр. 233. То и другое он одинаково возводит к древнейшим *SON или *SUN (<*SN̥). В независимом употреблении (иначе говоря, в конце слова) из *SON, *S̊UN фонетически получалось ***sъ**, в составе слова (иначе говоря, в серединном положении) — ***sъn-**.

зрѣти «осмотреть» — в западном памятнике — грамоте рижан около 1300 года. В обоих памятниках эти образования могут отражать специальное условие — приставное **и** перед двумя согласными (сначала — при *зрети*, потом — у родственных по смыслу). С южной или западной почвой могут быть по своему происхождению связаны и редкие случаи (два) *обизрѣтися*, отмеченные в «Материалах» Срезневского, II, стр. 506[1]. Уединенное *обисияти* «окружать сиянием» не ясно, но обращает на себя внимание, что форма это отмечена как раз в том памятнике (в «Житии Феодора Студийского»), где встречается и уединенное *обитекати*.

3. Элементы слова, которые мы называем префиксами, исторически, в чем нет никакого сомнения, восходят к предлогам. Обращает на себя внимание префикс **роз- (раз-)**, не имеющий себе соответствия в виде особого предлога. В некотором родстве с ним состоит только древнерусское наречие, по-видимому, только книжное, **развѣ** (развѣе), употреблявшееся иногда и в функции предлога со значением «кроме» (ср. и нынешнее *разве*, *разве что*)[2]. В качестве предлога в настоящее время raz известно только диалектно словенскому языку в значении «с (сверху)»: raz konja stopiti «сойти с коня» и под. (ср. и наречие razen «кроме»). Очень немногочисленные северные диалектизмы в виде **разо** отмечены Чернышевым в упомянутой статье, стр. 386; значение — «через»: «что ты разо всю улицу кричишь?» (черепов.); «У меня разо все платье пятно-то масляное расплылось» (ярослав.).

4. Префикс **ʹвы- (vy-)** представляет особенность восточнославянских и западнославянских языков сравнительно с южными (**из-** в качестве префикса в русском языке характеризует заимствования из старославянского). Отдельные примеры vy- известны, впрочем, словенскому. В качестве предлога оно нигде не сохранилось. Среди других префиксов **вы-** занимает особое место по своему ударению: кроме него, глагольные префиксы, как правило, не имеют на себе ударения в инфинитивах и формах системы настоящего времени, тогда как **вы-** в образованиях совершенного вида подударно. Для объяснения его специальных особенностей недавно выдвинута мысль, будто этот префикс — германского происхождения[3]. Согласиться с этим трудно, так как такого рода догадка предполагает очень глубокое проникновение германского влияния в древнейший период жизни славянских языков, а этого до сих пор никто убедительно доказать не смог.

---

[1] Диал. *обизор* «позор; стыд; поношенье» и производные, возможно, поздний факт — контаминация с *обида*.

[2] Подробнее см. «Синтаксис», § 14. К этимологии — А. Преображенский, Этм. словарь русск яз., II, стр. 174—175.

[3] A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, 1950, §§ 83, 92.

§ 35. Замечания о супплетивных формах.

С самых древних известных нам состояний языка семантически объединенные группы форм могли быть представлены образованиями от разных корней. Старейший пример — хотя бы *есмь — быти*, лит. esmì — búti, лат. sum — fūi (perf.), др.-инд. ásmi — babhū'va (perf.) и под. В языках, однако, в том числе и русском, не всё, что относится к фактам этого рода, представляет наследие старины.

Мы и сейчас можем наблюдать в отдельных случаях нарождение новых супплетивных отношений и на них видеть по крайней мере отдельные мотивы, вызывающие супплетивизм.

Явление конца XIX и начала XX в. представляет фактическая утрата косвенных падежей ед. ч. от слова *дитя*, выпадавших из общей системы русских склонений и заменившихся соответствующими формами от слова *ребенок*. Характерно при этом, что как раз прямое соответствие слову «ребенок» множественного числа — *ребята* семантически отчасти порвало с ним связь и получило значение интимного или фамильярного «парни» («Ребята, не Москва-ль за нами?...» Лерм.), а ближе к нашему времени — «школьники» и под.

Распространена в языках тенденция образовывать от другого корня множественное число к слову «человек». Ср., напр., принятие болгарским языком уже после XVI в. греческого *хора* «страна» в значении «люди». В русском употреблявшиеся еще в книжном языке XVIII в. в торжественном слове *человеки*, *человеков* и т. д. теперь окончательно вытеснены существовавшим издревле параллельным *люди*. *Человек*, *человекам* и т. д. осталось в употреблении только при числах *пять* ... *десять* и под.

В случае *год*, *года* и т. д., но род. мн. *лет — с этих лет*, *шестьдесят лет* — супплетивная форма — результат старого семантического параллелизма (ср. «въ лѣто...»).

Многочисленны параллели супплетивности форм сравнительной (превосходной) степени в других языках и как раз у наиболее употребительных слов (ср. хотя бы лат. bonus — melior — optimus «хороший — лучший — наилучший», нем. viel — mehr — am meisten «много — больше — всего более»). Тут решающая роль, видимо, принадлежала обилию вариантов, из которых часть получила позже морфологические признаки сравнения. В качестве сравнительных первоначально могли выступать прилагательные, обозначавшие просто большое содержание определенного качества. Ср. обратное — нынешнее *большой* — по происхождению форма сравнительной степени — при *больший* (ц.-слав.) со значением сравнительности.

Насколько в этом отношении возможен был выбор, показывает хотя бы сравнение со старославянским, где для значения «лучшего» в употреблении были слова: *лучий*, *уний*, ср. и *сулий* «лучший, более подходящий», *рачий* (в наречном значении «лучше,

скорее, охотнее»), *лѣпльй* «более красивый» и под. (четыре первых не имели при себе однокоренных в положительной степени). Заметим еще, что русское *хороший*, видимо, факт в языке более поздний, чем сравнит. *лучший*[1].

В русском глаголе, если исключить отношения видовых форм, супплетивизм мало распространен: при *иду*, *идти* мы имеем прошедшее время *шел* (корень *шьд*-, родственный *ход*-; ср. *chьd-), при *еду* — инфинитив *ехать*. Оба эти факта представляют явления уже дорусские. Раннему супплетивированию корня **i** — «итти» способствовала его краткость. Как в *иду*, так и в *еду* -д- представляет собою утративший продуктивность формальный элемент; ср. др.-инд. yā-ti «он идет, едет», лит. jó-ju «еду». Примета **-х-**, спорного происхождения, в инфинитиве могла явиться, как в других случаях, для усиления слишком короткого корня.

О *поезжай* упоминалось в § 26.

О супплетивности личных местоимений см. в § 18.

Иной вид супплетивности представляют нарушения обычных отношений между числами имен тем, что каждое число имеет свои суффиксальные приметы. Две большие категории таких отношений описаны выше (§ 17).

Частные случаи представляют: *курица*, но *куры*, *кур* и т. д. Различие основы единственного и множественного числа явилось, по-видимому, в результате того, что *куры* первоначально употреблялось как общее имя и для «куриц» и для петухов (им. ед. ч. *куръ*). В «Домострое» читаем: у сьвиней или у гусей, или у курав... (42), ...ни куром, ни гусем, ни уткам... (44). Ср. еще: двадцать куров (Юрид. акты, 1610 г.).

В XVIII и первой половине XIX в. еще свободно во множественном числе употреблялись формы с суффиксальным **-иц-**: Не думал никогда увидеться я с вами — Бедняжка *курицам* сказал... (В. Л. Пушкин, Ощипанн. петух). Ощипанный Петух, собрав остаток сил, От *куриц* лыжи навострил (там же). Но и: «Какое дело нам до шалостей твоих? Все *куры* в голос закричали».

Ед. ч. *судно* — множ. ч. *суда*, род. *судов*. Такие отношения были уже фактом для XVI в., а установились, вероятно, еще раньше: Пошли есмя к Дербенти двема суды: в одном судне посол Асамбег..., а в другом судне 6 москвичь да 6 тверичь (Хож. Аф. Никит.,— Срезн. III, 609). Но известно было и «правильное» образование множественного: ...А было де их восмь суден, а в суднах человек с двести и болши. И как де будут у них на куренях, его Петровых товарыщей и иных Острогожских казаков, которые для рыбных ловель были на речке Черной Колитве, и с суднами и с ружьем и запасы побрали с собою насилно 23 человека (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. Петра Хованск., 1682 г.).

---

[1] По вопросу о нем см. С. П. Обнорский, Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке,— Язык и литер., III (1929), стр. 241—251. Предположения автора, впрочем, сомнительны.

Судъ и *судьно* первоначально одинаково обозначали «сосуд, посудина». Ср.: Прислал к нему с послы его судна с три серебреных (Мат. пут. Ив. Петлина, 279). Слово могло также иметь значение «орудие, оружие для боя».

Судно как единственное число могло возобладать из-за отталкивания от омонима (в им.-вин.) *суд* «суд», употребительного главным образом в единственном числе. Нынешнее *суда* — вм. старого *суды* муж. р., как можно заключить по родительному на **-ов.**

Цветок, но *цветы*. Ср. и укр. *квітка*, но *квіти* (при *квітки*). В ст.-славянском *цвѣтъкъ* имеет значение «цветочек», *цвѣтъ* «цветок». *Цветок* вытеснило прежнее *цвет*, вероятно, из тенденции к различению значений «окраска» (цвет) или «часть растения, рождающая плод и семя» и «цветок» (цветок). Во множественном это достигалось различием форм *цветы* и *цвета́*. К тому же, повидимому, нередко в древнерусском слово *цвѣтъ* употреблялось в значении собирательном.

Употребление *цветы* в значении «цвета́» возможно было еще в первой половине XIX в.; ср.: «Все радужны *цветы* мелькают и блестят И яркостью своей Щегленка взор прельщают» (А. Измайлов, Павлин, Щегленок и Воробьи).

Особая основа в одном только родительном множественного у слов *борьба*, *мечта*, *мольба* установилась в литературном языке, вероятно, ввиду сомнений, как должны звучать соответствующие формы при прямом их образовании: *бореб* или *борьб*, *мечет* или *мечт*, *молеб или мольб*. Слова все эти книжные, и подход к ним был у тех, кто впервые хотел ими воспользоваться, конечно, искусственный. Чтобы выйти из затруднения, пишущие прибегли к однозначным *борений*, *мечтаний*, *молений*.

Впрочем, издавна встречалось и *мечт*, ср., напр., у Державина: «Не все ли виды нам природы Лишь бывших мечт явятся сонм?» (Бессмертие души).

Слюна и слюни (мн. ч.) не представляют действительного супплетивизма: это разные образования, не различающиеся по смыслу. Супплетивны в суффиксальной части слова отношения: краткие формы — со́лон, солона́, со́лоно ... (из *solnъ, *solna; ср. серб. сла̂н и под.), но членные (полные) — солёный, солёная и т. д. восходят к причастиям страдательного залога прош. времени от глагола *соли́ть*.

По поводу глагольных отношений типа *ошибиться* : *ошибусь* и под. см. §§ 25 и 29.

§ 36. Итоги исторических изменений в склонении и спряжении.

Состав синтаксических форм[1] нынешнего литературного русского языка сравнительно с его прежним состоянием позволяет констатировать такие изменения:

[1] О «синтаксических» формах говорим здесь, имея в виду такие, которые играют роль в связях.

1. Из употребления вышел ряд категорий узкого семантического значения или специальной психологической окраски. Сюда относятся: утрата двойственного числа (полная — в глаголе и с различными отложениями — в именах существительных), звательных форм[1], супинов (достигательных форм), числительных типа *двои*, *трои*, относившихся к именам существительным, которые употреблялись только во множественном (pluralia tantum) или представляли названия парных предметов, энклитических местоимений: *мя*, *тя*.

2. Сократилось разнообразие примет склонения в тех же самых падежах и числах: вымерло почти полностью мужское склонение типа *гость*, род. п. *гости*, типа *камы*, род. *камене*, типа *дьнь*, род. *дьне*, типа *судии*, род. *судиѣ*, сред. р. *тѣло*, род. *тѣлесе*[2], женского рода — типов *богыни*, *пустыни*, род. *богынѣ*, *пустынѣ*, *букы*, род. *букъве*, *телѧ*, род. *телѧте*, и др.[3].

3. Утрачено именами прилагательными и родственными им по флексии категориями былое различение грамматических родов во множественном числе.

4. Сократилось количество форм, служивших передаче родственных (близких) временных значений в глаголе (ср. утрату аористов и имперфектов — § 25).

5. Старая система аналитических (составных) форм спряжения претерпела ряд изменений.

а) Форма перфекта — ...Послася изяславъ к нему, река: ци сам есмь сѣл кыєвѣ? посадили мя кыяне (Лавр. сп. Сузд. лет., 105), утратила свой аналитический характер благодаря опущению вспомогательного глагола (что́ встречается уже с начала восточнославянской письменности).

б) Утраченными оказались: формы давнопрошедшего (прошедшего предварительного), состоявшие из вспомогательного глагола **бѣхъ** или **бѣахъ** и т. д. (ср. еще специально вост.-слав. 1 л. ед. ч. **бяхъ**, 3 л. ед. ч. **бяшеть** и под.) и причастий на **-лъ**, **-ла**, **-ло**:

Матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ єще бо не бяху ся оутвердили вѣрою. Но акы по мертвеци плакахся [sic! — плака-

[1] Звательная форма в живой ее функции вымерла в русском языке очень рано. Искусственное возрождение фактически уже вымершей формы представляют, например: «Тако рече князь велики *Дмитрие* Иванович...» (Задонщ. по сп. XV в., 83—84). С явной стилистической установкой звательную форму *старче* вводит Пушкин в свою «Сказку о рыбаке и рыбке»: «Чего тебе надобно, *старче*?».

[2] Остатки его — только формы мн. ч. *небеса* и т. д., *чудеса* и т. д.

[3] В XVI и XVII вв. как живая категория вполне еще обычны формы на -я среднего рода; ср., хотя бы: «...так *понеслось одно утя* шилохвость...» (Письмо ц. Алексея 1663 г.); «...*первое утя* убил...» (там же).

хуся] (Лавр. спис. летоп., 41)[1]. И рече ему Олга: «видиши ли мя болну сущю? камо хощеши от мене ити? бѣ бо уже разболѣлася (Новгор. 5 летоп., под 6477 годом). ...И несъше погребоша ю на мѣстѣ, идеже повелѣла. И бѣ заповѣдала Олга не творити трызни над собою» (там же). ...а Святослава Ростиславлица выгнаша, зане бѣ Ростиславъ, отечь его, изморилъ братью в погребѣ и много имѣния их взялъ» (Новгор. 5 летоп., под 6668 годом)[2], и формы будущего предварительного (употребляющегося часто также в условном значении): ...Кого буду прикупилъ, или хто ми ся будеть въ винѣ достал... или хто ся будеть у тыхъ людии женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ єсмь волю (Дух. в. кн. Сем. Ив.). Оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправливая бога дѣля (Лавр. спис. Сузд. лет., 173а). Или не будет и истьца... целовав ему крест, куны ему взяти у Новагорода, колько будет дал... (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих., 1325—1326 г.).

в) В форме условного (сослагательного) наклонения (ср. § 28): Єда быхъ ся постриглъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 104 об., β). Людемъ силно налегшимъ а быша легко дошли цьркве (там же, 96 об., α) — вспомогательный глагол превратился в частицу **бы**.

г) Из образовывавшихся в древнерусском форм давнопрошедшего времени типа *отняли были, имали были*[1] [ср. еще в начале XVII в.: Поехал был к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіи, и к тебе к государю... архимандрит Феофил с образы и святой водой челом ударити; и мы с Петром Головичем (sic! — Головиным), не допуская Ростова, с дороги его воротили, для бездорожици... (Письмо Ив. Волынского к гетману Яну Сапеге, 1608—1609 г.) ...И к тебе, государю, мы, нищие богомольцы, из Ярославля поехали были, и, недоехав, государь, до Ростова, стретили нас Иван Иванович Волынской да пан Петр Головин, и по твоему государева слову нас воротили (Письмо архим. Ярославск. Спасск. монаст. Феофила гетм. Яну Сапеге, 1609 г.). ...писали... что генваря в 11 день пошли были из Смоленска полковник Тумашевской со многими с польскими и с литовскими людьми на Бельскую дорогу стоять и отнимать дороги (Прих.-расходн. книга золотых, 1623—1629 гг.). ...Сидели они от Тюрхменцов в осаде, укрепясь, 20 ден, и с ними были помирилис... И после де того, те Тюрхменцы опять с ними задралисе и почели их грабить... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова 1620—1622 г.)] — обособился

[1] Не выжила в дальнейшем в старом виде и древнерусская замена форм давнопрошедшего: был отъял (Новг. грам. 1265 г.); Тимоѳей был, господине, иам ту землю и с житом отдал (Юрид. акты, 1490 г.), и под. Возможно, что к аналитическим формам (сочетаниям) этого рода восходит известная сказочная формула *жили-были*.

вспомогательный глагол-частица **было** со значением начавшегося, но не закончившегося, не увенчавшегося успехом и под. действия: *пошел было*, *сказал было* и под.: ...Воров каменьем з города отбили; и они уж были у Каличьих ворот и ворота было отняли (Письмо чернеца Семиона к келарю Авраам. Палицыну, 1608 г.)[1].

В целом, таким образом, русский язык проявил тенденцию к сокращению употребления глаголов-связок или к превращению их в частицы.

д) В форме будущего времени несовершенного вида над всеми другими связками, бывшими раньше в употреблении (*иму*, *начну*, *учну*[2] и др.), возобладала наиболее абстрактная **буду** (в этой роли не засвидетельствованная вообще в древнейших памятниках) и реже — с эмоциональной окраской *стану;* ср. из старинного языка: ...И внидемъ в роту а ты к намъ, да ни вы начнете бояти ся насъ ни мы васъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 120 β—120 об., α). Кто иметь держати споръ с своимъ баскаком, тако єму будеть (там же, 170а).

6. Значительно выравнялась дифференцированная по характеру согласных перед передненебными флективными приметами основа (материальная часть слова); ср.: *руке*, *о волке*, *ноге*, *о друге*, *сохе*, *о страхе* (др.-русск. *руцѣ*, *вълцѣ*, *нозѣ*, *друзѣ*, *сосѣ*, *страсѣ*) — рука, рукою, волка, волку и под.: *волки*, *боги*, *страхи* (др.-р. *вълци*, *бози*, *страси*) — волков, богов, страхов; *пеки*, *зажги*, *стереги* (ст.-сл. *пьци*, *жьѕи* и под.) — пеку, жгу, и под. Заслуживает внимания при этом, что выравнивания

[1] В украинском языке составные формы вроде *ходив був*, *помiчав був* и сейчас факт живого употребления и в значении давнопрошедшего времени или предварительного прошедшего, и, в зависимости от контекста,— начатого, но не закончившегося действия. Относительно нередки подобные формы и в русских говорах. В. И. Чернышев (Труды Инст. русск. яз. Акад. наук., I, 1949, стр. 218—220), думаю, вполне справедливо толкует было, заменившее в таких случаях согласованные *был*, *была* и т. д., как простую утрату согласования, а не как остатки безличных в прошлом предложений с двумя актами мысли (Потебня).

[2] Ср. еще даже в XVII в: ...А впредь, государь, чаеть, и больши не учну(т) ходить на работу (Хоз. Мороз., I, № 88). Изредка такое употребление встречалось в говорах даже в еще совсем недавнее время: С. А. Еремин., напр., в Описании Уломского и Ваучского говоров Черепов. уезда Новгор. губ.»,— Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, XCIX, № 15 (1922) упоминает, что здесь наряду с буду «совершенно на равноправном положении» употребляются *иму*, *стану*, *хочу*, *начну*, *почну* и др.

Новейшая теория (K. Rösler, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slavischen,— Wiener slavist. Jahrbuch, II, 1952, стр. 103—149, согласно которой аналитические формы — **буду**... с инфинитивом представляют, будто бы, результат осуществившегося с XVII века (в конечном счете) немецкого влияния («...совпадения западных литературных влияний с вызванным распространением царского государства на запад непосредственными взаимовлияниями между русскими, украинцами, и белорусами»,— стр. 145) не убеждает: ареал этих форм слишком велик, и проходят они в народную речь слишком глубоко, чтобы их можно было отнести за счет какого-либо иноязычного литературного влияния.

совершались даже вопреки фонетическим особенностям русского литературного языка: **ке, ге, хе** существуют в нем, оставляя в стороне заимствованные слова, только в морфологических группах (упомянутой, *кем* и *ткешь*) и появились еще даже до перехода **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** (XIV в.): Дъмъкѣ — в сев.-русск. Минее 1095 г.

7. Под влиянием тенденции к уменьшению фонетической весомости конечных слогов с звуковой характеристикой, не существенной для различения соответствующих категорий, изменились приметы: твор. ед. ч. женского рода существительных и прилагательных на **-ою, -ею** изменился в **-ой**: *рукой* из *рукою*, *землёй* из *землёю*, *сильной* из *сильною*, *синей* из *синею*[1]; утратилось неударяемое **и** в повелительном наклонении: *стань, поставь;* **-ся** в глаголах после гласных изменилось в **-сь:** *родилась, казалось* и под.; неударяемое окончание инфинитива **-ти** перешло в **-ть:** *видѣти — видеть*. Сюда же, вероятно, надо отнести и переход во 2 л. ед. ч. **-ши** в **-шь.**

В исторических (совершившихся на русской почве) изменениях форм склонения имен существительных вообще охранялась дифференциация признаков отдельных категорий (ср. имен. мн. мужского склонения на **-á, -я́** при родительном ед. ч. с **-а, -я** без ударения; род. мн. мужского склонения без окончания при именительном ед. ч., имеющем другую примету (§§ 3, 6); местный ед. с ударяемым **-у** обычно при неударяемом **-у** в родительном, —§ 2).

Отступающий случай представляет частичное распространение на **о**-основы окончания род. пад. ед. ч. **-у**, при дательном ед. ч. с таким же окончанием,— падеже у той категории имен существительных, на которую распространилось окончание **-у** в родительном ед. ч. (материальные, абстрактные), без предлога малоупотребительном. — Что касается вытеснения именительного мн. ч. винительным в о-основах, то этому отклонению способствующими оказались несколько моментов: 1) отсутствие подобного различения во множественном числе у **а-** и **ь**-основ; 2) давнее неразличение именительного и винительного в ед. ч.; 3) тенденция к устранению смягчающих окончаний.

---

[1] Из ранних примеров такого изменения формы творительного падежа ед. числа женск. рода см.: «что будешь у мене взял *воиной* в тот месяць...» (Догов. грам. вел. кн. Дмитрия Иван. с вел. кн. тверским Мих. Александр., 1375 г.). Ср. там же: «А что еси поимал в Торжку *воиною...*»

В местоимениях-прилагательных — параллельное явление: *которою — которой, тою — той*; но в местоимении **ею**, не употребляющемся в качестве определения, хотя форма **ей** иногда и выступает у писателей первых десятилетий XIX в.: И подшед Филон к прекрасной, *Ей* не встречен в первый раз (Гриб., Молодые супруги). Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога! Зачем же *ей* играть и так неосторожно? (Гриб., Горе от ума). Найдется тысячу несчастных от нее На одного, кто не был *ей* обманут... (Крылов, Пастух и Море),— старое окончание уступило место новому только после предлога — *с ней*, так как предлог очерчивал значение, иначе становившееся нечетким: ср. дат. пад. ед. ч. *ей*.

Омонимными стали, однако, окончания ряда форм в склонении имен прилагательных, знаменательных и местоименных,— черта, имеющая параллели в других языках и объясняемая природой прилагательных как категории, сопровождающей имена существительные. Существительные сосредоточивают в себе суть падежных различений, тогда как для прилагательных последние имеют гораздо меньшее значение.

9. Приобретения в области флективных морфологических категорий сводятся: к появлению частичной дифференциации падежей предложного и местного в склонении ед. числа мужского рода (ср. § 3), к частичной же дифференциации родительного вообще и родительного «количественного» (определенного и неопределенного количества), — ср. § 2. И то и другое приобретение представляют результаты семантической утилизации избыточных примет падежей, принадлежавших разным основам.

10. Новыми категориями нефлективными, развившимися из старых флективных, являются: деепричастия и сравнительная степень наречного типа, обе возникшие за счет категорий исчезнувших (причастий действительного залога и склоняемых прилагательных в сравнительной степени).

11. Книжным путем из родственного чужого языка введены: причастия действительного залога и страдательного на **-нный,** полезные главным образом для целей более экономного выражения усложненного фразного содержания, и получившие относительно слабую продуктивность причастия наст. врем. страдат. зал. на **-мый.** Этим же путем вошли в литературный язык формы превосходной степени (*сильнейший*, *величайший*) и не выжившие такие же формы сравнительной.

IV. УДАРЕНИЕ.

§ 1. Вводные замечания.

Ударение русского литературного языка, рассматриваемое вне его истории, производит впечатление исключительно прихотливого: им. ед. ч. *голова́*, род. ед. ч. *головы́*, дат. ед. ч. *голове́*, но вин. ед. *го́лову*; или имен.-вин. мн. ч. *го́ловы*, но род. мн. ч. *голо́в*, дат. мн. ч. *голова́м*, тв. мн. ч. *голова́ми*, предл. мн. ч. *голова́х*; ед. ч. м. р. *мо́лод*, ед. ч. ср. р. *мо́лодо*, мн. ч. *мо́лоды*, но ед. ч. ж. р. *молода́*; 1 л. ед. ч. *хочу́*, но 2 л. ед. ч. *хо́чешь*, 3 л. ед. ч. *хо́чет*; прош. вр. м. р. ед. ч. *по́нял*, ср. р. ед. ч. *по́няло*, мн. ч. *по́няли*, но ед. ч. ж. р. *поняла́*, а инфинитив *поня́ть* и под.

Собственно исторический материал, т. е. материал, извлекаемый из памятников русского языка (важнейшее относится к XIV веку), хотя и позволяет констатировать некоторые значительные изменения в месте ударения слов в позднейшее время, не дает обыкновенно достаточно убедительных данных для истолкования ряда своеобразных фактов, относящихся к этой области. Значительно больше дает сравнительно-исторический метод, т. е. сличение показаний русских наречий, других славянских языков и отчасти некоторых индоевропейских.

Далеко не всё, однако, из прихотливых отношений в системе современного литературного русского языка может быть легко объяснено и таким путем: ряд фактов еще не получил своего объяснения в науке вообще; другие, объясненные с большой правдоподобностью, требуют для своего истолкования привлечения очень большого и специального материала из родственных языков, притом материала, указывающего на то, что причины этих явлений в большинстве лежат в пластах глубокой древности.

Полезно поэтому, не претендуя на объяснение в данной области всего и даже многого, ограничиться использованием положений наиболее отчетливых, построенных на материале, относительно легко доступном проверке. Вот важнейшие из таких положений.

Индоевропейские языки в их древнейшем состоянии имели подвижное ударение, т. е. ударение, которое могло приходиться на самые различные части слова — и материальную, и формальные (разные части основы и флексию). Те ограничения подвижности ударения, которые наблюдаются, напр., в известных нам древних языках — греческом и латинском [1], явно вторичны, т. е. представляют собою результат позднейших фонетических процессов жизни данных языков. Еще менее соответствуют старине такие черты позднейшего развития, как ударение в основном на материальной (корневой) части слова — в германских языках или фиксированное конечное — в французском. Славянские языки (в большинстве) с теми или другими ограничениями сохранили былое свободное ударение, и как раз восточнославянские языки, и в их числе русский, менее других отклонились в этом отношении от первоначального типа.

Важно знать,— эта особенность очень отчетливо представлена санскритом и отчасти сохранена в литовском языке,— что подвижность ударения характеризовала индоевропейские языки в доступном нашей реконструкции более древнем состоянии также и в том, что касается состава парадигм склонения и спряжения: по месту ударения могли противопоставляться друг другу не только те или другие слова вообще, но и разные слова того же корня и даже больше — разные формы того же самого слова или те же формы, но разных типов (основ) склонения и спряжения.

Так, напр., в санскрите в тематических формах глаголов ударение в парадигме неподвижно, но формы настоящего времени изъявительного наклонения выступают с разным местом ударения в единственном и множественном числе: ḗmi «иду», но imáh «идем»; véda «знаю», но vidmá «знаем»; односложная основа pāt «нога» в винительн. пад. ед. ч. имеет ударение на корне — pā́dam и так же в им. падеже мн. ч.— pā́dah и в им.-вин. падеже двойственного — pā́dā, а в других формах склонения — на флексии: padí (мест. п. ед. ч.), padáh (род. п. ед. ч.) и т. д.

Лишь относительно редко известны нам семантические основания былых вариаций ударения. Есть серьезные основания предполагать, напр., что различие места ударения в отглагольных o-основах соответствует различению активного и пассивного признака: вор — род. п. ед. ч. во́ра, мот: мо́та, трус: тру́са (действующее лицо), но кол, род. п. ед. ч. кола́, плот: плота́, стол: стола́ и под. (предметы действий; ср.: *колоть*, *плести*,

---

[1] В латинском не может быть ударяем последний слог слова; предпоследний слог имеет на себе ударение, если он долог; ударение не может быть ближе к началу слова, нежели на третьем слоге от конца слова. В древнегреческом ударяемыми могут быть только три последних слога слова. Восходящие ударения (акуты) только в том случае могут стоять на третьем слоге с конца слова, а облеченное (сперва повышающееся, а потом спадающее) на предпоследнем, когда последний слог по своей природе краток.

стлать[1]. Ср. в греческом различение — имя прилагательное : производное от него существительное: leukós «белый»: leúkos «белая рыба» и под., и по месту ударения противоположное славянскому отношение в отглагольных именах существительных: tomós «режущий, острый»: tómos «разрез, отрезок», forós «несущий, (о ветре) попутный» : fóros «взнос, дань, подать».

Едва ли не в большинстве случаев мы вынуждены, если не хотим обращаться к более или менее смелым гипотезам, ограничиваться констатациями определенных давних особенностей места ударения в тех или других смысловых и формальных категориях и устанавливать фонетические условия позднейших отражений в доступных нашему изучению живых языках.

Так, в основном мы можем, напр., согласиться, что глаголы на -ēti (-ѣти) при изъявительном наклонении на **-i-** первоначально имели накоренное ударение: слы́шать (из *slýšēti), укр. ви́сiти (при более новом русском ударении висе́ть), а формы типа гляде́ть, лежа́ть и т. д. возникли в результате фонетического передвижения ударения на следующий слог.— Факты литовского языка с его sūnús: вин. п. ед. ч. súnu и под. заставляют подозревать у u-основ имен существительных исходную подвижность ударения в склонении, и под.

Как доказывает сопоставление славянских показаний с тем, что обнаруживается в других индоевропейских языках, славянские гласные **а** и **ы** первоначально были долгими, как соответствующие звукам: первый — **ā** (долгому **а**) или **ō** (долгому **о**) других индоевропейских языков; второй — как восходящий к **ū** (долгому **u**). Ср.: 1а) русскому *ба-ю* «говорю» соответствуют др.-греч. fā-mi «говорю», лат. fā-ri «говорить»; русск. брат, чеш. bratr — др.-греч. frā́tōr «член братства», лат. frāter «брат». 1б) Русск. *по-яс* — др.-греч. zōstós «подпоясанный» (**z** — из более раннего **j**), литов. juóstas с тем же значением (литов. **uo** из **ō**); русск. *зна-ть* — др.-греч. gignṓscō «знаю», лат. (g) nō-sco. 2) Русск. *мышь* — древнеинд. mūš, др.-греч. mȳs (др.-греч. **ȳ** (**ü**) — из **ū**); русск. *быть* — древнеинд. bhūtíš «бытие», литов, búti.

Долгими же были гласные: **i**, соответствующее долгому **i**(ī) или дифтонгу **ei̯**, **ēi̯** других индоевропейских языков; ср.: 1) русск. *грива* — древнеинд, grīvā́ «затылок»; русск. *ил* — др.-греч. ī́lȳs; русск. *линь* — литов. lýnas (в литовском письме **y** — долгое **i**); 2) русск, *до-стиг-ать* — др.-греч. steíchō «ступаю, иду»; русск. *зима* — др.-греч. cheĩma, литов. žiemà (литов. **ie** — из *ēi̯); **е** (**ѣ**), соответствующее долгому **е** или дифтонгам ai̯, oi̯ (āi̯, ōi̯), ср. ст.-слав. вѣ̆ра — лат. vērus «истинный», готск. tuz-wērjan «не доверять»; ст.-слав. *сѣмѧ* — лат. sēmen «семя», литов. sėmens «льняное семя» (литов. ė — из **ē**); 2) ст.-слав. *лѣвъ* «левый» — др.-греч.

[1] Первоначальное зиачеиие слова *стол*, как и сейчас в арабском,— «то, что простлано».

laiós из *laiu̯os; ст.-слав. *берѣте* (повел. накл. мн. ч.) — др.-греч. féroite «чтобы вы несли» (желательность), «несите»; **ū**, соответствующее дифтонгам au̯, ou̯ (со смягчением предшествующего согласного **eu**); ср. русск. *сухой* — др.-греч. aũos (из *sau̯sos), литов. saũsas; русск. *тур* «дикий бык с громадными рогами, водившийся в Европе до XVII в.» — др.-гр. taũros, лат. taurus.

Краткими первоначально были звуки **о** и **е**; первый — как соответствующий **а** (краткому а) или **о** (краткому о) других индоевропейских языков; ср.: русск. *ор-ать* «пахать» — др.-греч. aróō «пашу», лат. arāre «пахать»; русск. *дом* — др.-греч. dómos, лат. domus; второй — как соответствующий краткому **е**; ср. русск. небо — др.-греч. néphos «облако», лат. nebula «туман», нем. Nebel с тем же значением; русск. *мёд* — греч. méthy, литов. medùs, др.-верхненем. metu.

Редуцированными, т. е. звуками, более короткими, чем нормальные краткие гласные, были звуки **ъ** (из краткого **u**) и **ь** (из краткого **i**), в определенных положениях в славянских языках отпадавшие или выпадавшие, а в других положениях переходившие в те или другие, в отдельных языках разные, гласные полного образования.

Кроме сопоставления с другими индоевропейскими языками, положение о том, что звуки **а, у (ы), і, u (у), ě** были искони долгими, а **о, е** и **ъ, ь** — краткими, может легко быть доказано показаниями самих некоторых славянских языков, в первую очередь — сербского (сербохорватского), где соответствующие факты особенно прозрачны. Во всех славянских языках, еще сохраняющих количественные различия или достаточно определенные отражения этих различий, в положении перед конечным ударением первая группа (долготных гласных) выступает в виде долгих, вторая группа (краткостных) — в виде кратких. Вот, например, как эти отношения иллюстрирует чакавское наречие (говор Нового) сербохорватского языка: род. пад. ед. ч. plāsta̍: русск. пласта́; род. пад. ед. ч. plāšća̍: русск. плаща́; krāde̍: русск. крадёт; dāje̍: русск. даёт; līce̍: русск. лицо́; krīlo̍: русск. крыло́ (из *крило*); vīno̍: русск. вино́; dūša̍: русск. душа́; slūga̍: русск. слуга́; cēna̍: ст.-слав. цѣна; zvēzda̍: ст.-слав. звѣзда; stēna̍: ст.-слав. стѣна.

Для рефлекса **у (ы)** примеры этого положения (перед ударением) редки; см. штокав. с оттянутым восходящим ударением си́та : русск. сыта́ (медовая).

Но: gora̍: русск. гора́; dobrota̍: русск. доброта́; kosa̍: русск. коса́; čela̍: русск. пчела́; žena̍: русск. жена́; peče̍: русск. печёт; selo̍: русск. село́; veslo̍: русск. весло́; buha̍: ст.-слав. блъха; daska̍: ст.-слав. дъска.

Заметим, что исходную долготу по соображениям, аналогичным тому, что только что сказано, надо принять и для рефлексов носовых гласных, а также рефлексов звукосочетаний, пред-

шествовавших восточнославянскому полногласию (*tort, *tolt и под.) и группам *ţьrt, *tьlt и под.; ср. серб.-чак. : trēsȅ : русск. трясёт, ст.-слав. трѧсеть; rūkȁ : русск. рука́, ст.-слав. рѫка; mūkȁ : русск. мука́, ст.-слав. мѫка; glāvȁ : русск. голова́; brádȁ : русск. борода́; (d)lētȍ : русск. долото́.

Долгота былых *tьlt и под. ясна из шток. жу̑ња : русск. желна́ «дятел» из *žьlna˙; имен. падеж ед. ч. жен. рода русск. тверда́: шток. твр́да из *tvьrda˙.

Как позволяет заключить сличение славянских языков между собою, с одной стороны, и с балтийскими (литовским и латышским) — с другой, в древнейшем состоянии все они различали *интонации* (движения тона) как определенную принадлежность ударяемых и неударяемых слогов каждого слова. Из славянских — этимологическая (историческая) тональность до сих пор сохранена, как сказано, в сербохорватском и в диалектах словенского языка, которые поэтому являются важнейшими источниками наших сведений об интонационной старине. Сохранили интонации и оба живых балтийских языка (литовский и латышский). Косвенные данные, иногда не уступающие по значению прямым свидетельствам сербского и словенского, дают языки чешский, словацкий, польский, кашубский, памятники вымершего полабского и болгарский.

Распределение старых интонаций было тесно связано с *количеством* и происхождением соответствующего слога. Рефлексы *долгих монофтонгов* искони имели интонацию *восходящего* характера (условно называемую *акутовой* «острой» или *акутированной*), рефлексы *дифтонгов* — интонацию *нисходящего* характера (условно называемую *циркумфлексовой* «загнутой» или *циркумфлектированной*)[1]. Нужно, однако, иметь в виду, что наряду с обыкновенными дифтонгами существовали еще и *дифтонги с долгой слоговой частью* (**āi̯, ōi̯, ēi̯, āu̯, ōu̯, ēu̯**), указания на которые извлекаются из свидетельств др.-индийского, др.-греческого и других языков. Рефлексам таких дифтонгов, в отличие от обыкновенных, принадлежала *акутовая* интонация. Гласные *краткие* имели свою интонацию, которая, судя по косвенным данным, качественно напоминала циркумфлексовую.

Всё существенное, касающееся характера интонаций и отношений дифтонгов в чередованиях, проявляется в природе очень распространенных в славянских языках *дифтонгических сочетаний*, условно реконструируемых в виде: **tort**, **tert**, **tъrt**, **tьrt**, **tolt**, **telt**, **tъlt**, **tьlt** (т. е. **or**, **er** и т. д. между двумя согласными), причем здесь и русский язык, вместе с украинским и белорусским утративший старые интонации и только наиболее

---

[1] По терминологии акад. Ф. Ф. Фортунатова, распространенной главным образом среди ученых так называемой «московской» школы, — *длительная и прерывистая* долгота.

верно из всех славянских языков, как показывает их сличение с другими индоевропейскими, сохранивший старое место ударения слов, оказывается в случаях полногласия отчетливо сохранившим и следы старых интонаций. Это доказывают сопоставления хотя бы с сербским и словенским:

1. Русск. *горóх, порóг, морóз, берёза, колóда, ворóна, дорóга, сорóка;* сербск. гра̏х, пра̏г, мра̏з, бре̏за, кла̏да, вра̏на, дра̏га «долина», свра̏ка; словенск. gràh, род. gràha, pràg, род. prága, mràz, род. mráza, brę́za, kláda, vrána. drága «долина» и под.

2. Русск. *вóлос, гóлос, кóлос, гóлод, вóрот, хóлод, вóрон, мóлод, дóрог, зóлото;* сербск. влâс, глâс, клâс, глâд, врâт, хлâд, врâн, млâд, дрâг, злâто; словен. vlâs, glâs, klâs, glâd, vrât, hlâd, vrân, mlâd, drâg, zlatộ (из zlâto), т. е. в полногласных сочетаниях русского языка, развившихся из старых односложных групп (**tort** и под.), прежнему движению тона в пределах слога стали соответствовать различия в месте ударения теперь ставших двусложными сочетаний.

Различие интонаций в рефлексах групп **tort, tert** и под. объясняется различием количества сонорного звука в них: tort, tert и под. рефлектировались с циркумфлексовой (русск. **óро, éре, óло**), а tor̄t, ter̄t и под. (т. е. с долгими **r** и **l**) — с акутовой интонацией (русск. **орó**, ерé, **олó**).

Так же, как различались интонациями tort, tert и т. д. и tor̄t, ter̄t и т. д., различались ими и другие дифтонгические сочетания: сочетания редуцированных гласных с плавными согласными: tъrt, tьrt, tъlt, tьlt (с циркумфлексовой) и tъr̄t, tьr̄t, tъl̄t, tьl̄t (с акутовой); носовые гласные: ǭ, ę̄ (из om, en и под.) с циркумфлексовой и ǭ, ę (из om̄, en̄ и под.) — с акутовой интонацией. Ориентацию в соответствующих случаях дают опять-таки языки сербохорватский и словенский; ср.: русск. полный — серб. пу̏н, русск. долгий — серб. ду̏г; но русск. волк (др.-русск. вълкъ) — серб. ву̑к, словен. vȏlk; русск. торг — серб. тр̑г «товар», словен. tȓg; русск. мýка — серб. му̏ка, диал. словен. mǫ́ka; но русск. дуб — серб. ду̑б, словен. dǫ̑b; русск. мя́со — серб. ме̑со, словен. mesǫ̑ ·(из mę̑so).

Сказанное об интонациях в основном относится к слогам подударным и неударяемым, начальным, срединным и конечным. Нужно, однако, иметь в виду, что главным образом последние в роли флективных элементов (примет склонения и спряжения) очень часто представляют большие усложнения первоначальных отношений. Объясняется это тем, что гласные флексии в ряде случаев являются продуктами различных стяжений (типа **о + ī**, **ō + i** и под.), характеризовавшихся новыми особенностями интонированья, во-первых,— и, как носители определенных смысловых функций формального порядка, легко подвергались действию разных уподоблений родственным формам — во-вторых. Важно еще и то, что фонетические законы конца слова (в мень-

шей мере — начала) нередко специфичны, отличаются от законов слогов серединных (серединное, напр., oj рефлектируется всегда как ě (ѣ), но конечное в зависимости от специальных условий может выступать и как i). Всё это вместе взятое не позволяет безоговорочно применительно к конечным слогам прилагать установленные положения об отношении характера интонации срединного слога и происхождения гласного славянского из соответствующего древнейшего. Важные указания на характер интонации конечных слогов, независимо от былой интонации корневых слогов, дают полабские тексты: в полабском ударение перетягивается на конечные циркумфлексовые и краткостные гласные и не переносится на акутовые.

На славянской почве явились новые интонации (они неизвестны как соответствия ни древнегреческому, ни балтийским языкам). Их три. Называются они новоакутовая (долготная), новоциркумфлексовая (долготная) и вторая, или новоакутовая, интонация краткостей. Из них для восточнославянских языков не представляет интереса явившаяся в специальных условиях из акутовой и опознаваемая главным образом по показаниям словенского и кашубского языков — новоциркумфлексовая; но две другие определенным образом отложились и в истории русского языка.

Новоакутовая интонация по своему происхождению обычно восходит к старой циркумфлексовой. Условия ее появления почти во всех случаях, где она наблюдается, спорны, но опознается она без всяких затруднений по показаниям чакавского наречия и посавских говоров штокавского наречия сербохорватского языка, где выступает как особая долготная восходящая интонация, и эти показания косвенным путем, но тоже вполне отчетливо, находят себе подтверждение в соответствующих фактах языков словенского, чешского, словацкого, польского, кашубского и др. В восточнославянских языках новоакутовая интонация внешне совпала с акутовой: чакавск. vrátiš, mlátiš — русск. воро́тишь, моло́тишь, укр. воро́тиш, моло́тиш; чакавск. grája — русск. диал. горо́жа, укр. диал. горо́жа; чакавск. (род. п. мн. ч.) gláv, brád, русск. голо́в, боро́д, укр. голів, борід и под.[1]

В тех же самых морфологических категориях, где на долготных по происхождению гласных появилась из циркумфлексовой новоакутовая, на гласных по происхождению краткостных (o и e) являлась вторая (новоакутовая) интонация краткостей. Наиболее ясные указания на нее дает словенский язык, в котором, кроме конечных слогов, краткие гласные удлинились и выступают в соответствии древнейшей славянской новоакутовой — с восходящей долготой: nǫ́si «но́сит», vǫ́zi «во́зит» и под.

[1] О специально-украинских отражениях этой интонации см. в статье автора «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці укр. наголосу», — Мовознавство», № 7, 1936 г.

(в других случаях, при старой интонации краткостей, удлиненные **о** и **е** в словенском выступают с нисходящей интонацией): им. ед. vǫ́lja «воля», kǫ́ža «кожа»; род. мн. sóv «сов» и под.

В ряде говоров русского языка, преимущественно — северных, в начальном слоге слова вторая интонация краткостей опознается по переходу **о** в у͡о; ср., напр., в говоре Леки, бывш. Егор. уезда, Рязанской губ.: гуóнит «гонит», пруóсьут «просят», вуóльа, куóжа; в никольском говоре, описанном Мансиккою,— род. мн. суоф, нуок (сов, ног) и под.

В литературном языке след этой интонации отражен только в нескольких словах архаического и стилистически народного слога, в которых перед начальным подударным **о** явилось **в**: *вотчина*, *вотчим*, *вострый* и в слове *восемь* (старинное *осмь*); ср. словенск. ǫ́tčim, ǫ́ster, ǫ́sem. Подробности ниже, стр.

§ 2. Основные явления, предшествующие памятникам.

Важнейшие явления ударения и интонации славянских языков, уясняющие современные отношения русского языка, следующие:

1. Явления, охватываемые так наз. законом Фортунатова — де Соссюра. Согласно этому закону, ударение с циркумфлексового (циркумфлектированного) долгого или с краткостного слога переходило на долгий акутовый.

В славянских и балтийских языках отсутствуют поэтому, как правило, возможные фонетические положения: в двухсложных словах — «начальный циркумфлектированный подударный гласный или краткостный гласный и следующий за ним неударяемый акутированный по происхождению слог», или, иначе говоря, «подударный гласный, являющийся по происхождению простым дифтонгом или краткостным гласным, и следующий за ним гласный неударяемый, исторически восходящий к монофтонгу или дифтонгу с первой долготной частью»; в трехсложных словах — «подударный начальный циркумфлектированный или краткостный гласный и следующий за ним акутированный гласный».

Переносу ударения на долгий акутовый не препятствовал промежуточный слог, если его гласный был редуцированный, краткий или долгий циркумфлектированный.

Отражающие этот закон категории:

1) Бородá : бóроду, боронá : бóрону, полосá : пóлосу, водá : вóду, горá : гóру, косá : кóсу.

Соответствующие формы именительного падежа ед. ч. восходят к древним *bo͘rdā́ *bo͘rnā́ и под., *vo͘dá, *go͘rá и под.[1] (͘ — здесь знак подударной нисходящей интонации, ʹ — восходящей безударной).

---

[1] В отступающих случаях, вроде *вóля*, *кóжа*, словенский указывает на особый характер интонации **о** — vǫ́lja, kǫ́ža.

2) Бе́рег : на берегу́, во́рот : на вороту́ (см. поговорку — «Брань на вороту́ не виснет»), нос : на носу́, воз : на возу́, род : на роду́, мед : на меду́.

3) Литер. род. и дат. ед. ч. гру́ди : местн. пад. ед. ч. в груди́ (им. мн. ч. гру́ди); сев.-русск. род. и дат. ед. ч. во́лости: местн. пад. ед. ч.: в волости́; литер. род и дат. ед. ч. ко́сти, пе́чи, но́чи : местн. пад. ед. ч. на кости́, на печи́, в ночи́.

Перенос через циркумфлексовый слог иллюстрируют сев.-руск.— на площади́, в очереди́; ср. род. и дат. ед. ч. пло́щади, о́череди [1].

Швед: Да где ж, у трона, впереди, иль назади? Русский: Совсем не там,— на площади́ (Держ., Разг. русск. с шведом).

Такие ударения встречаются у поэтов приблизительно до последней четверти девятнадцатого века: На роковой стою очереди́ (Тютчев). Там сбыт малеваному хламу, На этой затхлой площади́ (рифма — *не подходи́*) (Фет), и др. Их узаконяла грамматика А. Востокова («Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», 1874, 12 изд. § 184).

4) В твор. падеже мн. ч. ь-основ по этому же закону: людьми́, костьми́, плетьми́; ср. им. мн. лю́ди (сербск. љу̏ди), ко́сти, пле́ти.

5) В нечленных формах прилагательных перенос на окончание ед. ч. жен. рода: мо́лод, мо́лоды : молода́, ве́сел, ве́селы : весела́, зе́лен, зе́лены : зелена́.

6) Акутовым характером окончания 1 л. ед. ч. настоящего времени глагола объясняется передвижение: хочу́ : хо́чешь, хо́чет; могу́ : мо́жешь, мо́жет... мо́гут.

7) Этот же закон отражен в случаях: ра́довать (сербск. ра̏д), ми́ловать (сербск. ми̏ло), ра́товать (сербск. ра̏т «война»), но зимова́ть (сербск. вин. п. ед. ч. зи̑му), пирова́ть (сербск. пи̑р), горева́ть, ночева́ть и под.

Закон этот обнаруживается и в длинном ряде иных случаев, но требующих специального углубления в материал других языков и учета действия многочисленных выравниваний (грамматической аналогии).

2. Закон А. А. Шахматова — Авг. Лескина. Циркумфлексовая интонация и старая интонация краткостей под ударением первоначально встречались только в начальном слоге. Это заставляет предполагать, что в тех случаях, когда они ранее были на серединных, они оттягивались к началу. Так же, как в

[1] К важнейшим из давних ограничений переноса таких ударений через слог относится до сих пор не имеющая вполне удовлетворительного объяснения категория — образования с суффиксом **-ък(а)**, **-ьк(а)**: боро́дка, голо́вка, ру́чка, но́жка, ср. вин. п. ед. ч. бо́роду, го́лову, ру́ку, но́гу, т. е. слова с циркумфлектированными и краткостными корнями.

Ожидаемое фонетическое отражение имеем, однако, в близко родственной категории: пыльца́, рысца́ (ь-основы — *пыль*, *рысь* и др. исторически обобщили циркумфлексовую интонацию), сольца́ с утраченной подвижностью ударения (вин. пад. ед. ч. пыльцу́, сольцу́ и под.).

сербохорватском и словенском языках, этот закон особенно отчетливо проявляется в русском языке в случаях оттягивания ударения на предлоги. Последние воспринимались как нечто единое со словом, которым они управляли, и поэтому начальный слог слова фонетически действовал как серединный; ср. на́ берег (бе́рег), за́ волосы (во́лосы), за́ мостом, на́ мост (ст.-слав. мостъ). (Ср.: Чем на́ мост нам итти, Поищем лучше броду (Крылов, Лжец), по́ снегу (сербск. снêг), за́ воду, на́ гору, на́ поле, на́ море, за́ лесом (сербск. лêс), на́ зуб (сербск. зȳб): Зуб на́ зуб не попадает.

Действием этого же закона объясняются, может быть, отношения в префиксальных образованиях прошедшего времени: *на́чал*, *на́чало*, *на́чали*, но ед. ч. ж. р. *начала́*, *у́мер*, *у́мерло*, *у́мерли*, но ед. ч. ж. р. *умерла́* и под.[1].

3. Ударение со слога краткостного или циркумфлексового перетягивалось на следующий циркумфлексовый, если за ним следовал слог с редуцированным гласным. Ср.: де́сять — деся́тка (древн.— десѧтъка), у́пряжь : упря́жка (упрѧжька), слу́чай : случа́йно[2] (древн.— сълучајьно), у́жас : ужа́сно (древн.— ужасьно).

То же имело место в тех немногих случаях, где слог, следовавший за циркумфлексовым или краткостным, был краткостный: колоко́льня (ср. ко́локол), пятёрка (ср. пя́теро, серб. пêт «пять»), шестёрка.

4. Ударение в пределах рядом находящихся слогов со вто-

---

[1] Наблюдая действие данного закоиа в этой морфологической категории, следует, однако, иметь в виду, что уже в древиейший период в иее вошло много слов, получивших циркумфлексовую иитонацию вторично — по аиалогии. Показания языков сербского и словеиского не оставляют сомнеиий, что такие, напр., глаголы, как «был», «дал», «жил», «пил», и ряд других, имели раньше не акутовую интонацию корня в соответствии происхождению своих корневых гласиых из долгих монофтонгов, а циркумфлексовую. Это все̑ глаголы, имевшие когда-то в формах на -л- конечное ударение, т. е. звучавшие *жилъ́, *жила́, *жило́, *жили́, ио уподобившиеся типу с подударной циркумфлексовой интоиацией корня и переносом ударения (по закону Фортунатова — де-Соссюра) на конечный акутированный слог в форме ед. ч. жеиск. рода, во мн. ч. среди. рода и др Подобно *на́чал*, но *ничала́* теперь имеем *про́был*, *про́дал*, *за̀дал*, *про́жил* и т. д.— *пробыла́*, *продала́*, *задала́*, *прожила́* и т. д.

Только в результате смыслового разрыва с простым глаголом *забы́л*, *забы́ла* выступает с неподвижным ударением.

Специально об этих явлениях в прошедшем времени глаголов — «Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы»,— Доклады и сообщения Института русского языка Акад. иаук СССР, 1948, стр 18—48.

Параллельны переносу ударения с корня на префиксы отношения, наблюдаемые при частице не: не́ дал, не́ жнл, не́ пил, но не би́л, не бри́л, ие зна́л, и под.— К действию данного закона не относится, однако, подударность префикса вы-, не связанная с характером интонации корневого гласного; вы́бил, вы́брил и под.— Подробно о законе Шахматова см. в изданиом Акад. наук СССР сборнике статей и материалов — «А. А. Шахматов», 1947, стр. 399—434.

[2] Свидетельства сербского, словенского и др. языков согласно говорят, что в префиксальных образованиях ь-основ и о-основ, если оии имели краткостный или циркумфлексовый префикс, заударная долгота носила циркумфлексовый характер.

рого редуцированного гласного переносилось на первый: гумьно́: *гумьнь|це : гуме́нце, лукъно́ : *лукънь|це : луко́нце, полотьно́: *полотьнь|це : полоте́нце, кольцо́ : *кольчь|ко : коле́чко, крыльцо́: *крыльчь|ко : крыле́чко.

5. Переход нечленных прилагательных в членные сопровождался такими изменениями (метатониею) в словах с односложной основой: 1) акутовые подударные долготы корневых слогов, изменив интонацию в новоциркумфлексовую, остались на старых местах [1]; 2) ударение с циркумфлексовых долгот и с краткостей перешло на членную часть слова; 3) в словах с ударяемой флексией ударение оказалось оттянутым на корень [2].

Ср. к 1) сербск. дӯг, сӣв, мӣо, тӣх — русск. долгий, сивый, милый, тихий; но 2) сербск. мла̑д, дра̑г, зла̑т, су̑х, ту̑п, бо̑с — русск. молодой, дорогой, золотой, сухой, тупой, босой; к 3) сербск. ср. р. — бе́ло < бело, цр̀но < црно, го̀ло < голо, до̀бар (ср. р. — добро́ < добро) — русск. белый, черный, свежий, хоро́ший (ср. р. бело́, черно́, свежо́, хорошо́); го́лый, до́брый.

Принципиально те же отношения, но с некоторыми специальными усложнениями имеем у прилагательных на **-ьнъ, -ьна, -ьно:**

1. Ве́рный, си́льный, сла́вный, боло́тный, моро́зный, ср. — ве́ра, си́ла, сла́ва, боло́то с накоренным неподвижным ударением, что указывает на акутовую интонацию корня, и сербск. вѐра, сӣла, сла̄ва, бла̄то, мра̄з.

2. Ручно́й, лесно́й, мясно́й, головно́й, смешно́й, родно́й, тройно́й, ср. — *рука, лес, род, голова* с подвижным ударением (рука́ — ру́ку, лес — в лесу́ — леса́, голова́ — го́лову, со́ смеху) и сербск. ру̑ку (вин. ед.), ле̑с, ме̑со, гла̑ву (вин. ед.).

3. Тру́дный, гре́шный, ко́нный, со́нный, ср. — род. ед. труда́, греха́, коня́, сна (из съна́).

Часть слов типа второго, так как в именительном падеже ед. ч. женского рода, по закону Фортунатова — де-Соссюра, им принадлежало в нечленной форме конечное ударение, в членной уподобилась типу третьему. Так, вероятно, объясняются голо́дный, холо́дный (ср. го́лод, хо́лод) с рефлексами новоакутовой в русском и в некоторых других языках.

Производные от непрефиксальных дву- и многосложных существительных со срединным ударением или начальным акутовым сохраняют ударение существительных: кручи́на — кручи́нный, гвозди́ка — гвозди́чный, жа́лоба — жа́лобный, у́лица — у́личный.

При циркумфлексовой или краткостной интонации первого слога ударение переносится на членную часть: кружевно́й, островно́й [3] — кру́жево, о́стров.

[1] В русском языке эти соответствия представляют только сохранение старого места ударения.

[2] Принцип в важнейшем обоснован А. Беличем (Акценатске студиjе, 1913).

[3] Теперь в *остров* о уже не воспринимается как префикс.

Производные от **п р е ф и к с а л ь н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х** (абстрактных или слабо конкретизировавшихся) распределяются по таким основным группам:

а) приво́з — привозно́й, вход — входно́й, прое́зд — проездно́й. Эта категория, теперь очень производительная, видимо, первоначально не существовала и развилась под влиянием образований группы б);

б) о́тпуск — отпускно́й, при́куп — прикупно́й;

в) сбор — сбо́рный, спор — спо́рный, упо́р — упо́рный, позо́р — позо́рный, уга́р — уга́рный, уда́р — уда́рный, пожа́р — пожа́рный;

г) старин. поко́ра — поко́рный, укр. уго́да — уго́дный, опо́ра — опо́рный.

Префиксальные образования, не производные от существительных, сплошь вошли в сферу типа а): затяжно́й: обложно́й, отставно́й, покупно́й.

Группа префиксальных прилагательных с именным корнем имеет сплошь накоренное ударение: подру́чный, подко́жный, поиме́нный, побо́чный, наго́рный.

По-видимому, в очень большом количестве случаев русский язык пользуется книжными старославянскими и по их образцу созданными формами с ударением основного слога; таковы, напр., ве́чный (ср. сербск. *ве̏к*, которое дает повод подозревать, что русская форма имела бы конечное ударение, — и *вѣчну́ю* в Чудовом Новом завете XIV в.), за́падный (тип за́пад, судя по аналогиям словенского и сербского, имел циркумфлектированный префикс и заударную циркумфлексовую долготу, что заставляет ожидать ударения на членной части прилагательного), о́пытный (то же самое), о́блачный (то же).

Обращает на себя внимание также тот факт, что у прилагательных на **-ьн-** аналогия в большой мере распределила факты ударения в зависимости от семантико-синтаксических моментов, а именно: тип на **-ой, -ая...** возобладал у прилагательных, употребляющихся главным образом в роли определений, тип — на **-ый, -ая...,** т. е. с ударением на основе, употребляющихся также (в нечленной форме) в функции сказуемых: шально́й, шальна́я и т. д., мучно́й, мучна́я и т. д., свечно́й, свечна́я и т. д., отставно́й, отставна́я и т. д.; но бле́дный, бле́дная : бле́ден, гря́зный, гря́зная : гря́зен, го́дный, го́дная : го́ден и под.

Отступления, вроде больно́й : бо́лен, смешно́й : смешо́н, немногочисленны.

В ряде случаев, как отчасти ясно из уже сказанного, первоначальные фонетические отношения в области ударения сильно затерты действием грамматической аналогии. Не описывая многих таких грамматических категорий, ограничимся упоминанием большой и влиятельной одной: переносу типа молода́, дорога́ (ср. мо́лод, до́рог) в ед. числе жен. рода подвергались почти сплошь

имена прилагательные с односложной основой — слаба́, чиста́, сыта́, мала́ и т. д.; но ра́да, не имеющее параллельной полной формы, осталось свободным от воздействия этого образца.

§ 3. Исторические изменения в месте ударения.

Изменения места ударения на флексии, которые могут быть прослежены по памятникам и старым авторам, не очень многочисленны. Из них важнейшее относится к склонению имен существительных женского рода на **-а (-я)**, в которых тип с неподвижным конечным ударением всё больше подвергался в именительном множ. ч. влиянию типа «вода́ : во́ду, им. мн. во́ды». Так, в памятниках мы еще имеем: жены́, игры́, свечи́, скалы́, слуги́, сумы́ (вин. мн.), трубы́, шлей (вин. мн.) — (Домострой), жены́, сестры́ (Уложение 1649 г.) и под.

У писателей XVIII в. (частично и XIX в.) с конечным ударением выступают именительные пад. мн. ч.: беды́, вдовы́, вины́, войны́, доски́, дуги́, жены́, игры́, колбасы́, луны́, метлы́, норы́, поры́, свечи́, сестры́, сироты́, скалы́, скирды́, скорлупы́, слуги́, совы́, судьбы́, судьи́, сумы́, толпы́ и др. (ср. современ. вин. ед. ч. беду́, вдову́, вину́ и т. д.). Ср.: Ах, когда б я прежде знала, Что любовь родит беды́ (Дмитр.). Беды́ со всех сторон (Крылов, Два гол.). Война́ми укроти войны́ (Ломон., Ода 15). ...Ударив об доски́, заросши мхом, железны (Держ., Евг.). Когда в дуги́ твои сребристы Глядится красная заря... (Держ., Ключ). Захочешь, нечево, как с полночи пырнут Во все тебя дыры́, — как хочешь пробивайся! (Судовщиков). В него-то были все распутные жены́ За сластолюбие свое посажены́ (В. Майков, Елис.). К тому же дело щекотливо Любовницу себе в жены́ такую взять (Хемн.). С тобой игры́ и смехи, С тобой веселье, радость (Сумарок.). Я праздности оставлю узы́, Игры́, беседы, суеты (Держ., Благодарность Фел.). В задоре иногда в игры́ зело горячи Играем в карты мы, в ерошки, в фараон (Держ., Евг.). ...Радости, игры́ и смехи В век останутся с тобой (Нелед.-Мелецк.). Огнем и жупелом наполнены усы, О, как бы хорошо коптить в них колбасы́! (Ломон.). Берлину фабришь ты усы... Коптишь голландцам колбасы́ (Держ., На счастие). Цветами разными возженныя свещи́ Являют каждыя веселие души (Ломон., Ода 13). Зачем горят свечи́? Стократ милей кинкет (И. Долгорукий, Нечто для весельч.). Сестры́ и бабушки вокруг ее постели В безмолвии сидели (Дмитр., Причудн.). В плену сестры́ ее увяли (Лерм., Хаджи-Абрек). Дробясь о мрачные скалы́, Шумят и пенятся валы (Пушкин, Обвал). Уж проходят караваны через те скалы́, Где носились лишь туманы да цари-орлы (Лерм., Спор). И, право бы, в слуги́ к себе негоден был, Когда бы родом он бояриным не слыл (Хемн.). Судьи́ приказных дел у нас не помечали (Сумарок., Эпигр.). Тогда судьи́ им говорили: Мы дело ваше уж решили... (Хемн.) Судьи́, дьяки и прокуроры... Умильные мне мещут взоры

(Держ., На счаст.). Судьи́ всему, везде, над ними нет судей (Грнб.) — но у него же: А су́дьи кто? — Несем пустые лишь сумы́ (Дмитр., Мышь, удал. от света); Се он! и вслед за ним тех ратников толпы́ (Княжнин). ... Так за слоном толпы́ зевак ходили (Крылов, Слон и Моська). Вели в трубы́ гласить и на врагов восстань (Сумар., Хор.), но там же и: «И тру́бы их в крови противничей тонули». — Так точно, как среди камнна Теперь огонь щепы́ палит... (И Долгор., Нечто для весельч.)[1].

Если даже известное число случаев конечного ударения в именительном множ. числа, как вполне вероятно, нужно отнести на счет церковнославянского влияния, то малоправдоподобно, чтобы значительное число слов — бытовых понятий сохраняло у писателей только книжное, а не живое разговорное ударение. Наоборот, тип с конечным ударением оказался победившим в винительном ед. ч. в словах *овцу, свинью, семью*, которые, по грамматике Востокова, должны были иметь ударение на корне; ср. у писателей: «А в се́мью не включат — На нас не поднивн» (Гриб.). «Из стада серый волк в лес о́вцу утащил» (Крылов). На ударение *сви́нью* указывает рифма в Стар. сборн. XVII в., 241: Бьют быка да свинью не все то про Оксинью. Из поэзии XVIII в.: Из изб все люди побежали, И сви́нью ну травить... (Хемн., Два соседа); Со всех сторон на сви́нью напустили (там же). ...И с сви́нью был у них кулик (Н. П. Осипов, Виргил. Енейда, вывороченн. на изнанку, 1791 г.).

В женском склонении на согласный у двусложных (в им. ед. ч.) существительных с ударением на первом слоге утрачена сохраняющаяся и теперь в говорах севера ударяемость окончания предложного падежа: ср. *на площади́* у Востокова и примеры у писателей до последней четверти XIX в.

Подобные ударения хорошо засвидетельствованы в севернорусских говорах.

Немногие имена существительные старого склонения на -ęt- (-ят-), употреблявшиеся с ударением на корне, подвергались влиянию множ. числа тех, бывших в большинстве, у которых ударение падало на примету **-я**; ср.: Благими нравами богата, Прекрасных вну́чат приведет (Держ.). Ловецки раздаются роги, И вы́жлят лай и гул гремит (там же). У Грибоедова колебание: Извольте посмотреть на нашу молодежь, На юношей — сынков и вну́чат... В пятнадцать лет учителей научат, и: ...Переженил детей, внуча́т.

Ряд нечленных (кратких) прилагательных подвергся влиянию членных (полных). Так, по Востокову, в употреблении были еще в его время: *волён, грузён, красён* (о цвете), *ровён, коро́ток, ле́гок, ре́зов;* по Гречу, сред. род в

[1] Другие примеры см. у С. П. Обнорского, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, 1931, стр. 380—382 и РЛЯ пп. XIX в., 1954, стр. 150 и сл.

ед. ч. звучал: *красно́, синё, черно́* и под. У писателей XVIII в. и начала XIX в. находим: Умерен в хижине, чертоге, Раве́н в покое и тревоге (Держ., На умеренность). Не знаю, от чего, я как-то стал умен, Спокоен мыслями и нравом стал раве́н (Н. А. Львов, Гавриле Ром. ответ). А нос у журавля не очень корото́к (Сумар, Лисица и Журавль). Рассказ мой будет корото́к (Крыл., Ягненок). Срок буйства юных лет быть должен корото́к (Дмитр., Перев. Ювенал. сатиры о благородстве). Здоров ли? Всё так же ль лего́к его бег? (Пушкин, Песнь о вещем Олеге). А кошелек, как пух, и то́нок и лего́к (Полежаев, День в Москве). Ребенок был резо́в, но мил (Пушкин, Евг. Онегин). Ребенком он упрям был и резо́в, И гордо так его смотрели глазки... (Огарев, Характер). Конечно, сми́рен — все такие не резвы́ (Грнб.). Всё что-то видно впереди: Светло, синё, разнообразно (Грнб.) Ср. еще у Некрасова — черён, смирён: Гришуха черён, как галчонок, Бела лишь одна голова (Мороз-Красный нос)... Медведь смирён — Видно, стар годами (Мнх. Топт.). Теперь: *во́лен* (ср. во́льный), *гру́зен* (ср. гру́зный), *ро́вен* (ср. ро́вный) (*ровён* только в фразеологизме. «Не ровён час»), — движение аналогии, отражающее общий процесс замирания нечленных форм [1].

Ударение членных прилагательных с дву- и многосложной основой, в сравнительной и превосходной степени падавшее в книжном языке на корень, в ряде случаев сменилось под влиянием разговорных форм с ударением на -ée — ударением **е́йший, -е́йшая, -е́йшее**: ...Лице всходящия денницы И бодрость быстрыя Орлицы И в не́жнейших являлись днях (Ломон., Ода 7). Тем вящше озарили нас, Чем были мра́чнее печали (Ломон., Ода 15). Среди разгнанных мрачных бурь Всего пресве́тлее сияет Вокруг и злато и лазурь (Ломон., Ода 15). Ее одели там, как царскую особу, В бога́тейшую робу (Богданович). ...Для Душеньки, когда из мра́чнейшей пустыни Она во образе летящей вверх богини Нечаянно взнеслась... (Богданович). ...И что продлится то до по́зднейших времен (В. Майков). А ныне просьбу я пова́жнее имею (В Майков). А сла́внейших певцов стихи пребудут громки (В. Майков). Ты ведаешь, что я для ну́жнейших потреб Живущих на земли учила сеять хлеб (В. Майков). Без да́льнейших Эней хлопот Экзамен сдав на скору руку... (Н. П. Осипов). ...первое, что буду я стараться Без да́льнейших чинов скорей вас обвенчать (Судовщиков, Неслыханно, 1802 г.).

Тредиаковский упрекал Ломоносова в том, что он нарушал это правило ударения [2].

Причастия страдательного залога на **-нный, -нная, -нное** от односложных основ, оканчивающихся на **а**, в префиксальных формах под влиянием церковнославянского языка имели не оття-

---

[1] Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 194—196.
[2] Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 210.

нутое на префикс ударение. У классиков XIX в. и у их последователей еще в широком употреблении остаются формы типа *избра́нный, убра́нный, издра́нный, изгна́нный:* ...Что есть избра́нные судьбами Людей священные друзья (Пушкин, Евг. Он.); Ни музы, легкие подруги прежних дней, Изгна́нного певца не усладят печали (Пушкин, К Овидию); И под издра́нными шатрами Живут мучительные сны (Пушкин, Цыг.); И труп, от праведных изгна́нный, Никто к кладбищу не отнес (Лерм., Беглец)[1].

Страдательные причастия в нечленных формах женского и среднего рода ед. числа и в фомах множественного, употребляемые в качестве сказуемых, выступают в поэзии XVIII в. и в самом начале XIX в. с удвоенным **н** и ударением перед ним тогда именно, когда первоначально соответствующая форма имела конечное ударение, т. е. *ведённа* (ср. ведена́), *ведённы* (ср. ведены́), *рождённа* (ср. рождена́), *рождённы* (ср. рождены́), *бра́нна* (ср. брана́) и под. Примеры: «...Да здравствует Елисавет, Для Росской славы днесь рождённа, да будет свыше укреплённа Чрез множество счастливых лет!» (Ломон.). Не уповайте на князей: Они рождённы от людей (Сумар.). Она приняла то, к чему мы все рождённы, А ею дни мои толь стали огорчённы (Сумар,. Артистона). Что ж делать, коль судьбой вам так определённо? От вас веселие навеки удалённо (Сумар., Ярополк и Демиза). Мной будут все цари Ордынские прельщённы (Херасков). ...Басма твоя попра́нна Стопами храброго монарха Иоанна (Херасков). Во мне и хладен дух, и мысли расточённы (Нелед.-Мелецк.).

В памятниках и у писателей XVIII и начала XIX в. фонетический перенос ударения с существительных на предлог — обычное явление[2]: на́ дочерь, на́ друга, на́ сторону, по́ чину, при́ людях, про́ гости, про́ гость, про́ гостя, про́ семью, со́ страхом и др. (Домострой), по́ чину, во́ веки, на́ площадь, во́ страсе и под. (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож. II.), на́ бой (при набо́й), о́т города, по́ряду, на́стань (серб. ста̂н с разными значениями) и т. д. (Учение и хитр. ратн. строения), по́ сыску (Улож. 1649 г.), и под. Ворона сыру кус когда-то унесла И на́ дуб села (Сумар., Ворона и Лиса). Сыр выпал и́з роту Лисице на обед (Сумар., там же). Ан стала бе́з мужа пустехонька кровать (В. Майков). Забились по́д печи и спрятались в конуры (В. Майк.). Приходит только мне, что о́б печь головой! (Судовщиков). Ребята у́ моря со стариком гуляли И как-то на челнок напали (Хемниц.). Как и́з лука, стрела пустившись завизжала (М. Чулков). Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток; Там в шахматы, в шары иль и́з лука стрелами, Пернатый к потолку лаптой мечу леток И тешусь разными игра́ми (Держ.). Кубарить не любили Дел со́ дня на другой

---

[1] Ср. РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 236.

[2] Все примеры относятся к случаям нисходящей (циркумфлексовой) интонации или былой краткости корневых гласных (по происхождению).

(Держ., Афинейск. витязю). Как стрелы и́з лука пуще́нны, Летят они во весь опор (Держ., Колесница). Припав к луке летит, как и́з лука стрела (Дмитр., Причудн.). Но серна легкая все силы натянула: Подобно и́з лука стреле На̀д пропастью она махнула (Крылов, Лев, Серна и Лиса). Но на́ сына вдруг стал гонитель По наговорам злой жены (Н. П. Осипов). Сарматы множатся: грудь на́ грудь в бой идут (Завалишин). Друг на́ друга глядят, но говорить не смели (Дмитр., Лиса-пропов.). Сам думает: «Молчи ж — уж я тебя, воструху!» И, у́ друга на лбу подкарауля муху, Что силы есть, Хвать друга камнем в лоб (Крылов). От слова до́ слова прошенье прописала... (Измайлов, Скотск. правосудие).

Поздний, аналогический случай представляет «и́з стали» у Державина (Целение Саула): «Как искра, от кремня и и́з стали воспрянув, Так солнце излилось из мрака, возблеснув».

В течение XIX в. эта особенность заметно замирала. Востоков (§ 182) считал, что «переход ударения с существительных на предлоги ... употребителен только в просторечии». Русские стихотворцы первой половины XIX в. своей практикой не подтверждают этого мнения. Пушкин, напр., в этом отношении показывает себя еще вполне северянином и не только в вещах, стилизованных под народную речь: Город у́ моря стоит (Сказка о царе Салт.); Люди и́з моря выходят (там же), но и в таких, как «Евг. Он.»: Прямым Онегин Чильд-Гарольдом Вдался в задумчивую лень: Со сна садится в ванну со́ льдом...; Взвести друг на́ друга курок..., и под.

Перенос ударения на **не** у прилагательных: *не́ люб*, *не́ весел*, *не́ дорог*, *не́ молод*, *не́ солон*, нефонетический, к слову сказать, только в случае *не́ мил* (ср. Востоков, § 182) [1], по-видимому, в литературном языке окончательно вымер.

П а р о л ь к и н: Да что-то не́ весел. Х в а т а й к о: Ведь наш он челобитчик (Капнист, Ябеда). Вы что-то не́ веселы стали» (Чацкий в «Горе от ума») встречает реплику Фамусова, где ударение уже падает на прилагательное: Ах, батюшка! Нашел загадку — Не ве́сел я... В мои лета Не можно же пускаться мне в присядку.

Среди других заслуживает внимания перенос ударения на предлог со слова *это*, лишь очень редко еще встречавшийся в XX в. в говорах: Младенец молоко у матери сосет, И за́ это он мать еще и больше любит (Сумар., Эпиграмма). Болклив цырюльник был: молчати не умеет, А людям о́б этом сказати он не смеет (Сумар., Мид). Послушай, черт хромой! Ты знаешь, каково пошучивать со мной: Я за́ это тебе сверну к затылку рожу (Судовщиков, Неслыханное диво, 1802 г.) О, в этом, может быть, я вас обеспокою: Решиться на́ это никак не соглашусь (там же).

---

[1] Кроме последнего случая (не́ мил), все примеры относятся к циркумфлексовой интонации или к краткости.

Покойник бы мой тесть и за́ этим не гнался (там же). И на́ это, сударь, тотчас ответ я дам (Судовщиков, Опыт искусства). Как за́ это Змею Свинья благодарила! Боялись все замаранного рыла (А. Е. Измайлов). Есть свиньн из людей, которые невежд так превозносят, Да за́ это у нних чего-нибудь и просят (Изм., Кулик-астроном). Да он молчал, так за́ это бесились... (Изм., Утопленннца).

Вымершнм следует считать оттягиванне́ в прошедшем времени у глаголов с подвнжным ударением при двух начальных согласных. До середины XIX в. такая оттяжка встречалась. Из старых примеров см.: Я не́ спал, — и со звоном лнры Мой тихий голос соглася, «Блажен» — воспел я — «кто доволе́н...» (Держ., Вид. мурзы). А дома не́ спали лишь я да петухн (В. Майков). Не знаю, не́ драли они бы тут чего (В. Майков).

В русском литературном языке, кроме явно уже устарелых *при́дет — при́дут* н кннжн. *у́зришь — у́зрят*, нет случаев передвижения ударения на префнкс. В памятннках нмеем в соответствии древностн, подтвержденной свидетельствамн живых славянскнх языков — сербского, украинского н др., в том числе говоров русского: во́змешь, во́змет, на́чнется, недо́нмет, не́нмет, по́нмет, по́шлешь, по́шлют, у́мрет (Домостр.), на́чнут, по́чнет, по́шлет, обо́шлемся и под. (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож.); во́змет, на́ймется, у́чнет (Улож. 1649 г.).

Заметим еще, в XVIII в. в употреблении были, кроме упомянутого *при́йдешь* и т. д., еше *на́йдешь* и т. д., *по́йдешь* и т. д. Вот примеры: Варлам смнрен, молчалив, как в палату во́йдет, Всем низко поклоннтся, к всякому подо́йдет... (Кант.). Здесь нимфы Невской Ипокрены, Видения ее лишены, Сердцами по́йдут вслед за ней. Сердцами по́йдут, и устами В восторге сладком возгласят... (Ломон.). Куда не во́йдем мы, тот час Хороший стол, хорошн вины... (Сумар., Подушка н Кафтан). Не на́йдет лн еще он в доме жидких тел (В. Майков). Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Черных (Держ.). Но только лишь при́дет весна И роза вздохнет лишь румяпа... (Держ.). Я Ангела пишу: пусть в виде он Арапа, Для сходства, вместо ног, медвежья по́йдет лапа (В. Петров). Тут на́йдешь то, чего б не хитрому уму Не выдумать и ввек... (Дмитр.). Бесплодны до́йдут до кончины, Не зная алчной десятины (Раднщев). Более редки — с другимн корнями, в прошлом заключавшими в себе редуцнрованные гласные: Ннспо́шлет милость он свою В лучах божественного света... (Сумар.). Так его запальчивость тут во́зьмет угрюма (Кант., Сатнра IX). И любнмец Счастья во́зьмет свои покой (Держ.). Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал (В. Майков). Медведн, тнгры, львы, услыша нежной тон, Повесят морды вниз и во́зьмут угомон (В. Петров). Как ястреб голубей врозь на́чнет дум пырять И во́зьмет по строкам туда сюда пынять (В. Петров).

С Кавказом на Неву вдруг двинется Рифей, Альп, Етна, Апеннин, их сóрвет с мест Орфей (В. Петров). Дух! — и те дела не у́мрут, Производят что добро... (Держ., Время). Ср. еще у Дельвига: Отóпрешься ль? — Нет отзыва! Мы час стоим, другой стоим... (Две звездочки).

Под влиянием у́зришь, у́зрит и т. д. у Сумарокова это место ударения и в 1 лице ед. числа: ... Как у́зрю то во лжи, что в правде мне бывало (Элегия 9). Но в этом же стихотворении и обычное ударение узрю́: «...В которых [местах] я тебя узрю́ в последний раз...»

Видимо, бесследно исчезла из литературного языка и диалектов очень древняя особенность, еще довольно отчетливо отраженная в памятниках, — передвижение ударения в прошедшем времени глаголов класса **-и-** типа: говори́шь, твори́шь (с ударением на примете класса во всех формах, кроме 2 л. мн. ч., где ударение падало на окончание **-тé**). Как и в тех славянских языках, которые сохранили ее непосредственно (чакавское наречие сербохорватского и словенский) или сберегли ее отчетливые следы (кашубский), древнерусские памятники представляют эту особенность в таком виде: женский род в единств. числе имеет иногда ударение на **-а**, а во всех остальных формах ударение отходит на первый слог, не исключая префиксальных образований. Примеры из памятников: сóтворил (Апост. 1564 г.); нáпоил, нáсадил, пóсадил, пóложил[1], сóтворил и под. (Псалт. 1619 г.); при́ложили (Улож. 1649 г.). В современном языке единственный остаток такого ударения — ж. р. *родилá*,— форма специфически-женская по значению[2].

Значительно увеличилось в литературном языке число глаголов с приметой **-и-** в н а с т о я щ е м (будущем) времени, вместо ударения на ней (и **-я-** в 3 л. мн. ч.), получивших ударение на корне, — явление, отражающее усиление в литературном языке элементов южнорусских за счет северных и церковнославянских: *вáлишь*: Унес ли черт его? Да нет не провали́тся (Судовщ., 1802 г.); у Пушкина: Снег на землю вали́тся; *вáришь* (ср. у Пушкина: Ты пищу в нем себе вари́шь), *гáсишь*, *гу́бишь* (ср. у Сумарокова: Но кто меня губи́т, того не внушено (Синав и Трувор; у Хемницера: Ведь ты красу лица совсем тем погуби́шь...); *кáтишь*, *кóпишь*, *кóсишь* (Он яростной рукой в дыму врагов коси́т (Завалишин); *ку́тишь* (ср.: Жены бедные страдают, А мужья-глупцы — кутя́т (Судовщиков, Три брата-чудака): *лéнишься* (ср. у Державина, Лето: Мышлю, *лени́шься* петь в хоре прелестном); *лéчишь* (ср. у В. Майкова: Нет, знать, скорей судьба Мой краткий век промчит, Чем просвещение те нравы излечи́т); *пусти́шь* (ср. у Держ.: С брéгов суда спущены́; еще у Пушкина:

[1] *-ложить* в настоящем времени раньше имело ударение на примете класса — *-ложи́шь* и т. д. (ср. соврем. *ложи́шься*).

[2] Ср. Н. В а н - В е й к, Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, **XXIII**, 1918, стр. 106—112.

Огромный запуще́нный сад, Приют задумчивых дриад)[1]; *та́щишь*: А глупыя писцы их [рифм] ищут будто клад: В кривой таща́т их путь (Сумар.); И все сокровища из моря Тащи́т повергнуть ей к стопам, — Богданович (такое ударение еще обычно, напр., у Некрасова); *ту́шишь* (ср. у Держ.: И солнцы ею потуша́тся); *ве́ртишь* вытесняет еще недавно широко распространенное *верти́шь*, и под. Изредка наблюдается урегулирование в сторону конечного ударения; ср. у старых авторов: Мы просим, во́пим и желаем (Хераск.). Во́пит Марко несчастный в темнице, Во́пит жалобно, гласно взывает (Востоков). День прошел — царица во́пит (Пушк.). Еще Грот (Русское правописание, V) именно *во́пят* выставлял как нормативную форму, хотя в «Словаре русск. яз.» 1891 г. под его редакцией отмечалось только *вопя́т*; теперь установились: вопи́шь... вопя́т[2].

Слово *дыша́ть*, формы наст. времени которого издавна принадлежали и к тому и к другому классу, имело в них соответственно ударения *ды́шешь...*, *ды́шут* и *дыши́шь*, *дыша́т*: ...Противный воздуху, которым ныне ды́шу, Я гласы совести ежеминутно слышу (Сумар., Вышеслав). — А царь и не дыши́т, и не зевает (В. Майков, Лягушки, просящ. о царе). У Державина: Или средь рощицы прекрасной В беседке, где фонтан шумит, При звоне арфы сладкогласной, Где ветерок едва дыши́т... (Фелица). Любовью сердце умерщвленно. Но ей еще оно дыши́т (Цирцея). Под жемчу́гами драгими Груди нежные дыша́т (Русские девушки). У него же встречается, однако, и нынешнее ударение: «Как сседшая морская пена, Зефиром зыблется и ды́шит...» (Провидение). Ды́шут пока сады ароматно, Розы спеши собирать (Весна). Чуть ды́шут ветерки, Чуть слышан стон (Персей и Андромеда). — ...К Латину вдруг тогда примчались от Турна грозные гонцы, С весьма нерадостною вестью, Что Турн дыши́т... (Осипов). ...Отравою дыши́т и смертью угрожает (П. Гулак-Артемовский, Недоверчивость). Теперь, независимо от принятой орфографии, ударение в формах 2 л. ед. ч. и далее падает только на корень[3].

Многочисленны различия с современным нам языком в отношении глаголов класса **-ну-**:**-не-** у писателей XVIII—XIX в.:

---

[1] Ср. и в письме ц. Алексея 1650 г.: «Салдан *пущоное* одинова добыл..., а Казак *пущоное* одиново добыл. .», т. е., вероятно, «пущённое».

[2] Заслуживает быть отмеченным, что в подклассе **-и-** к инфинитивам на **-ѣть**, **-ать**, судя по широте распространения данной особенности, вероятно, еще раньше, — кроме уже упомянутого *ве́ртишь*, в формах настоящего-будущего времени изъяв. наклонения глаголов *терпеть* и *держать* в русском языке установилось, начиная со 2-го лица ед. числа, новое — накоренное ударение: те́рпишь, де́ржишь и т. д.

О том, что это ударение новее, чем укр. терпи́ш и т. д., держи́ш и т. д. (при вытесняющих их те́рпиш, де́ржиш и т. д.), свидетельствуют показания всех южнославянских языков; ср., например, болг. търпи́ш, държи́ш и т. д.

[3] Материал, относящийся к первой половине XIX в., см. РЛЯ пп. XIX., М., 1934, стр. 213—219.

...Так равномерный слог согласен, плавен, сладок... Как утка, в нем Пиит не тря́хнется, плывет (Петров, К вел. государыне). Не вздо́хнет горлица и соловьи не щелкнут (там же). ...Наклонит—изумруды блещут. Пове́рнет—яхонты горят. (Держ., Павлин). Куда ни ве́рнется: браздой сармат лежит... (Завалишин).

...Хоть и видел всё то дело, Как кокетка нечто смело Вдруг изволила склюну́ть... (Аблесимов, Быль 6).

В условиях различения былых интонаций корневых слогов (акутовой в одних случаях и циркумфлексовой и краткостной в других) в особной жизни русского языка развилось в возвратных формах прошедшего времени глаголов различение с одной стороны неподвижного ударения, с другой — факультативной подвижности: 1. би́лся, бри́лся, мы́лся; 2. ли́лся : лился́, ли́лось : лило́сь, ли́лись : лили́сь; сжи́лся : сжился́, сжи́лось : сжило́сь, сжи́лись : сжили́сь; сбы́лся : сбылся́, сбы́лось : сбыло́сь, сбы́лись : сбыли́сь.

Различение это, однако, вряд ли восходит к непосредственному различению интонаций, по-видимому, в период закрепления **ся** в русском языке при глаголах — уже утратившихся. Скорее, в данном явлении обнаруживается поддержанное новой тенденцией, при изменении состава слова, обобщение ударения ед. числа женского рода: би́лась, мы́лась, но лила́сь, сжила́сь, сбыла́сь, сначала проникшего в формы типа лило́сь, лили́сь, сжило́сь, сжили́сь, а потом перешедшее в ед. число мужского рода[1].

Сходное явление имеем в формах деепричастий типа обня́вшись : обнявши́сь, опёршись : оперши́сь; ср. у авторов XVIII в. также: «В три краты извивши́сь флот сильный на волнах, Возмог бы всем навесть отчаянье и страх...» (Херасков, Чесмесский бой); «Пред фрунтом извивши́сь по топкому болоту, Ручей предохранял от наступу пехоту» (Завалишин, Сувороида, 1796); «Слезами обливши́сь, объемлет он его» (Херасков, Чесмесский бой).

По показаниям близкого родича славянских языков — языка литовского, — форме им. падежа мужск. рода ед. ч. причастий наст. времени класса **-i-** действ. формы принадлежала циркумфлексовая интонация приметы класса. В древнейший период, в соответствии закону Фортунатова — де-Соссюра, в этой форме ударение с циркумфлексовых и краткостных слогов поэтому не переносилось на окончание. Лучше всего след этой былой особенности сохранили в русском языке происшедшие из таких причастий деепричастия т. наз. настоящего времени глаголов со старыми инфинитивами на **-ѣ-ти** *(сидеть, глядеть* и под.) и на **-'а-ти** с **а-**, восходящим к древнейшему долгому **е** или **ѣ** после шипящих *(лежать, стоять): сто́я, гля́дя, лёжа, си́дя* (ср. аналогические формы *сидя́, глядя́* и под.).

---

[1] Подробнее см. в статье — «Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы». АН СССР. — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. I, 1948, стр. 18—48.

Еще в XVIII и в первые десятилетия XIX в. в нередком употреблении была с таким ударением и форма *смо́тря*: ...И смо́тря на других, ои сына тож послать Учиться за море решился (Хемницер, Метафизик). Кощей мой, смо́тря на него, Себя ие помнит, утешает (Хемн.) ...Но утешаюсь тем, на наши смо́тря соты, Что в них и моего хоть капля меду есть (Крыл., Орел и Пчела). Напрасно, смо́тря на собачку, Ты вздумал, что тебе я также дам потачку (Крыл., Лев и Волк). Смо́тря на желтые листья, На лик помертвелый окрестной страны, Со вздохом себя вопрошаю... (В. И. Панаев). И сердцем далеко носилась Татьяна, смо́тря на луну (Пушк.).

Параллель нынешнему *су́дя* по... (к *судить*) представляло *хо́дя*: Там, хо́дя б вместе с ним, цветы себе рвала (Сумар.). Я, хо́дя целый день, ни разу не споткнулся... (Хемн., Конь и Осел). ...Часто хо́дя Меж кустами, тебя стану покликать (Кург.) Ср. в «Бове» Пушкина (1815 г.): Вот уже народ бессмысленный, Хо́дя в праздники по улицам, меж собой не разговаривал...

По Востокову (изд. 12, стр. 212): «Правильное ударение смотря́, сидя́, ходя́ свойственно важной речи».

Деепричастия настоящего времени от глаголов класса -je- с подвижным ударением (конечное ударение в 1 лице ед. ч. и оттянутое, начиная со 2 лица ед. ч.) выступают в языке писателей первой половины XIX в. зачастую не с конечным ударением, как теперь, а с ударением на предпоследнем слоге. Особенно выдержано такое ударение у Пушкина: Бле́ща средь полей широких, Вот он льется!.. Здравствуй, Дон! (Дон). ...И дре́мля едем до ночлега, А время гонит лошадей (Телега жизни). Мрачный вал Плескал на пристань, ро́пща пени... (Медн. всадн.). — ...И солнце вновь... на землю жар свой благодатный Льет с высоты лазури необъятной И, бле́ща, продолжает подвиг свой (Кюхельбекер). Красивый выходец кипящих табунов..., Топо́ча хрупкий снег, нас по полю помчит (Вяземск.). Трепе́ща, жены близ мужей Держали плачущих детей (Лерм.).

Со сравнительно-исторической точки зрения это вряд ли более старое ударение. Скорее оно отражает влияние на эти формы, почти сплошь книжные, ударения большинства форм настоящего времени.

У В. Майкова (Отец и дети) — спу́стя: «...Когда не хочете вы спу́стя рук сидети, Наставлю вас на лад...»

Ударение заимствованных слов

Ударение слов, вошедших в русский язык извне, значительным колебаииям на путях их исторического развития, вообще говоря, не подвергалось. Обыкновенно ударения заимствований на русской почве соответствуют ударениям языков, из которых определенные слова поступили в русский язык. При этом надо, однако, иметь в виду, что, так как заимствования в значитель-

ной своей части перенимались не прямо из иностранного языка, являющегося первоисточником соответствующего слова, а через языки-посредники, возможны и даже относительно нередки отклонения от места ударения слов в языке-источнике за счет особенностей ударений языков, из которых соответствующие слова фактически усвоены.

Наиболее определенно в русском отражено место ударения **тюркских** (турко-татарских) языков и **французского**, характеризующихся на родной своей почве постоянным ударением — на последнем слоге слова. Для заимствований из французского языка не сыграло при этом никакой роли то обстоятельство, что ударение отдельных слов в нем вообще слабо выражено[1].

Для тюркизмов (и переданных в своем большинстве через тюркские языки монголизмов) можно ограничиться сделанным общим замечанием и примерами: изю́м, балы́к, башлы́к, калита́, кисея́, казна́, чугу́н, кайма́, камка́, бары́ш, каранда́ш, армя́к, кафта́н, арбу́з, кио́ск, батра́к, бахча́, карау́л, каланча́, колпа́к и под.

К тюркизмам надо, по-видимому, отнести в значительном числе и те слова из нетюркских языков (арабского, персидского), которые перешли в русский, вероятно, через посредство первых и поэтому с конечным же ударением: балага́н, баклажа́н, була́т, амба́р, гаре́м, исла́м, изъя́н, алма́з и под.

В относительно немногих словах, почти исключительно таких, которые получили формы женского склонения на **-а (-я)**, ударение бывает и не на конце слова: бакале́я, бакла́га, вата́га, киби́тка; ги́ря (иранизм) и под.

Не на конце оно, конечно, и у прилагательных на **-ый, -ая** и т. д. вроде: а́лый, була́ный, кау́рый, ча́лый (ср. и ал, жен. род — а́ла, чал — жен. род ча́ла и под.). При усвоении слов тюркского (и монгольского) происхождения некоторые из них, с конечной частью, напоминавшею своими звуками славянские суффиксы, подобно им получили в склонении конечное ударение: каранда́ш — род. падеж карандаша́; бары́ш — род. падеж барыша́; камы́ш — род. падеж камыша́; чугу́н — род. падеж чугуна́; колпа́к — род. падеж колпака́; кума́ч — род. падеж кумача́; ср.: торга́ш — торгаша́; малы́ш — малыша́; болту́н — болтуна́; чуда́к — чудака́; уса́ч — усача́ и под.

Из тюркизмов заслуживает специально быть отмеченной в истории русского литературного языка судьба ударения слова **жемчуг**[2]. В XVIII и в начале XIX века обычное ударение этого слова — конечное, причем, в отличие от большинства других тюркизмов, иногда даже и нафлективное. Примеры: Там трон — жемчу́гами усыпанный алтарь (Ломон., Петр В.). Жемчу́гу бездна

---

[1] См. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, изд. 3, 1948 г., §§ 92—94.

[2] Этимологические соображения см. VREW, I, стр. 418.

и сребра Кипит внизу, бьет вверх буграми (Держ., Водопад). Под жемчу́гами драгими Груди нежные дыша́т (Держ., Русские девушки). Не трудно разуметь, что для ее услуг Горстями сыпались каменья и жемчу́г (Богд.). У И. А. Крылова место ударения слова колеблется: Ведь и́дет слух, что все у богачей лишь бисер да жемчу́г (Свинья), но: Хоть же́мчуг находить близ берега и можно... (Водолазы). У А. С. Пушкина обычное ударение жемчу́г, в род. падеже ед. числа и далее — на флексии: Поэт бывало тешил ханов Стихов гремучим жемчуго́м. В «Русалке», впрочем, Змеей, змеею он меня — Не жемчугом опутал (вероятно, же́мчугом).

Варианты ударения — жемчу́г (ударение, естественное у слова тюркского происхождения) и же́мчуг (ударение, для которого скорее всего надо предположить какую-то передаточную среду) принадлежат разным говорам и из них попадали в литературную речь. К конечному древнерусскому ударению ср., в частности, в рукописи б. Синод. библиотеки № 703, Шпаков, Прилож., II, стр. 191: съ жемчю́ги, пелена... сажена́ жемчю́гомь и под.

Г а л л и ц и з м ы, как хорошо известно, с XVIII века прямо поступали в книжный и в разговорный язык сначала через «верхушку» общества, в большей или меньшей мере двуязычную; главным образом со второй половины XIX века — частично через интеллигенцию, усваивавшую французский язык преимущественно книжным путем. Учет н е м е ц к о г о посредства необходим в известной степени для последнего периода; для более раннего времени немецкому посредству, по-видимому, принадлежала в этом отношении лишь очень небольшая роль. Таким образом, вошедшие в литературный русский язык галлицизмы характеризуются тут без исключений конечным ударением своей основы [1].

Случаи в русском языке неконечных ударений основы у галлицизмов, кроме слов на **-ия**, отражающих латинизацию — включение их в латинские образцы, и глаголов на **-фицировать**, тоже латинизированных и снабженных конечной русской суффиксальной частью **(-ов-)**, очень редки. К таким относятся, например: а́дрес (франц. adresse), усвоенное, вероятно, через польское посредство — с польским ударением именительного падежа ед. числа (ádres), ке́пи (фр. kepi, kepy), при котором можно подозревать немецкое посредство — Käppi; па́спорт (при вышедшем из употребления около конца XIX века паспо́рт (фр. passe-port); новое ударение обязано, вероятно, польскому посредству — pász-port, род. падежа paszpórtu и т. д. (ср. и устарелое, ставшее теперь простонародным, произношение «па́шпорт»); про́филь (фр. profil); если это отклонение не отражает польского посредства —

[1] Ср. бага́ж, экипа́ж, тира́ж, бале́т, портре́т, этю́д, лейтена́нт, бюллете́нь, канделя́бр и под.

prófil (им.- вин. падеж ед. числа),— оно могло возникнуть на русской почве в результате того, что в первой половине XIX века слово склоняли по женскому роду и, вероятно, поэтому оно оказалось попавшим в сферу влияния похожих префиксальных образований на мягкий согласный (про́пасть, про́рубь и под.). Распространенное неправильное ударение «па́ртер», вместо партéр (фр. parterre «задние ряды партера»), появилось, надо думать, как приравнение к многочисленным германизмам на -er. Наоборот, в XVIII и в первые десятилетия XIX в. французское ударение иногда влияет вообще на некоторые европеизмы, усвоенные русским литературным языком, и они получают конечное ударение, отклоняющееся от языков-источников.

Так, у известного современника Пушкина — П. А. Вяземского встречаем в грецизме *метафора* (ср. нынешнее ударение, тоже отступающее от греческого — мета́фора) ударение метафо́ра: «Хочу заснуть без метафо́р, но мне и в том успеха мало...» («Прелести деревни», 1824 г.), у Е. Зайцевского — фосфо́р: «Тень кипариса, солнце юга, фосфо́ром искристый залив...» («Вечер в Тавриде»), не говоря уже о И. П. Мятлеве: профессо́р: «Приехал к нам из-за́ моря француз — магнетизёр. Какие шутки строит он! Сказать — что профессо́р («Коммеражи», 1836); у него же — сенато́р и под.

Ударение слова ма́ршал (фр. maréchal) представляет собою отклонение от французского под влиянием немецкого Márschall. Слово тра́нспорт, близкое к французскому transport, на самом деле усвоено, по-видимому, не из французского, а из английского — tráns-port. Рапорт (фр. rapport) на русской почве известно с двумя ударениями: конечным — рапо́рт — в языке моряков и обычным (начальным — ра́порт), может быть, через польское ráport (хотя с родительным rapórtu и далее с таким ударением).

Имена существительные славянского типа, которые есть серьезные основания считать п о л о н и з м а м и, обыкновенно, как и в польском языке, имеют ударения на предпоследнем слоге слова: ве́нзель, зра́зы, ко́злы, опе́ка, месте́чко, сбру́я, ле́карь, пе́карь, пи́сарь.

Ударение во многих других словах (иноязычного происхождения в самом польском языке) тоже большею частью приходится на предпоследний слог; например: апте́ка, бля́ха, дра́тва, за́мша, каре́та, ко́фта, по́чта, ро́та, фраму́га; ва́хмистр, ки́вер, кла́виш, ро́тмистр, тре́нзель; ды́шло. Но многие слова при усвоении их русским языком получили новое ударение — в духе русского ударения созвучных суффиксов: краковя́к, пастерна́к, темля́к; жупа́н, рыдва́н; маля́р, столя́р (род. пад. маляра́, столяра́) и под.

Ме́трика выступает с ударением на первом слоге в соответствии исключению в самом польском языке [ударение на третьем слоге с конца европеизмов на **-ука** (т. е **-ыка**)]. В связи с этой

особенностью польского языка стоит и история русского ударения слова *музыка*. Преобладающее ударение в этом слове в течение всего XVIII века — соответствующее французскому — музы́ка (фр.— musique); такое ударение заходит и в первые десятилетия XIX века, например к А. С. Пушкину, у которого нынешнее ударение встречается только в виде редкого исключения[1]. Примеры из поэзии XVIII века: «Но ныне к обои́м вы, Нимфы, собирайтесь и ра́вно обое́й музы́кой наслаждайтесь» (Ломон.); «Не любит Лев музы́ки сей и духу» (Сумар.); «Престаньте воспевать! Песнь ваша непрелестна, Когда музы́ка вам прямая неизвестна» (Сумар.); «Пилящие дрова свою музы́ку кинут» (В. Петров); «Повеселим царя, у нас изрядная вокальная музы́ка» (В. Петров); «Или музы́кой и певцами, Органом и волынкой вдруг, Или кулачными бойцами И пляской веселю мой дух» (Держ.). «Бранна музы́ка днесь не забавна» (Держ.); Одушеви моей музы́кой песнопенье (Батюшков, Послание Г. Велеурскому),— ударение, долго державшееся, скорее всего, под немецким и французским влиянием. *Му́зыка* встречается приблизительно с третьей четверти XVIII в. [ср., напр.: Восстала му́зыка из разных тамо лир... Что с му́зыкой текло тут время золотое (М. Чулков. Плачевное падение стихотворцев). Там му́зыка гремит, в огнях пылает дом (Карамзин, Меланх., 1800 г.)], но входит окончательно в употребление только около середины XIX в.

Что касается слова *шере́нга* (в польском языке с XVIII века — из венгерского), есть некоторые трудности при объяснении его ударения. В упоминавшемся очень важном для истории русского ударения переводном памятнике — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.) это слово употреблено много раз во множественном числе с ударением на начальном слоге, т. е. соответствует ударению слова — источника в его исходном виде — széreg. Само образование (женского рода) *шеренга* остается до сих пор не объясненным (что касается вставного **н**, то последнее возникло уже на польской почве, скорее всего — в Литве).

Некоторые иностранные глаголы с польским **-ować** уподобились русскому типу на **-ова́ть:** шлифова́ть, вербова́ть и под.

Глагол *кля́нчить* усвоен из польского языка с польским же ударением.

Вообще немногочисленные в составе русского литературного языка ф и н н и з м ы (как и заимствования из родственных финскому языков) в большой своей части имеют в соответствии языку-источнику начальные ударения: ка́рбас, ко́рюшка, мо́рда «плетенка из новых прутьев для ловли рыбы», на́рты, па́юсная (икра), пье́ксы, ту́ндра, па́хтать и под. Но сала́ка (ср. более частое сала́кушка) усвоило, вероятно, по созвучию с ударением русских слов на **-а́ка**, ударение на серединном слоге

[1] Подробные справки см. РЛЯ первой пол. XIX в., 1954, стр. 190.

слова. Пельмéнь образовалось из сложения пермско-вогульского *пель* «ухо» и *нянь* «хлеб» и могло быть усвоено с преобладающим ударением второй части сложения. Кáрбас «большая лодка, с высокими бортами, двумя четырехугольными парусами и 4—10 веслами» (см. ударение слова в академическом «Словаре русского языка», IV том, вып. 2, 1908 г.) по ударению соответствует своему вепско-финскому происхождению. Но в настоящее время, судя по новейшим словарям, это слово уже произносится и с ударением на конечном слоге[1]. Не ясна причина конечного ударения в слове пургá.

Ударение грецизмов в ряде случаев соответствует ударению древнегреческих слов: агáт: греч. achátēs; Анатóлий: греч. Anatólios; áнгел: греч. ángelos; вáрвар: греч. bárbaros; гипóтеза: греко-лат. hypóthesis; гéнезис: греч. génesis; Димúтрий: греч. Dēmḗtrios; Евфúмий: греч. Euthýmios; кáтет: греч. káthetos; комéта: греч. komḗtēs; лáдан: греч. ládanon; левкóй: греч. leukóion; корáлл: греч. korállion; Лукá: греч. Loukãs; мéтод: греч. méthodos; óрган: греч. órganon; óргия: греч. órgyia; óхра: греч. óchra; полúп: греч. polýpous; номáды: греч. nomádes; Прóхор: греч. Próchoros; рúтор: греч. rḗtōr; тетрáдь: греч. tetrádion; ýксус: греч. óxos; фáкел: греч. phákelos; флéгма: греч. phlégma и под.

Немало, однако (можно даже утверждать, что большинство), случаев, когда те или другие слова обнаруживают в своем ударении признаки той промежуточной среды, через которую слово поступило в определенный восточнославянский язык (обычно — в русский).

Можно характерное в этом отношении отметить, например, для слов: автомáт: греч. autómatos; автохтóн: греч. autóchthōn; аксиóма: греч. axíōma; глаукóма: греч. glaúkōma; гиацúнт: греч. hyákinthos; гиена: греч. hýaina; гипнóз: греко-лат. hýpnōsis; гипотенýза: греч. hypoteínousa; гиппопотáм: греч. hippopótamos; каштáн: греч. kástanos; киóта (киот, кивóт)—греч. kibotós; колóсс—род. падеж колóсса — греч. kolossós; кóмик — греч. komikós; крáтер — греч. kratḗr; мавзолéй — греч. Mausóleion; Маркéлл — греч. Márkellos; мегéра — греч. Mégaira; медýза — греч. Médousa; метáфора — греч. metaphorá; метеóр — греч. metéōron (metéōros); неофúт — греч. neóphytos; поэ́ма — греч. poíēma; прозелúт — греч. prosélytos; прототúп — греч. prōtótypon; сифóн — греч. síphōn; скандáл — греч. skándalon; склерóз — греч. sclḗrōsis; скорпиóн — греч. skórpios; Стефáн (Степáн) — греч. Stéphanos («венок»); трáгик — греч. tragikós (первоначально — «козлиный»); фимиáм — греч. thymíama; фитá (название вышедшей теперь из употребления буквы) — греч. thḗta; Херсóн — греч. Chérsōn; химéра — греч. chímaira; экзáрх — греч. éxarchos; э́хо — греч. echṓ и др.

[1] Под влиянием сходного по смыслу галлицизма *баркáс*?

Эти отклонения своим появлением обязаны отчасти новогреческим образцам, в очень большой степени — латинскому посредству, иногда немецкому ученому посредству; в редких случаях — вероятно, французскому.

Обычно под влиянием латинского как языка-посредника отклоняются от древнегреческого ударения многочисленные слова на **-ия**: коме́дия — греч. kōmō(i)día; космогра́фия — греч. kosmographía; фанта́зия — греч. phantasía. В некоторых словах, преимущественно «ученых», наблюдается, однако, тенденция сохранить древнее греческое ударение на **-i-**, что приводит к наличию в языке дублетов вроде: демокра́тия: демократи́я, афа́зия — афази́я и ряда подобных.

В XVIII и в первой половине XIX века такое ударение иногда наблюдалось, по-видимому, под французским влиянием, даже и тогда, когда сам греческий язык не подавал к этому повода. Мы встречаем, например, ударение симпати́я, несмотря на греч. sympátheia, у И. И. Дмитриева: «А уши, как у нас, и я по ним сужу, Что у него должна быть симпати́я с нами (басня «Петух, Кот и Мышь»), у А. И. Полежаева: «Не симпати́я двух сердец Святого дружества венец в счастливой жизни нам вила...» (А. П. Лозовскому 1828 г.), у В. И. Теплякова и др. Академический словарь 1869 г. тоже еще давал только такое ударение.

Несколько примеров слов на **-ия**, ударение в которых колебалось в XVIII веке:

Поэзия:... Царящей Поэзи́и Дела Твои превознесет (Ломон., Ода 7). Ср. нем. Poesíe.

Химия: В земное недро ты, Хими́я, Проникни взора остротой (Ломон., Ода 27 авг. 1750 г.). Ср. нем. Chemíe.

Над этими ударениями Ломоносова, однако, иронизирует Сумароков (III ода вздорная): Из ада вижу Итали́ю, Кастильски воды, Остъинди́ю...

Аллегория: Не Исо тут, Ерок, кавыка иль вария, Все Ероглифика да все Аллегори́я (В. Петров, К вел. государыне).

Мелодия: И часто ангелы в небесных мелоди́ях На лирах золотых хвалили песнь твою (Карамз., Поэз.),— ударение, соответствующее греческому, французскому и немецкому и уступившее место новому мело́дия под влиянием общей тенденции, идущей от латыни, не делать ударения на **-ия**.

С ударением, отклоняющимся от древнегреческого под влиянием латыни, в русский язык вошли слова на **-ика**: ста́тика — греч. statikḗ, кри́тика — греч. kritikḗ, косме́тика — греч. kosmetikḗ; кли́ника — греч. klinikḗ, меха́ника — греч. mechanikḗ и под.

Говоря об ударении книжных грецизмов, следует учесть и то обстоятельство, что ряд их прошел в русском литературном языке через изменения и что нынешнее их ударение установилось не всегда сразу.

В XVIII веке и в первой половине XIX, наряду с возобладавшим теперь ударением а́том, соответствующим греческому, едва ли не чаще употребляется конечное; так, например, в Вейсманновом Лексиконе 1731 года; у Н. И. Гнедича: «...Тот разум, что сей шар и небо утвердил, Ато́ма с существом премудро съединил («Общежитие», 1804 г.); у А. И. Полежаева: «О, обрати опять в уничтоженье Ато́м, караемый судьбой» («Ожесточенный», 1828 г.), и др.

И сейчас еще возможно, при более употребительном анапе́ст, ударение, соответствующее древнегреческому (anápaistos) — ана́пест.

Барометр и другие слова на **-метр**, теперь не употребляющиеся с ударением на второй части слова, в XVIII и XIX вв., приблизительно до последней четверти второго, скорее всего под французским влиянием, носили ударение на **-метр** (нынешнее ударение соответствует немецкому — Barómeter): бароме́тр указывалось, например, в словаре 1780 г. Нордстета; с таким ударением это слово употребляют К. Н. Батюшков: «Эпиктет не знал, Что бароме́тр пророчит непогоду...» («Послание», 1817 г.), П. А. Вяземский: «Будь меньше слез, а больше смеха, Будь все на ясном бароме́тр («На новый, 1828 год») и др. «Словарь русского языка» Академии наук еще в 1891 году как нормативные давал оба ударения: баро́метр и бароме́тр.

Старое ударение **гекзаме́тр** (вероятно, под французским влиянием; в немецком языке — Hexámeter) можно отметить, например, у С. П. Шевырева («Послание к А. С. Пушкину», 1830 г.): «...Тянули из его расслабших недр Зазубренный спондеем гекзаме́тр».

Долго колебалось ударение слов со второй частью **-граф.** В первой половине XIX века еще обычны биогра́ф, геогра́ф, параллельные французским и немецким: ср. «Собачий верный биогра́ф, Я ждал от вас нетерпеливо Записок точных...» (Жуковский, «К К. Ф. Голицыну», 1820 г.). Академические словари 1847 и 1869 гг. еще давали именно такое ударение. В словаре 1891 г. оно отмечалось уже как параллельное. Геогра́ф: «...В России под великим штрафом Нам каждого признать велят Историком и геогра́фом» (Грибоедов, Горе от ума, 1824 г.). Позднейшие академические словари дают для этого слова уже современное ударение.

Деспот. Нынешнее ударение на первом слоге слова не совпадает ни с древнегреческим (despótēs), ни с французским, ни с немецким; возможно поэтому, что в нем отражено ударение не именительного падежа, а звательной формы древнегреческого языка déspota, — формы, вероятно приобревшей влиятельность в известном церковном возглашении — eis pollá étē, déspota — «на многие годы, господин!»

В первой половине XIX века, хотя Академический словарь русского языка 1869 года еще давал только ударение деспо́т (вероятно, французского происхождения), слово выступает факти-

чески с обоими возможными ударениями; ср.: «За правду полную, за истину святую, За сих врагов царей, деспо́т Вельможу осудил...» (Д. В. Давыдов, «Река и Зеркало», 1803 г.); «Деспо́т сказал: Мои сыны! Законы будут вам даны...» (сатирическое стихотворение двадцатых годов): «...В Россию скачет Кочующий деспо́т» (сатир. стихотв. двадцатых годов). С нынешним ударением: «...К чему бесплодно спорить с веком? (вариант: «Что за охота спорить с веком?) Обычай — де́спот меж людей (Пушкин, «Евг. Онегин», I, 1823—1825); «...Война и де́спот в два меча Торопят медленное время» (Шевырев, Два духа, 1829 г.).

Евнух. Преобладающим в употреблении первых четырех десятилетий XIX века было ударение, соответствующее древнегреческому eunoũchos — евну́х: «Меж ними ходит злой евну́х, И убегать его напрасно» (Пушкин, «Бахчисар. фонтан», 1823—1824 гг.); «Пред ним отворялися двери, Встречал его мрачный евну́х» (Лерм., «Тамара», 1841 г.). Но с этим ударением и тогда конкурировало нынешнее неясного происхождения (влияние ко́нюх?): «Докучным е́внухом ты бродишь между муз» (Пушкин, «Посл. цензору, 1822 г.); «...И е́внухи кучей и жены толпой Теснятся, ревнуя друг другу» (Катенин, «Старая быль», 1828 г.»).

Еще Академический словарь 1907 года допускал как параллельные ударения **ерети́к,** род. падеж еретика́ (соответствующие греческому hairetikós) и ере́тик (вероятно, под польским влиянием — herétyk). Трудность объяснения при последней догадке, однако, полностью не устраняется постольку, поскольку для украинского языка такое место ударения надежно не засвидетельствовано, а именно украинский язык должен был быть его передатчиком из польского. Можно поэтому догадываться и о другом — не отклонилось ли ударение слова от первоначального под влиянием многочисленных русских слов типа ёжик, но́жик, сто́лбик и под. Ударение, отклоняющееся от нынешнего, см., например, у Хомякова: «Но вспомни же, что он ере́тик гнусный» («Дмитрий Самозванец», 1833 г.).

Зефир. Обычное, хорошо засвидетельствованное, ударение этого слова на гласном **-и-** получено, вероятно, через французский язык. Иногда в XVIII веке и в первой половине XIX века встречается и ударение, соответствующее греческому и латинскому (zéphyros, zéphyrus) — зе́фир. «Словно как зе́фир порывистый по морю зыбь разливает...» (Гнедич, «Илиада», VII, 1829 г.); «Чуть зе́фир струяся березу колышет» (Дельвиг). Встречается такое ударение и у раннего Пушкина: «...Как в театре и на балах, На гуляньях иль в воксалах Легким зе́фиром летал» («К Наталье», 1814 г.).

Ударение **катастро́фа** расходится с греческим — katastrophḗ, и установление его надо отнести за счет латинского, французского или немецкого влияния. В языке духовенства и людей, учившихся в духовной школе, до относительно недавнего времени нередко встречалось ударение ката́строфа. Что вызвало его появление,

сказать трудно. В 4-ом издании «Толкового словаря» В. И. Даля (под ред. А. И. Бодуэна-де-Куртенэ) отмечаются как параллельные оба ударения.

Нынешнее ударение **ка́федра** попало в русский язык из латыни. Как верно отмечено в Акад. словаре, том IV, вып. 3, 1909 г., стр. 483, это слово «с ударением на втором слоге — кафе́дра — употреблялось преимущественно в старину, а теперь главным образом в духовном сословии». Такое ударение соответствует древнегреческому, французскому, немецкому и польскому. Оно употребительно у старых поэтов, хотя рядом встречается у них и ка́федра, приблизительно до 70-ых годов. Несколько примеров: «...Так разве, как плохой с кафе́дры проповедник» (В. Петров, «Пис. к В. Гос. Екат. II»); «Как на кафе́дре врач глубоко-изученный» (Хемницер, «Лисица и Сорока»); «Помню я, как сон, твои кафе́дры, залы, коридоры (Лерм., «Сашка», 1839 г.); у Пушкина: «...Дерзаю за тобой занять кафе́дру ту, с которой в прежни лета Ты слишком превознес достоинства сонета» (черновые наброски, 1833 г.); но у него же: «Проснись, ленивец сонный! Ты не под ка́федрой сидишь, Латынью усыпленный» («Пирующие студенты», 1814 г.).

Нынешнему ударению **кли́мат**, которое соответствует греческому klíma, противостоит в XVIII и в первой половине XIX века как более употребительное — клима́т, вероятно под французским или украинско-польским влиянием (ср. пол. klimat, но родительный падеж — klimátu, старое украинское — клима́т). Впрочем, Акад. словарь еще в 1909 году допускал клима́т как параллельное ударение, хотя уже в академическом словаре 1869 года оно не упоминалось. Примеры ударения клима́т: «Иные, изобрав жарчайшие клима́ты, Хотели Душеньку во Африку везти» (Богданович, Душенька); «Во всей вселенной их единый стал клима́т, В ней прежде был эдем, а ныне стал в ней ад» (В. Майков, Елисей); «Ты сетуешь на наш клима́т печальный...» (Жуковский, Послание к Плещееву, 1812); «...И, как клима́т сибирский, стал В своей душе жесток и хладен» (Рылеев, Войнаровский, 1823—1824); «...Погнался за чинами, Переменил род жизни и клима́т» (Языков, Встреча нового года, 1840—1841). Уже у Карамзина, однако, кли́мат: «...Что в каждом кли́мате земном надежду смертных составляет» (Послание к А. А. Плещееву); ср. и у Грибоедова (Горе от ума, 1824): «Есть на земле такие превращенья Правлений, кли́матов, и нравов, и умов».

В первой половине XIX века предпочитали в сложениях с **-лог** (у названий лиц) в духе отчасти самого греческого, отчасти французского языков ударение на нем; ср.: «Хирург, юрист, физиоло́г, Идеоло́г и филоло́г, Короче вам — студент присяжный» (Пушкин, Череп, 1827). «...Все вокруг стола и скок В кипеть совещанья — утопист, идеоло́г, Президент собранья» (Давыдов, Соврем. песня, 1836). У нас возобладало ударение, в отдельных словах известное самому древнегреческому — philólogos и под.

Ударение латинизмов в восточнославянских языках гораздо более соответствует языку-источнику, чем ударение грецизмов, и это понятно: латинский язык образованные люди с XVI—XVII века на Украине и после в России обычно изучали в школе непосредственно, тогда как непосредственное знание древнегреческого языка было редко, а в период господства классической школы в России последняя по целому ряду оснований уже не была в состоянии отклонить литературный язык от устоявшихся в нем, давно вошедших в обращение отражений промежуточной среды. Главное, с чем приходится считаться, говоря о точности соответствий в восточнославянских языках литературного ударения латинизмов древнеримским,— это некоторые условности передачи в случаях, где ударение, по законам самого латинского языка, не было одинаковым в соответствующих латинских словах; ср: pórtio, род. пад. portiónis и т. д.; térror, род. пад. terróris и под.

Точно латинскому ударению соответствуют, например, в русском языке: постулáт: лат. postulátum; дегенерáт: degenerátus; оригинáл: originális; интеллéкт: intelléctus; постскри́птум: post «после, за» и scríptum «написанное»; креату́ра: creatúra; мензу́ра: mensúra; интегрáция: integrátio; мультипликáция: multiplicátio; реви́зия: revisio; пу́стула: pustula; прези́диум: praesídium; тéрмин: términus; кóдекс: códex; рáдиус: rádius; фу́рия: fúria; формула: fórmula; экспéрт: expértus и под.

В тех случаях, где соответствующие слова в латинском языке имели в парадигме менявшееся место ударения, в русском языке установилось обыкновенно то или другое. Так, для типа pórtio: portiónis установилось обобщенное ударение на корне — пóрция, ми́ссия и под.; для типа reférens: referéntis на последнем слоге: реферéнт, инсургéнт и под. Колеблется, впрочем, **агент**. Нормальным считается и для него агéнт, хотя в разговорном языке нередко можно слышать и áгент.

Из других латинизмов с колеблющимся в практике ударением можно отметить: су́ффи́кс: лат. suffíxus, и́нфи́кс (но только прéфикс); кóмплéкс: compléxus (теперь нормативным считается первое ударение): э́ксу́рс (нормативным в настоящее время является второе); с определенно отклоняющимся от латинского — и́мпульс: impúlsus.

Поздние отклонения вроде кóмплекс, и́мпульс — скорее всего, проникли из английского языка (cómplex, ímpuls). Префикс, возможно, получило свое ударение на русской почве как результат отталкивания от созвучного употребительного prix fixe «твердая цена». Под его влиянием вместо суффи́кс возникло и су́ффикс.

В отдельных случаях нужно считаться с отклонениями, вызванными преимущественно польским посредством при усвоении слова: доку́мент «паспорт» (разгов.; литературное докумéнт); но только фундáмент.

Германизмы в узком смысле слова, т. е. заимствования из немецкого языка, за относительно небольшим количеством исключений, соответствуют особенностям этого языка — ударению корневого слога, иначе (поскольку среди таких заимствований очень мало слов с префиксами, которые в германских языках тоже бывают подударны при известных условиях) ударение в германизмах обыкновенно приходится на первый слог слова. Что касается других германских языков, то для англизмов надо учесть роль при проникновении их в литературный русский язык влиятельного французского посредства и вместе с ним случаев отклонения в сторону конечного ударения вместо обычного накоренного (начального). О скандинавизмах и заимствованиях из голландского языка см. ниже. Из немецкого языка получены с начальным ударением, например, слова: га́лстук, ла́цкан, ло́зунг, ва́хтер, што́пор, ште́псель, ка́фель, пу́дель, ра́шкуль, ра́шпиль, гле́тчер; префиксальные: а́бзац, а́брис, а́бшид и под. Редки случаи вроде обшла́г (нем. der Aufschlag); ландша́фт (нем. die Landschaft): ударение, вероятно, получено под влиянием прозрачных сложений вроде ландка́рта (нем. Landkárte), ландгра́ф (нем. der Landgráf) и под. В настоящее время произносится и абза́ц.

Совпадают с немецким ударением второго слога слова: геше́фт: нем. Geschäft; ефре́йтор: нем. Gefréiter; фили́стер: нем. Philíster и под. У сложений (composita) подударность второй части слова обычна: брандме́йстер, почтме́йстер и под., камерди́нер, штрейкбре́хер, почта́мт, бакенба́рды, парикма́хер, шлафро́к, гауптва́хта, мундшту́к, аксельба́нт и т. д.

В глаголах, получивших славянский суффикс **-ова-, -у-:** фехтова́ть : фехту́ю; вербова́ть : вербу́ю; шнурова́ть: шнуру́ю ударение падает на **-ова́-: -у́-**. У глаголов на **-ирова-: -иру-**, по отношению к которым немецкий язык исполнял только роль передатчика корней французских, латинских и др., ударение не одинаково: марширова́ть, фарширова́ть, пломбирова́ть и под., но аплоди́ровать, блоки́ровать и под. У ряда таких слов ударение в употреблении неустойчиво.

Отдельные (очень немногочисленные) имена существительные, поступившие из немецкого литературным путем, прошли через исторические колебания в месте своего ударения. Таково, например, **бальзам.** Бальза́м, нововерхненем. слово, восходящее через лат. balsamum к греч. bálsamon, вероятно — арабского происхождения[1], у Карамзина еще носит ударение первого слога (может быть, греко-латинское): «О, Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель! Ты ба́льзам в сердце льешь, суши́шь источник слез («Поэзия»).

Коротких замечаний требуют англизмы. Они входили в русский язык обычно со своими ударениями: бю́джет: búdget; ср.:

[1] Ср. VREW, I, стр. 50.

«Хозяйство, урожай, плоды земных работ, В народном бю́джете вы светлые итоги...» (Вяземский, Зимние карикатуры); кро́кет: cróquet; ср.: «...Придворные дамы играют В вошедшую в моду недавно игру; Ту — кро́кет — игру называют» (И. С. Тургенев, Крокет в Виндзоре, 1876); и́мпорт: ímport; э́кспорт: éxport; тра́нспорт: tránsport; ко́мфорт: cómfort (так приблизительно до последней четверти XIX века); ми́тинг: méeting; спи́ннинг: spínning; репо́ртер: repórter и др.

Часть их, однако, довольно скоро на русской почве стала получать новые, галлицизированные ударения: бюдже́т (теперь исключительно так), кроке́т (тоже); комфо́рт (тоже), репортёр (по поводу последнего слова см. замечание Я. К. Грота — «Русское правописание», изд. 1910 г., Справочный указатель, стр. XXXII: **«Репо́ртеръ** (не «репортёръ»)».

Что касается только несколько десятилетий назад вошедшего в обиход слова *стандарт* (англ. stándard), то оно вряд ли вообще при поступлении в русский язык имело ударение, отличное от нынешнего. По-видимому, при его усвоении действовало сходство со ш т а н д а́ р т «кавалерийское и флотское знамя» (из нем. Standarte < итал. stendardo).

Не ясно, почему установилось ударение ро́стбиф: англ. roast beef (два слова). Пушкин (Евг. Онегин) это слово писал по-английски и читал с ударением на второй части: «...Пред ним Roast-beef окровавле́нный, И трюфли, роскошь юных лет...»

Заимствованное из голландского языка слово **клино́к** (голл. kling) не сразу получило свое нынешнее ударение. Последнее является, вместе с окончанием, уподобившимся суффиксу **-ок**, род. падеж **-ка**, результатом своего рода «народной этимологии». У И. А. Крылова еще обычно ударение на первом слоге слова: «Булатной сабли острый кли́нок Заброшен был в железный хлам» («Булат»), «Мужик мой насадил на кли́нок черенок» (там же).

Немногочисленные в русском языке с к а н д и н а в и з м ы не дают цельной картины ударения. Я́беда (ср. староскандин. ämbiti «служба») соответствует ожидаемому начальному ударению. Нынешнее ударение аку́ла[1], судя по а́ккула Акад. словаря 1789 г.,— позднейшее подновление. Архаич. тиу́н (ср. у А. К. Толстого: «За мной, мои тиуны, опричники мои!» Кн. Мих. Репнин) — вероятно, отразило частичное влияние русских слов на **-ун** (в остальных формах его, однако, не произносят с конечным ударением; но ср. белор. ціву́н, род. падеж ціуна́ «приказчик»).

Как в свое время отметил уже В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, М.-Л., 1935, стр. 348, г о л л а н д и з м ы в общем отражают ударение языка-источника (корневое). «Однако,— ограничивает он это положение,— на почве русского языка некоторые заимствования [из голландского] получили ударение на конце, большею частью там, где конечный слог

[1] К этимологии — VREW, I, стр. 9.

содержал дифтонг»[1]; ср. старое и обл. карде́ль, род. падеж карде́ли: kardeel; бушпри́т: boegspriet; плашко́ут: plaatschuit,— хотя есть и ста́ксель, при голл. stagzeil. Слово гарпу́н в самом голландском языке имеет необычное ударение — на конечном слоге: harpóen. Так же и bezáan — биза́нь.

Итальянизмы, почти сплошь поступавшие в русский язык через интеллигентную (культурную) среду,— не говоря уже о словах, точно воспроизводящих соответствующие итальянские, почти без исключений не отклоняются от ударений языка-источника: контра́льто (contrálto), контраба́с (contrabásso), контраба́нда (contrabbándo), цисте́рна (cistérna), макаро́ны (венец. maccheróni), вермише́ль (vermicélli) и под., хотя и есть все основания подозревать, что некоторые из них восприняты в русский язык через посредство других европейских языков — французского и немецкого.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV.

Для облегчения ориентации в инославянском материале, привлекаемом для объяснения русских особенностей ударения, здесь даются важнейшие соответствия (без уточняющих замечаний о частностях) между явлениями русскими, с одной стороны, и инославянскими — с другой.

1. Литературные сербохорватские ударения (што́кавские), сравнительно с восточнославянскими языками (русским, украинским и белорусским) и чакавским наречием сербского же языка, передвинуты на слог ближе к началу слова. При переносе на долгий по происхождению гласный [всякий, кроме **о**, **е** и **а** из **ъ** (или **ь**)] при этом появляется на соответствующем слоге восходящая долгота (знак — ´); при перенесении на краткий по происхождению гласный — восходящая краткость (знак — `). Примеры: хва́ла — русск. хвала́; си́та «род меда» — русск. сыта́; род. пад. ед. ч. вра́ча «знахаря» — русск. врача́: во̀да — русск. вода́; ко̀са — русск. коса́; вѐде̄ш (2 л. ед. ч.), вѐде̄ (3 л. ед. ч.) и т. д.— русск. ведёшь, ведёт и т. д. Во всех подобных случаях в чакавском наречии то же место ударения, что и в русском.

2. В словенском языке ударение с конечных слогов обычно передвинуто на предпоследние: óna: русск. она́; род. пад. ед. ч. bóba: русск. боба́; skóta: русск. скота́ (краткие по происхождению гласные при этом имеют открытый характер); род. пад. ед. ч. kǫ́ta: русск. кута́; čudáka: русск. чудака́.

3. Нисходящедолгое ударение (см. ниже) в словенском языке фонетически переносится на следующий слог: zlatọ̑: русск. зо́лото, серб. зла̑то; mesọ̑: серб. ме̑со; strâž: род. пад. stražȋ; žȓd: žrdȋ; prosọ̑: русск. про́со; golǫ̑b: русск. го́лубь.

4. Старая долгота отчетливо отличается в сербском от старой краткости в открытом слоге перед былым конечным ударе-

[1] А так же полудолгий или долгий гласный — *Л. Б.*

нием (см. выше): хва́ла, си́та, род. пад. вра́ча, но во̀да, ко̀са, плётē (3 л. ед. ч.), мѐђа «межа́».

5. В чешском и словацком языках, имеющих теперь ударение на первом слоге слова, старое различие долготы и краткости, как правило, сохраняется в положении перед былым (древнейшим славянским) наконечным ударением: чеш. chvála, mouka (словац. múka), brázda: русск. хвала́, мука́, борозда́, но voda, kosa, rosa, vedu, nesu (словац. vediem, nesiem), meze (словац. medza).

6. В словенском языке подударные гласные долги: vóda, kǫ́lje (3 л. ед. чис.), čélo.

Краткими гласные могут быть (в относительно ограниченном числе категорий) только в конечных слогах doglèd (род. пад. doglẹ́da), okròg (род. пад. okrǫ́ga); bratàn (род. пад. bratána) или в односложных словах: nìt, bràt, čìst, kràj.

7. Былые подударные акутированные (акутовые) долготы опознаются по следующим приметам: в двусложных словах с открытым корневым подударным слогом — по восходящему ударению в словенском (ʹ). Ему в этом случае должны соответствовать неподвижность ударения и нисходящекраткая интонация (ˋˋ) в сербском, долгота в чешском при краткости в словацком.

Примеры: словен. lípa, русск. ли́па, серб. ли̏па, чеш. lípa, словац. lipa; словен. vrána, русск. воро́на, серб. вр̏ана, чеш. vrána, словац. vrana; словен síla, серб. си̏ла, чеш. síla, словац. sila.

В словенском в односложных формах — краткость: pràg: русск. поро́г, серб. пр̏аг, чеш. práh; mràz: русск. моро́з, серб. мр̏аз, чеш. mráz.

В закрытых слогах дву- и многосложных слов подударная акутовая долгота в словенском языке изменяется в нисходящую долготу (неподвижную; в историческом отношении ее называют новоциркумфлексовой).

Примеры: nìt : nȋtka; mìš : mȋška; kàd : kâdca; gospodìč: gospodȋčna.

8. Былые подударные циркумфлектированные (циркумфлексовые) долготы опознаются в начале двусложных слов: по нисходящей долготе (⁀) в сербском; по переносу нисходящей долготы на следующий слог в словенском; по краткости гласного в чешско-словацкой группе; по подвижности ударения в морфологической парадигме — в восточнославянских языках (при полногласии — по ударению о́ро, е́ре, о́ло).

Примеры: серб. зла̑то, словен. zlatộ, чеш. zlato, русск. зо́лото; серб. ме̑со, словен. mesộ, чеш. maso; вин. пад. ед. ч. серб. бра̑ду, словен. bradộ, чеш. bradu, русск. бо́роду; серб. гла̑ву, словен. glavǭ, чеш. ˆhlavu, русск. го́лову.

9. Новоакутовая подударная долгота опознается по соответствиям: восходящая долгота в чакавском наречии сербохорватского языка: нисходящая долгота в штокавском наречии (включая литературный язык) : восходящая долгота в словенском:

долгота в словацком и чешском : оро́, оло́, ере́ в восточнославянских языках: орі́, олі́, ері́ в закрытых слогах в украинском.

Примеры: серб.-чак. mlátīš (2 л. ед. ч.), mlátī (3 л. ед. ч.) и т. д., серб.-шток. мла̑тӣш, мла̑тӣ и т. д., словен. mlátiš, mláti и т. д.; словац. mlátíš, чеш. mlátíš, русск. моло́тишь, моло́тит и т. д.; род. пад. мн. ч. серб.-чак. gláv, словен. gláv, др.-чеш. hláv, словац. hláv, русск. голо́в, укр. голі́в; серб.-чак. dúš, словен. dúš, др.-чеш. dúš, словац. dúš: серб.-чак. grája, серб.-шток. гра̑ђа, чеш. hráze, русск.-диал. горо́жа.

10. Интонации заударных долгот (кроме конечных гласных) опознаются: акутовая (кроме рефлексов носовых) — по краткости в сербском (1); акутовая со специальным удлинением — по переходу акутированного гласного предшествующего слога в нисходящедолгий — в словенском и в некоторых категориях — по сохранению заударной (исторически) долготы в сербском, в чешском и словацком (2); циркумфлексовая — по сохранению заударной долготы в сербском (3).

Примеры: 1) серб. сла̀вити, ста̀вити; па̀дати, ма̀зати; ку̀кавица, ла̀ставица;

2) словен. stâviš, stâvi и т. д., серб. ста̀вӣш, ста̀вӣ и т. д.; чеш. и словац. slavíš, slaví и т. д.; словен. kopȋtar (ср. kopíto), sȋtar (ср. síto); ср. чеш· puškář, rybár;

3) серб. па̀мӣт, род. пад. па̀мӣти (словен. pámet); серб. ко̀рӣст, род. пад. ко̀рӣсти (словен. korȋst).

11. Былые краткости удлинены: в сербском и словенском — в односложных искони подударных формах: ко̑ст (род. пад. ко̀сти), ро̑д (род. пад. ро̀да), пе̑ћ (род. пад. пѐћи), ме̑д (род. пад. мѐда).

В положении перед гласными j, r, l, m, n, v былые краткие гласные вообще фонетически удлиняются в сербском: пѐто̄рка, дѐво̄јка «девушка», род. пад. ед. ч. ло́вца (им. пад. ло̀вац) и под. Явление это, однако, прошло в сербском уже через значительные нарушения аналогического порядка.

В словенском краткие гласные удлиняются в закрытых подударных слогах вообще, кроме конченых слогов дву- и многосложных слов: kộst, pę̂č; dộjka, splę̂tka, dvộrba.

В словацком удлинилось по происхождению краткое **о** при переносе ударения с былого (отпавшего) редуцированного гласного bôb, pôst, nôž, stôl, vôl, ср. русск. род. пад. ед. ч. боба́, поста́, ножа́, стола́, вола́.

12. Новоакутовая интонация краткостей (вместе с их удлинением) опознается по словенскому восходящедолгому ударению (′), по ů (ô) в чешско-словацкой группе (в определенных категориях), по звуку ω (y͡o) во многих русских говорах: словен. vọ́lja, чеш. vůle, словац. vôl'a, русск. (диал.) вωл'а; словен. vọ́dis, vọ́di и т. д., nọ́sis, nọ́si и т. д., русск. (диал.) вωдиш, вωдит..., нωсиш, нωсит...

V. СИНТАКСИС.

§ 1. Зависимость падежей.

Изменения, происшедшие в синтаксисе падежей в исторической жизни русского языка, многочисленны. Большею частью они очень специальны. Ограничиваемся рассмотрением только некоторых категорий более или менее общего характера:

1. Двойной винительный. Употребление винительного предикативного (второго винительного в функции признака, характеризующего объект — «в качестве кого») — особенность, проходящая через историю книжного русского языка от его начатков до первых десятилетий XIX в. Особенность эта принципиально идет параллельно употреблению в подобной функции двойного (второго) именительного.

Употребление второго винительного в одинаковой мере относится в древнерусском к именам существительным и прилагательным (причастиям): Поставлю *уношю князя* им (Лавр.) — «Поставлю юношу им князем».— На заутрье же налезоша *Тугоркана мертва*... . (там же, 76) — «На утро нашли Тугоркана мертвым». ...бог *неврежена мя* съблюде = «бог сохранил меня невредимым». Заутра же видеша людье *князя бежавша*, възвратишася Кыеву и створиша вече (Лавр. спис. летоп., 58 об.). А осенесь сказали тебе *мертва*... (Спис. с грам. Иоанна IV шведск. королю, 1572 г.). ...Собрав повытно подводы на Хотеловском яму держали *готовы* (Наказ новгор. воеводы стройщику Конст. Загоскину, 1585 г.). Нынешняя конструкция с творительным падежом соответствует общей тенденции русского языка к обобщению творительного в качестве специфически предикативного.

2. Глаголы со значением длящегося восприятия (реже — чувственного восприятия вообще) в древнерусском управляли родительным падежом как падежом не вполне охваченного объекта (полный охват издавна выражался винительным)[1].

---

[1] Старославянские параллели см. В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис в перев. Н. Петровского, Каз., 1915, стр. 13—14.

Слушать: ...Так же и с своими государевыми бояры и сокольничими и здумными людьми того *собранья слушал*... (Улож. 1649 г.). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный собор *слушали сказок* (Дело Ник., № 9). И великий государь и власти и бояря *того писма слушали* (там же, № 34). *Слушали* мы в соборной церкви... *всенощного пения*... (там же, № 36). ...и он де, великой государь, остановитца и *челобитья вашего слушать* станет (Розыскн. дела о Шакл., I, 121). И велел он, Микитка, *слушать набату*... (Розыскн. дела о Фед. Шакл., I, 1, 1, 1689 г.). «...велеть *того дела и выписки слушать* бояром нашим...» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Ср. у Крылова: И тот дурак, Кто слушает людских всех врак (Зерк. и Обез.).

С глаголом в совершенном виде: «...и *выслушав сю грамоту*... [пожаловал велел] им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя...» (Тарханн. и несуд. грамота в. кн. Марии, 1453 г.). «...и вы *тое нашу* царского величества *грамоту выслушали*» (Грам. ц. Мих. бухар. царю Надар Магомету, 1645 г.).

Очень определенно это различие выступает, например, в тексте жалованной грамоты царя Ивана Васильевича 1467 г.: «Лета 7059-го (мая) в 17 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси *сей грамоты слушел* и, *выслушав сю грамоту*, Троетцкого Сергиева монастыря богомолца своего игумена Артемья з братьею... пожаловал...»

Чаять в значении «слышать»: А *побегу* де их *чаять* с казаками на Дон (Мат. Раз., II, № 43). ...Будет в них, по их роспросу, *почаете каково доброво дела и* государствам нашим *прибыли* (Мат. пут. Ив. Петлина, 301).

Глядеть: Овечку стрыгут, а другая *тово ж глядит* (Стар. сборн., XVII в.); ср.: *того и гляди*...

Смотрить (*смотреть*) — (ср. наше *смотритель*): Всегда в торгу *смотрити всякого запасу* (Домострой, 38). И у торговых людей *смотрят товаров* (Больш. чертеж, 6). И я, холоп твой, был с ним на рудне, и *рудни он смотрил*... (Хоз. Мороз., I, № 78). Микита Зюзин, выслушав грамотки и *писма своего смотря*, сказал, что грамотка ево рука... (Дело Ник., № 141). ...а *смотря* тот кавалер *моих проезжих листов*, дал мне свободу идтить с филюги в город Мисину... (П. А. Толстой). *Смотреть* во всем государстве *расходов*... (Указ Петра I Сенату, 1711 г.).

С совершенным видом: И тебе б тое выписи высмотреть и велеть с нее список списать... (Хоз. Мороз., II, Акты, № 10). ...послати тех мостов досмотреть и домостить из Новагорода... (Дела Тайн. прик., II, стр. 573).

Осматривать: И я, холоп твой, взяв с собою выборных крестьян, и *осматривал* его, Никиткина, *житья* (Хоз. Мороз., I, № 101). ...Присылан был из оптеки дохтур *болезней его осматривать* (Розыскн. дела о Фед. Шакл., II, № 1). Ты же ко мне писал, что послали вы с Корнилом Шанским в село Рождествен-

ное к Ивану Федорову *лесу осматривать* (Хоз. Мороз., II, Акты, № 11). Поутру рано... пошли мы в своей филюге подле берега и встретили ту барку, которую посылал капитан от галер *осматривать вышепомяненных турецких кораблей* (Путеш. П. Толст.).

Родительный неполного охвата употреблялся в древнерусском также при ряде других глаголов, теперь требующих винительного: ...и пошлют коего же *збирати царьских казны*, ...и оне на царя возмут 10 рублей, а на себя сто рублев (Пересв., л. 93, стр. 205—206).

Смечати «числить, исчислять»: И писарь говорил: мы де чаем тем путем едешь не для Ракоцы: *смечаешь* де ты *казачьева войска и досматриваешь городов*, каковы наши городы крепки... (Из актов, относ. к посольству двор. И. Желябужского, 1657 г.).

Примечать: И *всего того добра примечати* и внимати (Домострой, 34).

Ср. близкое к первой группе *дозирать* «наблюдать, досматривать»: ...И везде *всякой порядни* ключнику *дозирать* (Домострой, 41). — Более редко употребление с совершенным видом: ...*Тех меж дозрити* и по тем межам *ям и граней досмотрити*... (Межевой обыск, 1606 г.). — «И будет те конюхи... посыланы были... от вас *конюшенных лугов дозирать*...» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 98). Рядом, впрочем, можно встретить и: «...как они *дозирали* в Вологодцком уезде *конюшенные луги*...» (там же).

Беречь: ...И велел бы тое *Петровой вотчины беречь*, чтоб наши ратные люди в загоны не ездили и крестьяном никакова насильства и грабежу не чинили (Грам. Лжедимитрия, 1609 г.). И вы б нынеча никуды не розежалися, *Берегли бы естя града Киева И всеѣ мое вотчины* (Сказ. о кѣевск. богатырех, нач. XVII в.). С совершенным видом глагола — Пригоже вам *моея вотчины поберечи* (там же).— И ехать с великим береженьем и раденьем — *судов беречь* накрепко... (Хоз. Мороз., I, № 30). Да Любиму ж *беречь вотчинных моих бортных лесов*... (Хоз. Мороз., I, № 169). Из поздних примеров см.: Полно, детушки, крушиться. *Берегите глаз своих* (Судовщиков, Три брата-чудака).

Оберегать: ...И *оберегать Нижняго и Арзамаса и понизовых городов*, смотря по тамошнему делу (Мат. Раз., III, № 25). И велел ему *оберегать Нижнего Новгорода и Арзамас* [sic!] *и тех и иных уездов* (там же). И *Нижнего и Нижегородского уезду и иных мест оберегать* (там же). И того числа отказали, в Полшу не пошли, станем де *своих мест оберегать*... (Отписка к царю дворян. Ив. Желябужск., 1657 г.).

Ср. *стоять* в значении «защищать» с род. падежом: А велит итьти ко мне изгонею в Киев град к вам, богатырям, на кърепко *стоять столнаго града Киева* (Сказ. о седми русск. богат., по списку XVIII в.).

Стеречь:

...ангели божии небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не (ис)пущают, *стрегут рода че-*

ловеческаго от всякия пакости... (Пересв., л. 92, стр. 205). А будет кто у кого наймется *стеречь двора, или лавки, или чего нибудь*... (Улож. 1649 г.). Денга *рубля стережет* (Стар. сборн., 665). Лугвица птица *путей стережет* (Стар. сборн., 140). Ср. выше — *дозирать*.

Испытывать: Испытывал своих я *сил* (Держ., Афинейскому витязю).

С совершенным видом: ...изобьем шоломы мечи: *испытаем мечев* своих литовъских о шеломы татарскыя, *сулиц немецькых* о байданы бесерманьскыя (Задонщ., 217 об.).

Кушать (значение «отведывать, пробовать»): И всякой семейной *ествы* господарыня или дворецкой сам *кушает* (Домострой, 51).

Просить: ...Про то они слышали ж, что он того *посоха* у патриарха *просил* (Дело Ник., № 36); ...Посылал де меня старец Боголеп и велел у того Ионы *прошати двунадцати алтын*» (Челоб. игумена Спасо-Прилуцк. мон. 1609 г.). В XVIII в.: ...*просит* по копейке за стих, да к святкам *кафтана* с плеча его превосходительства... (Фонв., Письмо унив. профессора к Стародуму). Ср. современное *просить* с род. неопределенного количества.

Спрашивать и под.: ...И тех *денег спрашивают* ныне в монастырской приказ в платеж (Дело Ник., № 114).

Возможны и случаи перенесения этой конструкции на лиц: Потом стольник Нардин-Нащокин приехал из гостей и *спросил дочери своей Аннушки;* и та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь...» (Ист. о рос. дворян. Фр. Скобееве); ...И *вопросил сестры своей*: «Сестра, что я не вижу Аннушки?» (Запись кабальн. кн. по Новг., 1597). ...И стал *мамки спрашивать:* «Кто приезжал...?» И дьяк Дмитрей Алябьев, выслушав служилую кабалу, *спросил Якушки*... (там же). Ср. и *расспросить:* И про то, государь, *роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери* (Памятн. Смутн. врем., 25).

Родственно с этими конструкциями употребление родительного падежа при *искать*. У нас сейчас при этом глаголе употребляется родительный падеж, если дело идет о поиске не определенного предмета, а предметов группового характера, абстрактных и под. В древнем языке и в первом случае обычно употреблялся родительный: «И вы той *отписи искали*, да не нашли» (Челобитная боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

Жалеть: И мы... нагайским людем до нашего указу ходити не велели, *жалея* нашего *государства* (Памятн. Смутн. вр., 45). *Жалея Струны*, таковую пагубу приял (Аввакум, 83). Ср. современные *жалеть денег, жалеть сил* при объекте неопределенного числа.

Приподнять: И царь против государева имени *приподнял шапки* и спрашивал про государево здоровье (Мат. путеш. Ив. Петлина, 276).

Пахать: ...И тебе бы их заставить *пашни пахать*, а буде пашня не поспела, и ты б велел сохи изготовить, покамест пашня поспеет... (Хоз. Мороз., I, № 54).

Рубить: ...А мурашкинские и лысковские крестьяне ездеть золы жечь и *дров рубить* далеко... (Хоз. Мороз., I, № 156).

Сечь «рубить». Также учнет кто ездит того села *лесу сечи* бес приказникова слова... (Грам. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.), — но там же и: ...а хто учнет *тот лес сечи* через сию заповед... . У Олонецких, государи, наших заводов наймаютца *дров сечь* на угольное зжение... (Челоб. Андр. Бутенанта и Христ. Марселиса, 1683 г.).

Возить: ...Да 4 крестьянина поехали на сергацкие майданы *дров возить*... (Хоз. Мороз., I, № 34). ...Да они же, государь, *возят поташу* до Нижнего по пя[ти] ж бочек (там же, № 156); но ср.: ...Велено крестьянам арзамаским в Павловском *возить* на берех *дрова* (там же, № 47).

Делать: ...И жалованье ему дано, что горазд *колес возковых и колымажных делать* (Хоз. Мороз., I, № 55); ...И тебе б о том отписать ко мне, хто у них мастер *колес делать* (там же, № 83). Но ср. тут же: ...и хотел на меня *колеса делать*; ...а *колеса б делать добрые*.

3. Родительный падеж целого (общего) при *кто*, *что*, *который* в древнем языке часто встречаем там, где мы теперь употребляем **из** с родительным: ...А *хто моих бояр* иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытъка половину (Духовная в. кн. Сем. Ив.). А *что моих людии деловых*... всем тем людем дал есмь волю (Духовн. в. кн. Сем. Ив.). ...Женам и девкам дело указати дневное всякому рукоделию, и *что работы*... (Домострой, 29). А *который нас* в лицех, на том денги (Юрид. акты, 1577 г.). И после пожару бывает им смотр, чтоб кто, *чего пожарных животов* захватя, не унес (Котош., 91). ...А *которой нас*, заимшиков, в сей кабале, в лицех на том и служба (Кабала 1606 г., Акты юр. II, № 127, II). ...*Что* де ни есть около моей вотчины *дворян и детей боярских*, *и татар*, *и мордвы*... (Хоз. Мороз., I, № 5). А будет *приезжих людей* учнут *хто что* продавать *воровской рухледи* и лошади, и тех людей велеть приводить к себе в съезжую избу и роспрашивать их гораздо (там же, № 149). ...а по окончании года обстоятельныя обо всем ведомости, *что* было посеяно *хлеба*... также *что стараго племяннаго скота* и птиц, и *что* от чего *какого приплода* тот год; еще: *что* где поставлено *сена* и *что* пришло *каких денег*... (Инстр. дворецкому, XVIII в.). В последних примерах *что* близко соприкасается по значению со *сколько*[1].

4. Характерно для др.-русского языка употребление родительного падежа в фамилиях, произведенных от прозвищ типа при-

---

[1] О подобном употреблении в первой половине XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 380—381.

лагательных[1]. Параллельно фамилиям на **-ов** от крестных имен (чей)? для фамилий такого типа берется родительный лица — единственного или множественного числа:

...боярину и воеводе нашему князю Александру Борисовичю Горбатого (Грам., в списке царя Иоанна Вас., писанн. в 1547 г.).

...И государь велел ево за посадом встретить боярину Ивану Петровичь Федорова да князь Дмитрею Федоровичю Палецково... (Выписки о приезж. на Москву царевых и... мурзах, с 1552 по 1618 г.). Князь Дмитрей Алексеевич Долгоруково (Дело Ник., № 34). И мы, великий государь, велели ево, патриарха, проводить с Москвы за Земляной город окольничему нашему князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково... (там же, № 40). И сентября в 25 день писали они, боярин и воеводы, на Царицын к Левонтью Плохово (Мат. Раз., II, № 24). С товарыщем своим с окольничим и воеводою с князь Костянтином Осиповичем Щербатого (там же, III, № 22).

Реже случаи употребления родительного множественного от фамилий и под., произведенных уже не прямо от прилагательных. Они обозначали только нечто вроде «из семьи таких-то»: Потом, тоя же зимы, по мале времени поехал изо Пскова князь Псковский, Иван Михайлович Репнин *Суздальских князей*, государю великому князю жаловатися на псковичь... (Сказ. о Пск. взят., 5). Княжны старицы Александры *Гагариных* да старицы Федосьи *Давыдовых* (Юрид. акты, 1679 г.,— Бусл.).

В настоящее время число фамилий типа родительного падежа сильно сократилось, и многие из них давно перешли в форму именительного падежа: уже в XVII в. вм. «Долгоруково» писали и *Долгорукой* (ср., напр., в «Улож. 1649 г.»), «Щербатово» заменили на *Щербатов* и под.

5. Родительный и творительный времени в древнерусском употребляются шире, чем теперь.

Примеры первого:

Родительный времени: *Тои* же *осени* много зла ся створи (1-ая Новг. лет., стр. 161). ...И тыб его отпустил к нам *часа того* (Грамота Иоанна IV царьградск. патриарху, 1558 г.). ... А *часа того* Обрам толмач отделаетца, и мы его тогды к тебе отпустим (Грамота Иоанна IV шведск. королю, 1573 г.). А *коево дни* пир, *тово вечера* или порану самому государю пересмотрити, все ли по здорову (Домострой, 50). ...В роспросе сказали, что вы, атаманы и казаки, *нынешние весны* с Азовцы учинились в розмирье... (Царская грамота на Дон, 1629 г.). И *того ж часу*... митрополит Павел и бояря ... сказали ... (Дело Ник., № 34). *Нынешние* де *ночи* ... внезапу шум учал быть (там же, № 36). И *тое* ж *ночи* ... посох святителя Петра чюдотворца подали великому государю (там же, № 39). Да *того* ж *дни* прислал к нам святей-

[1] Отчества на -ово типа «Семен Васильев сын Бородатово» (1484 г.), «Родивон Иванов сын Зеленово» (1485 г.) встречаются в др.-русском с конца XV в.

ший Ермоген... две грамоты (Отписка нижегородцев к вологж.).

...Потому что они *прошлой ночи* на свадьбе были в чужом жилище (Куранты).— ...И как скоро в город приеду, то *той* же *минуты* пойду в гавань и найму бот... (Эмин, Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда, 1792 г., стр. 24).

Примеры второго:

Творительный времени: А яз здесе ... *семи часы*, дал бог жив до божией воли и поздорову есми совсем (Пис. в. кн. Вас. Иоанн., 1530—1532 г.). ...И колоколо есть невеликое, а звонят *временем*, бояся бусорман (Хожд. на Восток Котова, 116). А ходу морем — *погодою* двои сутки, а не будет ветров своих, ино струги в тихое время переходят неделю (там же, 77).

Ср. еще в языке XVIII и начала XIX в.: О, коль *ночною темнотою* приятен вид твой при луне! (Держ.). Нечистый только лишь придет, И *тем же часом* пропадет (Хемн.). Пожалуй, разводи бобами. Слыхал я их *семи веками*, Красны они лишь на письме (И. М. Долгорук.). Поди-ка, сын мой, *добрым часом* (Дмитр.). Я вот свой [дом] построил *сими днями* (Крылов). Туда *зарею* поспешаю С смиренным заступом в руках (Пушкин, 1815 г.).

Родительный времени, в ряде случаев нередкий еще в первой трети XIX в., сводится теперь к наречным формам *сегодня* (из «сего дня»), *третьего дня* (ср. народн. *третьёводни*) и к немногим случаям, вроде *первого мая*, *седьмого ноября* и под., где в родительном времени стоит *первого*, *седьмого* (числа). *Мая первого дня* теперь уже ощущается как архаизм.

Творительный времени ограничен существительными со значением времени, приближающимися всё больше к наречиям (ср. ослабление их способности согласовывать с собою прилагательные). Современное сужение употребления этих падежей отчасти — результат общей тенденции славянских языков значения временны́е и пространственные у имен выражать предлогами, сохранив старину при сочетаниях с числами, отчасти результат, так сказать, обреченности корней с временны́ми значениями на сближение или совпадение с наречиями, выполняющими сложную роль, а в некоторых случаях — последствие естественной потребности дифференцировать выражаемые значения. Ср. с этим наблюдение Потебни (Из зап., II², 462): «Позднейший язык установляет большую разницу между протяжением времени, означенным творительным, и протяжением действия, падающим в это время. Теперь являются уже архаизмами выражения, как «...впервые годом [за весь год], да и то с горем», Даль, Посл., 47; «Она и в три часа напроказить может столько, что и веком [за век] не пособить», Фонв.; «Я в сорок пять часов, Глаз мигом [на миг] не прищуря, Верст больше семисот пронесся» (Гриб.) [1].

[1] Такое употребление, впрочем, не было обычным уже и в грибоедовское время. В «Вестнике Европы» 1825 г. «глаз мигом не прищуря» приводилось как пример плохого языка, как «уродливое выражение... которого нет ни в книжном, ни в разговорном слоге...»

6. Дательный пад. беспредложный со значением *куда?* встречается только в письменности ранней: част он, напр., в «Повести временных лет»; ср. по Лавр. спис.: Иде Ольга въ Греки и приде *Царюгороду* (17, об.). Иде Володимер ... *Новгороду* (68, 8). Пошед Давыд воротися *Смолиньску* (76).

7. Творительный причины, орудия и средства:

И в кровли, и в суши,— и тому подворью и всякому обиходу домовному *старостию* обетшания нет (Домострой, 61). ...И старцу Кирилова монастыря Полиехту бил челом и прощался, что *самовольством* подкосил (Дозорная память и приговор по челобитной, 1604 г.). И вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас, великого государя, стояли *неведомостью* и бояся от изменника нашего смертные казни... (Памятн. Смутн. врем., 44). Правильною *виною* посадил ево, Струну, на цепь за сие (Аввакум, 83 стр.). У Никона патриарха у благословения были они *простотою* своею (Дело Ник., № 36). Оставил де я патриаршество *собою*... (Дело Ник., № 6). А скаску де он, Григорей, писал *поспешанием*, истоpопелся (Дело Ник., № 9). И летось твоим *нерадениьем* и *обленкою* много у меня потошу пропало (Хоз. Мороз., I, № 31).

Во многих случаях этот творительный в XVIII в. отражает влияние латыни. Соответствует он нынешним сочетаниям **с из-за** с родительным и **благодаря** с дательным:

Любовник легче *вином* в цель свою доходит (Кант., Сат. 1). Лукавствуй ты иль нет, Димитрий *мной* увянет (Сумар., Дим. Самозв.). Избавь Россию *мной*, о небо правосудно! (там же). Воспомни, что *тобой* злой рок меня унес, И вырони о мне хоть каплю слез... (Сумар., Песня XXXII). Страждешь *ею* так, как я тобой (там же). Лишился я *тобой* спокойства и забав (Сумар., Элег. 4). Я время, мысли, ум и все *тобой* гублю (там же). Представь мне щеголя, кто *тем* взымает нос, Что целый мыслит век о красоте волос (Сумар., Епист. о стих.). ...*Мной*, сколько можно было, Нещастие тебя под стражею щадило (Сумар., Хорев). Лишь *ветром* плыть (Держ., Вельм.), ...Как дерн бугрит соха, злак трав падет *косами*, *Серпами* злато нив... (Держ., Евг.). ...*Сим средством* не потеряем мы ни одной черты из ево похвальных дел... (Крылов, Похвальная речь дед.). Богатый вдруг чертог не *ветерком*, но сам *собою* растворился (Дмитр., Причудн.). С чего ж начать свою мне оду, Покамест жар мой не простыл, Чтобы попасться *ею* в моду? (И. Долгорукий, Авось).

8. Творительный при страдательных причастиях и родственных им аналитических формах:

Яко *речено бысть* древле Исусу Наугину *богомь* (I Новг. летопись, 121 об.). А для каких дел, и то тебе *нами* будет *сказано* (Дело Ник., № 94).

Чаще, однако, в древнерусском (эта особенность встречается и в начале XIX в.) в параллель такому употреблению твори-

тельного выступает, по-видимому, по иноязычным образцам, **от** с родительным:

...а ныне *от них* же в таких великих и тяжких винах *пощажены* и *от смерти* свободны *учинены* (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.). Без денег он *от всех оставлен* очутился... (Хемницер) — (См. и § 3)[1].

9. Местный падеж без предлога, не частый в старославянских памятниках, в древнерусском не редок; ср., напр., Лавр. спис. летоп.: *Бѣлѣгородѣ* затворился Мстиславъ Романовичь (145). Поиди сяди *Кыевѣ* (45 об.).

Употребляется этот падеж беспредложно и во временно́м значении: *Томь* же *лѣтѣ* слаша ся по гюргя володимириця суждалю (1-ая Новгор. лет., стр., 38). Ср. *зиме, лете* («зимой», «летом») еще, напр., в XVI в.: А на Красном Станку и на Бронничье и на Понеделье *зиме* новгородцам и рушаном с москвитином, и тверитином и смолянином, с новоторжцом солью не торговати; а *лете* в Руской реки солью не торговатиж (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке,— писана в 1571 г.).

§ 2. Творительный предикативный.

Творительный предикативный (сказуемный и родственный сказуемному) — явление, характерное для славянских и балтийских языков. И в тех и в других он продукт исторического развития, хотя зародыши схожего употребления, возможно, восходят к более ранним эпохам (Ср. А. Потебня, Из записок по русск. грам., II², стр. 493 и след., И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 1911, стр. 190—191, и E. Fränckel, Das prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen,— Arch. f. slav. Philol., 40 (1926), стр. 77—117).

В памятниках — «Синодальном списке Новгородской летописи» и «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку творительный предикативный первоначально наблюдается почти исключительно с формой давнопрошедшего времени: Понеже *была бѣ* мати его *черницею* (Синод. сп., 29). Бѣ бо у Ярополка жена Грикинѣ, *бяше была* прежде *черницею* (там же, 29). И *бяше была чьрницею* (Лавр. сп., 90). В продолжении Новгородской летописи по списку Археографической комиссии выступает и: Преставися архіепископъ новгородчький Семеонъ, *бысть владыкою* пять лѣтъ и три месяца (411). А *чернцомъ был* на сѣнѣхъ годъ и двѣ недѣли (413).

[1] Относящийся к этой конструкции прокомментированный (не во всем убедительно) материал см. и в статье Е. А. Седельникова «Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке»,— в сборнике АН Казахской ССР, Инст. языка и литер., и Казахск. гос. унив. им. С. М. Кирова, каф. русск. яз., «Вопросы изучения русского яз.», Алма-Ата, 1955 г., стр. 154—158.— В этой же статье, стр. 112—178,— древнерусский материал и по другим функциям творительного падежа.

Большинство известных случаев при глаголе «быть» в прошедших временах — с творительным, обозначающим человека по его должности или сану. При полусвязочных глаголах вроде «стати», «творитися» в этих памятниках в тех редких случаях, где они встречаются, употребляется творительный: И самъ *царемъ ста* (Синод. сп. лет., 180), и под.[1].

В позднейших памятниках в целом отражаются те же особенности, причем важно с точки зрения отношений, которые мы имеем в литературном языке и сейчас *(быть учеником, быть красноармейцем)*, что даже памятники с сильным церковнославянским языковым влиянием имеют творительный предикативный при инфинитивах, т. е. в большинстве случаев не настоящих сказуемых[2].

Только в средине XVII в. (Котошихин) употребление творительного предикативного возрастает за счет именительного, но, при всем том, в будущее время он по-прежнему не проникает. Не выступают в форме творительного предикативного и имена прилагательные. Рост употребления творительных предикативных у писателей начала XVIII в. О. В. Патокова[3], по-видимому справедливо, относит на счет украинско-польского влияния, видя в пишущих петровского времени в большей или меньшей мере выучеников юго-западной школы на Москве.

Явно к польским образцам восходят, напр., конструкции типа: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны» (Именной указ Сенату 1711 г.).

В период от Ломоносова до Карамзина происходят такие дальнейшие сдвиги:

Творительный предикативный в значении лица, занимающего должность, при *был* окончательно упрочивается, делаясь обязательным: ...Хотя бы он царем всея вселенной был (Сумар., Синав и Трувор).

За этим образцом начинают следовать (впрочем, не без сильного колебания в сторону именительного) слова *свидетель*, *смотритель* (зритель), *неприятель*, *предводитель*, *наследник*, главным озбразом, как видим, со значением лица, временно совершающего определенные действия: Вождь наш, который был смотрителем сего сражения... (Праздн. время, 1759 г., 11). Я теперь был свидетелем пресмешныя сцены (Фонвиз.). Свидетельницею, Элиза, ты была (Я. Б. Княжнин).

В духе тенденций, наметившихся уже у писателей петровского времени, учащается творительный предикативный в настоящем времени, в будущем и при повелительном наклонении. В круг слов включаются и отвлеченные, чаще всего — *причи-*

[1] Для «творитися» оба примера — сочетания с причастиями.

[2] В ст.-слав. творит. предикативный при *бытии* свидетельствуется уже (для XI в.) Супрасльскою рукописью.

[3] См. статью О. В. Патоковой — К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке, Slavia, VIII (1929 г.), стр. 1—37.

ною. Ср.: Конечно, некто есть *причиною* ей мук сих (Сумар., Син. и Трув.). Города ныне суть печальными *знаками* непостоянства (Пр. вр., 298). Сие состояние, предвещающее разум, есть *источником* большей части наших познаний и заблуждений (Приклон., 35). Заслуживает внимания при этом различие жанров — творительный предикативный в общем чаще в это время в комедии, чем в трагедии, в беллетристике журнальной, нежели в эпосе, и это свидетельствует о продолжающейся борьбе стихии церковнославянской с разговорнорусской. Дальнейший рост употребления творительного предикативного характерен для языка Карамзина, у которого творительный предикативный оказывается предпочтенным именительному с вполне определенной последовательностью во всех случаях, где возможность его раньше только намечалась; ср. даже случаи (правда, отдельные) употребления в этом падеже прилагательных (в широком смысле термина): Боголюбский был, конечно, одним из мудрейших князей (Ист. гос. Рос., III, 19). Победа не была сомнительною (там же, 100), и под. Язык Карамзина — в основном решающая стадия в истории развития творительного предикативного. В дальнейшем не происходит ничего принципиально меняющего черты и частость оборотов с ним, наметившиеся у Карамзина,— лишь относительно небольшие отклонения в ту или другую сторону, под пером главным образом выдающихся писателей, получают стилистическую дифференциацию. Заслуживает, впрочем, внимания, что в течение XIX в. совсем выходит из употребления творительный предикативный с *есть* и, вместо случаев с отвлеченными существительными типа «Ах, этот человек всегда Причиной мне ужасного расстройства» (Гриб.), «Признайтесь, вы этому одни виною» (Лерм.), устанавливается или именительный, или сочетание с «является»[1].

Пути развития в литературном русском языке творительного предикативного отражают, по-видимому, тенденцию при соотношениях «именительный подлежащего — именительный сказуемого» или «именительный приинфинитивный» — специфицировать часть сказуемого или часть приинфинитивную, использовав различения постоянного и переменного признака,— тенденцию, имевшуюся уже в глубокой древности.

Важным моментом того же порядка в истории синтаксиса славянских языков является развитие творительного падежа (творительного предикативного) вместо второго косвенного падежа имен существительных, особенно — винительного. Как отмечено А. А. Потебнею, «Из запис. по русск. грам.», II, стр. 508,— в русских памятниках, в отличие от старославянских, таких, напр., как Саввина книга и Остромирово ев., издавна наряду с двойным винительным у имен существительных: Елма же ты, брате мой, введя мя на стол мой и нарек *мя старейшину* собе,

[1] Ср. РЛЯ пп. XIX в., изд. 1954 г., стр. 331—332.

се аз не помяну злобы первыя (Лавр. сп. лет.); а *кого* бог поставить *князя*, а с тем мира потвердить (Список с мирн. грам. новгородцев с немцами при кн. Ярославле Волод. 1199 г.), выступают также обороты с винительным-творительным: ... и *отцем мя* назвал, и яз *его сыном* (Ипат. сп. лет.). Володимер же *великимь мужем* створи *того* и *отца* его (Лавр. сп. лет.).

Чем ближе к нашему времени, тем сильнее преобладание второй конструкции. Как верно заметил Потебня, указ. соч., стр. 509, в новом языке случаи второго винительного у существительных вроде: «Я брал *тебя жену* себе по разуму» (Барсов, Причит., I, 278) крайне редки.

Творительный предикативный имен прилагательных, как замена винительного предикативного, по наблюдению Потебни же (указ. соч., стр. 516—520), не известен старославянским памятникам и очень редок в древнейших русских памятниках: ...ти бо мимоходячи прославлять *человека* любо *добрым*, любо *злым* (Лавр. сп. лет.). Позже творительный становится, однако, в подобных случаях господствующей конструкцией[1].

Замена творительным предикативным в членной форме д а т е л ь н о г о падежа прилагательных в нечленной форме (т. е. конструкций типа: «Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников *быти*, яко отцу до детей своих, *щедру*» (Пересв., л. 92, стр. 205) совершается в русском литературном языке в основном на переломе XVIII—XIX вв., полностью устанавливаясь едва ли не только во второй его половине: А *правому*, батюшка, для чего *не быть виноватым?* (Фонв.) ...Кто, любезный друг, велел *тебе быть праздным?* (Гриб.) и под.

Подводя итоги своему исследованию, Потебня так характеризует значение установления в языке творительных предикативных падежей за счет их синтаксических предшественников: «В предложении древнего языка согласуемость (атрибутивность) играет бóльшую роль, чем в новом... на месте двух одинаковых косвенных падежей, ставших друг к другу в отношение, отличное от простой атрибутивности, с течением времени становится винит. с твор., род. с твор., дат. с твор. На месте предикативного атрибута, согласуемого с подлежащим, лишь во многих, но не во всех случаях ставится твор., причем два прежние именительные (подлежащего и предикативного атрибута), где они остались, получают новый смысл[2]. Перед нами здесь различие бывших

---

[1] К употреблению двойного винительного в литературном языке первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 338—340.

[2] Потебня имеет в виду свой анализ смыслового различия между конструкциями с именительным предикативным и творительным предикативным (стр. 521, 522 и 528).

Творительный предикативный, согласно его пониманию, выражает один из соподчиненных признаков, приписываемых данному подлежащему, но еще не вошедших в содержание его.— См. и И. Б е л о р у с с о в, Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни, Орел, 1901, стр. 136.

прежде однородными функций членов предложения. Если в области внешней органической природы разграничение органов есть усложнение и в этом смысле усовершенствование жизни, то и здесь мы должны видеть усложнение душевной жизни и усовершенствование языка. Внесение в предложение рассмотренного тв. расширяет область несогласуемых падежей, т. е. грамматического объекта, на счет согласуемых, т. е. грамматического атрибута, но так как при этом в области объекта не только не происходит никакого смешения прежде существовавших категорий, но образуется новая, то стремление свести категорию атрибута на атрибут в тесном смысле, т. е. непредикативный, служит на пользу экономии языка» (указ. соч., стр. 534—535).

Заслуживает быть отмеченным среди прочего влияние и эстетического момента, сказавшегося в избегании сказуемых, формально одинаковых с подлежащими. В древнерусском мы находим, напр.: А возмут на него в то веремя грамоту, ино *та грамота не в грамоту*... (Догов. грам. вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. княз. рязан. Иван. Федор., 1431 г.). А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачьи подписи... ино *та отпустнаа не в отпустную*, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и *та отпустнаа грамота в отпустную* (Судебн. 1497 г., 18), или:... Ино *ся моя грамота не грамотою*, а *дело не делом* (1448 г., Акты Зап. Росс., II, 55 — Потебня). ...и хоти кто возмет на них и безсудную мою грамоту, а не на тот их срок, и *та моя безсудная не в безсудную* (Грам. митр. Макария, 1542 г.). Так же и *дворяне* московские и городовые, и дети боярские, многие есть старые, издавна тех родов, которые преж сего были *во дворянех* же при великих князех (Котош., 28).

§ 3. Значение и управление предлогов и наречий-предлогов.

Сравнительно с составом древнерусских предлогов и наречий-предлогов современный литературный русский язык представляет относительно немного отличий. Вымирает в нем предлог **про:** вм. «говорить про что-нибудь» и под. мы решительно предпочитаем теперь: говорить *о чем-нибудь* и под.; не употребляются древние **дѣля**[1], **опричь**[2] и под.; **поровень**; ср.: Будеть ли головник их в вьрви, то зане к ним прикладываеть, *того же деля* им помогати головнику (Русск. правда, 59—65). А доводчику ездити во стану без паропка и без простые лошади, *своего деля прибытка* (Уставн. белозерск. грам. вел. кн. Ив. Вас.,

[1] След старого *деля* сохранился в устарелом слове *богадельня*.

[2] Этимологическое отношение слов о п р и ч ь (о п р и ч н о) и вполне ясного **опроче** «кроме» (ср.: *прок, прочий*) остается необъясненным. *О п р и с н ь*, возможно, как-то отразило ассоциацию по противоположности с *присный* «близкий; родственный, ближний». Примеры вариантов *опричь, опришь* и др. см. в «Материалах» И. И. Срезневского, том II.

1488 г.) — ...и не судят их ни в чом, *опрочъ душегубства* (Грам. в. кн. Вас. Вас., 1447 г.). ...ни судят их ни в чьм, *оприч душегубства* (Грам. в. кн. Вас. Вас., 1448 г.). ...и по сему моему третейскому приговору взять ево Семенову сыну Тимофею... Тех крестьян с женами и с детьми... *опричено двух семей...* (Суд. дело 1649 г.). Оприснь (опрично) «без»: «Аще чернець, или черница, или поп, или попадья, или проскурница впадуть в блуд, тех судити епископу (,) *оприснь мирян...*» (Устав. кн. Ярослава вост.-русской редакции) А река Розумница вытекла близко, *поровень реки Кореня*, по Оскольской и по Ливенской дороге, из Разумного лесу (Больш. Чертеж); почти вымерло **промежъ**; ср.: Чтоб *промеж нас* какова дурна не учинилося (Дело Ник., № 40); **развѣ** «кроме»; ср.: А дворяном твоим по селом у купцов повозов не имати *разве ратнои вести* (Догов. грам. Новгорода с вел. княз. Ярослав. Ярослав. 1264 или 1265 года). А дворяном твоим у купцев повоза не имати, *разве ратной вести* (Догов. грам. Новгорода с тверск. вел. кн. Александр. Мих. 1325—1326 г.). А всегда бы жена без рукоделия сама ни на час не была *разве немощи* (Домострой, 64). «...*развее* бо *того* иного бога не знаем» (Хож. Афан. Никит.).

По-видимому, **развее** (развѣе) колебалось в употреблении между функциями предлога и союза. Ср., например, в союзном употреблении: «Иже поп дети крестит в чюжем переезде, у иного попа, *развее нужда*, или при болезни... митрополиту в вине будет» (Устав кн. Ярослава Владимировича, 48).

Из старого сочетания **«въ + родительный** падеж имени существительного или местоимения — **мѣсто»** возникает наречие-предлог *вмѣсто;* ср. др.-русск. сочетания: А *в* того *место* новопоставленному даетца иный посох (Дело Ник., № 39). Возможны в старину и сочетания типа: Старой долг *за находки место* (Стар. сб., 2132). Бедному кус *за ломтя место* (Стар. сборн., 163).

Распространены также сочетания с посессивными (притяжательными) именами прилагательными и такими же местоимениями, согласующимися со словом м е с т о: А брата своего старейшего имети ны и чтити *в отцево место* (Догов. грам. вел. кн. Сем. Ив. с князьями Ив. Иван. и Андр. Иван., около 1350—1351 гг.); А дотоле ездит по моим селам брат мои Григореи *в мог место* («вместо меня») и людми моими володеет (Дух. Остафия ок. 1396 г.).

Насколько живо еще, например, в XVI веке сочетание **вместо** ощущалось как состоящее из предлога и зависящего от него винительного падежа имени существительного, видно из возможности не только постановки зависимых слов между предлогом и словом **место**, но и из того, что со словом **место** могут в это время согласовываться формы притяжательных прилагательных, относящиеся к соответствующим именам. Ср., например: «...ты ли отвечиваешь в кириловских хрестьян место, в Насонково и в Наумково?» (Судная грам. № 19, изд. в «Актах» А. Федотова-Чеховского). Имена крестьян — *Насонко* и *Наумко*.

Заметные изменения произошли в **значениях предлогов**: **для** с XIX в. получило вместо старого значения причины и интереса («ради») значение цели. Ср. у писателей XVIII в.: Мысли, которые тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных... (Ломон.), и под. Примеры старинного **для** — «за», «из-за»: А что писал еси о брате своем Ирике короле, будто нам *его для* было с тобою война почать, и то смеху подобно: *того для* было нам с тобою нечего для война починать; брат твой Ирик нам не нужен (Грам. царя Иоан. Гр. к шведск. кор., 1573). А которых людей попытают по тому обыску, и тем людем взяти безщестья вдвое *для лжи* их, чтобы впредь не лгали (Судебн. 1589 г., 42)... И в Латошино, государь, *для* пашенных *лошадей* посылал, и ис Латошина пригнали 15 лошадей павловских (Хоз. Мороз. I, № 52). И как Григорей Байков пришлет к тебе *для людей*, и тебе б послать к нему крестьян *для* валового *дела*... (там же, № 123).

Около конца XVIII в. **для** в литературном языке приобретает значение дательного, особенно при прилагательных и наречиях (сказуемых): *приятный для тебя, для меня трудно* и под.

Из употребления по самому своему значению вышли древнерусские конструкции: **за** с винительным и **из-за** с родительным падежом имени существительного в соотносительных значениях — «убежать (из подданства) к кому-нибудь» и «быть возвращенным от кого-нибудь»; например: «Да во 115-году села Варварсково из деревни Соколова *збежали* крестьяне Куземка, да Семейка да Васка Семеновы дети... *за сына боярсково за Петра Иванова сына Онучина* в деревню Нижнюю Роботку. Да в 114-м году села Варварсково из деревни Игрищ *збежал* крестьянин Макарко Данилов с чети выти в село Запрудное *за немку Варвару*. И те крестьяне по государеву указу *из-за Петра Онучина и из-за немки Варвары вывезены* и посажены на старых жеребьях (Сводная и дозорная книга 1614 г.).

Ср. **за** в значении кому?: «...для чево мужики Федору Ивановичю мясо платили, а как *за меня достались*, так и бедны стали? (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.).

Наречие-предлог **мимо**, употреблявшееся обычно с винит. падежом, лишилось значения «вопреки»: ...Только вы, атаманы и казаки, *мимо наше царское повеленье* и указа учнете на море ходить, и Турского салтана людей учнете громить..., и вам, атаманом и казаком, от нас, великого государя, быти в опале и в великом наказанье... (Грам. царя Мих. на Дон, 1629 г.), — форма «указа» — , вероятно, род п. ед. ч.; ...и имяна тем пустошам переложил *мимо писцовых книг* (Суд. дело 1647 г., Фед.-Чех. II, № 116). И третейской Терюшново приговор Марышкина отставить потому, что *мимо дела* написан (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех. № 118).

Утратилось также значение «кроме» — только с родительным: ...и *мимо своих прямых дел* никому из них ни за кого на Москве

по приказом и в городех к воеводам для челобитья *не ходить*... (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).

Из употребления вышло **на** с предложным падежом в значении лица, к которому предъявляется иск, требование и т. п.: ...и жеребца у тебя возму да 1000 золотых *на главе твой* (sic! — твоей) возму (Хож. Афан. Никит.). ...а то вы... своровали, что *на мужиках* оброшнова мяса не доправили... (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.). ...и вам бы *на крестьянах* деньги доправить тотчас... (там же).

О, об с предложным падежом[1] почти полностью утратило свои приименные функции: значение приблизительности — «около»: И паде *голов о сте кметьства* (Новг. лет.,— Бусл.); значение состава — «квартира о пяти комнатах», «береза о пяти верхах»: ...У передней горницы *сени о дву житьях*... (Дела Тайного приказа, I, стр. 203). ...Другая *фузея* немецкая ж *о трех замках* (Розыскные дела о Фед. Шакловит., IV, стр. 129). ...Ворота болшие, *об одном щиту* с калиткою (Закладная 1691 г.) — в настоящее время является отмирающим.

Утрачены и некоторые случаи приглагольного употребления вроде:

«...сперва ползал, потом *о себе*, а после *о посохе ходит*» (Кург., стр. 292). Вышли из употребления и др.-русск. *о чем?* в значении «почему?»: *О чом* жо ты *не искал* на Ивашке в ту шесть лет? (Юрид. акты, 1491 г., — Бусл.). ...И ты *о чем* к нам *послов своих не прислал* во все лето?.. (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

Приблизительно к концу XIX в. в речи младшего поколения стало замирать употребление предлога **о** с предложным падежом во временно́м значении: *о рождестве, о святках*. В старинном языке употребление предлога **о** с творительным во временно́м значении (когда?) было шире: ...И ты бы н~нча ко мне о том отписала, беремянна ли еси, и как свое время чаеш, *о которых днех?* (Грам. вел. кн. Софьи Фомин. 1494 г.).

Исчезло употребление **от** с родительным падежом при пассивных конструкциях: Поместейцо, государи, за мною во Тверском уезде в Захожском стану *от литовских людей выжжено и разорено*... (Челобитье А. Царевского, 1611 г.). ...а ныне *от них же* в таких великих и тяжких винах *пощажены* и от смерти свободны учинены (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.). Он *убит от брата* за Христианство 971 году... Святослав I, сын Игорев... *убит от Печенег* 972 (Татищев).

Это употребление замирало в первые десятилетия XIX в.[2].

Перед перестало употребляться в значении «сравнительно с»; ср. др.-русск.: И от того соболи почали быть *перед* старою *це-*

---

[1] Изредка с винительным: А блюдо великое серебрьное *о 4 кольця*... (Духовн. моск. кн. Ив. Даниловича, 1327—1328 гг.).

[2] РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 368—369.

ною дороже (Котош., 91). ...Чтоб *перед прошлыми годами* гораздо паташу на майданах было с лишком (Хоз. Мороз., 1, № 170).

По с винительным падежом количественных числительных и с соответственными падежами существительных в старейших памятниках значит «в течение»: «...бьяху же ся крепко *по три дни...*» (Новгор. 5 летоп., под 6674 годом). Из очень архаичного употребления см., например: «Цесарь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, *имшеся по дань...*» («Договор Руси с Византией» 907 года), т. е. «взявшись уплатить дань» (*по* характеризует установку на будущее).

Вышло из употребления **про** с винительным падежом в значении основания, причины; ср. др.-русск.: «...аще жена на мужа наведеть тати, велить покрасти двор мужа своего, или сам покрадеть... *про то их разлучити*» (Устав кн. Ярослава вост.-русской ред., 53).

Противу, противъ утратили из принадлежавших им раньше — значения: 1) «накануне». ...*Вседше в лодия противу свету*, въструбиша велми трубами... (Новгор. 5 летоп., под. 6476 годом) — «сев в ладьи пред рассветом...» Да писала еси ко мне наперед сего, что *против пятницы* Иван сын *покрячел* (Письмо в. кн. Василия Иоан. 1530—1532 гг.); ...*А против праздника* [«накануне праздника»] во всю ночь *не спят*: станут с вечера в трубы трубить и в суренки играть и по литаврам и по набатам бить... (Хожд. на Вост. Котова); 2) «сравнительно», «подобно», «соответственно» («в соответствии **с**»), «за»: Октября в 1 день принес к Якову и к Тишине Антоней Поссевинус от папы *жалованье и платье против Яковлевых и Тишининых поминков* (Отч. Я. Молвянин.). И свадебной чин и веселие бывает *против того ж* (Котош., 15). ...межи и грани *поновить против прежнего приговору...* (XVII в., Фед.-Чех., 1, № 134). «Велети *собрать* на себя села Мурашкина с приселки и з деревнями со крестьян и з бобылей *мое жалованье*, приказщиков доход..., *против прошлых лет и против наказу*, каков ему, Поздею, наказ дан» (Хоз. Мороз., II, № 23, 1651 г.) «И в нынешнем... во 160-ом году писано от тебя, государь, ко мне, холопу твоему, *против* моей, холопа твоего, к тебе, государю, *отписки...* (Хоз. Мороз., 11, № 36, 1651 г.). И вы де тех подчиненных людей *противу* нашего великого государя *указу* держите под крепким началом (Грам. 1663 г.). ...бояре, слушав сей выписки в передней, приговорили, *против Уложенья*, учинить тому стрельцу наказанье... (Дело об убийстве, соверш. стрельцом О. Кузьминым, 1676—1677 г.). «...межи и грани поновить *против* прежнего *приговору...*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134). Дьякон Михайло про приход в церковь патриарха Никона... *сказал против товарищев своих речей* (Дело Ник., № 36). О которых делах указами ясно не изъяснено, о тех предлагать сенату, чтоб учинили на те дела ясные *указы, против указа апреля 17 дня 722 года*, которой всегда на столе держится (Указ о долж. ген.-прокурора, 1722 г.).

Через лишилось значений:

1) «вопреки»: А *черес сю мою грамоту хто ся ослушаеть*... и мои наместници Белозерскии возмуть на том в мою казну два рубля заповеди, а от меня быти ему в казни (Жалованн. грамота белоз. кн. Мих. Андреевича, между 1448 и 1469 гг.). *А через сю мою грамоту* кто на них что возмет или их чем изобидит, быти от меня в казни (Жалованн. грамота вел. кн. Василия Вас., 1456 г.). Али чаеш, что по прежнему воровать Свейской земле, как отец твой Густав *через перемирье Орешок воевал?* (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.). А что послы твои *через обычай и через опасную* [охранную] *грамоту* так безчествованы и в поиманье были, и ты тому не дивися: за твое неподобное дело над нашими послы терпети было невозможно (Спис. с грам. Иоана Гр. к шведск. кор., 1573 г.). Ежели же президент, или кто вместо его отправляет, сие пренебрежет, то есть, ежели кого *через сей указа* [sic!] в пункте изъясненной впустить велит, или сам лишнее говорить или другим говорить не запретить, то за каждое преступление пятьдесят рублей заплатить должен (Генер. реглам., 1720 г.);

2) далее, временно́го «в течение»; ср. в XVIII в.: ...О непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я *чрез много лет* за великое между моими благополучиями почитаю (Ломон., Письмо к И. И. Шувалову). Приди, мой благодетель давный, Творец *чрез двадцать лет* добра (Держ., Приглаш. к обеду). *Чрез семь сот* лет едино племя Ты с Российским скиптром сохранил (Ломон., Ода 12). ...кормить чистым овсом с сечкою, чтоб сыты были *чрез всю зиму*... (Регула о лошадях). Малтийцы... положили его в порожнюю бочку и, *чрез долгое время* оную катая, истощили из внутренности его воду (Эмин, Непостоянн. Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792, стр. 29). Не удивительно, будучи *чрез долгое время* носиму по волнам, в такую придти слабость (там же).

У племяни Волков и племяни Овец Велась война *чрез тысячные лета* (Озеров);

3) в течение XIX в. замирало и причинное значение (конструкция заменялась предлогом *вследствие* с родительным падежом и под.). В XV в. писали, напр.: Аврелий Кесарь... с великим гневом сказал: в этом городе собаки живой не оставлю. *Чрез сие ласкались* воины великою корыстью (Кург., 255); *Чрез то* изменник достойную *мзду получил*... (там же). ...нашу филюгу с якоря сорвало и отнесло в море, где с великим трудом и страхом *через великую силу* спаслись... (П. А. Толстой) — «с большим трудом».

Ср. еще у Грибоедова: Какими чудесами, *через какое колдовство* Нелепость обо мне все в голос повторяют?

Характерны также сдвиги в п р е д л о ж н о м у п р а в л е н и и. Существеннейшее, сюда относящееся, можно свести к следующему:

По с винительным падежом в значении временно́м распределительном (дистрибутивном) сменилось в ряде случаев употреблением с дательным, наиболее обычным падежом при этом предлоге; ср. др.-русск.: А велено де на Белеозере по торгом в торговыя дни биричю кликати не *по один день*... (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.). В великом Новегороде на посаде велети сю память вычитати всем людем вслух и биричю велети кликати по всем торгом не *по один день*... (Память новгородск. пятиконецким старостам, 1602 г.). А про меня холопа своего вели сыскать, как он мне грозит и бранит не *по один поем*... (Хоз. Мороз., I, № 59). ...И сидел с стрелцами, заперши в хоромах, *по многое время* (Розыскн. дела о Фед. Шакловит., II т., VIII, № 1).— Ср. и: К могиле мужниной *по всякий день* приходит... (Хемн.).

Изредка **по** управляет предложным падежом: Кого же по своему совету в государевых палатах не нашли, тех *по дворах* их по знакомым людем всюду, полками ходя, искали крепко («Созерц. краткое» С. Медв.).

При предлогах с двояким управлением, не мотивированным семантически, установился (или близок к окончательному установлению) только один падеж: **между, меж** в настоящее время управляют обыкновенно творительным; управление родительным остается чертою почти только архаизирующего стиля[1]. Вышло из употребления **с** с винительным: ...Да *з другую сторону* от Лепника по Великую ниву... (Данная старца Авр. Внукова, между 1471—1475 гг.). А сидит круг папы *с правую сторону* шесть кардиналов, а *с левую сторону* — десять кардиналов (Отч. Я. Молвян.). И те их речи, *с обе стороны*, толмачат переводчики, а для записки речей, *с обе стороны*, стоят секретари и подьячие (Котош., 65). Ср. совр. *слева*, *справа*, *сбоку*, *со стороны* и под.

Сквозь[2] с родительным, хотя такое управление нередко еще в середине XIX в. (ср., напр., у Огарева: Светит *сквозь узора* мерзлого окна), решительно уступило место управлению только винительным.

Возможно, что параллелизм в употреблении падежей при **сквозь** вызвал у Державина исключительное управление — одновременно родительным и винительным при **чрез**: «Он гребет *чрез волн и тму*» (Потопление).

---

[1] В XVIII в. возможио было употреблеиие также вроде «...Крепка *между меня* с сей гостьею межа» (Сумар., Лис. и Еж). Ср. также любопытные примеры коитамииации двух коиструкций: А *межю Тферью и Новагорода* розьезд по давиой пошлиие (Догов. грам. ки. тверск. Мих. Ярославича и Новгорода, 1301—1302 гг.). ...вам, братие, сужеио место *межь Доном і Непра* иа поле Куликове... (Задоищ., 224 об.). Какое же есть басисловиое сходство *между басней и священного писания* (?) — (Кург., стр. 326).

Уже к девятиадцатому веку отиосятся подобные случаи, главиым образом — у поэтов: «...Залог живой *Меж праха милого и мной*» (Козлов) и под.— РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 366.

[2] Для Ломоиосова, Рос. грам., § 456, *сквозь*, как и *через*, было наречием-предлогом.

При предлогах **надъ** и **предъ (передъ)** утрачен винительный направления, употреблявшийся раньше. **Над:** *Над мертвеця* идете (Лавр. сп. лет., 80 об.). Ср. по старинному образцу у Ломоносова: *Над тучи* оным простирайся. **Пред** с винительным: А послух не пойдет *перед судью* (Судебн. 1497 г., 50). ...и пристав мой записывает им *перед меня* один срок в году зимѣ (Грам. митр. Макария, 1542 г.).

Еще очень часта эта конструкция в XVIII в.: Она приказала всех нас троих привести *перед себя* на нелицемерный суд (Данилов). Вдруг предстала *пред него* одна тень, одетая в скороходское платье (Крыл.), и под.

Как редкий случай можно отметить управление **промежь** винительным, и при том не со значением *куда?*: ...И *промежь тое гору* течет река не велика порожиста (Хожд. на Вост. Котова, 86). А дорога ехать *промежь сады* арменьские, и жидовские, и аврамские, и тевризские *слободы*... (там же).

Наречия-предлоги места утратили старое управление винительным или дательным и управляют теперь только родительным. Ср. др.-русск.: **възлѣ**: Они же доспевше поидоша *възле реку* Оку горе (Лавр. сп. лет., 145 об.). ...близ монастыря того... при мори *возле* городную *стену*... (Хожд. Стеф. Новг.) [1]; **мимо:** А приедет Суздалец с товаром откуды-небудь, а повезет *мимо город Суздаль*, а в городе не торгует, и им являти таможником... (Уставн. грамота 1606—1610 г.). А *мимо Белград* потекла и пала в Дон (Больш. чертеж). Да в тож де число шол Волгою *мимо Царицын* патриарш насад (Мат. Раз., I, № 9). Ср. в былинах: А им слуцилосе итти *мимо стольне-Киев град* («Сорок калик со каликою», зап. Григ. III). Известно такое управление и говорам; подобное же управление в значении «минуя, помимо»: И будет ваши посыльщики вперед деньги учнут привозит *мимо Большой Розряд* или четверти, и я Прокофей ото всего дела и от земского промыслу отступлюсь (Грамота бояр из Владимирской чети в Тверь к воеводе, 1611 г.). Но ср. и: А хто в Перемышле на посаде и в уезде *мимо кабака* учнет корчемное питье держать на продажу... (Грамота из Ярослав. четьи откупщику Ж. Микулину, 1611 г.); **подлѣ**: ...А четвертое место у Кривых нивах *подле Теменской путь*... (Раздельная Спасо-Мирожского монаст., XV в.). Так питаемся *подле море Черное* (Ист. об Азовск. сид., 10). ...на Стрельном ручью *подле Лижингу реку* (Приходо-расх. книга Нижегород. чети, 1625 г.). Ср. в былине: А ишше шли де туры *подле синё мо́рё* («Васька пьяница и Кудреванко царь», зап. Григ., III [2]);

---

[1] Ср. М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области сев.-великор. наречия,— Сборн. Отд. русск. яз. и слов. АН, XVII, № 3, 1877, стр. 127: *возле дорогу*.— Много примеров слышано и мною лично.

[2] Но древнему языку известно и нынешнее управление **подле** — родит. падежом; ср., напр.: ...И шли подле реки все пеши... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 гг.). Измереть ему и описать порозжую землю подле Кадашев[ской] слободы (челоб. XVIII в.,— Крепост. мануф., III, № 83).

противъ, противу: Сташа шатры *противу Кыеву* по лугови (Лавр. сп. лет., 110 об.). Посла и отець свои с вои *противу мачесе* (там же, 113 об.).

Предлоги места **в** и **на** и параллельно **из** и **с** (значения «средина» и «поверхность») стали употребляться менее идиоматично. Ср. др.-русск.: ...Пущен бысть Вышата *в Русь* к Ярославу (Лав. спис. лет., 52 об.). Кони ржут *на Москве;* бубны бьют *на Коломне;* трубы трубят *в Серпухове* (Задонщ.). Писали мы к вам преж сего, чтоб вам *на Вологде* и *в уезде* собрати всяких ратных людей (Отписка нижегородцев вологж.). А генваря *в 27 день* писали нам *с Резани* воевода Прокопий Ляпунов и дворяне и дети боярские и всякие люди Рязанския области (Отписка нижегородцев к вологж.). В то же время пришла *с Москвы* грамотка ко мне (Аввак., 83). И *с тех приказов*, Казанского и Сибирского, ссылаются *с Москвы* и из городов на вечное житье всякого чину люди, за вины (Котош., 93). ...Отец того Ивана, Михайло Семеновичь Воронцов, был от нас наместником *на нашей отчине, на великом Новегороде* (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...Столник и воевода Иван Иванович Засецкой у столника и воеводы у князь Перфилья Ивановича Шахавского принял *на Туле* город, и острог... (Опись г. Тулы 1676 г.).

К соответственному различению предлогов см., напр.: А кто приедет в Новгород *с Москвы* и *изо всех городов* и *из волостей* Московския земли... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке,— писанн. в 1571 г.). ...а о грамоте велел бити челом, чтоб вотчина моя по прежнему ведать во всяких делах *в Галиче* и не *на Унже*... (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1684 г.).

Это же следует сказать и о **к, у, от:** ...Две грамоты — одну — от всяких московских людей, а другую — что писали из под Смоленска московские люди *к Москве* (Отписка нижегородцев к вологжанам). Да *от Соли Вычегодцкой* взят *к Москве* Кирилова ж монастыря чернец Иона Зуй (Грам. 1647 г.). А которые люди ездили из нашего, великих государей, похода *к Москве* и с Москвы в наш, великих государей, поход... (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медв.); но: ...и те бы шли с Москвы в Киев без замотчанья (там же). Еще в XVIII в. писали так же: Потом [Ал. Орлов] просил пашпорт ехать за границу, но, не взяв оный, уехал *к Москве* (письмо Екат. II Потемкину 1788 г.).

Из наиболее поздних примеров: Слугу послал *к поместью*, Чтоб выслали сюда запасу и оброк... (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.). Кривосудов...: Куда же ты? Прямиков: Опять поеду *к дому* (Судовщиков, там же).

Ломоносов (Рос. грам., §§ 507, 509, 517) верно поясняет, что «имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом *на:* «На Дону жить прохладно, на Москве весело»; **у**, по его указанию, «требуют усолья и некоторые городы особливо: у соли Камской; у соли Вычегодской; у города Архангельского»; «Предлогом *у* на *где* ответствующие на *откуду* при-

нимают *от:* от города Архангельского, от соли Камской приходят письма...»

Фонвизину это различение еще не представлялось ясным в его принципе, и он в «Опыте российского сословника» замечает: «Обычай иногда позволяет **на** употреблять вместо **в** и **во**, напр., вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой, идем *в* рынок, *в* поле,— говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой, идем *на* рынок, *на* поле и проч.»

Современные различия **в** и **на**, **из** и **с** и под. еще не до конца могут считаться мотивированными, но сравнительно со старинным языком колебаний меньше. Мы различаем, напр., негорные и горные области СССР: *в Сибирь*, *в Сибири*, *из Сибири*, *в Донбасс*, *в Донбассе*, *из Донбасса*, но *на Кавказ* и *на Кавказе*, *на Урал* и *на Урале*, *с Кавказа*, *с Урала*. В *Крым*, *из Крыма* — только кажущееся отклонение (горы «Крым» нет). *На Украине*, *с Украины* держатся у нас под влиянием украинского языка; говорим *в заводе*, *в фабрике*, *из завода*, *из фабрики* (о помещении), но *на заводе*, *на фабрике*, *с завода*, *с фабрики*, имея в виду всё производство; ср. ещё: *в опере*, но *на опере «Евгений Онегин»* и под. Для характера сочетания интересно: Он сел на роспуски, поехал *на кабак* (В. Майков). Установились одинаково: *в Москве*, *в Сольвычегодске*, *в Соликамске*, *в Архангельске*, *из Москвы*, *из Сольвычегодска* и под. **На** последовательно употребляется, когда речь идет о том, что «поезд идет» *на Москву*, *на Харьков* и т. д.

Сильно сократилось употребление **в** и **на** во временно́м значении с предложным падежом:

...И яз, господине, *на первом году* отведал, што тот Иван делает нашу землю городскую моего двора выть (Правая грам. Савво-Сторожевск. монастырю до 1470 г.). Увидиш нашего порога степени величества *на сей зиме* прошение миру, то уж не зимушнее (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.). И стрельцы, блюдяся от меня, тех моих изменников *в мгновении* ока изсекли на малые части (Памятн. Смутн. вр., 79). Да у нас, государь, поноситца, что государю изнесли и тебе, что будто Митю пьяным делом убили; и то солгали, убили ево *на первом часу* дни... (Пис. чернеца Семиона к келарю Авраамию Палицыну, 1608 г.). Писывал де он к нему, Никону, по отшествии его *в первых годех* о здоровье (Дело Ник., № 41). Такова государева грамота послана... сего ж числа *в вечеру*, *в четвертом часу*, *в последнем часу* ночи (там же, № 37) И он де поехал из Крестного монастыря за рыбою ноября в последних числех, а *в котором числе*, того не упомнит (там же, № 78). Как *в прошлых давных годех* земля жилая и пустая роздавана и розверстывана в поместья... (Котош., 96). И тебе бы, государь, ко мне отписать, *в котором числе* тово деловова отпустят с Москвы (Хоз. Мороз., I, № 80). И службу свою *в скорых временах* хочю показати добрую (Котош., XXIV). А *в тех... числах* приезжал к нему, под Даниловской м-рь, на струг, вор и изменник Федка Щегловитой... (Розыскн. дела

о Фед. Шакловитом, II т., VIII, № 1). Замирание такого управления проходит через весь XIX в.; ср., поэтическое *в ночи* — «ночью».

В значении денежной оценки вещи и под. издавна в употреблении было сочетание **в** с предложным падежом количественного имени числительного, согласуемого с этим же падежом существительного; например: «...вели г-рь, нам на того Кузму в его насильствѣ и в пустошном владѣнье и в мелничном доходѣ *во сте и пятидесят рублех* дати свой царский суд и управу» (XVI в., Фед.-Чех., II, № 115).

Упомянутое древнерусское **от** с родительным падежом при формах страдательного залога останавливает на себе внимание как едва ли не единственная предложная конструкция, проникшая через старославянское посредство, может быть, из греческого: Воеводы у нас *уставлены от бояринов* (Задонщ.). Лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели нам *от поганых положеным пасти* (там же). И *посечено от безбожного Мамая* полтретья ста тысяч и три тысячи (там же).

Пред патриархом по обычаю крест со святою водою носится *от ключаря*... («Свадьба царя Иоанна Алексеев. с цар. Параскевою Феод.»). И *от них* всякое злое *чинится*: крадут и разбивают, души губят (Стоглав, 10).— Это **от** держится в таком употреблении еще в XVIII в.: Я более *от них любима*, чем достойна (Дмитр., Причудн.). Он был слишком умен и нередко даже был за это бит *от своих приятелей* за картами (Крылов, Похв. речь дедушке), и изредка даже заходит в стихотворном языке в первые десятилетия XIX в.

Только в известных речениях, пословицах и под. сохраняются еще остатки в прошлом широкого употребления предлогов в таких функциях:

В с винительным падежом абстрактного имени существительного в значении сказуемого: А коли пришлешь ко мне про помощь, а мне в ту пору к тобе будеть нельзя помочи послати, ино то тобе от мене не *в измену* (Перемирн. грам. в. кн. моск. Ив. Вас. с Александр. в. кн. литовским, 1494 г.). А сколько числом тое казны придет в году, того описати не *в память* (Котош., 93). И нам, холопем и сиротам твоим безпомочным, стоять против их было *не вмочь* (Мат. Раз., III, № 56). ...Чтоб тамошним градским и уездным всяких чинов людем было *в страстие* (там же, № 65). И помянутых песенок было не только еще очень мало, но они были *в* превеликую еще *диковинку* (Болот.).

Ср. современные: *не в мочь* (в народном стиле), *в диковинку* («Известно, что слоны в диковинку у нас», Крыл.), «*а мне и невдомёк*» (из «не в домек»), и под.

На с предложным пад. в значениях «в связи с чем-нибудь, взамен чего-нибудь, за, от кого-нибудь». Ср. архаизм: «Спасибо *на добром слове*». Др.-русск.: ...И жеребца возму и тысячю золотых *на главе твоей* возму (Хож. Аф. Никит.). Ино судити на

того волю, на ком ищут (Судебн. 1497 г., 48). А послух не пойдет пред судью... ино *на* том *послусе* исцево и убытки и все пошлины взяти (там же, 50). И Яков на княжь Николаеве жалованье, *на их встрече*, бил челом (Отч. Я. Молвян.).

По с винительным цели: Повадился кувшин *по воду* ходить, тут ему и голову сложить. Ср. др.-русск.: Посла *по сыны* свое (Лавр. сп. лет., 135). А кто по кого пошлет пристава... (Судебн. 1550 г., 50). Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново *по дрова* (Аввак., 114). Еще ходил я на Шакшу озеро к детям *по рыбу* (там же). До бою на стану товарыщ твой околничей наш и воевода Костянтин Осиповичь прислал *по него* стрельцов (Мат. Раз., III, № 73).

Из более редкого употребления — ...велите мне *по того Степана* в тех моих деньгах дать свою боярскую грамоту... (Челобитье посадского человека Л. Куковского, 1611 г.).

По с предложным: *по прошествии, по истечении, по смерти, по выяснении вопроса. По малых днех* ускочи Игорь князь у половець (Лавр. сп. лет., 135). *А по естве* отец и мать, и гости жениха и невесту благословляют образами (Котош.). Ср. и в XVIII в.: Если *по моей кончине*, В скучном бесконечном сне, Ах, не будут так, как ныне, Эти песни слышны мне... (Держ.). Подобное употребление довольно нередко и в первые десятилетия XIX в.— Изредка можно встретить в др.-русск. такое по с дательным: И *по многим разговорам* патриарх сказал... (Дело Ник., № 39).

По в значении «во время» — в народных *по весне, по зиме, по осени* (с дательным). В литературном языке попадается еще в XIX в. Ср.: И были *по зиме* рога у нас в торгу (И. Долгор., Нечто для весельчаков).

В древнерусском параллельным было и выражение пространственной последовательности: *Потягнете*, дружина, *по князе* (Лавр. сп. лет., 16). И в тоя поры многия люди в церковь пошли... и *по них пошли* многие старцы (Дело Ник., № 40).

С с родительным причины: *со страху, с похмелья*. Ср. др.-русск: ...Тут хлеб нужен [плохой], люди *с него бесятся*... (Хожд. на Восток Котова, 112). И то ведаю, что *с великой ревности и усердства* учинил вскоре (там же), и под.— И он де ему сказал, что *сшел с сердца* (Дело Ник., № 141).

Про. Есть да не *про вашу честь*. Оставить *про запас*. У Жуковского: И чистых капель меж листов Оставь *про резвых мотыльков*. Хоть честный человек, хоть нет — Для нас равнехонько: *про всех готов обед* (Фамусов в «Горе от ума» Грибоед.), Ни за что, ни про что = «для». А целое блюсти *про господаря, господарыню и про гость* (Домострой, 49). Да на нас же, сиротах твоих, правят ядра ореховыи *про твой государев обиход* (Хоз. Мороз., I, № 156). Починаетца бочка *про доброва гостя* (Стар. сбор., 1952). Ср. др.-русск. значение «ради», промежуточное между значением причины и цели: *Про сей мир* трудилися добрии людие (Смол. гр. 1229 г.). Святополк *про волость* же ци не уби Бориса

и Глеба (Лавр. сп. лет., 102 об.). И пьют друг *про друга* за здоровья (Котош.); «из-за»: *А про всяку вину* по уху ни по виденью не бити (Домострой, 38). ...Бил меня, сироту твоего, и увечил он, Воин, *не про вину*, напрасно... (Хоз. Мороз., I, № 27). Он нас, сирот, бьет и мучит *не про дела* (там же, № 60). Били Фому *про куму*, а Трошку *про кошку* (Стар. сбор., 247).

§ 4. Число.

В языке Летописи (Повести врем. лет) сказуемое перед двумя подлежащими употребляется в единственном числе, т. е. как бы согласуется только с первым подлежащим: *И рече Свенелд и Асмолд...* (Лавр. список летоп. под 6454 годом). *Ходи Володимер, сын Всеволожь, и Олег, сын Святославль*, Ляхом в помочь на Чехы (Лавр. спис. летоп. под 6584 г.). (Реже: ...*А Всеволод и Святослав выбежа* ис Кыева за Днепр... Новг. V летоп., под 6722 годом)[1]. Наоборот, в постпозитивном положении в подобных случаях ожидаемое двойственное число: *Святополк и Володимер посласта* к Олгови, глаголюща сице... (Лавр. сп. летоп., под 6604 г.). *Олег же и Борис придоста* Чернигову мняще одолевше (там же, под 6586 г.)[2].

Иллюстрацию к обеим конструкциям имеем во фразе: Изяслав же и Всеволод *слышаста*, яко *идеть Олег и Борис* противу... (там же). Ср. также: ...*приведе Олег и Борис* поганыя на Руськую землю, и *поидоста* на Всеволода с Половци (там же).

Гораздо реже в постпозитивном положении употребление множественного числа: Иде Асколд и Дир на Греки, и *приидоша* в 14 [лето] Михаила цесаря (Лавр. спис. летоп., под 6374 годом).

Интересная особенность древнерусского согласования, правда представленная только в немногих памятниках,— Новгор. летоп. по списку XIV в., в Слове похв. св. Борису и Глебу XII в. (по списку XV в. и др.),— двойственное число в обоих составляющих пару наименованиях: Перенесена быста Бориса и Глеба на канон святою Петру и Павлу (Новг. летоп.), и под. Там же и в других встречаются случаи двойственного числа в одном члене пары: На память святого апостола [т. е. ед. ч.] Петру и Павла (Лавр. спис. летоп.), поп святую Костянтину и Елены (Новг. лет.), и под.

---

[1] Принципиально тот же характер передачи мысли отражен и в случаях, где сказуемое предшествует перечислению трех и более лиц: «В лето 6453 *Присла Роман и Костянтин и Стефан* слы к Григореви построити мира первого» (Договор Руси с Византией 944 г.). «*Приде Володимер и Давыд и Олег* на Святополка, и сташа у Городца ..» (Лавр. спис., летоп., под 6606 годом). Но возможно в подобных случаях употребление и множественного числа: «*Идоша* весне на Половце [Половцѣ] *Святополк, и Володимер, и Давыд* (там же, под 6618 годом).

Ср. Вл. Перетц, Слово о полку Ігоревім,— Киев, 1926, стр. 327.

[2] Во втором примере причастные формы, однако, уже во множественном числе.

Возможно, что эти примеры отражают глубокую древность (Соболевский, Гуер); ср. санскр. mātarā-pitarā — мать и отец — родители, собственно «две матери, два отца». Но не исключена и возможность, что в период падения двойственного числа русские книжники уже просто не владели в достаточной мере системой форм двойственного числа, и под их пером являлись своеобразные синтаксические вязи как продукт искусственного пользования двойственным числом.

Полное формальное согласование в числе, возможное при собирательных именах существительных исстари и обычное главным образом у определений, одерживает победу в истории русского языка над смысловым только к средине XVIII в. Старинные отношения могут иллюстрировать такие примеры: А *войско царское* с коня не *сседает*, николи же и оружия из рук не *испущают* (Сказ. о Магм.-салт.). ...множество *народа неистовых* (Посл. Иоан. Гр. Курб., 13). ...докаместа Московского государства и окрестных городов *Литва не овладели* (Отписка нижегородцев вологж.). *Пишут* к нам *братья наша, разоренные, пленные*... Что к нам *писали братья наша*... (там же). И *многие наша братья* от него *разорились и разбрелись* розно (Хоз. Мороз., I, № 36). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный *собор слушали* сказок (Дело Ник., № 9). И *преосвященный собор* Михайла митрополита *допрашивали* (там же). А *Смоленская*, государь, *шляхта*, на твою великого государя службу ко мне, холопу твоему, в полк *пришли* к Шацкому, ноября в 27 день (Мат. Раз., III, № 54). И *многие... шляхта* на том бою от воровских людей *переранены* (там же, № 60). А *воровское твое собранье побиты многие* (там же, IV, № 23). ...А которая де *орда* с Ляхами была, и та де орда, набрав в Дубне полону, и тот полон *отпустили* в Крым, а *сами пошли* против венгоров на помочь Турскому царю (Стат. список пребывания в Нежине и в Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.). ...и *братья учали* на игумена роптать (XVII в. Фед.-Чех., I, № 122). А ныне уж в третие около ее *духовенство ходят и хотят* бесов из нее выгнать латынским языком (Куранты). А в празничные дни, *которой приказ* стоит на вахте, и *им* с царского двора идет в те дни корм и питье довольное (Котош., 91). ...И мечет деньги *народу, которые* тому студенту кричат «виват» (П. А. Толст.). *Подъезд наш* вновь от шведов собранных волохов большую часть *снесли* и несколько в их платье в полском обозе *повесили* (Вед. 1703 г.). Но и *купечество знатное парижское* повсевременно *едят* на серебре (А. Матв.)[1].

---

[1] Нынешнее употребление с о б и р а т е л ь н ы х, как в отношении количества соответствующих слов, так и в отношении характерных для них синтаксических особенностей (согласования), представляет уже отмирание этой, прежде широко представленной и влиятельной в языке, категории. Нет сомнения, как ясно хотя бы из старославянских текстов, что древнейшему синтаксису было свойственно согласование с собирательными сказуемых именно во множественном числе, т. е. смысловое, а не формальное: «многъ народъ

Отражением разговорной речи является довольно частое в древнерусском языке употребление единственного числа с представлением об единичном лице, несмотря на формальное построение фразы как заключающей указание на множественность, именно принадлежащий к которой характеризуется в данном конкретном действии: ...и ведаючи *таких людей* по их торговле и промыслом, что *он* сказал правду, и по *его* сказке столько *с него* и возмут (Котош., IX). А на правеже *дворян и детей боярских* бити до тех мест, покамест с должники *разделается* (Улож. 1649 г., 10, § 204),— имелось в виду — «каждого..., пока не разделается».

Не справлялись и грамотеи Московской Руси, и в значительной мере еще и представители литературного языка петровского и близкого к нему времени с множественным числом величия или вежливости. Употребление и самых местоимений и согласуемых с ними глаголов у них очень невыдержанно:

1. *Мне* же осмому лету от рождения тогда преходящу, подвластным *нашим* хотение свое улучившим, еже царство без владетеля обретоша, *нас* убо, государей своих, ни коего промышления добротнаго не сподобиша... (Посл. Иоанна Гр. Курб., 12). И я, крестьянский государь, по своему царскому милосердому обычаю в том на вас нашего гневу и опалы *не держим*, потому что есте учинили неведомостью и бояся казни (Памятн. Смутн. врем., 44). И *ты*, государь, любя меня, тех моих послов, пожаловав, отпустил ко мне... И что *вам*, великому государю, на нашей востошной стороне годно, и то всякое *ваше* государево белово царя дело *я*, Алтын царь, зделаю как *вам*, государю, годно. А прошенье мое: чтоб межь нас *с тобою* послы ходили, и торговым бы нашим людем дорога в *твое* государство и *твоим* людем к *нам* была чиста (Мат. пут. Ив. Петлина, 298—299). Да приходили ко мне *твои* государевы послы из Сибири, Иван да Ондрей, и просились в Китай, и я для *вас*, великаго государя, тех *твоих* государевых людей послал в Китай... (там же, 298—299). И октября в 28 день *мы*, великий государь, *пожаловал* Уфимских башкирцов, Янгбажту Маметкулова да Каракуска Аканаева с товарищи... (Грам. из Приказа Большой казны, 1680 г.). ...нововыборный *твой* государев сокольник, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, *вам*, великому государю, челом бьет (Урядник, статья 4).

2. Примеры из языка начала XVIII в.:

отъ галилеѩ по немь ідошѧ» (Зограф. ев.) и под. Такое употребление остается, как мы видели, свойственным и древнерусскому языку.

Для своеобразия наиболее старинного русского употребления собирательных характерно согласование, например, в договоре Руси с Византией 911 года, с собирательным множественного числа имени прилагательного (причастия)-определения: «...межи Хрестианы и Русью бывъшюю любовь, похотеньем нашех князь и по повеленню *от всех, иже суть* под рукою его *сущих Руси* (статья 1).

Древнерусский материал из грамот см. в указ. книге В. И. Борковского, стр. 27—29.

Письмо *ваше* я принял и выразумел, в котором *объявляешь* о сборе неприятелей и что оные тщатся выбить наших из Польши, а *ты* будто по указу нашему никуда итить не *смеешь*. И о том зело удивляюсь. Ибо я писал *вам* прежде, чтоб вы, как возможно, над неприятелем промысл чинили... (Письмо Петра I Шереметеву, 1705 г.). Господин Губернатор! Рыбу, присланную от *вас*, принял, за который подарок благодарствую. Также предлагаю... *изволь* постараться, чтоб на Таган-Роге в удобных местах... насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева... (Письмо Петра I к И. А. Толстому, 1707 г.). Андрей Иванович... как возможно *ободрись* и завтра *приезжай* ко мне к вечеру: мне есть великая нужда с *вами* поговорить, а я *вас* николи не оставлю; не *опасайся* ни в чем, и *будешь* во всем от меня доволен. Анна (Письмо цар. Анны Иоанн. к Остерману)[1].

§ 5. Притяжательные прилагательные.

Исстари славянские языки знают два способа выражения лица владеющего и родственных оттенков — притяжательные прилагательные *(Иванов дом, сестрина дочь)* и родительный падеж (в старославянском часто — дательный) имени существительного *(дом Ивана, дочь сестры)*,— первый что касается гибкости недостаточный тем, что не возможен по отношению к понятиям во множественном числе, вообще не допускает определений к лицу владеющему и легко переводит несобственные имена в общие значения, значения группового свойства, другой — более удобный, с течением времени поэтому возобладавший над первым.

Древнерусский язык обнаруживает контаминации этих двух способов обозначения принадлежности, из которых самая употребительная — «притяжательное прилагательное от имени и родительный падеж фамилии». Ср., напр., такие: Поидем брате в полуночную страну. жребии *афетову сына ноева* (Задонщ. по сп. XV в., 7—8). ...Да с ним же стряпают у доспеха Юшка да Василей, князь *Ивановы* дети Щетинина (Разр. кн., Карамз., И. Г. Р., VII). ...Да теж наши изменники возмутили народ, якобы и нас убити, за то, яко ж ты, собака, лжеши, что будто мы князь Юрьеву матерь Глинскаго, княгиню Анну, и брата его, князя Михайла, у себя хороним от них... (Посл. Иоанна Гр. Курбскому, 2, $_{13}$). ...А на правом крылосе Лопотало да Варлам, не весть кто, а княж Александров сын Васильевича Оболенского Варлам на левом... (Послание Иоанна Гр. игумену Кирилло-Белоз. монастыря). Государыне моей свету тетушке, княгине Домне Богдановне, *Борисова* дочь Федоровича Годунова челом бьет (Письмо дочери Бориса Годунова Ксении 29 марта 1609 г.).

---

[1] Ср. и П. Я. Черных. Заметки об употреблении местоимения вы вместо ты... в русском языке XVIII—XIX вв.,— Учён. зап., выпуск 137, Труды каф. русск. яз., кн. вторая, Моск. унив., 1948, стр. 89—109.

В вотчинах князь Михайла княж Яковлева сына Черкаского... (Мат. Раз., III, № 22). Писах же книгы сия аз, Гюрги, сын попов глаголемаго Лотыша с Городища (Запись к Симонову еванг. 1270 г.). Чтобы они о том государском и святейшего патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). ...да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя царицына родная сестра (Котош., 101). ...Как де патриарх пришол к Лахеренской богородице, и протопоп Михайло (с) свещею стоял... А патриарх де к богородицыну образу Лахеренской не прикладывался (Дело Ник., № 40). А сверх митрополичьи скаски черных дьяконов прибавлено... (там же); ср.: А в скаске Ионы митрополита черных дьяконов Иосифа, Герасима, Варлама... = «черных дьяконов митрополита Ионы»

Сочетание обоих способов выражения притяжательности представлено, например, в предложениях: «Туто щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах на воскресение на *Акима и Аннин* день» (Слово Софония Рязанца о Кулик. битве; по списку конца XVI в., лист 221).

Возможны при этом в старом языке и языке XVIII в. также образования притяжательных прилагательных, необычные для нас; напр., от множественного числа:

«И после смерти ево таможенной голова по той поруке за него, Кирьяка, те пошлины доправил на ево, *Микитинской*, жене... (Хоз. Мороз., II, № 96, 1660 г.). ...У вдовы Матрены *Микифоровския* жены Плещеева (Дело Ник., № 114)[1].

Роспросныя *стрелецкия* речи, которыя были на карауле у Никитицких и у Смоленских, и у Троицких ворот про патриарш же приезд (Дело Никона, № 114) = «...речи стрельцов, которые были на карауле...»; с переводом притяжательных прилагательных в тип общих: А вчерась они [бесы] воопче просили, чтоб им позволили опять пребывать здешняго города в некоей *сапожной* жене, которой имяни не сказали... (Куранты) = «...в жене сапожника...». В комнату, где лежали часы, входили только двое: подрядчик и племянник *судейский*... (Новик., Трут) = «племянник судьи». Племянник *судейский*, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека (там же).

Притяжательные прилагательные от существительных множественного числа в древнерусском языке, вообще говоря, не образуются. Лишь изредка можно встретить, например: «...и по *старожильцовым* и окольных людей *скаскам*...» (XVII в., Фех.-Чех.,

---

[1] Ср. такие конструкции как архаические пережитки в речи дьякона Ахиллы у Н. С. Лескова в «Соборянах»: ...отец протопоп, больше ничего в этом случае нельзя сделать, как, позвольте, я *на отца Захарьину трость* сургучную метку положу...; ...если бы только не видел *отца Савелиевой прямоты*...

Как специальный случай можно отметить в записи Милятина евангелия 1215 г.— «В голодьное лето написах еуангелие и апостол... а повелениемь милятиномь лукиницьмь ...», т. е. от имени *Милята* образовано, как обычно, притяжательное прилагательное и ему ассимилировано также и отчество (в роли прилагательного).

I, № 134); «а у правые грамоты *печати писцовы*» (там же, № 65),— речь идет о нескольких писцах ...по сыску и *по старожилцове сказке*... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 98),— смысл «по сказке [по показаниям] старожильцев».

Возможны иногда прилагательные даже как замена существительных в других падежах: Смертный закон имеют о взятках *народных* и о нападках на него (А. Матв.) = «о взятках с народа». Пою того героя, Который во хмелю беды ужасны строя, В угодность *Ваххову*, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков) = «в угодность Вакху», т. е. с заменой дательного; ср. у Ломоносова: Но мы не можем удержаться От пения *твоих похвал* («похвал тебе»).

К середине XIX в. такие конструкции становятся всё более редкими и воспринимаются (ср., напр., «Страшись поэтовой любви» у Тютчева) как архаические или служат целям намеренной архаизации. Наиболее жизнеспособными оказываются только прилагательные типа *Манин*, *Танин*, *мамин* (гл. образ. от собственных имен), как, вообще говоря, не имевшие соперников, по крайней мере, в сочетаниях с родительным множественного («Тань» и «Мань» — достаточный раритет в практике языка). *Александров*, *Петров* и под., хотя в этом отношении не отличались от них, не выжили, видимо, по мотивам омонимичности в форме мужского рода с родительным множественного имен существительных и с распространенным типом фамилий (борьба с омонимами в истории языка бывает иногда более радикальной, чем это полезно по сути дела).

§ 6. Синтаксическое употребление форм имен прилагательных членных и нечленных.

Современное распределение в литературном языке членных (местоименных) и нечленных (именных) форм прилагательных, первых — в роли определений, вторых — в роли сказуемых и определений предикативных (*высокий дом*, но *этот дом высок*, *пришел он грустен*), принципиально соответствует отношениям древнерусского языка, с очень сильным, однако, сдвигом в сторону расширения прилагательных членных. Обследование Синодального списка I Новгородской летописи (XIV в.) дало возможность Е. С. Истриной[1] сделать выводы, в основном, но не без более или менее значительных отклонений в ту или другую сторону, приложимые и к ряду других памятников с относительно чистым русским языком.

1. Членные формы употребляются, «когда определение не имеет в общем смысле предложения существенного значения и не отличается энергичностью проявления»: Заложиша *великый*

[1] Е. С. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синод. списке I Новгородск. летописи.— Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. наук, XXIII, I, 1918 (1919), стр. 33—62.

мост выше *старого моста* (216), и под. Ср. в «Хож. Аф. Никит.»: раба своего грешного, грешное свое хожение, образом лютаго зверя, травы розныя ядят, и под.

2. Нечленные формы выступают в случаях, когда прилагательное «означает признак, применяющийся к предмету как результат акта мысли, результат умозаключения... Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное».

Этой формулой охватываются случаи: 1) где имя прилагательное представляет сказуемое: ты еси слеп (132), и ради быша вси по граду (21); 2) где имя прилагательное выступает в роли предикативного атрибута: а сам приде сдрав (262), вси придоша невржени (117); 3) в случаях, где имя прилагательное представляет второй косвенный падеж (вин., дат., род.) предикативного характера: не даша его жива (135) (= «не дали его живым»), и створиша волость их пусту (86); 4) где имя прилагательное представляет определение к имени существительному — сказуемому: дивно оружие молитва и пост (289), и бяше град тверд Юрьев (277) = «Юрьев был твердый (крепкий) город»; 5) в случаях, где прилагательное, хотя и представляет определение, заключает в себе значительную весомость высказывания: и умыслиша свет (= «совет») зол (274), придоша свеи в силе велице (251); 6) в случаях предикативного обособления: отець же, поган сы (= «будучи язычником»), ласкаше его остатися веры хрестьяньскыя (281), князь Ярослав Всеволодовичь, позван царем татарьскымь Батыемь, иде к нему в орду (249), и под.; 7) в установившихся речениях (фразеологизмах).

Ср. к 1): А город каменной, велик и высок. ...А с приезду у тово города пятеры ворота в город, а ворота широки и высоки (Мат. пут. Ив. Петлина, 292). Город велик добре, каменной; бел — что снег. Переходной ко 2-ому — с полупредикативными связками: А ныне де остались живы полуголова Федор Якшин... да стрелцов с триста человек и болши (Мат. Раз., I, № 3). ...Князь Никита писал, что они, казаки, учинились силны (там же, II, № 23). Ср. и: ...И те, де казаки, учинясь воровски силны, в Астрахань Саратовскою дорогою не поехали (там же).

к 2) ...А у образов подписи нет, а образы писаны мудрены (Мат. пут. Ив. Петлина, 293). ...а июля в 4 день отпущен болен (Прих.-расходн. книга Разряда, 1625 г.). ...а в последнем смотре августа в 17 день написан отпущен ранен (там же). ...а здесь мужики сказываютьца бедны, что у них животов и хлеба ничево не было (Письмо бояр. Н. И. Одоевского, 1650 г.). ...А они де пеши ушли от них в яругу (Маг. Раз., III, № 7). Да товож числа... приехали на Валуйки пеши московские стрелцы (там же). Ср. еще: ...И Стенка Разин, напився пьян, голов останавливали [sic!] (Мат. Раз., I, № 24). ...А у них будет на их крестьянских жеребьях в тех годах хлеб родится добр, и тот доброй

хлеб велят с их крестьянских жеребьев имать на Бориса Ивановича (Хоз. Мороз., I, № 110). Да с тем же крестьянином прислал ты вошву, и та вошва принята цела (там же, № 181). ...и то им совершенно отдано и от таких людей учинены они отменны... (Из актов при «Созерц. кратк». С. Медв.).

к 3) Дати ти пут чист (Моск. грам. 1368 г.). Изыскати отца духовного добра боголюбива, и благоразумна, и разсудителна... ни сребролюбива, ни гневлива (Домострой, 14). ...и православного б крестьянства державу сохранил мирну и целу, недвижиму и непоколебиму... (Грам. Иоанна Грозн. 1580 г.). ...А его, вора и крестопреступника Стенку, самого было жива взяли... (Мат. Раз., III, № 3). ...Коли то ведетца, что боярскую землю пусту покинуть? (Хоз. Мороз., I, № 119). И Смирной, государь, Гольцов писал, что принял жеребца здорова и целоножна (там же, № 52).

к 5) А в Гиляни душно вельми да парищо лихо, да в Шамахеи пар лих... (Хож. Аф. Никит.). ...и до Тесова от Новагорода мосты поправлены, только худы, без призору... кладены бревнишки худы, и на неделю их не станет (1602 г., Дела Тайн. приказа, II). Стоят башни же велики и высоки и белы — что снег... (Мат. пут. Ив. Пелина, 293). И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали, ни слышали (там же, 295). И вам бы, господине... послати сына боярсково добра и сверстна... (Грам. бояр из Владим. чети, 1611 г.) ...Велел я, холоп твой, ему оставить в тех городех в воеводах на Курмыше из Костромы дворянина добра, в Ядрин из Галича дворянина ж добра... (Мат. Раз., III, № 47). ...В Темникове де городе стоят воровских людей полон город (там же, № 57). Пришол посол нем. принес грамоту не писаную [во втором случае вопреки ожиданию членная форма] (Стар. сборн., XVII в.). А будет тебе самому недосуг, то тебе б приставить человека добра (Хоз. Мороз., I, № 58). Ниже, уже в соответствии новой тенденции: А как черенки прививати, и тебе б приставить пристава доброва. А которой золу худу привезет, таких бити батоги и ту худую золу велеть высыпать у них на земь... (там же, № 156). Всех было нас 20 филюг и бежали все вместе, а потом припал ветер безмерно велик, и почало филюги отрывать от берегу моря... (Путеш. П. Толст.).

К возможному безразличию выбора форм см., однако: ...и с едину страну его женгел («лес, чаща») злый, а з другую страну дол и места чюдна и угодна велми (Аф. Никит.).

Возможность употребления кратких форм имен прилагательных в функции определений для постпозитивного положения еще вполне определенна для XV века: «а заложено у не[го] в тех денгах *чепь золота*, да *пояс золот*, да *ковшь золот...*» (Духовная кн. вологодского Андрея Вас., 1481 г.).

С приведенным материалом интересно сопоставить данные, полученные полным обследованием такого в общем отражающего

разговорный язык памятника XVI века, как «Домострой»[1]. Как правило, в функции сказуемого в нем употребляются нечленные формы (отступлений на весь памятник — только шесть случаев[2]). Обычно в функции определений выступают формы членные. Нечленные употреблены в более или менее определенных условиях. Такие формы в именительном падеже единственного числа обычны для прилагательных в постпозитивном употреблении, сообщающем им известную подчеркнутость «судия нелицемерен», «жена добра веселит мужа» и под. В существенном то же наблюдается и в других падежах: «жены ради добры», «всякому человеку богату и убогу велику и малу розсудити себя...»; «изыскати отца духовнаго добра, боголюбива и благоразумна и разсудительна» (ср. характер всех этих выражений, параллельный сказанному под 5).

Заметна тенденция в членной форме употреблять субстантивирующиеся прилагательные: «и всякого скорбна и бедна и нужна и нища не презри»; «и стару и малу», «смиренна бог любит», хотя такого рода выбор формы, по крайней мере частично, может быть отнесен и на счет другого обстоятельства — сохранения некоторых нечленных форм во фразеологизмах (отчасти церковнославянского происхождения).

Два случая нечленной формы в предложном падеже: «о добре (добрѣ) жене», «в добре наказании» (дважды) могут быть объяснены как выражение тенденции, отмеченной в 5). «Во всяком блазе (блазѣ) совете», «во блазе мире»; «в мале (въ малѣ) бо ся ослабиши в велице (въ велицѣ) поболиши» носят на себе явные следы перенесения их из церковнославянского языка.

Во множественном числе в роли определения нечленные формы в памятнике вообще очень редки и встречаются только в именительном падеже[3].

Специальный вопрос представляет употребление в тех или других формах п р и л а г а т е л ь н ы х м а т е р и а л ь н ы х, г р у п п о в о г о с в о й с т в а и п р и т я ж а т е л ь н ы х. В Синодальном списке I Новгор. летописи прилагательные на **-ьск-** употребляются почти исключительно в членной форме; в членной же форме выступает ряд прилагательных, вроде *передний*, *двьрьный*, *мясопустный*. Материальные преобладают в членной форме: замкы железныя разбиша (131), одьраша... светилна сребрная (140),— факты, естественные с точки зрения отмеченных выше тенденций.

---

[1] С. Д. Н и к и ф о р о в, Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку,— Записки Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина, XLII (1947 г.). стр. 71—75.

[2] Автор ошибочно называет семь, упоминая случай, где членная форма — не в сказуемой функции. Из других шести малодоказателен случай: «А коли пир большой, ино всюды самому дозирати», так как к *большой* иет параллельной (этимологической) нечленной формы.

[3] Единственный пример творительного «с солью и кислы штями» относится к сочетанию, фактически превратившемуся, вероятно, в сложение (compositum).

Наоборот, притяжательные прилагательные выступают в формах нечленных: из гридьнице владыцьне (217), на княжи дворе (185), по наущению ярославлю (214), и под.

К последним ср. и в позднейших памятниках: матерьня молитва (Домостр., 16), служке мужска полу (Домостр., 16), на владычень двор (Сказ. о Пск. вз., 7). ...а не в дом патриарш (Дело Ник., № 42). ...остался в Манычье в казачье городке (Мат. Раз., II, № 26), на гостине дворе (там же, № 30), ис казачья городка от Курман Яру (там же, IV, № 5).

Для памятников первой половины XVI в. Унбегаун, указ. соч., стр. 339, обычными считает у прилагательных на **-ьjь** членные формы.

Что касается материальных, то в отличие от тенденций, отмеченных в Син. списке I летописи, в других памятниках прилагательные материальные (и родственные им, напр., названия цветов) в имен. пад. ед. ч. встречаются нередко, особенно в постпозитивном употреблении, в нечленной форме: Да сагадак золот со яхонты, да седло золото (Хож. Аф. Ник.). Да чепь у него велика железна во рте (там же). Терем шидян [шелковый] с маковицею золотою (там же). Оплечье объярь черлена, шапка на нем отлас черлен, бархат червчат гладкой... да кафтан бархат зелен рыт (Отч. Я. Молв.). Живут себе мешь гор и лесов по речкам; горы каменны, а леса черные, болшие (Мат. пут. Ив. Петлина, 272). ...и на корм дали мяса оленья (там же, 275). ...да кумыз из молока же кобылья (там же). Зипун, тафта бела... (Выходы). Чюга, объярь золотная по рудожелтой земле, травы золоты с серебром... (там же), перевезь золота звенчата (там же), бархат червчат двоеморх (там же), и под.; ср. и — по 5 гривенок коровья масла (Хоз. Мороз., I, № 48).— Мерин ворон... Мерин рыж... Мерин карь... Жеребец гнедо-пег... Кобыла рыжа... Мерин коур... Мерин саврас (Дело Ник., № 106). Кобыла игреня сросла, кобыла гнеда 5 лет да мерин чал сросл, да жеребенок игрень (Хоз. Мороз., II, № 6).

При этом очень нередко явное колебание без специальных оснований: да камку красную, да камку желту (Мат. пут. Ив. Петлина, 299). ...по нем [бархату] травы петелчеты серебрены, нашивка золотая... (Выходы) [1].

С суффиксом **-ьск-**:

Он же, Никон, лечит мужеск пол и женск в крестовой келье (Дело Ник., № 24) ... что он излечил мужеска полу и женска и девок многое число (там же, № 94).

Если положиться на свидетельство, напр., такого памятника, как Судебник 1497 года, то мы видим, что к концу XV в. факты, относящиеся к распределению членных и нечленных прилагательных, почти полностью совпадают с современными и только в относительно немногом дают о себе знать старые тенденции; ср.:

---

[1] Ср. примеры у И. Ягича — «Критические заметки», стр. 126.

А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен... ино наймита наняти волно (52),— суть дела тут в признаке, названном прилагательным. Идут в этом памятнике по именному склонению еще притяжательные на **-ь**, **-ий**: без наместнича докладу (собственно «без доклада наместнику») и без диачьи подписи (18) (ср. 42: без диачей подписи), опять-таки в духе старых тенденций.

В современном литературном языке прилагательные с суффиксом на **-ск-** и другие прилагательные со значением группового свойства (*охотничий*, *лисий*), а также материальные, употребляются только в членной форме; притяжательные же на **-ин**, **-ина**, **-ино**, **-ов**, **-ова**, **-ово** — только в нечленной. Нынешнее распределение фактов в сопоставлении со свидетельствами памятников позволяет отметить одну общую морфологическую черту имен прилагательных, вообще говоря, не употреблявшихся или редких в сказуемной функции,— различение членных и нечленных форм при них не имело серьезного синтаксического значения, и поэтому они обнаруживали тенденцию отходить полностью или к тому, или к другому типу.

Поскольку прилагательные со значением группового свойства и материальные функционируют преимущественно как определения, естественно, что в конце концов всё-таки возобладал общий для определений морфологический тип — членные окончания. Что же касается притяжательных форм на **-ов**, **-ин**, то русский язык,— и в этом отношении путь его развития совпал с тем, что мы имеем в украинском, чешском, польском и др.,— не выработал вовсе параллельных членных, и это тем примечательнее, что притяжательные прилагательные достаточно употребительны и в функции сказуемых и в функции определений. Причина лежит, по-видимому, в специфических свойствах притяжательности, не нуждающейся, как и имена собственные, в дополнительном указании; ср. отсутствие члена при именах собственных в языках, в которых член — типическая особенность их синтаксической и морфологической системы.

Обращает на себя внимание давнее отсутствие нечленных форм к членным у прилагательных на **-ний**: *поздний*, *ранний*, *прежний*, *дальний*, *сыновний*, *мужний* и под. Это объясняется значениями последних — прилагательные на **-ний** вообще обозначают понятия, связанные с пространством, временем и отношениями родства и свойства́, мало употребительными в роли сказуемых. В старинном языке возможны были и нечленные формы: Он же, Никон, жонку брюхату, служню жену, выдал за муж в неволю (Дело Ник., № 94).

Страдательные причастия прошедшего времени особенно долго сохраняют свою предикативность и потому часто употребляются в нечленной форме: А пытан тать на себя не скажет, ино про него послати обыскати (Судебн. 1550 г., 56) — собственно «будучи пытан». Кто на пир придет пити незван...

(Акты Арх. ком., I, № 143). Ср. и: А тот площадной подьячей Егорко Петров у него, вора Илюшки, был взят и держал его связана (Мат. Раз., III, № 84).

Однако чаще, чем прилагательные, они выступают в нечленной форме и в функции атрибутивной (в роли определений) или приближающейся к ней: Ожерелье на цках, на золотых, разрушано, с яхонты и з жемчуги (Моск. грам. 1509 г.). Первый, Парфентий, возьмет клобучек, по бархату червчатому шит серебром... второй, Михей, возьмет колокольцы серебряные позолочены (но тут же: третий, Леонтий, возьмет обносцы и должик, тканые, с золотом волоченым) (Урядник, 16). Четыре пуговицы серебреные золочены, девять королков червчетых, две пуговицы хрусталных (Мат. Раз., II, № 9). Два колпока ветхи червчетые, стегоны по дорогам (там же, из описи). Шапка вишневая суконная с куницею, поношана (там же). Две подушки покрыты выбойкою (там же). Четыре шандана медных, один ломан (Дело Ник., № 105). Две кочерги, одна вся железная, другая посажена на дереве (там же). Рукавицы персщатыя с кистьми серебряными, низаны по местам жемчюгом, подложены атласом лазоревым (там же). ...А в них живут старицы пострижены (Хоз. Мороз., II, № 6).

Поддерживали такое употребление случаи вроде: Миткалю белого, шит шалками розными, опушен дорогами и киндяком, подложен посконною холстиною в ту ж меру (Дело Ник., № 105). Пара пистолей попорчены (там же). ... Кладет перевязь с письмом, в бархате застегнуто (Урядн., 21) — с определенно сказуемным употреблением нечленных причастных форм. Возможно, что часть приведенных примеров атрибутивного употребления читалась с паузой («запятой») перед причастиями, и последние тогда могли пониматься как сказуемые. Особенно способствовало сближению сказуемных и атрибутивных сочетаний такого рода постпозитивное употребление последних, отчасти развившееся непосредственно из сказуемых, отчасти внешне напоминавшее порядок слов при предикации.

Об употреблении кратких форм имен прилагательных и страдательных причастий в дательном падеже при инфинитивах, сочетающихся с безличными сказуемыми, см. в § 12.

§ 7. Изменения в согласовании множественного и двойственного числа у прилагательных и у родственных категорий.

Имена прилагательные, местоимения адъективного типа и типа и формы причастий, включая несклоняемые на **-л**, в древнейшем славянском языке, как и сейчас в ряде славянских языков, обладали различием по грамматическим родам и соответственно согласовывались с именами существительными не только в единственном числе, как теперь, но и во множественном и двойственном. В настоящее время эти различия, как известно, устранены

(ср. Морфология, § 36). Первые случаи смешения грамматического рода А. И. Соболевский (Лекции[4], стр. 209—210) отмечает в русских памятниках XIII века. В общем, однако, нарушения старого согласования немногочисленны, и процесс установления однообразной формы множественного числа отражается в памятниках медленно, с значительными колебаниями, проходя через XIV и XV век. Впечатление от материала таково, что данное согласование обнаруживает тенденцию к нарушению раньше в сказуемных формах, медленнее — у прилагательных в функции определения: дьяконисы истязани будуть; [жены] да быша любимы были и под. (Рязан. Кормчая 1284 г.); аще быша силы были (Дух. грам. новгор. Климента, XIII в.), жены ужасни быша (Еванг. 1355 г.); ...что ми ся достали мѣста рязанськая... (Дух. грам. вел. кн. Ивана Иван., 4 экз., ок. 1358 г.); знаменья яже даны ему (Чудов. Новый завет, XIV в.) и под. Также, повидимому, раньше, чем членные прилагательные, утрачивают былую гибкость этого согласования нечленные. Относительно рано начинаются нарушения и у местоимений, особенно с окончаниями, отличными от имен прилагательных (**тѣ** вм. «та» и под.).

Что касается нарушения согласования в двойственном числе, то его мы имеем, например, в духовной грамоте вел. князя Ивана Данил. Калиты: 2 чашки круглыи золоты, 2 селѣ коломенскии. По отношению к женскому роду, как видим, раньше, чем средний, утратившему особые приметы двойственного числа также и у имен существительных, утрата былого согласования — совершенно естественное следствие этого факта.

§ 8. Перерождение форм сравнительной степени прилагательных.

Около XII в. формы сравнительной степени имен прилагательных, вступавшие в те же виды согласования с существительными, которые характерны были для прилагательных вообще, начинают обнаруживать в памятниках признаки утраты согласования. Вот несколько приводимых А. И. Соболевским (Лекции, 4 изд., стр. 227) ранних примеров утраты согласования: Не еси *богатѣе* Давыда (Златостр. XII) — вм. «богатѣй»; аже *капь льгче* будеть (Смол. грам. 1229 г.) — вм. «льгъши». Нѣсть *солъ боле* пославшаго (Пандекты 1296 г.) — вм. «больй». Колми *человѣкъ лучши* овьчати (Еванг. 1354 г.) будеть *боле* или *меньши* (Духовная Дмитрия Донск.). Из других ср. в Син. сп. I Новг. лет., где согласование еще сохраняется: *Градъ* же яко яблъковъ *боле* (90,— Истрина). И *той монастырь* грады и селы и златом *богатѣе* инѣхъ всѣхъ монастырей во Цариградѣ (Путешеств. Антония конца XII в. по списку XV в.).

Формальный переход в наречия, по-видимому, подготовлен был фактическим употреблением сравнительных форм по преимуществу в роли обстоятельств,— примыкающих слов при глаголах и об-

разованиях, входящих в их систему. Сочетания вроде «ударить сильнее», «бежать быстрее», «сделать лучше», как господствующие, послужили образцом для случаев, где сравнительная степень выступала в роли сказуемого: а тамо того *силнее огнь* (Син. сп. I Новг. лет., 301,— Истрина). Не седи на преднем месте, егда *кто честнее* тебе будет (Домострой, 10). ... не умрет, но *здравие будет* (там же, 17). ...и приезду есмя твоему добре ради, а того *будем радостнее*, как от тебя услышим про... царя и великого князя Московского здоровье (Отчет Я. Молв.). ...ино отец твой в том век изжил, а ты не хочеш, большое [sic!] ты *лучее* отца, что отца своего чину не хочеш (Список с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). ...а тот город тово *краше и хороше* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291). ...а в том городе торги тово *силние*... по утру не продерешься промежу людей (там же)[1],— употребление, наряду с которым еще долго держится, видимо, книжное, вроде правильных старинных форм: Аще дарует бог жену добру, *дражаиши* есть камени многоценного (Домостр. 20).

Со стороны чисто формальной в основе нынешних наречий сравнительной степени лежат имен.-вин. ед. ч. средн. р.: *выше, сильнѣе*[2] и именительн. мн. ч. муж. р. *лучьше, больше*. Относительно частые в памятниках формы на -ши скорее всего восходят к формам именительного падежа ед. ч. жен. рода.

Самые употребительные образования — б о л ь ш и, м е н ь ш и, б о л ь ш е, м е н ь ш е, в ы ш е, н и ж е, г о р ш е: А будет езду больши рубля или меньши до которого города (Судебн. 1497 г., 28). ...да не ...наведем на ся казни горши первой (Пов. о Пск. взят., 12). А кто взыщет человеках на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице человек десять или пятнадцять, или болши или менши, и те два или три за себя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают... (Судебн. 1550 г., 20). ...Литра или болши золота (Домостр., 41). А в полон взяли воровских казаков болши шти сот человек (Мат. Раз., III, № 14). А у него, товарища моего..., ратных конных людей не мало, а пеших менши (там же, 47). А будет дело выше рубля, или ниже рубля, и им имати пошлины по розчету, а болши им того не имати (Судебн. 1550 г., 8). И ис тех думных дьяков посолской дьяк, хотя породой бывает менши, но по приказу и по делам выше всех (Котош., 23). А те их дети от малые части дослужатся повыше... (там же, 28).

Для редкой в разговорном языке функции сравнительной степени — функции атрибутивной (определения) язык выработал формы сравнительной степени (и одновременно превосходной) обычного типа прилагательных: м е н ь ш и й, б о л ь ш и й, л у ч-

[1] Ср. и переходные случаи вроде: ...А с тобою перелаиватися и на сем свете тово горее и нет (Список с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.).

[2] Формы на ей, вероятно, восходят к ним же, хотя не исключена и возможность, что, по крайней мере частично, на образование их влияли также формы им. пад. ед. ч. мужск. рода.

ш и й, м л а д ш и й (последнее с явными признаками книжности)[1] и под., причем управление их родительным падежом фактически не вошло в употребление и потому между ними и настоящими формами сравнительной степени нет действительного параллелизма.

Ср. многочисленные примеры, вроде: ...набрать самоцветново каменья, болшово и середнева и меншова (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

У писателей XVIII и начала XIX в. встречаются искусственные по старославянским образцам конструкции типа: ...устами, *сладчайшими меда*, Вот что ему Дамаянти сказала (Жуковский); Виктор ... впадал нередко ... в грусть, может быть *сладчайшую самой радости* (Марлинский); Я сгорала любопытством, желая увериться в своей догадке; скоро к нему примешались чувства *нежнейшие* (Марл.).

Перенесение наречных форм сравнительной степени и в определения, выработавшееся едва ли не исключительно в письменной речи,— черта «несинтаксическая» в том смысле, что подобные формы обычно обособляются ритмомелодически: А бывают с теми послами в ответах бояре: один боярин ис первые статьи родов... другой, *менши того*, той же статьи родов или другой (Котош., 65).

В XVI—XVII веке употребление форм сравнительной степени (наречное) и превосходной (адъективное) уж очень близко к современному нам; ср., например, в грамоте самого начала XVII века (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.): «...и кто иных дохторов есть в Любке навычных, и есть ли того дохтора Ягана к дохторскому делу *лутче*, или он изо всех *лутчей*?»

§ 9. Синтаксические особенности имен числительных.

Нынешние синтаксические отношения при количественных числительных представляют собою результат своеобразного перерождения системы, существовавшей в древнерусском. **Дъва, дъвѣ** искони являлись прилагательными, согласовывавшимися с именами существительными в двойственном числе[2]. **Три, четыре** были тоже

[1] Ср. в древнерусском: А молодшие люди на дворе стояли (Сказ. о Пск. взят., 7). Боярскому человеку молодчему или черному городскому человеку молодчему... (Судебник, 1550 г., 26). И в тех кругах говорили казаки молодчие люди (Мат. Раз. IV, № 22).

[2] Правильное употребление форм двойственного числа в древнерусском держится приблизительно до второй половины XVI в.; но и нарушения во второй половине XVI в. еще относительно нечасты (см. Собол., Лекции, стр. 205—206). В новгородских памятниках нарушения правильного употребления раньше констатируются для мужского и среднего рода (древнейшее свидетельство — 1270 г.; ср. и отмеченный Соболевским более ранний пример в ростовском Житии Нифонта 1219 г.: «помози рабом своим Ивану и Олексию написавшема книги сии»), для женского — начиная со второй половины XV в.,— В. И. Б о р к о в с к и й, Синтаксис древнерусских грамот,— Вопр. слав. языкозн., 1, 1948, стр. 49; наоборот, в московских — раньше для женского рода (Духовная в. кн. Ив. Калиты).

прилагательными, рано утратившими различие по родам и согласовывавшимися с существительными во множественном числе — *три кони* и под. **Пять, шесть... десять... двадцать...** представляли собою старинные имена существительные со склонением типа *честь, чести* и т. д., *страсть, страсти* и т. д. Как имена существительные, они управляли родительным падежом (множ. ч.) существительных: *пять домов* и под. С утратой двойственного числа как морфологической категории, сочетания вроде *два дуба, два коня* стали восприниматься как сочетания **два** с родительным падежом един. числа, и под влиянием такого понимания и старые сочетания **двѣ сестрѣ, двѣ горѣ, двѣ селѣ, двѣ поли** изменились в *две сестры, две горы, два села, два поля* (двѣ жены; Ипат.: двѣ чары... двѣ чашки). Ближайшие числа **три** и **четыре** утратили свои прежние синтаксические особенности и уподобились своими сочетаниями отношениям при **два, две.** Этим было достигнуто известное приближение к конструкции при **пять** и **т. д.**, где тоже имело место управление родительным падежом (хотя и множественного числа)[1]. В косвенных падежах сочетание **двух,**

Формы дв. числа личных местоимений заменяются формами множественного числа уже в древнейших русских памятниках. Особая судьба местоименных форм сравнительно с именами существительными легко получает свое объяснение для 1 лица: вѣ «мы оба» самим корнем выпадало из и без того пестрой (супплетивной) системы склонения 1 лица и относительно легко поддалось замене.

[1] На хронологию установления родительного ед. ч. вм. именительного мн. ч. указывают примеры из Судебника 1550 г. сравнительно с Судебником 1497 г.: ...четыре алтыны с денгою (Судебн. 1497 г., 5). Да неделщику ж вязчего 4 алтыны (6). А три годы поживет... А четыре годы поживет... (57) ...ино судити по тому ж за три годы (63); единственный пример род. ед.— ино судити за три года (там же). В Судебн. 1550 г. уже имеем: ...а дияку четыре алтына (10). ...да за доспех убитого три рубля (11; ср. 12: три рубли). ...да недельщику ж вязчего четыре алтына без двух денег (там же). Отдельные случаи сочетаний с имен. мн. встречаются однако, и позже: ...да у Игошки взяли три топоры (1579 г., Акты юр., 92 № 46). А ставитца на той пожне сена и с чищеною четыре возы (Купчая 1598 г.). И гонебных у него три мерины есть (1601 г., Акты юр. 287, № 278). ...а держати охотником на яму... по три мерины добрых... (Поручная костромск. посадск. людей, 1604 г.). ...посланы на Белоозеро Донской атаман Олеша Старого да с ним Донских казаков четыре человеки... (Память в Стрелецки приказ; 1625 г.— Донск. дела 1, 261 стр.). ...и мы, великий государь..., послали к вам, Надырь Магометю царю, ...наши царские потехи 4 кречаты да 2 пуда кости рыбья зуба (Грам. ц. Мих., 1645 г.). ...как за тобою, государем, жили годы по 3 и 4 (1652 г., Хоз. Мороз., I, № 190). На колоколне колокол в четыре пуды (1671 г., Акты юр., II, 229, № 139). А городы в Мугалской земле деланы на четыре углы (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). ...И поперег город перегорожен каменьными стенами в дву местех, ино станет три городы (Хожд. на Вост. Котова, 80). И всего в персидской земли четыре празники (там же, 111).

Еще в начале XX в. были говоры, где в употреблении были сочетания *три годы* и под. Ср. напр., Матер. для изучения великорусск. говор., VIII, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXIII, № 5, 1903, № 46.

Частично, вероятно, в отдельных говорах, под влияние этих конструкций с **три** и **четыре** попадали и сочетания с **два.** На посаде 21 двор, да 2 дворы

двум и т. д., как и **трех, трем... четырех, четырем,** с именами существительными сохранило прежний характер согласования. Установление сходства *два дуба, три дуба* с конструкциями *пять дубов*... явилось отправною точкою для дальнейшего уподобления: вместо *пяти дубов, пятью дубов* и под., по образцу *двум дубам, трем дубам, двумя дубами* и под. стали говорить *пяти дубам, пятью дубами* и под.

Алтыновым послом 3-им человекам да киргизскому послу да людем их, всего 9 человекам, меду и пива давать всем собча по полведру меду да ведру пива на день (Мат. пут. Ив. Петлина, 300).

Не совсем подчинились подобному влиянию сочетания с **тысяча,** но ср.: ...И о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие... (Спис. с грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). Я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями (Тредиак.). ...Чтобы тысячам девóчкам На моих сидеть сучках (Держ., Шуточное желание),— употребление, перешедшее и в современный язык.

В значении денежной оценки вещи и под. издавна в употреблении было сочетание **в** с предложным падежом количественного имени числительного, согласуемого с этим же падежом существительного; например: «...вели, г-рь, нам на того Кузму в его насильстве и в пустошном владенье и в мелничном доходе *во сте и пятидесять рублех дати свой царский суд и управу*» (XVI в.. Фед.-Чех., II, № 115). Эта конструкция вполне обычна еще и в первой половине XIX века. См., напр.: «...Пять дней возились мы с нею таким образом: я бесился, грозил бить бездельника, наконец должен был *взять* от него *бесполезное животное в трех стах рублях,* до расчета» (Сенковский, Предубеждение).

Употребление п р и л а г а т е л ь н ы х при подобных сочетаниях в древнерусском представляло такие особенности:

Прилагательное стояло обычно не впереди существительного, как в других случаях, а за ним, причем возможен был при именительном падеже числительного двоякий тип связи — более тесной с согласованием прилагательного с именем существительным в родительном падеже (но, после утраты категории двойственного числа, только в виде множественного числа) и менее тесной — с именительным множественного (так, как если б после существительного стояла запятая — знак паузы). Ср. напр.: а) Мы-

---

пусты (1615 г., Акты юр., II, 51, № 128). У той избы в исподи два мосты (1636 г., III, 377, № 347). Взял два ковры вечаныя (1660, III, 260, № 328),— известные и теперь в диалектном употреблении, но не приобревшие широкого распространения.

С. Д. Н и к и ф о р о в, Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в.,— Вопросы славянского языкознания, I, Львов, 1948, стр. 151—152, формы на ы (и) для изучаемого им. времени считает еще преобладающими при **три** и **четыре.**

замылк, да Мекхан, да Форат хан, и те взяли три городы великих... (Аф. Никит.). ...две пуговицы хрустальных (Мат. Раз., I, № 9). ...а в ней три места дворовых (Новг. писц., 1582 г.). А держати охотникам на яму... по три мерины добрых... (Поручная костромск. посадск. людей, 1604 г.). ...три ложки оловяных, четыре торелки оловяных, три кувшинца стеклянных (Дело Ник., № 105). ...три двора крестьянских (1662, Сб. гр., IV, № 24). 3 овина новых (Хоз. Мороз., II, № 6) и б) два ковша золоты (1389, Сб. гр., I, № 39). Четыре пуговицы серебряные, золочены; два колпока ветхи, червчатые, стегоны по дорогам (Мат. Раз., I, № 9). ...два замка прибойные с ключами, два щипца железные; ср.: пара пистолей, попорчены (Дело Ник., № 105). Реже случаи вроде: две круглы гривенки (1328, Сб. гр., I, № 213), две вдовые попадьи (1673 г.; Акты юр., 356, № 231).

При наличии двух прилагательных, не соединенных союзом **и**, с XVI в. в памятниках в употребление входят как распространенный оборот родительный множественного у первого и именительный мн. у второго: три однорядка лунских черлены, четыре паникадила медных малые, восемь лапок лисьих красные (Потебня).

Реже: 3 намета козловые жолтых да 2 красных (Розыскные дела о Фед. Шакловит., IV, стр. 152), и под.

Естественно, что исконное управление родительным множественного числа имени существительного при **пять... десять...** более способствовало установлению согласования с родительным множественного, поэтому в настоящее время, когда прилагательное заняло обычное вообще в русском место прилагательных (перед существительным)[1], в данных конструкциях в употреблении остался только родительный падеж множественного числа прилагательного: *пять высоких дубов*, *десять зеленых тополей*[2].

---

[1] Ср. и древн.: И, взяв его, те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка... (Уряди., 19).

[2] Для влияния на синтаксические конструкции с **два, три, четыре** конструкций с **пять, шесть** и т. д. ср.: ...За подмогу и за льготные лета десеть рублев московская по сей записи (Порядная 1599 г.). Характерны др.-русские сочетания, на которые обратил внимание Потебня: по образцу — Работа другую седмь лет (Лавр.). О чом же ты не искал на Ивашке в ту шесть лет...? (Правая грамота Савво-Сторожевск. монастырю, до 1470 г.). А огород ставити около поля семь жерден добрая да два кола, а около гумна девять жердеи добрая (Судебн. 1589 г., 23). В ту семь деи (Мат. пут. Ив. Петлина, 273). В ту десять деи (там же, 286). Он, Иван, взял с них, с новых крестьян, за даточные люди другую 30 рублей (Хоз. Мороз., 1, № 10). Заверстал за ту пятсот пуд моею мягкою рухлядью (Дело Ник., № 48),— винит. пад. стал употребляться в виде: Был в Новегороде 4 недели полную (Пск. I). Дал два рубля новгородскую (Акты истор., 1556 г.). ...И они наместником Ноугороцким дадут за голову веры четыре рубли московскую (Жалов. грам. царя Василия игумену Никольск.-Вяжицк. мон., 1606 г.). В ту четыре годы, ту урочную четыре года (Юрид. акты, 1612 г.), А оброку владыке платили с тое четверти ловли 2 рубля московскую (Писц. кн. Обон. пят. 1563 г., 20—22). А от мелива емлют от четверти по 2 ден. московскую (там же, 115). ...и денги еси у Матфея у Левского три рубли московскую взял ли...? (Новг.

При **два**, **три**, **четыре**, сочетания которых с существительными были более своеобразны, причем согласование с последними прилагательных во множественном числе представляло тоже необычный факт, именительный мн. ч. прилагательного сохранялся дольше, и теперь, с изменением места прилагательного, мы имеем рядом: *два высоких дуба* и *два высокие дуба*, *три зеленых тополя* и *три зелёные тополя*. При этом можно констатировать, что сочетания типа *два высоких дуба*, *три зелёных тополя* употребляются чаще, и, по-видимому, в языке проявляется тенденция установить в конце концов большее единообразие соответствующих конструкций, освободившись от не укладывающихся в общие рамки.

После значительных колебаний в употреблении форм имен прилагательных — колебаний между им.-вин. падежом и родительным множ. числа[1] — к нашему времени при формах женского рода имен существительных, особенно неодушевленных, в основном возобладала форма имени прилагательного в именительном падеже: *три зелёные липы*, *две молодые женщины*. Такое употребление, более редкое при именах мужского и среднего рода, надо объяснить, по-видимому, тем, что в формах имен существительных женского рода различие между именительным падежом множественного числа и родительным единственного было меньше, чем у имен мужского рода (оно только у относительно немногочисленных слов давно давало о себе знать различием в месте ударения: сё̆стры, но сестры́; го́ловы, но головы́); что касается среднего рода, то его обычное морфологическое сходство с мужским должно было благоприятствовать вовлечению его в сферу свойственных последнему синтаксических отношений.

В древнерусском языке очень употребительны числительные прилагательные: **двои**, **трои**, **четверы**... **семеры**... **десятеры**... (см. Морфол., § 23). Ср.: ...*двои люди*, едины смеющеся, а другыи плачющася (Дан. игум.,— Срезн.). В султанов же двор *7-ры ворота* (Хож. Аф. Никит.). ...да у того же двора тын вострой да *двои ворота* (Купчая П. Скобельцына, 1579 г.). А заглядывали де те сторожи в церковные *в двои двери* дщелми и сквозе замки (Памятн. Смутн. врем., 186). *Двои очки*, *двои кресла* с налойчиком кожаным, *шестеры сапоги сафьянные* (Дело

запис. кабальн. кн., 1596 г.). — К возможному колебанию ср.: «...занял есми... три рубли московскую» и «...занял есми... денег три рубли московских...» (Новг. запис. кабальн. кн., 1595 г.), «...занял есмя... денег пять рублев московских» (Новг. запис. кабальн. кн., 1596 г.). «...ты ли тем площадным подьячим такову на себя служилую кабалу в трех рублех московских писати велел...?» (там же), и под.

Ср. и при **сорок** и **пол**: сорок рублев денег московскую (Акты юрид.). в тую полтора дни (Пск. I),— причем не обошлось, вероятно, и без влияния родительного-местного двойственного числа прилагательных.

[1] О грамматических предписаниях и практике первой половины XIX века **см** РЛЯ пп. XIX в., 1954 г., стр. 379—383.

Ник., № 105), *четверы петли* с крюками (там же), *двои клещи* поваренные (там же) (ср.: четверы клещи — Хоз. Мороз., II, № 6), *двои чюлки* валеные (там же), *тридцать семеры сошники и лемехи* (там же), *двои вожжи* волосяные (там же), *трои вачеги* суконные, *шестеры* сапоги сафьянные, *трои рукавицы* (там же). *Двои кайдалы* (= кандалы) большие да малые (там же, II, № 10). И устроены были *трои врата* триумфалные (Вед. 1703 г.).

Ср. и: 3 дыму... *по трои обувей* лаптей (Хоз. Мороз., II, № 3).

Конструкция с **двои** и под. первоначально требовала полного согласования с существительными числового наименования и прилагательного нечислового (см. приведенные примеры). Но примеры вроде: двои сапог красные, новые (Дело Ник., № 105), двои рукавицы новых, осмеры рукавицы ловецких, починенных (там же), трои удела конских (Мат. Раз., I, № 9), двои железа ручных (Хоз. Мороз., II, № 9), показывают, что на старые отношения разрушающе действовала пестрота семантически родственных конструкций типа: *две рукавицы новых, пара сапог* и под.

По «Словарю русского языка» Акад. наук (вып. 3, 1895, стр. 974), **двои, двоих**, в отличие от *двое*, ставилось прежде в имен. и вин. пад. при существительных, употребляющихся исключительно во множ. числе: *двои часы, двои сани, двои сутки*, но давно уже выходит из употребления и заменено формою *двое* с род. мн. Древнерусские примеры показывают, что такое различие имело основание, как тенденция, охватывавшая и названия п а р н ы х п р е д м е т о в, издавна. Для других ср., напр.: три мережи ветхих, две бочки порозжих, четыре лодки малых (Дело Ник., № 195), и под.

Ломоносов (Рос. гр., § 487, стр. 188) узаконяет употребление согласуемых с существительными *двои, трои... десятеры* только «для бездушных вещей, которые только во множественном употребительны».

Любопытно, что почти все примеры, представлявшиеся Буслаеву (§ 232, изд. 3) согласованиями *двои, трои...* вообще со множественным числом, на самом деле подходят именно под указанное правило: пятеры рукавицы, трои серги (нормально их пара); Двои дети водить — однем досадить (послов. XVII в.) — «дети» могло ощущаться как специальное множ. (ср. укр. *дитина* с суффиксом сингулятива); И в помочь свою зовет ноги лише двои (Кант.); Что разшита легка лодочка на двенадцатеры весельцы (Чулк.) — «весла» воспринималось, очевидно, первоначально как понятие парное. Ср.: Да на пчельном шестеры пчелы (Хоз. Мороз., II, № 6), — имеются в виду ульи.

В XIX в. у Крылова еще читаем: Однако ж пятаков пригоршни трои Червонца на обмен крестьянину дают (Червонец), причем форма *трои* соответствует как раз не существительному ед. ч. «пригоршня», а понятому как множ. диалект. *пригоршни*

(только множ. ч.); у Даля: в гарнце три (трои) пригоршни. Ср. и др.-русск.: И помелъ бѣ соусѣкъ тъ и в єдинъ оугълъ мало отроубъ, яко же съ троѣ и съ четверы пригърщѣ (Нест. Жит. Феод., 22,— Срезн.). Оуне єсть исполнити пригорщи с покоемъ, нежели двои пригорщи с роптаниємъ (Пчела, Публ. библ., Срезн.). Да на царевичевых же мощех положено орехов с пригорщи (Памятн. Смутн. врем., 84).

Формы **двои, трои... десятеры** вымерли, по-видимому, потому, что, во-первых, в конечной части фонетически были близки к *двое, трое*, и, во-вторых, имели очень узкую сферу употребления. Это же случилось и с параллельным им **обои** (см. Морф., § 23).

Употребление **двое, трое, четверо... десятеро...** с родительным мн. ч. Ломоносов (Рос. грам., § 486, стр. 188) ограничивает только названиями людей, «и то по большой части ниских. Ибо не прилично сказать: трое бояр, двое архиреев: но три боярина, два архиерея»[1]. В дальнейшем, с общей демократизацией стиля, как известно, ослабело значение и последнего различения, а утрата *двои, трои* и т. д. утвердила обязательное перенесение **двое, трое** на случаи вроде *двое суток, трое саней*.

Такие примеры встречаются уже у писателей XVIII в.: плутал двое суток (Фонв., Письма род.: ср. там же — сутки на двои), трое римских торжественных ворот (там же),— и показывают, что утрату *двои, трои...* подготовлял параллелизм близких по смыслу конструкций.

К старинному употреблению именительного-винительного падежа одушевленных см.: Апреля в 3 день нанял двое ребят, Худяка да Самсонка... (Прих.-расх. книги Болдина-Дорогобужск. мон. на 1585 г.). А подо мною убили на выласках двоя лошадей... (Письмо сына к отцу, 1609 г.) ...и купили трое лошадей... (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 г.). И двое лошадей Семеновых у вас в монастыре было ли? (Суд. дело 1648 г.).

§ 10. Особенности старинного употребления времен и видов.

О том, что река течет, впадает и под., говорится в древнерусском обычно в форме прошедшего времени совершенного вида:

А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венеции ворота морские... (Отчет Я. Молвян.). А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст 30 или не много больши... А Нара река пала в Оку, ниже Серпухова с версту... А Упа река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху... А Меча река по леву Муравския дороги

[1] Видимо, Ломоносов и для своего времени давал в этом случае неточное указание. В нынешнем литературном языке *двое, трое...* допускается только по отношению к мужчинам и словам, не имеющим единственного числа.

потекла, и пала в Дон, ниже града Лебядяни верст с 8. Река Донец Северской вытекла из чистаго поля... и потекла под Белград, а мимо Белград потекла и пала в Дон ниже речки Кондрючьи 10 верст (Большой чертеж). А ныне де Юйка Тайша и Бок и Дувар кочуют около реки Маночи да дву Агарликов, до Калаузова; а те все 4 реки впали в Дон реку... (Мат. Раз., IV, № 13). ...х которым сибирским городам то озеро подошло ближе (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

Реже в древнерусском совпадающие с современным языком случаи, вроде: ...на левую сторону земля пустоши Шепыревы по речку, что течет из под Теплого стану (Межевая, 1631 г.,— Бусл.)[1].

В том же духе — способ выражения о местностях (местоположении): «...которая земля *сошлась* с Черкаским болотом, и та де земля отнята» (XVII в., Фед.-Чех., № 134). «...а града взяти некуды, *пришла* гора велика да деберь златикень» (Хож. Афан. Никит.).

В древнерусской деловой письменности, не говоря уже о жанрах, отражающих церковнославянское влияние, еще довольно отчетливо видимо живое употребление форм давнопрошедшего времени («плюсквамперфекта») — с двумя, впрочем, очень отличными друг от друга основными значениями: 1. действительно давнопрошедшего времени или прошедшего времени, предшествующего другому названному прошедшему; 2. с одним из значений, близких к видовым,— действия, начатого, но не доведенного до конца. Живые параллели тому и другому употреблению (особенно второму) до сих пор сохраняются в украинском языке, и это, наряду с другим, дает основание подозревать, что также соответствующие древнерусские формы (с согласуемой служебной частью), вероятно, не являлись только книжно-традиционными.

Будущее от глаголов, главным образом совершенного вида, часто употребляется в описаниях как форма со значением обычного в определенных случаях действия (чаще заключительного):

А кто ея [птицу гукук] хочет убити, ино у нея изо рта огонь *выйдеть* (Хож. Аф. Никит.). ...А празднуют, как нов месяц увидят, и тое ночь всю не спят — играют и в трубы трубят, и в суренки, и по литаврам безпрестани. А свечера во всех рядех лавки *украсят*, *выбелят и выкрасят* красками всякими, цветы *украсят* и на утро во всех лавках и по домам свечи и свешники и чираки *иззасветят*, сколко хто может, и того светят часа с три, и свечи *погасят*, и лавки и ряды *иззапрут*,

[1] Ср. и Е. Ф. Карский, Изв. по русск. яз. и слов., 11, 1929, стр. 24. А. М. Селищевым (Учен. записки Моск. гор. пед. инст., Каф. русск. яз., вып. 1, том V, 1941 г., стр. 191) отмечен из описания рубежей земельных участков в рязанских писцовых книгах XVI в. интересный случай употребления глагола такого характера в функции, близкой к определению: «.. четвертое знамя раменское — курья нога с тесом, а пятое знамя — курья ж нога, а тес к земле. Зайцово знамя тес *минул* курью ногу, а другое знамя его крюк с тесом».

и по домам *разойдутся* и не торгуют ничем... (Хожд. на Восток Котова, 103). Собирают денги с тех городов..., с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а *соберетца* тех денег в год болши полу-3000 рублев (Котош., 87). А доходов в тот Приказ... *соберется* в год мало болши 1000 рублев (88). И етчи и пив за здоровья их государские, того дни бояре и все чины *розъедутца* по домом (13). И гости, целовав тех жен и пив вино, садятся за стол, а те жены *пойдут* по прежнему, где сперва были (Котош.). ...и на отпуске отец и мать жениха и невесту благославляют образами, а потом взяв дочь свою за руку, отдают жениху в руки. И потом свадебной чин, и поп, и жених с невестою вместе... *пойдут* ис хором вон, а отец и мать и гости их провожают на двор... и едут из двора к той церкве, где венчатца; а отец невестин и гости *пойдут* назад в хоромы, и пьют и едят... И быв у венчания, *поедут* со всем поездом на двор, и посылают к женихову отцу с невестою, что венчались в добром здоровье. И как *приедут* они к жениху на двор, и их женихов отец и мать и гости благославляют образами и подносят хлеб да соль, а потом садятца за столы и начнут ести, по чину; и в то время невесту *откроют*» и т. д. (XIII).— «...и мы, холопи твои, приехав на Белоозеро, объявилися у твоего государева воеводы... и твою государеву грамоту ему отдали, и поехали в твое царское жалованье — в свое поместье; а как *будем* в Судцкой волости, в деревне под Великою Березою, и на нас, холопей твоих, пришли на Суды казаки-атаманы...» (Челоб. атамана И. Г. Толстого, 1614 г.). ...А было де их восмь суден, а в суднах человек с двести и болши. И как де *будут* у них на куренях, его Петровых товарищей и иных Острогожских козаков, которые для рыбных ловель были на речке Черной Колитве, и с суднами и с ружьем и запасы побрали с собою насилно 23 человека (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. Петра Хованск., 1682 г.). Тогда их [студентов] коронуют... в одной палате или в церкви на середине *поставят* кресла, в которых тот помяненный студент *сядет*... и всем в то время там бывшим *раздадут* печатные листы или тетради, которыя называются комплексы... и потом тот студент всем там бывшим *проговорит* изрядную рацею о своем испытании и *начнет* говорить о своей науке (Путеш. П. Толст.). ... когда *запрет* многие голосы, тогда на тех органах *будут отзываться* трубы... (там же) = отзываются.

Ср. и описания типа: «...и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера *потечеть* Волхов и *втечеть* в озеро великое Нево, и з того озера *внидеть* устье в море Варяское» (Ипат. сп. лет., 4 об.)[1].

---

[1] Т. Ломтев (Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке,— Учен. зап. Моск. унив., вып. 128, Труды каф. русск. яз., кн. I, 1948 г., стр. 88) в такого рода фактах хочет видеть доказательство, «что в древнерусском языке приставоч-

Приблизительность указания, как и в современном языке, передается будущим совершенного вида или формою будущего времени от «быть», причем в древнерусском и то и другое употребление чаще и разнообразнее: ...И как царевич пошел по леснице и *будет* посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговский скоро вскочил... и ухватил его... сквозь лесницу з ноги (Пам. Смутн. вр., 757). А *будет* трубников, и литавръщиков, и суреншиков в царском дому всех человек со 100... А прямых истинных добрых трубачеев *выберется* в царском дому человек с шесть, или мало болши (Котош., 89). А сколько числом тое казны *придет* в году, того описать не в память (Котош., 93). И егда *буду* насреди дороги, изнемог, таща по земле рыбу (Аваак., 114). А как де он *будет* вверх по Дону от Паншина в третьем городке, и его де, Ивашку, доехали казаки... (Мат. Раз., III, № 2). И как *буду* я, холоп твой, с твоими великого государя разными людми в Цывилском уезде... и того ж, государь, числа в часу в шестом дни пришли ко мне, холопу твоему, на обоз воровские люди чюваша и черемиса... с две тысячи человек (Мат. Раз., III, № 7). Как *буду* де я, Сергунка, против Симонова лицем, Воробьева задом, тут де мои недруги стоят (Шут. челоб. XVII в.). «...а как *будут* оне в каменнои Москве, не пошли оне в хоромы в царьские, а пошли оне к пречистои соборнои...» (Песня, запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.). «...едет собака Крымскои царь, а ко силнему царству Московскому: а нынечи мы поедем к каменнои Москве, а назад мы поидем, Резан возмем. А как *будут* оне [около?] Оки-реки, а тут оне *станут* белы патры *роставливать*...» (Песня запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.). «...и межю собою оне [бояре] слово говорили, а говорили слово усмехнулися: высоко сокол поднялся, и о сыру матеру землю ушибся, а *росплачютца* свецкие немцы, что не стало у нас воеводы Васильевича князя Михаила» (Песня, запис. для Рич. Джемса, 1619—1620 гг.).

К старинному употреблению видов-времен, в настоящее время ставшему необычным, относятся, например: прошедшее совершенное слова **довелося** «следует», предшествующее будущему (по смыслу) времени: «А кому *довелось* держать свечи и короваи, и им идти в сенник к постеле» (Наряд, как быти у Пречистой вел. князю Вас. Ивановичу и княжне Елене Вас. 1526 г.) Мы бы теперь сказали «...а кому доведется... (придется)». Ср. и: «...и им дружки стелют под ноги камку, да сорок соболей кладут,

---

ные некратные глаголы сохраняли следы прежнего состояния, когда они не имели еще перфективного значения и употреблялись в собственном значении относительно категории времени, т. е. в значении настоящего времени». Дело, однако, по-видимому, не в маловероятном сохранении «прежнего состояния», а, как и в некоторых других славянских языках (напр., в чешском),— в применении соответственных форм для специальных видовых оттенков — оживления и под. (ср. наше **вдруг**, как и под. с формами совершенного вида).

кому *довелось* по разряду» (там же); «И как великий князь и княжна Елена станут к венчанью на месте, и в те поры митрополит будет их венчать, и другие, кому *довелось*, держат поодаль вино фряжское» (там же) — «следует».

Отрицание неосуществившегося или неосуществимого факта в древнерусском очень часто выражается не с формами прошедшего времени или инфинитива многократного вида: ...а в Кирилов монастырь, господине, отец мой Офонасий тое земли *не давывал*, а яз, господине, у тое грамоты отца своего *не бывал* (Правая грам. белозерск. князя Андр. Мих., между 1478 и 1482 гг.). На поруку не давал никого, ни меня *не давывал* никто (Домострой, 61). Ни кабалы ни записи на себя не в чем *не дававыл* (там же). И Иван де ему отказывал потому ж, что опричь царя, ему ни к кому *не хаживать* и посольства *не правливать* и птиц *не отдавывать* (Статейный список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 гг.). И ...истец Семен Марков сказал, что ему, Семену, против всего допросу такия душевныя сказски *не давывать*... (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118). ...И вы де, староста и выборные люди, хлеба ему, Мамлею, *не дававыли* [sic!] — (Хоз. Мороз., I, 38). ...и Миките писать к патриарху ни о чем *не веливал же* (Дело Ник., № 41). ...и по церкве перед ним протопоп свещу *не нашивал* (там же, № 40). ...и ево де бывший патриарх к патриаршу месту *не призывывал* (там же). ...и он, Афонасей, один к Миките *не езживал* (там же, 13). Крестьянина де Фомку он водяным деревом *не бивал*, и от ево побой он *не умирывал*, а умер де он своею смертью (там же, № 100). Никон де монах писем никаких к Москве... *не посылывал*; и в Ферапонтове де монастыре старцам и мирским людям *не давывал*: и в сокровенное де место, в землю, *не хоранивал* (там же, № 100). ...в приводе нигде не бывал, воровского у меня ничего *не вынимывали* (Пов. о Ерше). А которых, государь, танбовских станичников послал я, холоп твой, на усть Хопра для проведыванья вестей про него ж, вора Стенку Разина, июля в 24 день, и те, государь, танбовские станичники от усть Хопра в Танбов августа по 15 число *не бывали* (Мат. Раз., III, № 1). ...А по потходе из Казани князь Данилове боярин и воевода князь Юрья Алексеевичь *не писывал* и никого *не присылывал* (там же, № 18). ...у того де я Сергия *не начевывал* и живота его, маниста... и серег, и трех рублев денег, рукавиц, кафтана *не имывал* (Челобитная боярину Ф. И. Шереметеву, 1639 г.). А пожитков государя моево ни куды я не сваживал и ни кому *не отдавывал*, и я к себе *не имывал* (Розыскн. дела о Фед. Шаклов., IV том, Дополн., № 21). ...а иных де слов, чего он в роспросе не говорил, *не говаривал* (там же, II том, X, № 22). ...Введен был... к королю в самой его королевской внутренний кабинет, где его величество... никому приватных аудиенций по тот час *не давывал* (А. Матв.). Но между тем... не были ль вы страстны? — Нет, сударыня! я никогда *не*

любливал! (Вечерние часы, II, 1788 г.). Ср. в современных говорах: «Тятя поспал, а я эшшо *не сыпывал*»; «Трои сутки *не поливывала*»; «*Не бирала, не бирывала, не жырала* эшшо» (из Горьк. обл.,— Селищ., указ. соч., стр. 191—192).

Для древнерусского языка среди другого характерны выражения категорической результативности в формах совершенного вида, приходящиеся на аподосис условных предложений. Таковы, например, фразы вроде: «а хто от[ъ]едеть от тебе... князей служебных ко мне... ино тот отчыны своее лишон...» (Грам. в. кн. Тверского Бориса Александр. королю Польскому Казимиру, 1449 г.)[1].

В ремарках о действиях драматических персонажей, наряду с обычным у нас настоящим временем, употребляется в пьесах XVIII в. будущее совершенное: ...Гремила тряхнет фрезями, заиграют куранты, и ее девицы составят балет при пении хора (Екат., Горе-богатырь Косометович).

Сочетание того и другого употребления представляют ремарки вроде: *Лай* (входит степенно, с восхитительным видом, имея в руках литавру шаманскую, по которой ударяет сперва изредка, потом прибавит шага и ударов и побежит около Сидора Дробина, поет у у у у у у у у, представляя вой бури) (Екат., Шаман. сибир.).

Распространено также в ремарках пьес XVIII в. употребление вместо настоящего времени, принятого теперь, прошедшего совершенного: ...Хорев, ее лишась, последовал за ней (Закололся). (Сумар.). *Стародум*. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю. (Все вскочили с колен). (Фонв., Недор.).

Такое употребление времен в замечаниях о действиях персонажей перешло к русским писателям из пьес Симеона Полоцкого и авторов-украинцев в начальный период русского театра.

Ср. также из ранних пьес, напр., наряду с ремарками и в настоящем времени, формы будущего совершенного и прошедшего: *Филипп*. И мне мало. (Паки выпьет, изнова налил). (Комедия о Дон-Яне и Дон-Педре).

В настоящее время четко различается употребление кратких форм страдательных причастий на **н**, **т** без связки в результативном значении и употребление их со связкой прошедшего времени. Они различались в XVIII в., но и тогда и в первые десятилетия XIX в. допускалось большое количество случаев предпочтения бессвязочных форм в смысле прошедшего времени, вроде: ...Чрез день после того званы мы на такой же обед к маленькому г. Сумороцкому, живущему от зятя моего версты только четыре. Я охотно поехал туда вместе с сестрою и зятем (Болотов).

---

[1] Другие примеры см. М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века (автореферат докт. диссерт.).

Особенно характерна в этом отношении фраза в «Письмовнике» Курганова: «Врач, знав его и будучи человек забавный, спросил: нет ли у тебя каких стихы, коих ты еще никому не читал? Рифмач в том признался и *принужден* их прочесть» (Кург., стр. 211).

§ 11. Об употреблении наклонений.

Формы нынешнего условного (сослагательного) наклонения и тех аналитических форм, из которых оно возникло, имели в древнерусском гораздо более широкое и разнообразное употребление, чем теперь.

Они очень часты в нем в роли, близкой к повелительному наклонению, и, по-видимому, имели смысл «должен, должны...» Ср.: ...Такоже и яз вам приказываю, своей братьи, жити за один, а лихих бы есте люд... и не слушали и хто иметь вас сваживати; слушали бы е... отца нашего владыки Олексея (Дух. в. кн. Сем. Ив.). И тыб и вперед не держала меня без вести о своем здоровье... (Письмо в. кн. Вас. Иоан. 1530—1532 г.). О всем бы еси о том з боярынями поговорила и их выпросила, да ко мне о том отписала подлинно... (там же). И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы бы бывшаго Никона патриарха строителю старцу Евфимию ни в чем воли не давали и в монастырских вотчинах потомуже ни в чем ему ведать не велели (Дело Ник., № 66). Как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б на Коломне у бывшаго Никона патриарха сына боярского ево, Федку Арцыбашева с женою и с детьми велел сыскать тотчас (там же, № 54).

Широко пользуется древнерусский язык формами сослагательного наклонения для выражения долженствования или повеления в третьем лице: Чадо, люби мнишеский чин, и страннии пришельцы всегда бы в дому твоем питалися (Домострой, 64). Жену, учи всякому страху божию... и всякои порядне умела бы сама — и печи и варити, и всякую домашнюю порядню умела... (там же). И всякая порядня по двору бы не валялась, все бы было прибрано и припрятано, а на дворе и в огороде колодязь бы был, а нет колодезя, ино бы вода всегды была (Домострой, 61). И он бы, патриарх, из соборной церкви шол и ехал тудыже, откуда приехал (Дело Ник., № 39). Чюжую кровлю крой, а своя б не капала (Стар. сборник, 2577).

Нужно, однако, заметить, что в древнерусском и форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения чаще, чем теперь, заменяет 3-е лицо ед. ч.:

А коли нужа, и он ежь в келье (Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Белоз. мон.). А кому к нему прийти беседы ради духовныя, и он прийди не в трапезное время, ествы бы и пития в те поры не было (там же). А з гостьями беседа бы была о рукодельи...

а не пересмеиваися и не переговаривала бы ни о ком ничево (Домострой). Да ведомо буди тебе, государю... (Дело Ник., № 41).

Интересный пример 3-го лица множ. числа при форме повелительного ед. ч. приведен в «Синтаксисе русского языка» Шахматова (§ 237): ...И коли, господине, Фофан старец з братьею и староста называют ту землю своею Володимирского селца, и они, господине, возми образ пречистые да поведи, и ты нам, господине, судья, туды и межю учини (1518 г.).

Запрещение в древнерусском выражалось,— и это, по-видимому, архаическая особенность,— сочетанием **не**, повелительного наклонения вспомогательного глагола *мочь* и инфинитива полнозначного: «Молѭ же вьсѣхъ почитаѭщихъ не мозѣте клѧти» (Запись к Остром. еванг.). Ср. в современном болгарском (диал.) *не мой* (-те) с основой былых инфинитивов. По-видимому, «Бессильному не смейся И слабого обидеть *не моги*!» у Крылова (Лев и Комар) — архаизм, вероятно, усвоенный им из диалектного употребления. Ср. и у нашего современника: «...повинен Сережка Каляганов батрачить у Стоднева. И *не моги дохнуть*» (Ф. Гладков, «Повесть о детстве»).

При сочетании предложений сослагательные формы легко приобретают целевое значение:

А в пир на дворе брежен же человек надобе, всего бы смотрил и берег, домашние всякие порядни — не окрали бы чево (Домострой, 50). Переходити и пересмотрити и перенюхать, где огня бы не уронили на погребе и на леднике (там же, 58). А за доброе устроение и брежение любити и жаловати, всячески доброму бы была честь, а худому гроза (58). Да вам же указали великие государи с сего времени на Москве и в походе ходити с саблями, и со обухами, и со иным таким же ружьем, а меж себе и ни с кем тем ружьем поединков не чинити, и задоров бы ни с кем от вас не было (Из актов при «Созерц. кратком» С. Медв.).

В значении современного аффективного «как ты смеешь!» в XVIII веке возможно было употребление сослагательного наклонения; ср. у П. Плавильщикова в комедии «Бобыль» (представл. в 1790 г.): Матвей: У меня и своих боков не унесет. Исавка: Ах ты, Матюшка, нахал! да *смел ли бы ты* это говорить?

И в современном литературном языке возможно употребление сослагательного наклонения во втором придаточном предложении, сочиненном с первым, вводимым союзом **чтобы**, но в древнерусском эта конструкция встречается несравненно чаще, и едва ли не составляет в нем правила: А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, *чтобы* его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре *б* и думные люди о том ни о чем *не ведали* (Котош., 85). ...А от салтана Турского есть указ к царю Крымскому, *чтоб* он, хан, к ляхам на помочь *не*

шол, а шол бы он со всеми ордами, на Венгоры... (Стат. список пребывания в Нежине и Переясл. двор. Фед. Протасьева, 1661 г.).

И для того накрепко во всех деревнях заказать, *чтоб* крестьяне отнюдь чужих работников или, по их званию, батраков и казаков, также и работниц не наймывали, а *брали б* вместо того своих крестьян и крестьянок (Инстр. дворецкому XVIII в.). Предписано то смертных части, *чтоб* ты прошел беды, напасти И разны мира суеты, *Вкусил бы* горесть ты и сладость, Печаль, утеху, грусть и радость. И все *бы* то *окончил* ты (Сумар., Ода Хераскову). ...И почал лошадей и кучера гвоздить, *Чтоб* кучер был на козлах попроворняй, А лошади *везли б* карету позадорняй (Сумар., Услуж. комар).

Для древнерусского синтаксиса характерно, между прочим, что формы сослагательного наклонения образуются иногда от страдательных причастий в роли сказуемого без вспомогательного глагола:

А коли избу или мылню топит, а вода бы напередь принесена пожарные ради притчи (Домострой, 61). И питье бы всякое часто в ситце бы цежено (там же, 49). ...И драно бы то брежно... убережено бы от всякие пакосьти, и всегда замкнуто (там же, (53). ...И все бы то сочтено и перемечено (там же, 54).

Современный литературный язык пользуется только изредка частицею **бы** со значением условности и родственных оттенков при сказуемых прилагательных и наречиях. Самый распространенный случай — *рад бы.* Возможные в литературном языке фразы вроде «И не спесив бы парень, да в гости не зовут» — явные заимствования из народной фразеологии. В древнерусском они встречались чаще; ср., напр.: Овцы бы целы, а волки бы сыти (Стар. сборник, № 1821).

Наряду с **бы** подобную функцию в древнерусском иногда выполняла форма прошедшего времени глагола. Старейший случай — начало «Слова о полку Игореве»: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повестѣй о пълку Игореве, Игоря Святославича? – «*Не хорошо ли было бы* нам, братья, начать старыми словами печальных повествований о походе Игоря, Игоря Святославича?»

В «Слове» же в такой самой функции имеем и **было:** «пети было пес(н)ь Игореви того внуку» и «чили въспети было...». Подобные, более поздние, примеры отмечены А. И. Соболевским (Изв. по русск. яз. и слов. АН СССР, 1929 г., том II, стр. 186) в «Чуде» Варлаама Хутынского 1460 г.: «Добро ти было, чадо, зде жити» и под. **Было** во всех таких случаях может восходить к подвергшемуся гаплологии *было бы.* Ср. в том же духе: «...и дали мне на себя третейскую запись за своими руками, *что было* им меня во всем *слушать...*» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 116).

Переход **бы** в **б** в современном языке следует рассматривать как одно из проявлений общей тенденции сокращать грамматические приметы.

Известное современной экспрессивной речи употребление формы повелительного наклонения ед. ч. от глаголов совершенного вида при всех лицах в значении мгновенно, очень быстро или неожиданно («вдруг») совершившегося действия встречается почти во всех славянских языках, и хотя в памятниках, вообще мало отразивших экспрессивные конструкции; и трудно отметить такое употребление, по всей вероятности, оно представляет особенность уже древнего славянского синтаксиса. Б. Дельбрюк, Grundriss, II, 397, правдоподобно (ср. W. Vondrák, Vergl. slav. Gramm., II, 395) при толковании его исходит из случаев вроде «издали увидит леща, да и хвать его зубами» и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит... и думает (говорит себе): «Хвати его зубами»[1].

Далее такие случаи становятся образцами для других, где суть дела сводится, без подобного промежуточного движения мысли, уже только к экспрессии и передаче быстроты или неожиданности действия. Характерно в прозе Хемницера (план басни): «Лев теперь богатее стал животным народом. Что же? *рассудись* ему войну начать». Такого рода экспрессивное употребление иногда можно встретить даже в лирике XVIII в.: «*Случись* Анакреону Марию посещать; Меж ними Купидону, Как бабочке, летать» (Держ., Анакр. у печки).

Как редкое употребление в протасисе сложного условного предложения можно отметить в народно-аффективной речи XVIII в.— применение 2 л. ед. ч. повелительного наклонения в значении ирреального допущения для 3 лица ед. ч.: Мельник: Нет, так врешь; да *не роди* меня мать на свет, ежели сбитенщик грозит мельнику (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

Та же форма 2 л. повелительного наклонения при подлежащих всех лиц и чисел может в современном языке обозначать экспрессивно выраженное предположительное условие. Такого рода функция, вероятно, не продукт специального развития русского языка, а, как показывают параллели из других славянских языков, тоже имела свое применение уже в глубокой древности.

Исходными тут, по-видимому, являлись случаи вроде: *Скажи — и всё будет сделано* (= если скажешь); *Только посмотри — и всё*

---

[1] Менее правдоподобна мысль Шахматова (Синт. русск. яз. I, § 231, II, § 539), хотя она и нашла энергичную поддержку у А. И. Стендер-Петерсена («О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском»,— Acta et commentationes Universitatis Tartuensis, Humaniora, XVIII, 1930 г.) и у В. В. Виноградова («Русский язык», 1947, стр. 549—553),— о том, что такие формы повелительного наклонения — результат переосмысления аористов от глаголов на **-и-**. Среди другого заслуживают внимания критические замечания Ф. Дриссена (F. C. Driessen, Imperativus voor praeteritum,— De Nieuwe Taalgilds, XXVI (1932), стр. 125—127), отметившего голландскую аналогию употребления формы повелительного наклонения (от глагола laten «оставить, пустить») в функции прошедшего времени изъявительного наклонения.

увидишь (= если только посмотришь). Мостик к 3 лицу перебрасывался употреблением формы 2 л. ед. ч. в роли 3 лица ед. ч., и, наконец, соответствующая форма стала употребляться при всех лицах и числах. Употребление, параллельное современному языку, известно и памятникам. Вот примеры, собранные Шахматовым (Синт. русск. яз., I, 1925, § 237): Поцелуй, господине, на том крест твои Остафьевы люди Трифон, да брат его Гаврилко, да Иванко Бородатой, да Устин, как то будет у тебя с тех озер жеребья земецкого не имывали, ино, господине, мы готовы — сбиты (Прав. грам. 1465 г., — 82). А и без поле, господине, поцелуй крест Федор Морозов, и мы и без поле Митрофановски пошлины платим (Прав. грам. 1512 г.

§ 12. Синтаксическое употребление и связи инфинитивов.

Заметное различие между синтаксисом русской письменности до XVIII в. и позднейшим временем представляет употребление инфинитивов и инфинитивных конструкций. Московская письменность предшествующего времени полностью применяет сохраняющийся и теперь в севернорусских говорах оборот «именительный падеж женского рода с инфинитивом» в значении нынешнего «винительный, управляемый сказуемым-инфинитивом»:

А кто иметь нас сваживати, *исправа* ны *учинити*, а нелюбья не держати... (Догов. грам. в. кн. Симеона Иван. с братьями, 1341 г.). А в который город или в волость в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему *приставная явити* наместнику или волостелю (Судебник 1497 г., 37). ...Да к тем делом дияку *рука своя приложити* (Судебник 1550 г., 28). А уже бо, братье, жалостно *видети кровь крестьянская* (Задонщ.). Тут, брате, *испити медвяна чара* (там же). ...Судити... и *всякая расправа делати*... (Улож. 1649 г.). ... и *росправа делати*, по государеву указу, в правду (там же). ...и дияку за то *учинити торговая казнь* — бити кнутом... а подьячего казнити — *отсечи рука* (там же). ...Мне де еще *молитва говорить*; и учал патриарх после ектеньи молитву говорить (Дело Ник., № 40). ...А указу нам, богомолцам твоим, твоего великого государя нет, *какова* ему *пища давать* (там же, 76). А приехав мне в монастырь, *мантия архиерейская* и посох у него, Никона, *взять* (там же, № 77). А велено им *цена ставить* всяким зверям по прямой московской цене (Котош., 93)[1].

---

[1] Встречается он уже в договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.: «*Тая правда узяти* русину у ризе и на гочкомь березе», и под.

Изредка этот оборот встречается еще даже в языке петровского времени: Прошение имеют, чтобы им *мука давать* против их братей, рекрютов же, по 3 четверика (Пис. и бум. Петра I, IV, 457). Еще посылаю роспись артиллерии, *которая* надобно *изготовить* (там же, III, Соб., — Обнор.). И с торгу своего *пошлина платить* (Посошков).

К возможному колебанию между винительным и именительным ср.: «...а за росты им *ту пожню косити* на монастырь половину... а не будут у меня у Власа денги на срок, ино им *та половина* пожни *косити* по тому ж (Заемная В. Фрязинова, 1529 г.). А себе бы им тем царю своему турскому нашею смертью *слава залезть вечная* во всю вселенную, а нам бы, христианам, *учинити укоризну вечную* (Ист. об Азовск. сид., 2).

Но ср.: А обыщется то, что тот жалобник солгал, и того *жалобника казнити* торговою казнию (Судебник 1550, 34). А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и *людей посылати* с приставными (Судебн. 1497 г., 31), т. е. в случаях с объектом мужского рода последний стоит в винительном падеже[1].

При отрицании наблюдается как обычное — управление инфинитива родительным падежом. Ср. частую договорную формулу в грамотах московских великих князей: «А Орда знати тобе, великому князю, а мне *Орды не знати*». ...и тому, у кого тот заклад был, *взять* на заимщике своего долгу *половина*, а *другие половины не имать* (Улож. 1649 г., гл. 10, § 198).

Позднее в некоторых севернорусских говорах из независимой инфинитивной конструкции такое употребление переходит в конструкции зависимые: «Хочу пить *холодная вода*»; а иногда и вообще именительный падеж у имен женского рода на **-а** начинает заменять историческую форму винительного: «А *рыба*-то уж мы как *любим*»; ср. и ряд других подобных случаев, упоминаемых в статье Ф. П. Филина — «Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на **-а** в значении аккузатива»,— Бюллет. Диал. сектора Инстит. русск. яз., АН СССР, вып. I, 1947 г., стр. 17—22. К сожалению, в статье не устанавливается степень выдержанности этого явления в соответствующих говорах[2].

Недавно конструкция «именительный падеж при инфинитиве» отмечена и в документах, относящихся к области орловских, т. е. южнорусских говоров[3]. Нельзя, однако, при небольшом количестве источников конца XVII века, где она встречается, считать ее определенно имеющей корни в самих соответствующих южнорусских говорах, так как отнюдь не исключена возможность, что в документы, о которых идет речь, эта синтаксическая особенность попала путем усвоения ее из московских грамот.

---

[1] Отступления, вроде: ...ино противу послуха наймит наняти вольно... (Судебн. 1497 г., 49). Знать сокол по полету. Знать сова по перью. (Стар. сборн., № 1061—1062), встречаются относительно редко.

[2] Случай употребления именительного падежа, зависимого от изъявительного наклонения: «А у кого скажут у кадашевца продажное питье, ино посылает вымати наш постельничий да дьяк и *пеня* им *чинят* по нашему царьскому указу» (грам. XVII в.,— Крепост. мануф., III, № 43, IV) отражает, скорее всего, влияние предполагавшейся обычной инфинитивной конструкции — «пеня им чинити».

[3] С. И. Котков, К изучению орловских говоров,— Орл. гос. педаг. инст. Ученые зап., том VII, Каф. русск. языка, вып. 3-ий, 1952 г., стр. 180.

Оборот «именительный падеж объекта женского рода с инфинитивом» свое истолкование получает в параллели старого значения инфинитива так же, как дательного падежа глагольного имени существительного, обозначавшего направленность, цель, обязательность и под. Подобный характер имеют, напр., немецкий оборот Er ist nicht zu finden — собственно «Он не для нахождения» = «его нельзя найти»; англ. He is not be found — «Он не для того, чтобы быть найденным»—то есть «его нельзя найти», литовские обороты и под.[1].

Может быть, первоначально именительный падеж употреблялся только при независимых инфинитивах. В этом отношении поучителен, напр., приведенный выше пример из «Дела Ник.», № 40, где рядом имеем случай именительного при инфинитиве и управляемого инфинитивом винительного. Ср. и в «Домострое»: А ествy мясную и рыбную... печи и варити все бы сама государыня умела (27)[2]. Удовлетворительного объяснения, однако, при таком толковании не получает важная деталь вопроса, почему данная конструкция охватила только формы женского рода[3].

Лучше в этом отношении догадка А. А. Шахматова (Синтаксис русск. языка, I, 1924, § 138): он считает, что начало таким оборотам дано предложениями с **надо** и другими наречиями [безличными сказуемными словами], где при **надо** стоял именительный падеж (тип: *Мне надо коса*); имен. падеж мог сопровождаться дополнительным глагольным членом, инфинитивом: *Мне надо собака с собой взять* (сев.) и под. «Отсюда имен. падеж проникал на место винительного вообще после инфинитива, причем возможно, что влияние началось от таких случаев, где инфинитив имеет значение наречия; ср. предложения, как: *Вот тот не влез — говорят, одна нога видеть* (каргоп....); *палец видать*».

---

[1] Ср. А. Потебня, Из записок по русск. грам. II², стр. 414 и след. А. Попов, Синтаксич. исследования, 1881, стр. 46 и след.

[2] К непосредственному влиянию инфинитивных конструкций восходят, вероятно, случаи с деепричастиями вроде: Ино, соимя рубашка, плеткою вежливенько побить (Домострой, 38). А буде деловые и огураются, ино, сыскав вина, и за вину бить батоги слехка, а не увечить (Хоз. Мороз., I, № 61). Едчи рыба дать ей имя (Стар. сборн., 2731). А отдав та рожь Ивану Гурьеву, говорить, что рожь из вотчин вся перевезена (Хоз. Мороз., 1, № 162).

По-видимому, прав Я. А. Спринчак («Конструкция «инфинитив с именительным падежом существительных женского рода» в истории русского языка»,— Сборн. работ филолог. фак. Днепропетр. гос. унив, XXIX, вып. 3. 1941 г., стр. 35), предполагающий, что «первоначально именительный падеж появился при деепричастии, где рядом употребляется также независимый инфинитив, причем именительный падеж такого существительного является одновременно прямым дополнением и относительно деепричастия, и относительно инфинитива»:

А *отдав грамота*, говорити им, чтоб они ... прислали к его царскому величеству дохтора навычного ... (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.). «И у того, кто так учинит, та *чюжая земля взяв* отдати тому, у кого отнял» (Улож. 1649 г.); «А как судное дело вершится, и кто по тому делу виноват, и того езду *другая половина взяв* на виноватом *отдати* правому» (Улож. 1649 г.).

[3] Возможна, впрочем, догадка, что данный оборот установился ранее, нежели названия существ мужского рода стали получать в русском языке винительный, отличающийся от именительного.

Вряд ли, однако, прав Шахматов и другие высказывавшие эту мысль, напр. Соболевский, что *шутка сказать* в литературном языке представляет собою по происхождению такой именно оборот: более вероятно, что здесь *шутка* первоначально было употреблено в функции сказуемого; ср.: *Шутка ли сказать такое?* [1]

По своему употреблению в древнерусском инфинитивы отличаются от современного литературного языка еще своею частостью там, где они иногда применимы и теперь. Древнерусские тексты переполнены предложениями типа: ...да в нем же [«в Бедери»] купити люди черныя...=«можно купить» (Аф. Никит., стр. 39).

И оттоле идохом к святому пророку Данилу: пришед к церкви поити испод земли степенеи 25, с свещею ити: на правой руце — гроб святого пророка Данила, а на левой руце — святого мученика Никиты (Хожд. Стеф. новгор.). А буде в прием против сей росписки в огородах садовного овощу, хоромного строения и рыбных снастей не объявитца, и то взять на мне, игумене Афонасие, с братиею (Дело Ник., № 102). И это сообщает древнерусскому сравнительно с современным особый волевой, категорический характер. Там, где мы предпочли бы сказать «можно», «могу», «следует», «надо», «не следует», «нельзя» с инфинитивом или употребить повелительное наклонение, древнерусский автор пользуется одним инфинитивом или инфинитивом с отрицанием. Ср. А где пошлеш[ь] своих воевод, *и мне послат[и]* с твоими воеводами своего воеводу с своими людми (Грамота кн. Андрея Вас. к кн. Ивану Вас.). ...А он здешнего обычая и русского языка не знаеть и ни о которых делех духовных нам с нимь советова(т) без толмача не умет(ь) (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож., стр. 142; ср. и 148). ...И про то, государь, роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери... (Памятн. Смутн. врем., 29). А з божиею помощию нам, великому государю, преславных государств своих доступати (там же, 47). Да князь же мне говорил: сын де мой князь Яныш родился во християнской вере, а держит ляшскую веру, и мне де его не уняти (там же, 22). И я ему говорил, что Печерской монастырь за рубежом в Литве, и за рубеж ехати не смети (там же, 20). А один де из них говорил по книжнему за упокой без престани; а речей де его и тех людей, у которых промеж ими говор и шум велик, не разумети, и их в лица не видети никого же (там же, 185). А в лице де никого не видети и речей де их не разумети (там же). ...А в устье и под город под Астрахань бусы не ходят — стоят на море, с устья одва

[1] Последняя по времени попытка (Я. А. Спринчака, указ. соч., стр. 3—45) истолковать оборот,— несмотря на привлеченный богатый материал, позволяющий сделать ряд уточнений, в теоретической части не убедительна: специально русское явление (чуждое даже ближайше родственным языкам) трактуется автором в «стадиальном» аспекте как пережиточное, восходящее к конструкции «прямого падежа пассивной стадии» (стр. 35—40, 44—45).

Новый материал об изоглосе этого явления см. в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко,— Доклады и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР, X, 1956 г., стр. 110.

видеть (Хожд. на Восток Котова, 74—75). ...И то поместье, кому дано будет за службу и после его жене ж и детем, или кому нибудь, никому им того поместья не продати, и не заложити, и в монастырь и к церкве по душе не отдавать (Котош., 95). Слатися, господа, нам на таковых людей не уметь (Пов. о Ерше). А женишка наши и детишка они, воры Цывилскаго уезду..., держат у себя, и выехать нам, сиротам твоим, от них, воров, из городу ни куда не сметь и терпим мы, сироты твои, в Цывилску в осаде нужу болшую (Мат. Раз., III, № 10). А выбирают их к той казне своя братья... за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых, и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать (Котош., 93). ...и обнадежа их государскою милостию, спросить, кто у них в том полку стрелцы за прежние шатости, и от ково впредь чаять дурна, быть негодны (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). И вси разбойники — единым окам мгнуть — все во фрунт стали... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

Из очень архаичных инфинитивных способов выражения останавливает на себе внимание, например, предложение: «...а о проче да роте ходить своею верою, яко никако же *иному помощи* ему...» в «Договоре Руси с Византией» 911 года[1], т. е., по-видимому,— «...а кроме того (что касается недостающего), пусть даст присягу по своей вере, что никто (другой) не может оказать ему помощь...»

В XVIII в. и в первой половине XIX в экспрессивном употреблении еще встречалась архаическая конструкция: «Пришед хозяин, *ждать — пождать*; нет никого!» (Хемн., Перепелка с детьми и Крестьянин). Этот ответ придворные слуги относят к Кощею: *ждать — пождать*, царевич нейдет, посылает в другой раз... (Жуковск., Сказка о царе Берендее).

Для роли инфинитивов как з а м е с т и т е л е й п о в е л и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я характерны фразы, вроде, напр., следующей: Заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не прогреши... и часы в дому своем всегда по вся дни пети (Домострой, 64).

Наряду с таким употреблением инфинитивов, реже (однако значительно чаще, чем в современном литературном языке) выступают инфинитивы с частицею **бы**, в духе распространенных в древнерусском, вместо императивов, форм сослагательного (условного) наклонения: А как... буду на своих государьствах жити, и ему бы попомнити слово свое прямое вместе с панною Мариною за присягою (Памятн. Смутн. врем., 89). А яз помню свою присягу, и нам бы прямо обема держати, и любовь бы была меж нас (там же). И как сядет на Московском государстве, и ему бы вскоре во всем Московском государстве латынская вера укрепити и самому быти крепку в той же латынской вере (там же, 93).

---

[1] См., хотя бы, «Памятники права Киевского государства X—XII в.,» составил доцент А. А. З и м и н, М., 1952, стр. 7, 11—12.

Особенностью древнерусского языка является еще то, что при отрицаниях со значением запрещения в нем обычны инфинитивы одинаково и совершенного и несовершенного вида (ср. приведенные примеры), тогда как современный литературный язык в этом случае по правилу пользуется только несовершенным видом.

Склонность древнего синтаксиса к модальному употреблению инфинитивов находит свое выражение также в замене инфинитивами будущего времени изъявительного наклонения; ср., напр.: ...Как почел снимать с себя митру, и говорил: *не быти мне слыти* патриархом Московским (Дело Ник., № 13) = «больше не буду называться...» «Се яз, раб божий Панъкрат Ченей, пишю сию грамоту душевую в конце живота; а бил мя Михайла Скобельцин большой с своими людьми... а бил мя у своего села, а *пойти ми* с их рук, а долгу *ми дать*...» (Духовная Панкрата Ченея, 1482 г.) = «а пойду я [умру] от их рук...» — и в употреблении инфинитивов в значении условного наклонения: Да толко де тобе побити бояр, и за них землею станут (Памятн. Смутн. врем., 77) = «если перебьешь бояр». ...А меня вам каменией побить, и мне де никово кровию своею не избавить (Дело Ник., № 9) = «А если вы меня побьете камнями...». А людей де мне своих послать, и я де опасаюся великого государя гневу (там же, № 41). А будет кто... приставит к недорослю, или ко вдове и к девке, и отвечати им за себя не умети... (Улож. ц. Алексея).

Ближе к современному употреблению: А не побити де бояр, и мне де самому от них быти убиту (Памятн. Смутн. врем., 77). А только твоей государевы милости, и жалованья, и призренья, и пощады до нас не будет, и нам, сиротам... в конец погинуть... (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.).

Заслуживает внимания возможность в древнерусском сочетания полнозначного инфинитива с инфинитивом же служебным (Ср. выше пример из Дела Ник., № 13).

Еще Ломоносов (Рос. гр., § 465) считал формами литературного языка в значении принуждения — *быть писать, быть умереть*... Ср. в XVII в.: И ты б, боярин наш и воевода князь Юрья Алексеевич, велел тех стрельцов у него [sic!] и быть их принять в тех же приказех (Мат. Раз., III, № 70).

В. И. Чернышев в статье «Описательные формы наклонений и времен в русском языке» — Труды Института русского языка, I, 1949, стр. 210—211, расширяет указание Ломоносова, устанавливая, что «**быть** с неопределенным наклонением обозначает необходимость или большое вероятие» [1].

---

[1] В этой же статье — примеры данного оборота из народных говоров. Ср. и А. А. Потебня, Из записок по русской грамм., II, 1888, стр. 412—413, со своеобразным толкованием его, и С. И. Ожегов, Об одной форме долженствования в русском языке, — Докл. и сообщ. Филол. фак. Моск. гос. унив., 1947, вып. 2, стр. 23—26.

Эти сочетания вряд ли были в большом ходу даже во время Ломоносова; скорее и тогда они выступали больше как архаизмы и диалектизмы; ср. былинные: ...и мне быть своя заповедь нарушить, ...быть натянуть свой тугой лук; в пословицах (Даль): Сколько ни занимать, а быть платить, Сколько ни плакать, а быть перестать, Сколько ни браниться, а быть перестать, «Грустно мне будет, но быть терпеть» (Радищ., — слова крестьянки Анюты). Крепышкина: Так быть [,] подождать, пока цена сбудет (Матинский, Санктпетерб. гостин. двор, 1791). Впрочем, их и упоминаемые далее сочетания инфинитивов с *было* реакционный А. С. Шишков и в начале XIX в. воспринимает еще как ценные русские идиомы: «Силу наших речей, таковых, напр., как: *мне было говорить*, *писать было тебе к твоему отцу*, *быть писать*, *быть по сему* и проч., выразят ли они [французы] на своем языке, когда переведут из их слова в слово...?» (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803 г.).

Из богатого древнерусского употребления инфинитивов со вспомогательным глаголом **было** в современном языке сохраняются главным образом *слыхать было*, *видать было*... (чаще с отрицанием), представляющие параллель к таким примерам старинного языка, как: А что чел, мне мало слышать было... (Дело Ник., № 15). С другим порядком слов: ...а кто ехали, того он, Исачко, не видал, потому что в лицо было не видить (там же, № 36). ...а в лицо де он ис тех людей никого не видал, потому что в лицо человека было не видить (там же). А в лицо де они тех людей не видали, потому что было не знать (там же). И Николай де, приняв то писмо, положил у себя; а в то время не чли, потому что чести было ночью не видеть (там же, № 78).

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина *было не видать* (Пушкин, Метель). Ср. у нашего современника с налетом народного стиля: Остальных бабиных слов *было не разобрать* из-за зимней рамы (Л. Леонов, Барсуки). Совсем чуждо нынешнему языку: И как их почали бить и сечь и ловить, а им *было* противитися *не уметь*, потому что в руках у них не было ничего ни у кого (Котош., 103).

Ломоносов учил (Рос. грам., § 464), что от порядка слов при инфинитиве зависит различие смысла: *мне было говорить* имеет смысл «я хотел только начать говорить» [1], а *говорить было*, *писать было* «значит раскаяние в том, что не сделалось». Востоков (Русск. грам., 12 изд., стр. 124) изменяет и уточняет эти указания в том смысле, что различает еще употребление в утверди-

---

[1] Ср. у него в стихах: Мне было петь о Трое, О Кадме мне бы петь, Но гусли мне в покое Любовь велят звенеть... Мне было петь о нежной, Анакреон, любви... Мне струны поневоле Звучат геройский шум...

Об этой особенности в нынешних говорах — «Доклады и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР», X, 1956 г., стр. 110.

тельном или отрицательном предложении и вид соответствующих инфинитивов. Он толкует предложения вроде: *Тебе было читать, Ему было прочесть, Вам было поговорить с ним* как такие, где **было** значит «надлежало», «следовало» (здесь **было**, по его наблюдению, «употребляется более с местоимениями личными»); после инфинитивов совершенного вида **было**, — учит он, — «показывает намерение совершить действие, и употребляется только с местоимением 1-го лица, напр.: «Прочесть было мне эту книгу...» В отрицательном предложении **было** ставится, как указывает Востоков, только после инфинитива несовершенного вида, означая (не) *надлежало*, (не) *следовало*. Примеры постпозитивного **было** со значением раскаяния: И в том он, игумен Мисаил, пред преосвященным собором прощался: написал де он так, забыся; *написать* де *было* ему: сак и митру, а прежде сказал — солгал де (Дело Ник., № 9). Ах! *беречь было* монету Белую на черный день (Держ.). Ах! *не клевать было* пшеницы Вам, бедным пташкам, золотой (Держ.). *Не искать было* глазами Пригожих, удалых! (Мерзляков).

Со значением несколько нерешительного намерения: *Скотинин*: Все меня одного оставили. *Пойти было* прогуляться на скотный двор (Фонвиз., Недоросль). ...*Пойти было* друзьям, приятелям сказать, Чтоб с светом помогли *мне* эту рожь пожать (Хемн.).

В древнерусском **было** с инфинитивом, т. е. с другим порядком слов, могло означать «следовало», «следовало бы», «нужно было», «нужно было бы», «предполагалось»; «было+не+инфинитив» могло значить «нельзя было». Ср.: А которым людем *было бежати*, и вы того для чего не берегли и не смотрели? (Грам. из Новгор. Чети новгор. воеводам, 1602 г.). И я архимариту Елесею и братии на него извещал и бил челом, что *было жительствовати* ему в Киеве в Печерском монастыре душевнаго ради спасения и потом *было итти* до святаго града Иерусалима и до господня гроба, а ныне идет в мир до князя Василия Острожскаго и хочет платие иноческое скинути... (Памятн. Смутн. врем., 21). Да после смерти же того вора Гришки объявил поляк, которой жил у него блиско, что *было* тому вору ростриге *вести* снаряд пушечной болшей из города и ис казны весь для стрелбы, и ехати было ему за посад; а боляром и дворяном и всяким людем быти было с ним же на стрелбы; а литовским людем всем, конным и пешим, быти было с ним же всем вооруженным, с копии и с пищалми, будтося для потехи, и, приехав, *было* из снаряду всех боляр и думных людей и болших дворян *побити*; и, росписав было имена, у него всем, кому кого побити, указано; а побив и приехав в город, роздавати ему было тестю своему, воеводе сандомирскому, и его родству многие городы и наша царская казна, что осталася за его воровским расточением; и всех было православных християн приводити в люторскую и латынскую веру (Памятн. Смутн. врем., 68).

Но, как ясно хотя бы из последней выдержки, в том же самом смысле возможен был и порядок слов с **было**, предшествующим инфинитиву[1].

Наряду с **было** долженствования и намерения, в прошлом древнерусскому языку было еще известно при инфинитиве **было** в значении частицы **бы** со всеми вообще ее значениями: А наши послы не виновати ни в чем, только б ваши не солгали, и нашим *было* послом *непошто ходити*; мы чаяли то, что правда (Спис. с грам. Иоанна IV шведскому королю Иогану, 1573 г.). Да Петр же Тихонович указал им, *что* де *было не быть* моей пашни и скотному двору (Хоз. Мороз., I, № 140). Будет по прежнему на патриаршестве Никон утвердитца, и *ему было*, Федору, *куда нибудь укрытца*, потому что, приезжаючи от него, ему грозили подьяконы и поддьяки... за то, что он, Федор, дал скаску на соборе (Дело Ник., № 40). *Чем было волу рычать*, ан телега скрыпит (Стар. сборн., 2583). ...написали они в третейской своей записи: ...*искать было* Семену Маркову, а ево Тимофееву отцу перед нами третьими... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 116).

Ср. и из языка былинного: Испроговорит матушка Непрарека: «*Как же* мне *течи было* по-старому, По-старому течи, по-прежнему, Как за мной за матушкой Непрой-рекой Стоит сила татарская неверная...?»

К характерному для древнерусского языка употреблению надо отнести и случаи, когда инфинитив с частицею **бы** выполняет функцию сказуемого придаточного предложения цели. Такой оборот в народном языке и в просторечии существовал очень долго. Ср.: Говорить много не смею, *тебя бы*, света, *не опечалить*... (Первая челобитная протопопа Аввакума ц. Алексею).

Только в былинах встречаются сочетания инфинитивов с **есть** в значении долженствования или попытки, при отрицании — невозможности или запрещения, по форме и смыслу параллельные латинским выражениям вроде dicere tibi est «тебе следует сказать» или немецким ist (nicht) zu nehmen — «нельзя взять». Чернышев в упомянутой статье, стр. 212—213, цитирует из «Онежских былин» Гильфердинга: «Уж ты дай мне-ка прощеньицё, Прощеньицё да благословеньицё *Есть повыехать* мне-ка далеко... Мне *попробовать есть* своей силушки...» Ни о каком иноязычном влиянии, которому эти сочетания могли бы быть обязаны своим появлением на русской почве, не приходится, однако, в данном случае и думать. Скорее всего, они явились, — в том ограниченном количестве случаев, каким представлены, — в результате психологически родственных, как в о з м о ж н ы е, условий[2].

Древнерусскому были известны в относительно нередком употреблении также случаи инфинитивов со вспомогательным глаголом **будет:**

[1] Об обороте «Пойти было – было пойти» — в упомянутой статье В. И. Ч е р н ы ш е в а, стр. 211—212.

[2] Другие примеры см. в упомянутой статье Ч е р н ы ш е в а, стр. 213—214.

Где лежит пуста голова, лежать будет и Васильевой голове (Древн.-русск. стих., — Бусл.). ...чернеческого чину не здержати — отворити будет темна келья (Песни Дж., 87—89). Ино, ох, милыи наши переходы, а кому будет по вас да ходити? (там же, 94—96). И будя, государь, твоего великого государя жалованья и торговых людей к нам, холопям твоим, не будет, и нам, холопям твоим, помереть голодною смертью и разбрестись будет розно (Мат. Раз., III, № 9). Потерять вам под Азовом-городом турецких голов своих многия тысящи, а не видать вам будет из рук наших казачьих и до века (Ист. об Азовск. сид.). ...И мне, государь, та рыба будет продавать в долги половиною ценою... (Хоз. Мор., II, акты № 21). Из поздних примеров: Как будет мне с тобой разлуку перенесть? (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

В древнем языке и у писателей XVIII в. примыкающий к глаголу инфинитив иногда переносится из конструкции с активной формой глагола в пассивную и родственные, — употребление, теперь ограниченное главным образом безличными формами:

Заверстал за ту пятсот пуд моею мягкою рухлядью, которая *дана* ему *была продать*, шелком и сафьяны и кисеями тысячи на полторы или на две (Дело Ник., № 42). Да по сыскному же делу вашего полка стрелец Ивашка Жареной *довелся взять* в стрелецкой приказ... (Из акт. при «Созерц. кратк.» С. Медв.). А что они тебе, отцу нашему и богомолцу, противу того говорити учнут и *учнетца у них делать*, о том к нам... писал (sic!), — Из актов при «Созерц. кратком» С. Медведева.

Еще в XVIII в. и в начале XIX в ходу сочетания в безличных предложениях инфинитивов **быть** с дательным падежом кратких (нечленных) прилагательных:

...И потому, сколь толсту и широку быть ему [судну] надобно, выбирается такой величины и толстоты обрубок сырого березового дерева... (Болотов). Зачем же быть, скажу вам напрямик, Так невоздержну на язык, В презреньи к людям так нескрыту? (Гриб.) [1].

Ломоносов, признающий за сочетаниями **быть** и причастиями в дательном падеже значение «принуждения»: *быть оправлену, быть обвинену, быть обмануту*, замечает: «Усеченныя лутче служат, нежели причастия полныя *оправленному, обвиненному, обманутому*» (Рос. грам., § 465, стр. 196).

В этом отношении он узаконяет только старину с тенденцией согласовать полнозначную часть при **быть** с дательным субъекта действия; ср., например:

Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников *быти*, яко отцу до детей своих, *щедру* (Пересв., л. 92, стр. 205). Позднейшее развитие творительного, как специфической формы предикативности, перенесло и сюда *быть обвиненным, быть обманутым* и под.

---

[1] Другие примеры из языка первой половины XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 335—337.

Долго возможны в древнерусском языке и такие, например, способы выражения (конструкции), как: «У великого князя на свадьбе в дружках быти: князю Дмитрию Федоровичу Бельскому, *а другому дружке быти* Михайлу Юрьевичу сыну Захарину. А с великой княгини стороны *быти дружкам:* князю Михаилу Васильевичу Горбатому да князю Борису Ивановичу Горбатому со княгинею» (Свадьбы русских людей, Разряд... как быти на свадьбе у в. кн. Вас. Ив., статья 1).

Следы замены былых супинов (неизменяемых форм с достигательным значением) инфинитивами можно видеть в случаях необычного для последних управления родительным падежом: А в Русу ти, княже, ездити на третью зиму... а лете на Озвад зверий гонит (Догов. грам. Новгорода с тверск. в. кн. Алекс. Мих. 1325—1326 г.). ...лете ездити на Вьзвод зверей гонити (Грам. 1471 г.). Пошлешь своих писцов Москвы писати и московских станов (Грамота 1472 г.) и под. В языке беломорских былин Л. Л. Васильев отмечал: «ушла садов полоть», «и пошла-то тут одна она ... жита жать»[1].

Древнерусский язык несколько шире, чем нынешний, пользовался конструкциями с инфинитивами, зависевшими от прилагательных. В XVII, например, веке возможны были такие способы выражения, как: «...дать — купчие, чтоб ему по государьскои милости после своего живота *вольны те вотьчины отдать*, кому хочет...» (Купчая, выданная боярину Ф. И. Шереметову, 1639 г.).

Почти вместе с XVIII веком изжитыми оказались западноевропейские конструкции типа латинских accusativus и nominativus cum infinitivo: Не пощадил, боязлив, я своей работы: Лист написав, два иль три изодрал, исхерил, Да и так *достойну глаз твоих быть не верил* (Кант., Елис. Первой). Полный возраст имеет свои недостатки: В тот доспев люди, *чины мнятся им быть сладки* (Кант., Сат. V). *Зло добродетелью быть кажется* тогда (Хемн.). *Я счастлив мнился быть* (Хемн.). Хотя с небес имел я неку добродетель, Но *Фаннией лишен я оной быть владетель* (Хемн.).

§ 13. Относительные (союзные) слова.

Состав относительных слов в древнерусском близок к современному. Из местоимений-существительных и прилагательных в употреблении **что, кто, который, каков, кой;** из местоимений-наречий — **где, когда (когды), коли, доколе, куда (куды), как** и под.

Что, как в современном языке в примитивизирующих стилях (архаизирующем, народном, поэтическом), нередко относится в

---

[1] Все, однако, исследователи, отмечавшие этот факт (Потебня, Васильев, Чернышев и др.), ошибочно в примеры включают конструкции при глаголах *искать, смотреть, просить* и под., где имеем собственно родительный неопределенного количества, неполного охвата и под., конструкции, ничего не доказывающие относительно позднейшей замены супинов инфинитивами.

древнем языке к названиям людей: А по *отца нашего* благословенью... *что* нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю (Дух. в. кн. Сем. Ив.). Таков наказ и такова роспись послан [sic!] *с Никитиным человеком Страхова с Соколом, что* ездил доселе с розсыльщики, сентября в 25 день (Наказ ямск. стройщику Никите Страхову, 1585 г.). ...В прошлом де во 110-м году бил нам челом Кирилова монастыря *игумен Иосаф с братьею, что* съезжались к ним в монастырь на три празники... (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.). Относится подобное **что** также к именам существительным различных родов и чисел: Взял у него Степан Юшков к боярскому суконному песочному *кафтану, что* на лисьих черевах, 15 аршин золотного снурку (Розыскные дела о Фед. Шакл., IV, Дополн., 24). ...и с *слободками, что* были детии моих (Дух. грам. вел. кн. Дм. Ив., 1389 г.). Ср. также и выражения вроде: «А княгине мои (sic! вм. «моей») из Московских сел: село мое Починок со всеми деревнями, да селце Хвостовское у города и с луги, што к нему потягло» (Дух. грам. вел. кн. Вас. Дмитр., 1406 г.), — мыслилось: «всё, что...»

В XVIII в. Сумароков видит в такого рода употреблении относительного **что** Ломоносовым вульгаризацию поэтического языка. Этот его упрек, однако, не приводит к отмене подобного оборота в практике художественной речи [1].

Державин пользуется таким **что** даже не на первом месте синтаксического отрезка: Довольно золотых кумиров, Без чувств мои что песни чли (Видение Мурзы).

Как особенность древнего синтаксиса при относительных **который, какой** заслуживает еще внимания повторение определяемого имени существительного в новом управлении:

А колько вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один *до того города, в который город* приставная писана (Судебн. 1497 г., 28). Роспись *реке Донцу, и рекам, и кладязям, которые реки и кладязи* в реку Донец с Крымской и с Нагайской страны пали (Большой чертеж). «...и православных крестьян мучат всякими различными *муками... каких* посямест во всех землях *не бывало мук...*» (Царская грамота на Белоозеро воев. Чихачеву, 1614 г.). ...Чтоб они *к тому дни, в которой день* у него будет радость..., были готовы без мест (Котош., 6).

Как в русских народных говорах, в белорусском и в украинском языках, относительное **что** для выражения падежных функций может (но очень редко) получать при себе дополняющие его падежи от местоимения «он, она, оно»: «Трава марона, что корешками ее красят пояски и яица... (Лечебник, Синод. рук., № 408) [2].

---

[1] Совсем чуждо нашему синтаксису встречающееся у Ломоносова употребление относительного **что** в косвенных падежах — в согласовании со множественным числом конкретных имен существительных: ...И вы, о горды *пирамиды, Чем* Нильский брег отягощен... (Ода 10).

[2] Примеры кое при именах мужского и женского рода (ср. относительное **что**) см. у Срезневского, Материалы, I, 1417.

...а вдову бы Нарышкину, *что* двор *ее* в Чертолских воротех, убить же бы... (Розыскн. дела о Шакл., I, 120). ...а искал на них животу брата своего ивана, *что* убил *брата* его слуга его жь (Грам. псков. князя Ив. Александр., между 1463 и 1465 гг.).

Ср. также в произведении с относительно свободным языком: ...и учинил оному гостю великой прибыток в хождении своем, что оной гость никогда такого прибытка не видал... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). И нанел себе в лакеи пятдесят человек, которым поделал ливреи велми з богатым убором, что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою (там же).

Сравнительно с современным языком останавливает на себе внимание очень частое для древнерусского употребление относительных **что, который** и под. в придаточных предложениях, предшествующих главному, чаще всего с оттенком условия: А *которому княжому человеку ехать на пригород наместником*, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра... (Пск. судная грам., 5). ...А *которые ссылные подначалные люди в послушании* у вас в Кирилове монастыре *не учнут* быть, и вы бы их велели смирять по монастырскому чину (Грам. 1663 г.). А *каков жалобник к боярину приидет*, и ему жалобников от себе не отсылати... (Судебник 1497 г., 2). А *кой не пойдет* ино боялся бы государевы казни (Сказ. о Пск. взят., 7). *Кое платья не всегда носити*, то так краити (Домострой, 31). А *кои складник захочет на каково место двор ставити или ину хоромину*, и ему поставити от дальних хоромов в любое место... (Судебник 1589, 20). *Кой час пашня поспеет*, тот бы час и заставить их пахать (Хоз. Мороз, I, № 54). А *что в бочках или в коробах мука и всякой запас*... то бы было все покрыто (Домострой, 51). А *что ему в их ученье учинитца протору*, и то велит государь ему заплатить (Грам. ц. Федора царьгр. патриарху, 1584 г.). *Что к нам писали братья наша*, и мы тое грамотку к вам послали (Воззв. моск. людей). И *что вам вперед о тех делех будет наше царское повеление*, и вы о том к нам ведомо учините... (Мат. пут. Ив. Петлина, 302).

Из более своеобразного употребления см.: «*А что моих стад коневых* [*и жере*]*пцев и кобылиць*, а то с[ы]ну моему, княз[ю] Дмитрью, и княз[ю] Ивану, то им [наполы] (Второй экз. духовной вел. князя Ив. Иван. около 1358 г.). *Что царская щедрость до воинников*, то его мудрость... (Пересв., л. 92, стр. 205). ... брать... всяково узорочья, какое в том озере узорочье есть (Мат. путь. Ив. Петлина, 303). И для их ко мне таких многих обид и неправд и озорничества не вели... им рыбы моей из Астрахани в Нижней впредь возить... *коя*, государь, *рыба моя* с Яику в Астрахань пришла после их нынешнего асеннего насаду, *кой их насад*, не дошед до Нижняго, в заморозе стал (Хоз. Мороз., II, № 21, 1651 г.).

В Риме есть библиотеки изрядныя во многих местах, в *которых библиотеках* множество всяких книг розных языков

(Путеш. П. А. Толст.). ...Прелестность настоящего *веселия*, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, *какое веселие* получает от нечаянности (Радищ.). Ср. в былинном языке: ...А и взяла она *цяшу* фсе серебрянну, *Ис которой ис цяши* князь с приезду пьет («Сорок калик со каликою», зап. Григ. на Мезени).

Допускалось сочетание с **который**, **какой** и слова, повторяющего (только приблизительно по смыслу) употребленное в главном: И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда *без увеселения*, *в которых своих веселостях* и грешат много (Путеш. П. А. Толст., 3). Восточное плечо реки Немени называется *Руса*, *которое имя*, конечно, носит на себе по Варягам Россам (Ломон.). И *венчались* в той кирке, *на котором их законном браке* был генерал цесарской Флегонт и все генералы и министры флоренския (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

Сходный синтаксический строй имеем в древнем языке при **что**: А что в селе Ильинском двор боярской, и огород, и гумно, и что в гумне конопляник, и до того нам двора и огорода и гумна, и до конопляника дела нет (Шуйск. акты, 1657, — Бусл.). И по такому судному делу на ответчике за безчестье исца правят денги против жалованья, что ему идет царского жалованья на год (Котош., 120).

Относительное **что**, определяющее не один какой-либо член главного предложения, а содержание главного предложения в целом, в литературный обиход вошло, по-видимому, только с XVIII в. вместе с европейскими литературными жанрами. Любопытный случай его употребления можно отметить в «Инструкции дворецкому» (XVIII в.): «И понеже у нас полотна и сукна делают зело узки, *что* отставить, а ткать полотна с четвертью в аршин...» (25).

Возможно, что иногда при выборе относительных слов заявляла о себе и в древнерусском языке также некоторая эстетическая тенденция — избегать в сложных предложениях скопления одинаковых относительных слов. Подозревать это естественно для таких, например, древнерусских сложных предложений, как: «...стряпять у великого князя из тех же, *кои* были у постели, *кому* великий князь укажет» (Свадьбы русских людей, Разряд бояром и дет. бояр., как быти на свадьбе у в. кн. Василия Ив., статья 5).

К редкому и любопытному употреблению надо отнести случай двух наслаивающихся определительных предложений с **что** и **который**, встретившийся в характерной по своему языку вообще «Инструкции дворецкому» (XVIII в.): «...того ради все, *что* здесь написано, *которое* требует определенного (sic!), то все сделать неотменно в нынешнем году везде...»

Как показывают памятники, напр., украинского языка XVI—XVIII вв., старинному синтаксису не была чужда в придаточных

предложениях двойная относительность, т. е. такой вид зависимости от главных, когда то же самое предложение заключало в себе два относительных слова разных значений, не приведенных в связь параллелизма.

Эта особенность развитого книжного языка, отмененная практикой литературного языка впоследствии, изредка встречается и в русской прозе XVIII в.:

...и каждое утро должен десяток свой обойтить по всем дворам, все ли ночевали в домах своих и нет ли кого прибылых посторонних (кроме проезжих стоялцов, *которые к кому* на двор *как скоро* въедут, повинен он десятскому объявить об них, кто проезжей и с чем...), — Инструкция дворецкому.

Как особенность только древнейшего языка, по самой природе оборота не частую, впрочем, и в нем, можно отметить случаи, когда относительное местоимение, при расхождении в формальной стороне определяемого слова в главном предложении — с предикативным членом придаточного, согласуется не с определяемым словом, а с предикативным членом придаточного предложения. Это находим, например, в известном выражении «Повести временных лет»: «*Поляне, яже* нынѣ *зовомая Русь*...»

Из относительных прилагательных, принадлежавших древнему языку, вовсе вышло из употребления в именительном ед. ч. **кой, кая, кое** [ср. в старом языке: ...А кой тот вор Васка и откуды, и за чем на Фалынском море, и что с ним людей, и какие люди, того он, Яков, у них, воровских казаков, не слышал (Отписка царю Федору курск. воеводы кн. П. Хованск., 1682 г.). И для их ко мне таких многих обид и неправд и озорничества не вели, государь, им рыбы моей из Астрахани в Нижней впредь возить с 159-го году от весны, коя... рыба моя с Яику в Астрахань пришла после их нынешнего асеннего насаду, кой их насад, не дошед до Нижнего, в заморозе стал (Хоз. Мороз., II, Акты, № 21) [1], а косвенные падежи ед. ч. и множественное от него встречаются почти исключительно у писателей старых. В целом тенденцию этого местоимения к исчезновению надо объяснить, вероятно, тем, что оно, в отличие от других относительных местоимений, не имело в живом литературном употреблении параллели в вопросительной функции. [В диалектной речи **кой?, кая?, кое?** существуют; ср. у Некр.: «А кой тебе годик?» (Крест. дети). Барин! кое место на Литейной? — спросил извозчик (Гонч., Обыкн. ист.)

---

[1] Один из наиболее поздних примеров — «Я видел мудреца, кой истину любил...» (А. Нахимов, Редкости, до 1818 г.).

Ср. в вопросительной функции: Но *кое* сердце толь жестоко, которо б сей богини око Не сильно было умягчить? И *кая* может власть земная На дщерь и дух Петров взирая, Себя противу ополчить? (Ломон., Ода 6).

Реже других встречается форма винительного падежа ед. ч. женск. рода: Река, которой проливают Великие озера дань И кою громко прославляют Во всей вселенной мир и брань! (Ломон., Ода 10). И ты в женах благословенна, Чрез кою храбрый Алексей Нам дал Монарха несравненна... (Ломон., Ода 11).

В функции аффективно-определительной **кой, кои** (главным образом эти формы!) сохранились в фразеологизмах: Кой черт! (ср. и вопросит.: *Кой черт* принес тебя?); *В кои-то веки...*; *ни в коем случае.*

У писателей с устарелым языком в XVIII в. можно встретить в роли относительного местоимения формы от **он, она, оно** с частицею **же** (ст.-слав. **иже, яже, еже**):

...Предузнанная гибель... отравляет утехи, *ими же* наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал (Радищ.). Они благую в человеке производят тревогу, *без нее же* уснул бы он в бездействии (Радищ.).

§ 14. Союзы и союзные сочетания (речения).

Система древнерусских союзов представляет очень значительные отличия от нынешней. Ограничиваясь материалом, извлекаемым главным образом из московских и сев.-русских памятников, можно наметить такие важнейшие особенности старинной системы:

1. Сочинительные союзы.

Сравнительно не часто **а**, в соответствии употреблению, известному из других славянских языков, еще выполняет функцию обычного **и**[1]: ...Ать молить бога, *а* душу мою поминаеть (Духовн. вел. кн. Сем. Ив.). И сентября в 16 день, на первом часу дни, пришел к Якову Антоней Поссевинус, *а* говорил Якову и Тишине... (Отчет Я. Молвян.). А которому дадут татя, *а* велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно (Судебн. 1497 г., 34). И мало постояв, подсокольничий кликнет верховаго Сокольнаго Пути подьячаго, *а* молвит... (Урядник).

Как контаминация двух средств выражения присоединения в старинном языке довольно часто встречается сочетание союза **и** с предлогом **с**: ...Чтоб... торговые всякие люди *и с своими товары* ставилися б на гостиных дворех... (Тамож. уставн. грам. царя Иоанна Вас., в списке, — писана в 1571 г.).

И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, *и с товарищи* поклонится государю до земли (Урядник, статья 4). ...вот-

[1] О значениях союза **и** в памятниках древнерусского языка, кроме того, что в этом отношении дают «Материалы для словаря др.-русск. языка» И. И. Срезневского, 1, стр. 1015—1017, см. — И. А. Попова. Значение и функции союза «и» в древнерусском языке, — Тезисы докладов по секции филологических наук на научной сессии 1945 г. Ленингр. унив., стр. 46—50. В частности, заслуживает внимания тезис (8): «Союз «и», присоединяющий предложение, не являющееся по своему значению и функциям равноправным с предыдущим и не находящееся, следовательно, с ним в отношениях сочинения, а выступающее в роли определительного, не является тем самым соединительным сочинительным союзом, но союзом присоединительным особого рода, одним из универсальных средств связи в древнерусском языке, связывающим предложения в цепкую конструкцию незамкнутого вида, полусочинительного, полуподчинительного характера по значению».

чине *и с хлебом* земляным сто рублев (XVII в., Фед.-Чех., I, № 112). ...и королевна убралась хорошенько *и з девицами* (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). И от цесаря Василей *и с королевной*... к адмиралу на корабли поехали... (там же). ...прибыл флоренской адмирал *и с прекрасною королевною* Ираклиею на пристань... (там же). ... и поживе многия лета *и с прекрасной королевною* Ираклиею и потом скончался (там же). ...чем смешить *царя и с ордою* (Кант., Сат. V). Ср. еще у Грибоедова: Главный (слуга): Скажите барышне скорее, Лизавета: *Наталья Дмитревна* [,] *и с мужем*, и к крыльцу Еще подъехала карета[1].

А, как и **и**, свободно могло начинать фразу в текстах с параллельным содержанием и допускало, чтобы другие предложения, вводящие дополнительные моменты, начинались с него же или с него и же за словом, им вводимым: *А* передсудчиком пересуд имати на виноватом две гривны; *а* менши рубля пересуда нет. *А* с списка с судного, и с холопа, и с земли пересуда нет; *а* с поля со всякого пересуд. *А* список оболживит кто, да пошлется на правду, ино в том пересуд, *а* подвойским правого десятка 4 денги, *а* имати на виноватом *же* (Судебник 1497 г., 64). *А* на татии и на разбойники *же*... ино и князю продажа не взяти (Пск. суд. грам., 52). Индеяне же не едят никоторого мяса... *а* свиней *же* у них велми много; *а* ядят *же* днем дважды, *а* ночи не ядять, *а* вина не пиють ни сыты; *а* с бесермены не пиють ни ядять. *А* ества *же* их плоха, *а* один с одним ни пиеть ни яст, ни с женою; *а* ядят брынець, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, *а* варят с маслом да с молоком; *а* ядят все рукою правою, *а* левою не приймется ни за что, *а* ножа не держать, *а* лъжици не знають, *а* на дорозе кто *же* собе варит кашу, *а* у всякого по горньцу (Хож. Аф. Никит.)

Характерно древнерусское **а**, вводящее предложение после высказываний со значением нынешних «что касается...» и под. или после, обыкновенно развернутых (с определениями), названий предметов: *А* что моих поясов серебрьных, а то роздадять по попьям. *А* что мое 100 руб. у Ески, а то роздадять по церквем. *А* что ся остало из моих судов из серебрьных, а тым поделятся сынове мое и княгини моя. *А* что ся останеть моих порт, *а* то

[1] Параллели этой конструкции встречаются в других славянских языках, например, в чешском: «Po třech dnech propustil od sebe krále Ladislava Uherského *i s* vojskem jeho...» (Ф. Палацкий, Dějiny narodu českého, II, 103) = «Через три дня он [Рудольф Немецкий] отправил от себя короля Владислава Венгерского (и) с его войском». Подобная конструкция известна и в румынском языке: «Atuncĭ Harap Alb intră, cu albina pe umăr, în odaĭa unde ĭera împăratul *și cu fetele*...» (Ион Крянга, Harap Alb) = «Затем Харап Альб (белый арап) входит, с пчелою на плече, в комнату, где был царь (и) с девицами». — «...înainte de pornire, trébuĭe să meargă calul *și cu turturica mea*...» (там же) = «перед тем как двинуться в путь, нужно, чтобы (твой) конь (и) с моей горлицей отправился...»

роздадять по всим попьям и на Москве. *А* блюдо великое серебрьное о 4 колця, а то есмь дал святей богородици Володимерьскои (Дух. грам. в кн. Ив. Калиты, I вариант).

Да, по-видимому, лишено было раньше специфической стилистической окраски, связанной с ним теперь[1]:

А к слоном вяжуть к рылу *да* к зубом великия мечи по кендарю, кованы, *да* оболочать их в доспех булатный, *да* на них учинены городки, *да* в городке по 12 человек в доспесех, *да* все с пушками *да* стрелами (Хож. Аф. Никит.). ...дал есмь в своем старейшестве в Олехсинском стану озеро Смехро... *да* озеро Боровое на поминок душе своему деду, *да* и своему отци (sic!), *да* и своей, *да* и всему своему роду (Грам. кн. Фед. Андр. стародубского конца XIV — нач. XV в.). А не пойдут опричные люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами, *да* велети их дати на поруку *да* поставити перед великым князем (Судебник 1497 г., 68). А кто солжет, и того казнити торговою казнию, *да* вкинути в тюрму (Судебник 1550 г., 42).

Также без стилистической окраски могло употребляться **и да и:**

...8 церквей сгорело, а людей множество сгорело, а животы без числа, а загорелось на Кузмодемьянськой улици, *да и* до конца Неревьского, *да и* конец (Новг. лет. 2, 142, — пример П. Лавровского, О языке северных русских летописей, 108). А ныне есми послал к митрополиту *да и* к тебе Юшка Шеина (Пис. вел. кн. Вас. Иоан. 1526—1530 г.). ...То место на шее стало повыше *да и* черленее (Пис. вел. кн. Вас. Иоан. 1530—1532 г.). Однолично б вам сыскивать правдою, никому не норовя, *да и* ся моя указная грамота прислать ко мне к Москве с сыском вместе (Хоз. Мороз., I, № 28).

Но ср. также **да и**, иногда заключавшее фразу с уже введенным или введенными **и:** А кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде, *и* тем те лошади пятнати у пятенщиков на Москве, *да и* в книги написати по старине... (Судебн. 1550 г., 94). ...А воем своим всегда сердце веселит своим жалованьем царьским *и* алафою, *да и* речию своею царьскою (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Во многих случаях *да и* выполняет функцию определенно добавочного сообщения вроде: «И Роману те часы сторговати на товары... *да и* часовнику говорити, чтоб он ехал с теми часы ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, к Москве...» (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.).

С полной определенностью заключительный характер *да и* выступает, например, и в фразе «... а Тохан взяли *да и* пожгли...»

[1] Известная экспрессивность принадлежала ему, однако, как показывает песенный (былинный) язык, при определениях и сказуемых; ср. и в прозе делового документа в месте с аффективной окраской: ...И те государь, Богдан Мусин с братом своим с Федором и своими людьми да меня, государь, холопа твоего, били... (Отписка Яжелбицк. яма стройщика Никиты Страхова, 1585 г.).

(Хож. Афан. Никит.) или в фразе Ив. Пересветова: «...то они не мир отбивали от царя и не жалобников, отбивали они от царя божие милосердие, *да и отбили*» (л. 94, стр. 206).

Как и **а**, **да** может быть подкреплено союзом **же**, который следует за словом, вводимым этим **да**: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, *да* те *ж* наши изменники возмутили народ... (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 13). И я ему говорил, что Патерик Печерский читал. *Да* он *же* мне говорил: да, жив в Печерском монастыри, поидем до святого града Иерусалима... (Памятн. Смутн. врем., 20). И князь Василей и все его дворовые люди говорили мне... *Да* князь *же* мне говорил... (там же, 22).

Это же возможно и при союзе **и**: И познася со многыми индеяны... *И* они *же* не учали ся от меня крыти ни о чем... (Хож. Аф. Никит.).

Сочетание **а** и **же** представляет, по-видимому, диалектный союз **аже**:

Приехаша посадники и псковичи к городищу, *аже* немцы прочь в землю свою побегоша (Псковск. I летоп., 6938 г.). И на завтрее сошлися в Иконном ряду, *аже* у него приговорен ехати же чернец Мисайло... (Памятн. Смутн. врем., 20). И пришли до Острога, до князя Василия до Острожского, *аже* князь Василей в сущей во христианской вере пребывает (там же, 21). И пришли из того града Тордора ко граду Мелхии гости на телегах, *аже* град погибл и место равно стало... (Вымышл. статейный список посольства кн. З. И. Сугорского к кор. Максимильяну 1576 г., — XVII в.); смысл — «...но вот...».

К редким союзам принадлежит парный **как... так и**, соответствующий современному литературному употреблению (по происхождению сравнительное и указательное местоимения-наречия): ...*Как* нам, всему крестьянскому народу московскому, *так* и вам..., видячи в конец погибель пришедших всех вас, утвердить совет... (Воззв. моск. людей).

Роль противительных союзов исполняют в древнерусском, кроме уже упоминавшегося **же**, еще **а**, **но**, **ано**, **ан**, **ажно**, **аж**, **ино**, **ин**.

Примеры приводим главным образом на необычные в современном литературном языке:

А из Тервиза поидох в орду Асанбег, в орде же бых 10 дни, *ано* пути нету никуды (Хож. Афан. Никит.).

Мене залгали псы бесермена, а сказывали — всего много нашего товару, *ано* нет ничего на нашу землю, все товар белой, на Бесермьньскую землю (Хож. Афан. Никит.). А чьи судьи на третии не поедут или на кого третии помолвит. *ан* взятого не отъдаст. то правому отняти... (Догов. грам. в кн. Дм. Ив. 1375 г.).

Ярослав... измав я [новгородцев] вся посла исковав по своим городом... и приде весть в Новъгород. бяше же новгородцев мало. *ано* тамо измано вячшие муж. а меньшее одни розидошася, а иное помьрло голодом (Новг. I лет.). ...Полонив меня, хочет

постритчи. ...*Ино* мне постритчися не хочет, Чернеческого чину не здержати (Песн. Дж., 85—89). Моленой боран отлучился, *ин* гулящей прилучился (Сборн. XVII в., — Бусл., стр. 1420).

Ано же в древнерусском могло еще иметь значение, параллельное нынешнему, почти вышедшему из употребления, **ан** «а вот, а вдруг, но вот» и под.: ...*Ан* смотришь, тут же сам запутался в силок (Крылов, Чиж и Голубь). — ...На утро пришел, *ано* мне Бог дал шесть язей, да две щуки... (Аввакум, 113). Ср. и сходное по значению **ино:** Пробудился, *ино* все замерзло (Аввакум, 114).

Дальнейшее развитие **ано** имеем, наконец, в значении «ведь»: А Шереметеву как назвати братиею, *ано* у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братий...? (Посл. Иоанна Гр. иг. Кир.-Бел. мон., 4).

Обычно к народно-аффективному стилю относится союз **ан.** Он и его предшественник **ано** вносит в большинстве случаев значение резкой противоположности, часто неожиданной противительности: Князь Дмитреи Юрьевичь ...восхотѣ причаститися и пришедшу священнику с святыми дары. *ан* его тогда кровь пустися из обою ноздрию (Никон. лет.)[1]. Из поздних примеров: Ждал дед внучки, *ан* ему ни сучки (Стар. сборник, 944). «Ну-тка теперь со мной потягайся, *ан* и сделаешь от ворот поворот... (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники). В последнем случае **ан и** очень близко к нынешнему «то и...», вводящему аподосис условного предложения.

Аж: «...и мы... пригонили на голос; *аж*... монастырской человек Иванко лежит мертв убит» (XVI в., Фед.-Чех., I, № 45).

Союз **ажно** также обозначает «и вот, и вдруг»:

И мы, бедные,... пошли за ними в поход: *ажно* садятся они на свои бусы и каторги... (Ист. об Азовск. сид., 27). И мы пошли к царским дверем: *ажно* на месте патриаршеском стоит Никон патриарх, да посох у него в руках Петра чюдотворца (Дело Ник., № 36). ...А по меня прислаль [sic!] турьской салтан, велел мне ехати во ц(а)рьград и быти опя(ть) патриархомь, и яз приехал в ц(а)рьград, *ажно* церков(ь) б(о)жия разорена и строят в ней мезгит [мечеть] (Слав. рукоп. б. Синод. библ. 703, — Шпаков, Прилож., стр. 137). ...переезжают богатыри Смугру реку, *ажно* (= и вот вдруг) едут встречю 12 человек все калиги перехожия... (Сказ. о седми русск богат., по списку XVIII в.).

Со значением, по-видимому, не отличающимся от простого «но», но с четко выраженной психологической окраской (разочарования) этот союз встречается в одном из списков «Хожения» Афанасия Никитина: «Меня залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару: *ажно* нет ничего на нашу землю...» (стр. 38) (ср. выше, стр. 364, ... *ано* ...).

---

[1] Примеры — из «Матер. для слов. древнерусск. яз.». I, И. И. Срезневского; другие см. еще — А. А. Потебня, Из запис. по русск, грамм., IV, стр. 220—221.

Роль сочинительно-противительного союза, редко — самостоятельного, чаще — усилительного (при **или**), или же выступающего в сочетании с постпозитивным **ли,** — в обоих последних случаях, обыкновенно с условным значением, — исполняет в старейших памятниках также **пак, паки** (пакы) «обратно: опять и под·»: Урядили *пак* мир, како было любо Руси и всему латиньскому языку (Догов. грам. смолен. кн. Мстисл. Давидовича с Ригою и Готск. берегом, 1229 г.). В условном предложении: Аще украдет русин что любо у крестьянина, или *пакы* хрестьянин у русина (Дог. Олега 911 г. по Ипат. сп.). Оже кто робу повержеть насильѥмь, а не соромить, то за обиду гривна. *пакы* ли соромить, собе свободна (Спис. с мирн. грамоты новгородцев с немцами при кн. Яросл. Влад. 1199 г., при догов. грамоте Алекс. Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг.).

Из разделительных союз **или** восходит к соединительному **и** и разъединительному **ли** (последний употребляется также в качестве вопросительной частицы). В старинном языке чаще, чем теперь, выступает рядом с *или* как член сочетания **ли;** в новом литературном языке такие соединения с *ли* в первой части отошли к стилям народному и поэтическому. Пример из Лавр. списка летоп., 40 об.: Але не обрящеться хто (заутра на) реце, богат *ли ли* убог, или нищь, *ли* работник противен мне да будеть... Ср. и употребление одних только **ли**; там же 59 об.: Аще *ли* хощеши, то пере [sic! — перед] тобою вынемеве [мы оба вынем] жито, *ли* рыбу, *ли* ино что [старинная пунктуация: ...жито. *ли* рыбу. ли ино что]. Разделительность еще резче выражена в более редком, встречающемся только в старейших памятниках сочетании **а ли:** *А* познает *ли* на долзе у кого купив, то своѥ куны възметь (Русск. правда). *А ли* вы ся начнеть немочи... (Поуч. Влад. Моном.).

А любо: Да аще хощете за сих битися, да се мы готови, *а любо* даите врагы наша (Лавр. список лет., 90). К происхождению этого союза см. Морф., § 19[1].

2. Подчинительные союзы.

а) Изъяснительные. Наряду с господствующим в значении изъяснительного союза **что**[2], изредка выступает в древнерусском как подобный же продукт перерождения определитель-

[1] Подробиый аиализ древиерусского употребления союзов, связывающих сложиосочииеиные предложения, и указания иа специальиую литературу о иих см. в статье В. И. Борковского «Сложиосочиненные предложеиия в древиерусских грамотах», — Доклады и сообщеиия Иистиитута языкозиаиия АН СССР, № 10, 1956 г., стр. 84—106.

[2] В иаше время указательиое местоимеиие перед изъясиительиым союзом **что** известио обыкиовеиио только в косвениых падежах (в родительиом, дательиом, творительиом, предложиом): «Не знал того, что об этом уже сказаио», «был рад тому, что это уже сделаио», особеиио часто — после иаречий *потому..., оттого...* В имеиительиом и виииительиом падежах указательиое

ного местоимения, **кое**: Шлеш ли ся в том, *кое* их полудвором не владееш? Шлю же сь в толке, *кое* их есми полудвором не владею (Юрид. акты, 1571). А тебя у нас утаили, а только бы мы ведали, *кое* ты жив, и нам было твоей жены лзя ли просити? (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.).

В придаточных предложениях с оттенками модального характера **что** и **бы (б)** фактически слились в союз: ...Он, Стенка, на войскового атамана на Михайла Самаренина и на Корнила Яковлева и на иных, которые в войску постарее, похваляется, *чтоб* их известь за то, что чего они на море ево не отпускали и его оттого унимали (Мат. Раз., III, № 1).

Характерно, хотя и относительно редко, употребление **что и было** (= *чтобы*) с инфинитивом в значении будущего времени: Целовали есте крест блаженные памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии и нам, чадом его, *что было* опричь нашего государьскаго роду на Московское государство иного государя никого *не хотети и не искати* (Памятн. Смутн. врем., 43).

Да мы ж, сироты твои, били челом тебе, государю, преж сего, *что было* нам, сиротам твоим, по иным твоим государевым майданем не работать (Хоз. Мороз., I, № 156).

Ср. подобное модальное **было** = *бы* при формах прошедшего (Морф., § 28).

Судя по характеру текстов, где его находим, чисто книжным являлось еже из анафорического местоимения (**є** + **частица же**):

Грозно бо и жалостно, братие, в то время посмотрети, *еже* лежат трупы крестьянские у Дона великаго на брезе... (Задонщ.).

Русскую огласовку имеем в соответствующем ему **оже**: Мы ведаем, *оже* не кончати добром с тем племенем (Лавр. сп. лет., 105 об.). Слышав же король, *оже* идуть князи... (там же, 144).

Что касается изредка выступающего аже, напр.: Мы ведаем, *аже* того брат твой не казал (Лавр. сп, лет., 105 об.), то оно, по-видимому, в данной функции явилось вторично в результате параллелизма **оже** — **аже** в значении условных союзов.

Будто (будьто), по происхождению — **будь** (с близким к уступительному значением повелительного наклонения в функции 3-го лица) и местоимение **то**. Семантические параллели представляют: арханг. *буди* в значении союза сравнения: «Что ты глаза вытаращил, *буди* дикой?», укр. *буцім*, *буцімто* «будь сім

местоимение то перед изъяснительным что употребляется в современном языке очень редко — лишь в случаях сильного логического ударения, падающего на указательную часть: «Нам известно только тó, что сделать это необходимо»: «Мы знаем только тó...». В старинном языке такого рода то употреблялось свободнее: ...Только б ваши люди не солгали, и нашим было послом непошто ходити; мы чаяли *то, что* правда (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.); в XVIII веке: Белизарий лутче других ведает *то ... что* любление войны есть лютейшее чудовище из отраслей нашея гордости (Сумар., Из Белизария). — Ты ведай *то, что* львы с клопами не дерутся (Сумар., Лев и Клоп).

то»; но русск. диал. *бытто*, по-видимому, другого происхождения — из *быть то*, с модально окрашенным инфинитивом; ср. и белор. *быццым*: ... И сказал князь Адам про него королю, *бутто* он царевичь Дмитрий Иванович Углецкой (Памятн. Смутн. врем., 22). ...Умыслили написать ... воровские листы ... *бутто* те бояре ссылаются листами с полским королем (Котош., 101).

Ср. еще **будто ся, будтось**: Ответчики сказали на суде, что де *будто ся* тех их оброчных земель не пашут (Юрид. акты, 1612). В прошлом де во 151 году бил челом государю Шелонские пятины Борис Зверев... *будто-се* их монастырские крестьяне его Борисовы поместные пустоши ... пашню пашут и сенокосом владеют насильством (Суд. дело 1644 г., Фед.-Чех., II, № 111). ...И то питье *бутто* продают в чарки и в ведра, и в братины, и оттово де *буттось* живут [«бывают»] бои до смерти и по дорогам грабежи (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1602 г.).

Союз **будто** очень легко приближается к сравнительным в примерах вроде, напр., такого: ...И ты б, брат наш, говорил, *будьто* от кого что слышал, а не собою (Дело Ник., № 44).

Иногда в значении «будто» встречается **чтоб то**: И они, приехав к нам в верхний город Ломов... , и воеводе Игнатью Корсакову и нам говорили лестными своими словами, *чтоб то* присланы они из войскова от атамана от Степана Разина для обереганья и украенных городов... (Мат. Раз., III, № 39).

В древнейших памятниках, независимо от места их написания, в ходу **яко** в значении «что»: Ведеху бо, *яко* сами убили князя (Лавр. сп. летоп., 16). Увесть царь, *яко* мало нас есть (там же, 22). И разуме Ярослав, *яко* в нощь велить сецися (Син. сп. I Новг. лет., 1). Ср. в значении «будто»: ...сългаша бо, *яко* Святопълк у города с пльсковици (I Новг. лет., стр. 38).

Этот союз, видимо, чисто книжного употребления, очень долго (до самого XIX в.) сохранялся в канцелярском языке.

В современном литературном языке в роли изъяснительного союза выступает **чтобы**. Употребляется этот союз после главных предложений с отрицательным смыслом или с оттенком устремления к чему-нибудь, опасения и под. Такое *чтобы* по происхождению представляет собою **что** и **бы** сослагательной формы.

Из языка литературы XVIII в. заслуживает внимания употребление **чтобы** с **бы**, отошедшим от условного наклонения, со значением предположения: Я весьма уверен, *чтобы* оно в переводе весьма понравилось (Фонв., Иос.). Не знаю, *чтобы* лев область свою распространил, когда пустую землю он получил (Хемн., план басни), и галлицизм **чтобы** после инфинитивов, примыкающих к сказуемым с отрицанием: «Ле-Брюн не мог равнодушно слышать, *чтобы* говорили о Ле-Соеровых картинах» (Карамзин).

Ср. и схожее по оттенку употребление при отрицаемом указательном местоимении: Наш поэт в разных родах испытывал свои силы, и нам можно жалеть не о том, *чтобы* он, не сове-

туясь с своим гением, принимался за иное, но о том, что, не советуясь с выгодами читателей, не умножил, и еще более не разнообразил своих опытов (П. А. Вяземский, Известие о жизни и стихотв. И. И. Дмитриева, 1823).

б) Причинные союзы. В древнерусской письменности в обращении ряд причинных союзов. Одни из них — относительные склоняемые местоимения с предлогами или без них, утратившие свой первоначальный характер, другие — местоименные наречия, те и другие — с оттянутой к ним или оставшейся независимой указательной частью. Третья группа — союзы вне отношения к местоименности.

К первой группе относятся:

Оже: Не тяжька заповедь божья, *оже* теми делы 3-ми избыти грехов своих (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Яже: Велика, господи, милость твоя на иас, *яже* та угодья створил еси (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Имьже (твор. средн. рода ед. ч. и частица же) : Оттоле почаша Печерскый манастырь, *имьже* беша жили черньци преже в печере (Лавр. сп. лет., 53 об.).

Вероятно, сюда же относится и **оли то:** Не мози их держати в граде, *оли то* створять ти зло, яко и сде (там же 25). Этот союз представляет, видимо, **є** (откуда в русском **о**) + **ли** + **то.**

Что: ...да обыскали все; а обыскивают грамот, *что* есми пришел из орды Асанъ-бега (Хож. Афан. Никит.). ...А у Гневаша да у Губы велел ту землю отсудити, *что* у доклада не стали... (Правая грам., 1485 — 1505 г.). Ср. там же: ...А у Гневаша да у Губы у Стогининых те земли отсудили, *потому что* у доклада не стали. — ...И ты ся за то имаешь, *что* их тому промыслу учити с великим трудом, что они возростом велики... (Грам. Иоанна IV царьгр. патриарху, 1583 г.). ...грех ради их и гордости, *что* они мир от царя *отбивали и жалобников к царю не пущали* (Пересв., л. 94, стр. 206). А вам, гостем и торговым людем, и в торговле в вашей волности не было и в пошлинах, *что* треть животов ваших, а мало и не все, иманы (Памятн. Смутн. врем., 45). ...А тех де они стрельцов возят нартами на себе, *потому что* у них зимою санных дорог нет, *что* место лесное (Грам. из Приказа Каз. дворца, 1633 г.). И на-розно, государь, ехать не похотели, *что* иные были, государь, в разъезде... (Хоз. Мороз., I, № 107). И возлюбили те денги всем государством, *что* всякие люди их за товары принимали и выдавали (Котош., 100). Ср. и **что** в придаточном предложении, предшествующем главному: А *что* Олексеи Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детий... (Догов. грам. в. кн. Сем. Иван. с братьями).

Относительно редким делается **что** в причинном значении — в XVIII в.: Слуга сей был хотя и не дурак, Да правды **он** дер-

жался, К тому же испужался, А больше *что* в делах амурных был простак, Ответствовал ей так... (Аблесимов, Быль, 5),[1].

Зане, занеже, заньже (по происхождению за **(н) є** — относительное местоимение средн. рода + **же**): Мужи отни похвалу му даша велику, *зане* мужьскы створи (Лавр. спис. лет., 108 об.). ...и ты вели своим бояром землю их отвести того села по старине ...*занеже* деи их в землях обидят (Грам. в. кн. Вас. Вас. в списке серед. XVI в.). А с торусским князем взяти ми любовь, а жити ми с ним без обиды, *занеж* те князи с тобою, с великим князем Юрьем Дмитриевичем, один человек (Догов. грам. вел. кн. Юрия Дмитр. с вел. княз. рязан. Иван. Федор., 1431 г.). Аз же от многыя беды поидох до Индеи, *заньже* ми на Русь поити не с чем, не осталося товару ничего (Хож. Афан. Никит.). А на Мякку поити, ино стати в веру бесерменскую, *заньже* христиане не ходят на Мякку веры деля, что ставят в веру. А жити в Гундустане, ино вся собина исхарчити, *заньже* у них все дорого (там же). А писали есмя по своему самодержьству, как пригоже быть, и по твоему королевству, *заньже* преж того не бывало, что великим государем всеа Русии с свейскими правители ссылатись, а ссылались свейские правители с Новым городом (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

В грамоте 1482 г. — отводной на земли Кириллова монастыря и крестьян Кивуйской волости (Строев, I, стр. 52—56) вм. *зане же* встречается **занде же.**

Редко и книжно **заиже**, восходящее, вероятно, к **за-и-же (и** — указательное местоимение именит.-винит. пад. ед. ч. мужск. рода): Только мне в володимере быти не возможно, *заиже* патриархи бываю(т) при ц(а)ре всегда, а то что за патриаршество, что жити не при г(осу)даре (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож., стр. 141). И бояры о том поговорили, чтобы пресвятейшему париарху иеремею вселенскому быти в нашем государьстве в росийском царстве на патриаршестве в началном граде в володимере, *заиже* Иеремеи патриархь вселенский сказываль [sic!] в роспросе боярину нашему и конюшему борису федоровичю годунову, что по грехом всего хр(ис)тианьства турьской салтан на церковь божиюю волнение и на него великое гонение учиниль [sic!] (там же, стр. 147).

Понеже (по происхождению — **по (н) + є + же**): ...Имеите в собе любовь, *понеже* вы есте братья единого отца и матере (Лавр. спис. лет., 54 об.). ...Не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси: *понеже* деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детям, приказали служити... (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 10). ...Пожалуй, отпусти любезную

[1] О широкой употребительности союза ч т о в разных значениях у А. С. Грибоедова и, по-видимому, вообще в просторечной практике первой четверти XIX века см. И. И л ь и н с к а я «О языке писем Грибоедова». — Литературное наследство, 47—48, М., 1946, стр. 290—291.

свою дочь Аннушку для свидания со мной, *понеже* многие годы не видала ее (Ист. о рос. двор. Фр. Скобееве). Звери, *понеже* чище, нежели мы душою... (Кант. Сатира V).

Ср. и сугубо книжное **понеже бо:** Сия повесть до зде и конец, *понеже бо* не все исписать: что видели, то и написали (Хожд. на Вост. Котова, 102).

Может быть и простое **поне**: Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюр Мануил царегородский опас имея, *поне* и великыя дары посылаша к нему (Слово о погиб. русск. земли, около 1238 г., в списке XV в.). Значение скорее всего, — «ибо». Обычное значение **поне** — «хотя бы, по крайней мере», — Срезн., Матер. к слов. др.-русск. яз., II, 1178 — 1179 стр.

Потому что: ...С часу на час ожидаем себе смерти, *потому что* у нас в осаде шатость и измена великая (Пис. Ксении Годун. к ее тетке, 1609 г.). ...польготь, государь, в своем государстве, в рожественском оброке, *потому что* мы впрямь бедны и скудны и голодны... (Челобитная кн. Н. И. Одоевскому, 1673 г.).

Для того что: ...А на сторону в иные дворы девиц и вдов замуж не выдают, *для того что* те люди у них, мужской и женский пол, вечные и кабальные (Котош., 16). ...И потому у него бывшего Никона патриарха, тому святителя и чудотворца Петра митрополита посоху быти не доведетца, *для того что* он уже патриаршеский престол оставил своею волею (Дело Ник., № 39). А посылаются того приказу подьячие с послами в государства... и в войну с воеводами, *для того что* послы, в своих посолствах, много чинят не к чести своему государю... а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людьми (Котош., 85), Да поп Мартин в скаске своей прибавил: великому государю не известил про приход бывшего патриарха Никона, что он вшел в соборную церковь, *для того, что* он, поп Мартин, был в облаченье (Дело Ник., № 40)[1].

Затем что: И у Лешковскова, государь, у нижнева пруда сваи не биты *за тем, что* земля мерзл(а)я (Хоз. Мороз., I, № 52).

Второй тип представлен собственно одним русским союзом **как**: ...А сами, *как* есть государи истинныя христьянския, умилосердилися на твою Свейскую землю, гнев свой поудержали и возвратили бранную лютость (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор. 1572 г.). ...И мы, *как* есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмя... (Грам. Иоанна Гр., 1574 г.).

Ср. позднейшее **так как** из «так... как»: Сняли со стены образ, который был обложен золотом и драгим камением, *так как* прикладу всего на 500 р., и послали с тем же человеком... (Ист. о рос. двор. Фр. Скобееве).

[1] О подобных союзах в первой четверти XIX века см. подробно в РЛЯ XIX в., М., 1954, стр. 398—400, и, специально у А. С. Грибоедова, в статье И. Ильинской «О языке писем Грибоедова», — Литературное наследство, 47—48, М., 1946, стр. 288—291.

Изредка встречается **для того как**: ...И покинуты они были на Саратове, *для того как* вор шел вверх, а они заболели... (Мат. Раз., III, № 44).

Яко следует считать чисто книжным, церковнославянским:

И убиша Захарию посадника и Неревина и Несду Бириця, *яко* творяхуть е перевет дрьжаще к Святославу (Син. сп. I Новг. лет., 68).

В третью группу входят: древнейшее славянское **бо**[1] и тоже очень древнее, но вряд ли не только книжное, **ибо**: В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный *бо* человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен... (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Определенно книжноцерковным являлось наряду с ним **убо**.

Литературный язык XVIII и первых десятилетий XIX в. в существенном пользуется всеми причинными союзами московской письменности, кроме **бо**, остающегося только в сугубо архаических стилях (главным образом церковном)[2] и **зане**, **яко** — в архаизирующих. В архаизирующем же стиле законодательства и канцелярий широкое распространение получает в причинном значении церковнославянское **поелику** (первоначальное значение — «поскольку», «насколько»; ср. архаическое «поелику возможности»). Не редок он и в авторском языке: *Поелику* места там наиболее лесистые, то охотники выбирают некоторую часть леса, о которой надеются, что в ней зверей довольно... (Болотов). ...А *поелику* была также и музыка, то после обеда завели и танцы... (Болотов).

Вне употребления остаются, конечно, архаические или диалектные и для московской письменности **яже, имьже, оже, оли то.**

Приводим несколько примеров причинных союзов из языка писателей: Не усмотрел ли он, спросил, усопшей следа. Сосед советовал вниз берегом итти, *Что* быстрина туда должна ее снести (Ломон., Притча). А *что* сия ума забава — Калифов добрых честь и слава, Снисходишь ты на лирный лад (Держ.). От вышереченного не можно заключить, *что* понеже в стихосложении нашем нельзя быть сочетанию стихов, то, следовательно, и смешенно рифме... (Тред.). ...А *как* они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою (Фонв., Чистосерд. призн.). ...*Как* христианина фершала здесь нет... (Фонв., Пут. в Вену). А куры между тем, *как* робости не знали, Клевали крохи да клевали (Хемницер). Но *как* ум гоним в целом свете, то очень скоро наскучил он быть умным... (Крыл., Похв. речь дед.).

---

[1] Иногда это **бо** является частицей, усиливающий союз **зане**.

[2] В начале XVIII в. он еще употребляется: ср.: Не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить (Посошков). Позднейший пример — у Жуковского: Защитой бо града единый был Гектор (пер. «Энеиды»).

Употребление **как** встречается и у позднейших писателей; особенно обычно оно в первой половине XIX в. после союзов **и, а, но**; ср.: «Мы еще не имеем на то права», отвечал он с тяжким вздохом. «*А как* консул Далмат и его товарищи все философы, то они на сии преимущества имеют всякое законное право» (Нарежн., Бурсак, 1824 г.). По этому случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. *Но как* Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды им употребленного (Пушкин, Капит. дочка, 1833—1834 г.). Он написал трагедию «Клеопатра», *и как*, по замечаниям знаменитого Дмитриевского, признал ее неудачною, написал другую—«Филомела» (Белинский, И. А. Крылов, 1845 г.).

Наряду с известным уже древнерусскому языку **потому что**, едва ли не чаще употребляется **для того что**[1], пока, наконец, во второй четверти XIX в. побеждает окончательно первое, более четкое с точки зрения специфичности значения (причины, а не цели, повод к чему мог давать предлог в первой части сочетания): По сему описанию Оды видно, что она благородством Материи и высокостию речей не разнится от Эпической Поэзии, но токмо краткостью своею также и родом Стиха, *для того что* Ода никогда не сочиняется Гексаметром, или шесть мер имеющим Стихом (Тред.). Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, *для того что* не умеете хвалить их красоту (Радищев, 79).

Еще характернее в этом отношении **не для того чтобы:** Он никогда не намеревался быть политиком, но *не для того, чтоб* недоставало ему ума (Крылов, Похв. речь дед.). Смотря иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро пойдет на службу ... у меня волосы дыбом становятся. *Не для того, чтобы* служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу (Радищев, 73).

Параллельна историческая судьба речения **за тем что:**

Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, *за тем что* на силу могут платить господские поборы (Новиков, Трут.).

Еще более редко **ради того что:** Не завидуя никакому на свете щастию, *ради тово, что* они в своем звании благополучны... (Новиков, Трут.).

Ср. и: ...*грех ради их и гордости, что* они мир от царя отбивали и жалобников к царю не пущали (Пересв., л. 94, стр. 206).

В большом ходу в XVIII в. архаический союз **понеже** (в канцелярском слоге заходит он и в XIX в.): Ежелибы человек мог

[1] Само сочетание **для того** издавна имеет значение наших «поэтому», «потому»: И как его убили, и те орехи кровию его обагрилися, и *для того* те орехи на нем во гроб положили (Памятн. Смутн. врем., 84).

все ведать и знать, то б не имел нужды и в совете; но *понеже* часто собственное самолюбие ослепляет его в том, что ему полезно, то он обязан бывает иметь прибежище к людям, кои его искуснее (Приклон., 65). *Понеже* добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо (Радищ., 86).

Совершенно определенно стилистическая сфера применения союза **понеже** характеризуется в «Письмовнике» Курганова (стр. 359—360). Здесь под этим заглавием приводится шутливое стихотворение, в котором все время обыгрывается тема «понеже»: «*Понеже* говорят подьячие в приказе, *Понеже* им прожить не можно без того, *Понеже* в голове у них и в каждом глазе... Подьячие бы все пропали без *понеже*, Не может быть затем у них *понеже* реже».

Сродни причинному значению значение повода, которое принадлежит иногда в старинном языке союзу **что (а что):**

А что живет у тебя наш человек Обрюта Мамалахов, а уже де и языку вашему научился, и тыб его отпустил к нам часа того (Грам. Иоанна IV царьгр. патриарху, 1558 г.).

в) Союзы цели. **Ать (атъ)**: ...То есмь все дал своей княгине *ать* молить бога, а душу мою поминаеть до своего живота (Духовная вел. кн. Сем. Ив.).

Исходное значение этого союза — «пусть», хорошо засвидетельствованное в памятниках. Употребление вроде того, которое имеем в приведенном примере, представляет собою переходное явление между сочинением и подчинением.

К стилю приподнято-книжному относилось чуждое народному языку **да** с будущим: Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, *да* не забудут птицы премудрую и красную свою добычу (Урядник).

К нему же относится **да же:** Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псом на снедение, *да же* граждане оплачут его согрешение. И сами три дни прилежне стужали об нем, да же отпустится ему в день века... (Аввакум, 83).

Чем бы: ...И вы де таких подчиненных людей за такие их бесчинства и за непослушание церковнаго пения и келейнаго правила наказать и смирить не смеете, потому что они сказывают за собою наши, великаго государя, дела того ради, *чем бы* им из под начала освободитца (Грам. 1663 г.). Умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, *чем бы* их известь и учинить в Москве смуту для грабежу домов (Котош., 101).

Несомненно, чисто книжными являлись в московской письменности **во еже:** Верного твоего раба хотим послати к тебе Федора Михайлова Мамалаха; держали есмя его поучитись ему и наказатись ему и, подщався, научился отчасти еллинской грамоте, *во еже* перевести ему грамоты (Посл. царьгр. патриарха 1557 г.) и **якобы**: ...Да те ж наши изменники возмутили народ, *якобы* и нас убити (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 13).

Обычное и сейчас **чтобы** — в широком употреблении: ...А пишу вам се слово того деля, *что бы* не перестала память родилии[1] наших и наша и свеча бы не угасла (Духовная вел. кн. Сем. Иван.). ...И велел присуд имати к себе в казну для того, *чтобы* судьи не искушалися и неправды бы не судили (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

По происхождению **чтобы** — союз *чьто* в соединении с *бы* сослагательного наклонения. Интересный случай, вряд ли, однако, соответствующий живому употреблению, представляет в «Плачевном падении стихотворцев» М. Чулкова **что** с сослагательным наклонением глагола, соответствующее нынешнему *чтобы*: «Я от роду воды Кастальской не пивал, и пить ее боюсь, *что* с ног *бы не упал*.

Путь от относительного **чьто** к союзу цели отражает, напр., характерное выражение у Котошихина (стр. 52): ...Пишут они [послы] в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб доставить у царя себе честь и жалованье болшое. Ср.: «*чрез что б* доставить» — «при помощи чего доставить бы» — «чтобы доставить».

При причинном союзном решении **для того, что**: «В Шемахе, по приказу околничего Федора Яковлевича Милославского, астраханским целовалником, Гаврилу Севрису с товарыщи, шти человеком, которые у казны великого государя, дано государева жалованья... *для того, что* они люди бедные и платьем неодежны» (Дела Тайн. приказа, III, книги перс. товаров, 1663—1665 гг.), может иногда (в том же памятнике) выступать в роли речения с целевым значением **от того, чтоб**: Шемахинскому базарному дараге дано пара соболей...; дано *от того, чтоб* велел на крамсарае отвесть лавки добрые...; Дано *от того, чтоб* отпустил с Шемахи через реку Куру на Муганскую степь прежь торговых мужиков.

Паралельно *чтобы* образование **дабы**.

К образованию этого союза ср.: «...но послися к брату своему Володимиру, *да бы* ти *помоглъ*» (Лавр. список лет. под 6601 — 1093 г.), т. е. да «чтобы» и форма условного (сослагательного) наклонения — помоглъ (быхъ) — 1 лицо ед. числа, ... бы — 2 и 3-его и т. д.). В старославянском: Молитъ сѧ, да бы напасти избылъ (Супрасл. рук.). С такими формами ср.: Поиду Кыеву да поряд положим о Русьстеи земли ...*да быхом* оборонили Русьскую землю (Лавр. спис. лет., 76 об.).

Дабы очень распространено в языке XVIII в. и в первой половине XIX в. Употребляется оно, в отличие от *чтобы*, только в значении целевом в узком смысле.

Иногда этот заимствованный из старославянского книжный союз оправдывает свое применение тем, что помогает избегать

[1] Описка вм. «родителии».

однообразия в случаях, когда предложению с *чтобы* подчинено другое со значением цели; ср.: ...Однакож чтоб такое время было, чтоб возможно то сделать, *дабы* невозможностию не обвинен кто был напрасно... (Указ Петра I «о долж. Сената», 1722 г.). ...Корреспонденции же между собою, которые когда востребуются с губернаторами и воеводами, оные с крепким подтверждением чиниться подобают, ясно, с описанием всех потребных обстоятельств, *дабы* все случаи отнять, чтобы не могли чем отговариваться (Генер. регламент, 1720).

В подавляющем, однако, большинстве случаев употребление **дабы** носит вполне случайный характер. Уже Карамзин относил союз *дабы* к особенностям «приказного» языка и находил, что употребление его «очень противно в устах такой женщины, которая, по описанию Ариостову, была прекраснее Венеры» (Рец. на перевод «Неистового Роланда», Моск. журн., III).

г) Союзы сравнения.

Наряду с обычным **как**, для XVIII в. очень характерно сложное наречие — союз **подобно как**: «...пресветлыми очами Елисавет сияет к нам... *Подобно как* орел парящий От самых облак зрит лежащи Поля и грады под собой (Ломон.).

Что, сохраняющееся и теперь в стилизациях под народную речь, прямо восходит к относительному *что* в случаях вроде *тот..., что...* , *те...* , *что...* и под.

А ныне у вас Шереметев сидит в келье, *что* царь, а Хабаров к нему приходит да иные чернцы, да едят, да пиют, что в миру (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Белоз. монаст.). Толко братина дховая выпить, и человек пьян будет так, *что* с меду (Мат. пут. Ив. Петлина, 274). А перед самими вороты играют и бьют в большие трубы, *что* буйволы ревут и в суренки играют... (Хожд. на Вост. Котова, 105). А как они, Нагайцы и Татары, табунные свои лошади испродадут, и на отъезде своем бывают у царя, *что* и Калмыцкие послы, и бывает им стол на царском дворе доволной (Котош., 92). ...И платье им ис царские казны дается, смотря по человеку, *что* и Крымским же послом (там же). И в том Приказе ведомо Сибирское царство и городы против такого ж обычая во всем, *что* и Казанское и Астраханское царствы (там же, 93)[1].

Ср. и гораздо более редкое **чтобы** (диал.?):

...И рыбу приводят от моря из гиляни [«из Гиляни»] и от коры реки [«Коры-реки»] с устья, *чтобы* русская семга красная и укусом такова же (Хожд. на Вост. Котова, 84). ...А рыба в неи, *чтобы* руские подьяски [«подъязики»], только укус свои (там

[1] Союз **что**, как дающий речи народную, «почвенную», противопоставляемую книжной, окраску, охотно употребляют авторы, имеющие в виду соответствующую стилистическую установку. См. в РЛЯ пп. XIX в., М., 1954.

же 99). А там на поле место учинено, *чтобы* гумно росчищено... (там же, 106).

Древнерусские примеры союза **чем** при сравнительной степени, данной прямо или подразумеваемой:

И *чем* было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменити (Посл. Иоанна Гр. Курбск., 12). И *чем* вам камением меня побить и еретиком называть, и я вам от сего времени не буду патриарх (Дело Ник., № 9).— Союз этот по происхождению, несомненно, относительное местоимение, в своей местоименной роли живущее в предложениях вроде: *Чем* дальше в лес, тем больше дров; *Чем* ночь темней, тем ярче звезды (А. Майков), со сравнительной степенью в главном и придаточном.

Фразы с опущенным **лучше**, заменившие такие, как: *Чем* на мост нам идти, поищем *лучше* броду (Крылов, Лжец); *Чем* кумушек считать трудиться, Не *лучше* ль на себя, кума, оборотиться? (Крылов, Зеркало и Обезьяна), т. е., напр., типа: *Чем* на мост нам идти, поищем броду, и под.: Он рек: «Готов я сам в полицию попасть, *Чем* от Зевесовых мне рук терпеть напасть» (В. Майков). *Чем* столько поступать неправо, Сперва исследуйте вы здраво (Держ., Взятие Изм.). Ты, жавронок, *чем* по верхам Тебе кувыркаться, кружиться, Ты б корму поискал по нивам, по лугам (Крылов, Добрая лис.), имевшие смысл «вместо того чтобы...», послужили образцом для нового типа с **чем** и оттянутым к нему **бы**, поддерживавшим значение предложения: Тут, *чем бы* вора подстеречь И наказать его, а правых поберечь, Хозяин мой велел всех кошек пересечь (Крылов, Фортуна и Нищий).

Ср. др.-русск.: И тебе *было*, Страдник, *чем* ко мне к Москве писать и ходока присылать, а до Москвы 500 верст... а к Поздею б тебе и самому ездить, ино 2 дни (Хоз. Мороз., I, № 150).

Оба эти типа, как видим, ограничены придаточными предложениями с инфинитивами и свойственною последним модальностью (оттенками наклонений).

Дальнейшее усложнение сочетаний с **чем** представляет эллиптическое (сокращенное) *чем свет* (ср.: *Чем свет* уж на ногах,— и я у ваших ног,— Гриб.), которое толкуется правдоподобно (Кернер) из «раньше, чем свет настал».

Поскольку **чем бы** принадлежит к народно-эмоциональной речи, не приходится удивляться примитивизирующим сложное предложение конструкциям, иногда входившим с ним в письменный язык: «*Чем бы* пойти, а он остался» (пример Буслаева) — контаминация «пойти бы, а он остался» и «чем бы пойти, лучше остаться».

Нежели — союз сравнения при сравнительной степени. В современном литературном языке идет на убыль, уступая господствующему **чем**:

Луче ны есть умрети у Царяграда, *нежели* с срамом отъити (Новг. I л., 6712 г.). Лучши бы есмя сами на свои мечи навергглися, *нежели* нам от поганых положеным пасти (Задонщ. по сп.

XV в., 213—216). Лутче бы мы тое срамоты великия не слыхали, *нежели* мы от князя в очи такое слово слышали... (Сказ. о кеевск. богатырех, нач. XVII в.).

...Ктомуж муж не так поспешен в сапогах, *нежели* без сапогов (Юности честное зерц., 54) — в мысли пишущего было, видимо, «менее поспешен».

Варианты — **нежель:**

«...Но злато предо мной Дешевле, *нежель* то, чем мысль моя печальна» (Сумар., Сонет 3) и **нежли:**

...Ниже о ином когда лучшем помышляет, *Нежли* как бы и ночи днем сделать играя (Кант., Сат., V). Кантемир же употребляет и **неж:** «Но лучше б в учениях церковных медлети, *Неж* на кабаках пьяным бесчинно шумети (Сатира IX).

В XVIII в. изредка можно встретить плеонастическое сочетание **как нежели:** Не большая-ль теперь случилась мне обида, *Как нежели* была Юноне от Парида? (В. Майков).

Характерный пример представляет в языке XVIII в.: ...Весьма охотно согласился, Что лучше дом иметь исправный небольшой, А *нежели* дворец, который развалился (Хемниц.). Ср. польск. niżeli и aniżeli.

По своему происхождению **нежели** восходит к **неже ли;** ср.: [Лучше] ...и в праведнем убожестве *неже бы* неправеднем богатестве (Домострой, 64), — текст, в данном месте церковнославянизированный.

В свою очередь **неже** составилось из **не** и **же**[1]. Момент отрицательности, заключенный в другом члене сравнения (утверждение лучшего и под. предполагает отрицание худшего), образец, за которым формально могут последовать иные виды сравнения, имеет многочисленные параллели в других языках; ср.: франц. C'est encore plus vrai que vous *ne* le croyez — «Это еще гораздо вернее, чем вы думаете»; итал. Adesso è più diligente che *non* lo sia mai stato — «Он теперь прилежнее, чем (был) когда бы то ни было»; *na*, *ne*, *nor* после сравнительной степени в шотландских и английских диалектах (Гольтгаузен), подобные случаи в др.-индийском, греческом и др. (Френкель).

Из русских памятников и живых говоров интересный материал у Буслаева: Лепши бы ми смерть, *а* не курское княжение (Дан. Заточн. по ред. XVII в.)[2]. Лучше хлеб с водою, *а* не пирог сбедою (Стар. сб., I, 1439). Лутче семью [семь раз] горети, *а* ни однова б вдовети (Стар. сб., II, 318).

---

[1] Ср., напр., W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, II, 1928, стр. 330 и 349. — О другом понимании *не* в *нежели* и подробности о *же* см. Преображенский — Этимол. слов. рус. яз., I, 596—597.

[2] Другие варианты: ...лепше бы ми смерть, нниже Курское княжение; тако же и мужеви: лепше смерть, нниже продолжен живот в нищети (Слово Дан. Заточн., Акад. спис., XI). ...Лучше ми смерть, ни Курское княжение (Слово Дан. Заточн. по рук. Гос. Публ. Библ., 115). Ту лепше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена пояти (Слово Дан. Заточн., Акад. спис., XXXVII). Лепше есть камень долоти, нижели зла жена учити (там же, XLII).

Ср. в белор.: бежыт [sic!] скорей, *чем не конь* (Диалектол. карта, стр. 51). Лотка тише подаетца *не чем* пот тем берегом (Горьк. обл.).— М. Е. Салтыков вкладывает такую конструкцию в уста персонажа из народа — отставного солдата: «Вот, сударь, и Пахомовна, *как не я же*, остатнюю жизнь в странничестве препровождает» (Губерн. очерки).

В XVIII в. в роли союза при сравнительной степени очень употребительно **как**: Щедротой больше, *как* грозою, В российской царствует стране (Ломон., На рожд. Павла). Ты больше тщишься быть прямым добром вселенной, *Как* слыть Монархиней над всеми вознесенной... (Ломон., Ода 13). ...И выше, *как* военной звук, Поставить красоту Наук (Ломон., Ода 15). Мне б лутче умереть, *как* жити во неволе И зрети хищника на отческом престоле (Сумар., Хорев). Судящим сохранять пристойнее законы, *Как* строить без ума невежам лексиконы (Сумар., Сат. V). Жестокой ветр, жесточе, *как* палач (Сумар., Ученый и Богач). Я очень рад принимать от вас наставления, зная, что они идут от такого человека, которого я люблю больше, *как* себя (Фонв., Письмо от 10. VII. 1763 г.). Где лучше, *как* в своей родимой жить семье? (Дмитр., Причудн.). Не легче ль с ведрами трястись под коромыслом, *Как* всякий пичкать стих стопами, рифмой, смыслом? (Петров).

Союз **как бы** со значением приблизительности естественнее всего возводить к «как бы», где **бы** в прошлом форма 3 л. ед. ч. аориста: ...И то уже ваше воровство все наруже опрометывается, *как бы* гад розными видами (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1572 г.)[1]. Последнее сочетание имело, однако, как показывает диалектн. *как-быть* «как будто», соперника в сочетании с инфинитивом; ср. др.-русск.: А посторонь трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— как быть жив (Мат. пут. Ив. Петлина, 288).

Вероятно, во время Карамзина за **как бы** чувствовался некоторый диалектный налет, и этим объясняется замечание Карамзина по поводу выражения в комедии «Оптимист»: «*Кажется, чувствую как бы новую сладость жизни*, говорит Изведа; но говорят ли так молодые женщины? *Как бы* здесь очень противно».

Союзы **акы, яко** в московской письменности были чисто книжными.

---

[1] В подобном значении возможно и **кабы**: ...Отец твой целовал за Свейскую державу да и за Выборскую державу, и потому Выбор [Выборг] кабы иное место, а на Выборе отцу твоему [«арцыбискуп Апсалимский»] кабы товарыщ (Спис. с грам. Иоанна IV, 1573 г.). Да и отпустил еси их, послов, кабы полоняников... (там же). ...А теми вороты ходят в тынчак, тот у них болшои ряд и велик, кабы у нас суроской [сурожский] (Хожд. на Вост. Котова, 93).

Многочисленные примеры этого союза в говорах см. в «Словаре русского языка» АН, IV, вып. I (1906—1907 гг.), стр. 189—190. Ср. и его видоизменение в виде донск. **кубыть**.

Из многочисленных примеров один более других примечательный: «...да не укротили бы его [вельможи] от воинства, боящися смерти, *яко богатым и не умирати* (Пересв., л. 92, стр. 205) — «...как будто богатым вовсе не придется умирать».

В XVIII в. возможно было употребление **как бы** в значении «подобно тому как»: Один лев из честолюбия войну объявил другому льву... не смотря, что вечные сказано было дружбу и доброе согласие хранить, *как бы* наприм. в трактатах пишут (Хемн., план басни).

О происхождении союза **будьто** упоминалось выше (а). Его функция сравнительная более первоначальна, чем изъяснительная. В современном языке сравнительно со старинным изменилось при нем употребление глагола бывания, теперь обязательно опускаемого; ср.: Как есть — стала гроза великая над нами, страшная, *будто* гром велик и молния страшная от облака бывает с небеси (Ист. об Азовском сид., 4).

Изредка этот союз можно встретить в виде **будтося:** А литовским людем быти было с ним всем вооруженным... *будтося* для потехи (Памятн. Смутн. врем., 69).

д) Условные союзы. Продуктами перерождения служебных глаголов являются союзы **есть ли,** в фонетическом изменении ставший господствующим в современном литературном языке, и **будет,** в виде **буде,** в предреволюционное время еще употреблявшийся в языке законодательства и канцелярий:

Есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отдается (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.). А *есть ли* они про те вывезенные животы в сказках своих утаят, или у переписки хотя малого чего не обьявят, или сами хотя малым чем покорыстуютца, и за то они, по их, великих государей, указу, кажнены будут смертию безо всякия пощады (Розыскные дела о Фед. Шакл., IV, Дополн., № 20). А *естли* солжешь, неправдою сыщеш, тебе от меня быть в наказанье... (Резолюция кн. М. И. Одоевского на челоб., 1673 г.).

Знал старинный язык в довольно редких случаях как союз и просто **есть,** еще, впрочем, заметно не терявшее своей первоначальной роли связки (мостик к новой функции, по-видимому, перебрасывался интонацией условия): А *есть* тебе мила шея твоя и ты поедь до Тира (Римск. деян.). Но вполне осуществился переход связки в союз в сочетании с **бы:** А *есть* де *бы* кто к нему подкинул, и он де бы челобитье свое записал (Кал., I, 1680 г.).

В старославянском известен параллельный союзу **если** по значению и образованию союз **єли** (из є ли). Еще ближе к русскому пол. jeśli (др.-пол. jestli), чеш. jestli, диал. jesli. Отмечалось (Б. В. Лавровым, см. ниже), что союз **если** на первых порах письменности встречается преимущественно в переводах с польского языка. Из оригинальных писателей первым начинает употреблять его Ив. Пересветов. В самом конце XVII в. союз этот

начинает проникать и в деловую речь приказов, но на первых порах крайне медленно.

Будет уже в древнейшей восточнославянской письменности при глаголах будущего времени функционирует как союз. Путь его развития легко себе представить в таком виде. Сначала это часть аналитической формы будущего, получающего в сложном предложении значение условного наклонения; ср. современные фразы вроде: А *будет* так, придется применить другие меры. ...Тот Картерьев двор Руднева отдать ему Картерью с роспискою, *будет* ево купленой; а *будет* даной, и о том написать в доклад (Дела Тайн. приказа, I, стр. 204)[1].

Оформившаяся союзная функция **будет** уже вполне ясна при втором *будет* глагола: А *будет* ему и порутчиком его того покраденаго заплатити будет нечем, и их исцу за иск отдати головою до искупу (Улож. 1649 г.). А *будет* судное дело будет о бесчестии, а не о долгах, и по такому судному делу на ответчике за бесчестье исца правят денги против жалованья... (Котош., 120).

Ср. и **будет** при инфинитивах: ...Сего дни, о вечерне, быти вам у папы; и *будет* вам папе *кланятися* и в ногу его целовати по здешнему обычею, и вам у папы быти; а *будет* вам папы в ногу *не целовати*, и вам идти назад, отколе есте пришли, туды и поидете, а у папы вам не быти (Отчет Я. Молв.).

Далее являются предложения типа: *А будет скажет* и т. д., равные развернутой конструкции «А *будет* (случится), что *скажет*..., то...»: Да *будет* те судные мужи *скажут*, что суд таков был... и тем тот и виноват, кто список лживил... (Судебник 1550 г., 69).

Редким является сочетание **будет что,** представляющее, может быть, звено между глаголом *будет* «случится», от которого зависел союз **что,** и позднейшим — союзным значением *будет:* «...а *будет что* ему, Ондреяну, в той моей вотчине... учинитца какой убыток от кого-нибудь... и ему, Ондреяну, взять на мне, кнеине Огрофене... убытки свои все сполна и вотчинная очистка (Купчая 1657 г., — Калачов, Акты, II).

Предшествующие конструкции еще с согласованием соответствующих форм с подлежащими не 3-ьего лица ед. ч. отчетливо показывают, из каких именно синтаксических сочетаний изолировалось **будет,** приобревшее значение союза; ср., напр.: ...и где *будешь* что ни взял казны и поклажи, и тобе то все отдавати (1447 г. Акты истор., I); ...а *будете* нонеча на тех лузех косили сена, и вы бы с тех лугов сен не возили (1490 г., там же).

---

[1] Лишь крайне редко в говорах могут встречаться случаи употребления **будет** и под. с совершенным видом будущего времени изъявительного наклонения: *Кому я буду достанусь?* (шенкур.) без условного значения; ср. В. И. Чернышев, Труды Инст. русск. яз. Акад. наук, I, 1949, стр. 217—218.

К началу XVII в. устанавливается вариант **буде**, уже определенно имеющий и внешние признаки союза: *Буде* речь моя слаба, *буде* нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину..? (Кант.). Встречается **буде** и в фольклоре: *Буде* в честь не дают, так ты силой возьми, А столько привези Апраксу королевичну (Былина «Добрыня-сват»).

Изредка со значением предположения («если бы») можно встретить **будет бы:** А *будет бы* тебе и все крестьяня отказали и жать не пошли, и тебе было мошно ко мне отпи(са)ть тово ж часу... (Хоз. Мороз., I, № 116). И *будет бы* он ту свою долю не стал жать и хлеб обронил, и я бы ему велел большое наказанье учинить... (там же).

Интересен еще подобный оттенок у **нешто будет** «разве что»: Мы того не слыхали, нешто *будет* ты ново где нашол королей тех в которой своей коморе (Грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.).

Ежели — по происхождению 3 л. ед. ч. глагола **є** (ср. *если* и чешск. jestliže) или, что́ менее вероятно, относительное слово среднего рода, с союзами-частицами **же** и **ли**. Ср. довольно редкий условный союз **еже**: «Міра держимся, *еже* бо видим у мірских что дивно, тогда всею силою подвизаемся, дабы и у нас то же было» (Посл. Иоанна Гр. в Кирилло-Белозерский мон.).

Возможно, что этот союз в такой форме **(є)** установился не без книжного влияния, по крайней мере, древнерусские памятники свидетельствуют и об **оже**, которое, по всей видимости, представляет именно фонетический факт:

А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары *оже* будеть нам мир, по думе; а не будеть, нам дати выход, по думе же (Дог. грам. в. кн. Дм. Ив., 1375 г., — Срезн.). *Оже* учинится нелюбовь мне, великому князю Казимиру королевичю, до Великого Новагорода или Новугороду до мене, великого князя Казимира, или будет мир нелюб, сослався и грамота отослав; а после грамот месяць не воеватся (Договор в. кн. литовского Казимира с Вел. Новгор., XV в.).

Это **оже (оже ли, ожь)** известно издавна уже из памятников Киевской Руси и решительно уступает место другим союзам условия не раньше XVI века; в конце XV века оно еще выступает, напр., в Судебнике 1497 г.: А имати ему с суда, *оже* доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам... (38). В виде **ожь** встречаем его, напр., в Псковской судной грамоте 1467 г., 104: Ино и доля ему по тому числу, *ожь* ближнее племя восхощет заклад выкупить и в виде *ожъ* в пис. в. кн. Вас. Иоан. между 1526 и 1530 годом и: А яз, *ож* даст Бог, сам, как ми бог поможет, одноличио ко Крещенью буду на Москву. — В родстве с ним находится, если *оже* восходит к относительному местоимению, а не к «є» = «есть», и *иже:* «А *иже* ваша будет вера лучьши, ино аз иду в вашю веру (Новг. 1 летоп. по Акад. списку под 6856 г.).

В памятниках **ежели** появляется с XVII в.: ...*Иежели* та жена дворянска роду, мужа ея пожалует царь на воеводство в город, или вотчину даст (Котош.)[1].

«Широкое распространение союза *ежели* в первой половине XVIII в. в известной мере обусловлено, вероятно, деятельностью Петра и его сотрудников. Движение союза в этот период есть движение из высоких стилей к низовым... Но таковым же (т. е. движением от высоких стилей к низовым) было и распространение союза *ежели* в предшествующий период, в XVII в. Известную поддержку здесь могла оказать переводная литература, в частности повести. В них употребление союза *ежели* проведено наиболее последовательно» (Б. В. Лавров, 88).

Местоименные корни вошли в союзы **коли, как, только, нѣчьто.**

Коли[2]. Слово в значении союза восходит к старому, известному и из старославянских памятников, местоименному наречию, в вопросительной функции имеющему временно́е значение. По наблюдению Б. В. Лаврова (см. ниже, стр. 388) «наша современная оценка союза *коли* как черты разговорно-бытового языка и языка деревни может быть распространена и на далекое прошлое. Можно думать, что такое отношение к нему, как к «просторечию», установлено было и на первых порах его появления в письменности отдельными авторами».

А *коли* ми будеть где отпущати своих воевод из великого княженья... тобе послати своих воевод с моими воеводами вместе... А кого *коли* оставити у тобе бояр, про то ти мене доложити... (Договор. грам. вел. кн. Дмитр. Иван. с кн. серпух. и боров. Влад. Андр., около 1367 г.). ...ведь *коли* ровно, ино то и братство, а *коли* неровно, которому братству быти? (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Бел. мон., 7). А *коли* одинакои человек, а не богатои и запасистои, держит про гость пивцо (Домостр., 46).

В ряде случаев по отношению к будущему времени условное и временно́е значения союза **коли** тесно соприкасаются: А *коли* ти будет всести на конь на своего недруга, и мне с тобою послати свои дети своими бояры и слугами (Грам. кн. Юрия Дмитр. вел. кн. Вас. Вас., 1428). А *коли* срок отпишут обема исцем вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон... (Судебн. 1497 г., 3 б).

Для XVIII в. фонетический вариант **коль** свидетельствуется

---

[1] В XVII в. появляется вариаит, не получивший широкого распространения,— **ежель**: Слушай, мой друг Аниушка, *ежель* пришлет по тебя с монастыря сестра моя, а твоя тетка, карету с возииками, то ты поезжай к ией иеумедля! (Ист. о рос. двор. Фр. Скобееве). Одиако, ежель оиой воля охоту ободрит мою... (Ломои., Ода 27 авг. 1750 г.). Но ежель я ошибаюсь в моем заключеиии... (Болот., Отв. иа письмо Щерб.).

[2] Об употреблеиии **коли** в первой половиие XIX в. см. РЛЯ пп. XIX в., II, стр. 416—417.

Ломоносовым (Стих. по поводу спора об оконч. прилаг., 1755 г.): «Или» уж стало «иль»; «коли» уж стало «коль»[1].

Как с условным наклонением: *как бы дано было* кому волное господство, и о том бы размышляли, что то было б самому царю в стыд, бутто бы тот человек тем имянем от него уволнился и неподданен (Котош., 28). А что государь-царь, *как бы ты* мне *дал волю*, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день (Челобитная протоп. Аввакума царю Фед. Алекс.). А *как бы он отошел* от того мосту по третьеи версты с полмили, он бы убил другов... (Римские деяния). ...*как бы* де *мочно* проехать, и мы б де тебе вестно учинили (Отписка к царю дворян. Ив. Желябужск., 1657 г.).

Ср. **кабы** в просторечии: *Кабы* на коня не лысина, цены бы ему не было (Стар. сборн., 1370).

Ср. и **как**, параллельное нынешнему употреблению: ...Ведь тяжко умирать, *как есть кому чем жить!* (Хемниц.).

Как только: *Как толке* твой холоп тобя, или брата твоего, или сына у тебя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры бывает? (Памятн. Смутн. врем., 23).

Только, по происхождению местоименное наречие с ограничительным значением: ...и *только б* те крестьяне были их, монастырские, и они б их в записи Семеновыми крестьянами не писали (Суд. дело 1648). А *только* под кровлею, и тово лутче, чтобы в сухе не навьяло и не замокло; дрова толко сухи, ино топица хорошо (Домострой, 56). И *толко* везде строино по наказу все зблюдено... ино того за его службу жаловати (там же, 58). *Толко* тати были, ино знать, или свои крали (56). *Толко* та дочь представится, ино ее наделком поминают... а толко иные дочери есть, також о них промышляти (там же, 16). ...И мы то Ивану Лаврентьеву велели сказать свое жалованье брату твоему, *только* он пришлет короля Польского сестру Катерину, а мы его пожалуем — от наместников отведем (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). А будет рожь в Нижнем дешева, и тебе б ржи не продавать, *только* меньши 10-ти алт. купят (Хоз. Мороз., II, Акты, № 12). ...И ему земля очистить и хоромины снести, *только будет другому на то место что ставити* (Судебник 1589 г., 21). А он, папа, начается, что московские люди в латынской вере будут, *толко их станут накрепко приводити* (Памятн. Смутн. врем., 94). ...а *толко* де про то ему, государю, по сю пору *неведомо*, и я де ныне ему, государю, объевлю все» (Из актов, относ. к посольству двор. Ив. Желябужск., 1647 г.).

Нѣч(ь)то: Се язъ... пишу сию запись: *нѣшто божья воля станется*, меня... в животѣ не станетъ, и государь бы князь

[1] Специальиую характеристику употреблеиия условных союзов в письмах и в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, показательиого для стилистического выбора **если, ежели, коли, кабы** к концу первой четверти XIX века, дает статья И. Ильииской «О языке писем Грибоедова»,— Литературиое наследство, 47—48, М., 1946 г., см. стр. 288—291.

велики пожаловалъ, душу помянулъ (Дух. кн. Дм. Ив. ок. 1509 г.). *Нѣ что будетъ каково къ нимъ слово* отъ магистра отъ прусьского о том... и Асанчюку и Третьяку молвити такъ... (Статейный список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1509 г.). В основе этого союза московской письменности лежит частица **нѣ** со значением неопределенности и местоимение **чьто**. Ср. народн. *нешто* со значением «разве, разве что».

Чисто книжным было, по-видимому, в языке московской письменности перешедшее из церковнославянского **аще**: ...Но *аще* хочеши некоторых твоих подовласных детей дати учитися свийскому языку, и ты... вели о том деле договор учинити с нашими намесники выборскими (Грам. Иоанна IV шведск. кор., 1573 г.)[1].

Ср. и **аще и, аще ли, аще бы.** В памятниках Киевской Руси ему соответствует фонетически русское **аче**: Аче будеть княжь муж или тивуна княжя, аче ли будеть русин любо гридь, любо купець, любо тивун бояреск, то 40 гривен положити за нь (Русск. пр., 16—25).

Сравн. позднейш. сев.- и сред.-русск.: Ино *возят аче морем*, и они пошлины не дают (Хож. Аф. Никит.).

Иного способа образование, известное в тех и других,— **аже, ажь** (= *а же*): *Аже кто убиєть* княжя мужа в разбои, а головника не ищють, то вирьвную платити, в чьеи же врьви голова лежить... (Русск. пр., 41—49). ...Ино государю [«хозяину»] у креста положыть чего сочить [«ищет, требует»], или государь сам поцелует, *аже у них записи не будет* (Псковская судная грам., 41). ...*Аже взгоном* в блазну *возмуть* Новгородское или человек, или лошадь, ехав ис той волости человеку к воеводе, рек право свое взяти, а им дати (Догов. в. кн. литовск. Казимира с Вел. Новгород., XV в.). Ср. и **аже да**: *Аж да... пожалует нас бог*, наидем тобе, князю великому, великое [княженье] (Догов. гр. Дм. Ив. 1370 г.,— Срезн.).

Возможно также сочетание **аже будет**: Будет у тех товаров московских таможников, и у тех гостей тех товаров не розпечатывать, аже будет едут проездом и в Новегороде торговати не хотят... (Тамож. уставная грам. царя Иоанна Вас., в списке,— писанн. в 1571 г.).

Вероятно, только севернорусским (новгородским) был в условном значении союз **даже, дажь** — из да и же («а если»?). Его мы встречаем, например, в старейшей из дошедших до нас грамот— грамоте вел. князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 года: «*даже* которыи князь по моємь княжении почьнеть хотети от(ь)яти у святго георгия...»; «*даже* кто запъртить или ту дань и се блюдо...»

[1] Торжественную окраску **аще** для XVIII в. пародирует «Живописец»: Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее... (Письма к Фалалею).

Редко в значении условного союза встречается **чтобы:**

Что бы и на посаде покрадется, ино двожды е [sic!] пожаловати, а изличив казнити по его вине (Пск. судн. грам., 8). ...А езд имати по 10 верст денга, а *што бы* двое или трое ехали, а езд им взять один (там же, 49). А *што бы* сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа (там же, 97). *Чтобы* к той истинной вере християнской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали (Пересв., Сказ. о Магмете-салт.).

Ср. еще **либо** в значении «на случай если, может быть»: ...Да послан, государь, галенок ис Павловского на вино на церковное, чтобы, государь, прислать вина, *либо обмогутца* свещельники (Хоз. Мороз., I, № 90). Прости, Михайлович-свет, *либо потом умру*, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниже притворяся говорю... (Пятая челобитн. протоп. Аввак.). Не плюй в колоде[з] *либо лучится* воды испи(т) — (Стар. сборник, № 1663), т. е. «...не случится ли...», «...может быть, случится...». Ср. и **либо** только в значении вводного слова «может быть»: Да которые крестьяне *похотят либо* в своих садах черенки к пенькам прививать, и тебе бы им крестьяном дать черенков моего саду от лутчих яблоней (Хоз. Мороз., I, № 61).

В памятниках Киевской Руси и древнейших московских встречается с XIV в. союз **ци**, в новейшее время известный в белорусском и псковских говорах, по происхождению, вероятно, вопросительная частица: А *ци* о какове деле межи собе сопрутся, ехати им на третии (Дог. гр. Дм. Ив. 1362 г.). А *ци* по грехом отоимется которое место... (Дух. Ив. Кал.)[1].

Интересно сочетание **ци аще** в договоре Игоря с греками 945 г.: *Ци аще* ключится проказа никака от грек, сущих под властью цесарства нашего, да не имать власти казнити я, — являющееся, вероятно, соединением русского и старославянского союзов[2].

Примечателен еще в значении «если» союз **хотя**: *Хотя* подо мною (ч)то останеться, или лошак, или оружье, то все даю святому Георгью (Рук. новг. Клим. до 1270 г., — Срезн.). О **хотя** в уступительном значении см. е).

В качестве союза о г р а н и ч и т е л ь н о - у с л о в н о г о в древнерусском употреблялся **лише бы, лишь бы** (ср. современное **лишь бы**), составившийся, как **только бы**, из наречия (*лише*) и частицы сослагательного наклонения: Там с ним, царем Турским, переговорим речь всякую, *лише бы* ему царю наша казачья речь полюбилася (Ист. об Азовск. сид., 12). Успеть вкрасне и вхороше находитца, *лишь бы* было в чем (Сборн. XVII в.).

---

[1] О ци подробнее Е. К а р с к и й, О некоторых особенностях белорусского языка, — Symbolae grammaticae, in honorem Ioannis Rozwadowski, II, стр. 292—293.

[2] Любопытно как черточка архаизации «...и зговорит туго сидечи Идолище великое посмехаючись: *ащели* правда, что он таков, Илья Муромец, и я ево посажу на ладонь, а другою раздавлю» (Сказ. о седми русск. богат., по списку XVIII в.).

Другой относительно нередкий ограничительно-условный союз— **развее** (ср. соврем. **разве что**): И не для каких нибуди дел не ходят, *развее* царь укажет (Котош., 25).

В XVIII в. и позже — **разве:** А эта присловица законная и в приказах наблюдалася ненарушимо, *разве* ныне по новому уложению оставится (Сумар., Опекун). А кобылам трехгодовым на четвертом не давать овса, *разве* которые любивы (Регула о лошадях, 20).

Ср. и соединение **разве когда:** ...*Разве когда* дела такие между прочими случатся, которые остановки иметь не могут, но вскоре отправлены быть имеют: и в таком случае порядок оной отставить, и об тех наперед доносить надлежит, которые нужнее (Генер. реглам., гл. V). ...И тако никто, какого б достоинства той коллегии не был, не должен один другого в доме его искать и тем время тратить, под лишением полумесячного жалования, *разве когда* президенты за болезнию или других помешательств ради в коллегиум не могут быть (там же, гл. XVIII).

К архаичным способам выражения ограничительной условности относится в древней письменности и употребление **ли** в случаях вроде: И положаху пред ним хлеб, и възмяше его, но *ли* вложити в руце ему (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) = «и клали перед ним хлеб, и брал он его, только если его вкладывали (буквально «вложить») ему в руки». Обращает на себя внимание при этом выражение сказуемого при помощи инфинитива.

е) Уступительные союзы. **Хоти.** По происхождению *хоти* — 2 л. ед. числа повелительного наклонения. Скорее всего именно к нему восходит современное **хоть** (ср. **будь** из *буди*, **пусть** из *пусти*). Соприкосновение этих значений можно видеть, напр., во фразе вроде: Да карлу *хоти*, государь, с послом своим пришли ко мне посмотреть (Мат. пут. Ив. Петлина, 299).

Примеры союза **хоти:** Аще людем твоим лучитца с кем брань... и ты на своих брани, а кручиновато дело — и ты и ударь, *хоти* и твои прав (Домостр., 64). И у всякои бы печи над челом был искренин глинян или железен и, *хоти* и низок потолок, ино не страх огня (там же, 59). А что хочеш нашего царствия величества титла учинити, и ты, обезумев, *хоти* и вселенней назовешся государем, да хто тебя послушает? (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...А то де уже здеся видел: *хоти* кого безвинно велю убити, а нихто за кого слова не молвыт (Памят. Смутн. врем., 79). ...и те крестьяне, *хоти* б ево, Семеновы, были, и по его, Семенове, сказке из указных лет по государеву указу вышли (Суд. дело 1648 г., Фед.-Чех., II, № 118).

Хотя — по происхождению причастие ед. ч. муж. рода (деепричастие) от «хотеть»: А си грамота еже будет князю великому Олгерду не люба, ин отошлет. А *хотя* и отошлет, а на сем перемирьи и докончаньи межы нас воины с Олгердом нет до Дми-

триева дни (Перемирн. грам. послов вел. кн. литовского Ольгерда Гедиминов. с вел. кн. Дмитр. Иван., 1371 г.). А которые воры бывают на разбое *хотя* и двожды поиманы, а убийства смертного и пожогу не учинили, и таких, бив кнутом по торгом, за первую вину, отрезав левое ухо, сошлют в сылку (Котош., 115).

О полном забвении внутренней формы свидетельствуют случаи вроде: И Аннушка, *хотя* с великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поехала к Москве (Истор. о рос. двор. Фр. Скобееве).

Иную форму (множ. числа муж. р.) отражает **хотяче** в значении «хотя бы», известное из «Вопрос. Кир.» (Срезн., III, 1393).

Подобный переход значения имеем в литовском norint «хотя», к noriu «хочу».

Только в памятниках народной речи изредка встречается **хошь**, являющееся продуктом сокращения 2 л. ед. ч. изъяв. наклонения «хочешь»: «Хошь около гумен, только сам себе игумен» (Старин. посл., XVII в.).

Обращают на себя внимание случаи, когда при уступительно-гипотетическом **хотя б** сказуемная часть придаточного предложения обходится без части аналитической формы сослагательного наклонения *были*: «А *хотя б* те крестьяне и дворовыя их места Семеном в выписях и написаны, и они с писцовых книг... из лет вышли» (XVII в., Фед.-Чех., I. № 118).

Возможно, что только новгородским и псковским было употребление в роли уступительного союза **что бы** (Срезн., III, 1580).

Историческое истолкование таких уступительных союзов нового происхождения, как **пусть, пускай**, не представляет никаких трудностей: это формы первоначально повелительного наклонения от *пустить*, *пускать*, имеющие параллель, напр., в немецком laß(e) «пусти» к laßen «пускать». След первоначальной их роли сохраняется в выражениях вроде «пусть его делает, что хочет», собственно — «пусти его делать...» Ср. диал. (брянск.) *нязым*, *нязымай* «пусть, пускай, ладно», собственно «не заимай» — не трогай, пусти.

Значение уступительного союза имеет в современном языке **если (и)**, которому в главном предложении соответствует **...однако (всё-таки)... или... то...** В XVIII веке мы встречаем подобное **если** с **но** в главном: *Если* сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, *но* шествие его было шествие последователя (Радищ., 185),— оборот, по-видимому, в основном повторяющий церковнославянский: *Аще* ти есмь на рати не хоробр, *но* на словех ти есмь крепок... (Молен. Даниила Заточн.). К отраженному здесь синтаксическому характеру ср.: Кто сколько мудростью ни знатен, Но всякий человек есть ложь (Держ.)[1].

[1] Ряд ценных соображений и справок об условных и уступительных союзах см. в книге В. В. Лаврова — «Уступительные и условные предложения в древнерусском языке», 1941.

ж) Временные союзы. **Донеле, донележе** — «пока» — союз книжный, встречающийся только в текстах с заметным церковнославянским влиянием: И не даж ему власти во юности, но сокруши ему ребра, *донележе* растет (Домостр., 17).

Дондеже — «пока» — книжный союз: Не движаше ногама, *дондеже* отпояху заутреню (Лавр. сп. лет., 65). ...кому же быти царем во Цареграде, *дондеже* и стоит Царьград (Путеш. Антон. конца XII в., по списку XV в.).

Егда — «когда», тоже, по-видимому, было только книжным словом уже в древней письменности: *Егда* же приспеет час государской милости, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришествию (Урядн.).

Ср. и более редкое **внегда:** ...*Внегда* патриарх оставил патриаршество в прошлом во 166 году, июля в 10 день, по поучении говорил так... (Дело Ник., № 13).

Еще архаичнее **яко:** *Яко* приде, повеле кумиры испровреци (Лавр. спис. лет., 40).

Чем — «как только»: И тебе б одноличо («обязательно»), *чем* новь поспеет, выбрать тот мой заемной хлеб весь тотчас, кому роздал... (Хоз. Мороз., I, № 5).

Как — «как только»: ...А *как* того малого грамоте научат, и он бы того малого прислал со старцы или с кем пригоже (Наказ Д. И. Истленеву, 1594 г.). А *как*, господа, пойдете к нам в сход, и вам бы взяти с собою в поход пороху и свинцу не мало (Отписка нижегородцев к вологж.). Также, *как* бывает день празновати рождения жен их боярских и дочерей, и они, боярыни, и их дети, к царице и к царевнам ездят потомуж с калачами сами... (Котош., 35). И *как* сотник Иван Рыкачов в Кирилов монастырь приедет, и вы б чернцов Кирила Муромца с товарищи и дьячка Якушка у сотника у Ивана Рыкачева взяли и велели их за их вину держати в Кирилове монастыре в смиренье в черной тяжолой работе... (Грамота 1647 г.).

Как, соотносительное с указательной частью в главном предложении: Да в то ж время, *как* жених бывает у царя, невеста от себя посылает з бояронею к царице и к царевнам дары... (Котош., 153).

Ср. и редкое **как аже:** А *как аже*... на весну лет скроетца, и тебе бы, господине, велеть те запасы грузити в суды (Мат. пут. Ив. Петлина, 267).

С того как — «с того времени, как»: С *того как* козаки из Астарахани отпущены, служилых людей на лицо нет пятинадцати человек (Мат. Раз., II, № 26).

С тех мест, как — «с того времени, как»: И тою мельницею стали мы, сироты твои, владеть с *тех мест, как* нас обложил Петр Тихонович (Хоз. Мороз. I, № 139). Ср. **с тех мест** «с того времени»: ...И травы, государь, *с тех мест* и по се число готовит (Хоз. Мороз., I, № 87).

Докаместа (= *до ка мѣста*) с семантическим сдвигом — «место → время»: ...Чтоб топерво Московскому государству помочь на Полских и на Литовских людей учинити вскоре, *докаместа* Московскаго государства и окрестных городов Литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили и *докаместа* многие люди не прелстилися и крестьянския веры не отступили (Отписка нижегородцев к вологж.). Ср. **докемест** (до кѣ мѣстъ) в пространственном значении: ...И вы б велели из Важские земли отца его Якова Якушкина проводити Важеном, *докемест* будет пригоже... (Грам. ц. Василия, 1606 г.). Ср. *«до тѣ мѣста».

Покаместа (= *по ка места*): ...Или кормить и поить, и рана личить, *покаместа* изживет, тому, чья собака... (Судебн. 1589 г., 53). А с Китайским государством и с Алтыном царем ссылатися им не велено до тех мест, *покаместа* об них подлинных вестей проведают (Мат. пут. Ив. Петлина, 275). *Покаместа* патриарх будет, благословил бы ведать крутицкому митрополиту (Дело Ник., № 7). А до тех де мест, *покаместа* они с московскими стрелцы не виделись, от них, казаков, непослушанья никакого не было (Мат. Раз., II, № 23). А *покаместа* приедут, оставил в аманатех четырех человек салдат (там же, № 30). Встречаются также **покаместы:** А *покаместы* пашня поспеет, и тебе бы их заставить у Исакова в меньшом поле лес чистить (Хоз. Мороз. I, № 54), **покамест:** И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, *покамест* чево было (Перв. челобитн. протоп. Аввак.) и **покаместь:** ...Вели пожаловать — дать льготы, *покаместь* внучата подрастут (Хоз. Мороз., I, № 62). В XVIII в.— Несется через бугры, колоды, пни, ухабы, *Покаместь* головы не сломит ездоку (В. Петров).

Ср. и **до тех мест, как:** ...И тому, кто собаку убил до смерти, стеретчи двора, у кого убил собаку, *до тех мест, как* такову собаку воскормит (Судебн. 1589 г., 52). А к головам московских стрелцов... с приказы писали — велели им, *до тех мест как* казаки с Царицына на Дон пойдут, побыть на Царицыне... (Мат. Раз., I, № 24); **по то время, как:** ...И с Азовом воевались *по то время*, как пришли на Дон послы наши и Турской посол... (Царская грам. на Дон, 1627 г.).

Ср.: «...и *по ся места*, государь, тех детей боярских, которые пошли на твою государеву службу, на Белоозере не обьявливались ни один человек...» (отписка белоозерск. воев. Чихачева, 1614 г.).

Из более редких временных союзов, являющихся продуктами перерождения родственных им союзных сочетаний, заслуживают упоминания еще, например, **по коих мест:** «А *по коих* государь, *мест* на ними, ворами, промыслу не учинить, станут ходить и прелщать безопасно» (Мат. Раз., № 62) [1], где при *по*, вместо винительного падежа,— родительный.

[1] Пример — из статьи А. Г. Кириченко «Снитаксическне особенности документов, связанных с восстанием С. Т. Разина»,— Наукові записки Ворошиловград. Педаг. Інст. ім. Т. Г. Шевченка, том II—III, 1940—1941, стр. 68.

В широком ходу в московской письменности и такие союзы — относительные слова, как: **доколе, докуда, докудова, коли:**

...А велел ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано, *доколе* их яз, князь Василей Ивановичь, пожалую своею грамотою жаловалною (Грам. тверск. кн. Мих. Бор., 1486 г.; приписка на обороте). А ныне иди себе и спокойся, *докуды* мы обдосужимся (Спис. с грам. к ц. Ив. Вас. Константиноп. патриарха, 1561 г.). Да и самому ... с стану не сьезжати до тех мест, *доколе* минетца посольское дело (Наказ ямск. стройщику, 1585 г.). ...А Вифлянския земли нам не перестать доступать, *докудова* нам ее бог даст (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). И король мне говорил так, что у нас было исстари в обычаи, *коли* мы будем в немиру с Московским государем, ино нам было не пропускати никакова человека, а мы тебя отпускаем («Память, что дал царю и в. князю Иоасаф митроп. Евгрипск.», 1561 г.).

В XVIII в. в существенном в обращении те же союзы, кроме **яко** и **докаместа,** причем **покаместа** выступает уже только в виде **покамест** (ср. *до тех мест*, видимо, оказавшее на него влияние)[1] и **покаместь** (вероятно, под влиянием многочисленных наречий с мягким окончанием).

Егда и **донеле** принадлежат сугубо-архаическим стилям или писателям, вроде Радищева, пишущим еще в духе старинного синтаксиса.

В значении союза временно́го предела в настоящее время над *пока, покуда* почти полностью возобладали сочетания их с **не,** обязанные воздействию психологического момента — отрицанию наличия ожидаемого. Вполне возможны, однако, особенно в старинном языке, предложения с союзом границы во времени и без **не** при сказуемом: ...чтоб... торговые всякие люди и с своими товары ставилися б на гостиных дворех, и товар свой таможником являли, а зиме с саней, а лете с судов не складывая и возов не разбивая, *доколе* у них таможники товар их пересмотрят и в книгу запишут... (Тамож. уставная грам. царя Иоанна Вас. в списке,— писана в 1571 г.). См. и некоторые из приведенных выше примеров[2].

з) Союзы результативности (вывода).

Господствующий в московской письменности союз вывода — **ино (ин):** А коли хлебы пекут, тогды и платья моют, *ино* с одого [sic!] сьтрепня и дровам не убыточно (Домостр., 29). На утро

---

[1] В качестве наречной параллели к *покаместа* и под. стоит отметить: А мы и по ся места милостивно от тебя послов с челобитьем ожидали... И про послов твоих слуху нет и по ся мест, быти ли им или не быти (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). ...Вскоре заскорбел и посямест болю (Дело Ник., № 9). ...И вы де, староста и выборные люди, и по ся мест моего жалованья— денег и хлеба ему, Мамлею, не дававыли (Хоз. Мороз., I, № 38).

[2] Подробный обзор значений временных союзов и речений в статье Э. И. Коротаевой «Временное сложноподчиненное предложение»,— Вестник Ленинградского университета, 1953, № 6, стр. 63—93.

пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки, *ино* во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть (Аввак., 113).

Ср. в XVIII в. **ин:** Неведомо мне то, увижусь ли с тобой, *Ин* ты хотя в последний раз побудь со мной (Сумар.) Из поздних примеров в бытовом языке: Кривосудов: ...У нас так водится. Подрядчик (кланяясь): *Ин* буди ваша власть: севодня ж сообщим (Судовщиков).

Позже устанавливается **так что** из «так, что»: И секли их, воров, конные и пешие, *так что* на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать (Мат. Раз., III, № 6).

Но возможно и одно **что:** И тогда около их [царевичей и царевен] по все стороны несут суконные полы, *что* люди зрети их не могут (Котош., 17).

В XVIII в. изредка, возможно, в роли союза результативности (вывода) выступало **как:** В старинной Греции, в Юпитерово время, Когда размножилось властительное племя, *Как* в каждом городке бывал особый цар, И если пожелал, был бог, имел алтарь, Меж многими царями один отличен был (Богданович, Душенька)[1] и **индо;** ср., напр., у Фонвизина в «Недоросле»: Как хватит себя лбом о притолку, *индо* пригнуло дядю к похвям потылицею. У Пушкина в «Сказке о мертв. царевне»: Смотрит в поле, *инда* очи Разболелись, глядючи С белой зори до ночи.

Чаще встречается **то,** которому соответствовало бы современное «так что» или даже «поэтому»:

Но он ответствовал: я, братец, признаваюсь, Что век она жила со мною вопреки, *То* истинно о том не сомневаюсь, Что, потонув, она плыла против реки (Ломон., Притча). Судя по краткости, уверен, что они Писали их резвясь, а не четыре дни: *То* как бы нам не быть еще и их счастливей? (Дмитриев, Чужой толк). ...Лишь младенчество проводим, Уже ко старости приходим, И смерть к нам смотрит чрез забор: Увы! *то* как не умудриться, Хоть раз цветами не увиться И не оставить мрачный взор? (Держ., Приглаш. к обеду). Ты смело Сциллы и Харибды И свет весь прежде проходил: *То* днесь препятств какие виды? И кто тебе их положил? (Держ., Флот). Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; *то* высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя (Радищ.). Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; *то* может ли положительной закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? (Радищев). У нас есть женишок предобрый человек, Притом весьма богат... *То* я тебя прошу, Миленушка мой свет. Прими ты от меня родительской совет И объяви свое к замужству мне хотенье...» (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.). Вы сами знаете, что иск его подложной; *То* как вам требовать сей вещи невозможной, чтоб согласился я,

---

[1] См. Словарь русского языка Акад. наук, IV, I, 288. Не исключена, впрочем, возможность, что здесь как имеет временнóе значение.

всю точность дела знав, Отдать имение ему без всяких прав? (Судовщиков, там же). Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительского благословения, изволь мене отпустить в службу,— *то* мне будет в службе даватса жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). Случися некоторой годовой праздник, *то* российской матрос, убравшись в драгоценное плате... также приказал и людем убратса... (там же)[1].

По-видимому, движение мысли, отражаемое союзом **то** в приведенных примерах из XVIII в., сближало их бессоюзную часть с бессоюзными условными предложениями, имевшими в части выводной (по терминологии античных грамматиков, в аподосисе) именно союзы **то, так**. В дальнейшем такое сближение утратилось, и придаточные предложения вывода (с их союзом **так, что...**)[2] изменили свой характер в сторону предложений, стоящих на границе фразных членений (ср. ритмику: «Мы исчерпали все средства. Поэтому... или: Таким образом...»), причем однако предшествующая им часть не достигла ни внутренне, ни внешне (ср. характер снижения тона) независимости предложений, предшествующих союзу *поэтому* или союзному речению *таким образом*[3].

К церковнославянскому образцу восходит **яко** с инфинитивом: ...Бѣ бо расслабленъ тѣломь, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти... (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) — «...был расслаблен телом, *так что* не мог он ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сидеть...» ...воста время и неукратилася буря, *яко* всему морю возлиятися, с песком смутитися... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.) = «...так что все море всплескалось и смешалось с песком». Такое употребление не исключает, однако, и конструкций вроде: «Видев же Василей казны многое множество... *яко* умом человеческим не возможно описать все суммы» (там же).

В близком родстве с союзами результативности состоят с о ю з ы, в в о д я щ и е г л а в н ы е п р е д л о ж е н и я, с л е д у ю щ и е з а п р и д а т о ч н ы м и.

Древний язык знает два господствующих союза, вводящих главные предложения, следующие за придаточными условия и родственными им,— это **и** и **ино** (изредка **ино-то)**. Оба они сродни друг другу, и употребление их в роли союзов заключительности,

[1] Примеры из писателей XIX в. см. Л. Лобов, Архаизмы в языке Лермонтовской прозы.— Учен. зап. Перм. госуд. унив., I, 1929, стр. 108.

[2] Ср. пример из XVIII в.: Великолепие короны столько ослепляет наши глаза, так что всякий человек охотно желает лишиться всего драгоценнейшего для достижения сего высочайшаго достоинства (Приклон., 71).

[3] Еще архаичнее соединение, когда причинный или условный оттенок вовсе отсутствует в первом предложении, как, например, в древнерусской грамоте рижских купцов кн. Мих. Константиновичу Витебскому, 1298 г.: «послали свое коне из Смоленска у Витебск, *то* ты, княжо, тые коне обизрел, и улюбив еси единого коня...»

бесспорно, развилось из их первоначальной функции сочинительной (сочинительной в узком смысле слова и противительной). По своему происхождению **ино** (ср. *инъ* «другой») должно было вначале иметь противительное значение, хорошо еще сохраняющееся в **ин**; ср. пословицу XVII в.: «Есть собака, ин камени нет» (Бусл.) и **ин, ино** в народном языке: Не все для себя, ино место и другим.

Переходной оттенок имеем еще в **ино** после **а**, напр., у Фонвизина (Бриг.): «Ну, мы, наша сторона дело, а *ино* наплачешься, на нее глядя». Значение «но» известно и из памятников (ср. примеры в словаре Срезневского, вроде: Наг тленных риз сего мира, *ино* пакы одеян бысть одежею нетленною (Похв. Онуфр. Мин. чет., июнь, 179); но в дальнейшем **ино** получает почти исключительно значение союза результативности (вывода). Утрачивая оттенок противоположения действительным фактам, принадлежащий выводу в условном предложении, **ино** приобрело свое новое значение, в конце концов совпав с современным «то». С XVII в. употребление **ино** заметно сокращается, и в XVIII в. оно в литературном языке почти выходит из употребления.

Примеры:

1) Да кто их заимаеть, *и они* ся жалують князю своему (Хож. Аф. Никит.). Да которой родится не в отца, не в матерь, *ини* [и они] тех мечють по дорогам (там же). А книг у меня нет: коли м́я пограбили, *ини* книги взяли у меня (там же). И которых статей впрежних судебниках, и воуказех прежних государей, и вбоярских приговорех ненаписано, *ите* статьи, написав внов, к государю приносили (Улож. 1649 г.). А когда дворецкого не бывает, *и* тогда ведает околничей (Котош., 88). И вам о том госу́дарь как наказал, *и* вы мне скажите (Отчет Я. Молвян.). И в кровли и в суши, *и* тому подворью, и всякому обиходу домовному старостию обетшания нет (Домострой, 61) = = «если покрыто и сухо, то...»[1]

2) А кой не пойдет, ино боялся бы государевы казни (Сказ. о Пск. взятии, 7). А что ся у статка останет, ино то боярину и диаку имати себе (Судебник, 1497 г., 8). А у жены дитя родится, ино бабить муж (Хож. Аф. Никит.). И только нам благоволит бог у вас пострищися, ино то всему царскому у вас быти, а монастыря уже и не будет (Посл. Иоанна Гр. игум. Кир.-Бел. мон., 5). Как которое судно понадобитца, ино бы было готово (Домостр., 55). ...Коли б мы вашей лжи не поверили, ино бы так не сталось (Список с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). А крестьянин у крестьянина на однои деревне межу перекосит или переореть, ино волостелю на нем взяти за боран два алтына денег (Судебник 1589 г., 26). ...А не будет ветров своих, ино струги в тихое время переходят неделю (Хожд.

[1] Другие примеры, из языка первой половины XIX в., см. РЛЯ пп. XIX в., М., 1954 г., стр. 417—418.

на Восток Котова, 77). Рыба покинуть и так побрести, ино лисицы разъедят и домашние гладны (Аввакум, 114). А у прежних де прикащиков так хлеб в ростроенье не бывал, хотя де и роскроет, ино тотчас и покроют (Хоз. Мороз., I, № 100).

Изредка только в роли заключительного союза выступает **а**: Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуща, или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща... (Слово Дан. Заточн., рук. А, XX).— Ср. противительный характер мысли.— А для того, чтобы царство его не оскудело, а войско царское с коня не сседает... (Сказ. о Магм.-салт.).

В языке XVIII и в начале XIX в., сравнительно с нынешним, останавливает на себе внимание относительно частое употребление в начале главного предложения, следующего за придаточным с союзами **лишь только, как только**, союза **и**: Лишь только молвила, и нищий у дверей (Хемницер).

В ряде случаев, при неоформленности (союзом или интонацией) первой части высказыванья в настоящее придаточное предложение,— **ино**, вводящее главное, заставляет воспринимать первую часть как придаточное по замыслу (чаще всего условное); ср.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого бог послал свое подвореице или деревеньку или лавочку в торгу или онбар или домы каменые или варницы или мелницы, *ино* бы было по преж писаному — всякой запас куплен в пору (Домострой, 61). ...Крестиян х твоему государьскому ко всякому делу нарежать н(е)кому, всякоя твое государьская дела ставитца неспора, *ино* я, государь, брожу по дворам крестиян на твою государеву работу повещать (Хоз. Мороз., I, № 138). Характерны случаи с более четкой интонацией условия в главном: Да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, *ино* лесница не угрязнится (Домострой, 38). Потирало чистое положить, а грязное прополоскать... *ино* то у добрых людей у порядливой жены всегда дом чист и устроен... (Домостр., 38). А вино крестьянину сидеть или пиво варить часто, *ино* не прибыльно, убыточно (Хоз. Мороз., I, № 149). Жених замолчал, *ино* сват заворчал (Стар. сборн., 959).

Ср. и: Хотя бы с вами, первыми послами, царь Белой послал нашему царю Тайбуну что не великое: не то дорого, что поминки,— то дорого, что Белой царь ко царю дары послал,— *ино* бы де наш царь вашему царю с своими послами противно так же послал, да и вас бы де, послов, пожаловал... (Мат. пут. Ив. Петлина, 294).

И, наконец, ино **(ино-то), ин** сближаются по значению с союзом фразного членения «таким образом» и под.: описав привольную жизнь Шереметева и Хабарова в монастыре, Иоанн Грозный замечает: *Ино* почто в чернцы, как молвити: «отрицаюся мира?» (Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон.).

Как черта народной речи **ин** употребляется в комедиях XVIII в.: Мельник: Стой же плотно. Филимон: *Ин* добро, быть так

(Аблесимов, Мельник...). Мельник: Не утай, не утай ничево... Филимон: Ну, *ин* быть так, правду молвить... (там же).

Не трогать? Ну *ин* я ее не трону (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

С выводом целевого характера может выступать **ино бы**: А толко не виновато дело, *ино* оговорщиком не попущати, *ино* бы впере [sic!] вражда не была (Домострой, 38).

Характерно, что древнерусский язык не чуждается скоплений **ин, ино**; ср.: ...А кому будет стати, едучи через Романову слободку, *ин* станет у Савы, у старца в селе, *ин* даст ему корму, что будет пригожь (Жалов. грам. белозерск. кн. Мих. Андр. Кириллову монаст., 1448—1469 г.). А только тех дву воль не сотворите, *ино* как государю бог по сердцу положит, *ино* у него много силы готовой, то кровопролитие на тех будет, кто государевы воли не сотворит (Сказ. о Псковск. взят., 9). А к тебе есмя писали, чтобы ты узнался да прислал послов, ино бы приговор о всем был как непригожю [sic!]. *Ино* ты гордостью не прислал послов, *ино* потому и кровь льетца (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. кор., 1573 г.). Воевода воеводе... велят деньги править полно, и тово, что и прогонов на них не правил, не безчестье на нем попу и мужику взять, *ино* было порание того деньги к Москве прислать, *ино* б от воеводы для денег и присылки не было (Письмо кн. Н. И. Одоевского, 1650 г.). Ср. и приведенный выше пример из «Домостроя, 38».

Очень близко в подобных случаях к противительному оттенку **но**: И реша унейшии Урусобе: аще ты боишися Руси, но мы ся не боим... (Лавр. летоп., под 1103 г.).

Реже в древнерусском в московских памятниках в роли союза заключительности встречаем сделавшееся теперь господствующим **то**:

Есть в том Алянде и птица гукук... а на которой хоромине седить, *то* тут человек умреть (Хож. Аф. Никит.). А толко по вине и по обыску по прямому, а не каетца во грехе своем и о вине, *то* уже наказание жестоко надобеть (Домострой, 38).

В церковнославянизированных текстах, где употребляется оборот дательный самостоятельный (дательный с согласованным причастием в смысле сокращенного придаточного предложения), **и** точно так же иногда вводит часть, заключающую главное предложение: Умершу же тому воеводе на Мутьянской земле, *и* краль посла к нему в темницу (Драк., 15). Живущу в Мутьянской земле, и придоша на землю ту туркове (там же, 16). Ср. и **да**: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, *да* те ж наши изменники возмутили народ... (Посл. Иоанна Гр. Курбскому, 13).

Союз **то** в значениях «ну так, так, а» не редок в памятниках церковнославянских и домосковских как вводящий фразу, чаще всего вопросительную, связанную с мыслью только что высказанного: Он же рече: *то* где есть земля ваша? (Пов. вр. л., под

6494 г.,— Срезн.). Рече же Володимер: *то* (в) кое время сбысться и было ли се есть? (там же).

С XVIII в. в русской литературной речи **то** устанавливается почти как единственный союз заключительности (изредка наряду с ним употребляется еще **так**).

Современному литературному языку при выдвинутом вперед придаточном предложении цели чуждо употребление союзов в главном. В XVIII в., однако, и в первых десятилетиях XIX в. еще можно встретить в таких случаях **то**, начинающее главное: Чтоб хранить важное дело тайно, *то* не довольно, чтоб ничего об оном не говорить (Приклон., 66). И дабы в том лучше успеть, *то* не хотел я даже и показать себя господам каширским дворянам... (Болотов). А чтобы вернее их выжить, *то* вырубил и продал свои леса (Крылов, Похвальная речь дед.). Чтоб видеть его, *то* надобно поднять две доски (Карамзин). Чтоб плод тебе твои труды желанный дали, *То* надобно... (Крыл.).

Из оригинального употребления XVIII в. при различных придаточных предложениях ср.: И хотя секретарь в коллегии гласу не имеет, *то* однакоже надлежит ему коллегии по всей возможности надлежащее уведомление давать... (Генер. регламент, 1720 г.). ...И как бы ветр меня по понту ни носил, *То* верь, дружечек мой, что я не ослабею... (В. Майков, Корабль и Лодка). Некоторый командир никогда не жаловал прозб о награждениях; *то* некто подчиненной вздумал ему доложить так... (Кург., стр. 191). См. и в первой половине XIX: Красавица, умна, скромна, послушна, И, что милей всего, *то* очень простодушна (Измайлов, Простодушная).

Общие замечания о подчинительных союзах.

Обзор подчинительных союзов древнерусского языка сравнительно с современными позволяет сделать следующие выводы:

1. Большинство выживших союзов представляет собой не что иное, как застывшие формы именительного-винительного и творительного падежей относительных местоимений (**что, чем**); сочетания с предлогами **за, от** и **по** местоименных же указательной и относительной частей главных и придаточных предложений (**затем что, оттого что, потому что, пока**); относительные наречия (**как, между тем как, так как, так что, покуда**).

Вообще можно сказать, что из старых относительных местоимений в союзах выжили только восходящие к корням с основами **къ- — ко-, чь- — че-**, до сих пор выполняющими вопросную функцию.

Другую группу составляют местоименные образования с превратившимися в частицу формами глагола *быть*: **чтобы,** затем — **чтоб, кабы** и комбинации этого же глагола с частицею *ли* — **если, если бы**, вероятно **ежели**, включающее еще *же*, **ежели бы** и включающее *то* — **будто.**

Роль заключительного союза (союза-вывода) на себя приняло бывшее указательное местоимение **то.**

Особняком стоят в системе:

1) Уступительные союзы: **хотя (хоть)**, связанное с глаголом, в ряде славянских языков легко переходящим в формальный (ср. др.-р. «хочем помрети» = «умрем» и под., сербск. биħу «буду бить», по происхождению «хочу бить», знаħу — «буду знать», болг. ще бия, ще неса; *ще* — из *хоще*), и **пусть** из *пусти* — ср. немец. laβen «пускать, пустить» в роли вспомогательной частицы при повелительном наклонении, и под.

Союзы эти занимают особое место и в том отношении, что с главным вводимые ими придаточные предложения может соединять еще другой союз — **но, однако** и под.

2) Ограничительные союзы-наречия **только, едва, лишь (лишь только)**, которым в сочетающемся с ними предложении соответствует обыкновенно **как.**

Что касается союзов иного образования,— **дабы** и **ибо**, то первый почти вышел из употребления, а **ибо**, чуждое разговорному языку, в письменном сохранено более или менее искусственно. Ветшают одинаковые сочетания **коль скоро, даром что.**

2. Русские союзы развивались в тесной связи с наклонениями служебных глаголов: с сослагательным (условным) — **чтобы, кабы, если бы, ежели бы** (союзы цели и условия), с повелительным — **будто, хоть, пусть** (союзы изъяснения с оттенком допущения, союзы сравнения и уступительности).

3. В состав союзных образований вошло только несколько существительных неместоименных с наиболее абстрактными значениями «пора», «время», «место» и «мера» — с **тех пор как (с тех пор)** и под., в **то время как, покамест** (др.-русск. **покамѣста), по мере того как.**

4. Старинное многообразие союзов, во многом отражавшее диалектное дробление, сократилось. Ряд бывших раньше в обращении союзов отошел к «народным» стилям литературного языка: сравнительные **что, словно**, условные **коли, кабы** и под.

Едва ли не единственным приобретением в области союзов является сильно окрашенный аффективностью условный союз **раз** «если уж».

5. Функции союзов уточнились — за относительно немногими исключениями, они специализировались в определенных значениях, Положение, подобное тому, которое отражает, напр., Синод. список I Новг. летоп., когда союз **яко** выполняет функцию изъяснительную, заключительную, причинную, сравнительную, целевую и временну́ю, чуждо современной речи.

Остатком былой неразграниченности являются еще немногие союзы: стареющее в некоторых функциях **как** со значением времени: Под ним (как начинает капать Весенний дождь на злак полей) Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей (Пушк.); почти вышедшее из употребления **как** причин-

ное: ...А как она была проворная баба и на все мастерица, то он полюбил ее и сделал ключницей (Акс.); **чтобы** после отрицательных главных: Не верю, чтоб дочери бедной своей Ты сам не одобрил решенья (Некр.).— О неразграниченности, разумеется, не приходится говорить по отношению к случаям близости самих выражаемых союзами значений (время — условие — причинность; условие — уступительность)[1].

§ 15. Деепричастия.

Деепричастие во всех славянских, как и в других индоевропейских языках,— категория новая, развившаяся относительно поздно в особной жизни этих языков. По своему происхождению деепричастия сплошь восходят к причастиям.

Возникнув, как уже было указано, из так называемых аппозитивных причастий, т. е. из глагольных прилагательных, которые согласовывались с подлежащими, но вместе с тем тяготели к сказуемым,— деепричастия в том отношении еще и до сих пор обнаруживают свое происхождение, что предполагают как действующее лицо — лицо подлежащего. Отсюда — известное правило, установленное уже М. В. Ломоносовым («Росс. грамм.», § 467), о том, что нельзя, в духе иностранных языков, употреблять в предложении два разных подлежащих: одно — при деепричастии, другое — при сказуемом. Развившиеся на русской почве деепричастные обороты генетически соответствуют таким древнейшим причастиям, как: И тако скончася блаженый *Борис*, венец *приим* (прием)... с праведными (Лавр. спис. летоп., под 6523 годом), т. е. «принявший» с переходом к значению «приняв»; «...явишася *отци* наши акы светила, иже сияють и по смерти, *показавше* труды великыя и въздержанье...» (там же, под 6582 г.), т. е. «показавшие» с переходом к значению «показав»[2].

Исстари, однако, большая предикативная сила деепричастий приводила к тенденции употреблять их как своеобразные эквиваленты придаточных предложений с возможным самостоятельным подлежащим, тенденции, известной и народному языку (И только видели молодца сядаючи, и не видели его поедучи; Сгарели,— сгаремши, карова пала): в «Русской правде»: ...познает ли надолзе, у кого *купив*, то свое куны възметь (321—324); ...вывести ему послухы любо мытника, перед кымьже *купивъше* (357—360).

[1] Украинский материал по союзам, полезный для сравнения с русским,— см. в статье «З історичних коментаріів до української мови» (Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них»,— Наук. записки Київ. держ. унів., V, вип. 2, 1946 р., стр. 31—72.

По вопросу о путях развития русских союзов см. и автореферат докторской диссертации Э. И. Каратаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия», Л., 1951.

[2] В одном из списков, соответственно этому уже с нарушением согласования, т. е. с признаком перерождения в настоящее деепричастие,— *показавши*.

В одном из вариантов Лаврентьевского списка летописи в соответствии первоначальному тексту: «...и слышаша блаженого Бориса *поюща* заутреню», т. е. «и слышали блаженного Бориса поющего заутреню»,— «поюще», т. е. уже деепричастный способ выражения.

Та *грамота послана* ис походу великого государя з дороги, *идучи* из Ливонские земли, Немецким писмом... (Спис. с грам. Иоанна Гр. к шведск. королю 1573 г.). А где которой троецкой *крестьянин* сыскан и в которой в троецкой вотчине, *вывезши, посажен*, и то писано подлинно под теми селы в свозных книгах... (Свозн. кн. бегл. крестьян, 1614 г.). ...И закрепити тот список святейшему патриарху Московскому и всея Русии, и митрополитом... А *закрепя* то уложение руками, *указал государь* списати в книгу (Улож. 1649 г.). И те воры..., поимав его, повели в город... и, *приведчи* в город, *собралося* их, *воров*, болши 5000 человек (Котош., 103). И *отстав* от них, астараханских служилых всяких чинов людей, сорок семь человек и, выговоря тем людям их воровство..., *велели* их написать в прежние чины за поруками... (Мат. Раз., II, № 24). А *укрепя* город, *был* у него, Стенки, под Царицын *круг* (там же, I, № 9). А татарина Обраима поймал Олешка Стрижов, и, *поймав, сидел он* у Егорка Шумова одни сутки (Розыскн. дела о Шакл., I, 122). И *я*, Ивашко, по той наказной памяти, *взяв* с собою в понятые старосту... да крестьян Фоймогубской же волости... и с теми людьми, не доходя деревни Харловой за полверсты, прежние *отбойщики* Евстратко Прохоров с товарыщи со многими людьми, увидя *нас идучи* к себе, и учали крычать, что-де «вы к нам не ходите, будет дурно и живы не дадимся» (Отписка подьячего Ив. Бурнакова 1687 г., Креп. мануф., II). Ср. и: ...и потом *царь* поздравляет их *сочетався* законным браком... (Котош., XIII).

Особенно частым делается такое употребление деепричастий в XVIII в., вероятно, у ряда авторов не без поддержки впечатлений французского языка: *Приехав* в Белев, попалась нам хорошая квартира (Фонв., Пис.). *Смотря* иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу ... у меня волосы дыбом становятся (Радищ.). *Родясь* с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращалися всегда на искомые предметы (Радищ.). *Увидев* же множество ветчины, тотчас сварен был оной целый окорок (Болотов). Особенно характерны случаи вроде: ...Явно бо, что книжку раб *дая* ей такую, Другом добродетели весь свет признал тую (Кант., Елисавете Перв.). Не *успев* Тит растворить уст, Трофим дивится Искусной речи его (Кант., Сат. III). Не ведал Сорогон, что подло я *алкая*, К казне его моя рука простерлась злая (Хемн.). Заходит такое употребление и в XIX в., и характерно, что мы встречаем его в это время главным образом у авторов, хорошо знающих французский язык (у Пушкина, Л. Толстого, Писемского). Часто оно, впрочем, и у И. А. Крылова. О неправильности подобных конструкций Ломоносов писал (Рос.

грам., § 467): «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастие от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем. Но многие в противоположность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мной приятель...*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение».

В древнерусской письменности часты сочетания деепричастий с относящимися к ним второстепенными членами и вводимых союзами **и**, а определенно сказуемных предложений. Эти сочетания производят впечатление фраз, состоящих как будто бы из двух предложений. Самый распространенный тип таких сочетаний — с тем же самым подлежащим и с деепричастием прошедшего времени, предшествующим союзу **и**, **да**, **а**. Лишь изредка встречаются сочетания с другим расположением частей одной относительно другой:

А которыи боярин поедет ис коръмленья от тебе ли ко мне, от мене ли к тобе, *а* службы не отъслуживъ, тому дати корьмленьє по исправе, а любо служба отъслужити єму (Докончание вел. князя Дмитр. Ив. с князем серпух. и боровским Влад. Андр., около 1367 г.).

А што ти слыша ото крестьянина или поганина о нашем добре или о лисе, *а* то ти нам поведати в правду... (Догов. грам. вел. кн. Дмитр. Иван. с вел. кн. тверск. Мих. Александр., 1375 г.). И нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо, *и* скакаше во полцех поганых в татарских (Задонщ.). А поставя на поляново нововыборного, *и* принимают у него шапку, и с него кушак и рукавицы (Урядн.). А ты сам о том правду написал, что Керстан Датцкой дородной король взял был дородством Свейское королевство, да оставя своих бояр тут, *да* поехал на свое государство в Датскую землю, и отец твой Гастаус, зговоряся с прежними правители Свейския земли, *да* пригнался из Щмолант с коровами, да Керстеновых короля Датцкого бояр побил, а сам королем учинился (Спис. с грамоты Иоанна IV к шведск. королю 1573 г.). «...и я в Володимире собрався с дворяня (sic!) и с детми боярскими, *да* пойду с ними на государевых изменников сам в Муром тотчас (Пис. М. Вельяминова к гетм. Яну Сапеге, 1608 г.)[2]. А прочет сию грамоту, *да* отдай назад

---

[1] См. и нынешний диалектный материал — «Доклады и сообщ. Ист. языкозн. АН СССР», X, 1956 г., стр. 119.

[2] В XVIII в. относительно часты такие сочетания у В. Майкова (Елис.): Он вставши со одра и свечку засветил.— Он вынувши перо и пишет имена.— К Силену обратясь и так ему вещает.— Тут Мом пристав к речам и к шутке их подладил.— Оставя важные дела, и прял куделю.—Но сын не слушаясь ее, и власть берет.

игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братии (Грам. белозерск. кн. Мих. Анд., 1454—1455 г.). И ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета, *да* пойди в Гундустаньскую землю (Хож. Аф. Никит.). Борзее отделавшися, *да* домой ходи (Домострой). ...А чему наши волостели не учинят исправы, и нам склався *да* учинити исправу без перевода (Догов. грам. в. кн. тверск. Бориса Александр. с в. кн. литовск. Витовтом, 1422 г.). А не будет у которого татя столко статков, чем истцово заплатити, ино его, бив кнутьем, *да* истцу в его гибели выдати головою, на правеж, до искупа (Судебн. 1550 г.). А не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему свой иск доправя, *да* того татя привести к судие... (там же): ср. в предшествующей фразе: ... А истца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его бояром...[1]

Предшественниками этих оборотов были такие же сочетания, где формы, параллельные сделавшимся деепричастиями, были еще причастиями (согласуемыми глагольными прилагательными). Потебня (Из запис. по рус. грам., II[1], стр. 185 и след.) в этих конструкциях справедливо видит «частный случай того, что можно назвать недостатком связности предложения в древнем и народном языке, сравнительно с нынешним литературным. Союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения». **И**, **а** в подобных фразах, по его толкованию, «...усиливают отношение последовательности во времени, вытекающее уже из времени причастия (деепричастия)— «въставъ и рече» собственно значит: «вставши, потом сказал». Как бы однако ни представлять себе наиболее старинный смысл таких оборотов, имеющих очень давние параллели себе в других индоевропейских языках (ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксические наблюдения, вып. 1, 1899, извлеч. из «Журн. Мин. нар. просвещ.» 1897—1899 г., стр. 33 и дал.), для языка московской письменности приходится считаться с, вероятно, сильно тяготевшим над подобными оборотами влиянием параллельных сочетаний — с настоящими придаточными предложениями, за которыми шли в древнерусском главные, тоже начинавшиеся с **и**, **а** и **да**, и сочиненных предложений, из которых второе означало последующее событие, противление и под. Если, как заметил Потебня (там же, стр. 191), «такого союза обыкновенно не бывает после причастия настоящего» (однако не без исключений, что́ отмечено им же), то это всего легче понять, приняв во внимание значительно более редкое употребление в придаточных предложениях заменяемых деепричастными оборотами форм настоящего времени. С этой же точки зрения понятно, что **а** редко вводит деепричастные сочетания, следующие за сказуемною частью (Послаша псковичи воевод своих, а крестное целование правя, Пск. I, 216), так как подобным конструкциям по существу

[1] О глубокой старине этой конструкции, засвидетельствованной памятниками сербского, западнославянских языков и известной литовскому, см. Потебня. указ. соч., II, стр. 189.

не было параллелей в сочетании главных и придаточных предложений. Влияние конструкций с придаточными предложениями и сочиненных, где второе выражало последующее действие, противление и под., позволяет понять характер мысли, действовавший в случаях с разными подлежащими при деепричастии и сказуемом; ср.: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские, и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Псковск. взятии, 10) — мыслилось: «и вошел Третьяк...» — И которые послы или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили (Котош., 85) — мыслилось: «...ведают... и страшатся...» Ср. еще: И много она, государыня, кричав и причитав и жалостно и умилно глаголя, и предстоящие тут люди и жены всего царского двора плакаху без утешения (Памятн. Смутн. вр., 769). Такой же характер построения отражается и в архаизирующих конструкциях (срывах со старославянских образцов) вроде: ...Нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив (Посл. Иоанна Гр. кн. Курбск.).

Контаминация построения с придаточным предложением и другого — с деепричастным оборотом отражена, напр., в фразе (Хожд. на Восток Котова, 83): От города от шамахи полдни ходу через гор [sic!] высоко добре, и, как горы перешед, итъти два дни степью до реки куры.— Как любопытный случай стоит особо отметить: И стояла рать под градом месяц, и людей з голоду и з безводья погибло много, потому что на воду смотря, *а* взять нельзе (Хож. Аф. Никит.).

Примеры, вроде: А николи же бы слуги государыни не будили, государыня бы слуг будила, а ложася бы спать, всегды от рукоделия молебная совершив (Домострой, 29), представляют, по-видимому, только анаколуфы (невольные смешения конструкций).

О влиянии на деепричастные конструкции инфинитивных с дательным падежом свидетельствуют примеры, впрочем не частые, вроде: «А что *ми слышев* о твоемь добре или о лисе от хрестиянина ли от иноверца, то *ми* тобе *поведати* в правду...» (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с кн. галицким Дм. Юр., 1436 г.)[1].

---

[1] В иародиых говорах, особеиио севериых, деепричастиые формы иа **-ши**, **-вши** широко распростраиеиы также в качестве сказуемых. Заслуживают виимаиия замечания В. И. Чериышева (Труды Иист. русск. яз. Акад. иаук СССР, I, 1949, стр. 230): «Отсутствие деепричастий-сказуемых в северных былииах можно объяснить только тем, что былины существовали раиьше развития этой черты в местных северных говорах, или же тем, что былииы держались в том слое иаселеиия, который ие зиал этой черты. Замечательио присутствие в малой степени — даниых форм в причитаииях, которые сложились, очевидио, позднее и ие имеют значительиой устойчивости текста».

Верио отмечает Чериышев же (стр. 231), что «данная форма... созиается или правильно употребляется говорящими для озиачеиия раиее или давио прошедшего времеии и указаиия ие столько действия, сколько состояиия предмета».

Иногда в придаточном предложении для пишущих функция деепричастия может и вовсе стираться; ср., напр., в памятнике невысокой грамотности — «Гистории о росс. матросе Василии Кориотском...»: ...а королевне нанел девиц самых лепообразных тритцать, которых зело украсив ...и начаша думать о росийском матросе, чтоб ево поставить во атаманы, понеже видев же его молотца удалого и остро(го) умом (там же). Потом разбойники приехавши з добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому... (там же)[1].

Но, конечно, для XVIII века фраза «Некто старый вождь, *идучи* в походе со многими молодыми Князьями, коим было то новым танцом. Тогда один Князек имея, в команде лучшей полк, сказал сему старику...» (Курганов, 199) — не что другое, как частный пример неуклюжего построения, возможного, как видим, даже в книге, среди другого претендовавшей и на то, чтобы быть пособием хорошего слога.

§ 16. Повторение предлогов.

Одно из характерных явлений старинного синтаксиса, лишь постепенно уступившее место новой упростительной тенденции, — употребление того же самого предлога при приложении и слове, с которым оно согласуется: Село Семеновьское Володимерьское волости, что есмь купил у Овци у Ивана... село в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дрюцьского... (Духовная в. кн. Сем. Ив.). И с Колязина поидох на Углечь... и князь велики отпустил мя всея Руси доброволно, и на Плесо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместьнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву, пропустили доброволно (Хож. Аф. Никит.). Августа во 2 день Антоней и Яков пришли в город в Венецею... (Отчет Як. Молвян.). ...А которая де государева грамота у них на тое землю была и та де государева грамота у ямщика у Бориска у Плешкова згорела... (Писц. книга по Нижн. Новгор., 1621—1629 г.). ...И чернцы Кирило и Боголеп и Иона

[1] В. И. Борковский (Русск. яз. в школе, 1951, № 2, стр. 75—76) склонен придавать большое значение самостоятельной предикативности древних причастий и не видит полезности в допущении влияния на рассматриваемые конструкции образцов придаточных предложений. Ссылается он и на то, что «в современных территориальных говорах деепричастие (точнее — неизменяемая форма причастия) употребляется в роли сказуемого (но не второстепенного, как в древнерусском языке, а главного, являясь именной частью составного сказуемого), в частности в говорах московской и близлежащих областей». Он не учитывает при этом того важного для данного вопроса факта, что древнерусский оборот, о котором идет речь, представляет прямое продолжение древнейших, уже дославянских конструкций и продолжает старинный тип своеобразного сложного предложения, тогда как севернорусское употребление в роли сказуемого неизменяемой формы причастия прошедшего времени, к тому же — со специальным значением, со сравнительно-исторической точки зрения — явление в языке новое. Этим различием и определяется предложенное толкование, оспариваемое Борковским.

и дьячок Якушко посланы в Кирилов монастырь с сотником стрелецким с Иваном Рыкачовым Кирилова ж монастыря на подводах... (Грамота 1647 г.).

В примерах: Се яз, князь великий Семен Иванович всея Руси, с своею братьею молодшею со князем с Иваном и с князем Андреем целовали есмы межи собе крест у Отня гроба (Договор. грам. в. кн. Сем. Ив. с братьями, 1341 г.). ...И те чернцы ризничей Кирило Муромец и черной поп Боголеп и Иона Зуй и дьячок Якушко Сизма в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред боярином нашим пред Григорьем Гавриловичем Пушкиным, да перед дьяком Григорьем Ларионовым винились... (Грамота 1647 г.). ...С стацким министром, секретарем королевским чужестранных дел, с господином с маркизом де Торцием... (А. Матв.) — наряду с указанным употреблением предлогов, имеем такое же, как и в современном литературном языке.

Родственное явление — повторение предлога перед прилагательным и местоимением-прилагательным, следующим за именем существительным:

...А ис конь из своих из ездовых велел есмь дати своеи княгини пятьдесят конь (Духовная в. кн. Сем. Ив.). А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, и им судити... (Судебн. 1497 г., 38). И со княгинями бы еси и з боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилося и жывет ли таково у детей у малых (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1530—1552 г.). А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан из камени из чернаго (Хож. Аф. Никит.). Да у нас же, за грех за наш, моровая поветрея (Письмо дочери Бор. Годунова Ксении, 1609 г.). Пожаловал меня в поручики в морские галерного флота (Зап. Неклюдова).

Значительно реже это наблюдается при существительных, которым прилагательные предшествуют: На байрам на бесерменский выехал султан на теферичь, ино с ним 20 возырев великих, да триста слонов, наряженых в булатных в доспесех (Хож. Аф. Никит.), и при втором прилагательном, предшествующем существительному: ...А иныя слугы с великими с прямыми лукы да стрелами (там же). А похочет тот холоп к своему старому государю, и того холопа явить бояром (Судебн. 1550 г., 80).

Это же повторение предлога составляет правило для числовых названий: Со сто з дватцать тысечь рублев в год (Котош., 89).

Ср. и: Как жеребцов, так протчих стоялых лошадей зимою держать всегда подкованых немецкими широкими подковами *с гладкими с двумя шипами* (Регула о лошадях, XVIII в., 18). И сейчас эта особенность старинного синтаксиса хорошо сохранена в некоторых говорах; см. Н. П. Гринкова, Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах, — Язык и мышление, XI, 1948, стр. 91—103.

§ 17. Отрицания.

При глагольных и входящих в систему глагола формах, если в соответствующую грамматическую пару уже входило **ни**, в древнерусской письменности борются тенденции книжные (церковнославянские) — опускать **не**, с народными, в конце концов победившими в современном языке[1],— **не** употреблять: ...Зернью играют и пропиваются, *ни службы служат*, ни промышляют... (Стогл., 10). ...Правды же и суда, и милостивыя любве, и ратнаго строя *николи же позабывайте* (Урядник) ...Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, *никто же зазрит, никто же похулит*, всякий похвалит... (Урядник, 2). ...и в город Кремль бояр и верховых людей *никого пущаху* («Созерц. краткое» С. Медв.). Ср. в том же самом тексте 1660 г.: Как он патриарх, превысочайший святительский престол Великия России оставил своею волею, *никем гоним* — и: ...А престол де он святительской оставил своею волею, *никем не гоним* (Дело Ник., № 5).

В XVIII в. **не** иногда отсутствует в сказуемом при отрицаемых других членах у писателей, отражающих влияние языков греческого (через церковнославянские образцы) или латинского: ...с варварами, что ни против кого стоять могли (Воинский устав, 1716 г.). ...Ибо всебезпорядочный, варварский обычай смеху есть достойный и никакого добра из оного ожидать возможно (там же). В сенате никакое дело исполнено быти надлежит словесно, но все письменно... (Указ Петра I «О должн. Сената», 1772 г.). ...ни отечеству добры, ни людям приятны (Кант.). ...хотя внутрь никто видел живо тело (Кант.). ...один другого добру никогда завидит (Кант.) = «...никогда **не** завидует». Между тем он с того зла ни кую надежду Себе ждет (Кант.) = «не ждет никакой надежды». — Ср. и при управляющем прилагательном: Вот какой плод происходит от таковых беспутных и ни к чему годных учителей (М. Данилов). Ты ни к чему годный мужиченка! смеешь ли ты насмехаться над барским егерем? (Плавильщиков, Бобыль). Ср. и более старый случай: «*Ни радость вечна ни печаль бесконечна*» (Стар. сборник,— № 1656).

Ни выступает в древнерусском языке при словах, управляемых глаголами или инфинитивами с *не*, только начиная со второго отрицаемого члена: ...Нам князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детий (Догов. грам. в. кн. Сем. Ив. с

[1] При этом необходимо, однако, не упускать из виду, что частично древнерусское опущение *не* в некоторых случаях, когда мы его имеем в памятниках, отражающих разговорный язык, может быть фактом и русским, диалектным, имеющим параллели в сев.-русских говорах; так, напр., Ты как хочеш и з женою, нехто ее у тебя пытает («никто ее у тебя не требует»); И коли б ты хотел правдою жити, и ты б прислал ко мне послов, а то ты кровн желаеш да безделье говориш и пишеш, нехто тебя пытает (в «Списке грам. Иоанна Гр. к шведск. королю, 1573 г.») — по всей видимости, параллель к еще недавнему диалектному употреблению: «Нехто ему велел» и под. (См., напр., Якуньково, б. Макарьевского уезда, Костромск. губ., Матер. для изучен. великорусск. говор., VIII, стр. 134). Ср. Даль (Толк. слов.) о *некто́* «никто не».

братьями). ...А ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыты... (Хож. Аф. Никит.). А про всяку вину по уху, ни по виденью не бити... (Домостр., 38). А с слугами бы государыня пустошных речей ни пересмешных отнюдь не говорила (Домострой, 33). Ср. еще в XVIII в. напр., у Кантемира: Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину?..—Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил, Кто грамматических не знает свойств ни правил... (Сумар.). Родства не знает, ни приязни (Радищев, 189). Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город (Радищев, 13). Не знаешь клетки ни оков (Карамзин, К бедн. певцу). К средине XIX в. подобные случаи делаются всё реже: И нет извне опоры ни предела (Тютчев), и под.

В XVIII в. были возможны сочетания вроде: Однако дождь *и* снег, *ни* бурный ветер, *ни* град Героя нашего в сих латах не вредят... (Чулков, Плач. падение стихотворцев).

Подобные же отношения имеем при примыкании инфинитивов: Не ты ли, не возмогши прельщением *и* обещаниями уловить ее невинности, *ни* устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника своих мерзостей? (Радищев, 134).

При двух отрицаемых сказуемых в древнерусском первое стоит с **не**, другие — с **ни**: И вам бы не презрети, ни восхотети видети поруганну образу... (Воззв. моск. людей). ...И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали ни слыхали (Мат. Пут. Ив. Петлина, 295). ...А своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе нечего не прибавливати ни убавливати (Улож. 1649 г.).

В современном нам языке повторяемые **ни** (союз) при глаголах-сказуемых вышли из употребления: мы заменяем их повторными **не**: ...стоял под градом 20 днии, и рать ни пила ни ела... (Аф. Никит., стр. 49). Верными старине мы остаемся только при примыкающих формах глагола — инфинитивах: Не мог ни говорить ни думать; Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть (Крылов). XVIII в. и начало XIX еще свободно пользовались в первом случае повторяемыми **ни**: А ведь ворон ни жарят ни варят (Крылов, Ворона и Курица). Сидит, молчит, ни ест, ни пьет И током слезы точит (Пушкин, Наташа).

Употребление **ни** или **и** в значении усиливающих отрицание («даже») в XVIII в. и в начале XIX в. не всегда совпадает с нынешним. Соответствующие факты фразеологичны, ср: ...Соотечественники Вольтеровы не имеют, может быть, ни двух истинных трагедий... (Карамзин, Письма русс. путеш.) = нынешнему «и двух истинных трагедий» (при «ни одной истинной трагедии»); Поверьте не хочу ни мраморных палат (Дмитриев, Причудница).

Наоборот: «Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты, но она никому не подавала *и* малейшего повода» (Пушкин, Метель), — употребление, возможное и теперь, но чаще заменяемое *ни*.

Аналогии тому и другому употреблению могут быть указаны уже в древнерусском языке, например, в договорной грамоте вел. кн. Дмитрия Иван. с вел. кн. тверским Мих. Александр., 1375 г., где рядом стоят: А имут нас сваживати татарове и имут давати тобе нашу вотчину, великое княжение, и тобе ся не имати *ни до живота* и: А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати *и до живота.*

Экспрессивное отрицание в настоящее время обычно усиливается в духе тенденций славянских языков частицей **ни**, реже **и**. Писатели начала XIX в. тут иногда обходились без той и другой: А проку на волос нет в них (Крылов, Март. и Очки) — «нет проку ни на волос», «нет проку и на волос».— Подробности малейшей не забуду (Гриб.). Не позволял себе малейшей прихоти (Пушк.). — Буслаев в этих примерах считал одинаково возможным употребление с частицами и без них.

Конструкции с **ни** при относительных словах с более или менее выразительным оттенком уступительности известны русскому языку издавна: А колько вытей в приставной ни будет, и недельщику езд один до того города, в которой город приставная писана (Судебн. 1497 г., 28), и под.

Почти до последних десятилетий XIX в. в ходу было усиленное **ни** в виде **ниже** («ни даже»). Ср. «...князь Никита (Одоевский — человек прегордый, страха божия в сердце не имеет, божественного писания *ниже чтет, ниже розумеет...*» (патр. Никон). В XVIII в. оно могло просто представлять собой второе отрицание (иногда с предшествующим и): У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить (Юности чест. зерц., 3). ...А когда и говорить им случится, то должны они благоприятно, а не криком, ниже с сердца или с задору говорить (там же, 4). И не дерзостно отвещать: «да, так» и ниже вдруг наотказ молвить: «нет»... (там же, 6). Судя по древнерусскому, не исключена возможность, что союз этот — западнорусского происхождения.

Ср. **ниже** в позднейшем употреблении: ...Но бедняка никто не только что не встретил, *Ниже* никто и не приметил... (Хемницер) ...Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, *ниже* самой смерти (Радищ.). ...Нет, никогда я зависти не знал. О, никогда, ниже когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, *Ниже* когда услышал в первый раз Я «Ифигении» начальны звуки (Пушкин). Ничего не дам, *ниже* одной крошки (Даль).

В общем можно констатировать, что совершившиеся в истории русского литературного языка изменения в употреблении частицы **не** и союза **ни** сводятся к двум главным чертам:

1. Рационалистические конструкции греческого, латинского и других европейских языков с одним отрицанием не привились, как чуждые народной речи.

2. **Ни** стало по преимуществу парным союзом **(ни...ни)**, усиливающим экспрессивность отрицания.

§ 18. Частицы.

Употребление частиц в древнерусском представляет некоторые характерные особенности.

1. Особенно примечательно **же** после глаголов и сказуемых в значении современного *тоже*, *также*. Теперь употребление **же** в этом значении сузилось до роли частицы при местоимениях и местоимениях-наречиях: **тот же, туда же, там же,** реже — при именах: Это сделал *Иван же* («тоже Иван»). И пять метров *красного же* шелку.

В древнерусском **же** в том же значении очень часто и при глаголах, resp. сказуемых вообще:

Сколько чево ис села или ис торгу привезут, и записати... Или кому гос(по)дарь велит что дати, то все записати *же* (Домострой, 52). ...И сколко чево зделают, то бы было ведомо *же* (там же). ...И сама бы хмелново питья отнюдь не любила, и дети и слуги у неи того не любили *же* (там же, 64). В допросе сказал: про анафему не слышал, потому что стоял де он, архимандрит Киприан, далеко, а про отпуст сказал — не помнит *же* (Дело Ник., № 2). ...Июля в 10 день патриарх Никон обедню в соборе служил, а он де, Матвей, был *же*... (там же, № 13). И вышед ис церкви, ключарю Федору про тот посох он сказывал *же* (там же, № 36). И многие друзья и сродники померли *же* в мор (Аввакум, 85). ...И соловскую мызу сожег, и около соловской многие мызы и деревни дворов с тысячу пожег *же* (Вед. 1703 г.).

По-видимому, исчезновение такого употребления **же** — результат удачного соперничества более полновесных *тоже*, *также*, сосредоточивших на себе логическое ударение.

2. Исключительно часто в древнерусском употребляется **де.** Сравнительно с современным его употреблением можно сказать, что оно в таких, напр., материалах, как цитируемые ниже, относящиеся к делу патриарха Никона, где собраны различные передаваемые свидетельства, встречается тысячами: ...А говорил *де* он, боярин, ему, патриарху, о том на Москве в соборной церкве... а думной же дворянин Прокофей Кузмич на патриаршество его не зывал же, только *де* ему выговаривал... № 8). ...И сее *де* ночи, за полпята часа до света, стоял на часах того же приказу рядовой стрелец, товарищ ево, Исачко Селиверстов, а ворота были заперты, а он *де*, Ивашко, з достолными товарыщи были в караульной избе.— По происхождению **де** — 3 л. ед. ч. *дѣє(т)* «говорит». Ср., напр., Ипат. летоп., 6658 г.: Аже *дѣеши:* ты мои еси отець, а ты мои и сынъ...; в Лавр. списке летописи: ...Да еще хто *дѣеть* в нашю вѣру ступи(т), то паки сум(ь)ръ (въ)станеть...— «Если кто, *мол*, вступит в нашу веру...». Форму, переходную от дѣе к де, встречаем, напр.: ...Да кто *деи* выйдет половник серебряник в твой путь, ино *деи* ему платитися в ыстое на два года без росту (Грам. белозерск. князя Мих. Андр., 1454—1455 г.). ...Третьяк им на вече сказал... от великого князя: «что-*дей*, отчина

моя, посадники псковские и псковичи, только хотите еще в старине прожити, и вы бы есте две воли мои изволили»... (Сказ. о Псковском взятии, 9). А сказывают, что *деи*, Смоленска не дошед, умер (Соф. Врем., под 1475 г.). Как ехал к нам Датцкой гонец, и ему *деи* в дороге на ямех до Торшку подвод мало давали, а шел иное и пеш (Грам. царя Фед. Ив., 1586 г.).

Относительность в выборе **де** или **дей** иллюстрирует, напр., текст: «...а сказал: преж *де* сего был в Торусе кабак в откупу, у ныне *деи* в Торусе кабака нет...» (Челоб. серпуховитина Т. Семенова, 1611 г.).

Вполне в духе старины употребление **де** еще у Хемницера в тексте «для себя» (план басни): «Ошибка в том большая — утверждать святому месту де пустым не быть».

Из **де** и «скажеть» или «скажуть» возникло широко распространенное в народном языке **дескать**.

3. Параллельная **де** по употреблению частица **мол** представляет собою изменение звуковое и семантическое 3 л. ед. ч. *молвит* «говорит», в памятниках, а недавно — и в языке, выступавшего часто в виде так называемой allegro-формы (формы с ускоренным произношением) — *молыт:* ...И благочестивый царь *молыт* патриярху иєремею... (Слав. рукоп. б. Синод. библ., № 703, Шпаков, Прилож., II, стр. 172). А после того атаманов и казаков спросити о здоровье. А *молыт*... (Мат. Раз., IV, № 2). ...Изволи *молыть* вслух: мир вам (Дело Ник., № 41). А подсокольничий докладывает паки государя о совершении дела, а *молыт*... И подсокольничий подходит к новопожалованному весело и дерзостно, а *молыт*... (Урядник, статья 7).

Возможно, что в некоторых случаях **мол** восходит к форме повелительного наклонения, которая звучала так же: И ты прикажи диаку Петру Арбеневу моим словом про детей боярских... да и то *мол* Петру, чтобы сам почасту их днем и ночью смотрел, таки ль все тут... да и истопничим *мол*, чтобы и у них бережно было и пьяных бы не было... (Письмо ц. Алексея).

В памятниках частица **мол**, сколько знаю, не встречается, но в народном языке широко распространена.

4. Характерно, если принять во внимание современный разговорный язык Москвы и особенно северной полосы России, относительно слабое проникновение в литературный язык XV—XVII вв. частицы **-то**. В домосковской письменности и в ранней московской частицу **-то** мы встречаем в роли приместоименной: Тому ити роте, у кого *то* лежал товар (Русск. пр., 476—478). А жити ны по тому, как *то* отци наши жили с братом своим с старейшим (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив. 1362 г.).

У имен по своему происхождению частица **-то** — закаменевший остаток постпозитивного склоняемого местоимения, некоторую параллель к которому представляет, напр., современный болгарский язык: *хлябът* «хлеб», *ръката* «рука», *полето* «поле». Склоняемое местоимение **т, та, то,** утрачивая свою гибкость, постепенно пре-

вращалось в частицу, и пути такого перерождения еще отчетливо можно наблюдать в севернорусских говорах. Ср., напр., новгор.:— *у меня ребёнок-от плачет; вся деревня-та горит; а уголье-то носишь, замараешься; руки и ноги отнялись у свекрови-те, любили её старики-те; ну, вот убежали к своим-те к дядьям-те;* шадринск.: *мужику-ту, мужиком-то, мужики-те, дорогу-ту, дороги-те,* при новг.: *а свекровь-то без ноги, человек-то пяти* и под.; шадр.: *мужиков-то, мужикам-то, о дорогах-ту* и т. д.[1].

Следы употребления постпозитивного местоимения отмечены (Халанским) даже в памятниках Киевской Руси: Смердов жалуете и их конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин ударить смерда стрелою и поиметь лошадь ту (Ипат. сп. лет.).

Но широкое применение в письменности постпозитивное местоимение находит только в XVII в. и только у единичных авторов, главным образом у дающего волю родной стихии протопопа Аввакума[2]: Носи гораздо пироги те по тюрмам тем. А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему: боярин де су одинова умирать, хотя бы то де тебя скать по г...у тому плетми теми и побили, инобы некакая диковина,— не Христова бы кровь пролилась, человечья (Аввак., № 9). Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово... (там же, 113). Простой человек Яким-ат: тайные те шиши, кои приехали из Рима, те его надувают аспидовым ядом (Аввак., изд. Гудзия, Челобитная царю Федору Алекс., стр. 302). Да не носи себе треухов тех; сделай шапку, чтоб и рожу ту закрыла, а то беда на меня твои треухи те (там же, письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, стр. 305). Как более ранний пример можно отметить: А обезьяны-то те живут по лесу... (Хож. Аф. Никит.).

Старославянская книжная традиция (хотя уже древнейшие старославянские памятники — Зографск. еванг., Ассеман. еванг., Супрасл. рук.— свидетельствуют, что член был известен и древне-

---

[1] Распределение особенностей постпозитивного местоимения и частицы любопытно в окающих говорах владимиро-поволжского типа и родственных им, изученных экспедицией Куйбышевского педагогического института в 1940 г. Как устанавливает руководитель экспедиции проф. В А. Малаховский (Учен. записки, вып. 8, 1947, стр. 179),— «все наблюденные... говоры можно разбить по употреблению члена на три группы: 1) говоры, в которых в единственном числе употребляются частицы ът, то и та (от): отец-от, отец-ът, отец-та; а во множественном только ти-: пташки-ти, арбузы-ти. В винительном падеже единственного числа сохранены следы употребления члена в винительном падеже: доч-ту, двер-ту...; 2) говоры, в которых употребление члена подчинено гармонизации: избе-ти, селу-ту, избу-ту, отец-та...; 3) говоры, в которых член ти употребляется во множественном числе во всех случаях: пташки-ти, отцы-ти, ворота-ти, а в единственном числе гармонизация отсутствует... Следов винительного падежа члена нет».

[2] По происхождению нижегородец: Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове (Аввак., стр. 76). Есть специальная работа — В. Иванов, Об употреблении члена в сочинениях прот. Аввакума,— Русск. фил. вести., XXXIX (1893), № 1.

болгарскому, но еще не получил в нем большого распространения) устранила соответствующие влияния севернорусских говоров, и член особенностью русского литературного языка не стал. Частица **-то** в разговорном языке завоевала себе место главным образом на территории, поддерживающей ее существование влияниями говоров, но сузилась до значения подчеркивающей слово, носящее на себе логическое (силовое) ударение: *А ты-то куда смотрел? Надо, чтобы смысл-то был.*

Реже встречается форма членного образования мужского рода. В письме ц. Алексея 1663 г. читаем: «...а *соколот* и сел на ней».— Из просторечия XVIII века: Простакова: «...Портной учился у другого, другой у третьего; да *первоет* портной у кого же учился?» (Фонв., Недоросль). Из обихода литературной речи она исчезла, но еще у писателей начала XIX в. ее можно встретить в бытовой речи персонажей: ...мост-ат наш каков? (Крылов). Ну, вспомнить не могу: бурак-ат — самый цельный (Кокошкин). В ученьи прок-ат не велик (Гриб.)[1].

5. Частица **-с** со значением почтительности. В современном языке совершенно вышла из употребления, поэтому даже ироническое «слушаю-с», пародирующее старину, теперь обыкновенно понимают как «слушаюсь». В языке XVIII—XIX в. эта частица имела широкое распространение, особенно в языке чиновничества, и была неотъемлемым признаком словесно выражаемой угодливости: Пожалуйте-с, милости просим-с. Ср. эпиграф-анекдот Пушкина к VI главе «Пиковой дамы»: -- *Атанде!* — Как вы смели мне сказать *атанде!* — Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с.*

По происхождению частица **-с** — обращение *государь*, по-видимому, из *господарь*. Ср., напр.: божиею милостию Великии Осдпрь Русские земли, Велики князь Иван Васильевич, царь всеа Руси... (Грам. вел. кн. Иоанна Вас. 1484 г. в Кафу Захарью Скаре) или на печати Иоанна IV: Иван божиею милостию царь господарь всея Руси, далее — *осударь* — *осу* — *су*. *Су* встречается до сих пор в говорах и хорошо засвидетельствовано в памятниках (особенно часто у Аввакума): Жури ему, боярин де су, одинова умирать (№ 9). Ну су, всяк правоверный разсуди, прежьде Христова суда, как было мне их причастить, не исповедав? (стр. 89). В XVIII в.— в речи персонажа из народа: ...дал слово, да и спятился: Я де су староста так, как хочу, так и ворочу (Плавильщиков, Мельник и Сбитенщик — соперники).

---

[1] Важнейшая литература: М. Г. Халанский, Из заметок по истории русского литературного языка, II, Изв. русск. яз. и слов. Акад. наук, VI, Л. Милетич, Членът в българския и в русския език. Сб. за народ. умотв., наука и книж., XVIII, Л. Милетич, Показателните местоимения в постпозитивна служба.— Symbolae grammaticae, II, 1928.

Соглашаюсь с А. М. Селищевым (указ. соч., стр. 185), что следы члена в старославянских памятниках не отражают исконного славянского явления, а обязаны своим появлением влиянию греческих оригиналов.

Ср. и **-осу** в речи Бориса Годунова: князь Федор-осу Иванович, князь Дмитрей-осу Иванович (Акты Арх. экс.; II, 77,— Собол.). Более затерто значение **-су**, напр., в: А будет кто молвит, что так жестоко, ино-су совет дати (Посл. Иоанна Гр. игум, Кир.-Белоз. мон., 8).

Параллели такому сокращению произносимых в быстром темпе обращений в истории языков многочисленны; ср. *барин* — из *боярин*, *барышня* из *боярышня* (бояричьна), пол. mość из miłość в титулах и обращениях, чешск. slečna «барышня, девица» из šlechtična «дочь шляхтича» и т. д.

6. Кроме слова *пожалуйста* (из *пожалуй*+*ста*) только в «простонародной» речи употребляется частица **-ста**. Писатели вводят ее в беллетристику для характеристики речи «простонародных» персонажей: Изволь-*ста*, мы ваши работники (Аблесимов, Мельник...). ...Я им отдал все мое имение.— По три копейки на рубль? — Никак нет-*ста*, по пятнадцати (Радищ.,—Слова купца третьей гильдии).—Все ли здесь? — спросил незнакомец.— Все ли-*ста* здесь? — повторил староста.— Все-*ста*,—отвечали граждане. (Пушкин, Ист. села Горюхина). Мы-*ста* тебя взбутетеним дубьем Вместе с горластым твоим холуем (Некр.).

В памятниках частица **-ста** почти не отражена. Соболевский упоминает о ее существовании в «Розыскном деле о Шакловитом» 1689 г. Ср.: ...А будет учнет приказывать пятисотному Лариону Елизарьеву, и они-*ста* Лариона слушать будут (I, 1, 4). Лишь крайне редко даже старые писатели употребляют ее в собственной речи; см., напр., у В. Петрова (К вел. государыне): Когда летает он, так что *ста* за причина...— Как изменяемая частица **ста—сте** (последнее по отношению ко 2 лицу множ. числа) выступает в жанровой речи купца Проторгуева у М. Матинского в комедии «Санктпетербургской Гостиной двор» (1791 г.): Пожалуйте-*сте* к нам; Такой доброты, ей-ей, нигде не сыщете-*сте*; Да не мните ж-*сте;* с обратным порядком — Скупенько-*сте* жаловать изволите и под. Трудно решить, является ли это **сте** результатом уподобления первоначального **ста** окончанию 2 лица множ. числа глагола или же представляет собой непосредственный остаток утратившего свое значение вспомогательного глагола — *есте*. Из форм 2 л. мн. ч. **сте** далее оказывалось возможным в употреблении и в случаях вроде: «Вот-сте и другой!»

Несомненного объяснения этой частицы нет. Толкуют ее, напр., как сокращенное «староста» (Шахматов), другие — из «государь» *(ста* из *зда)* — Соболевский (ср. *станя* — в обращении к женщинам); третьи видят в ней остаток повелительной формы «стани, стань» (Халанский и др.); возможно также, что она результат перерождения «стало быть» (ср. обычные теперь случаи «пустого» *значит*) [1].

---

[1] Другие, менее правдоподобные, объяснения приводит А. Преображенский (Этимологический словарь русск. яз., II, 369—370).

7. **Бишь.** Эта частица, по-видимому, восходит ко 2 л. ед. ч. наст. вр. глагола *баять* «говорить» — *баешь;* ср. обычное ее употребление в вопросительном сочетании: Что *бишь* я хотел сказать? и под. ...Так принимайте,— сколько, *бишь*, вам лет? — капель по двадцать (Герцен, Докт. Крупов, 1846 г.). Относится она только к просторечию, и в литературном языке в настоящее время не употребляется. Сближение ее с др.-русск. *бешью* (Жит. Саввы Освящ. XIII в.), *бехма* (Выголекс. сборн. XII—XIII вв.)., старослав. бъшиѭ, бышиѭ, бъхъма, имеющими значение «всячески, совершенно» (Соболевск.), малоправдоподобно. Диал. *беш* (напр., в уломском говоре бывш. Черепов. уезда, Новг. губ.), вероятно, из «*баешь*» же.

Догадку о возникновении *бишь* из *бѣше* — 2 и 3 л. ед. ч. аориста-имперфекта вряд ли следует поддерживать, — ср. и VREW, I, 89.

8. Частица **ведь** (в XVIII в. чаще пишут *вить*) возникла из старинной формы глагола 1 л. вѣдѣ «я знаю».

9. Частица (вводное слово) **чай,** относящаяся к просторечию (значения — «пожалуй, вероятно»), по своему происхождению представляет глагол *чаять* «предполагать, ожидать, надеяться» в 1 л. ед. ч. Окончание деформировалось вместе с утратой словом глагольного значения. Аналогии такому изменению имеем в русском, просторечном же, *благодарствуй* — из «благодарствую» и белор. *дзякуй* с тем же значением. Ср. и: «Услышит отец или дедушка — *не знай* что будет» (Гладков).

10. Частица **ли** в древнерусском выполняет ту же вопросительную функцию, что и теперь. В церковнославянизированных текстах она может также в значении усилительного элемента примыкать к вопросительным местоимениям: «Где *ли* бы обрести его?» (Жит. Андр. Юрод. по списку XV в.).

Изредка она встречается в диалектном употреблении со значением усиления восклицательных местоимений: Как же *ли* тогда страх и смирение и умиление епископи и попове и дьякони имеют в той частней службе! Как *ли* изрядныя дароносивыя златыя сосуды, каменьем и жемчюгом украшены и серебряныя! (Путеш. Антония конца XII в. по списку XV в.).

11. Частица условности **бы** (по происхождению форма аориста 3 л. ед. ч., в свою очередь, вероятно, восходящая к 3 л. ед. ч. **би** условного наклонения) несколько свободнее, чем теперь, относилась к сказуемным именам прилагательным (ср. соврем. **рад бы**) без вспомогательного глагола *был;* см., например: «...говорити им, чтоб они ... прислали к его царскому величеству дохтора навычного, которой *бы навычен* всякому дохторству (Наказ Р. Бекману, посланн. в Любек, 1600 г.).

Овцы бы целы, а волки бы сыти (Старин. послов., XVII в.). Если б не зол человек, на что бы уставы? (Кант., Сат. V). А теперь черт, не житье, волочись по свету, Всё бы рубашка бела, а вымыть чем нету (Кант., там же).

Реже (в пословицах) **бы** могло примыкать, как изредка и теперь, к сказуемым именам существительным: «Щепа бы — да с уксусом, щеня бы — не сукин сын» (Старин. посл., XVII в.).[1]

О частицах — интересные замечания в «Российской универсальной грамматике...» Н. Г. Курганова.

§ 19. Косвенная речь.

Одна из наиболее искусственных конструкций литературного языка — косвенная речь, до сих пор остающаяся по существу явлением книжным[2]. Не приходится удивляться, что старинный письменный язык еще остается здесь полностью во власти разговорных конструкций.

В текстах более или менее церковнославянизированных обычный способ передачи непрямой речи — союз **яко**, предшествующий словам с употреблением лиц, не отличающимся от прямой: И нача помышляти, яко избью всю братью свою и прииму власть Русьскую един (Лавр. спис., 47 об.).

Так и в «Русской правде»: Аже кто не ведая, чужь холоп усрячеть [встретит]... любо держить и у собе, а идеть от него, то ити ему роте («идти к присяге») яко *не ведал есмь*, оже есть холоп... (простран. ред., статья 115).

В русских более поздних — вместо **яко** обычное **что:** Възмолвит магистр, *что* «по моей земле вам путь чист и пристава вам дам до корабля, а к прусьскому ми магистру с вами своего человека не послати», и Асанчюку и Третьяку говорити магистру накрепко, чтобы с ними магистр своего человека послал до прусьского магистра, для великого князя (Статейн. список сношений в. кн. Иоанна Вас. с князем мазовецким Конрадом, 1493 г.). И я ему говорил, *что* жил в Чюдове у патриарха, а в Чернигове тобе не привыкнути, потому, что, слышил я, монастырь Черниговской — местечко не великое (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). ...И после поученья перед народом сказал: *что* я впредь вам не буду патриарх (Дело Ник., № 14). И против той моей отписки писал патриарх с Микитою, *что* буду к Москве... (там же, № 41). Сказал Микитка Зузин: ...И я де ему говорил, *что* не ходи, и он де не слушеет (там же). Нихто от митрополита ему не говаривал, *что* поди к митрополиту на совет (там же).

---

[1] Изредка в народном эпосе можно встретить случаи одного сослагательного наклонения типа «**бы** с настоящим временем», вроде: «А бросим мы их на сине море. Которые бы по верху пловут, А те бы душеньки правые» (Кирша Данилов,— былина о Садке).— Нигде такого рода образования прочно не привились.

Подробности об этой частице см. в статье В. И. Чернышева — «Описательные формы наклонений и времен в русском языке»,— Труды Института русск. яз. Акад. Наук СССР, I, 1949, стр. 231—235.

[2] О практике разговорного языка, разрушающей все время нормы, рекомендуемые грамматикой, см подробно у А. М. Пешковского, Русский синтаксис в научном освещении, 1928, стр. 552—554.

При построении большого текста обычны, например, в юридических документах (при передаче показаний), срывы с косвенной речи в прямую, вроде: «...сказал... приказной человек Иван Лаврентьев что де *он*... про пустоши... *не знает*, и хто теми пустошами владеет... про то про все *не ведаю*. и в том же Московском уезде... пустошей... *не знает же*...» (XVII в., Фед.-Чех., 1, № 116).

Сравн. и контаминации вроде: И он мне сказал, *что* жил в Чюдове монастыри, а чин имею дияконский, а зовут меня Григорьем, а по прозвищю Отрепьев (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). И как Хованской, приехав, почав всем людям говорить, и ис тех людей многие отвещали: «что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят» (Котош., 102). ...И говорили при нем козаки, *что* у них идет силы козаков много, и как де Нижней возмем и в то де число увидят царевича все крестьяня (Мат. Раз., III, № 36). А ответчик, Казунька, слался на боярских крестьян в послушество, на Кирила да на Фадея, *что* тот Фадеи со мною в побранке, а Кирила Никонов по кабале прощает других денег, та кабала плачена (Челобитная, поданн. бояр. Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.).

Своеобразный пример включения прямой речи при помощи частицы **дей**, отсылающей к чужому сообщению, имеем в предложении с опущенным глаголом (текст невысокой грамотности): «А села Тесова, государь, крестьяне мостят свой урок, а на чюжие *дей* мы уроки не дем [sic!] мостов мостить (Отписка мост. досмотрщика 1602 г., Дела Тайн. приказа, II).

При относительно небольших предложениях можно встретить косвенную речь с опущенным изъяснительным союзом и соответствующей заменой лиц. Это фразы типа: А обыскных людей за обыски не привел, сказал: обыскные люди его не послушали, в Новгород за обыскными списки не поехали (Обыскн. списки 1585 г.).

До самой средины XVIII в., пока латинско-немецкие образцы и грамматико-риторическая культура не вводят элементы косвенной речи в те рамки, в которых она в основном пребывает в письменной речи и теперь, употребление лиц колеблется между формами прямой речи и зависимостью, выдерживаемою в границах очень элементарных синтаксических сочетаний. Для последних определенное изменение лиц и наклонений в придаточном изъяснительном сравнительно с точно сказанным составляет и составляло правило и в разговорном языке: *сказал, что придет; сказал, чтобы пришел*, и под.

В древнем языке еще нет правила, согласно которому вопросительный союз-частица **ли** при сказуемом не может сочетаться с вводящим и придаточное предложение союзом **что**. Поэтому можно встретить в древних текстах, например, фразы вроде:

«А у Поляков де правды не сведаешь, *что хотят ли* быть под государевою рукою или нет (Из актов, относ. к посольству двор. И. Желябужского, 1657 г.).

Древний язык, в отличие от языка нашего времени, не исключал в косвенном вопросе сочетания союза **что** со сказуемым, при котором было **ли (ль):** Федка де Шакловитой говорил ему, Сенке, чтоб спросить Перфильева человека Ляпина, Мишки, *что* в подмосковной его Перфильеве деревне Ляпина *мочно ль* где в лесу поставить келью и жить ему, Федке... (Розыскн. дела о Шакл., I). ...в Троицкой м-рь послал его, Петрушку, Оброска ж Петров для проведыванья, *что* великий государь *изволит ли* де быть к Москве или куды инуды изволит де итти (там же, стр. 255). ...и пресекше с костми в мелчайшия частицы, яко отнюдь невозможно знать, *что человек ли* то *был*, тако отхождаху («Созерц. краткое» С. Медв.).

Утраченный в настоящее время тип косвенного вопроса представляет и конструкция с **либо что...** = «может быть, что-нибудь...»: ...вели позвать калик в полату ко мне и услышу по речам о киевских вестях, либо что они ведают (Сказ. о седми русск. богат.; по списку XVIII в.), при возможных других вопросительных местоимениях («либо кто...» и под.)[1].

§ 20. Порядок слов.

Различие между современным и древнерусским порядком слов довольно значительно. Наиболее характерные отличия следующие:

1. От современного порядка слов старинный наиболее отличается, среди другого, тем, что он принципиально передает сначала конструкцию без сопроводительных членов (развернутых приложений, присоединяемых союзами параллельных членов предложения и под.), а последние дает как бы дополнительно к уже соответствующим образом округленному сообщению. Такого рода построение фразы мы имеем, напр., в «Русской правде»: Оже придеть *кръвав* муже на двор *или синь*, то видока ему не искати (204). Се яз, князь Володимерь, сын Василков, внук Романов, даю *землю свою всю и городы* по своем животе, брату своему Мьстиславу *и стольный свои город Володимир* (Дух. грам. владимир. на Волыни князя Влад. Васильк., 1289 г.). Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець, ли свинью... (Лавр. спис. летоп., под 6576 годом) = «если кто встретит монаха, то возвращается, или кабана, или свинью». А мне в твое великое княженье и в твоеи братьи вотчину данщиков не всылати, ни приставов своих не давати, ни закладней, ни оброчников не держати, ни сел не купити, без нашого веданья, ни моим бояром (Догов. грам. вел.

[1] Значительный материал по вопросу собран в диссертации А. И. Молоткова «Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий» (автореферат, Л., 1952 г.).

князя Василия Вас. с княз. серпух.-боров. Вас. Яросл., 1433). В се же лето всади Ярослав *Судислава* в поруб, *брата своего*, Плескове... (Лавр. список летоп., под 1036 г.).

2. Родительный падеж определительный в др.-русском часто выдвигается вперед:

Или которой хоромины кровля гнила или обетшала (Домостр., 58). Изо всех городов приезжают к нам столники и стряпчие, и дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди... (Грам. Пожар.). Чтобы Московского государьства всяких чинов людем от болшаго и доменшаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна (Улож. 1649 г.). ...Большаго собора поп Киприан сказал... (Дело Ник., № 13). И в том приказе ведомы гости... и серебряного дела мастеры, и многих городов торговые люди (Котош., 97). Хочет де брянских стрелцов голова Афонасей Боев изо Брянска переехать к Стенке Разину (Мат. Раз., I, № 1), и мн. др.

Большею частью такой порядок слов характерен для сочетаний устоявшихся, ходовых, относящихся определенно к письменному языку. Ср. и из языка XVIII в.: Всей Франции высоких фамилий дети... имеют воспитание зело изрядное (А. Матв.). Особенно же высоких фамилий дамы между собою повседневно съезжаются (А. Матв.). К крайнему сердец наших сокрушению ни в дали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна (Радищ., 17). Наконец, судна нашего правитель... решился или нас спасти, спасаяся сам, или погибнуть в сем благом намерении (там же). При отправлении оной писала она к дяде, благодарила за содержание меня у себя и просила о скорейшем меня отпущении (Болотов). Верст за дватцать от него находилось одно нарочитой величины озеро (Болот.).— По традиции такой порядок слов в некоторых выражениях сохранялся еще в канцелярском языке до самой Революции.

Из XVIII в. переходит в XIX и держится первые три десятилетия в деловой и эпистолярной прозе порядок слов — выдвинутый вперед родительный падеж собственного имени со значением лица — владетеля, автора и под.: Я не знаю, поймешь ли меня, но мне кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы из «Марфы Посадницы», нежели Шишкова холодные творения (Батюшк., 1809 г.). Мы взяли почтовых под все экипажи с Введенского села, оставя тут своих лошадей, с тем, чтобы они, выкормя, дошли до нас в Русино, Владыкина деревню (И. М. Долгорукий, 1813 г.). Козлова и Языкова стихотворения вышли, два антипода, но тут не по шерсти им дано, и забодает не Козлов (Вяземск., 1833 г.).

Такой порядок слов возник, вероятно, под влиянием обычного в древнерусском и в языке XVIII и начала XIX вв. употребления притяжательных прилагательных, хотя Карамзин и его последователи также в отношении последних обнаруживали пристрастие к тому, чтобы их ставить после определяемых существительных.

3. Для управления инфинитива двумя дательными — заместителем логического подлежащего и другим — падежом объекта существовало правило порядка слов, исключавшее возможность недоразумения — кто лицо действующее (обязанное действовать) и кто объект действия. Первым ставилось название действующего лица, вторым — объект: А добра *вы мне* хотети везде, во всем... (Грам. кн. Юрия Дм. вел. кн. Вас. Вас.), т. е. вы должны хотеть мне добра...; ...а то *вы мне* поведати в правду, безъ примышленья (Догов. грам. вел. кн. Вас. Вас. с князьями галицкими, 1434 г.), т. е. «вы должны сказать мне».

4. Современный язык не допускает при прилагательных (причастиях) отрывать управляемые ими слова, ставя между ними и последними существительные, с которыми эти прилагательные (причастия) согласованы. В языке XVIII и начала XIX вв. такой порядок слов встречается нередко: ...о свободных днях от трудов (Генер. регламент, 1720 г.). Дружба склонного человека к гневу честным людям весьма не сносна (Приклон., 20). В спасшем Курции отечество свое от пагубоносныя язвы никто не зрит ни тщеславного ни отчаянного или наскучившего жизнью, но героя (Рад., 87). Теперь бы мы сказали: «В Курции, спасшем свое отечество...» — Долго в благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию (Радищ., 138). Ср.: «...ухо, привыкшее к...» И сие первородное чадо стремящегося вооружения по непроложенному пути (Радищ., 178). В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие (Радищ., 181). ...от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел (Радищ., 15). Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию (Радищ., 166). Хранящий муж честные нравы... (Держ.). ... Плывущих птиц на луг И крыл их трепетанье (Держ., Прогулка в Сарском селе).

Особенно долго подобный порядок слов держится в языке поэтов: Давно ль Аргоса царь стал жалостив душей, Сей не жалевший царь о дочери своей? (Озеров). Всегда ревнующий дух Ферзена к служенью От левого крыла приступит к укрепленью (Ир. Завалишин). Скопившаяся мгла над градом кровных туч (Завал.). Пусть на омытые луга росой денницы Красивая весна бросает из кошницы Душистую лазурь и свежий блеск цветов (Вяземск.). Или разыгранный «Фрейшиц» Перстами робких учениц... (Пушк.). ...давно закравшийся недуг В младую грудь подруги милой (Рылеев).

Такие конструкции вообще редки в древнерусских памятниках, но несомненно, что установились они уже задолго до XVIII в.; ср.: *Послании* же *сли* Игорем придоша к Игореви (Ипат. спис. лет., 21), при *Послании* же *Олгомъ* посли приидоша ко Олгови... (Лавр., сп., под 6420 г.) или: ...Рече Володимер: «Се придоша *послании нами* мужи, да слышим от них бывшее»... (Лавр. спис. летоп., под 6495 годом).

4) Случаи употребления прилагательных в функции определений за именами существительными в древнерусском гораздо чаще, чем в современном языке, и, по-видимому, нередко они не имеют специальной стилистической установки. Ср.: Травы розныя ядят; в снастех золотых; олмаз великий; на кровати на золотой; доспех булатный (Хож. Аф. Никит.). Церковное платье, и пелены... и сосуды серебряные (Котош., 73). Круживо низано жемчугом мелким, кушак золотной по алой земле (Выходы), и под. Но при всем этом, преобладающий порядок слов, вне стилистических устремлений, тот же, что и теперь.

Возможность употребления кратких форм имен прилагательных в функции определений для постпозитивного положения еще вполне определенна для XV века: «а заложено у не[го] в тех денгах чепь золота, да пояс золот, да ковшь золот...» (Духовная кн. вологодского Андрея Вас., 1481 г.).

Постпозиция прилагательных в древнерусском, видимо,— результат церковнославянского влияния, в свою очередь отражающего греческое. Этим объясняется по преимуществу приподнято-торжественный характер сочетаний, выступающих с таким порядком слов: ...Чтоб ты, государь наш князь великий Василий Иванович, жаловал свою отчину старинную (Сказ. о Псковск. взятии, 8). И по его государеву указу никакой бы вещи без устроения уряженаго и удивительнаго не было (Урядн.). И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным (Урядн.).

Такого рода использование постпозиции прилагательных проходит через весь XVIII в. и в основном дожило до нашего времени.

Постпозиция характерна также для намерения подчеркнуть признак, противопоставить его и т. д. Такого рода употребление, широко известное и современному языку, следует считать на славянской почве исконным:

Чтобы у вас вечья не было, да и колокол бы вечной сняли (Сказ. о Псковск. взятии, 9). ...Ино у него много силы готовой (там же). А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венецеи ворота морские (Отч. Я. Молвян.). ...Принес... Якову чепу золоту, да ферези бархат темносинь гладкой, да кафтанец объяринен (там же). ...Чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго (Пересв., Сказ. о Магм.-салт.).

Почти правилом в древнерусском является постановка имен прилагательных за существительными, сочетающимися с названиями чисел:

Степенной ключник да 4 человека путных, честию будут они против дворян (Котош., 74). В крюках алмазы да три яхонта червчатых (Выходы).

5. Для конца XVII и всего XVIII в. характерна постановка по латинскому образцу глагола на конце предложения (обычно— придаточного):

И от корабля, которой из Царя города пришел в Ливорну, вести, что бунты, которые осталися в Азии, усмиряются, и великия для того радостныя огни учинены были, а паше вавилонскому, которой о том ведомо дал, великие подарки послал (Куранты). ...На острове новую и зело угодную крепость построить велел... и тое крепость на свое государское имянование прозванием Питербургом обновити указал (Вед. 1703 г.). ...дабы и вы красоту [sic!] сего парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть), в заплату трудов своих с нами купно причастником был... (Петр I, Меншикову, 1710 г.).

Того же рода явление представляет постановка зависимых существительных впереди инфинитива: Сие привело генерала в немалое удивление, и он не мог от смеха удержаться (Болотов).

Около конца XVIII в. латинский порядок слов уже явно уступает место русскому, хотя дань традиции, особенно в придаточных предложениях, время от времени еще платят, напр., Фонвизин, Болотов, Новиков, молодой Крылов и др. Ср.: Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает (Фонвиз.). ...опеленал его сухими пеленками... которые в избе тогда развешены были (Новик., Живоп.). ...А, может быть, ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается (Крыл., Почта духов). Могу ли я верить своим глазам, чтобы ты, будучи бессмертна, пленилась дурачествами существ, которые едва живыми назваться могут? (там же),— не говоря уже о Екатерине: Олимпиаду я бы и уступил им, если б только Христину получить мог (Имен. г-жи Ворчалкиной). ...А с таким сокровищем люди не столь разборчивы бывают (там же). И это надобно, чтобы завтра было что порассказать той благодетельнице, к которой колобовый пирог везу (Передняя знатн. бояр.).

Явление, параллельное постановке глаголов на конце предложений, представляет употребление в XVIII в. причастий на конце ритмических отрезков, т. е. так, что зависимые от них слова предшествуют им: ср., напр.: Потом, отдав почтение Гикиму, вступил с Мирамондом на корабль для их приготовленной, и отправился в Тунис, Королевство на берегах Африканских лежащее (Эмин, Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792 г., стр. 23). Но увидели молодого Турка за кормило их корабля хватающегося и своего спасения ищущего (там же, стр. 29)[1].

[1] Надо отметить, однако, во избежание недоразумения, что тенденция ставить глагол в конце предложения не была чужда и чисто русскому деловому языку XVI в. Но эта органически развившаяся тенденция явно не совпадает по своим особенностям с тем, что наблюдается как заносная черта синтаксиса сложного предложения в практике конца XVII и всего XVIII в. Как словопорядок, возникший на русской почве, постановка глагола в конце предложения характерна главным образом для относительно коротких вопросительных предложений: И писцы, выслушав правую грамоту и запись, спросили Галасея старца: преж того в той земле, коли писали писцы Иван Микулич

6. Старинный язык не только допускал постановку подлежащего среди частей деепричастной группы, но и обычно держался такого именно порядка слов, унаследованного от того времени, когда деепричастия еще не развились из причастий, а последние, как прилагательные, предшествовали определяемым ими существительным: И шед мы за Москву реку, и наняли подводы до Болхова... (Памятн. Смутн. врем., 20). Тут же сведав Пашков и исполняся зависти, збил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить (Аввакум., 113). А пришед Кирсан к нововыборному, молвит... (Урядн., 18). И взяв его те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне (Урядн., 19). Ведая они, что Никон патриарх патриаршеской свой престол оставил самоволно... и они для чего к патриарху к благословению ходили? (Дело Ник., № 36). И видя царь, что в тех денгах не учало быти прибыли... велел делати на дворех своих денги медные (Котош., 100). И пошед я от князя, ночевал ту ночь в городе на дворе... (П. А. Толстой).

Особенно характерны случаи, где подлежащее к сказуемому другое: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Пск. взятии, 10). И отпустя я, холоп твой, обоз с теми ратными людми, был у меня, холопа твоего, бой (Мат. Раз., III, № 7).

Заболоцкой да диак Ондрей Харламов, с ворбозомскими христианы вам в той земле спор *был ли*, и писцы вас Иван Микуличь Заболоцкой с ними *судили ль*, и таковую грамоту им на Троецкого игумена стрцов *дали ль?* («Список с правые грамоты, что дана в Ворбозомскую волость», Фед.-Чех., 1, № 65). И дьяк Дмитрий Алябьев, выслушав служилую кабалу, спросил Олексейка Федорова: ты ли тем площадным подьячим на себя такову служилую кабалу в трех рублех писати *велел* и денги еси у князя Василья да у князя Степана у Мещерских *взял ли*, и за рост во двор к ним служити *идешь ли*, и наперед сего у кого *служивал ли?* (Новг. зап. каб. кн. 1591 г.).

Далее, глагол (или вообще сказуемое) встречаем в конце предложения в случаях ответа на выступающие в предварительно поставленном вопросе понятия, обыкновенно относящиеся к действиям; ср. напр.: И Ларионко сказал: Такову есми, господине, служилую кабалу тем площадным подьячим на себя в пяти рублех писати *велел*, и денги у Ивана у Головачова *взял*, и за рост во двор к нему служити *иду*, а наперед сего не служивал ни у кого и родился у Ивана у Головачова (Новг. зап. каб. кн. 1591 г.).

Психологически близки к этим типам и фразы, где отодвинутый к концу фразы глагол (сказуемое) служит подчеркнутому утверждению того, что по смыслу является наиболее важным: И в тех троецких крестьянех государева села Ногавицына приказной человек Гороцкой волости, и Печерского монастыря архимарит Феодосей, и сын боярской Ждан Болтин тех троецких крестьян в троецкую вотчину вывести *не дали*, государева указу *не послушали*, *учинилися* государеву указу *силны* (из Арх. Троице-Серг. лавры, 1641 г.).

Наконец, обычны глаголы в конце фразы в установившихся канцелярских формулах вроде: Пастух Петруша *руку приложил*; ...к сей кабалной записке кабалной послух Жданко Пупинин *руку приложил*, Земской диячек Третьячко Дорофеев кабалу писал и в книги записал и *руку приложил* и под., что́, впрочем, не исключает и нередкого словопорядка вроде: А кабалу служивую *писал* и кабальную записку земской диачек Януш Самуйлов лета 7111-го году февраля в 15 день.

В отличие от современного правила, и в языке XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. еще допускается такой отрыв подлежащего от сказуемого частями обособленной деепричастной группы, впрочем, главным образом в стихотворном языке;

Такого-то Диоген ища человека, Не сто свеч даром изжег и был смехом века (Кант., Сатира V). Желая некогда преславный остров Род Пловущих по морю спасать от непогод... Поставил на брегу пречудную громаду (Ломон., Надп. на иллум., 1752 г.). Но, будучи я столь чудесен, Отколе происшел? (Держ., Бог). Запасшися крестьянин хлебом, ест добры щи и пиво пьет (Держ., Осень во время осады Очакова). Услыша в кабаке он шум тот мимоездом, Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, Вступился за него (В. Майков). Отечество мы зря низверженно в напасть, В отчаяньи его оплакиваем часть (Княжнин). ...И чтобы узы рвать стремяся мы в неволе, Не отягчили бы сих уз еще и боле (Княжн.). Оставя вольность я, блаженство в сих стенах, На нас воздвигшихся свергаю гордость в прах... (Княжнин). Уж с нами становя своих рабов он в ряд, Остатки вольности и наших прав отъемлет (Княжн.). Увидя Волк, что шерсть пастух с овец стрижет, «Мне мудрено», сказал... (Хемн.). Пришедши Птичник в лес, Гнездо на дереве увидел... (Хемн.). Жена о сем ни чуть не дует в ус, Имея с малых лет она в амурах вкус (Аблесимов, Модная жена). Услыша Крот про это, Орлу взял смелость доложить (Крылов, Орел и Крот). На ель Ворона взгромоздясь, Позавтракать совсем было уж собралась (Крылов, Ворона и Лис.). Ср. особенно: Ты сердце суетной надеждой возманя, Против желания, ах! любит князь меня, Влюбясь не предузнав хотенью следства злова... (Сумар., Синав и Трувор).

«Козьма Прутков» пародирует старинный порядок слов, напр., в стихах: «Трясясь Пахомыч на запятках, Пук незабудок вез с собой».

Примеры из прозы: Имея стихотворец наш издать свои сочинения, чаял нужно оправдать себя перед теми, кои хотели бы его осудить, что упражнялся в сочинении стихов... (Кантемир). На завтра собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу... (Неплюев). Вшедши и учиня его величеству посол по чину европейскому три обычные поклоны в пояс, отправлял последующую речь, в которое время король стоял (А. Матв.). С одной стороны отец, у которого детей кроме меня не было, говорил, что бывши я единственный сын, оставил его... (Письмо Ломон. Шувалову). Не отступая она от девической кротости, размышляла о оном три дня (Карамз., Дерев. нога). ...Взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают? (Радищ., 86).

Ломоносов находил уместным в качестве примера приводить в своей «Российской грамматике» (1755 г.), § 467, — «Написав я грамотку, посылаю за море».

Того же самого порядка слов, что и в предложениях со сказуемыми в изъявительном наклонении, древний язык дер-

жится при инфинитивных конструкциях с дательным падежом: ...А изымав ему татя или разбойника, не отпустити (Судебник, 1550 г., 53). А едучи ему дорогою на Дон и с Дону назад, от Стенки Разина быть опасну... (Мат. Раз., IV, № 2). А приехав мне в монастырь, мантия архиерейская и посох у него, Никона, взять (Дело Ник., № 77).

Но возможен и порядок слов вроде: А убив Андрея, он, Васка, выбрав на Ломовах охотников, пошел под Шацкой (Мат. Раз., III, № 44) или: И ему, взяв у атаманов и казаков отписки, ехати к Москве на скоро (Мат. Раз., IV, № 2).

7. Относительные придаточные предложения, обычно с условным смыслом, выдвигаются в древнерусском впереди главных: А кому к нему прийти беседы ради духовныя, и он прийди не в трапезное время... (Посл. Иоанна IV игумену Кир.-Белоз. мон.). В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы (Пересв., Сказ. о Магмете-салт.). ... а в которой день похочете в которое поле ехать для гаю, и вам в тот день заказать в той украйне охотником, чтоб не ездили... (Письмо ц. Алексея 1650 г.).

8. Управляемые относительные **который, кой** до самого XIX в. обыкновенно вводят придаточное предложение, хотя встречаются и случаи обычного теперь порядка слов:

И отягченным взорам моим представлялися сгущенные облака, *коих черная тяжесть*, казалось, стремила их нам на главу и падением устрашала (Радищ., 15). Римляне строили большие дороги, водоводы, *коих прочности* и ныне по справедливости удивляются (Радищ., 116). Сей добродетельный муж, *которого заслуг* Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво (Фонвизин, Чистосерд. призн.). Богиня сама входит... в прекрасных башмаках, *которых* тоненькие *каблучки* придавали ей вершка три росту (Крыл., Почта духов). ...за эту речь, *о которой красоте* я уверена... (там же). Из подошвы возвышений сих истекает тихая река, *коея воды* составляет множество совокупившихся источников (Карамз., пер. Галлера, 1786 г.). Тогда движение, *коего* испытал он на себе всю *силу*, не понимая оного, повергло его на колени (Вечерние часы, II, 1788 г.). Здесь покоится глава Нихтланда в мире и бесстрашии на буграх своих, *до коих высоты* никто не достигал еще (там же). Сочинитель ввел в свою комедию два смешные подлинника, *которых* представлявшие актеры весьма искусным и живым *подражанием*, выговором, ужимками и телодвижениями, также и сходственным к тому платьем, зрителей весьма смешили (Новиков о комед. Лукина «Мот, любовью исправленный»). Корабельной Капитан велел кинуть к нему веревку, *за которую* он *ухватившись*, на корабль был втащен... (Эмин, Непостоянн. Фортуна, или Похождение Мирамонда, 1792 г., стр. 29). ...за несколько лет перед тем Циклоида выходила для него спокойнейшее состояние, *в котором живучи* в независимости, имел он волю наслаждаться удовольствием приключать беспокойство всему свету

(Вечерние часы, II, 1788 г.). ...начал оное [расформирование]... разными обрядами, коими обезоружа до 8000 таковых войск, отпустил их с пашпортами в свои домы (Завалишин).

В середине XIX в. одинаково допускались оба возможных порядка слов (ср. Буслаев, Ист. гр., II Синт.). К нашему времени вполне победил тот, который соответствовал нормальному для управляемых имен существительных, т. е. за управляющим словом. У писателей старшего поколения можно иногда еще встретить *который* на первом месте[1].

9. Относительное местоимение в древнерусском не следовало за словом определяемым с тою обязательностью, которая принята в современном литературном русском языке; ср.: ...чтобы они освободили некоторых твоих сюды в нашу землю, которые умеют учити языка того (Грам. Иоанна Гр. шведск. королю, 1573 г.). Вашего архипастырства письмо, августа 13 писанное, мне отдано сентября в 9 день, из которого выразумел вашея святости доброжелание и молитвы... (Письмо Петра I патр. Адр., 1697 г.).

Поэтому в древнерусском языке возможны были случаи выражений, которые с нынешней точки зрения представлялись бы искажающими смысл высказывания: «Список с грамоты князя Ивана Федоровича рязанского с Витовтом, *что* ся ему дал в службу» (около 1430 г.): в службу отдался не Витовт князю Ивану Федоровичу, а последний первому: Господину, осподарю моему, великому князю Витовту; се яз, князь велики Иван Федорович рязанськы, добил есми челом, дался есми ему на службу...

Правило о том, что относительное *который* должно в придаточном предложении следовать за определяемым словом главного, и в XVIII в. строго не соблюдалось: Из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлаго тела и червоточины, которое с лености тучно бывает (Юности честн. зерц. 12). О пользе Истории не потребно бы толковать, которую всяк видеть и ощущать может (Татищев). Ум колеблется, когда приведу на память, что

---

[1] Вполне удовлетворительного объяснения нет, однако, для различия порядка слов, когда относительное местоимение зависит от глагола и всегда ему предшествует («...которого знаю» и под.), и того, когда управляющим является имя существительное, инфинитив или деепричастие, при которых относительное местоимение занимает обыкновенно второе место («...знание которого...», «...знать которого...», «...зная которого...»). Как на моменты серьезного значения следует указать, во-первых, что установившийся теперь при именах существительных порядок слов мог быть поддержан еще исстари существовавшим порядком слов в тех случаях, когда относительным местоимением управляло имя, падеж которого зависел от предлога; ср. из языка писателей начала XIX в.: ...И теперь надобно иметь свидание с незнакомым человеком, от суждения коего должна зависеть участь дальнейшей его жизни... (Нарежный). Мы перебегаем вдоль завалов и спускаемся в теснину, по дну которой вьется узкая тропа... (Бестужев-Марлинский), и, во-вторых, он отвечал старой ритмической тенденции славянских языков ставить элементы, пригодные по их природе делаться энклитиками, на второе место в ритмических членениях.

после всех этих веселий меня постигло, которые мне казались навеки нерушимы будут (Зап. Н. Б. Долгорукой, 1767 г.). Что же надлежит до второй части руководства к красноречию, то она уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выдет, об ускорении которой всячески просить и стараться буду... (Ломон., Пис. Шувалову). Также обычай у нас в деревнях сторожам быть на наших дворех, которые приходят с однеми голыми руками... (Инструкция дворецкому). Оснельда во слезах пред очи предстает, которые она о мне при смерти льет (Сумар., Хорев).

10. В древнерусском, наряду с употреблением в качестве предлогов **для** и **ради**, были известны и в постпозитивном употреблении: ...и ты поедь в свою землю за море, а на том тебя имать нечево для... (Грам., в списке царя Иоанна Вас. лифл. королю Магнусу,— пис. в 1579 г.); случая ради скораго (Сборн. XVII в.,— Бусл., стр. 1416). Жены для в пир, а детей для в мир (Стар. сборн., 973). И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий аншеф должен блюсти себя от лихоимства. ...Того ради всякому командиру надлежит сие непрестанно в памяти иметь и от оного блюстися (Морск. устав 1720 г.). Ты должен мне сказать: Каких ради причин ты вздумал отказать? (Судовщиков, Неслых. диво, 1802 г.).

К более редкому употреблению относятся случаи разрывов вроде: А *для* ему *береженья* тех шуб взяти с собою к Москве розсыльщиков... (Наказ Ш. Кубасову, 1611 г.), так же в наказе П. Апраксину этого же года. Или: ...*для ж* государева крестного *целованья*... (Письмо Т. Бирдюкина-Зайцева, 1608 г.).

11. Наречия-предлоги иногда употреблялись за управляемыми ими именами: Корабль как ярых *волн среди*... (Ломон.). Не смеют слуги и дохнуть, Тебя *стола вкруг* ожидая (Держ.). Ходит *милого вокруг* (Дмитр.).

Ср. в первые десятилетия XIX в.: *Швейцара мимо* он стрелой Взбежал по мраморным ступеням (Пушкин). Здесь, когда *их мимо* Я проезжал верхом при свете лунной ночи, Знакомым шумом шорох их вершин Меня приветствовал (Пушкин).

12. Допускался в древней письменности отрыв предлога от управляемого им слова вставленным между ними обращением: И для, государь, тово он ис Павловского отпущен к Москве (Хоз. Мороз., I, № 69). ...И для де, государь, того отошел он от Олаторя к Арзамасу в ближние места (Мат. Раз., III, № 14). И против де, государь, моих отписок он, околничей и воевода, к тебе, великому государю, писал о указе (там же, № 19).

13. Поэтический язык XIX в. допускает отрыв предлога от управляемого им слова выдвинутым родительным падежом другого слова, зависящим от этого последнего, но обыкновенно не разрешает зависящее слово выдвигать впереди предлога.

Употребление, параллельное в этом отношении поэтическому языку XIX в., встречается в старинной прозе: А сам *на* великого князя *службе* (Юрид. акты, 1479—1481 г.) ...*по* отца своего *благословленью*... (Раздельная кн. Угольских, 1541 г.). Писан *во* государя нашего царя и великого князя *отчине* в Смоленьску... (Смоленская грамота 1580 г.). И приезду есмя твоему добре ради, а того будем радостнее, как от тебя услышим *про* великого государя, царя и великого князя Московского *здоровье* (Отч. Я. Молвян.). А лошади стояли в городе Падве *на* Венецейского ж князя *корму* (там же), и нередко оно в XVIII в.: ...*От* славных вод Балтийских *края* (Ломон.). Так не все ли равно, что оно *в* того хозяина или в другого *сундуках?*... (Сумар. Опекун).

Редко — с дательным: Уже *для* обществу *покрова* Согласно всех душа готова В ней дщерь Петрову возвратить (Ломон., Ода 18).

Но наряду с этим XVIII в. и начало XIX в. еще шире пользуются сочетаниями с выдвинутым родительным вроде: Едва часы протечь успели, *Хаоса в бездну* улетели (Держ., На смерть князя Мещерск.). ...И *честолюбия* избег *от жала* (Держ., Евг.). Иль, утомясь, идем *скирдов, дубов под сень* (там же). Так *дедовских времен с* любезной *простотою* Вчера один старик беседовал со мною (Дмитр., Чужой толк). ...Сребристыя *луны* сражаяся *с лучами*... (Дмитр., Причудн.). Спускается на пух *из роз в сплетенном нише* (там же).

Значительно реже такие конструкции в языке прозы:

Женился полковника Ивана Ивановича Чагина на дочери (Запис. Данил.). Переписался из Глуховского гарнизона служить Гвардии в Семеновский полк солдатом (там же, — Бусл.). Ср. и с дательным: Изволь... обходиться со мною, как себе с равным (Болот.). Буслаев замечает, однако, что «такое расположение слов и теперь допускается в деловом слоге», т. е. в канцелярском слоге середины XIX в.

В письменности древнерусской мы встречаем такой порядок слов очень часто. XVIII век в этом отношении только продолжает традицию предшествующего времени: А князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив (Посл. Иоанна Гр. Курбск.). И он, Постничко, суды и кормщиков, и гребцов под Датцких посланников взял наших дворцовых сел со крестьян (Грам. из Новгор. Чети новгор. воеводам, 1602 г.). ...И собрався тех городов со всякими ратными людьми, идти в Володимер, к Москве... (Отписка нижегородцев к вологж.). ...запустело от дорогого хлеба и от литовских людей и от крымских людей войны (Челобитье серпуховичей 1611 г.). А на которые статьи в прошлых годех прежних государей в судебниках указу не положено... (Улож. 1649 г.). ...да тот же, государь, Прокофей пахал тово ж Володки на лошади двенадцать недиль... (Челобитная, поданн. боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.). 168 года, февраля в 21 день сказал патриарш подьяк Матвей Степанов... (Дело Ник., № 13). А вчерась

они [бесы] воппче просили, чтоб им поволили опять пребывать здешняго города в некоей сапожной жене, которой имяни не сказали, или некоторого господина в слуге (Куранты). ...Те бесы просили, чтоб священник, который их выгоняет, поволил, чтоб они, от нее вышедши, вселилися в тетку ее, матери ее родной в сестру... (там же). ...а Михаила митрополита в скаске тово не написано... (Дело Ник. № 9). Да митрополита ж Питирима в скаске написано... А Михаила митрополита в скаске написано... (там же). А полской король в то время женился брата своего на королеве (Котош., 57). ...А печатают в том Приказе грамоты и памяти, которые посылаются всего Московского государства в городы (Котош., 113). Была замужем тое ж слободы за крестьянином (Мат. Раз., III, № 26).

14. **Да** в повелительном наклонении теперь не отделяется от формы глагола. В XVIII в. и в начале XIX в. это допускалось: *Да* честь твоя *пройдет* все грады... (Держ.). В прозе у Батюшкова: *Да* Музы *спасут* вас и его от бед и горестей житейских. Ср. и да в значении союза: ...*да* праха ног твоих *коснусь* (Держ.). ...*да* словом *подтвердит* их клятвы он печать (Херасков).

15. Отодвинутый от начала придаточного предложения союз или относительное неизменяемое слово до XVIII в. встречаются в общем не часто: ...И вам о том государь *как* наказал, и вы мне скажите (Отчет Я Молвян.). ...Ино возят *аче* морем, иным пошлины не даюmь... (Хож. Аф. Никит.). А товарыщ мой холопа твоего околничей и воевода князь Костянтин Осиповичь Щербатово *где* ныне, того я, холоп твой, не ведаю (Мат. Раз., III, № 16).

В XVIII в. и в самом начале XIX в. поэты разрешают себе здесь большую свободу: О, коль доволен я, оставил *что* людей И честолюбия избег от жала (Держ., Евг.). Я медны изваял громады, Злодеев внешних *чтоб* карать (Радищ.). И слово собственностью числит, Невежства *чтоб* развеять прах (Радищ.). Словом: жег любви *коль* пламень, Падал я, вставал в мой век... (Держ., Признание). Неискусной *хотя* его напев, но нежностью изречения сопровождаемой проницал в сердца его слушателей (Радищ., 162). Лицо любови толь прекрасно, В ночи горят *коль* звезды ясно... (Ломон.). Песчинка *как* в морских волнах, Как мала искра в вечном льде, Как в сильном вихре тонкий прах, В свирепом *как* перо огне, Так я, в сей бездне углублен, Теряюсь, мысльми утомлен (Ломон., Вечерн. размышл.). ...корабль *как* ярых волн среди... (Ломон.). Престол чугунный разрушает, Самсон *как* древле сотрясает Исполненный коварств чертог (Рад.). И ты, вельможа, в блеске новом Не так ли, твой *как* пышен цуг... (Держ.). К тебе душа моя вспаленна, К тебе, словутая страна, Стремится, гнетом *где* согбенна, Лежала вольность попрана (Рад.). Но дале *чем* источник власти — Слабее членов тем союз (у него же). Не видят грозного владыки, Закон веселью *кой* дает (у него же). Награда

тут едина слава, Во храм бессмертья *что* ведет (у него же). Прехрабрый Ахиллес *как* в Трое росскакался, Не только страшен он и силен всем казался (Чулков, Плач. падение стихотворцев). ...Несите в глубину морей Те слезы, лили *что* народы У освященных алтарей (Озеров).

16. Частица **бы** условного наклонения, теперь никогда не примыкающая к заключительному союзу **то**, в XVIII в. могла отходить в это положение: ...Но если бы ты знал, как там хорошо сочиняют оперы Буффо, *то бы* ты сделался театральным Буффоном (Крыл., Почта дух.).

В языке XVIII в. допускался также отход **бы** к относительному склоняемому местоимению: Тогда и то, *что бы* нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние (Радищ.).

17. Стихотворный язык XVIII в. в духе классической латыни относительно широко культивирует гипербаты (инверсии, изменения естественного порядка слов), и это делает его фразу трудной для понимания, значительно более трудной, нежели стихотворная фраза Карамзина (конец века), Батюшкова, Жуковского[1].

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю Сколь важно... (Кант.). И мечет горстью твоих мозольми и по́том Предков скоплено добро (Кант.). Самых числу дивишься ты знаний, И в один всех мозг вместить смертных столь мнишь трудно, Сколь дворецкому не красть иль судье жить скудно (Кант.). ...И алчный пламень пожирает Минервин с громким треском храм! (Ломон.). Чудовища, что легковерным Раченьем древность и безмерным Подняв на твердь, вместила там, Укройтесь за пределы света! (Ломон.). Не приклони к их уха слову (Сумар.). Горько плакала Филлида, Очи простирая в понт, Из ея в которой вида Скрылся вечно Демофонт (Сумар.). О, радость, торжество! о, слава наших дней, Безмрачных с красотой сравнившихся лучей! (Петров). При солнечном простер поезд веселый свете (Петров; ср. пародирующие его манеру стихи в «Елисее» В. Майкова: Под воздухом простер свой ход веселый чистым Поехал как Нептун по вод верхам пенистым). ...чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл (Радищ.). Смеяся мнимого прещенья, Подъял луч Лютер просвещенья (Радищ.). Я, будучи и сам товарищ тех певцов, Которых действию дивился он стихов, Смутился... (Дмитр., Чужой толк). ...а был у ней рожок, Пастух зовет коров в которой на лужок (Чулков, Плач. падение стихотворцев). ...и малинькой брусочик, которой изъявлял безчестие тому, Сей жезл уже давно принадлежал кому (там же).

При многих бесспорных художественных достоинствах слога Державина, ему никак в заслугу нельзя поставить ясность. Среди

[1] О Тредиаковском, вовсе не считающемся ни с какими естественными ограничениями в размещении слов, не приходится и говорить.

другого последняя очень страдает от чрезвычайно произвольного у него расположения слов. Вот, напр., начало оды «Афинейскому витязю», которое, совершенно естественно, требует филологического комментария: «Сидевша об руку царя Чрез поприще на колеснице, Державшего в своей деснице С оливой гром, иль чрез моря Протекшаго в венце Нептуна, Или с улыбкою Фортуна Кому жемчужный нектар свой Носила в чаше золотой — Блажен, кто путь устлал цветами И окурил алоем вкруг, И лиры громкими струнами, Утешил, бранный славя дух».

Я. К. Грот справедливо замечает (2 акад. изд. сочин. Державина, 1868 г., стр. 524): «Расположение периода в этой строфе затрудняет понимание ее; вот естественный порядок слов: «Блажен, кто устлал цветами путь сидевшего об руку царя» и т. д.

Если говорить в целом о результатах изменений в порядке слов русского литературного языка, то общие тенденции можно было бы свести к таким:

1. Порядок слов в языке художественной литературы, отчасти в других жанрах, устанавливающийся в конце XVIII в. и упрочивающийся в XIX в., делается более соответствующим русской разговорной речи, более свободным от книжных иностранных влияний (ср. отказ от постановки сказуемых на конце предложений, родительных определительных впереди управляющих ими существительных, наречий-предлогов за управляемыми ими именами).

2. Планировка слов в ряде случаев порывает со случайностями их размещения, с возможною их разбросанностью в разговорной речи (ср. пример из конца XVII в.: А от того нового столба и от грани, *который* поставлен на прежнем месте, прямо бороздою поворотить направо...» (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134). ...В тех амбарах танцуют люди на веревках мужеска полу и женска преудивительно, также и девицы.— П. А. Толст.).

3. Гипербаты (инверсии), принципиально разрешаемые в художественном языке, особенно в языке поэзии, становятся в общем менее свободными. Среди других отметим хотя бы урегулирование места союзов и относительных слов.

4. В ряде случаев произошло выравнивание конструкций по родственным образцам. Сюда относится, напр., правило о месте постановки косвенных падежей от **который**, **что** и под., управляемых именами существительными (*желание которых*... вм. «которых желания», ...*потребность в чем* вм. «в чем потребность»), правило о неотрывании прилагательных и причастий от управляемых ими существительных (отказ от сочетаний типа «Сгружденные полки в защиту На брань ведешь ли знамениту За человечество карать»,— Радищ., 193).

5. Предлоги последовательно заняли место перед управляемыми словами (ср. др.-русск. *грех наших ради*; ...бога для, господо, постерегите матери моей и деток моих... Дух. Ост. ок. 1396 г.,— Срезн.).

§ 21. Общие черты в развитии русского синтаксиса.

Сопоставляя древнерусский синтаксис с современным нам литературным, в целом можно констатировать такие наиболее существенные черты отличия:

1. Моменты управления занимают в новом предложении более влиятельное место, чем в древнерусском. Для др.-русской речи в известной мере характерны сочетания: А по сесь день не принимати им к собе из моее волости из моих сел людей никого (Грам. в. кн. Софьи из Ростова, 1450 г.), т. е. «из сел моего владения», как сказали бы мы теперь. ...И те де надорожные волости от той новой дороги от гоньбы ставают впусте... (Грам. царя Бориса на Белоозеро, 1601 г.). А платье за столом на царе было: кофтан озяминой — камка белая (Мат. пут. Ив. Петлина, 277) = ...из белой камки. А корабли де под Китай под болшей под стену не ходят за сем ден (там же, 294). А на вершину на ту реку на Каратал прикочевывает Алтын царь своим улусом (там же, 295). ...служивым ратным людем на жалованье на роздачю (Грамота бояр из Ярослав. чети в Нерехту к воеводе, 1611 г.). И вспомнил, что у него в кавтане в клиньях зашиты червонцы... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). ...Якож де карабль плавает на море кормило гнило, править ево нечим, таков и аз недостойный... (Дело Ник., № 17). Камки травчатой, жаркой цвет, десять аршин (Дело Ник., № 105).

Особенно важны изменения там, где старые конструкции подавали повод к двусмысленности; ср., напр.: Ты плачешь, Но к чему так сердце отягчать? Или воспомнила ты Киеву досаду? (Сумар., Хорев) = обиду от Кия... Пою того героя, который... В угодность Вакхову, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков, Елис.) = в угоду Вакху.

2. Важным этапом развития мысли является образование такой первостепенного значения грамматической категории, как деепричастие,— средство в плане примыкания к глаголу-сказуемому давать сообщение о действиях с относящимися к ним предметными представлениями (см. § 15). В связи с образованием и развитием этой грамматической категории стоит и исчезновение сочетаний типа: ...а будет невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила, и он им, отцу и матере, за то пеняет потиху (Котош., XIII). А ежели за того человека невеста придет девства своего не сохранила... (там же).

3. Подчиненность предложений в новом языке значительно больше того, что было свойственно старинному языку, который часто довольствовался сочинением там, где мы прибегли бы обязательно к подчинению: ...а дал им ту деревню и пустошь Давыд Иванов сын Бортенев, да деревня..., а дала им ту деревню Марья Григорьевская жена Давыдова, да пустошь Загорье, а дал им тоѣ пустошь Василей Остафьев сын Елчанинов да в

Локнышском стану сельцо Рогушкино, а купили оне то сельцо у Григорья Петрова сына Синего да у князя Федора Ивановича Немого, деревня Кротово, а купили они ту деревню у Федора Безабразова, да (в) Волняникове стану сельцо Дубениково, а дал им то селцо и т. д. (Царская грам. Иос. Волоколамск. монастырю, 1623 г.). ...И тебе б прислать на моей лошеди, а однолично б тебе прислать ко мне не мешкав, чтоб поспеть х кушенью, а у меня будут в гостях бояря (Хоз. Мороз., I, № 44). Это одинаково приходится сказать как о широте употребления, так и об обычно практикуемом количестве степеней зависимости. Такое противопоставление не исключает, однако, и для древнего языка у особенно сильных стилистов или вынужденных к тому переводчиков — сложных периодов, впрочем, не всегда им удающихся без срывов с правильных конструкций.

4. Верно отмечено (Э. И. Каратаева, К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке,— Тезисы докладов по Секции филолог. наук научн. сессии 1945 г., Ленингр. унив., стр. 53), что сравнительно с памятниками предшествующего времени, напр. в «Домострое», у Котошихина и др., употребление бессоюзных предложений значительно возрастает, а в переводных и подражательных светских повестях XVII в. бессоюзные конструкции встречаются преимущественно в прямой речи, вероятно, как отражение особенности разговорного языка. Можно вполне согласиться и с тем, что «будучи для устной речи безусловно более ранним синтаксическим явлением [1], бессоюзное сложное предложение находит свое распространение в письменном языке лишь на известной стадии его культурного развития... Нужна большая культура, большое мастерство в построении сложных конструкций в письменной и устной речи, чтобы при длительном изложении избежать различного рода соединяющих и ссылочных средств. Но знаменательным и лингвистически ценным в развитии бессоюзного сложного предложения является не только тот факт, что в прошлом письменном языке по сравнению с современным литературным языком они мало употреблялись, а то, что они качественно отличаются от бессоюзных конструкций нашего времени» [2].

---

[1] Ср. многочисленные примеры старинных конструкций типа: «Аже тиун услышит, латинеской гость пришел (=«что латинский гость...»), послати ему люди с колы («возами») пьревести товары» (Грам. 1229 г.) — у Потебни, Из зап. по русск. грамм., III, стр. 333.

[2] Полезно отметить, однако, иногда и другое, прямо противоположное нашим стилистическим навыкам, построение старинной фразы (в определенных стилях): где мы теперь прибегли бы к разрыву текста на фразы, т. е. к ритмическим завершениям,— старинный автор может до утомительности часто использовать сочинительные союзы, сцепляя ими звенья своего сообщения. Напр., П. А. Толстой в дневнике своего путешествия пишет (июнь 1698 г.): «С первого часу дня почал быть самый малый ветр, и наш фрегадон по-малу подавался вперед, а с обеда почал быть ветр немалый, нашему надлежащему пути в противность, и фрегадон наш шел бордами, а по голландски лавирами, а после полудня припал зело великий ветр нам противный, а фортуна на море почала быть зело великая и нашего фрегадона ни бордами ни какими иными

5. Современный письменный язык гораздо требовательнее к синтактизации предложения — к выдержанности конструкций. Стиль некоторых древних книжников в этом отношении нередко очень неорганизован. Ср., напр.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого, бог послал, свое подвореице или деревеньку, или лавочку в торгу, или онбар, или домы каменые... (Домострой, 61),— контаминируется «у кого есть» и «кому послал». И так нерассудные люди живут в роботе, и на правеже и в долгу до коньца обнищает (там же, 68) — смешаны конструкции с множественным числом и с единственным типа синекдохи. ...чтоб нам его пожаловать, тех его городков нашим ратным людем, которые ныне сидят в городе в нашем на великой реке на Оби на усть Иртыша воевати его его и племя его все и его людей...не велети (Грам. царя Федора Иоанн. князю Вымской земли Лугую, в списке,— пис. в 1586 г.).

Или вот пример синтаксической нескладности в таком важном политическом документе, вышедшем из великокняжеской канцелярии, как «Докончание вел. князя Дмитрия Ивановича с вел. князем Тверским Михаилом Александр.» (1375 г.): «А что еси, буда с нами в целован[ь]и и сложа целованье, а кого будешь бояр наших, и слуг, и людеи московьских, и княжен[ь]я великог[о], или что еси пограбил или что у людеи поимано, ты, или твои бояре, или людеи пограбили и павозки, бояр ти, и людеи, и слуг попущати, а что грабежь или что с людеи поимано... то ти все отъдати».

«А коли иму слати свои данщикы в город и в станы, *а* тобе слати свои данщики с моими вместе» (Докончание вел. князя Дмитрия Иван. с княз. серпух. и боровским Владим. Андр., 1389 г.).

Особенно часто нечувствительны древнерусские авторы к слиянию конструкций безличных с личными: Ту же есть во церкви 12 коша хлебов *исполнено* Христовым благословением, их же господ ял со ученики своими (Путеш. Ант. конца XII в., по сп. нач. XV). А ездовой путь им стал *мешкотно* (Мат. пут. Ив. Петлина, 296). Да в прошлых годех, как *учинилося* у Московского царя с Полским Яном Казимиром королем недружба и война (Котош., 99). И великого государя к нему милость была такова, какова по отшествии его к нему никогда *не бывало* (Дело Ник., № 39). А как де *стало* заря заниматца, и Стенка де Разин пошол к Царицыну (Мат. Раз., I, № 9). И того ж де полку стрелец Егорко Иванов говорил ему: в Верху де *учинилось* — шум; а какой, и — того ему не сказал (Розыскные дела о Фед. Шаклов., I, I, 1, 1689 г.)[1]. И на

мерами итить в путь наш не пустило, и для того вошли мы в порт, который порт называется Ливир, и в том порте ночевали, а тот порт от Венеции 350 миль ит., а жилья у того порту никакого нет».

[1] Не имею, однако, в виду таких долго представлявшихся исследователям старинными конструкций с нарушенным согласованием, как «Лев страшно, обезьяна смешно», «Мед сладко, а муха гадко». Вопрос о них в настоящее

турскаго царя писал титлу, как у него *было* с турским царем брань о острове Кипрском... (Вымышл. статейный список посольства кн. З. И. Сугорского к кор. Максимильяну 1576 г.,— XVII в.).

Сами конструкции в ряде случаев подчинены теперь правилам более строгой и однообразной синтактизации. Ср. сказанное выше о лицах в косвенной речи (§ 19), о сочетаниях деепричастных конструкций со сказуемыми, вводимыми сочинительными союзами (*и*, *а*, *да*) — § 15, устранение сочетаний «притяжательное прилагательное от имени, согласованное с именем существительным, управляющим родительным падежом фамилии» (...полковника Денисова полку Швыйковского твои... ратные люди, Мат. Раз., III, № 60 = «полка полковника Дениса Швыйковского» и под.), отказ от морфологически различных конструкций со значением притяжательности же при сочинении; ср.: ...чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). Ср. и конструкции вроде: «...И от тое старые грани и ямы, *что половина осины свалилась* возле болота и Пупковы горы, на низ болотом на ольху...» (Фед.-Чех., II, № 134). Возможные, напр., в XVIII в. сочетания с нарушенными отношениями зависимости предложений вроде: ...огнь быстрый и жестокий, казалось ему, что разливался по его жилам (Вечерние часы, II, 1788 г.) позже почти полностью изживаются.

Изживались также в истории русского литературного языка некоторые морфологически неоднородные сочетания, которые были возможны в XVIII и даже в начале XIX в., напр., причастных оборотов и относительных придаточных предложений: Тем мы отмечаем ложь, вкорененную прежде и которую мы за правду признавали (Кант.). ...Несогнившее тело одного человека, погребенного лет за сто и о котором говорили тогда, якоб он был проклят (Болот.); придаточных предложений времени и предложных конструкций с родственными значениями: Когда оные [щиты] поспели, и по снабдении себя добрыми конями через несколько дней вступили они в области Гардориковы (Вечерние часы, II, 1788) [1].

Так часто еще в первые десятилетия XIX в.:

Знайте, однако ж, что Истина моя пребудет неизменно в сердце моем, исполненном любви к человечеству и которое не имеет нужды ни в каких свидетельствах, кроме собственной моей совести (Пнин, Письмо к издателю, 1805 г.). Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о трех тысячах волов, три дня назад отогнанных турками и которых весьма легко будет догнать дня через два (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835 г.).

время может считаться вполне решенным: как доказал В. И. Чернышев в статье «О нарушении согласования в русском языке»,— сборн. АН СССР «Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934)», 1938, стр. 258—262, эти конструкции — книжные грецизмы, в качестве таковых именно известные Мелетию Смотрицкому (1619), Н. Г. Курганову («Письмовник», первое изд. 1769 г., пятое — 1793 г.) и др.

[1] Противоположное направление в развитии отражает только история сравнительной степени,— см. Синт., § 7.

6. Требования к организованности порядка слов в прозаической речи в настоящее время, несомненно, бо́льшие.

Сравнительно с современной древнерусская фраза иногда производит впечатление разбросанной, с далеко отставленными друг от друга словами, между которыми грамматическую связь заменяет общая направленность мысли. Это не есть, однако, особенность древнерусского синтаксиса по существу, а только черта слога писателей относительно невысокой выучки и непретенциозного (не имеющего специальной эстетической направленности) стиля: И с Колязина поидох на Углеча, с Углеча на Кострому ко князю Александру, с иною грамотою, и *князь велики* отпустил мя *всея Руси* добровольно, *и на Плесо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву, пропустили добровольно* (Хож. Аф. Никит.)[1].

А *от того нового столба* и от грани, *который поставлен на прежнем месте*, прямо бороздою поворотить направо... (XVII в., Фед.-Чех., I, № 134).

Невозможны в современном языке, особенно в произведении с ясной эстетической установкой, и такие фразы, как: ...И воздадим поганому Мамаю победу, а великому князю Дмитрию Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу (Задонщина) или: И то они писмо к Москве привезли июня в 3 день и мощи благоверного царевича князя Дмитрея Ивановича (Памятн. Смутн. врем., 84).

7. В целом ряде моментов углубилась эстетизация фразы, напр., требовательность к тому, чтобы без специальной установки не повторялись уже только что употребленные слова: ...*аще* ся въвадить вълк в овьце, то выносить вьсе стадо, *аще* не убиють его (Лавр. сп. летоп., под 6453 г.). Бысть пожар велик в Кыеве, *яко* погоревшу ему мало не всему, *яко* церкви одиных изгорело мало не 600 (Новг. V летоп., под 6632 годом). ...и *будет* на такого помещика и вотчинника *будет* челобитие... (Котош., XI). ...а *будет* чего на жене и на детех взяти *будет* нечего... (Улож. 1649 г., 10, § 203). А бывает на Москве стрелецких *приказов*, когда и войны не бывает ни с которым государством, всегда болши 20 *приказов* (Котош., 90). ...Ему грозили поддьяконы и поддьяки Иван Тверитин и иные... за то, что *он*, Федор, дал скаску на соборе, как *он* [Никон] оставил патриаршеской престол с клятвою, будто по совету такую дал с Питиримом митрополитом (Дело Ник., № 40). ...И он де, Иван, говорил приставу своему *чтоб* царевичю доложил, *чтоб* царевичь велел его отпустить (Статейн. список посольства в Бухару Ив. Хохлова, 1620—1622 г.). И обшед с тою процессиею город, пришли к столпу резному, *о котором* в сей книге выше упоминалось, *который* поставлен на площади (П. А. Толст.). ...увидели на море впереди себя два судна турецких, *которыя*

[1] Ср. и примеры из Лаврент. списка летописи,— Изв. по русск. языку и слов., II (1929), стр. 52—53.

называются фусты, *на которых* ездят курсары, т. е. добыточники, или разбойники морские (у него же).

Старинный язык в некоторых сочинениях, в которых генеалогическому элементу принадлежала большая роль (Московская летопись), очень часто допускает длинную цепь имен от потомка к предкам,— построения, после сделавшиеся совершенно невозможными: «В лето 6786. Преставися князь велики Борис Василкович Ростовский, внук Констянтинов, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукого, препраправнук Владимира Маномаха, пращур Всеволож, прапращур Ярославль, препрапращур великого Владимера, во Орде (Патр., или Никон. летоп.). В лето 6788. Преставися князь велики Давид Костянтиновичь Галичьский и Дмитровский, внук Ярославль, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукаго, препраправнук Владимера Маномаха (там же).

Связывание частей фразы и фраз между собою при помощи однообразных *и*, *да* и *а* (ср. § 13) сменяется более эстетичным, с вниманием к тому, чтобы одни и те же сочинительные союзы допускались лишь в рядах (при интонации повторения), а в других случаях выбор их обеспечивал необходимое разнообразие. Свое место как соперники сочинительных союзов занимают в новом языке и выдвигаемые стилистические средства ритмомелодики.

8. Новый синтаксис не нуждается в напоминаниях об уже сказанном в той мере, в какой это было обычным для старинной речи.

а) Ср. старинные обороты в языке грамот, следственных документов и под., где, как и естественно, особенно важно было не смешать, о ком именно идет речь: ...И, пришод, говорил ему, патриарху (Дело Ник., № 17). ...И митрополит Питирим Крутицкой в ризницу его, патриарха, стал не пущать (там же). ...И увидел ключаря Федора Терентиева за ним близко, и я его, ключаря, спрошал (там же, № 36). Да генваря в 12 день писал ...из Саранска князь Никита Приимков-Ростовской с Аникеем Хомуцким, которой с теми казаки с Москвы отпущен, и прислал под отпискою провожатых роспросные речи о тех же казаках, а в отписке написано и в роспросных речах те провожатые в Саранску сказали так, что и наперед сего в отписке он, князь Никита, писал, что они, казаки, учинились силны, в Астарахань не поехали и Аникея Хомуцкого и их, провожатых, били и ружье у него, Аникея, отняли (Мат. Раз. II, № 23). ...отец ... писал к нему, чтоб он к нему приехал повидатса ко отцу своему... (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.). ...а Василия Кориотскаго оной гость нача просити, чтоб в Рассию не ездил, понеже он, гость ево, Василия, возлюбил, яко сына родного (там же).

б) В современном языке относительное слово в придаточном предложении не подкрепляется, как в древнем, повторением существительного, которое оно определяет (см. § 13); у нас теперь невозможны конструкции вроде: А спорного столба, который столб поставлен на пустоши Трестьянке, и того столба по моей игуменской мере впредь не оспаривать (Выпись из книг Ржев. уезда

1645 г., Фед.-Чех., II). На тот княжеский двор сделаны ворота каменные великия под палаты с площади, которая площадь называется Пяцасанмарка (П. А. Толст.). Потом пришел на то место, где стоят пушки на раскате, который раскат очищает вход в порт к воротам (у него же).

в) Современный язык отказался от повторения предлогов при приложениях и допускает пропуск их в повторяющихся членах синтаксического ряда. Мы сказали б и написали: «И услышали псковичи весть о пленении [сограждан] от псковича торговца [приказчика] Филиппа Поповича». В древнерусском писали: И переняша псковичи полоняную свою весть от Филипа от Поповича, от купчины, от псковитина (Сказ. о Псковск. взятии, 8). Ср. еще: Укрываясь от сыску у сына своего хлебенного приказу у подьячего у Макара (Мат. Раз., III, № 26).

Вовсе чуждо современному литературному языку и повторение предлогов при нескольких определениях, обычное в старинном языке:

...а дворянских и детей боярских крестьяне во все в те во смутные годы с нами... поделак не делывали... (Челобитье чернослободцев Переяславля Рязанского, 1611 г.), или: И на тех крестьянех на нынешней на 160 год масла не имать (Хоз. Мороз., I, № 48).

г) Единицы при десятках и под. не сочетаются теперь при помощи *и*, как в древнерусском; ср.: ...Крица по пятидесят рублев и по два рубля и по три (Мат. пут. Ив. Петлина, 294) и предлог при них не повторяется: ...А от Темникова во сте в двадцати верстах (Мат. Раз., III, № 64). У отца моего Савганейка взяли на пятсот на пять рублев (там же № 10). С них же на год емлют по 20 по 4 борана (Хоз. Мороз., II, № 7).

9. Сравнительно с языком домосковского периода большее развитие получило употребление предлогов. Так, сделалось невозможным отсутствие предлога при местном падеже (в пространственном и временно́м значении): др.-русск.— Всеславъ же седѣ Кыевѣ (Лавр. спис. лет., 6576 г.). И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ (там же, под 6532 г.).— Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ (там же, под 6618 г.). Том же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча в Угры, за королевичь... (там же, под 6612 г.).

Обязательными сделались предлоги при дательном падеже направления; ср. др.-русск.— Святополкъ же и Володимеръ поидоста на Олга Чернигову (Лавр. спис. лет., под 6604 г.). Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю.... (там же, под 6572 г.).

В ряде случаев и позже изживались главным образом книжные конструкции типа «убежать чего-либо», «уйти ненависти» и под.

Заметно сузилось употребление творительного падежа причины, который стал заменяться сочетаниями **по, из-за** и наречий-предлогов с соответствующими падежами.

10. Приблизительно с последней четверти XVIII в. (новиковско-карамзинская реформа) и в первой половине XIX в. реши-

тельно осуществлялось изживание иноязычных синтаксических конструкций, напр., латинских — типа accusativus (nominativus) cum infinitivo (винительный или именительный с инфинитивом), нередких и в прозе и в поэзии основоположников русского художественного слова XVIII в.: Потом удалось мне три новые сатиры, несколько песней и басней и другие малые творенийцы составить; но *усматревая слог их весьма различествовать* от прежних моих сочинений ... принялся сии исправить (А. Кантемир). Не пощадил, боязлив, я своей роботы; Лист написав, два или три изодрал, исхерил, Да и так *достойну глаз твоих быть не верил* (А. Кантемир). Не всяк ли скажет быть чудесно, Увидев мужество совместно С толикой купно красотой! (Ломон., Ода 6). Пространными Китай стенами Закрыт быть мнится перед нами (Ломон., Ода 12). Иль страсть моя к тебе еще мала быть мнится? (Сумар., Синав и Трувор). Не чает мертву быть ее рукой моею? (Сумар., Артистона). ...и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некотораго кавалера (Гистория о росс. матросе Василии Кориотском..., XVIII в.).

В духе французских способов выражения — у Кантемира, Сатира V: «*Бессчетных страстей рабы*, от детства до гроба, Гордость, зависть мучит вас, лакомство и злоба, Самолюбие и вещей тщетных гнусна воля; *К свободе охотники*, впилась в вас неволя». Первые, обособленные части предложений здесь не обращения, а обороты, близкие по смыслу к деепричастным — «будучи рабами бессчетных страстей», «будучи охотниками к свободе», и представляют собою построения, копирующие обычные для французского синтаксиса.

§ 22. О дательном самостоятельном.

Специальных замечаний требует оборот дательный самостоятельный, представляющий сочетание дательного падежа имени существительного или личного местоимения с согласованным с ним причастием и имеющий значение целого придаточного предложения, чаще всего — времени и причины, с подлежащим, отличным от подлежащего главного предложения. В старославянском это живой употребительный оборот: Обладаѭштоу понтьскоумоу пилатоу июдѣеѭ... бысть глаголъ божии к иоаноу=«В то время как Понтийский Пилат управлял Иудеею ... было слово божие к Иоанну»

В русских текстах: ...и стояли есмя в Платане 15 дни, *ветру и злу бывшу* (Хож. Афан. Никит.) и под.— этот оборот употребляется только подражательно.

Значительно реже случаи дательного самостоятельного с одним и тем же «смысловым подлежащим» в этом обороте и в сказуемной части фразы, вроде: ...не дошедшу ж ему острова, прииде на реку, зовомую Выг (Памятн. др.-русск. учител. литер., вып. II, стр. 27).

Встречаются, но относительно нечасто примеры, когда дательный самостоятельный вводится союзом (союзным словом) с тем

значением, которое должно выражаться данным оборотом и самим по себе: И *егда сему бываему*, тогда оба абие пребываста алчуща (Житие Сергея Радонежск.), и под.

Этот оборот уже в XVIII в. употреблялся только как архаический. Ломоносов в «Российской грамматике» (§ 468) высказывал сожаление об его утрате: «И хотя,— писал он,— еще есть некоторые того остатки Российскому слуху сносные, как: *бывшу мне на море востала сильная буря:* однако протчия из употребления вышли. В высоких стихах можно по моему мнению с разсуждением некоторыя принять. Может быть со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в Российское слово возвратится».

Дательный самостоятельный не редок, напр., у А. Н. Радищева. В своих стихах этот оборот употребляет А. Х. Востоков: *Наставшу утру* возвратился Мстислав с Светланой в Киев град (Светлана и Мстислав, 1802 г.), и др.[1] Очень запоздалый пример его употребления встречается у В. А. Жуковского в «Цеиксе и Гальционе» (1821): Вдруг с волной упадет [судно] и, *кругом взгроможденному морю*, Видит как будто из адския бездны далекое небо.

Весьма вероятно, что употребление дательного самостоятельного уже в древней летописи — факт только книжный, отражающий влияние церковнославянских образцов. Правдоподобно, напр., что в тексте (Ипат. сп. лет., под 5): «Но сии Кии княжаше в роду своєм, и приходившю ему к ц(с)рю не свемы но токмо о сем вемы, якоже сказають, яко велику честь приял есть от ц(с)аря, которого не вем и при котором приходи ц(с)ри», уже первый его составитель подставлял книжный оборот вместо обычного для него разговорного, вследствие чего внешне выпало важное для мысли «когда (именно)»: смысл фразы — «и когда он приходил к царю, мы не знаем, а знаем только то ... что получил он большую честь от царя; от какого именно царя и при каком царе он приходил.— (этого) мы не знаем».

Обращают на себя внимание довольно многочисленные случаи, которые, по-видимому, нужно рассматривать как контаминацию уже

[1] В древнерусском языке (летопись,— не говоря уже о памятниках церковного характера) дательный самостоятельный — вполне обычный оборот: ...и сразившимася полкома и победи Ярополк Ольга (Ипат. сп. лет., под 6485 г.) = ...и когда сразились оба войска, Ярополк победил Олега. Еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рек им... (Лавр. сп. лет., под 6562 г.) = Когда он еще был жив, наставил он своих сыновей, говоря...

Особенно характерны как проявление чисто литературного пристрастия к обороту дательный самостоятельный такие, напр., скопления, обычные, в частности, в Галицко-Волынской летописи, как: Кондрату же любящю русскыи бои и понужающу ляхы свое, онемь же одинако не хотящим, приступившима же има обеима ко воротомь Калишьскым, а Мирослава посласта в зад града... (Ипат. сп. лет., под 6737 г.), Володимеру же ятому бывшу в Торцьком и Мирославу... инемь бояръм многим ятым бывшим, Данилу же прибегшу к Галичю. Василкови же бывшу в Галичи с полком, и срете брата си (там же, под 6742 г.).

в древнерусском языке книжного оборота «дательный самостоятельный» и обычного способа передачи соответственных содержаний — деепричастными оборотами: «Мьстиславу же пьючи с Угры, и повеле им» (Ипат. сп. лет.) «...тако ему беседовавши с ними... отпусти и» (там же). «Данилови же крепко борющися, избивающи татары, видив то Мьстиславь Немый и потче» (там же, под 6733)[1].

По мнению И. Белоруссова, посвятившего этому обороту специальное исследование («Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности»,— Русский филол. вестник, 1899, стр. 71—146), он «возник и образовался в церковнославянском языке под влиянием греческого родительного самостоятельного и потому не мог не иметь с ним близкого сродства и сходства; но будучи введен в область древнерусского книжного языка, он, не переставая исполнять функции греческого родительного самостоятельного, расширил область своего употребления и стал явлением оригинальным...» (стр. 28).

В науке, особенно в последнее время, довольно энергично снова ставится вопрос об исконности этого оборота на славянской почве. Подводящее итоги исследование словацкого ученого Яни Станислава — «Dativ absolutný v starej cirkevnej slovančine»,— Byzantinoslavica, V (1933—1934), стр. 112, при всей добросовестности и старательности проделанной автором работы, убедительных результатов не дало. То, что приводилось как будто бы остатки этого оборота в болгарском (деепричастия типа *играештем*, *ходештем*), отдельные украинские фразы вроде «як же таки Галочці, будучи хазяйці, та не турбуватись?» и под.,— в большей или меньшей мере сомнительно. Большего доверия заслуживают севернорусские диалектные факты, напр., куростровск. (бывш. Арханг. губ., Холмогорск. уезда): «Я выехал уже *закатившись солнцу*», «Я приехал еще *не отошедши обедне*» (см. «Матер. для изучен. великорусск. говоров», VIII, Сборн. Отд. русского яз. и слов. АН, LXXIII, № 5, 1903) и такие др.-белорусские выражения, как: ...в небытности мужа своего, Грицка Ивановича Гричиновича, «*будучи ему* на службе господарской земской ...к селу Глинной до двора матки своее Ганны Семеновой Туровой пошла...» (Заявл. Марины Колбович, 1562 г.,— Пинские акты XV—XVI вв., Киев, 1903 г.); «...*приехавши* дей *ему* з бобровниками господарскими для ловенья бобров до села Конюхов, там дей у подданых войского Пинского пана Мартина Ширмы начал подводы просити...» (Заявл. леснич. Ив. Совы, 1562 г.,— Пинские акты).

Возникновение оборота на славянской почве гипотетически выводят из предложений, где дательный падеж являлся первоначально непосредственным дополнением (управляемым падежом) к главному сказуемому. Это объяснение А. А. Потебни и др. («Из запи-

[1] О возможности в настоящее время таких конструкций, хотя и представленных единичными примерами, см. в «Докладах и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР», X, 1950, стр. 120.

сок», II, стр. 340—342), по поводу которого он замечает: «Конечно, между выражением с дат. самост. «пьючю (пьючи) ему с Угры и поведе им» и другим «пьючю ему и поведаша ему», рассматриваемым как первообраз первого, большая разница, но ведь и всякая новая грамматическая форма, по отношению к предшествующей, кажется скачком»,— сохраняет свое значение и теперь как наиболее правдоподобное.

Время употребления оборота «дательный самостоятельный» в памятниках обследовано в упомянутой статье Н. Белоруссова.

§ 23. Заключение.

Мы не проследили в подробностях пути развития русского языка от начатков до его современного состояния как языка очень большого, высококультурного народа, играющего ведущую роль в многонациональном Советском Союзе и мощно влияющего идеологически-культурно на национальности в других странах Европы и Азии. Но и те вопросы, которых мы коснулись в книге как в историческом комментарии к современному литературному языку, в целом позволяют представить себе историческую жизнь русского языка как сложный и вместе с тем, вполне определенный, при всей его диалектичности, процесс развития — совершенствования этого необходимого средства социальной жизни народа. Русский язык, как и другие языки, которые сейчас обслуживают все общественные потребности народов,— продукт долгого развития, сложное явление исторического порядка с результатами огромного значения.

«Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»[1].

Получив от предшествующих эпох материал для дальнейшего развития своего языка, русский народ в своей исторической жизни не пассивно передавал его от одного исторического момента к следующему, а творчески приспособлял унаследованное применительно к новым задачам своего существования и роста в самых различных сферах жизни. Он не оставался, конечно, чуждым воздействиям народов и языков, с которыми ему приходилось вступать в контакт, но заимствования, во-первых, не сыграли в истории русского языка отрицательной роли — инородной стихии, заглушавшей национальную («чужое» оказывалось для русского народа обычно средством возбуждения творческого «своего»), а во-вторых, русское ядро национального языка сохранилось и осу-

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознаиия, изд. «Правда», 1950, стр. 22—23.

ществляло чем далее, всё более мощное свое действие. История русской литературы, науки, политической жизни, общественности и т. д. свидетельствует о том, что русский язык исключительно успешно выполнил свою роль инструмента всё более совершенствующейся цивилизации очень большого и одаренного народа.

Средствами своего словообразования несравненно более, чем заимствованиями извне, русский язык обеспечил все знаки понятий, которых ему не хватало на путях растущих потребностей в различных сферах жизни, отточил (уточнил) эти понятия, сделав их способными быть элементами передовой культуры, выработал из прежних морфологические категории более прогрессивные и т. д. Внутренние законы развития, разнообразные и пересекающие друг друга, в конечном счете обеспечили русскому языку известное упрощение флективной системы в тех ее унаследованных элементах, которые не имели значения для организации более совершенной мысли. В ходе исторического развития,— и это едва ли не самое главное,— созданы были типы организации предложения и фразы, более совершенной в ее смысловой вместимости, выразительности и эстетической отделанности.

Внимательный анализ не открывает, однако, в динамике достигнутых усовершенствований, при всей диалектичности процесса — наличии противоречивых тенденций, отсутствии параллелизма в развитии многих элементов, составляющих язык, и под.— взрывов, т. е. резкого, внезапного уничтожения существующего и замены его радикально новым, подобно тому, как это имеет место при смене надстроек. Пути развития языка характеризует вообще медленное накопление новых качеств, и русский язык в этом отношении не представляет исключения.

Русский литературный язык в его нынешнем состоянии — огромный культурный аппарат ведущей социалистической нации СССР. Мы не можем не любить и не ценить его, как замечательный инструмент высокой культуры, национальной по форме и социалистической по ее содержанию. При этом вряд ли пытливый взгляд на него может ограничиться одной констатацией того, что́ он представляет сейчас, без интереса к тому, чем он был, как развивался. Мы пытались в предшествующем остановить внимание читателя на некоторых особенно важных чертах развития русского литературного языка. Надеемся, что и в скромных пределах сделанного мы приблизились хотя бы частично к классическому подходу, которого требует в своем понимании явлений, в первую очередь общественной жизни, марксизм: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1].

[1] В. И. Ленин, Сочинения, том 35, стр. 200.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОШЕДШИХ В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ЮЖНОСЛАВЯНИЗМОВ.

В качестве южнославянизмов (церковнославянизмов, старославянизмов), устанавливаемых по фонетическим приметам, должны быть отмечены такие:

1. Слова с рефлексами **ра, ла, рѣ, лѣ** в случаях соответствия древнейшим славянским **ор, ол, ер, ел** между согласными и русскому полногласию **(оро, ере, оло)**: *град* — русск. *город* (в родстве с литовск. gardas, нем. Garten); *прах* — русск. *порох*; *глава* — русск. *голова* (литовск. и латышск. galva); *власть* — русск. *волость* (в родстве с литовск. valdýti «владеть»); *прѣдъ*, *пред* — русск. *перед; врѣдъ*, *вред* — русск. *веред; плѣнъ*, *плен* — русск. *полон* (в родстве с литовск. pelnas «плата»: через значение «добыча»); *влѣкѫ*, *влеку* — русск. *волоку* и под.

2. Слова с рефлексами **ра, ла**, в соответствии древнейшим славянским начальным **ор, ол** с так называемой циркумфлексовой интонацией[1] перед согласным в начале слова и вост.-славянским **ро, ло**: *раб*, *работа*, *расти*, *разум*, *разный*, *ладья*; ср.-русск. *робость*, сев.-русск. *робота*, *рост*, укр. *розум*, др.-русск. *розный*, совр. *рознь*, *лодка* (ср. с *работа* — нем. Arbeit, с *лодка* — литовск. aldija).

3. Слова с **жд** в соответствии древнейшей славянской группе **дй** (dj) и русскому **ж**: *рождать* (ср. *родить*) — русск. *рожать*; *насаждать* (ср. *садить*) — русск. *сажать*; *невежда* (ср. *ведать*) — русск. *невежа*.

4. Слова с **щ** в соответствии древнейшей славянской группе **тй** (tj) и русскому **ч**: *возвращать* (ср. *возвратить*) — русск. *ворочать*; *просвещение*, *освещение* (ср. *светить*) — русск. *свеча*.

5. Подавляющее большинство славянских слов с подударным **е** перед твёрдым согласным или на конце слова, в которых **е**, не

[1] Устанавлнвается эта нитонацня (ср. стр. 290) на основанни показаний, главным образом, языков сербохорватского и словенского.

восходящее к старому **ѣ**, произносится не как **о** со смягчением предшествующего согласного, а как **э**: *небо* (ср. русск. *нёбо* в другом значении), *хребет*, *лев*, *вертеп*, *бытие* и под.

6. Слова с **ер** (из **ьр**) между двумя согласными, из которых второй — твёрдый зубной, имеющие под ударением произношение **е** как **э**, а не **о** со смягчением предшествующего согласного: *перст*, *дерзкий*, *серна*.

7. Славянские слова с начальным **ю.**: *юг*, *юный*, *юро́дивый*.

8. Слова с твёрдым **з** и **г** после бывших перед ним в древнейший период славянских языков гласных переднего ряда: *польза* (ср. русск. *лёгок* и *не-льзя*), *состязаться*, *непритязательный* (ср. русск. *тягаться*), *осязать* (ср. русск. *посягать*).

9. Многие слова с переходом **ъ** в **о**, **ь** в **е** в открытых в прошлом слогах (в слогах, за которыми не следовали слоги с **ъ**, **ь** слабыми, впоследствии отпадавшими и выпадавшими), отражающие искусственное сохранение старых глухих (особенно в префиксах и суффиксах): *вопить* (ст.-сл. *въпити*), *уповать* (ст.-сл. *упъвати*, при «*уповати*», явившемся аналогически), *собор* (ср. ст.-сл. предлог **съ**), *собирать*, *воплощать*, *восклицать*, *вознаграждать* (ср. ст.-сл. префикс **възъ-**), *множество*, *художество* (ср. ст.-сл. *множьство* и под.).

10. Многие слова и формы с **ы**, **и** в соответствии древнейшим славянским **ъ**, **ь** перед **j** (**й**): *выя*, *убийца*, *желание*, *явление*, *воин*, *достоин*.

В области с л о в о о б р а з о в а н и я церковнословянское влияние, и прямое и косвенное (образование новых слов по южнославянским образцам), исключительно велико. Так, по крайней мере для большинства слов, южнославянский источник несомненен при с у ф ф и к с а х: **-тай** (*ходатай*, *глашатай*), **-тель** (*утешитель*, *ревнитель*, *воспитатель*), **-чий** (*кормчий*, *зодчий*), **-ен(е)ц** (*младенец*, *птенец*, *первенец*), **-стви(е)** (*благоденствие*, *путешествие*, *бедствие*), **-еств(о)** (*количество*, *убожество*), **-енств(о)** (*главенство*, *верховенство*), **-ани(е)**, **-ени(е)** (*желание*, *состязание*, *соревнование*, *терпение*, *умение*), **-изн(а)** (*отчизна*, *укоризна*), **-знь** (*жизнь*, *приязнь*), **-ын(я)** в абстрактном значении (*милостыня*, *гордыня*), **-тв(а)** (*ловитва*, *жатва*, *битва*), **-ейш(ий)**, **-айш(ий)** (*добрейший*, *сильнейший*, *величайший*).

Причастные образования на **-щий**, **-ший**, **-вший**, **-мый**.

Из п р е ф и к с о в надо, опять-таки для большинства случаев, церковнославянскими считать: **без-**: *безмерный*, *бесстрастный*, *безвестный*; **воз-**: *воспитать*, *возрастить* (ср. русск. «вырастить»); **вз-**: *взрастить*, *взалкать*; **из-**: *испачкать* (ср. «выпачкать»), *изругать* (ср. «выругать»), *испепелить* и под.; **низ-**: *ниспадать*, *низвергать*. Ср. и **пре-**, **пред-**, **чрез-**.

Меньше привилось даже в искусственном употреблении церковнославянизмов, относящихся к ф л е к с и и. Таковы:

1. Отдельные звательные формы. Ср. оправданное стилизацией в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина: «...Приплыла к нему

рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, «*старче?*». 2. Писавшийся и многими произносившийся род. п. ед. ч. женск. рода **ея.** 3. Уже в конце XVIII и в начале XIX века архаичный род. п. ед. ч. женск. рода прилагательных на **-ыя**, **-ия**: *из земныя неволи*, *на пажитях кровавыя войны*. 4. Имен.-вин. падеж мн. ч. женск. и средн. рода на **-ыя**, **-ия**: *старыя башни*; *дальнiя дороги*,— формы, так писавшиеся и изредка так произносившиеся до 1917 г. 5. Правописание **-аго**, **-яго** в род. падеже ед. числа муж. и среднего рода имен прилагательных.

6. Формы простых (нечленных) прилагательных и причастий в роли определений у поэтов XVIII и первых десятилетий XIX века: «Я горести твоей, о мудрый Старн! поверю. В нем сделал ты, народ, *чувствительну* потерю» (В. А. Озеров, «Фингал»); «Я видел красоту, достойную венца, Дочь *добродетельну*, *печальну* Антигону...» (К. Н. Батюшков); «Отдай же мне *протекши* лета» (А. С. Пушкин).

7. К церковнославянскому влиянию надо, вероятно, отнести в нынешнем употреблении и творительный падеж ед. числа жен. рода на **-ою**, **-ею**: тво**ею** сил**ою**; чуж**ою** земл**ею** и под.

Синтаксическими церковнославянизмами в литературном русском языке являются:

1. Употребление **есть** и **суть** в роли связки[1].
2. Ряд оборотов, связанных с употреблением причастий.
3. Союзы **ибо**, **дабы** и некоторые другие.

Отмечая церковнославянизмы в составе нынешнего литературного русского языка, надо, однако, отметить и тот не лишенный своего значения факт, что довольно многие церковнославянизмы нынешнего литературного употребления являются, собственно, результатом относительно позднего восстановления (в XVIII и XIX веках). Уже древняя московская письменность свободно открывала дорогу русской стихии, где теперь иногда возобладали церковнославянизмы. Ср., например, такие слова, обычно выступавшие в русской оболочке:

Вобчей, **вопчей** — совр. *общий*: «...а будеть простой человѣкь съ церковнымь, ино судъ вопчей» (Судеб. 1497 г., 59). Ср. *вобчей* в Судеб. 1550, 37, при *вопчей*, напр., в 74. А вчерась они воопче просили (Куранты).— К этимологии срав. чеш. obec «община».

В «Улож. 1649 г.», однако, восстановлена уже форма старославянского типа: «...общимь совѣтомь».

Оболоко: Птицы... подь синiя оболока летять (Задонщ. 10), но ср. там же: «Изъ тучи выступише кровавыя облака».

Межу — совр. *между*: «Быти стуку и грому велику межу Дономь и Днѣпромь» (Задон. 10).

---

[1] Вопреки Т. П. Ломтеву («Из истории синтаксиса русского языка», М., 1954, стр. 6—8), правильно отмечающему такое употребление уже в древнерусских памятниках, и в современном литературном языке, и даже в языке XVIII века, оно ни в какой связи с русским актовым языком древнейшего времени не состоит.

Нужа — совр. *нужда*: «...а коли нужа, и онъ ѣжь вь кельѣ... (Посл. Иоанна IV игумену Кир.-Белоз. монастыря), «А еѣ послѣ того держали въ великой нуже и родъ ея весь по далнимъ городомъ разосланъ былъ и въ конечной нужи злой жили» (Памятн. Смутн. врем., 86); «Сам ты, Афонасей, видел, какая у меня денежная нужа...» (письмо кн. Н. И. Одоевского, 1684 г.).

Осаженъ вм. совр. «осажден»: «Крѣпко крепость Орешак высокая... от московских войск осажена...» (Русск. Вѣд. 1703 г.).

Осужать — совр. *осуждать*: «Не осужай никого ни в чемь» (Домострой, 63).

Помочь — совр. *помощь*:

«...И тѣмь Московскому государству и всему православному христіянству великую неизреченную помочь учинили» (Грам. Пожар.). «...Стрелцы к нему на помочь в село пришли» (Котош.).

Преже, прежь — совр. *прежде*. Форма отражает только частичную русификацию (ср. «пережe»; «опережать»).

---

2. ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО СКЛОНЕНИЯ.

Типы склонения слов мужского рода.

о-*основы.*

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. влькъ	вълкъ
Р. влька	вълка
Д. вльку	вълку, вълкови
В. влькъ	вълкъ, вълка
Т. влькомь	вълкъмь
М. вльцѣ	вълцѣ
З. вльче	вълче
дв. ч.	
И. В. влька	вълка
Р. М. вльку	вълку
Д. Т. влькома	вълкома
мн. ч.	
И. вльци	вълци (вълкове)
Р. влькъ	вълкъ, вълковъ
Д. влькомъ	вълкомъ
В. влькы	вълкы
Т. влькы	вълкы
М. вльцѣхъ	вълцѣхъ

jo (**je**)-*основы и* **о**-*основы с* **-ц, s (з),** *явившимися из* **к** *и* **г** *после палатальных гласных:*

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. кон҃ь	конь
Р. коня	коня
Д. коню	коню (коневи)
В. кон҃ь	конь, коня

Т. конємь	коньмь
М. кон҄и	кони
З. коню	коню

дв. ч.

И. В. коня	коня
Р. М. коню	коню
Д. Т. конєма	конема

мн. ч.

И. кон҄и	кони
Р. кон҄ь	конь
Д. конємъ	конемъ
В. конѩ	конѣ
Т. кон҄и	кони
М. кон҄ихъ	конихъ

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.

ед. ч.

И. отьць, кънѧѕь	отьць, кънязь
Р. отьца, кънѧѕа	отьця, кънязя
Д. отьцу, кънѧѕу	отьцю, отьцеви, кънязю, кънязеви
В. отьць, кънѧѕь	отьць, отьця, кънязь, кънязя
Т. отьцемь, кънѧѕемь	отьцьмь, кънязьмь
М. отьци, кънѧѕи	отьци, кънязи
З. отьче, кънѧже	отьче, къняже

дв. ч.

И. В. отьца, кънѧѕа	отьця, кънязя
Р. М. отьцу, кънѧѕу	отьцю, кънязю
Д. Т. отьцема, кънѧѕема	отьцема, кънязема

мн. ч.

И. отьци, кънѧѕи	отьци, кънязи
Р. отьць, кънѧѕь	отьць, кънязь
Д. отьцемъ, кънѧѕемъ	отьцемъ, къняземъ
В. отьцѧ, кънѧѕѧ	отьцѣ, кънязѣ
Т. отьци, кънѧзи	отьци, кънязи
М. отьцихъ, кънѧѕихъ	отьцихъ, кънязихъ

ъ-*основы (основы на* **u**).

ед. ч.

И. сынъ	В. сынъ	М. сыну
Р. сыну	Т. сынъмь	З. сыну
Д. сынови		

дв. ч.

И. В. сыны
Р. М. сынову
Д. Т. сынъма

мн. ч.

И. сынове	В. сыны
Р. сыновъ	Т. сынъми
Д. (сынъмъ)	М. (сынъхъ)

ь (і)-*основы.*

Др.-слав.	Др.-вост. слав.
ед. ч.	
И. пѫть	путь
Р. пѫти	пути
Д. пѫти	пути
В. пѫть	путь
Т. пѫтьмь	путьмь
М. пѫти	пути
З. пѫти	пути
дв. ч.	
И. В. пѫти	пути
Р. М. пѫтью, пѫтию	путью, путию
Д. Т. пѫтьма	путьма
мн. ч.	
И. пѫтьє, пѫтиє	путьє, путиє
Р. пѫтьи, пѫтии	путьи, путии
Д. пѫтьмъ	путьмъ
В. пѫти	пути
Т. пѫтьми	путьми
М. пѫтьхъ	путьхъ

Основы на согласные.

ед. ч.	
И. камы	дьнь
Р. камене	дьне
Д. камени	дьни
В. камень	дьнь
Т. каменьмь	дьньмь
М. камене	дьне
дв. ч.	
И. В. камени	дьни
Р. М. (камену)	дьну
Д. Т. каменьма	дьньма

мн. ч.

И.	камене	дьне
Р.	каменъ	дьнъ
Д.	каменьмъ	дьньмъ
В.	камени	дьни
Т.	каменьми	дьньми
М.	каменьхъ	дьньхъ

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
мн. ч.	
И. граждане, жителе	горожяне
Р. гражданъ, жителъ	горожянъ
Д. гражданемъ	горожяномъ, горожямъ, горожяньмъ [?]
В. граждани	горожяни, горожяны
Т. гражданы, жителы	горожяны, горожями, горожяньми
М. гражданехъ	горожянъхъ, горожяхъ, горожяньхъ [?]

Типы склонения слов среднего рода.

о-*основы.*

Др.-слав.

ед. ч.

И. В. З.	село	
Р.	села	
Д.	селу	
Т.	селомь	др.-вост.-слав. *селъмь*
М.	селѣ	

дв. ч.

И. В. селѣ
Р. М. селу
Д. Т. селома

мн. ч.

И. В.	села
Р.	селъ
Д.	селомъ
Т.	селы
М.	селѣхъ

jo (je)-*основы.*

ед. ч.

И. В. З.	полє	
Р.	поля	
Д.	полю	
Т.	полємь	др.-вост.-слав. *польмь*
М.	поли	

дв. ч.

И. В. поли
Р. М. полю
Д. Т. полєма

мн. ч.

И. В. поля
Р. поль
Д. полємъ
Т. поли
М. полихъ

Основы на с (s).

ед. ч.

И. В. З. слово
Р. словесе
Д. словеси
Т. словесьмь
М. словесе

дв. ч.

И. В. словесѣ, тѣлеси
Р. М. словесу
Д. Е. (словесьма)

мн. ч.

И. В. словеса
Р. словесъ
Д. словесьмъ
Т. словесы
М. словесьхъ

Основы на **н** (n) *и* **т** (t).

ед. ч.

И. В. З. имѧ, отрочѧ
Р. имене, отрочѧте
Д. имени, отрочѧти
Т. именьмь, отрочѧтьмь
М. имене, отрочѧте

дв. ч.

И. В. именѣ, отрочѧтѣ
Р. М. имену, отрочѧту
Д. Т. именьма, отрочѧтьма

мн. ч.

И. В. имена, отрочѧта
Р. именъ, отрочѧтъ
Д. именьмъ, отрочѧтьмъ
Т. имены, отрочѧты
М. именьхъ, отрочѧтьхъ

Остатки ь (і)-*основ.*

дв. ч.

И. В. очи, уши
Р. М. очью, очию, ушью, ушию
Д. Т. очима, ушима

Типы склонения слов женского рода.

ā-*основы.*

ед. ч.

И. жена
Р. жены
Д. женѣ
В. женѫ — др.-вост.-слав. *жену*
Т. женоѭ — др.-вост.-слав. *женою*
М. женѣ
З. жено

дв. ч.

И. В. женѣ
Р. М. жену
Д. Т. женама

мн. ч.

И. В. жены
Р. женъ
Д. женамъ
Т. женами
М. женахъ

jā-*основы и* **ā**-*основы с* **ц, s**, *возникшими из* **к, г** *после палатальных гласных.*

	Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
	ед. ч.	
И.	земля, овьца	земля, овьця
Р.	землѩ, овьцѧ	землѣ, овьцѣ
Д.	зем͡ли, овьци	земли, овьци
В.	землѭ, овьцѫ	землю, овьцю
Т.	землєѭ, овьцеѭ	землею, овьцею
М.	зем͡ли, овьци	земли, овьци
З.	землє, овьце	земле, овьце

дв. ч.

И. В. земл͡и, овьци
Р. М. землю
Д. Т землямa

мн. ч.

И. В. землѩ, овьцѧ др.-вост.-слав. *землѣ, овьцѣ*
Р. зем͡ль, овьць
Д. землямъ
Т. землями
М. земляхъ

ь-*основы (основы на* *і).

ед. ч.

И. В. кость
Р. кости
Д. кости
Т. костиѭ, костьѭ др.-вост.-слав. *костию, костью*
М. кости
З. кости

дв. ч.

И. В. кости
Р. М. костию, костью
Д. Т. костьма

мн. ч.

И. В. кости
Р. костии, костьи
Д. костьмъ
Т. костьми
М. костьхъ

Основы на р (г).

ед. ч.

И. З. мати
Р. матере
М. матери
В. матерь
Т. материѭ др.-вост.-слав. *материю, матерью*
М. матери

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В. матери
Р. матеръ
Д. матерьмъ
Т. матерьми
М. (матерьхъ)

ы-*основы* (*основы на* ū).

ед. ч.

И. З.	црькы	
Р.	црькъве	
Д.	црькъви	
В.	црькъвь	
Т	црькъвиѭ	др.-вост.-слав. *цьркъвию*, *цьркъвью*
М.	црькъве	

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В.	црькъви
Р.	црькъвъ
Д.	црькъвамъ
Т.	(црькъвами)
М.	црькъвахъ

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ.

ед. ч.

И. азъ	ты	др.-вост.-слав. *я*
Р. мене	тебе, себе склоняется параллельно *ты*	диал. др.-вост.-слав. *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ*
Д. мьнѣ, ми	тебѣ, ти	др.-вост.-сл. *тебѣ* и *тобѣ*, *себѣ* и *собѣ*
В. мене, мѧ	тебе, тѧ	диал. др.-вост.-слав. *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ*
Т. мъноѭ	тобоѭ	
М. мьнѣ	тебѣ	др.-вост.-слав. *тебѣ* и *тобѣ*, *себѣ* и *собѣ*

дв. ч.

И. В. вѣ	ва	др.-вост.-слав. 2 л. *ва(?)*, *вы*
Р. М. наю	ваю	
Д. Т. нама, на	вама, ва	

В Супр. рукоп. вин. п. 1 л. — *на*, 2 л. — *ва*
др.-вост.-слав. вин. пад. 1 л. — *наю*, *на*; 2 л. — *ваю*, *ва*

мн. ч.

И. мы	вы	
Р. насъ	васъ	
Д. намъ	вамъ	др.-вост.-сл. *намъ* и *ны*, *вамъ* и *вы*
В. насъ, ны	васъ, вы	
Т. нами	вами	
М. насъ	васъ	

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И.	онъ	оно	она	
Р.	єго		єѩ	др.-вост.-сл. ж. р. *єѣ*
Д.	єму		єи	
В.	и; после управляющего предлога — *н͡ь*;	є	ѩ	др.-вост.-слав. м. р. *и*, *єго*, ж. р. *ю*, *єѣ*
Т.	имь		єѭ	др.-вост.-слав. ж. р. *єю*
М.	ємь		єи	

К имен. пад. ср.: иже, єже, яже

дв. ч.

И.	она	онѣ	онѣ
В.	я	и	и
Р. М.	во всех родах єю		
Д. Т.	» » »	има	

К именит. пад. ср.: яже, иже, иже

мн. ч.

И.	они	она	оны
Р.	для всех родов	ихъ	
Д.	» » »	имъ	
В.	ѩ	я	ѩ	др.-вост.-слав. м. и ж. р. *ѣ*
Т.	для всех родов	ими	
М.	» » »	ихъ	

К им. пад. ср.: иже, яже, ѩже; др.-вост.-слав. жен. р. *ѣже.*

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И.	тъ	то	та	др.-вост.-сл. м. р. *тъ*, *тътъ*
Р.	того		тоѩ	др.-вост.-слав. ж. р. *тоѣ*
Д.	тому		тои	
В.	тъ	то	тѫ	др.-вост.-слав. м. р. *тъ* *тътъ*, *того*, ж. р. *ту*, *тоѣ*
Т.	тѣмь		тоѭ	др.-вост.-слав. ж. р. *тою*
М.	томь		тои	

дв. ч.

И. В.	та	тѣ
Р. М.	для всех родов	тою
Д. Т.	» » »	тѣма

мн. ч.

м. р.	ср. р.	ж. р.
И. ти	та	ты
Р. для всех родов тѣхъ		
Д. » » » тѣмъ		
В. ты	та	ты
Т. для всех родов тѣми		
М. » » » тѣхъ		

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	вьсь	вьсе	вьса, вься	ж. р. *вься*
Р.	вьсего		вьсеѩ	ж. р. *вьсеѣ*
Д.	вьсему		вьсеи	
В.	вьсь	вьсе	вьсѫ, вьсѭ	ж. р. *вьсю*
Т.	вьсѣмь		вьсеѭ	ж. р. *вьсею*
М.	вьсемь		вьсеи	

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	вьси	вьса, вься	вьсѧ	ср. р. *вься*, ж. р. *вьсѣ*
Р.	для всех родов вьсѣхъ			
Д.	» » » вьсѣмъ			
В.	вьсѧ	вьса, вься	вьсѧ	м. р. *вьсѣ*, ср. р. *вься*, ж. р. *вьсѣ*
Т.	для всех родов вьсѣми			
М.	» » » вьсѣхъ			

	къто	чьто
И.	къто	чьто
Р.	кого	чесо, чьсо, чесого
Д.	кому	чему, чьсому, чесому
В.	кого	чьто
Т.	цѣмь	чимь
М.	комь	чемь, чесомь

СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

	м. р. ср. р.	ж. р.
И. В.	дъва	дъвѣ
Р. М.	для всех родов	дъвою
Д. Т.	» » »	дъвѣма

	м. р. ср. р.	ж. р.
И.	триѥ, трьѥ	три
Р.	для всех родов.	трии, трьи
Д.	» » »	трьмъ
В.	» » »	три
Т.	» » »	трьми
М.	» » »	трьхъ

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.		четыре	четыри
Р.	для всех родов		четыръ (четырь)
Д.	»	» »	четырьмъ
В.	»	» »	четыри
Т.	»	» »	четырьми
М.	»	» »	четырьхъ

СКЛОНЕНИЕ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Основы на **о** *и на* **ā**.

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	новъи, новыи,	новоє	новая	
Р.	новаєго	как м. р.	новыѧ	м., ср. р. *нового*, ж. р. *новоѣ*, *новыѣ*
Д.	новуєму	как м. р.	новѣи	м., ср. р. *новому*, ж. р. *новои*, *новѣи*
В.	новъи, новыи	новоє	новѫѭ	ж. р. *новую*
Т.	новыимь	как м. р.	новѫѭ, новоѭ	м., ср. р. *новымь*, *новыимь*, ж. р. *новою*
М.	новѣємь	» » »	новѣи	м., ср. р. *новомь*, *новѣмь*, ж. р. *новои*, *новѣи*

дв. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И. В.	новая	новѣи	как сред. р.	
Р. М.	новую	как муж. р.		*новою*
Д. Е.	новыима	» » »		*новыма*, *новыима*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И.	новии	новая	новыѩ	ж. р. *новыѣ*
Р.	новыихъ	как муж. р.		*новыхъ*, *новыихъ*
Д.	новыимъ	» » »		*новымъ*, *новыимъ*
В.	новыѩ	новая	новыѩ	м., ж. р. *новыѣ*
Т.	новыими	как муж. р.		*новыми*, *новыими*
М.	новыихъ	» » »		*новыхъ*, *новыихъ*

Основы на **jo**, **jā**.

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	си͡ньи, си͡нии	синєє	синяя	
Р.	синяєго	как муж. р.	синѩѩ	м., ср. р. *синего*, ж. р. *синеѣ*
Д.	синюєму	» » »	си͡нии	м., ср. р. *синему*, ж р. *синей*

В.	сн̑ьи, синии синєє	синѭѭ м. р., ср. р. *синьи*, *синии* или *синего*, ж. р. *синюю*
Т.	син̑иимь как муж. р.	синѭѭ, м., ср. р. *синимь*, *синиимь*, синєѭ ж. р. *синею*
М.	(син̑иємь) син̑иимь	син̑ии м., *синемь*, ж. р. *синеи*

дв. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-сл.
И. В.	синяя	син̑ии	как ср. р.	
Р. М.	синюю	как муж.	р.	*синею*
Д. Т.	син̑иима	»	»	*синима* и *синиима*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	син̑ии	синяя	синѩѩ	ж. р. *синѣѣ*
Р.	син̑иихъ	как муж. р.		*синихъ*, *синиихъ*
Д.	син̑иимъ	как муж. р.		*синимъ*, *синиимъ*
В.	синѩѩ	синяя	синѩѩ	м., ж. р. *синѣѣ*
Т.	син̑иими	как муж. р.		*синими*, *синиими*
М.	син̑иихъ	»	» »	*синихъ*, *синиихъ*

СКЛОНЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ.

Причастия наст. вр. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.		веды	ведѫщи[1]	м. и ср. р. *веда* ж. р. *ведучи*
Р.		ведѫща	ведѫщѧ	
Д.		ведѫщу	ведѫщи	
В.	ведѫщь	веды (ведѫще)	ведѫщѫ	
Т.		ведѫщемь	ведѫщеѭ	
М.	для всех родов ведѫщи			

дв. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. В.	ведѫща		ведѫщи
Р. М.	для всех родов ведѫщу		
Д. Т.	ведѫщема		ведѫщама

[1] *щ* = шт.

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	ведѫще	ведѫща	ведѫщѧ
Р.	для всех родов ведѫщь		
Д.	ведѫщемъ		ведѫщамъ
В.	ведѫщѧ	ведѫща	ведѫщѧ
Т.	ведѫщи		ведѫщами
М.	ведѫщихъ		ведѫщахъ

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	читаѩ		читаѭщи
Р.	читаѭща		читаѭщѧ

и далее с той же основой и с окончаниями теми же, что и у *веды, ведѫщи*[1].

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	хвалѧ		хвалѧщи др.-вост.-слав. м. и ср. р. *хваля*, ж. р. *хвалячи*
Р.	хвалѧща		хвалѧщѧ — м. и ср. р. *хваляча*, ж. р.

хвалячѣ и далее с окончаниями (флексиею) теми же, что и у других основ.

[1] В соответствии щ старославянского языка в вост.-славянском — фонетический рефлекс ч. Ст.-слав. окончаниям на ѩ соответствует ѣ.

3. ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СПРЯЖЕНИЯ.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
	ед. ч.
1. ведѫ	веду
2. ведеши	ведеши, ведешь
3. ведетъ	ведеть, веде
	дв. ч.
1. ведевѣ	ведевѣ, ведева
2. ведета	ведета
3. ведете	
	мн. ч.
1. ведемъ	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2. ведете	
3. ведѫтъ	ведуть, веду
	ед. ч.
1. велѭ	велю
2. велиши	велиши, велишь
3. велитъ	велить
	дв. ч.
1. веливѣ	веливѣ, велива
2. велита	велита
3. велите	
	мн. ч.
1. велимъ	велимъ, велимы, велимо, велиме
2. велите	
3. велѧтъ	велять
	ед. ч.
1. єсмь	єсмь; єсми с XIV в.
2. єси	
3. єстъ	єсть, є

дв. ч.

1. єсвѣ	єсвѣ, есва
2. єста	
3. єсте	єста

мн. ч.

1. єсмъ	єсмъ, єсмы, єсмо, єсме; єсмя с XIV в.
2. єсте	
3. сѫть	суть, су

ед. ч.

1. дамь	
2. даси	
3. дастъ	дасть

дв. ч.

1. давѣ	давѣ, дава
2. даста	
3. дасте	даста

мн. ч.

1. дамъ	дамъ, дамы, дамо, даме
2. дасте	
3. дадѧтъ	дадять, дадя; дадуть, даду с XIV в.

Преходящее (imperfectum).

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.

ед. ч.

1. ведѣахъ зъваахъ (зовѣахъ)	ведяахъ, ведяхъ; зъваахъ, зъвахъ
2. ведѣаше зъвааше (зовѣаше)	ведяаше, ведяше
3. ведѣаше зъвааше (зовѣаше)	ведяаше (ть), ведяше (ть)[1]

дв. ч.

1. ведѣаховѣ; зъвааховѣ (зовѣаховѣ)	ведяховѣ; ведяхова; зъваховѣ, зъвахова
2. ведѣашета; зъваашета (зовѣашета)[2]	
3. ведѣашете; зъваашете (зовѣашете)[2]	ведяста; зъваста[3]

[1] Ниже приводятся только стяженные формы.

[2] Наряду с формами типа *-шета*, *-шете*, в старославянском существовали и формы с окончаниями **-ста**, **-сте**.

[3] Изредка **-шета** (2 л. дв. ч.) и **-шете** (2 л. мн. ч.). В сев.-русских памятниках XIII—XIV вв. встречаются формы на **-шьте**, **-шьта**.

мн. ч.

1. ведѣахомъ; зъваахомъ (зовѣахомъ)	ведяхомъ (-ы, -о, -е); зъвахомъ (-ы, -о, -е)
2. ведѣашете; зъваашете (зовѣашете)[2]	ведясте; зъвасте[1]
3. ведѣахѫ; зъваахѫ (зовѣахѫ)	ведяху(ть); зъваху(ть)

ед. ч.

1. моляахъ; велѣахъ
моляхъ; веляхъ и т. д.
2. моляаше; велѣаше
3. моляаше; велѣаше

дв. ч.

1. моляаховѣ; велѣаховѣ
2. моляашета; велѣашета[2]
3. моляашете; велѣашете[2]

мн. ч.

1. моляахомъ; велѣахомъ
2. моляашете: велѣашете[2]
3. моляахѫ; велѣахѫ

Аорист.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
1. вѣсъ, ведохъ	ведохъ
2. веде	
3. веде	
дв. ч.	
1. вѣсовѣ, ведоховѣ	ведоховѣ, ведохова
2. вѣста, ведоста	ведоста
3. вѣсте, ведосте	ведоста
мн. ч.	
1. вѣсомъ, ведохомъ	ведохомъ, ведохомы, ведохомо, ведохоме
2. вѣсте, ведосте	ведосте
3. вѣсѧ, ведошѧ	ведошя

ед. ч.

1. молихъ велѣхъ
2. моли велѣ
3. моли велѣ

[1] См. сноску [3] на стр. 461.
[2] См. сноску [2] на стр. 461.

дв. ч.

1. молиховѣ	велѣховѣ	
2. молиста	велѣста	
3. молисте	велѣсте	молиста, велѣста

мн. ч.

1. молихомъ	велѣхомъ	молихомъ, молихомы, молихомо, молихоме
2. молисте	велѣсте	
3. молишѧ	велѣшѧ	велѣшя

ед. ч.

1. зъвахъ	дахъ	
2. зъва	да	
3. зъва	да, дасть	

дв. ч.

1. зъваховѣ	даховѣ	
2. зъваста	даста	
3. зъвасте	дасте	*зъваста, даста*

мн. ч.

1. зъвахомъ	дахомъ	*дахомъ, дахомы дахомо, дахоме*
2. зъвасте	дасте	
3. зъвашѧ	дашѧ	*дашя*

Повелительное наклонение.

2 л. ед. **ч.** веди; рьци

дв. ч.

1. ведѣвѣ; рьцѣвѣ
2. ведѣта; рьцѣта

мн. ч.

1. ведѣмъ; рьцѣмъ
2. ведѣте; рьцѣте

2 л. ед. **ч.** моли; вели

дв. ч.

1. моливѣ	веливѣ
2. молита	велита

мн. ч.

1. молимъ	велимъ
2. молите	велите

ед. ч.

2 л. даждь др.-вост.-слав. *дажь, даи*

дв. ч.

1. дадивѣ 2. дадита	др.-вост.-слав.	*дадивѣ, дадива*

мн. ч.

1. дадимъ 2. дадите	др.-вост.-слав.	*дадимъ, дадиме,* *дадимы, дадимо*

АНАЛИТИЧЕСКИЕ (СЛОЖНЫЕ) ФОРМЫ.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
Будущее I.	
имамь, хощѫ, начьнѫ вести	иму, хочю, начьну, буду вести и т. д.
Будущее II.	
бѫдѫ велъ, вела, вело и т. д.; бѫдѫ пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.	буду велъ, вела, вело и т. д.; буду пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.
Прошедшее сложное (perfectum).	
єсмь велъ, вела, вело и т. д.; єсмь пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.	
Давнопрошедшее (plusquamperfectum).	
бѣахъ (бѣхъ) велъ, вела, вело и т. д.; бѣахъ пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.	бяхъ велъ и т. д., єсмь былъ велъ и т. д.

Условное (сослагательное) наклонение.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
1. бимь велъ, -а, -о 2. би » » » 3. би » » »	быхъ велъ, -а, -о и т. д.
дв. ч.	
1. бивѣ вела, -ѣ, -ѣ 2. биста » » » 3. бисте » » »	

мн. ч.

1. бимъ вели, велы, вела
2. бисте » » »
3. бѫ » » »

Причастия прош. врем. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	ведъ		ведъши	
Р.	ведъша		ведъшѧ	жен. р. *ведъшь*
			и т. д.	
И.	хваливъ		хваливъши	
Р.	хваливъша		хваливъшѧ	жен. р. *хваливъшь* и т. д.

4. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИИ И ЕГО ПРЕДПОСЫЛКАХ.

Наряду с собственно историческим изучением языка — изучением отражения истории языка в памятниках, другим видом исторического исследования является сравнительно-исторический анализ фактов. Этот анализ базируется, прежде всего, на установлении родства определенных языков и на признании за этим фактом необходимости допустить, что соответствующие языки представляют продукт эволюции некоторой в прошлом более или менее близкой к единству языковой системы. Важную роль при реконструкции этой гипотетической системы играют приемы так называемого этимологизирования, т. е. установления первоначального значения (греч. étymon) и звучания слов, известных из нескольких родственных языков как сходные по смыслу и по внешней форме.

Все такого рода изыскания предполагают несколько ведущих приемов работы. Для того чтобы установить с достаточной вероятностью (а в этой области возможны по самой ее природе только вероятности, более и менее высокие), каким было исходное значение слова и какой путь пройден им от этого исходного значения ко всем позднейшим, нужно знать или угадать его былые материальные связи (историю соответственных вещей), опереться на достаточно достоверные аналогии того, какие связи и переходы значений вообще наблюдаются в языках, использовать прямые показания памятников языка, какие изменения значений в нем совершались, и, пользуясь понятием фонетического закона (т. е. обычно действующих в языках фонетических закономерностей), проверить правдоподобность предполагаемых для звуковой истории слова переходов и в конечном счете реконструкцию его древнейшего вида. Практика такого рода работы — этимологизирования — допускает обыкновенно операции отдельно — историей смысла и отдельно — звуковой историей слов. Но несомненно, что такое обращение с материа-

лом законно, т. е. обеспечивает правильные выводы, далеко не всегда. Наличие, например, образовавшихся по тем или другим причинам звуковых дублетов имеет обыкновенно результатом в языке, если позже не происходит исчезновения одного из дублетных слов, дифференциацию их значений: за одним словом закрепляется одно значение, за другим — развившееся в несколько отличном направлении другое. Так, для немецкого языка, в котором действовал фонетический закон Umlaut'a — смягчения известных гласных перед следующим слогом с гласными переднего ряда (ср. отношения: Buch : Bücher, Wald : Wälder), характерны остатки былых отношений в виде образовавшихся после различных выравниваний дублетов: Zunder «окалина»: Zünder «трут» (тот и другой — к zünden «зажигать); fest «прочный» : fast «почти»[1].

Такие зависимые от фонетической дифференциации позднейшие изменения значений носят название коррелятивных.

Еще важнее учет звуковой истории слов для истории значений в другом отношении. Знание фонетических законов часто дает нам в руки, во-первых, средство вместе с восстановлением древнейшего внешнего облика слова установить и смысловые ассоциации, в которых слово находилось раньше и которые оказались разорванными позже, и, во-вторых, установленные для определенных языков фонетические законы — очень надежное предостережение против всегда возможных случайных сближений между значениями, на самом деле не бывшими между собою в связи.

Стараясь, например, установить этимологию — древнейшее значение слова *пшено*, мы должны применить к нему, вместе с возможным формальным анализом, известные нам по другим словам и формам фонетические законы. В старославянском, наиболее архаичном из славянских языков, это слово звучит «пьшено». Так как обычно корень односложен, в слове естественнее всего различить части: пьш-ен-о. Звук **ш** в славянских языках может восходить по своему происхождению или к смягченному **х** или к **с** (**s**) + **j** (й); ср. отношения *дух : душа* (из *duch-ja), *пух : пушок* (из *puch-ькъ); *писать : пишет* (из *pis-je-tь), *чесать : чешет* (из *čes-je-tь). Сличение с другими индоевропейскими языками, например, с таким архаичным, как литовский, показывает, что и славянское **х** (ch) не первично, а произошло в определенных условиях (после **i**, **u**, **r**, **k**) из **с** (**s**): литов. blusà : русск. *блоха*; литов. saũsas : русск. *сух*(ой); литов. daũsos : русск. *дух*. Древнейшему славянскому гласному **ь** в других индоевропейских языках фонетически соответствует короткое **i**. Восстанавливаем, таким образом, для **пьш**- древнейшую форму в виде *pis- и ищем соответствий ей в других языках. Законы «чередований», т. е.

[1] В последнем примере распространенный в языках переход от уверенности к приблизительности.

существующих отношений звуков (фонем) в родственных по смыслу словах, позволяют предположить как очень распространенное отношение : i краткое : ī долгое: ei : oi. Находим: в литовском paisaũ[1] «толку (ячмень)», в санскрите — pistas «толченый» и под. В конечном счете, таким образом, слово *пшено* «крупа из проса» оказывается имевшим по смыслу связь с глаголом, значившим «толочь» (ср. *пихать* — этого же корня); первоначальный смысл — «толченое» (-en- — суффикс причастия страдательного залога). Сходный путь значений констатируется для персидского: имя существительное pist значит в нем теперь «мука».

В семасиологическом отношении похожа на только что описанный корень история слова *мука*. Как видно из старославянского мѫка и пол. męka, первоначально в корне слова не **у**, а носовой гласный (ǫ). Старое славянское чередование **о : е** ведет к параллельному корню — męk-. Его мы находим в славянском прилагательном: русск. *мягок* (мягкий < мякъкый) : ст.-слав. мѧкъкъ (с носовым е). Сличение с другими индоевропейскими языками укажет нам глагольный корень: литов. mìnkau «мну, мешу», англосакс. mengan, др.-сакс. mengian, др.-в.-нем. mengen «мешать», санскр. macate «раздробляет» (из *mn̥k-etai). Сходное со славянским отношение значений находим в литовском: mìnkštas «нежный; мягкий», meñkas «маленький, незначительный».

Русское слово *надменный* — по происхождению церковнославянизм. Удаляя из него хорошо известные формальные элементы, получаем корень *дм*. Что значит он? Сличение с укр. *дму* «дую» (к глаголу *дути*) и с другими сходными формами славянских языков дает возможность установить этимологию слова — оно значило первоначально «надутый». Отношение **дм** — к **ду** в *дуть* объясняется фонетически: **дм** — остаток былого корня, заключавшего между **д** и **м** еще так называемый редуцированный (очень краткий, «глухой») гласный звук, который обозначался буквой **ъ**. В положении перед согласными звуками сочетания из гласного и носового согласного (**m** или **n**) образовались особые носовые гласные; гласные заднего ряда, к которым относятся и **ъ** и чередовавшиеся с ним ǫ, ǭ, в подобном положении выступали в виде ǫ (носового **о**); ср. ст.-слав. дѫти «дуть», пол. dąć. В русском языке древнейший славянский звук ǫ перешел в **u** (у), и соответствующее слово стало звучать *дуть*. Итак, *надменный*—из надъменьный «надутый»—причастия к глаголу дъмѫ «дую»: дѫти «дуть». К этому же корню восходит относящееся к совсем другой сфере значений слово *домна* «доменная печь», засвидетельствованное в памятниках языка в виде *домница* с 1563 года; ср. выражение «задуть новую домну». Славянский корень дъм- (dъm) имеет соответствие себе в других индоевропейских языках. Ему точно соответствует по законам сравнительно-исторической фонетики

[1] Литов. ai — из древнейшего индоевропейск. *oi.

литов. dùmti «веять, сдувать»: наст. вр. изъяв. накл. dumiù (ср. производное слово dùmplės «мех»). Другая ступень чередования (соответствующая гласному **о**) отражена, например, в санскр. dhámati «дует» (в индо-иранских языках древнейшему **о** соответствует звук **а**), новоперс. dam «дыхание».

Русское слово *пестрый* имеет себе точное соответствие в виде старославянского пьстръ. Этимологию слова устанавливают путем следующих соображений. Между **с** (**з**) и **р—т** является, как показывает физиология речи, вставным (непервоначальным) звуком; ср., например, распространенное среди малограмотных людей произношение «срам» в виде *страм*; приоб-рет-у, но *вс-т-ре-т-ить*, и под. Конечное **р** основы — старый формант (суффикс), утративший свою производительность. Его былая функция еще может быть опознана в таких прилагательных, как *мокр*(ый) (ср. *мокнуть*), как *хитр*(ый) (др.-русск. хытръ), производное от глагола *хитить* (др.-русск. хытити) с первоначальными значениями «хватать; спешить» и под., *бодр*(ый) (ст.-слав. бъдръ), производное от глагола *бдеть* «бодрствовать, не спать» (ст.-слав. бъдѣти).

Корень *пьс-* находится в закономерном чередовании с *пис-* («писать»); это уясняет первоначальное значение слова, как «исписанный, исчерченный». Поскольку к чередованиям этого типа принадлежат еще «индоевр. *ej : *oj», в круг родственных этому корню слов попадают еще литов. piešti «писать, чертить» (из *pēįk-), paišas «пятно от сажи» (с **ai** из *oj); санскр. piṁçati «украшает; убирает; образует» (с вставным **m**).

Научно не подготовленные люди иногда любят этимологизировать, произвольно сближая между собою значения слов, между которыми никакой связи на самом деле никогда не было. Такого рода этимологизирование, когда из него делаются те или другие выводы исторического, этимологического и под. характера, превращается из игры, которою оно может представляться специалисту-лингвисту, в очень опасные псевдонаучные упражнения, вводящие в обиход то, что принимается за науку,—не заслуживающие никакого внимания выдумки.

К сожалению, история науки и даже совсем недавнего времени оказалась не свободной от злоупотребления псевдонаучными фантазиями в этой области. У нас они связаны с именем Н. Я. Марра и его последователями и хорошо охарактеризованы И. В. Сталиным: «Метод» Марра, по словам товарища Сталина, «толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»[1].

Знание фонетических законов славянских языков могло бы с успехом предохранить хотя бы против таких невозможных с точки зрения сравнительной грамматики сближений, как пол.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 28.

ruch, укр. рух «движение» и *рука*, сближений, на которых Марр и его последователи строили свои решительные заключения по истории первобытного общества и под. Компаративист, зная, что пол. ruch и родственные ему слова: ruszyć «трогать», укр. ру́хати «двигать» и под. имеют в корне звук **u**, а ст.-слав. рѫка, пол. ręka — носовой гласный и что его согласные **ch** и **k** не находятся друг с другом в чередовании, должен был бы категорически отклонить подобное сближение. Совершенно неправдоподобною выдумкою сведущему лингвисту должно было представляться и такое, например, объяснение слова *барсук*, которое настойчиво предлагал один из последователей Марра: будто это не заимствование из тюркских языков, как хорошо установлено в науке, а сложное слово из «бор-сук», т. е. «боровая собака». Изобретателя этой этимологии, не говоря о многом другом, не смущало, что если что-либо подобное и могло существовать в виде *borъsukъ, то по фонетическому закону украинского языка, в котором слово в виде *борсук* именно и существует, **о** в закрытом слоге такого исконного слова должно было бы перейти в **і**; ср. *віл* «вол», *вівця* из «овьца» и под.

Из сказанного ясно, что научное этимологизирование предполагает строгий учет фонетических соответствий, существующих между родственными языками. Слова, однако, могут быть схожи одно с другим по звукам и по значению, но если сходство по звукам не отвечает определенным фонетическим закономерностям, оно обычно оказывается случайным. Польское, напр., слово naczelnik значит «начальник»; «начальник» же значит чешское náčelník, тем не менее они этимологически не родственны этому русскому слову, так как последнему по законам сравнительной фонетики в польском должен был бы соответствовать не **е**, а носовой гласный (ср. русск. *на-ча-ть* и пол. za-czą-ć): русск. *начальник* — слово того же корня, что и *начало* (ср. устар. «быть под чьим-либо началом»), а польское и чешское — имеют корень, общий с русск. (архаич.) *чело*, украинским *чоло* «лоб» и т. д. (ср. укр. *стояти на чолі* «стоять во главе чего-нибудь».). Русские слова *разрядить* и *разредить* в связных текстах могут выступать как очень близкие между собою: «разрядить атмосферу» — «разредить воздух», однако, первое с его **-я-** (**а** с мягкостью предшествующего согласного) относится к группе слов с корневым *ряд-*, а второе — к корню *ред-*, сохраняющемуся в слове *редкий*. Близки друг другу по значению наречия *вперемешку* и *вперемежку*, но по происхождению они относятся к разным корням: первое связано с *мешать* (корень — *мех-*: *помеха*; йотированное х в славянских языках фонетически дает **ш**); второе — с *меж-* (*перемежаться*, ср. *межа*; **ж** в этом слове восходит к древнейшей славянской группе **d** + **j**: лат. medius «средний»).

Долгое время общеславянское слово groza (ср. русск. *гроза*) сопоставляли с литовскими grasùs «отвратительный», grasà «от-

вращение», несмотря на то, что по законам фонетических соответствий литовскому **s** не может отвечать славянское **z**. В настоящее время обнаружено точное (закономерное) соответствие: как и следовало ожидать, славянскому **z** в литовском соответствует **ž**: grąžóti «угрожать».

Такого рода методический учет не исключает, правда, иногда сомнений, не является ли, всё-таки, то или другое слово, точно фонетически соответствующее данному, на самом деле неродственным ему; например, слово *мочало* «размоченный и разобранный на волокна липовый луб» очень естественно сопоставляют с *мочить* (ср. *мочалка*; мочало, к тому же, дерут из размоченного луба), и тем не менее здесь, по-видимому, случайное совпадение: *мочало* — того же корня, что и *мычка* (корень *мък-*, чередующийся с *мыкать* «драть, разделять на волокна») «прядь волокон». Серб. *бура* «север, северный ветер» фонетически не отличается от славянских слов типа русск. *буря*, а между тем восходит, по-видимому, не к общеславянской форме, а заимствовано из итал. bora. Можно колебаться — связано ли русское слово *плотный* с *плот* «скрепленные бревна и т. д.» или с *плоть* «мясо» (ст.-слав. плъть), и под. Но, при всей возможности подобных сомнений, именно обращение к фонетическим признакам связанности или несвязанности между собою сопоставляемых слов, как показывает история языкознания, играет в высшей степени важную роль средства, ограничивающего при этимологизировании индивидуальный произвол, субъективность возможных догадок.

В области з н а ч е н и й этимологизирование предполагает учет вероятности принимаемых переходов. Эта вероятность (абсолютные, бесспорные утверждения в этой области относительно редки) базируется на наличии большего или меньшего числа аналогичных смысловых связей (переходов), констатируемых в нескольких языках (наречиях) или в разные эпохи того же самого языка (иногда — как случаи переносного употребления в языке отдельных писателей или вообще у говорящих). Можно, напр., с очень высокой степенью вероятности этимологически сближать русск. (и инославянское) *скот* с нем. Schatz (др.-верхне-нем. scaz., готск. skatts «монета, деньги», др.-северногерманск. skattr «подать; пошлина»): аналогии такой связи значений в языках многочисленны: лат. pecunia «деньги», — pecus «скот», англ. fee «гонорар, жалование, чаевые», англо-сакс. feoh «скот». В древнерусском языке *скотъ*, действительно, встречается и в нынешнем значении «деньги» (в «Русской правде»).

Слова группы *чермный*, *червоный* признаются родственными словам типа čьrmь «червь; карбункул», *червяк*, и такое сопоставление имеет за себя все вероятности фонетического, словообразовательного и семантического характера. С фонетической стороны славянской группе čьr- в других индоевропейских языках должны, по законам сравнительной грамматики, соответствовать

kr, kir и под., и это мы действительно имеем в виде др.-инд. kr̥miš «червь», новоперс. kirm «червь», литов. kirmìs «червяк». Со стороны словообразовательной в индоевропейских языках действует закон, по которому два сонорных согласных не могут вместе (рядом) заключать корень; поэтому к корню должно относиться здесь только čьr- (в других образованиях — v), а m должно быть выделено как именной словообразовательный элемент; ср. русск. *червь*, чеш. červ и т. д. Связь значений «красный» и *червь* с čьrmь объясняется исторически и имеет параллель себе в других языках: из червей Coccus ilicis и Coccus Polonicus добывалась красная (пурпурная) краска; подобные отношения отложились и в романских языках: лат. vermicilus «червячок»: итал. vermiglio «1) кошениль; 2) алый, румяный, ярко-красный», фр. vermeil «румяный, алый».

И еще один пример: славянский корень — bliz-: *близко*, *вблизи* и под. считают родственным латинскому глаголу flīgere «бить», латышск. blaizīt «сжимать; бить» (отношения консонантизма: лат. f: латыш. b: слав. b: индоевр. *bh). В качестве семантических параллелей приводят: гр. ánchi (ágchi), ánchu (agchū) «близко» : ánchō (ágchō) «душу, давлю», др.-англ. getenge «находящийся вблизи»: др.-сакс. bi-tengi «давящий»; фр. près «близко», итал. presso «близко» : лат. pressus «сдавленный».

Очень важный среди другого момент при этимологизировании — правильный учет элементов, позже утративших свое былое специальное морфологическое значение и иногда представляющихся поэтому тому, кто их наблюдает теперь, нераздельною частью корня. Знание, по крайней мере некоторых, фонетических особенностей древнейшей структуры индоевропейских корней, как она обнаруживается путем широкого сличения фактов соответствующих языков, в ряде случаев позволяет надежно отслоить былые, утратившие свою определенность морфемы слова и после такого отслоения обнаружить связь между собою смысловую и фонетическую слов, которые теперь не кажутся похожими друг на друга. Среди других особенностей древнейшего индоевропейского слова важно, например, как уже сказано, что один с другим непосредственно не сочетались так называемые сонанты (**r, l, m, n, i̯, u̯**)[1]. Поэтому, сопоставляя, например, русское слово (в основном известное и другим славянским языкам) *мил* (ср. и *мило* и др.) с литовским mielas и meilė «любовь» и заключая на основании известных фонетических соотношений между этими языками, что данные слова этимологически родственны, с чем вряд ли не захочет кто-либо согласиться и по непосредственному впечатлению, «настоящий» (т. е. древнейший) его корень заподозрим в другом виде: с *mei̯ **l** искони сочетаться не могло: **l̥**,

[1] Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (русск., пер., М.—Л., 1938), стр. 92.

таким образом, по-видимому, остаток былого омертвевшего морфологического элемента — как его легко восстановить по известным нам аналогиям, -lo-. Отслаивая его, получаем корень *mei̯ и приобретаем, следовательно, уже некоторое право сопоставлять слово *milъ «милый» с такими, как древнеинд. may-as «роскошь, радость», и под. Сходным образом рассуждаем по поводу слова ум (*umъ). Так как слав. u̯ восходит к древнейшему индоевр. *ou̯, то в сонанте m этого слова приходится видеть начало морфологического элемента, вошедшего в состав корня,— предположительно -mo-. Корневую часть (*ou̯-) в ее рефлексах находим в более независимом виде в др.-инд. avati «наблюдает (за кем-нибудь, за чем-нибудь)». Конечно, убедительность получаемых этимологий зависит еще от того, в какой мере можно непосредственным сравнением выделить в других словах предполагаемые старинные словообразовательные элементы. Ясно, например, что суффикс -lo- вероятнее (ср. греч. -lo-s, санскр. -las и под.), чем -mo-, которое можно выделить в относительно немногочисленных словах.

---

31 500

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Для критического использования)

Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, изд. пятое. I. Этимология. II. Синтаксис, М., 1881.

А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены, изд. 2, Харьков, 1888.

Его же, III. Об изменении значения и заменах существительного, Х., 1899.

Его же, IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.—Л., 1941.

А. Попов, Синтаксические исследования, Воронеж, 1881.

А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4., М., 1907.

А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, П., 1915.

Его же, Введение в курс истории русского языка, ч. I. II., 1916.

Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М. Л., 1924.

Его же, Введение в историю русского языка, часть I, Источники... Brno. 1927.

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2, М., 1938.

С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М. Л., 1946.

Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века. II, Киев, 1948.

Последний, в измененном виде, под названием «Русский литературный язык первой половины XIX века.— Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис» вышел отдельно в Москве, в 1954 году.

Л. П. Якубинский, История древнерусского языка. С предисловием и под ред. акад. В. В. Виноградова. Примечания проф. П. С. Кузнецова, М., 1953.

П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, Москва, 1953.

П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк, изд. второе, М., 1954.

И. А. Василенко, Историческая грамматика русского языка. Сборник упражнений, М., 1956.

ХРЕСТОМАТИИ.

Ф. И. Буслаев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861.

Его же, Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, 13 изд., 1917.

С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая, Л., 1938.

Их же, Часть вторая, вып. второй, М., 1948.

Их же, Часть вторая, вып. первый, М., 1950.

Н. К. Гудзий, Хрестоматия по др.-рус. лит. XI—XVII вв., М., 1952.

Из важных собраний материала могут быть названы:

Акты, относящиеся до юридического быта древней России, под. ред. Н. Калачова, I—1857 г., II—1864 г., III—1884 г.

Архив П. М. Строева. Том I, 1915 г., том II—1917.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— Подготовил к печати Л. В. Черепнин.— Изд. Акад. наук СССР, М.— Л., 1950 г.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова.— Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская под ред. С. Н. Валка.— Изд. Акад. наук СССР, М.— Л., 1949 г.

Памятники русского права. Выпуск первый. Под ред. заслуж. деятеля науки проф. С. В. Юшкова.— Памятники права Киевского государства X—XII вв.— Составитель доцент А. А. Зимин, М., 1952.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Л.—М., 1950.

Судебники XV—XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Издат. АН СССР, М.—Л., 1952.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв.—Статейные списки, издат. АН СССР, М. — Л., 1954.— Ответ. редактор член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев.

Объем книги не позволяет назвать всей научной литературы, особенно— очень многочисленных авторефератов диссертаций, и в то же время жаль было бы не указать на то, чем можно воспользоваться для более углубленного изучения затронутых в книге вопросов истории русского языка. Называем поэтому две очень содержательные, хотя относительно мало известные, брошюры, обеспечивающие полноту соответствующей библиографии в послевоенное время: В. И. Борковский. Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы) и В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка в последнее десятилетие в СССР. Та и другая выпущены как «Доклады советской делегации на международном совещании славяноведов в Белграде».— Изд. Ан СССР, М., 1955 г.

НУЖДАЮЩИЕСЯ В ОБЪЯСНЕНИИ СОКРАЩЕНИЯ.

Аввак.— Тексты, изданные при исследовании А. К. Бороздина— Протопоп Аввакум. Изд. 2. 1900 г.— Ср.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. Изд. Academia. 1934 г. Исследования: В. В. Виноградов. О задачах стилистики, «Русская речь». I, 1923; П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник сев.-великорусск. речи XVII стол.,— «Труды Иркутск. госуд. унив.», XII, 1927.

Акты Арх. эксп.— Акты, собранные Археографической экспедицией Акад. наук. СПБ, 1836 и сл.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков.

Часть первая. Подготовил к печати Л. В. Черепнин, М., 1951.

Акты юр.— Юридические акты, изданные Археографическою комиссиею — 1838 г.— Выписки, осносящиеся к числительным, см. в статье В. Г. Егорова — Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв., «Филологич. записки», LVI, вып. II—III, 1916, стр. 189—236.

Алф.— Алфавит, XVII в.

Архив П. М. Строева.

Arch. f. slav. Phil.—Archiv für slavische Philologie.

Ассем ев. — Ассеманиево евангелие, глаголический памятник древнеславянского языка XI в.

Berneker. Slav. etym. Wörterbuch. — Slavisches etymologisches Wörterbuch, 1908 и посл.

Богдан. — И. Ф. Богданович (1743—1803).

Болот. — «Жизнь и приключения Андрея Болотова...» (А. Т. Болотов, 1738—1833), 4 т. СПБ. 1870—1874 гг. — Изд. Academia, 1931 г., 3 тома. Выдержки в «Русск. литер. XVIII в.» А. Алферова и А. Грузинского.

Больш. чертеж. — Из книги глаголемой Большой чертеж, 1626 г. По изд. Спасского 1846 г. Бусл.[1], стр. 1055—1072.

Новейшее издание — «Книга большому чертежу», подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, изд. Акад. наук СССР, М. Л., 1950.

Бусл.[1] — Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков, М., 1861.

Бусл. [2] — Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и словарем. Изд. 7. М. 1898 г. — 9 изд. 1912 г. просмотрено и исправлено А. Соболевским. Последнее, дополненное Соболевским издание — 13-ое, 1917 г.

Бусл. — Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка.

Ведомости 1702 (1703) г. — «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1703, от генваря, а окончены декабрем сего года».

Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Груз. и др.

Изд. Моск. Синод. типографии, 1903—1906 г. Ср. К. Харлампович, «Ведомости Московского государства» 1702 г., — «Изв. Отд. русск. яз. и слов.», т. XXIII, 1921 г.

Воззвание московских людей. — Приложение к «Отписке нижегородцев к вологжанам», Бусл.[1], стр. 992—995.

Востоков — А. Востоков. Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, изд. 12, СПБ, 1874 г. Первое изд. — 1831.

Выходы — Из «Выходов» царей Михаила, Алексея и Федора по изд. Строева 1844 г. Бусл.[1], стр. 1171—1174.

Грам. — грамота.

Грам. Пожар. — Из грамоты воеводы кн. Пожарского из Ярославля к вычегодцам, 1612 г. По Акт. Арх. ком. воспроизвед. Бусл.[1], стр. 995—999.

Греч. — Н. Греч, Практическая грамматика, СПБ, 1827.

Гриб. — А. С. Грибоедов (1795—1829).

Дан. Заточн. — Даниил Заточник. Бусл.[1] и др. Ср. Н. Зарубин, «Слово... по редакц. XII и XIII вв. и их переделкам», Л., 1932.

Дан. Иг. «Странник» («Паломник») игумена Даниила — цит. Срезн. Написан в конце XI или начале XII в. Списки XV и XVI вв. Выдержки в хрестом. Буслаева и Н. К. Гудзия, Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв.

Данил. — «Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные в 1771 г.». Изд. П. Строева, М., 1842 г. Повторены в «Русск. архиве» 1888 г. Выдержки в хрест. Алф. и Груз.

Двин. гр. — Двинские грамоты, Ср.: А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., СПБ, 1903 г.

Дела Тайн. приказа — Дела Тайного приказа, СПБ, кн. 1—1907, кн. 2—1908, кн. 3—1904 г.

Дело Ник. — Дело о патриархе Никоне, Изд. Археографич. комиссии. СПб. 1897 г.

Дельбрюк, Grundriss. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. III. B. Delbrück. Vergleichende Syntax, Strassburg, 3 тома; 1893, 1897, 1900.

Держ. — Г. Р. Державин (1743—1816).

Дмитр. — И. И. Дмитриев (1760—1837).

И. Долгор. — кн. И. М. Долгорукий (1764—1823).

Домострой — Домострой по Коншинскому спнску и подобным. К изданию приготовил А. Орлов, М., 1908 («Чтения в Общ. истор. и древн. российских»). Выдержки см. Бусл.[1], 817—857 и др.— О языке см. С. Д. Никифоров «Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку»,— Учен. зап. Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина; XLII, каф. русск. яз., 1947, стр. 15—79.

Донск. дела. — Донские дела. Кн. 1 — СПБ, 1898, кн. 2 — СПБ, 1906, кн. 3 — СПБ, 1909, кн. 4 — СПБ, 1913.

Драк. — Повесть о Дракуле, по тексту XV в. с дополн. из рукоп. XVII в. Бусл.[7] стр. 211—217. Ср.: А. Д. Седельников, Литературная история повести о Дракуле, «Изв. по русск. яз. и слов.», II (1929 г.), стр. 621—659. Текст—652—659. Переиздан в хрест. Гудзия.

Дух. Дмитр. Донск. — Духовные в. кн. Дмитрия Ивановича до 1378 и 1389 гг. Изд. в «Собр. госуд. грамот и договоров». Ср.: П. Г. Стрелков, О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в.,— Сборн. общ. и истор., философск. и соц. наук при Пермск. унив. Вып. II, 1927.

Дух. в. кн. Сем. Ив. — Духовные в. кн. Семена Ивановича, 1353 г. Изд. в «Собр. госуд. грамот и договоров». Воспроизведена фотографически в изд. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого «Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в.» Ср. исследование Стрелкова.

Дух. Ив. Кал. — Духовная в. кн. Ивана Калиты. 1327—1328 г. «Собр. госуд. грам. н дог.» Ср. исследов. Стрелкова.

Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г. — Духовная грамота княг. Юлианы, жены кн. Василия Борис. Волоцкого, около 1503 г. (в списке). Собр. госуд. грам., т. I, № 131,— Срезн.

Дух. кн. Дм. Ив. — Духовная кн. Дмитрия Ивановича, 1509 г.

Дух. Остаф. ок. 1396. — Духовная новгородца Остафия. По «Актам юрид. быт.», том I, № 84— Срезн.

Екат. — Екатерина II (1729—1796).

Задонщ. — Сводный текст по двум спискам XV и XVII вв. Бусл.[7], стр. 189—202. Бусл.[1], стр, 1311—1334. Ср. П. Симони, Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. Выпуск III. Задонщина по спискам XV—XVIII столетий. Задонщина в кн. госп Димитрия Ивановича и брата его кн. Володимира Андреевича по Кирилло-Белоз. списку 1470 г. Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук. Том C, № 2, 1922, н С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПБ. 1906 г. По последнему текст напечатан в хрест. Гудзия, стр. 174—181.

Ср. и В. Ф. Ржига — «Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)» с приложением текста... и 28 снимков с текста по рукописям Гос. истор. музея XVI в.,— Учен. зап. Моск. гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина, XLIII, 1947 г.

Зап. Григ. — Записи онежских былин А. Д. Григорьева.

Зап. Н. Б. Долгорукой. — Записки Н. Б. Долгорукой (Долгоруковой). 1767 г.— «Памятные записки... Долгоруковой» (полный текст, с предисловием и примечаниями издат.). «Русский архив». 1867 г. I. Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Грузинского и др.

Зап. Неплюева — Записки И. И. Неплюева. «Русск. арх.» 1871, №№ 7 и 8. Новое полное издание с примеч. СПБ, 1893 г. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского и др.

Зограф. ев. — Зографское евангелие, глаголический памятник старославянского языка XI в. Издано Ягичем в кириллической транскрипции: Quattuor Evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus, 1879.

Indogerm. Forsch. — Indogermanische Forschungen.

Инстр. дворец. — Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях... XVIII в.— Памятники древней письменности, XV, 1881 г.

Ипат. сп. летоп. — Летопись по Ипатьевскому списку около 1425 г. Изд. А. А. Шахматовым как 2 том «Полн. собран. русских летописей» в 1908 г. 1-ый выпуск нового издания вышел в 1923 г.

Ист. гос. Рос. (И. Г. Р.) — «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Ист. об Азовск. сид. — История об Азовском осадном сидении донских казаков. Сводный текст по двум рукописям XVII в. подробной редакции с некоторыми дополнениями из редакции краткой. Бусл.[7], стр. 281—298. Ср. А. С. Орлов. «Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.)», М., 1906. По списку второй половины XVII в.— в хрестом. Гудзия.

Истор. о рос. двор. Фр. Скобееве — «История о российском дворянине Фроле Скобееве».— В. Сиповский, Русские повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905 г.

Истр. — Е. С. Истрина.

Кал. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России... под редакцией Н. Калачова. I—1857 г., II—1864 г., III—1884 г.

Кант. — кн. А. Д. Кантемир (1708—1744).

Карамз. — Н. М. Карамзин (1766—1826).

Кн. о ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.

Княж. — Я. Б. Княжнин (1742—1791).

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича сочинение Григория Котошихина. Изд. 4, СПБ, 1906.— Указываются страницы издания.

Крыл. — И. А. Крылов (1769—1844).

Куранты. — «Переводы с печатных листов от курантов» 1665 г., листики голландской газеты в русском переводе (иначе — письменные листы, вестовые письма). Изд. по рукописи Забелина Бусл.[1], стр. 1143—1146. Ср. «Чтения Общ. истор. и древн. росс.», 1880, II и «Летоп занят. Археограф. комисс.», вып. IV.

Лавр. лет. и **Лавр. спис. летоп.** — Лаврентьевский список летописи 1377 г. Последнее (4-е) издание в 1926—1927 г. в «Полном собрании русских летописей», под редакцией Е. Ф. Карского.

Лавр. спис. Сузд. лет. — Часть Лаврентьевского списка, излагающая историю Суздальской Руси с 1111 до 1305 года. См.: Лавр. летопись, том первый, вып. 2— Суздальская летопись по Лаврент. списку. Л. 1927. Ср. и вып. 3— Продолжение Сузд. летописи по Акад. списку, изд. 2, 1928. Язык описан В. И. Борковским в «Трудах Комиссии по русскому языку», 1931 г., т. 1.

Лечебн. — Лечебник XVII в. Бусл.[1], стр. 1351—1356.

Ломон. — М. В. Ломоносов (1711—1765)... Рос. грам.— Российская грамматика. Цитир. по изд. 1755 г. Ср. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Акад. наук, том IV, СПб, 1898 г., стр. 27—224.

В. Майков. Елис. — «Елисей, или раздраженный Вакх» Василия Ив. Майкова (1728—1778).

А. Матв. — Андрей Артамонович Матвеев (1666—1728). «7208 генваря в 25 д. записная книга всяким ведомостям, что с каких известий с приезду своего в Гравенагу сего же генваря... писал к великому государю к Москве тайно своею рукою...» (1700—1702). Отрывки в «Ист. хрест.», 1, Галахова, «Русск. литер. XVIII в.» Алф. и Груз.

Мат. пут. Ив. Петлина. — Материалы, относящиеся к путешествию в Монголию и Китай Ивана Петлина в 1618 г.— Ф. И. Покровский; Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук», 1913 г., том XVIII, кн. 4, 1914, стр. 257—304.

Мат. Раз. — Материалы для истории возмущения Ст. Разина, собр. А. Поповым, М., 1857.

Межев. 1631. — Из Межевой (писцовой) выписи на поместье казанского жильца Девятого-Змеева. По изд. Акт. юрид. 1838 г. Бусл.[1], стр. 1075—1078.

Mikl. Lex. palaeoslov. — F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Мстисл. грам. ок. 1130 г. — Грамота в кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, между 1128—1132 г. Снимок в приложении к «Древним памятн. русского письма и языка» И. Срезневского, 1866. Воспроизводилась в «Славянской хрестоматии» Г. Воскресенского, I., М., 1882 и в позднейших хрестоматиях.

Нест. жит. Феод. — «Житие... Феодосия, игумена печерьского», написанное Нестором до 1093 г.— Изд. О. Бодянским по списку XII в.— Чтения общ. древн. 1858 г., кн. III.— Исслед. А. М. Лукьяненка — О языке Несторова Жития... Феодосия Печерского. «Русск. филол. вестник», LVIII.

Новик. — Н. И. Новиков (1744—1818).

Новг. IV лет. — Новгородская IV летопись — Полн. собр. русск. летоп., т. IV — Выписки Срезн.

Никон. лет., 1453. —Русская летопись по Никонову списку.—Выписки Срезн.

Обнорск. — С. П. Обнорский.

Озер. — В. А. Озеров (1769—1816).

Опись имущ. ц. Ив. Вас. — Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов. «Временник Моск. Общ. ист. и древн. росс.» VII — Срезн.

Ор. Бор. Год. 1589. — Оружие и ратный доспех ц. Бориса Федоровича Годунова. По рукоп. Архива Оружейной палаты № 678 — Савваитов.— Срезн.

Остр. ев. — Остромирово евангелие. Новгородский список старославянского текста, 1056—1057 г. Фотолитогр. изд. (2-е) 1889 г. Исследования языка: М. Козловского, Исследование о языке Остром. ев., 1885 г., В. Щепкина и А. Шахматова, Особенности языка Остром. ев., в приложении к переводу старослав. грамматики Лескина —1890 г., Н. Каринского.— Остром. ев. как памятник русского языка. «Журн. М. Н. П.» 1903 г. № 5, Ф. Фортунатова — Состав. Остром. ев., «Сборн. статей, посв. Ламанскому», II, 1908.

Отписка нижегородцев к вологж. — Отписка нижегородцев к вологжанам о походе Прокопия Ляпунова к Москве 1611 г. Воспроизведена по Акт. Арх. экспед. Бусл.[1], стр. 989—995.

Отч. Я. Молвян. — Из отчета посла Якова Молвянинова о посольстве его от Ивана Грозного к папе Григорию XIII в 1582 г. По изд. в «Памятн. дипломатических сношений древней России с державами иностранными» Бусл.[1], стр. 886—891.

Пам. Смутн. врем. — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.— Изд. второе. СПБ. 1909. Изд. 3-е. РИБ, т. XIII, 1925 г. Ср. выдержки в хрест. Гудзия.

Парем. 1271 г. — Паремейник.

Песни Дж. — Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—20 гг. Памятн. старинного русс. языка и словесн. XV—XVIII столетий. Вып. II, 1. Изд. П. Симони, СПБ, 1907 г.— Хрест. Бусл.[1] и поздн.

Пис. в. кн. Вас. Иоанн. — Письма вел. князя Василия Ивановича жене его Елене 1526—1530 и 1530—1532 гг. По изд. Археографич. комиссии в Письм. русск. госуд. I. 1848 г. Бусл.[1], 753—756.

Пис. и бум. П. I — Письма и бумаги императора Петра Великого под редакц. А. Ф. Бычкова. 4 тома, СПБ, 1887—1900.— Отдельные письма в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Груз. и др.

Писц. кн. Обон. пят. — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. Ак. наук СССР. Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР, Л., 1930.

Плат. цар. Евд. — Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 г. по рукописи Архива Оруж. палаты № 679, опис. П. Савваитовым 1865 г.,— Срезн.

Пов. вр. л. — Повесть временных лет. «Се повести временьных лет, откуда есть пошла Руськая земля, кто в Кыеве поча первее княжити, и откуда Руськая земля стала есть». Составлена в начале второго десятилетия XII века. Важнейшие списки — Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский конца XIV или начала XV в. Лаврент. список — Полное собр. русск. летоп., том I, изд. 2, 1926—1927 гг.; Ипатьевск.— Полное собр. русск. летоп., том II, изд. 3, 1923 г.

А. А. Шахматов, Повесть временных лет, том I, Вводная часть. Текст. Примечания. П., 1916.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершове сыне Щетинникове XVII в.— Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Историко-литературная хрестоматия. Часть II. Древняя письменность. XI—XVII в., 1916 г., стр. 354—357. Ср. хрест. Гудзия, стр. 453—455.

Погод. Прол. XIV в. Погодинский Пролог.

Погод. сборн. XV—XVI стол. — Погодинский сборник.

Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон. — Из Послания Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме с братиею, около 1578 г. Бусл.[1], 849—856. Цитир. с нумерацией Бусл.[7], 262—268.

Посл. Иоанна Гр. Курбск. — Из Послания царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому против его, князя Андрея, письма, что он писал из града Волмера 1564 г.— Бусл.[7], 256—261. Ср. «Сочинения князя Курбского», т. I, под редакц. Г. З. Кунцевича. Акад. наук. 1914 г., по спискам XVII в.

Новейшее издание — «Послания Ивана Грозного»,— подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, изд. Акад. наук СССР, М.–Л., 1951, стр. 162—192.— Перепечатаны в хрест. Гудзия и др.

Потеб. — А. А. Потебня (1835—1891).

Похв. Онуфр. Мин. чет., июнь — Слово похвальное Онуфрию из Минеи четии июньской по списку XV—XVI в.,— Срезн.

Пр. вр. — «Праздное время, для пользы препровожденное», журн. XVIII в.

Прав. гр. 1465—1482 и 1552 г.— Правые грамоты.

Преображ. Этим. слов. — А. М. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, 14 выпусков 1910 г. и дал.

Окончание с значительными лакунами — в «Трудах Института русского языка» Академии наук СССР, I, 1949 г., стр. 5—144.

Приклон. — Энциклопедия, или собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту и с французского языка на российской переведенная коллежским асессором Иваном Приклонским, М., 1763.

Пск. I. Псковская первая летопись — Полн. собр. русских летописей, IV, 1848.

Пск. суд. грам. 1397—1467. — Псковская судная грамота. Изд. Археографич. комиссии, СПБ, 1914.

Путеш. П. Толст. — «Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа от 7205 года января 11-го дня» (1697). Изд. в «Русск. арх.» 1888 г., №№ 2—8. Отрывки в «Русск. литер. XVIII в.» Алф. и Груз.

Радищев — А. Н Радищев (1749—1802). Цитир. по «А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву». Школьн. библиотека классиков. Л.—М. 1933. Ср.: изд. Academia, 1936 г., т. II, с комментариями по воспроизведенному фотолитографски первому изданию, и изд. Акад. наук СССР — А. Н. Радищев, Полн. собран. сочинений, I, М.— Л. 1938, II, 1941.

Разр. кн. — Разрядные книги Московского государства XVI—XVII вв. Изд.— Дворцовые разряды, т. I—IV, 1850—1855, Книги разрядные, т. I—II, 1853 и 1855, «Чтения в Общ. истор. и древн. росс.», 1902, вып. 1, 2, 1907, 2, 3.

РЛЯ пп. XIX в. — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века., М., 1954.

Розыскные дела о Фед. Шакловит. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. комис., т. I—1884 г., т. II—1885 г., т. III—1888 г., т. IV—1893 г.

Рук. новг. Клим. до 1270 г. — Рукописанье новгородца Климента.— Срезн.

Русская Пр. — Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку (1282 г.). Л., 1930. Ср.: С. П. Обнорский, Русская правда как памятник русского литературного языка. Изв. Акад. наук СССР, 1934 г., стр. 749—776) и его же, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.— Л., 1946, стр. 9—31.

Ряз. Корм. 1284 г. — Рязанская Кормчая 1284 г.

Савв. ки. — Саввина книга, писанный кириллицею старославянский памятник XI в. Изд. В. Щепкиным в 1903 г. Исследование языка — В. Щепкина: Рассуждение о языке Саввиной книги, СПБ, 1899 г.

Сб. Ак. наук. — Сборник Отделения русского языка и словесн. Академии наук.

Сб. Хилк. — Сборник кн. Хилкова, П., 1879.

Синайский требник — Синайский требник, глаголический старославянский памятник XI в. Изд. Geitler'a, Zagreb, 1882 г.

Синод. сп. лет. — Синодальный список I Новгородской летописи (конец XII — серед. XIV в.). Издан. Археограф. комиссией в «Полном собрании русских летописей», т. III. Ср. изд. 1888 г. — Исследования: Б. М. Ляпунов, Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи; Е. Истрина, Синтаксические явления Синод. списка I Новгор. летописи. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», XXIV, кн. 2 (1919), 1923 г.

Сказ. о Магм.-салт. — «Сказание о Магмете-салтане» Ивана Пересветова средины XVI века. — Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Истор.-литературн. хрестоматия. Часть II, М., 1916, стр. 217—219. Ср. В. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., М., 1908 г. и хрестом. Гудзия, стр. 189—194.

Сказ. о Пск. взятии. — Сказание о Псковском взятии. «Псковское взятие, како взят его князь великий Василий Ивановичь». Из Псковской летописи по изд. Археографическ. Комиссии, т. IV, Бусл.[7], 953—960. Цитир. по Бусл.[7], 217—223. Ср. хрест. Гудзия, стр. 185—188.

Смирн. — Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. Ак. наук, 88, СПБ, 1910.

Собол. — А. И. Соболевский (1856—1929).

«Созерц. краткое» С. Медв. — Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеяся во гражданстве. С предисловием и примечаниями Александра Прозоровского, М., 1894.

Соф. Врем. — «Софийский временник», т. е. летопись Новгородской св. Софии, по рук. Публ. библ. XV—XVI в., изд. П. Строевым, М., 1820—1821. Отрывки воспроизведены Бусл.[1], 963—972.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—СПБ, 1893 г., т. II—1902, т. III—1903. Дополн. 1912 г.

Стар. Сборник. — П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX стол. Вып. первый, I—II, СПБ, 1899.

Стоглав. — Из Стоглавника, или Стоглава XVI в. по рукописи XVII в. Бусл.[1], стр. 803—816. — Стоглав (изд. 2, Казань, 1887). См. и Н. И. Субботин, Царские вопросы и соборные ответы, М., 1890 г.

Строев. — Архив П. М. Строева, т. I—П. 1915, т. II—П. 1917.

Судебники 1497 и 1550 г. — Судебники Иоанна III и Иоанна IV. Текст с указателем напечатан проф. М. Клочковым, Харьк., 1915.

Судебник 1589 г. — А. И. Андреев, Судебник 1589 г. и его списки. «Изв. Рос. Акад. наук», 1924 г., 207—224.

Судное дело о табаке. — Из судного дела о табаке 1680 г. по Акт. юрид. 1838 г. — Бусл.[1], стр. 1213—1215.

Сумар. — А. П. Сумароков (1718—1777).

Супрасл. рук. — Супрасльская рукопись, памятник старославянского языка XI в. Изд. Северьяновым в «Памятниках старославянского языка», II, 1, СПБ, 1904.

Тамож. Весьег. гр. 1563 г. — Таможенная весьегонская грамота в списке. 1666 г., «Акты Арх. экспед.», т. I, № 298, — Срезн.

Татищев. — В. Н. Татищев (1686—1750). «История Российская с самых древнейших времен, неусыпным трудом через тридцать лет собранная и описанная покойным, т. е. астраханским губернатором В. Н. Татищевым». Кн. I в двух частях, М., 1768—1769 г., II—М. 1773, III—М. 1774, IV—СПБ, 1784, V—в «Чтениях в Обществе истории и древн. российских», кн. 4, 5 и 9 (1847—1848). Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Грузинск. и др.

Тред. — В. К. Тредиаковский (1703—1769).

Улож. 1649 г.— Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.— «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится...» Изд. 10-ое. СПБ, 1820 г. Перепечатано из Полного собрания законов. Госуд. типография, 1913 (без ударений) — Отрывки — Бусл.[1]. стр. 1102—1110; Хрест. Обнор.— Бархуд., I, стр. 203—212.

Урядн.— Урядник Сокольничья пути. Воспроизведен в издании «Собрание писем царя Алексея Михайловича»... издал Петр Бартенев, Текст и примечания, стр. 87—146. Отрывки по изд. Новикова в «Древн. российск. вивлиофике» и объясн. Бусл.[1], стр. 1263—1282. Цитир. по Бусл.[7], стр. 313—325.

Фонв.— Д. И. Фонвизин (1745—1792).

VREW.— Vasmer, Russisches etymologischer Wörterbuch.

Хераск.— М. М. Херасков (1733—1807).

Хож. Афан. Никит.— «Хожение» Афанасия Никитина, под 1475 г. в «Софийском временнике». Выдержки Бусл.[1], 966—968. Ср. Полное собрание русских летописей, том VI, стр. 357 и дал. Новейшее издание под. ред. ак. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Андриановой-Перетц — 1948 г. Описание языка—Р. Терегуловой в «Ученых записках Тамб. гос. педаг. инст.», I, 1941.

Хожд. Стеф. Новгор.— Хожение Стефана Новгородца, средины XIV стол. Текст и исследование: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы, Л., 1934.

Хожд. на Вост. Котова.— Хождение на Восток Ф. А. Котова в 1624 г. М. П-ий. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в., «Изв. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук», 1907 г., том XII, кн. I, стр. 67—125.

Хоз. Мороз.— Хозяйство боярина Б. И. Морозова,— Материалы, напечатанные в издании Акад. наук СССР — Труды Истор.-археограф. института, т. VIII. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Вып. 1. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Часть I. Л. 1933 г. Часть II. М.— Л., 1936 г.

Царств. лет. XVI в.— Летописец царственный, содержащий Российскую историю от 6622/1114 года, то есть от начала царствования в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха до 6980/1472 г., то есть до покорения Новгорода 1772 г.

Zeitsch. f. slav. Phil.— Zeitschrift für slavische Philologie.

Чуд. Нов. зав.— Чудовский Новый завет. XIV в. Изд. в снимке М., 1892 г.

Чулк.— М. Д. Чулков (1734—1792).

Шпаков.— А. Я. Шпаков, Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Приложения. Часть вторая, Од. 1912.

Шуйские акты— Акты, изданные в дополнении к описанию города Шуи Борисовым.— Бусл., Истор. грам.

Шут. челоб. XVII в.— Шуточная челобитная Бусл.[1] 1447—1448.

Юности честн. зерц.— Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. 1719. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского, Сиповского и др.

Яг.— И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПБ, 1889.

Ярл. Мен. Тим.— Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г. (в списке). Собр. госуд. грам., т. II, № 2,— Срезн.

Ярл. Тайд. 1351 г.— Ярлык царицы Тайдулы митр. Феогносту (в списке). Собр. госуд. грам., т. II, № 9,— Срезн.

ADDENDA ET CORRIGENDA

К стр. 20 за словами «. . . веци скоротишася человеком.

Перед последним абзацем.

Видимо, старый образ — выражение из поэтического фонда древней дружинной Руси находим у писателя второй половини XVI века — профессионального воина Ивана Пересветова: «. . .а мир как может крепок быти, коли щита не разщипил и копия не преломил в недрузех?» (Сокращ. извод неполной ред. по Погодинск. 1 списку, 70 об.). Ср. менее ясную в «Слове о полку Игор.» фразу: «Хощу бо, рече, копие приломити конец поля Половецкаго». . . , становящуюся вполне понятной при сопоставлении с выражением, дошедшим до нас в развернутом виде в сочинении Пересветова.

К стр. 31 — 40. Новейшие справки к материалу, освещенному в § 3, см. VREW.

К стр. 73. В прошлом (1956) году исследование Герты Гюттль-Уорт вышло в Вене отдельной большой книгой под названием «Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert». — Положения автора хорошо документированы.

К стр. 83. За словами в 14-ой строчке «отпадению или выпадению» следует добавить сноску:

При этом есть серьезные основания думать, что редуцированные гласные в XI веке еще существовали, — В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в., — Труды Института языкознания АН СССР, II, 1953 г., стр. 199 и сл.

К стр. 97. Подробности см. VREW, I, стр. 655 — 656.

К стр. 138 — 143. Дополнительно к сказанному можно заметить еще, что форма множ. числа *тагана* в «Домострое» не очень надежна, поскольку конечное **а** здесь могло быть опискою под влиянием двух предшествующих **а**.

К стр, 149, 8 строка сверху. Нередки формы на **-цей** и в памятниках. Ср., например, в «Ист. о вел. князе Московском» А. Курбского (46 об.): «. . . не пребыли в том дву *месяцей*».

К стр. 200 — 202. Подробности, относящиеся к происхождению слова **сорок**, и специальные замечания о том, что оно не восходит к греческому, см. VREW, I, стр. 608 — 609.

К стр. 207. К сноске 2. См. также важную статью на сербском языке Ал. Белича — «О синтаксичком индикативу и «релативу», — Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, Краков, 1928, стр. 47 — 55.

К стр. 211, к сноске. Тщательно собрав диалектный материал, относящийся к формам 3 лица ед. и множ. числа настоящего (будущего) времени, С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 117—137, допускает, говоря о встречающихся в говорах формах 3 лица и единственного и множественного числа, что их окончания -то и -та, чередующиеся с нулевым окончанием (идёто : идё и под.), возникли путем слияния формы без окончания с формой члена -то (стр. 136). Менее удовлетворяет сходная формулировка П. С. Кузнецова, Истор. грамм. русск. яз., Морфология, 1953, стр. 277 — 278, будто окончание типа *идето* (*идета*) указывает «на возможность развития соответствующих форм на базе форм без окончания путем присоединения указательного местоимения не только мужского рода».

— Из новейшей литературы см. и Ю. Ф. Мацкевич, Некаторыя формы дзеяслова на матэрыялах дыялекталагічнага атласа беларускай мовы, — Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР, I, 1954, стр. 60 и след.

Стр. 234. Примечание-сноска к § 31 в конце его.

1) Из новейшей литературы по вопросу о путях развития русских видовых отношений и их внешних примет см. П. С. Кузнецов — «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка», — Труды Инст. языкозн. АН СССР, II, 1953, стр. 220 — 256, и его же, Истор. грамм. русск. яз, Морф., М., 1953, стр. 209 — 230. — Ср. и реценз. Ан. Мировича, Kwartalnik Inst. Polsko-Radzicck. 4 (9), Warsz., 1954, стр. 228 — 230.

Второе примечание-сноска к § 31, стр. 234.

— Для сличения русской видовой системы со старославянской см. А. Вайан, Руководство по старослав. языку, — русский перев. с франц., М., 1952, глава XV, и очень подробную характеристику старославянской в книге Антонина Достала на чешском языке — Studie o vidovém systému v staroslověnštině, Praha, 1954.

К стр. 261. Первый абзац. Замечание о полабском ударении следует снять, поскольку новое рассмотрение вопроса о нем Е (Г) Куриловича (Jerzy Kuryłowicz) в сборнике «Studia z filologji Polskiej i Słowiańskiej», I, Варшава, 1955, заставляет переоценить теперь многие утвердившиеся положения.

К стр. 264, после 2-го абзаца. С большой выразительностью сличение русского акцентологического материала XVI и XVII веков с нынешним обнаруживает изживание такого характерного явления уже «праславянской» древности, как упомянутый перенос у имен существительных, первый слог которых был циркумфлексовый или краткостный по происхождению, ударения с этого слога на гласный управлявшего формою соответствующего слова предлога. Иллюстрирующий это явление обильный древнерусский материал собран, например, в книгах: А. С. Орлова «Домострой по Коншинскому списку и подобным, М., 1908», глава III-я, стр. 89 — 90; Л. Л. Васильева «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII веков», Л., 1929 г., § 24; П. Я. Черных — «Уложение 1649 года», М., 1953, стр. 299 — 300; норвежского ученого Хр. Станга — «La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», 1647», Oslo, 1952.

Материал из диалектов приведен в книге С. П. Обнорского — «Именное склонение в современном русском языке. Выпуск I. Единственное число», Л., 1927, стр. 310 — 319.

К стр. 287. К 3-му абзацу. Но довольно отчетлива тенденция — отдавать у основ, являющихся в инфинитиве четырехсложными, предпочтение ударению на -и-.

К стр. 300. К сноске. Следует, впрочем, учитывать и те условия в самом живом синтаксисе русского языка, которые могли благоприятствовать появлению или распространению в нем страдательной конструкции с предлогом от. Толчок в этом направлении мог идти от различных словосочетаний, несколько родственных по смыслу, вроде: «. . . и он ту гибель подымет без суда и без исправы, а еще *от меня* тому быти в казни» (Жалов. грам. в кн. Вас. Васил. митрополиту Ионе, 1448 — 1461 гг.). *Послан от кого* первоначально могло обозначать только направление действия в отношении лица, прямо этого действия не совершающего, но являющегося его источником.

К стр. 306. Сноска к 1 абзацу. Изредка у писателей XVIII века встречается плеонастическое сочетание предлогов **для** и **ради** в виде **для́ ради** с ударением на первом: *Я для́ ради* ево готова умереть (Сумар., Ярополк и Демиза)... И *для́ ради* сево велела... Привесть его к себе Под видом дела (Аблесимов, Быль, 5).

К стр, 386. Перед сносками. К архаичным способам выражения условности относится и употребление **ли** в случаях вроде: [И] положаху пред ним хлеб, възмяше его, но *ли* вложити в руце ему (Лавр. спис. летоп., под 6582 годом) = «и клали перед ним хлеб, и брал он его, только если его

вкладывали» (буквальио — «вложить») ему в руки. Обращает иа себя при этом выражение сказуемого при помощи иифинитива.

К 413. *К примечанию.* Более иовый обзор литературы вопроса в VREW, II, стр. I.

К *стр.* 414. Сиоска к 4-му абзацу. Некоторые подробности о частице чай из чаю и о других этого рода из 1 лица ед. числа см. в книге С. П. *Обнорского*, Очерки по морф. русск. глагола, стр. 116.

К *стр.* 420 5-а. В ранием древнерусском языке изредка возможио употреблеиие отчеств перед именами: Бежа Игоревичь Давыд с Володаремь Ростиславичемь месяца мая 18 деиь ... (Лавр. спис. летоп. под 6589 годом).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

> «...«материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновеиие и постепеииое развитие, а это иевозможио, если оставлять без виимаиия, во-первых, его собствеиные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».
>
> Фр. Энгельс, «Анти-Дюринг», 1950, стр. 303.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 4-МУ ИЗДАНИЮ.

Задача предлагаемой части курса и в новом, переработанном, издании та же, что и в предшествующих, когда она представляла собой отдельную книгу,— дать в руки студента филологического факультета дополняющее лекции пособие, которое, во-первых, помогло бы ему сознательно отнестись к языковой стороне изучаемых памятников литературной русской речи, во-вторых, дало бы исторический комментарий к фактам современного литературного языка, вне истории его непонятным, неясным и вообще выигрывающим в перспективности и ясности при привлечении соответствующего исторического материала.

Автор думает, что книга ...

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страи.	Строка	Напечатано	Следует читать
114	3 сиизу	съльатъ	сълѭтъ
209	21 сверху	resǭ	rěsǭ
290	6 сиизу	bradǭ	bradǫ
291	22 сверху	rybar	rybaŕ
451	21 сверху	Д. Е. (сло-весьма)	Д. Т. (сло-весьма)

... осветить в историческом аспекте соответственные славянские (рус-